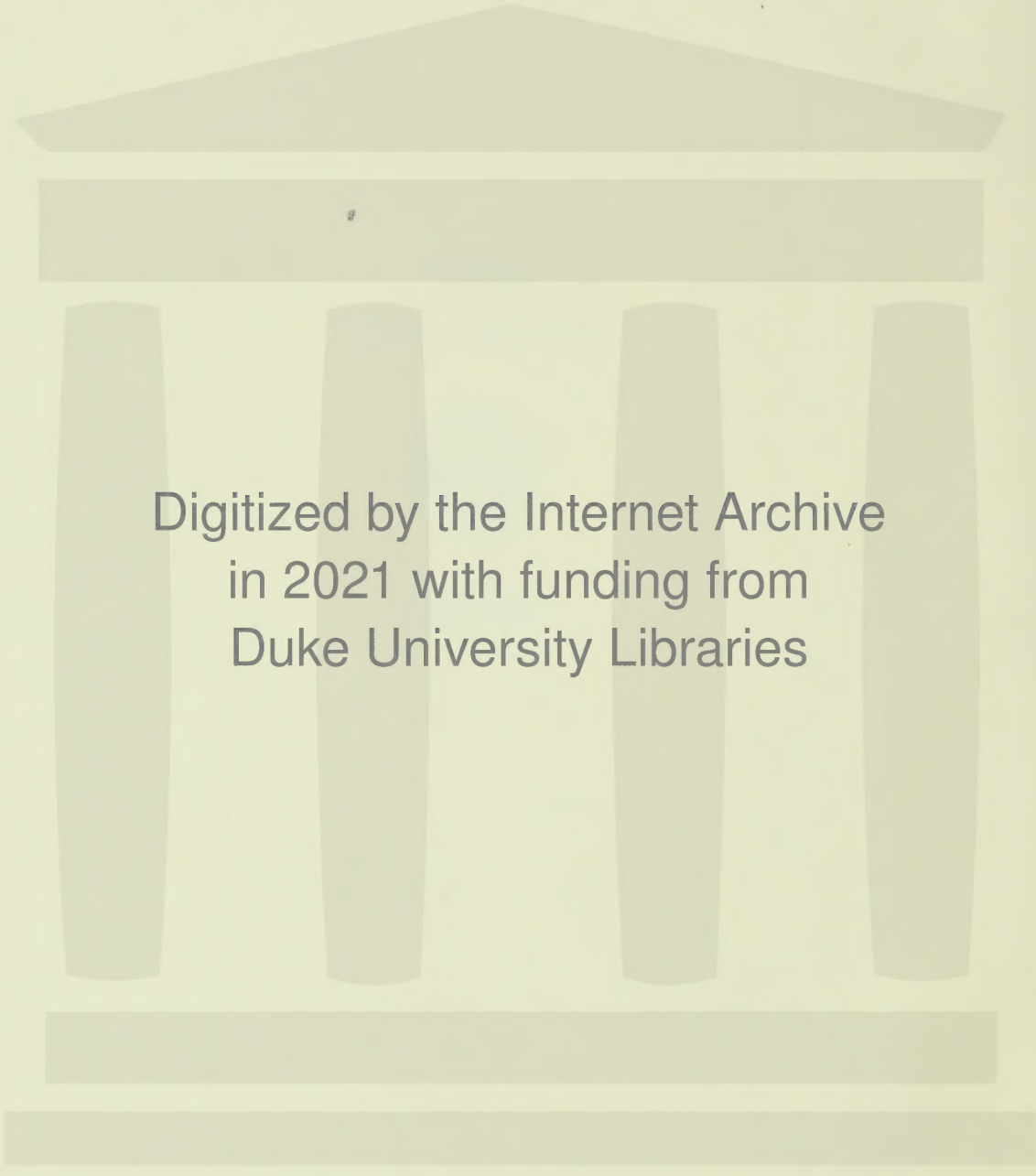
DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY



Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/konchinamariigav21unse

136
131-2

КОНЧИНА

МАРИИ ПАВЛОВНЫ

САВИНОЙ

Гос. Публичная Библиотека Ленинград

Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, МОСКВА.

Марія Савина.

Гос.
Публичная
Библиотека
Ленинград

Настоящее изданіе — «Кончина Маріи Гавріиловны Савиной» — имѣетъ задачей представить возможно исчерпывающую монографію этого такъ нежданно и такъ тяжко поразившаго Россію горестнаго событія. Въ дополненіе къ тѣмъ матеріаламъ, которые вошли въ первый томъ, здѣсь, во второмъ томѣ, собрано все, что появилось по этому поводу въ русской повременной печати, какъ столичной, такъ и провинціальной, причемъ предѣльнымъ срокомъ взято 8-е марта 1916 года — полугодовой день кончины М. Г. Савиной. Вошедшіе сюда газеты и журналы расположены въ общемъ алфавитѣ, а появившіяся въ нихъ статьи размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ по каждому изданію. Весь этотъ печатный матеріалъ приведенъ здѣсь полностью, за исключеніемъ повторяющихся общеизвѣстныхъ краткихъ біографическихъ свѣдѣній и хроникерскихъ сообщеній о послѣднихъ минутахъ жизни, кончинѣ и погребеніи М. Г. Савиной; эти пропуски обозначены въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Выпущены также и напечатанныя во всѣхъ газетахъ телеграфныя оповѣщенія «ПТА». Всѣ перепечатки снабжены указаніемъ первоисточниковъ и необходимыми ссылками. Для болѣе удобнаго опознанія въ этомъ обширномъ матеріалѣ въ концѣ книги имѣются указатели: 1) вошедшей сюда повременной печати—по городамъ, въ алфавитномъ порядкѣ; 2) алфавитъ авторовъ статей; 3) алфавитъ личныхъ именъ.

ОТЗЫВЫ

РУССКОЙ ПОВРЕМЕННОЙ ПЕЧАТИ

ПО ПОВОДУ

КОНЧИНЫ

МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ

САВИНОЙ

АЛЕКСАНДРОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

(Александровскъ, Екатеринославской губерніи).

18—IX—1915. № 1009.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Стихотвореніе Г а р о л ь д а.

Это стихотвореніе прочитано на вечерѣ памяти М. Г. Савиной, 17-го октября 1915 года, въ Кіевѣ (текстъ его—см. т. I, стр. 265—266); здѣсь оно перепечатано изъ «Кіевской Мысли», 11—IX—1915, № 252.

23—IX—1915. № 1011.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Статья Н. Г а л и н а.

Эта статья напечатана также: въ «Волховскомъ Листкѣ», 13—IX—1915, № 3300; въ «Донской Жизни», 13—IX—1915, № 209; въ «Курьерѣ», 13—IX—1915, № 214; въ «Золотоношскомъ Голосѣ», 16—IX—1915, № 372; въ «Таганрогскомъ Вѣстникѣ», 17—IX—1915, № 244; въ «Уссурійскомъ Краѣ», 25—IX—1915, № 209. Текстъ этой статьи—см. «Волховской Листокъ».

АЛТАЙСКОЕ ДѢЛО.

(Ново-Николаевскъ, Томской губерніи).

17—IX—1915. № 203.

МАРІЯ ГАВРИЛОВНА САВИНА.

Сошла въ могилу великая художница сцены. 11-го сентября въ Петроградѣ хоронили Марію Гавріловну Савину.

Далѣе, въ этой статьѣ перепечатанъ въ выдержкахъ біографическій очеркъ, написанный П. П. П о т е м к и н ы м ъ, изъ газеты «День», 9—IX—1915, № 248. Заканчивается статья такъ:

Савину прекрасно знаетъ вся театральная Россія. Это была великая артистка, умѣющая брать изъ жизни краски для изображенія чудныхъ созданій нашихъ классиковъ. Она унесла въ могилу эти краски.

И с ъ.

АПОЛЛОНЪ.
(Петроградъ).
VIII и IX—1915. Кн. 6 и 7.

ДВѢ СМЕРТИ.

Осенью этого года Александринскій театръ пережилъ тяжелую утрату. Неумолимою волею судьбы изъ списка труппы нашего академическаго театра вычеркнуты двое, чьи имена были дороги каждому любителю и цѣнителю искусства «россійской Мельпомены».

2-го августа въ Павловскѣ, у себя на дачѣ, скончался Константинъ Александровичъ Варламовъ, послѣдній носитель славныхъ традицій Александринскаго театра, а совсѣмъ недавно, неожиданно для всѣхъ, въ день праздника Рождества Богородицы, отошла въ вѣчность Марія Гавріиловна Савина,—та, которая, по словамъ одного изъ критиковъ, являла собою совершеннѣйшую форму русскаго сценическаго реализма.

Смерть—переходъ изъ бытія въ небытіе—всегда благодѣтельна для истиннаго художника. Смерть завершаетъ и опредѣляетъ все, сдѣланное имъ при жизни. Она одна позволяетъ оцѣнить, какъ слѣдуетъ, его произведенія и найти тайный ключъ къ ихъ пониманію. Изъ всѣхъ искусствъ только сценическое искусство не знаетъ чаръ смерти. Старая истина—«искусство актера исчезаетъ съ его смертью»—остается непреложной и еще разъ въ наши дни находитъ свое печальное подтвержденіе...

. . . . . .

По силѣ напряженности дарованіе Савиной было менѣе значительнымъ, чѣмъ дарованіе Варламова. Если Варламовъ—стихійное явленіе, если только русская дѣйствительность помѣшала ему стать трагическимъ актеромъ первой величины, то М. Г. Савина—исключительная артистка, въ которой умъ, изумительная энергія, способность работать надъ мелочами сочетались съ большимъ талантомъ. Труденъ и дологъ былъ ея артистическій путь: отъ подмостковъ маленькаго провинціальнаго театрика до образцовой сцены Александринскаго театра. Силой времени и своего таланта «дѣвица Стремлянова-Подраменцева» обратилась въ «заслуженную артистку М. Г. Савину». Съ ея смертью сошелъ въ могилу отличный мастеръ сценическаго искусства. Никто другой, какъ Савина, не умѣлъ такъ быстро и правильно находить сценическій остовъ роли, не умѣлъ такъ богато и пышно его расцвѣчивать и украшать деталями.

Бо́льшая часть работы покойной артистки протекла въ трудные и тяжелые для русскаго театра дни, когда въ немъ почти безраздѣльно властвовали А. Потѣхинъ, «Викторіенъ» Крыловъ, Е. Карповъ и многіе, имъ подобные драматурги. Но не прекраснымъ исполненіемъ ролей въ пьесахъ этихъ господъ исчерпывается артистическая дѣятельность Савиной. Два обаятельные сценическіе образа неразрывно связаны съ ея именемъ: «Вѣрочка» и «Наталья Петровна» въ Тургеневскомъ «Мѣсяцѣ въ деревнѣ». Эти два образа какъ бы символизуютъ ея артистическій путь, который завершился исполненіемъ роли матери Финочки, въ пьесѣ Зинаиды Гиппіусъ «Зеленое Кольцо». М. Г. Савина въ послѣднее время шла къ новымъ путямъ. Смерть остановила ее на полдорогѣ. Искатели новаго въ театрѣ могутъ съ увѣренностью сказать: «Умерла наша невѣста»...

Вл. С.

АРГУСЪ.
(Петроградъ).
1915. № 9.

ПАМЯТИ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ.

Очеркъ Юрія Бѣляева.

Этотъ очеркъ прочитанъ на вечерѣ памяти М. Г. Савиной, 8-го марта 1916 года, въ Петроградѣ, въ Александринскомъ театрѣ (текстъ его—см. т. I, стр. 180—182).

ВЕЛИКАЯ ДУША.

Отрывки воспоминаній о М. Г. Савиной.

Очеркъ А. Долинова.

Говорить о Савиной, какъ о великой артисткѣ, это значитъ повторять то, что за 45 лѣтъ ея блестящей дѣятельности было много разъ сказано о ней и написано. Только будущему историку театра можно будетъ вполнѣ освѣтить ея значеніе въ исторіи русской сцены. Теперь же достаточно только указать, что Савина создала цѣлую плеяду актрисъ, которыя подражали ей, создала то, что называется «Савинской школой». Выше ея не было никого въ комедіи на русской сценѣ.

Но для публики, для массы, можетъ быть, не менѣе интересно было бы узнать Савину, какъ человѣка, узнать ее со стороны интимной, узнать ея душу и, узнавши, преклониться передъ величіемъ и красотой этой русской женской души.

По настоящему Савину знали только ея близкіе и тѣ, кто имѣли счастье работать съ нею. Молодежь и новое поколѣніе не могутъ себѣ представить того громаднаго значенія, которое имѣла Савина въ драматической литературѣ, на сценѣ и, вообще, въ жизни столицы, уже 20—30 лѣтъ назадъ.

* * *

Все, что было талантливаго, сильнаго, вліятельнаго, значительнаго, можно было встрѣтить въ ея уютной гостиной. Драматурги, поэты, начинающая молодежь, дебютанты, актеры—не переставали отнимать у нея каждую свободную минуту. Да и просто просители, нуждающіеся въ покровительствѣ, заступничествѣ, въ добромъ словѣ, насчитывались ежедневно десятками. Неутомимость этой женщины была поистинѣ феноменальной. Она умудрялась ѣздить на репетиціи утромъ, играть вечеромъ въ театрѣ, въ промежутки навѣщать крестниковъ, женить, хоронить умершихъ, ѣздить къ власть имѣющимъ съ всегдашними хлопотами за кого-нибудь, заниматься съ учениками, навѣщать друзей, выслушивать авторовъ, присутствовать на чтеніи ихъ пьесъ и, кромѣ того, еще учить свои роли. При этомъ она была великолѣпной хозяйкой въ своемъ обширномъ домѣ, которымъ управляла образцово. Она такъ привыкла къ тревожной, мятежной, исполненной труда и заботъ жизни, что когда ей выдавались, особенно лѣтомъ, свободныя недѣли, она не знала, что съ собою дѣлать. Съ наступленіемъ весны, она всегда рвалась въ такъ называемыя «поѣздки». Ее тянуло изъ Петрограда, главнымъ образомъ, на югъ. Любимымъ мѣстомъ, куда она особенно охотно ѣздила, была Одесса, гдѣ она провела свое дѣтство и гдѣ воспитывалась въ учебномъ заведеніи. Каждая такая «поѣздка» обновляла ее, и то, что было бы утомительнымъ для другого, придавало ей только новыя силы.

* * *

Казалось бы, ей, столь блестяще дебютировавшей на Императорской сценѣ, бывшей царицей Александринскаго театра въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, можно было бы

пріобрѣсти нѣкоторую самоувѣренность и довѣріе къ собственнымъ силамъ. Но, нѣтъ, М. Г. была невѣроятно скромна, и какъ долго ни уговаривали ее ѣхать за границу, чтобы тамъ выступить въ полномъ блескѣ своего дарованія, она все же не скоро рѣшилась показать себя Европѣ. И только въ 1899 году удалось убѣдить Марію Гавріиловну поѣхать на нѣсколько гастролей въ Берлинъ и Прагу. Успѣхъ былъ громадный. Съ изумленіемъ узнали за границей, какія богатства таитъ въ себѣ русское искусство, и Савина была единодушно признана самыми строгими критиками. А, между тѣмъ, ѣхала она туда, неувѣренная въ успѣхѣ и твердо рѣшившая не вернуться домой, въ случаѣ позора, т.-е. провала.

— Со мною револьверъ,—говорила она мнѣ,—и помните, что живой я не останусь, если опозорю Александринскій театръ.

Но, слава Богу, позора не было: наоборотъ, какъ за границей, такъ и у насъ, по возвращеніи, она была осыпана знаками вниманія и благоволенія высокопоставленныхъ особъ. Искреннія друзья и близкіе ея радовались безмѣрно ея тріумфу. Впрочемъ, подробно объ этой блестящей эпопеѣ можно найти въ спеціальномъ трудѣ, посвященномъ этой заграничной поѣздкѣ: «Русское сценическое искусство за границей» *).

* * *

Щедрая и расточительная для всѣхъ другихъ, она меньше всего умѣла заботиться о себѣ самой. Получая большое жалованье, зарабатывая, вообще, много гастролями, она сама лично всегда нуждалась, такъ какъ раздавала всѣмъ и каждому и такъ какъ львиную долю ея заработка поглощали расходы по содержанію ея родныхъ, а такихъ семействъ у нея было нѣсколько.

До чего она была популярна въ смыслѣ раздачи денегъ просителямъ, укажу на слѣдующій фактъ. Однажды къ ней явился чиновникъ съ просьбой дать ему четыре тысячи, такъ какъ онъ растратилъ казенныя деньги—и что онъ застрѣлится, если Савина ему не поможетъ. Конечно, такихъ денегъ у нея не оказалось, но какимъ-то способомъ она все же выручила его изъ бѣды. А сколько было злоупотребленій на этой почвѣ!

Въ нашемъ Лазаретѣ, которымъ завѣдывала М. Г. Савина, находился раненый солдатикъ, которому послѣ того, какъ его выписали изъ Лазарета, некуда было дѣться. Онъ былъ безземельный, на рукахъ же у него была большая семья. И въ теченіе трехъ дней, благодаря хлопотамъ Савиной, инвалиду-герою отведено было нѣсколько десятинъ земли въ собственность. Всѣ такія вещи Савина дѣлала тихо, безшумно,—такъ, что никто объ этомъ не зналъ.

* * *

Не было автора, который не считалъ бы своей обязанностью придти къ Савиной читать свою пьесу и просить ее о принятіи на сцену. Если пьеса оказывалась интересной, то Савина обивала пороги всѣхъ тѣхъ мѣстъ и учрежденій, отъ которыхъ зависѣло принятіе пьесы. Иногда она даже жертвовала собой и соглашалась участвовать, выступая въ завѣдомо невыигрышной роли, лишь бы только пристроить автора на сцену.

Молодые актеры и актрисы всегда прибѣгали къ протекціи Савиной, особенно кончающіе Императорскую Школу. О талантливомъ человѣкѣ Савина, по собственной иниціативѣ, хлопотала въ Дирекціи и добывала ему дебютъ... Я врядъ ли ошибусь, если скажу, что три четверти теперешняго состава труппы Александринскаго театра въ той или другой степени обязаны Савиной: однимъ она помогала поступить, за другихъ выступала ходатаемъ передъ Дирекціей, авторами и т. д. Даже В. Н. Давыдовъ былъ приглашенъ на Императорскую сцену по настоянію Савиной. Ходотовъ, Тиме, Горинъ-Горяиновъ, Петровскій, Рощина-Инсарова, Корчагина-Александровская, Самойловъ, Судьбининъ, Шуваловъ, Шаровьева, Панчина, пи-

*) «Русское сценическое искусство за границей. Артистическая поѣздка М. Г. Савиной съ труппой въ Берлинъ и Прагу». Спб. 1909.

шущій эти строки и многіе другіе обязаны во многомъ М. Г. Савиной. Неудивительно, что вся труппа Александринскаго театра такъ подавлена этой ужасной смертью и чувствуетъ, что ушла общая заступница и защитница.

А знаетъ ли кто, какъ относилась Савина къ Коммиссаржевской? Вопреки невѣрно сложившемуся мнѣнію, Савина лелѣяла и холила этотъ рано погибшій талантъ. Когда Коммиссаржевская была больна, Савина просиживала у нея цѣлые дни, готовила ей какой-то спеціальный бульонъ по предписанію врача, который отвозила ей въ каретѣ. Благодаря Савиной же, къ Коммиссаржевской былъ привезенъ отецъ Іоаннъ Кронштадтскій.

* * *

На сценѣ она была воплощеніемъ долга и примѣромъ образцоваго отношенія къ искусству.

Помню, какъ однажды въ Маріинскомъ театрѣ репетировали благотворительный спектакль, который долженъ былъ идти вечеромъ. Генеральная репетиція кончилась въ 5 часовъ, но Савина, замѣтивши, что у одной молодой артистки не тѣ гамаши и туфли, какія, по ея мнѣнію, нужны по ходу пьесы, вмѣсто того, чтобы послѣ репетиціи поѣхать домой обѣдать и отдохнуть, помчалась въ Гостиный Дворъ, ходила по магазинамъ больше часу и, такъ и не пообѣдавши, вернулась къ 7 часамъ въ театръ, преподнеся изумленной молодой актрисѣ новыя гамаши и туфли.

— Вотъ, возьмите, изъ-за васъ я не пообѣдала,—внѣшне-суровымъ тономъ проговорила Савина, отдавая остолбенѣвшей артисткѣ мелочи, безъ которыхъ можно бы и обойтись, но большой художникъ—Савина не могла мириться хотя бы и съ небольшимъ дефектомъ въ костюмѣ своей молодой товарки.

* * *

Въ гастрольной поѣздкѣ Савина была незамѣнима. Никакихъ претензій, никакихъ осложненій никто никогда не видѣлъ съ ея стороны. Когда много лѣтъ назадъ она ѣздила съ товариществомъ, то требовала, чтобы раньше всѣхъ были удовлетворены всѣ служащіе, получающіе небольшіе оклады, а также всѣ пайщики, и только послѣ этого удовлетворялась тѣми суммами, которыя оставались. Она просиживала въ поѣздкѣ на сценѣ цѣлыми часами, терпѣливо репетируя для тѣхъ исполнителей, которые выступали съ нею впервые. И тутъ особенное вниманіе она отдавала молодежи. Зачастую она послѣ репетиціи приглашала къ себѣ молодую актрису и дома проходила съ нею роль. Послѣ спектакля въ большинствѣ случаевъ она приглашала всѣхъ товарищей къ себѣ, просиживала съ ними часъ, два—и ужинъ проходилъ въ самыхъ веселыхъ и милыхъ разговорахъ.

Въ концѣ каждой поѣздки Савина одаривала на память почти всѣхъ участвующихъ и всей труппѣ устраивала такъ называемые «балы». Всѣ участники многочисленныхъ поѣздокъ Савиной вспоминаютъ съ восторгомъ это время. Они могутъ разсказать, какая милая, доступная, простая и веселая была эта великая гастролерша-артистка со своими младшими товарищами. Среди молодежи самой молодой была всегда она.

* * *

Я говорю, конечно, о мелочахъ, но я и имѣю въ виду показать, что и въ мелочахъ, и въ интимной жизни Савина была совершенный уникумъ, не повторяемый. Не было болѣе добраго, болѣе отзывчиваго, болѣе сердечнаго, внимательнаго, болѣе простого человѣка и товарища, чѣмъ она. А она ли ужъ не была избалована вниманіемъ и лаской всѣхъ сферъ, начиная отъ самыхъ высокихъ, избалована самыми блестящими именами литературы, искусства, и кончая всѣми окружающими. Для всѣхъ у нея находилось доброе слово утѣшенія и ласки. Особенно объ этомъ могутъ поразсказать провинціальные актеры, для которыхъ она была дѣйстви-

тельно матерью. А что сталось бы съ стариками-инвалидами сцены, съ дѣтьми Пріюта Театральнаго Общества, если бы не всегдашнія хлопоты, заботы и вниманіе Савиной. Сколько разъ это Убѣжище и Дѣтскій Пріютъ были на краю гибели изъ-за отсутствія средствъ, сколько разъ подымался разговоръ о томъ, чтобы упразднить Убѣжище и Пріютъ, но Савинѣ, своей энергіей, изобрѣтательностью, неутомимостью, умѣніемъ изыскивать средства для поддержанія этихъ актерскихъ святыхъ учрежденій спасала ихъ отъ гибели. И вотъ теперь, завѣщавъ похоронить себя въ саду Убѣжища, Савина своей смертью обезпечила существованіе пріюта престарѣлыхъ артистовъ. Теперь ея могила сдѣлается священнымъ мѣстомъ, куда будутъ устремляться, несомнѣнно, безчисленные почитатели ея великолѣпнаго таланта, великой ея души и тѣ, которые, вообще, дорожатъ національной гордостью.

Ибо, поистинѣ, Савина—гордость русскаго народа, и имя ея—одно изъ немногихъ великихъ русскихъ именъ!

* * *

Труппа Александринскаго театра еще потому такъ подавлена ея смертью, что эта смерть не только большого артиста, которая всегда, конечно, очень тяжела: въ Савиной всѣ потеряли большого общественнаго дѣятеля,—человѣка съ гигантской энергіей, большого размаха, неутомимаго заступника и ходатая. И вотъ почему такъ тяжело смотрѣть на сцену, гдѣ не увидимъ мы больше этой обаятельной фигуры, этого лица съ большими горящими глазами и не услышимъ больше ея своеобразной рѣчи! Вотъ почему такъ тяжело проходить мимо ея уборной, въ которой она одѣвалась около 40 лѣтъ, и думать, что больше никогда не придется забѣжать туда въ антрактѣ, чтобы о чемъ-то попросить всемогущую Марію Гавріиловну.

Получивъ сравнительно скромное образованіе въ дѣтствѣ, она впослѣдствіи силою воли и настойчивостью достигла того, что съ ней одинаково охотно бесѣдовали и политики, и ученые, и литераторы, и критики. Она могла говорить о любомъ предметѣ—и поражала своей эрудиціей. Она прекрасно владѣла языками. Слогъ ея писемъ былъ изумителенъ, своеобразенъ и полонъ особенной красоты.

Вотъ маленькій отрывокъ изъ ея письма:

...Вчера я сидьла у моря больше часу. Вообразите только, я цьлый день дышу чуднымъ воздухомъ сосноваго лъса, любуюсь бълками, граціозно бъгающими почти у моихъ ногъ, гуляю на дорожкахъ, усыпанныхъ иглами, и возвращаюсь съ букетомъ вереска и даже одуванчиковъ. Масса грибовъ! Тишина поразительная, и я отдыхаю въ полномъ смыслъ слова. Кромъ Василисы да стараго доктора, который черезъ день ъздитъ въ городъ, никого не вижу. Онъ привозитъ газеты, и съ нимъ я посылаю это письмо. Ранъе конца отпуска ни за что не вернусь. Жалью, что вы объ не здъсь. Если бы вы видъли, какъ уютно и мило у меня въ комнаткъ. До свиданія. Кашель совсъмъ прошелъ, но сердцебіеніе лишаетъ иногда сна, а въ общемъ бодрье гораздо...

Во всѣхъ ея письмахъ доминируетъ, главнымъ образомъ, грустная, скорбная нотка. Послѣднія 10—15 лѣтъ она была удручена состояніемъ своего здоровья. Она всегда жаловалась на печень, горло, на болѣзнь дыхательныхъ путей. Въ письмахъ къ своимъ друзьямъ она всегда высказывала, что она отдаетъ всю свою жизнь, заботы и душу другимъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, знаетъ, какъ много у нея недоброжелателей. Каждую осень врачи отсылали ее изъ Петрограда, такъ какъ климатъ ей былъ вреденъ; но только одну осень, въ 1905 году, она провела внѣ Петрограда, и эту единственную осень она чувствовала себя бодрой и здоровой. Она всегда боялась осени, своего кашля, своихъ бронхитовъ. Незадолго до смерти она была настроена печально и все говорила, что чувствуетъ, что скоро умретъ. Къ сожалѣнію, она оказалась пророчицей.

Слабымъ утѣшеніемъ служитъ лишь то, что она умерла, какъ истинная христіанка. Религіозность Савиной была такъ же велика, какъ ея геній, какъ вся ея душа...

Мнѣ трудно изложить послѣдовательно и спокойно все то, что могло бы дать полное представленіе о Савиной, какъ о великой артисткѣ, большомъ художникѣ и необыкновенномъ человѣкѣ. Вся моя семья въ теченіе 20 лѣтъ была связана съ Маріей Гавріиловной неизмѣнной и горячей дружбой. Ночью душатъ кошмары, просыпаемся—и всѣ мысли только о ней одной. И, вмѣсто уютнаго, роскошнаго особняка на Карповкѣ, она находится теперь въ одинокой могилѣ, въ саду Убѣжища престарѣлыхъ артистовъ, подъ развѣсистой липой, и въ гости къ ней приходится ѣздить уже туда. Невыразимо тяжело и больно!..

Простите, на этомъ кончу... *)

А. Долиновъ.

При этой статьѣ помѣщены: 1) портретъ М. Г. Савиной—въ ея маленькомъ кабинетѣ, за изученіемъ роли (1914 г.); 2) ея же портретъ—въ роли Василисы Мелентьевой; 3) снимокъ ея уборной въ Александринскомъ театрѣ; 4) снимокъ зала заѣданій Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, съ кресломъ, которое занимала М. Г. Савина въ качествѣ предсѣдателя Совѣта.

АРХАНГЕЛЬСКЪ.

(Архангельскъ).

12—IX—1915. № 203.

† М. Г. САВИНА.

8-го сентября скончалась М. Г. Савина, долгіе годы бывшая гордостью и украшеніемъ русской сцены. Варламовъ и Савина—одна за другой ложатся на русскій театръ тяжелыя утраты.

Далѣе приведены біографическія свѣдѣнія, заимствованныя изъ «Вечерняго Времени», 8—IX—1915, № 1233 («Артистическая карьера М. Г. Савиной» И. Весеньева), и описаніе послѣднихъ дней жизни почившей артистки—по сообщеніямъ столичныхъ газетъ.

АСТРАХАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

(Астрахань).

12—IX—1915. № 197.

М. Г. САВИНА (†).

Описаніе послѣднихъ дней жизни и краткія біографическія свѣдѣнія — изъ «Русскаго Слова», 9—IX—1915, бюлл.

20—IX—1915. № 203.

НАСЛѢДСТВО М. Г. САВИНОЙ.

Бесѣда съ А. И. Долиновымъ.

Перепечатана изъ «Петроградской Газеты», 13—IX—1915, № 251.

---

*) Покойную М. Г. всегда огорчало, когда ея отчество «Гавріиловна» передѣлывали въ печати въ «Гавриловну». Было бы желательно, чтобы впредь вездѣ писали: «Гавріиловна».

А. Д.

АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ.

(Астрахань).

13—IX—1915. № 200.

† М. Г. САВИНА.

Здѣсь помѣщенъ портретъ М. Г. Савиной и приведено описаніе послѣднихъ дней ея жизни и краткія біографическія свѣдѣнія—по сообщеніямъ столичныхъ газетъ.

БАКИНЕЦЪ.

(Баку).

14—IX—1915. № 51.

М. Г. САВИНА.

Перепечатана статья Н. Вл--ова «Памяти М. Г. Савиной», изъ «Откликовъ Кавказа», 10—IX—1915, № 200.

28—IX—1915. № 54.

Въ этомъ номерѣ перепечатана статья В л а д. М а к с и м о в а «Отчего?», изъ «Театральной Газеты», 1915, № 37.

Кромѣ того, здѣсь же помѣщена слѣдующая замѣтка:

Покойная М. Г. Савина никогда не позировала для объектива кинематографическаго аппарата. У одного крупнаго кинофабриканта сохранилось письмо Савиной—отвѣтъ на предложеніе играть для кинематографа: «Не могу этого сдѣлать еще потому, что, когда я на подмосткахъ театра сыграю блѣдно и мертво,—меня обругаютъ рецензенты, а когда я на мертвомъ экранѣ сыграю живо и хорошо,—меня все же будутъ ругать... Первое исправимо, а послѣднее—никакъ».

БАКУ.

(Баку).

12—IX—1915. № 203.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

За небольшой промежутокъ времени Александринскій театръ понесъ три тяжелыя утраты: весною скончалась В. В. Стрѣльская, недавно лишь К. А. Варламовъ, а нынѣ телеграфъ принесъ извѣстіе: не стало М. Г. Савиной. Весною М. Г. отпраздновала 40-лѣтній свой юбилей на подмосткахъ Александринскаго театра. Мнѣ кажется, что это былъ вовсе не индивидуальный юбилей М. Г., а гораздо шире—юбилей цѣлой отживающей эпохи.

М. Г. Савина удостоена была отличія: «за особыя услуги, оказанныя русскому искусству», ей было пожаловано званіе солистки Его Величества, съ правомъ ношенія на груди присвоеннаго этому званію знака, и артистка удостоена была чести представляться Государю Императору. Эта награда совершенно соотвѣтствовала услугамъ, оказаннымъ Савиной русскому драматическому искусству. Савина—именно «солистка русской сцены». Савина—совершенно исключительное дарованіе; она,—можно сказать,—создала свою школу, дала образецъ сценическаго исполненія, которому 40 лѣтъ подражаютъ у насъ сотни артистокъ амплуа ingénue.

Играть «подъ Савину», «по-Савински» стало сценическимъ терминомъ, своего рода амплуа. Савина создала цѣлую галлерею русскихъ женскихъ типовъ, явилась вдохновенной изобразительницей русской женщины, истолковательницей ея характера. Всѣхъ этихъ типовъ привести немыслимо, такъ какъ она исполнила болѣе 300 ролей. Больше всего типовъ принадлежитъ, понятно, Островскому: Наденька («Воспитанница»), Глафира («Волки и овцы»), Наташа («Трудовой хлѣбъ»), Нѣгина («Таланты и поклонники»), Катерина («Гроза»), Василиса («Василиса Мелентьева»), Тугина («Послѣдняя жертва») и т. д. Далѣе: Софья («Горе отъ ума»), Настасья («Чародѣйка»), Даша («Мишура») и проч. Какое необыкновенное разнообразіе женскихъ характеровъ, какіе подчасъ противоположные типы. Единственно, что ихъ соединяло, это—сама Савина, сроднившаяся съ этими типами, передававшая намъ, зрителямъ, всю сложную жизненную драму каждой изъ нихъ... Всѣ эти женскія фигуры, созданныя нашими выдающимися драматургами, принимали живыя формы и духовныя очертанія въ исполненіи Савиной, улавливавшей своимъ художественнымъ чутьемъ всѣ сокровеннѣйшія черточки ихъ характеровъ, истолковывавшей ихъ публикѣ и, придавъ имъ художественный обликъ, проводившей эти женскіе образы въ массу. Это было такое творчество, которое захватывало массу своей художественностью, искренностью, близостью къ жизни. Неудивительно поэтому, что авторы очень цѣнили такую артистку и уже впередъ были увѣрены въ успѣхѣ своей пьесы, разъ за нее бралась Савина. Островскій, этотъ рѣдкій знатокъ сцены, передъ постановкой своей «Безприданницы» писалъ Бурдину: «Савина, при своихъ средствахъ, должна съ ума свести публику».

Теперь, когда уже нѣтъ Савиной, съ грустью приходится напомнить скромную обстановку ея перваго дебюта на Александринской сценѣ, 40 лѣтъ назадъ. Она явилась на нашу образцовую сцену не «Безприданницей», а уже съ небольшимъ провинціальнымъ именемъ, съ аттестатомъ «мастерицы на первыя роли». Провинція въ данномъ случаѣ выдала очень вѣрный аттестатъ. Это сразу обнаружилось на первомъ же дебютѣ, 9-го апрѣля 1874 года, въ пьесѣ В. Крылова «По духовному завѣщанію». Въ ея игрѣ сразу сказалось что-то новое, самобытное, вносившее свѣжую струю въ современное драматическое искусство: вѣяло жизнью, молодостью. Артистическій міръ взволновался, разгадавъ въ ней сразу громадный талантъ. И этотъ юный талантъ развертывался быстро, гигантскими шагами. Послѣ своего 25-лѣтняго пребыванія на Императорской сценѣ М. Г. Савина была не только выдающейся исполнительницей ролей ingénue, а драматической, даже трагической актрисой. За послѣдніе годы у многихъ знатоковъ и любителей родного театра, при оцѣнкѣ исполненія Савиной, невольно просились на уста сравненія съ крупнѣйшими современными артистками, съ Дузэ во главѣ. Савина постепенно доросла до этого совершенства. Но мы, русскіе, подобно тому, какъ люди обыкновенно не замѣчаютъ постепеннаго роста близкихъ лицъ, не рѣшались поставить М. Г. Савину въ рядъ первостепенныхъ міровыхъ артистокъ, какъ это сразу сдѣлали за границей люди, ознакомившіеся съ ея исполненіемъ по нѣсколькимъ всего пьесамъ русскаго и иностраннаго репертуара. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что они были лишены такого важнаго условія правильной оцѣнки, какъ пониманіе языка. Они цѣнили ея талантъ, школу, ея умъ, ея мимику, ея красивое, выразительное лицо, передающее тончайшія душевныя переживанія, ея простоту и глубину чувства, ея умѣніе молчать въ драматическихъ моментахъ, совершенно исключительное у Савиной, ея страдальческое выраженіе глазъ, которое не можетъ не тронуть каждаго чувствующаго человѣка, ея сильный, богатый нюансами голосъ, ея грацію, ея изящество, художественный вкусъ, выражающійся столько же въ области духовной, въ пониманіи и трактовкѣ изображаемаго лица, сколько въ чисто внѣшней, въ дѣлѣ костюма, создавшій ей вполнѣ заслуженную славу создательницы театральныхъ модъ, и, наконецъ, главное, что не можетъ, по выраженію Островскаго, «не свести съ ума»,—это ея молодость...

Многимъ, быть можетъ, покажется страннымъ, что про артистку, прослужившую 40 лѣтъ на сценѣ, можно сказать, что она молода. Но такъ могутъ думать лишь тѣ, кто не видѣлъ послѣдніе годы Савиной. Она была неувядаема, была молода душой, она умѣла жить

душой - и эта жизнь бросала яркій отсвѣтъ на всю ея внѣшность. Въ этомъ былъ весь секретъ ея молодости. И въ этомъ смыслѣ можно понимать ея знаменитый афоризмъ: «Сцена—моя жизнь».

Аршакъ Григорьянцъ.

БАТУМСКІЯ ВѢСТИ.

(Батумъ).

17—IX—1915. № 1739.

ИЗЪ ПРОШЛАГО М. Г. САВИНОЙ.

Перепечатано изъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», 8—IX—1915, № 15076 («Изъ жизни большой артистки»—объ отношеніи И. С. Тургенева) и 9—IX—1915, № 15078 (гастроли въ Тифлисѣ, въ 1887 году). Послѣдняя часть перепечатана также: въ «Волгарѣ», 12—IX—1915, № 249; въ «Послѣднихъ Новостяхъ», 13—IX—1915, № 3307; въ «Одесскихъ Новостяхъ», 14—IX—1915, № 9827.

БЕРДЯНСКІЯ НОВОСТИ.

(Бердянскъ, Таврической губерніи).

13—IX—1915. № 1496.

М. Г. САВИНА.

(† 8 сентября).

Скончалась Марія Гавріиловна Савина...

Одна изъ послѣднихъ славныхъ «александринцевъ»...

На сценѣ есть актеры.

Есть артисты.

И есть артисты-художники.

Хорошій актеръ обладаетъ прекраснымъ голосомъ, звучной дикціей, выразительной мимикой и пластикой, абсолютнымъ умѣніемъ держаться на сценѣ. Но онъ—не творецъ. Онъ не заглядываетъ въ глубину души изображаемаго имъ лица. Ему не знакомо одно изъ самыхъ свѣтлыхъ, хорошихъ состояній души—вдохновеніе.

Артистъ, ко всему этому, вникаетъ въ психологію изображаемаго лица, наблюдаетъ и критически провѣряетъ его душевныя переживанія. Артистъ долженъ, вообще, понять это лицо, далеко за предѣлами того, что оно говоритъ въ данной роли.

Но артистъ-художникъ—создатель обаятельнаго по силѣ и полнотѣ образа изъ тѣхъ словъ, которыя даны авторомъ въ роли и которыя являются для артиста только необходимыми посылками въ его работѣ. Артистъ - художникъ—это избранникъ, получившій отъ природы едва ли не чудеснѣйшій даръ: его при самомъ рожденіи наградилъ невыразимо-сладостнымъ и повергающимъ въ священный трепетъ поцѣлуемъ великій творческій геній.

Покойная Марія Гавріиловна была именно артистомъ-художникомъ въ высшемъ смыслѣ этого слова.

Лично я видѣлъ Савину въ нѣсколькихъ роляхъ—и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ. Но никогда не забуду ее въ роли Анны Дмитріевны Карениной въ «Живомъ трупѣ». Общее

исполненіе этой прекрасной пьесы труппой Александринскаго театра было довольно посредственнымъ, но зато какъ художественны, какъ покоряюще прекрасны были Савина, а также нынѣ покойный Далматовъ (въ роли князя Абрезкова)! Какой дивный дуэтъ это былъ въ 1-й картинѣ 3-го дѣйствія (въ кабинетѣ Анны Дмитріевны)! Изъ-за него, конечно, можно было простить и блѣдное исполненіе роли Ѳеди Протасова г. Ходотовымъ, и неудачный хоръ цыганъ, и значительные дефекты въ постановкѣ.

Послѣдній разъ помню Марію Гавріиловну въ «Ревизорѣ», въ роли Марьи Антоновны. Было это лѣтъ пять назадъ, и артисткѣ было уже 56 лѣтъ. Но какой неподдѣльной молодостью, задоромъ и смѣшной наивностью провинціальной барышни 30-хъ годовъ дышала ея Марья Антоновна!

И думалось, что если бы всѣ мы въ такіе годы могли сохранить столько душевной и притомъ ясно видимой, всѣми чувствуемой молодости, какую явила зрителямъ старая артистка,—жизнь, быть можетъ, была бы прекрасна...

Савина скончалась...

Въ огромный сосудъ печали и уныніи, символизирующій нашу дѣйствительность, упала еще одна тяжелая, горькая капля—смерть чуткаго художника-артиста...

Георгій Феддерсъ.

БИБЛІОТЕКА «ТЕАТРА И ИСКУССТВА».

(Петроградъ).

IX—1915. № 9.

М. Г. САВИНА НА СЦЕНѢ САРАТОВСКАГО ТЕАТРА.

Въ половинѣ апрѣля 1872 года на саратовскихъ стѣнахъ и заборахъ появились афиши-анонсы, извѣщавшія публику о составѣ труппы П. М. Медвѣдева, которая должна была играть въ лѣтнемъ театрѣ въ саду Эдуарда Сервье. Театрикъ былъ крошечный, деревянный, почти затерянный въ густыхъ аллеяхъ заброшеннаго сада. Небольшая терраса вела къ дверямъ зрительнаго зала, въ два свѣта, но тѣснаго и грязнаго. Обстановка болѣе чѣмъ убогая, декорацій почти никакихъ. А анонсы, между прочимъ, сообщали: «...артистка на роли инженю въ драмахъ, комедіяхъ и опереткахъ М. Н. Савина» *). Лѣтній сезонъ начался 30-го апрѣля пьесой В. Крылова «По духовному завѣщанію» и опереткой «Женщины-арестанты». Въ первой пьесѣ М. Г. играла роль Катеньки, а во второй—роль Лолоты. Это и были первыя роли, которыя сыграла М. Г. на сценѣ Саратовскаго театра. Партнерами М. Г. тогда въ труппѣ Медвѣдева были: артистки Императорскихъ театровъ Е. А. Стрѣлкова и А. И. Шубертъ, В. Н. Давыдовъ, М. К. Стрѣльскій, А. И. Погонинъ, Н. Н. Савинъ (мужъ М. Г.), К. А. Гаринъ, самъ П. М. Медвѣдевъ и др. Репертуаръ былъ самый смѣшанный; преобладала легкая комедія и оперетка. М. Г. негдѣ было развернуться, не въ чемъ было выказать свои недюжинныя силы; но ея художественная чуткость и талантъ дали возможность ей и въ этомъ репертуарѣ выбрать нѣсколько ролей и выказать всю мощь своего дарованія. Изъ ролей, сыгранныхъ артисткой въ этотъ періодъ, особенно выдавалась роль Эмиліи въ комедіи «Бабушкина внучка». Въ ней М. Г. имѣла особенный успѣхъ, послѣ чего въ №102 «Саратовскаго Справочнаго Листка»**) появилась первая обширная рецензія, отмѣчавшая М. Г., какъ замѣчательно искреннюю и талантливую артистку.

---

*) Марію Гавріиловну въ саратовскихъ газетахъ и офиціальныхъ бумагахъ (Дѣло Городской Думы) упорно называли Маріей Николаевной.

**) Въ то время въ Саратовѣ это была единственная газета, удѣлявшая нѣкоторое вниманіе театру, а потому, приводя выдержки изъ рецензій, мы будемъ указывать только № газеты.

Особенно же обратила на себя вниманіе М. Г. ролью Наденьки въ пьесѣ Дьяченко «Не первый и не послѣдній». Исполненіе этой роли произвело положительный фуроръ, и газета помѣстила, въ № 104, восторженную рецензію. М. Г. такъ входила въ роль, что переживала всѣ душевныя волненія исполняемаго лица... «больше женской натурѣ выдержать было невозможно. Съ глухимъ, надорваннымъ плачемъ падаетъ она, и настоящія истерическія рыданія слышатся въ мертвомъ залѣ театра»... Послѣ этой сцены съ М. Г. сдѣлался настоящій нервный припадокъ, и она не могла выдти къ публикѣ, разразившейся настоящей бурей аплодисментовъ. Положеніе артистки окончательно упрочилось. Одно ея имя на афишѣ дѣлало сборъ. Газета помѣстила цѣлый рядъ хвалебныхъ рецензій, но въ то же время очень горевала, что М. Г. приходится выступать въ опереткахъ и размѣнивать свое дарованіе. Такъ, въ № 107 читаемъ: «Въ «Чайномъ цвѣткѣ» роль Лянь-Синь исполняла г-жа Савина съ обычной граціей и простотой, но зачѣмъ убивать талантъ и переходить отъ роли Наденьки къ «Чайному цвѣтку», гдѣ она, впрочемъ, тоже неподражаемо хороша. Мы того мнѣнія, что у г-жи Савиной талантъ несомнѣнный, но талантъ не для каскада, который непремѣнно неблагопріятно повліяетъ на развитіе замѣчательнаго дарованія этой артистки. Что-нибудь одно: или оперетка Оффенбаха и братіи, или драмы и комедіи». Въ это лѣто М. Г. сыграла слѣдующія болѣе выдающіяся роли: Сашеньки въ «Свѣтскихъ ширмахъ», Дашеньки въ «Мишурѣ», Глаши въ «Каширской старинѣ», Наташи въ «Пріемышѣ», княжны въ «Перемелется—мука будетъ», Анны Демби въ «Кинѣ». Въ опереткахъ: «Орфей въ аду»—«Общественное мнѣніе» и Ореста въ «Прекрасной Еленѣ» и, кромѣ того, массу другихъ ролей. Артистка была занята почти каждый день и играла безъ-устали. 2-го іюня былъ бенефисъ М. Г. Она поставила три пьесы: 1) «Здѣшнія квартиры», 2) 1-й актъ «Орфея въ аду» и 3) оперетку «Передъ свадьбой». Выборъ пьесъ для бенефиса болѣе чѣмъ неудачный. Въ первой пьесѣ М. Г. не играла совсѣмъ, въ «Орфеѣ» играла «Общественное мнѣніе» и въ «Передъ свадьбой» какую-то Розу. Художественнаго успѣха бенефисъ не имѣлъ; артисткѣ поднесли огромный букетъ живыхъ цвѣтовъ и цѣнный подарокъ. Второй бенефисъ состоялся 11-го іюля; шли: 1) «Гувернеръ», 2) «Когда мужчина плачетъ» и 3) «Ямщики», а въ антрактѣ М. Г. и В. И. Давыдовъ плясали «Трепакъ» *). Этотъ бенефисъ, напротивъ, имѣлъ огромный художественный успѣхъ; М. Г. играла во всѣхъ трехъ пьесахъ и произвела большое впечатлѣніе на публику, которая поднесла ей букетъ.

По окончаніи лѣтняго сезона, 31-го іюля, М. Г. уѣхала вмѣстѣ съ мужемъ въ Орелъ, въ труппу того же И. М. Медвѣдева. Въ этой труппѣ все время происходили какія-то недоразумѣнія и ссоры. Благодаря одной изъ нихъ, М. Г. разошлась съ антрепренеромъ и, заплативъ ему неустойку, вмѣстѣ съ мужемъ, 4-го января 1873 года, пріѣхала въ Саратовъ, въ труппу Лихачева, на 400 рублей жалованья. Въ это время въ труппѣ Лихачева были: артистки Императорскихъ театровъ г-жи М. М. Глѣбова, П. П. Чернова, Любская, артистки Н. В. Стрѣльская, Ф. В. Козловская, А. М. Балкашина, В. Д. Кашина, Любарская, Соболева-Дашиловичъ, Шумилина, Алексѣева, Орлова, Викторова, Соколова, Александрова, Славина, Зиновьева, Ю. А. Рихтеръ, Панина и друг., артисты гг. А. К. Любскій, Е. Н. Полтавцевъ (режиссеръ), В. И. Дольскій, Н. С. Стружкинъ, П. Ф. Матвѣевъ, И. Д. Волгинъ, П. К. Глушковскій, В. В. Шумилинъ, А. Д. Ивановъ, Н. А. Андреевъ (помощникъ режиссера) и друг.

4-го января 1873 года М. Г. дебютировала въ роли Саши въ «Свѣтскихъ ширмахъ» Дьяченко. Успѣхъ былъ громадный; театральный рецензентъ писалъ**): «Эта замѣчательная молодая артистка ангажирована, какъ мы слышали, г. Лихачевымъ не на одинъ нынѣшній зимній сезонъ, но и на будущій. Нельзя не благодарить г. Лихачева за подарокъ, который онъ на этотъ разъ сдѣлалъ любителямъ Саратовскаго театра». Вскорѣ М. Г. сыграла роль Сесиль Орасъ въ пьесѣ Дьяченко «Блестящая партія». Княгиню Капрову играла М. М. Глѣбова. Обѣ артистки въ этихъ роляхъ успѣха не имѣли,—роли эти имъ не удались. 6-го февраля былъ

*) Ibidem, № 145—1872 г.
**) Ibidem, № 2—1873 г.

бенефисъ М. Г.; шли: 1) «Тяжба», 2) «Бабушкина внучка», 3) «Левъ и Крыса» и 4) «Бѣда отъ нѣжнаго сердца». Бенефисъ этотъ ожидался съ нетерпѣніемъ и вызывалъ массу толковъ. Театръ былъ переполненъ, но выборъ пьесъ разочаровалъ и повергъ въ уныніе самыхъ ярыхъ поклонниковъ таланта М. Г. Въ № 31 «Саратовскаго Справочнаго Листка» по поводу этого бенефиса была помѣщена очень характерная рецензія. Позволимъ себѣ сдѣлать изъ нея нѣсколько выписокъ: «Публика ожидала съ нетерпѣніемъ ея бенефиса, ожидая, что тутъ-то она достойно проявится. Почти за двѣ недѣли были разобраны всѣ ложи, когда еще не было извѣстно, что будетъ ею дано въ свой бенефисъ. И что же? Всѣ были поражены выборомъ комедій да водевилей, совершенно неизвѣстныхъ (за исключеніемъ «Тяжба» да «Бѣда отъ нѣжнаго сердца», въ которыхъ бенефиціантка не участвовала). Мы думали, быть можетъ, взятыя роли очень живы, и самыя пьесы веселы. Каково же было наше разочарованіе... Чего добилась М. Н. Савина? Того, что публика ободрилась и стала повеселѣе тогда, когда началась пьеса, въ которой она не принимала участія. Тотъ не другъ М. Н. Савиной, а если другъ, то неразумный другъ, кто посовѣтовалъ ей такой выборъ. Позволяемъ себѣ подъ конецъ напомнить М. Н. Савиной, что всякій талантъ, всякая способность отъ неупражненія слабѣетъ и гаснетъ. Богъ далъ ей большое дарованіе, но пусть она не расходуетъ его и не размѣниваетъ на однѣ бездѣлушки, такъ хорошо ею создаваемыя. Трудъ необходимъ для артиста. Пусть она никогда добровольно не отрекается отъ трудныхъ, свойственныхъ ея замѣчательному таланту, ролей, природой назначенныхъ ей въ амплуа, а успѣхами въ бездѣлушкахъ, не стоящихъ ей никакого труда, пусть не увлекается. Надѣемся, что М. Н. Савина пойметъ, что мы позволили себѣ сегодня сдѣлать ей упрекъ и дать совѣтъ только потому, что цѣнимъ ея талантъ высоко и многаго отъ него ожидаемъ».

Сезонъ въ этомъ году окончился 18-го февраля; за полтора мѣсяца (съ 4-го января) М. Г. переиграла массу всевозможныхъ ролей и, между прочимъ, выступала даже въ оперѣ, а именно ей пришлось играть роль Надежды въ оперѣ «Аскольдова могила». Опера эта шла въ бенефисъ режиссера Полтавцева, и роль Надежды должна была пѣть П. П. Чернова, но она давно не ладила съ режиссеромъ и, желая поставить его въ затруднительное положеніе, за два дня до спектакля отказалась отъ роли. Что было дѣлать? Сборъ полный, ломать спектакль невозможно, а замѣнить коварную артистку некѣмъ. Вотъ тутъ-то М. Г. и выказала всю величину своего товарищескаго самопожертвованія и согласилась прочесть подъ музыку роль въ оперѣ. Другого исхода не было. Передъ началомъ спектакля Полтавцевъ анонсировалъ объ участіи въ оперѣ М. Г. Публика, правда, немало изумилась, увидя свою любимицу въ такой неподходящей для нея роли, но поняла ее и отнеслась вполнѣ снисходительно. Лѣтній сезонъ 1873 года М. Г. въ Саратовѣ не играла и пріѣхала опять на зимній сезонъ 1873—1874 гг., въ Городской театръ, въ ту же труппу Лихачева.

Сезонъ начался 15-го августа пьесой Дьяченко «Блестящая партія». М. Г. опять играла Сесиль Орасъ и опять неудачно—положительно ей эта роль не давалась. Рецензентъ «Саратовскаго Справочнаго Листка», въ № 175, отнесся къ артисткѣ за исполненіе этой роли очень сурово и едва ли справедливо, такъ какъ сама редакція въ примѣчаніи къ рецензіи заявила, что она не солидарна со своимъ сотрудникомъ, «который, очевидно, даетъ свой приговоръ по первому впечатлѣнію». Между прочимъ, суровый критикъ писалъ: «Въ роли Сесиль Орасъ она (М. Г.) была скучна. Скучна — это такъ, но вялость исполненія произошла, вѣроятно, отъ слишкомъ неумѣренной самонадѣянности». М. Г. въ этомъ сезонѣ играла очень много самыхъ разнообразныхъ ролей. Весь репертуаръ держался на ней и М. М. Глѣбовой. Онѣ были любимицами публики и стяжали на нашей сценѣ неувядаемые лавры. 9-го октября былъ первый бенефисъ М. Г. въ этомъ сезонѣ; она выбрала пьесу «Вѣтерокъ». Театръ, конечно, былъ переполненъ. Бурныя и вполнѣ заслуженныя овація.

М. Г. играла, совершенствовалась и создавала цѣлую галлерею лицъ и типовъ, доставляя счастливымъ саратовцамъ немало эстетическаго наслажденія.

Лихачеву надоѣло возиться съ театромъ, и онъ рѣшилъ избавиться отъ него. «Не пожелаю и лихому татарину быть антрепренеромъ — это мученье»,—не разъ говорилъ онъ. — «За

всякой бездѣлицей ко мнѣ лѣзутъ. Избавь меня, Боже, отъ этого омута!» Его мольбы были услышаны, и судьба сжалилась надъ нимъ, послала ему преемника въ лицѣ купца Василія Дмитріевича Колпакова.

Этотъ достойный господинъ ничего общаго съ задачами искусства никогда не имѣлъ, да и не могъ имѣть. Сданный въ молодости въ солдаты, онъ, по окончаніи службы, занялся разными темными аферами, а, главнымъ образомъ, лотереей-аллегри—предпріятіемъ, какъ извѣстно, крайне сомнительнымъ, разсчитаннымъ на жадность невѣжественной массы. Эта спекуляція давала ему большіе доходы; онъ вылѣзъ въ купцы, купилъ домъ и, въ концѣ концовъ, рѣшилъ окончательно разбогатѣть, сдѣлавшись театральнымъ антрепренеромъ. Недолго думая, онъ заплатилъ Лихачеву 25.000 рублей за театральную обстановку, декораціи, костюмы и, вообще, за все дѣло. Перевелъ на себя, съ обоюднаго согласія, всѣ контракты актеровъ и актрисъ, предварительно получивъ на то разрѣшеніе Городской Управы (9-го октября 1874 года).

Колпаковъ былъ крайне грубый и злой человѣкъ, совершенно некультурный, понятія не имѣвшій о театрѣ и его задачахъ, смотрѣвшій на актеровъ, какъ на своихъ наемниковъ, которыхъ можно брашить и третировать, какъ ему только заблагоразсудится. Онъ такъ себя поставилъ, что его сразу возненавидѣли. За-кулисами поднялись споры и ссоры, какихъ раньше и въ поминѣ не было въ этомъ и безъ того не особенно мирномъ и скромномъ мѣстѣ. Своихъ нотъ у антрепренера не было, и онъ ихъ бралъ у дирижера оркестра г. Арапова, которому и платилъ за нихъ поспектакльно. Въ концѣ ноября Арапову за ноты слѣдовало получить 30 рублей. Колпаковъ не пожелалъ ихъ платить, а Араповъ всѣ ноты увезъ изъ театра—и спектакль нельзя было начинать. Дѣлать нечего. Колпаковъ деньги отдалъ, но 1-го декабря, когда Араповъ пришелъ получать мѣсячное жалованье, 330 рублей, Колпаковъ предложилъ ему предварительно расписаться въ полученіи этой суммы, что Араповъ и сдѣлалъ, но, вмѣсто всей суммы, получилъ лишь 300 рублей. «Остальные 30 рублей вы уже неправильно получили раньше»,—заявилъ ему Колпаковъ. Араповъ, возмущенный такимъ нахальствомъ, поднялъ шумъ и крикъ, Колпаковъ не оставался въ долгу, сбѣжалась вся труппа на скандалъ, финалъ котораго разыгрался въ полиціи, гдѣ Колпакова и заставили удовлетворить Арапова. 6-го декабря былъ бенефисъ М. М. Глѣбовой. Послѣ спектакля М. М. просила Колпакова сдѣлать съ нею разсчетъ по бенефису, но Колпаковъ заявилъ *), «... что не дастъ ей вырученныхъ денегъ, и даже позволилъ себѣ сказать, что бенефисъ этотъ онъ подарилъ г-ну и. д. начальника губерніи, т.-е. назначилъ этотъ день по его просьбѣ, а теперь имѣетъ основаніе измѣнить свое намѣреніе». Г-жа Глѣбова жаловалась на него, былъ составленъ полицейскій протоколъ, хотя Колпаковъ денегъ ей такъ и не отдалъ, а, напротивъ, наговорилъ ей кучу дерзостей. Все это такъ разобидѣло М. М., что почтенная артистка махнула рукой на Саратовъ и его милаго антрепренера и покинула нашу труппу, къ великому сожалѣнію всѣхъ любящихъ театръ. Никифоръ Ивановичъ Новиковъ жаловался полицеймейстеру, что Колпаковъ самовольно удерживаетъ его жалованье. На предложеніе артиста Лаврова Колпакову принять на себя половину расхода по его бенефису, Колпаковъ затопалъ на него ногами и закричалъ съ азартомъ и дерзостью: «Иди отсюда вонъ и убирайся изъ труппы» **). Гг. М. М. Петипа и Н. С. Несоцкій жаловались, что Колпаковъ, мало знакомый съ приличіями, а еще менѣе съ обязанностями антрепренера театра... ругаетъ актеровъ «площадными словами». Всѣ эти милые поступки «театральнаго владыки» вызвали возмущеніе всей труппы, и 8-го декабря 20 человѣкъ артистовъ, дирижеръ, декораторъ, машинистъ, хористы и рабочіе театра подали жалобу полицеймейстеру съ просьбой оградить ихъ отъ произвола антрепренера. Въ судъ они жаловаться не могли, такъ какъ онъ не давалъ имъ копій условій, заключенныхъ ими съ Лихачевымъ. По порученію полицеймейстера, было произведено дознаніе, въ которомъ всѣ художества Колпакова подтвердились. Объ этомъ до-

*) Архивъ Саратовской Городской Думы. Дѣло о театрѣ за 1873 г.
**) Ibidem.

несли губернатору Галкину-Врасскому, а онъ официально просилъ городского голову не сдавать больше Колпакову театра. Колпаковъ театра больше не получилъ, несмотря на то, что усиленно хлопоталъ объ этомъ.

Мы остановились немного дольше на этой темной страничкѣ въ лѣтописи Саратовскаго театра именно потому, чтобы показать, при какихъ условіяхъ и людяхъ приходилось служить М. Г. въ началѣ своей артистической карьеры. Какъ должны были вліять закулисныя ссоры на чуткое сердце молодой артистки, видно изъ того, что М. М. Глѣбова, вмѣстѣ съ Песоцкимъ и Ароновымъ, оставили Саратовскую сцену въ половинѣ сезона. Драматической артистки въ труппѣ не было, и М. Г. пришлось на своихъ плечахъ нести весь репертуаръ, играя то плясунью съ тамбуриномъ въ рукахъ, то водевильнаго шута и урода въ видѣ рыжей дѣвки*), то создавая чудный поэтическій типъ страдалицы Саши въ «Свѣтскихъ ширмахъ», веселой задорной Глаши въ «Каширской старинѣ», страдающей Маѳы въ «Испорченной жизни», простодушной Марьи Антоновны въ «Ревизорѣ» и проч., и проч. Всего М. Г. сыграла въ бытность свою въ Саратовѣ, съ 30-го апрѣля 1872 года по 10-е февраля 1874 года, 75 ролей всевозможныхъ амплуа въ опереткахъ, комедіяхъ и драмахъ, танцовала и читала въ дивертисментахъ и мелодекламировала въ оперѣ.

Особенно трудно пришлось ей во время неурядицъ, поднявшихся въ кратковременную антрепризу Колпакова. Ей немало приходилось терпѣть и отъ произвола антрепренера, и отъ дрязгъ и сплетенъ артистовъ. М. Г. имѣла громадный успѣхъ у публики. Въ ней видѣли и цѣнили колоссальный талантъ и старались ей всячески это доказать. Пресса наперерывъ восхваляла ее, и въ мѣстныхъ газетахъ постоянно печатались восторженные диѳирамбы ея игрѣ и таланту. Не говоря уже о прежнихъ рецензіяхъ, въ газетахъ о ней писали поклонники ея таланта изъ публики, такъ въ № 5 «Саратовскаго Справочнаго Листка» за 1874 годъ было помѣщено письмо какой-то дамы, которая, восхваляя М. Г., выражала сожалѣніе по поводу слуховъ о томъ, что она, возмущенная закулисными и антрепренерскими дрязгами, покидаетъ Саратовъ; письмо это, очень обоснованное и прочувствованное, не понравилось нѣкоторымъ изъ сослуживцевъ М. Г.—и вотъ М. М. Петипа, пѣвшій у насъ тогда въ опереткѣ и обучавшій саратовскую молодежь «бальнымъ и инымъ танцамъ», задумалъ сдѣлаться рецензентомъ и критикомъ игры своей же товарки по сценѣ. Плодомъ этого псевдо-рецензентскаго труда оказалось курьезное и обидное письмо, появившееся въ № 10 «Саратовскаго Справочнаго Листка» 1874 года. Въ письмѣ этомъ новоявленный рецензентъ старался доказать, что въ роли Саши въ «Свѣтскихъ ширмахъ» «она вызвала слезы на глазахъ зрителей. Слезы у зрителей, вѣроятно, были, но вызвала ихъ не г-жа Савина своимъ драматизмомъ, а вызвала молодая, безсильная, умирающая Саша. Роль говорила сама за себя, роль сама выдвигала актрису. Роль эта настолько тепла и симпатична, что у бездарной актрисы она не прошла бы безслѣдно, не вызвавъ сочувствія, не оставивъ впечатлѣнія»... «Эта роль одна уже указываетъ, что таланта у г-жи Савиной еще нѣтъ». Далѣе, онъ задается вопросомъ: почему же г-жа Савина собирается уѣхать. И очень остроумно рѣшаетъ... «потому что бенефисовъ не предстоитъ болѣе». Эту «рецензію» онъ заканчиваетъ такой многознаменательной фразой: «...безъ содѣйствія г-жи Глѣбовой труппа прогрессивнаго шага въ моральномъ отношеніи искусства всетаки сдѣлать не можетъ, ибо «одинъ въ полѣ не воинъ».

Эта безтактная рецензія возмутила саратовскую публику, и отъ лица ея та же неизвѣстная дама, которая писала письмо М. Г., прочитала г. Петипа должную отповѣдь, напечатанную въ № 17 «Саратовскаго Справочнаго Листка» 1874 года.

Очевидно, закулисную сторону дѣла хорошо знали въ Саратовѣ, такъ какъ свою отповѣдь дама начинаетъ словами: «Боясь мщенія со стороны г. Петипа, въ которомъ онъ не стѣсняется въ выборѣ средствъ, я до времени скрою свое имя». Не правда ли благопріятныя условія для развитія таланта, для артистической работы молодой актрисы? Но истинный талантъ

*) № 5—1874 г.

поборолъ всѣ препятствія. И вотъ сезонъ приходитъ къ концу. 10-го февраля, въ воскресенье на масляницѣ, былъ прощальный спектакль сезона и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прощальный бенефисъ М. Г. Были поставлены: «Пылѣющая любовь», драма Дьяченко, и водевиль «Тайна женщины». Для того, чтобы представить себѣ, что творилось въ этотъ вечеръ въ театрѣ, надо было самому тамъ побывать. Этотъ одинъ вечеръ могъ искупить всѣ муки и непріятности, которыя выпали на долю М. Г. въ этомъ миломъ сезонѣ. Публика засыпала любимицу цвѣтами и поднесла ей нѣсколько подарковъ. Вызовамъ и овапіямъ конца не было. Это былъ послѣдній спектакль М. Г. на сценѣ Саратовскаго театра въ качествѣ постоянной артистки нашей труппы. Спектакль кончился—публика разошлась, но она все не могла помириться съ потерей своей любимицы.

По желанію публики, М. Г. 17-го февраля, вмѣстѣ съ П. С. Несоцкимъ, выступила въ концертѣ въ Коммерческомъ Собраніи. Опять безконечныя овапіи и чествованія. Тепло и задушевно прощались саратовцы со своей любимицей, прося ее и впредь не забывать ихъ. М. Г. обѣщала и исполнила обѣщаніе, но уже какъ артистка Императорскихъ театровъ, куда она была принята по дебюту, 9-го апрѣля 1874 года.

Лѣтомъ того же 1874 года М. Г. дала въ Саратовѣ всего лишь два гастрольныхъ спектакля, а именно: 12-го іюля въ лѣтнемъ театрѣ Варыкина, гдѣ тогда гастролировалъ знаменитый С. В. Шумскій. Она сыграла роль Авдотьи Петровны въ «Старшая и меньшая»; С. В. Шумскій въ этой пьесѣ игралъ роль Кубышкина. 13-го іюня М. Г. играла въ другомъ лѣтнемъ театрѣ Сервье—въ пьесѣ «Блуждающіе огни», свою коронную роль Лелечки. Нужно ли писать, что эти оба спектакля были сплошной овапіей. Саратовцы поздравляли М. Г. съ успѣшными дебютами на Императорской сценѣ и желали ей всякаго успѣха. Лѣтомъ 1875 года М. Г. была приглашена въ Саратовъ на гастроли и телеграфировала, что, по полученіи отпуска, пріѣдетъ, но отпуска ей не дали—и она не пріѣхала.

Болѣе десяти лѣтъ Саратовъ не видалъ на своей сценѣ М. Г. Эти долгіе годы она завоевывала и блистательно завоевала первенствующее положеніе на Александринской сценѣ. Изъ провинціальнаго далека Саратовъ не переставалъ слѣдить за своей любимицей, и мѣстныя газеты исправно отмѣчали и передавали всѣ ея столичные успѣхи. Но вотъ въ половинѣ августа 1887 года въ мѣстныхъ газетахъ появились анонсы, гласящіе, что съ 23-го августа въ Городскомъ театрѣ начнутся спектакли Петербургской труппы Императорскихъ театровъ, при участіи М. Г. Савиной. Это объявленіе было встрѣчено восторженно—и задолго до начала спектаклей не было ни одного билета: ихъ положительно расхватали.

По пріѣздѣ въ Саратовъ, М. Г., прежде всего, побывала у вдовы Сервье, бывшаго антрепренера М. Г., чѣмъ очень растрогала старуху. Въ театрѣ М. Г. пожелала помѣститься въ своей прежней уборной (третьей отъ входа за кулисы, налѣво). По словамъ очевидцевъ, М. Г. очень волновалась, взойдя на сцену, и говорила, что на нее нахлынула цѣлая волна разнообразныхъ воспоминаній. Вмѣстѣ съ М. Г. въ этотъ разъ пріѣзжали: г-жи Сахарова, Измайлова и друг., гг. П. Д. Ленскій, Максимовъ, Шмитовъ, Ильинскій, Мартыновъ и друг.

Для перваго спектакля, 23-го августа, была поставлена «Дикарка», съ М. Г. въ роли Вари. Переполненный театръ встрѣтилъ знаменитую артистку съ распростертыми объятіями; аплодировалъ весь партеръ, многіе стояли. 24-го шла «Дама съ камеліями». 25-го—«Самородокъ»; М. Г. играла роль Агаѳьи Петровны Обертышевой. Пьеса эта, какъ извѣстно, передѣлана И. А. Саловымъ изъ его же повѣсти «Молодой Ольшанскій баринъ». Авторъ былъ въ театрѣ и его вызывали; онъ выходилъ и раскланивался вмѣстѣ съ М. Г. 26-го—«Блуждающіе огни». Роль Лелечки—одна изъ лучшихъ ролей М. Г.; она играла ее съ обычнымъ успѣхомъ. 28-го—«Нищіе духомъ». Послѣ этого спектакля М. Г. были поднесены отъ публики роскошный букетъ и лавровый вѣнокъ на атласной подушкѣ, съ надписью: «М. Г. Савиной—1887 года, 23—28 августа—благодарная саратовская публика». 30-го—послѣдній прощальный спектакль въ Саратовѣ и вообще въ этой артистической поѣздкѣ. Давали «Чародѣйку», съ М. Г. въ роли «кумы Настасьи». Послѣ 3-го акта, при открытомъ занавѣсѣ, сотоварищи-артисты чествовали М. Г. и прощались съ нею. Отъ лица товарищей былъ прочитанъ сочувственный адресъ и подне-

сенъ вѣнокъ. По окончаніи спектакля, М. Г. вызвали 15 разъ. Было много подношеній. Сердечный и искренній пріемъ саратовцевъ такъ растрогалъ М. Г., что она на сценѣ расплакалась. 31-го вечеромъ М. Г. покинула Саратовъ. На вокзалъ проводить ее собралась огромная толпа; овацiямъ не было конца. Желѣзнодорожное общество предоставило М. Г. отдѣльный вагонъ до Петербурга.

Опять четыре года Саратовъ не видалъ М. Г. Ея гастроли начались 23-го іюня 1891 года въ Городскомъ театрѣ. Къ сожалѣнію, были даны только два спектакля: 23-го—«Татьяна Рѣпина» и 24-го—«Симфонія» (Елена Протичъ) и водевиль «Женя». Саратовцы очень жалѣли о столь короткомъ визитѣ, но М. Г. почему-то не могла дольше оставаться и покинула насъ. Пріѣзжали съ М. Г.: М. В. Дальскій, Ильковъ, Мартыновъ и др. Слѣдующая гастроль М. Г. состоялась 22-го мая 1894 года. Въ этотъ разъ М. Г. пріѣхала во главѣ очень большой труппы, въ составъ которой вошли слѣдующіе главные персонажи: г-жи М. И. Свободина-Барышева, М. Н. Терехова, А. А. Соловьева, Е. А. Лебедева, М. В. Ливанская, М. Н. Лидина; гг. А. И. Каширинъ, А. А. Агаревъ, М. Ѳ. Рюминъ, М. М. Неждановъ, Е. Н. Чернышевъ, Р. З. Чинаровъ, В. П. Моисеевъ, Г. В. Главацкій, А. Д. Муромцевъ, А. Ѳ. Моргуновъ и др.; режиссеръ былъ М. Ѳ. Рюминъ. Было дано всего четыре спектакля по значительно повышеннымъ цѣнамъ. Шли: 22-го мая—«Ранняя осень» (М. Г.—Анна Аѳанасьевна), 23-го — «Дворянское гнѣздо» (М. Г. — Лиза), 24-го — «Собака садовника» (М. Г. — Діана), 26-го—«Вѣтерокъ» («Фру-фру») (М. Г.—Жильберта).

Успѣхъ всѣхъ спектаклей былъ колоссальный; мѣста брались съ бою. М. Г. получила массу подношеній—и цѣнныхъ, и цвѣточныхъ. Благодаря умѣло составленной труппѣ, спектакли шли съ рѣдкимъ ансамблемъ. Это была послѣдняя гастроль талантливой артистки.

Когда въ 1900 году почти вся театральная Россія праздновала 25-лѣтній юбилей М. Г., Саратовскій Театральный Комитетъ послалъ ей 19-го января слѣдующую депешу: «Петербургъ. Александринскій театръ. Маріи Гавріиловнѣ Савиной. Въ день чествованія петербуржцами вашего славнаго двадцатипятилѣтняго юбилея благоволите принять сердечный привѣтъ и лучшія пожеланія отъ саратовцевъ, въ памяти которыхъ ваше пребываніе на Саратовской сценѣ и позднѣйшія гастрольныя посѣщенія останутся неизгладимыми».

Городскимъ Театральнымъ Комитетомъ на эту депешу 21-го января былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ: «Саратовъ. Городской Театральный Комитетъ. Прошу принять мою благодарность за память и вниманіе. Савина».

В. А. Штейнъ.

Эта статья перепечатана въ выдержкахъ въ «Саратовскомъ Вѣстникѣ», 4—XI—1915, № 238.

X—1915. № 10.

ПАМЯТИ МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ САВИНОЙ.

Статья Н. И. Николаева.

Статья эта прочитана на вечерѣ памяти М. Г. Савиной, 17-го октября 1915 года, въ Кіевѣ (см. т. I, стр. 247—265, гдѣ и приведенъ ея текстъ). Ранѣе она была напечатана въ «Кіевлянинѣ», 18, 19 и 20—X—1915, №№ 287, 288 и 289.

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ.
(Петроградъ).
8—IX—1915. № 15076.

† М. Г. САВИНА.

Императорская сцена осиротѣла не тогда, когда умерла Стрѣльская, вступившая уже въ полосу дряхлости и упавшая, какъ созрѣвшій колосъ, и не тогда, когда ушелъ Варламовъ, дитя веселаго смѣха, предъ которымъ впечатлѣнія міра ложились, какъ передъ взоромъ ребенка. Сиротѣетъ она теперь, съ уходомъ Савиной, когда намъ казалось, что она только переходитъ на иное амплуа, то комической, то страшной старухи. Съ уходомъ этой не только сценически талантливой, но и житейски умной, памятливой, властолюбивой, почти самодержавно дѣятельной и по всему своему прошлому исторической женщины и актрисы, умираетъ цѣлая полоса театральнаго прошлаго, съ такими вѣхами, какъ Островскій, Тургеневъ, Писемскій, Сухово-Кобылинъ, Потѣхинъ. Уходитъ ихъ современница, ихъ другъ, воплотительница ихъ образовъ и истолкователь ница ихъ.

Съ послѣдней четверти прошлаго вѣка начинается и всю ее окрашиваетъ сценическое волшебство Савиной, «чародѣйки русской сцены», какъ ее назвалъ покойный Щегловъ, «русскаго театра первой актрисы», какъ опредѣляли ее на торжественный ладъ старины. Новымъ, послѣгоголевскимъ силамъ литературы нужны были посредники сцены. Тогда пришли Савины, Ермоловы, Ѳедотовы, Стрепетовы, съ русскими фамиліями, съ русской душой, съ задумчивостью на прекрасныхъ лицахъ, взамѣнъ веселаго легкомыслія недавней актрисы международнаго Каратыгинскаго водевиля, и только что процвѣтшей оперетки съ Лядовой и Монаховымъ.

Вдругъ зазвенѣли съ тѣхъ же подмостковъ строгіе и трогательные голоса. Безобидныя пьески-хохотушки съ пѣніемъ смѣнила язвящая комедія или жуткая драма. Условное сценическое притворство уступило мѣсто настоящему паоосу страданія. Русскія женщины—Катерина изъ «Грозы», «Безприданница», Вѣрочка изъ «Мѣсяца въ деревнѣ»—взглянули въ лицо беззаботному зрителю печальными глазами мученицъ. Весело засмѣялась ему въ лицо «Дикарка». И онъ вздрогнулъ отъ неожиданности и пошелъ изъ театра потрясенный.

Такъ, значитъ, можетъ же быть русское искусство, выявленіе нашей національной души. Не все нашей актрисѣ пѣть съ голоса старушки Жоржъ или молодой тогда Сарры Бернаръ. И эти рѣчи о славянской душѣ потомъ, почти уже приближаясь къ закату, Савина услышала цѣликомъ отъ нѣмецкихъ критиковъ, послѣ гастролей въ Берлинѣ.

Въ десяткѣ бѣглыхъ строкъ почти кощунственно говорить о великолѣпномъ личномъ дарѣ Савиной. Нынѣшнія молодыя поколѣнія, заставшія ее не ранѣе, какъ пятнадцать лѣтъ назадъ, не могутъ имѣть понятія о томъ, какой это былъ искрометный, сверкающій, самоцвѣтный, плѣняющій талантъ. Коммиссаржевская, въ сущности, всегда играла себя. Савина была геніальной притворщицей, въ которой невозможно было сегодня узнать вчерашнюю. Ничтожная роль разгоралась подъ ея чарами въ пламенную. Какой-нибудь Крыловскій «Сорванецъ» шелъ 30—50 разъ подъ рядъ потому, что тамъ сверкали ея молодые глаза, игралъ, какъ играетъ шампанское, молодой, безудержный задоръ, звенѣлъ капризный, слегка носовой голосъ, тотъ, какой потомъ поддѣлывали тысячи провинціальныхъ инженю. Тургеневъ удивился, что въ «Мѣсяцѣ въ деревнѣ» она собирается играть не Наталью Петровну, а Вѣрочку. «Помилуйте, да что же тамъ играть?» И самъ онъ замеръ отъ восторга, когда увидѣлъ Вѣрочку, какой и самъ не видѣлъ, создавая образъ. Какая удивительная отточенность игры, какіе безконечные переливы чувства, при этой величайшей сдержанности жеста, которая потомъ, черезъ десятки лѣтъ, поразила ту же нѣмецкую критику.

Кто узналъ ее въ послѣднія пятнадцать лѣтъ,—не зналъ и въ половину, чѣмъ когда-то была Савина. Нѣтъ муки горшей, какъ женщинѣ разставаться съ молодостью. Вознесенной на высоту славы и поклоненія Савиной пришлось пережить эту муку во всей ея остротѣ. Даже

при своемъ исключительномъ умѣ, она долго не могла убѣдить себя перейти на амплуа, болѣе соотвѣтственное возрасту. Ушедшая молодость пытала ее пыткой очаровательныхъ воспоминаній, Тургеневскими письмами, полными обожанія, безконечными трофеями былыхъ тріумфовъ.

Въ ней было много женскаго: она хранила, напримѣръ, старыя платья, въ какихъ выступала въ юности. Разъ она сказала мнѣ передъ своимъ юбилеемъ:

— Вчера я достала то платье, въ какомъ когда-то играла «Дикарку». Оно и сейчасъ по мнѣ, только чуть-чуть узко въ таліи. Я не могла утерпѣть и расплакалась, а когда потомъ репетировала эту сцену, долго не могла поймать тонъ. Я не скажу, что хотѣла бы вернуть прошлое, но, конечно, мои оглядки на молодость тѣмъ грустнѣе, чѣмъ тамъ было больше радости, цвѣтовъ, аплодисментовъ и ласки.

Такъ воспоминанія выступали изъ сумрака, окружали, тѣснили ее—и она уже не съ прежней энергіей отдавалась текущему дню. Разъ и другой она сверкнула великолѣпными образами старухъ. Какъ сейчасъ видишь ее въ Гнѣдичевскихъ «Холопахъ», старую, немощную въ креслѣ, но властную, надменно встающую отъ мнимаго паралича и дерзко выпрямляющуюся въ часъ извѣстія о смерти ненавистнаго царя. Эти выступленія пророчили и ей, и намъ еще многіе часы сценическихъ наслажденій. Но сдавалась она упрямо. Еще нравились ей роли молодыхъ. Еще драматурги наперерывъ придумывали компромиссы для старѣющей царицы сцены, и каждое новое выступленіе ея рождало досаду и обиду въ тѣхъ, кто помнилъ прежнюю Савину. У нея не нашлось мужества Сафо, разставшейся съ любимымъ человѣкомъ при первыхъ угрозахъ старости. Смерть сжалилась надъ ней и избавила ее отъ ложнаго положенія и грустнаго самочувствія «Савиной-старухи».

А. Измайловъ.

Смерть Савиной... Какое ужасное слово. Смерть безпощадна. Она не щадитъ ни Пушкиныхъ, ни Толстыхъ. Смерть, вообще, ужасна.

Но смерть художника сцены—особенно. Превращая въ прахъ тѣла Рембрандта, Пушкина, Толстого, она безсильна убить ихъ духъ, ихъ созданія.

Духъ генія вѣчно живъ, духъ генія вѣками остается съ живыми. Въ этомъ есть доля утѣшенія!

Смерть Савиной ужасна тѣмъ, что она именно—смерть Савиной—всей. И не только Савиной, но всѣхъ тѣхъ живыхъ образовъ, типовъ, которые она создала и которые, одухотворенные ею, жили, какъ живутъ реальныя существа.

Во всѣхъ роляхъ, начиная съ Островскаго, со стараго купеческаго быта, и кончая героинями пьесъ современныхъ, Савина была воплощенной художественной правдой, въ ней всегда свѣтилась подлинная, настоящая жизнь, преломленная сквозь призму художественной, любящей, понимающей и чуткой души.

Каждый штрихъ, каждый жестъ, каждая ея интонація доходили до нашего сердца, трогали, какъ трогаетъ все живое. Да, Савина не умерла, какъ умираютъ многіе, еще при жизни ихъ бреннаго тѣла.

Ея жизнь грубо прервана... Старыя безпощадныя Парки точно совершили на нашихъ глазахъ убійство.

Убили живую прекрасную артистку, убили воплощенные ею живые образы... У нея не останется живого наслѣдства, какъ у Пушкина или Толстого. Оно щедро роздано намъ, ея современникамъ. Оно отнынѣ только въ воспоминаніяхъ. Сохранимъ же его въ нашихъ душахъ, это наслѣдство, сбережемъ въ неприкосновенности и передадимъ его нашимъ потомкамъ. Пусть, по крайней мѣрѣ, Савиной будетъ вѣчная память.

Вл. Боцяновскій.

Далѣе, въ этомъ номерѣ приведены свѣдѣнія о болѣзни и послѣднихъ минутахъ жизни М. Г. Савиной.

ИЗЪ ЖИЗНИ БОЛЬШОЙ АРТИСТКИ.

Первый дебютъ.—Островскій, Тургеневъ и Савина.—«Мѣсяцъ въ деревнѣ».

Марія Гавріиловна Савина, дочь преподавателя гимназіи Г. П. Подраменцева, родилась 30-го марта 1854 года, въ городѣ Каменецъ-Подольскѣ. Любовь артистки къ сценѣ была до нѣкоторой степени наслѣдственная. Отецъ ея игралъ нѣкоторое время въ городѣ Одессѣ, подъ именемъ Стремлянова. Образованіе М. Г. получила въ Одесской женской гимназіи. Уже въ это время «дѣвица Стремлянова» выступала на сценѣ въ незначительныхъ роляхъ—первый разъ въ драмѣ «Эсмеральда или Алый башмачекъ».

Въ 1866 году, въ Кіевѣ, г-жа Савина сыграла роль Егорушки, въ комедіи «Бѣдность не порокъ», вызвавъ восторгъ знаменитаго П. В. Васильева, гастролировавшаго въ то время въ Кіевѣ. Съ 1869 года начинается профессіональная сценическая дѣятельность М. Г. Она играла въ Минскѣ, Смоленскѣ, Харьковѣ, гдѣ вышла замужъ за артиста труппы П. Н. Савина, выступавшаго въ роляхъ первыхъ любовниковъ въ Калугѣ, Нижнемъ, Саратовѣ и Орлѣ.

Пріѣздъ г-жи Савиной въ Петербургъ (не съ цѣлью дебютированія) сыгралъ для нея большую роль. Въ 1874 году состоялся ея выходъ въ залѣ Благороднаго Собранія.

Появленіе М. Г. на Александринской сценѣ было дѣломъ случая. Ни о какомъ дебютѣ на Императорской сценѣ не могла мечтать молодая актриса, пріѣхавшая посовѣтоваться съ докторами. Былъ великій постъ, и артисты Императорской сцены играли на клубныхъ сценахъ. Посмотрѣвъ ихъ однажды, М. Г. почувствовала въ себѣ смѣлость искать дебюта, но ей отвѣтили предложеніемъ сыграть въ опереткѣ. М. Г. отказалась и собиралась уже покинуть Петербургъ, но въ это время въ Благородномъ Собраніи готовили пьесу Л. Антропова «Блуждающіе огни». Болѣзнь главной артистки заставила распорядителя спектакля Сосновскаго пригласить, скрѣпя сердце, Савину на роль Лелечки.

Монотонная читка, вялость движеній привели въ ужасъ и режиссера, и актеровъ, и посторонникъ свидѣтелей репетиціи. Устроитель считалъ дѣло безнадежнымъ. Но насталъ спектакль—и актрису не узнали. Волненіе ея мало-по-малу исчезало, роль захватила ее. Бурно рукоплескали петербургскіе театралы многообѣщающей незнакомкѣ.

9-го апрѣля М. Г. выступила въ Александринскомъ театрѣ въ роли Кати, въ комедіи В. Крылова «По духовному завѣщанію». Художественная простота игры, естественность декламаціи и внѣшнія данныя сразу подкупили зрительный залъ въ пользу дебютантки. Благодаря участію С. В. Шумскаго (?), вопросъ о принятіи М. Г. на казенную сцену рѣшился въ утвердительномъ смыслѣ послѣ второго и третьяго дебютовъ. Принятіе состоялось въ августѣ того же года.

Живое исполненіе самыхъ разнохарактерныхъ ролей, съ самыхъ раннихъ дней дѣятельности М. Г. въ столицѣ, ярко засвидѣтельствовало широту и разносторонность ея таланта и сдѣлало изъ нея звѣзду первой величины на горизонтѣ русскаго театра. На 1877, 1878, 1879 и 1881 годы падаютъ гастроли г-жи Савиной въ Кіевѣ, Одессѣ и Москвѣ. Въ концѣ девятидесятыхъ годовъ артисткою были предприняты гастроли за границу, вызвавшія лестное признаніе высокоталантливой премьерши Александринскаго театра и цѣнителями Запада. Въ ея лицѣ русское сценическое искусство какъ бы выдержало экзаменъ на аттестатъ зрѣлости.

Нѣтъ возможности и надобности перечислять всѣ роли, въ какихъ выступала М. Г. въ теченіе своей тридцатипятилѣтней дѣятельности. Общая цифра ролей, сыгранныхъ артисткою, превышаетъ 400. Кто не помнитъ въ ея исполненіи Марьи Антоновны изъ «Ревизора», Вѣрочки («Мѣсяцъ въ деревнѣ»), «Чародѣйки», «Сорванца», «Рѣпиной», Оени (изъ «Маіорши»)?

Въ 1900 и 1910 гг. состоялись тріумфы чествованія Савиной по случаю 25-лѣтняго и 35-лѣтняго юбилеевъ. Артистка была пожалована званіемъ «заслуженной артистки», съ присвоеннымъ этому званію знакомъ отличія. За полтораста лѣтъ существованія Императорскихъ театровъ это званіе впервые дано было женщинѣ.

Начавшая съ ролей ingénue, М. Г. позднѣе обнаружила болѣе глубокія стороны своего артистическаго темперамента. Рядъ трогательныхъ образовъ созданъ ею. Въ послѣдніе годы, съ переходомъ на роли немолодыхъ женщинъ, Савина блеснула неподдѣльнымъ комическимъ дарованіемъ. Перейти всецѣло на это амплуа судьба не судила ей.

Звѣзда нашей драматургіи, Островскій, высоко цѣнилъ Савину. При заботахъ о постановкѣ «Безприданницы» онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ главной роли: «Савина, при своихъ средствахъ, должна съ ума свести публику»,—писалъ онъ однажды Бурдину.

Объ отношеніяхъ Тургенева къ таланту и, вообще, къ дѣятельности Савиной разсказала однажды печатно сама М. Г. Отъ исполненія ею роли Вѣрочки въ «Мѣсяцѣ въ деревнѣ», какъ извѣстно, писатель былъ въ восторгѣ:

«Это былъ одинъ изъ счастливѣйшихъ спектаклей въ моей жизни. Что дѣлалось въ публикѣ—невообразимо! Иванъ Сергѣевичъ весь первый актъ прятался въ тѣни ложи, но во второмъ публика его увидала, и не успѣлъ занавѣсъ опуститься, какъ въ театрѣ со всѣхъ сторонъ послышалось: «автора!» Я бросилась въ комнату директорской ложи и, безцеремонно схвативъ за рукавъ И. С., потащила его на сцену ближайшимъ путемъ. Кланяться ему пришлось цѣлый вечеръ, такъ какъ публика неистовствовала. Послѣ третьяго дѣйствія (сцена Вѣрочки съ Натальей Петровной) И. С. пришелъ ко мнѣ въ уборную, взялъ за обѣ руки, подвелъ къ газовому рожку, пристально, какъ-будто въ первый разъ видя меня, сталъ разсматривать мое лицо и сказалъ: «Вѣрочка... я даже не обращалъ на нее вниманія, когда писалъ... Все дѣло въ Натальѣ Петровнѣ... Вы—живая Вѣрочка... Какой у васъ большой талантъ!» Я, чувствуя себя «Вѣрочкой», т.-е. семнадцатилѣтней дѣвочкой, услыхавъ такія слова, ничего не могла придумать умнѣе, какъ подскочить, обнять и крѣпко поцѣловать этого милаго, чуднаго автора. Тутъ стояла моя мать, вся въ слезахъ отъ волненія, а въ дверяхъ уборной—толпа, жаждавшая видѣть Тургенева вблизи. Я повела его за-кулисы знакомить съ исполнителями. Онъ всѣхъ любезно благодарилъ, а Варламова поцѣловалъ».

Эта статья перепечатана: въ «Театральной Газетѣ», 13—IX—1915, № 37 (первая часть статьи—біографическія свѣдѣнія); въ газетѣ «Театръ», 11—IX—1915, № 1731 (заключительная часть—отношенія А. Н. Островскаго и И. С. Тургенева); въ «Батумскихъ Вѣстяхъ», 17—IX—1915, № 1739 (также только заключительная часть).

Вотъ, что говорятъ о почившей артисткѣ:

В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДЪ

(режиссеръ Императорскихъ театровъ).

Смерть М. Г. Савиной—незамѣнимая потеря для русскаго театра.

Не говоря уже объ ея артистическихъ заслугахъ, оцѣнить которыя невозможно, ея значеніе, какъ общественнаго дѣятеля, было до того велико, что только съ ея смертью можно будетъ это учесть...

Театральный міръ столицы и провинціи имѣлъ въ ней неизмѣнную и горячую защитницу своихъ интересовъ. Массу энергіи она вкладывала въ дѣло помощи неимущимъ и престарѣлымъ актерамъ,—особенно послѣднимъ.

На репертуаръ Александринскаго театра смерть М. Г. Савиной окажетъ огромное вліяніе. Она была одной изъ немногихъ, сохранившихъ старыя традиціи, сочность и мастерство актеровъ старой школы.

Какъ и Варламову, и Стрѣльской будутъ, конечно, найдены замѣстители, но пройдетъ еще много времени, пока изгладится впечатлѣніе отъ образовъ, созданныхъ этими колоссами русской сцены.

Русскій театральный міръ и актеры Александринскаго театра понесли незамѣнимую утрату.

А. И. ДОЛИНОВЪ

(режиссеръ Императорскаго Александринскаго театра).

Еще вчера М. Г. Савина была среди насъ. Еще вчера вокругъ ея постели собирались товарищи, гости, говорили о текущихъ дѣлахъ, шутили, строили планы относительно наступающаго театральнаго сезона.

А сегодня—ея уже нѣтъ. Нѣтъ словъ, чтобы говорить о тяжести утраты,—она колоссальна.

Савина—шесть буквъ, и какъ много въ одномъ только словѣ!

Савина—даже не эпоха, а цѣлая исторія русскаго театра.

И тѣмъ страшнѣе отъ ея кончины, что такъ быстро послѣдовала она въ иной міръ за славными своими товарищами по сценѣ—Стрѣльской и Варламовымъ.

Е. П. КАРПОВЪ.

Я зналъ Савину много лѣтъ: первый разъ я увидѣлъ ее въ 1872—1873 году, когда она служила въ Орлѣ, въ труппѣ Медвѣдева. Въ молодыхъ годахъ Савина представляла собою актрису необычайно жизнерадостную, веселую, обвѣянную искрометностью таланта. Она была великолѣпна въ комедіяхъ и одноактныхъ водевиляхъ, оставляла громадное впечатлѣніе въ опереткахъ.

Когда Савина съ комедійныхъ ролей переходила на драматическія, очень многіе театралы высказывали сомнѣніе въ возможности для нея имѣть успѣхъ въ этой области. Она сразу и здѣсь выказала свой необычайный талантъ и рядомъ выступленій въ драматическихъ роляхъ разбила всѣ сомнѣнія театраловъ.

Многіе авторы ея участію обязаны появленіемъ ихъ пьесъ на русской сценѣ; много актеровъ столичныхъ и провинціальныхъ, крупныхъ и самыхъ маленькихъ, всегда находили въ ней помощь, оказываемую имъ болѣе, чѣмъ широко.

«Сцена—моя жизнь», было девизомъ Савиной. Я думаю, вѣрнѣе, было бы сказать: «Театръ—моя жизнь», такъ какъ внѣ театра она не жила и до послѣдняго момента только о немъ и думала.

9—IX—1915. № 15077.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

САМОДЕРЖАВНЫЙ ТАЛАНТЪ.

Отъ первыхъ шаговъ робкой Машеньки Подраменцевой до послѣднихъ часовъ всемірно-извѣстной «заслуженной артистки» Савиной улеглась настоящая волшебная сказка, какая грезится молодымъ, самолюбивымъ дѣвушкамъ на ранней веснѣ. Не родись уменъ, не родись пригожъ, а родись талантливъ—и все приложится. И къ Подраменцевой пришло все,—первыя роли, аудіенціи у царей и королей, золото и бриллианты, горящіе глаза аплодирующей молодежи, бури партера, серебро юбилейныхъ вѣнковъ, предсѣдательство на всѣхъ собраніяхъ, цвѣты, стихи и фельетоны.

Сорокъ лѣтъ это имя господствовало на сценѣ. Около Савиной слагались легенды, анекдоты и сплетни. Островскій называлъ ее моя «муза», иностранцы полушутя-полусерьезно писали въ своихъ газетахъ, что чеченцы въ Тифлисѣ собирались ее убить отъ восторга, что она купается въ Ледовитомъ океанѣ, и т. д., интервьюеры ловили каждое ея слово, газеты выслѣживали каждый ея шагъ, передъ бенефисами ея квартира превращалась въ фортъ Шаброль. Сказать «эпоха Савиной»—значитъ совершенно опредѣленно отмѣтить цѣлый историческій періодъ, въ которомъ были и свои блестящія, и свои укоризненныя страницы.

Сейчасъ трудно сказать, но, можетъ быть, будущій историкъ театра напишетъ, что Савина была, если не первою, то изъ тѣхъ первыхъ актрисъ, которыя воплотили на сценѣ настоящую душу русской женщины. Одна изъ первыхъ она показала романтическую тоску русской дѣвушки изъ «Мѣсяца въ деревнѣ», боль Катерины изъ «Грозы» или Анисьи (?) изъ «Власти тьмы» и блаженную наивность Марьи Антоновны изъ «Ревизора».

Никогда ранѣе кроткіе Тургеневскіе тона женской романтики не находили болѣе нѣжнаго и трогательнаго воплощенія. Никогда ранѣе цѣльная прелесть русской женщины не выливалась въ такую изящную и совершенную красоту. У каждаго времени свои чародѣи. Театръ Чеховскій, казалось бы, такой близкій театру Тургеневскому, былъ уже далекъ Савиной, не манилъ ее, не чаровалъ. Она была другого поколѣнія. И только то, другое поколѣніе ея ровесниковъ или уже ушедшихъ людей, чьими портретами были завѣшаны стѣны ея кабинета и заставлены столики будуара, понимало ее до конца. Оно пронесло свое очарованіе ею до сѣдыхъ волосъ и загоралось при одномъ словѣ—С а в и н а.

Савина не была красива и въ молодости. Но она была обворожительна, что часто лучше красоты. Нынѣшняя молодежь застаетъ уже только легенду объ ея очаровательныхъ глазахъ, понятіе о которыхъ она можетъ имѣть лишь по сохранившимся ея портретамъ. Очарованіе довершали изумительный по богатству интонацій голосъ, исключительной выразительности и подвижности лицо, передававшее тончайшія душевныя движенія. Это лицо позволяло ей играть безъ грима—и мѣняться, и не быть однообразной. Она притворялась такъ, что это была уже не игра, а реальность. Она увѣряла, что это не анекдотъ, а дѣйствительность, этотъ извѣстный случай съ пожарнымъ за-кулисами. Въ красненькомъ платочкѣ она стояла за сценой, въ ожиданіи выхода, во «Власти тьмы», въ роли Анисьи (?).—«Какой губерніи?»—снисходительно бросилъ ей пожарный. Она отвѣтила: «Тульской!» И въ эту минуту дѣйствительно она была той тульской крестьянкой, съ какихъ великій Толстой рисовалъ героинь своей тяжелой деревенской драмы.

Такъ волшебно притворялась она почти сорокъ лѣтъ на сценѣ, такъ перевоплощалась, что и послѣ ея смерти вспоминаются, какъ разные люди, и Вѣрочка, и Катерина, и Елецкая изъ «Вечера въ Сорренто», и «Провинціалка», и Лиза изъ «Дворянскаго гнѣзда», и Евлалія изъ «Невольницъ», «Сорванецъ», «Чародѣйка», «Татьяна Рѣпина», Оеня изъ «Маіорши», генеральша Матрена или Дашенька изъ «Мишуры»,—всѣ эти дѣвушки и женщины изъ русскаго терема или изъ дворянскаго гнѣзда, святыя и порочныя, наивныя и хитрыя, воспитанныя и избалованныя вольнымъ помѣщичьимъ житьемъ или стиснутыя крѣпостничествомъ, впервые отлились въ художественные образы. Савина открывала ихъ, какъ Тургеневъ открывалъ русскаго крестьянина и Островскій—купца.

Русскій талантъ сгораетъ скоро и еще скорѣе записывается въ старики. Сарсэ когда-то написалъ, что до 30-ти лѣтъ роли играются, и только послѣ 30-ти создаются. Самыя углубленныя, самыя сильныя роли созданы Савиной, въ самомъ дѣлѣ, въ періодъ зрѣлости. Было пышно это стояніе Савиной въ зенитѣ. Тысячи актрисъ подражали ей, копировали ее. Но ея талантъ властвовалъ не только надъ актерствомъ. Драматурги несли ей дань точно такъ же, какъ эти подруги по сценѣ. Угадывая ея игру, для нея писали пьесы, придумывали роли. Она вдохновляла въ истинномъ и благородномъ смыслѣ, но, какъ всегда, около таланта паразитствовала мелочь и поддѣлывалась подъ нее, ища минутной подачки. Островскій кряхтѣлъ, жалуясь (?), что, по ея капризу, долженъ перестраивать 18-лѣтнюю героиню на 25-лѣтнюю или мѣнять 25 на 33 (?), но десятки драматурговъ обрекали свое перо въ жертву деспотическаго таланта.

Пора «золотой осени» Савиной, какъ деликатно критики и фельетонисты обозначали ея закатъ, лишена красоты перваго періода,—поры очаровательныхъ встрѣчъ съ Тургеневымъ, сплошныхъ тріумфовъ и побѣдъ безъ промаха. Она еще удерживала свое самодержавіе на сценѣ, но оно уже не было согрѣто и смягчено властью ея заражающаго вдохновенія. Было несвободно и искусственно все, что новая драматургія несла ей, какъ свою дань. Молодыя роли транспонировались на пожилыя (?), прямая линія драматическаго творчества искривлялась. Болѣзненно

воспринимала она скорѣе намеки, чѣмъ упреки рецензій о томъ, что пора ея юности прошла. «Молодыхъ и красивыхъ бабъ много на Сѣнной, а таланты надо считать по пальцамъ»,—сказала она однажды пишущему эти строки, жалуясь на критика, откровенно сказавшаго, что она стара. И она ссылалась на Сальвини и Росси. Увы, иллюзіи молодости и красоты въ самомъ дѣлѣ не давали ни она, ни Сальвини, ни Росси.

Она рискнула выступить въ княгинѣ Тугоуховской (?) изъ «Горя отъ ума», сыграла старуху княжну Плавутину въ пьесѣ Гнѣдича. Съ погасшими глазами, съ одутловатыми, опустившимися щеками, сидѣла она въ старомъ креслѣ Павловской поры. Ее хвалили въ одинъ голосъ—и нельзя было не хвалить. Но она чувствовала, какъ опасны эти первые шаги въ новомъ амплуа, какъ легко ее запишутъ въ профессіональныя старухи.

А сердце женщины еще цѣплялось за послѣднія соломинки, хотѣло поймать молодость, на этотъ разъ хотя бы цѣною грима. Умная женщина, она знала, что даже геніальную старуху не вызовутъ съ разгорѣвшимися щеками, что у молодости есть свои права, какія теряетъ старость. У нея были почетъ, признаніе, міровое имя,—все, чѣмъ красенъ закатъ. Но, вѣроятно, ничто не могло смягчить тягость ея послѣдней драмы, какую на этотъ разъ она играла не на сценѣ, а въ жизни.

А. Измайловъ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

(Страничка воспоминаній).

Давнымъ-давно это было.

Я учился въ младшихъ классахъ гимназіи, когда впервые увидѣлъ Марію Гавріиловну Савину на сценѣ.

И теперь въ воспоминаніи она представляется мнѣ молоденькой дѣвушкой, почти ребенкомъ, въ бѣломъ, кисейномъ, короткомъ платьѣ, подпоясанная розовой, широкой лентой, въ козловыхъ туфелькахъ, рѣзко чернѣющихъ на бѣлыхъ чулочкахъ. Оживленное, круглое, юное личико, съ жгучими черными глазами, полными огня, лукавства и задорнаго веселья, въ рамкѣ черныхъ, какъ смоль, волосъ, завитыхъ локонами. Пухленькія алыя губки и рядъ жемчужныхъ зубовъ... Грація котенка... Наивная прелесть дѣтскихъ интонацій и заразительно-веселый смѣхъ!..

Такой въ первый разъ я увидѣлъ М. Г. Савину сорокъ пять лѣтъ тому назадъ.

Она служила тогда въ труппѣ П. М. Медвѣдева, въ Орлѣ, вмѣстѣ съ П. А. Стрепетовой, Н. Н. Кудриной, Гусевой, А. Мартыновой, В. Н. Давыдовымъ, А. И. Погонинымъ, Александровскимъ...

Несмотря на то, что это была выдающаяся провинціальная труппа, богатая талантливыми артистами, юная Савина, игравшая ingénue въ водевиляхъ и одноактныхъ комедіяхъ, скоро выдвинулась и, занявъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ труппѣ, сдѣлалась любимицей публики. Медвѣдевъ сталъ поручать ей отвѣтственныя роли въ большихъ пьесахъ.

Я помню Марію Гавріиловну Савину въ роли швеи, въ пьесѣ «Со ступеньки на ступеньку», шедшей въ бенефисъ П. М. Медвѣдева. Роль эта, отзываясь мелодрамой, требовала отъ артистки характерности и драматическихъ переживаній. М. Г. Савина съ честью вышла изъ этого положенія, неся на своихъ плечахъ главную драматическую роль пьесы.

М. Г. Савина, не докончивъ сезона, уѣхала изъ Орла.

Снова я увидѣлъ М. Г. Савину въ 1876 году съ галлереи Александринскаго театра, когда она уже успѣла завоевать себѣ мѣсто премьерши на Императорской сценѣ.

Это была пора полнаго расцвѣта ея чуднаго, блестящаго таланта.

Кто не видалъ ее въ эту пору на сценѣ, не можетъ представить себѣ ту силу обаянія, какой владѣла Савина. Появленіе ея на сценѣ, блескъ ея чудныхъ глазъ, первыя сказанныя фразы роли поднимали настроеніе публики, точно электрическая искра проносилась по зритель-

ному залу. Такой неподдѣльной веселости, такой виртуозной женственности, такой своеобразной, дикой и вкрадчивой граціи не достигала ни одна русская актриса.

Обладая природной наблюдательностью, неподдѣльнымъ комизмомъ, юморомъ и недюжиннымъ острымъ умомъ, М. Г. Савина переносила на сцену въ своихъ созданіяхъ обыкновенно тонкія, подмѣченныя ею въ разныхъ слояхъ общества, характерныя черты, какъ внѣшней, такъ и внутренней душевной жизни женской натуры.

Она болѣе, чѣмъ кто-либо изъ русскихъ выдающихся актрисъ, была способна перевоплощаться въ типъ, созданный авторомъ.

Кто видѣлъ Савину въ роли Вѣрочки, въ пьесѣ Тургенева «Мѣсяцъ въ деревнѣ», поражался не только тонкостью душевныхъ переживаній подростка-дѣвочки, впервые робко ощутившей пробужденія любви, которыя изумительно изображала М. Г. Савина, но еще больше удивительному искусству артистки переживать эти чувства, какъ могла только ихъ переживать дѣвушка того времени, той крѣпостнической помѣщичьей среды. И во всей своей внѣшности—въ костюмѣ, прическѣ, походкѣ, манерѣ держать себя, въ интонаціяхъ голоса—Савина умѣла изобразить барышню эпохи 50-хъ годовъ, эпохи старыхъ «дворянскихъ гнѣздъ».

Когда я впервые увидѣлъ М. Г. Савину въ «Вѣрочкѣ», я понялъ всю глубину ея таланта, всю виртуозность ея мастерства.

Я бы никогда не окончилъ этой статьи, если бы сталъ здѣсь вспоминать о ея чудныхъ созданіяхъ. Какая поразительно разнообразная галлерея созданныхъ ею женскихъ типовъ проходитъ передо мной!

Тутъ и Марья Антоновна изъ «Ревизора», и Елена изъ «Женитьбы Бѣлугина», и простенькая, но глубоко чувствующая Юлія изъ «Послѣдней жертвы», и Варя, шаловливая и страстная «Дикарка», и глухая, придурковатая Акулина изъ «Власти тьмы», и Глафира въ «Волкахъ и овцахъ», и княгиня изъ «Холоповъ», и самодурная старуха изъ «Торговаго дома», и Ольга изъ «Выгоднаго предпріятія», и безконечный рядъ другихъ русскихъ женщинъ проходитъ передо мной...

И всѣ эти женщины встаютъ въ моемъ воспоминаніи, какъ живыя, во всемъ разнообразіи ихъ характеровъ, ихъ говора, ихъ облика, съ яркими особенностями ихъ среды, ихъ времени, ихъ народности...

И когда подумаешь, что нѣтъ той великой волшебницы-артистки, которая вызвала ихъ своимъ талантомъ къ вѣчной жизни, слезы застилаютъ глаза и перо выпадаетъ изъ рукъ...

Евтихій Карповъ.

Эта статья перепечатана въ «Орловскомъ Вѣстникѣ», 9—IX—1915, № 15077.

НА ЗАКАТѢ.

(Отрывки воспоминаній).

Смерть Савиной, конечно,—ужасъ... Но этотъ ужасъ, самъ по себѣ, усугубляется его полной неожиданностью, полной неподготовленностью всѣхъ болѣе или менѣе близкихъ покойной къ ея кончинѣ...

Въ пятницу зазвонилъ телефонъ въ моемъ кабинетѣ.

— Слушаю...

Сначала—кашель, потомъ—какіе-то хриплые звуки, а затѣмъ — голосъ Маріи Гавріиловны.

— Вернулась изъ Полтавы совсѣмъ больная, простуженная. А мнѣ необходимо поговорить съ вами по дѣламъ Театральнаго Общества.

И, кашляя, прерывая рѣчь черезъ каждыя нѣсколько секундъ отъ, очевидно, мучившаго ее удушья, она проговорила со мною полчаса.

Я зналъ Марію Гавріиловну почти тридцать лѣтъ. О ней уже написаны томы. И теперь, когда вспоминаешь иногда очень, очень долгіе съ нею разговоры, когда воскресаютъ въ умѣ случайно подмѣченныя черточки ея характера, когда все это, одно за другимъ, рождается въ памяти, спрашиваешь себя, что можно написать о ней— объ этомъ удивительномъ человѣкѣ, отдавшемъ театру все свое существо, въ нѣсколькихъ газетныхъ строкахъ?

Нужны еще томы, и еще, и еще...

Мѣсяцъ назадъ я видѣлся съ нею на другой день послѣ ея пріѣзда съ Кавказа. Мы цѣлый вечеръ проговорили о театрѣ, о будущемъ сезонѣ, о ея надеждахъ, планахъ, настроеніяхъ.

И вдругъ я услышалъ слѣдующую фразу:

— Мнѣ много лѣтъ—это правда. Но представьте, я ихъ не чувствую: мнѣ кажется, я могла бы играть роли двадцатилѣтнихъ женщинъ. Но, конечно, дѣлать этого я не буду. Это было бы, увы, смѣшно. Я чувствую одно, а понимаю другое.

Да, по любви къ жизни, по энергіи, по колоссальной трудоспособности, Марія Гавріиловна до послѣднихъ дней оставалась двадцатилѣтней. Когда въ прошломъ году открылся Лазаретъ артистовъ Императорскихъ театровъ, покойную абсолютно нельзя было застать дома. И супругъ ея, А. Е. Молчановъ, говорилъ:

— Для того, чтобы видѣть собственную жену, я долженъ ѣздить въ Лазаретъ: она проводитъ тамъ дни и ночи.

Марія Гавріиловна создала Императорское Русское Театральное Общество. Эта огромная организація, насчитывающая сейчасъ болѣе 6.000 членовъ,—дѣло ея рукъ. Она такъ сроднилась съ Обществомъ, такъ вжилась въ него, что три года тому назадъ въ Москвѣ на Делегатскомъ Собраніи, когда избирался новый составъ Совѣта, произнесла слѣдующую фразу, обращаясь къ делегатамъ всей театральной Россіи:

— Если даже вы меня не выберете, я все равно не уйду!..

Громъ рукоплесканій былъ ей отвѣтомъ. Ее выбрали единогласно.

Она являлась въ каждое засѣданіе Совѣта съ пукомъ писемъ и телеграммъ. Все это были просьбы «алчущихъ и жаждущихъ». И она просила Совѣтъ то назначить пенсію старой актрисѣ, почти умирающей съ голоду въ Саратовѣ, то послать немного денегъ актеру, застрявшему въ Пензѣ, то принять въ Пріютъ дочь вдовы актера, писавшей ей изъ Тулы. А когда Совѣтъ, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, исполнить ея просьбы не могъ, она дѣлала на письмѣ или телеграммѣ какую-то отмѣтку карандашомъ... Какую именно—я узналъ недавно, совершенно случайно: она помогала имъ сама, изъ собственныхъ средствъ.

Однажды, выходя послѣ спектакля изъ артистическаго подъѣзда Александринскаго театра, она подверглась настоящей атакѣ актрисы Р., старухи, неизвѣстно зачѣмъ пріѣхавшей въ Петроградъ и сидѣвшей здѣсь безъ ангажемента.

— Мнѣ негдѣ почевать, меня выгнали изъ комнаты, у меня нѣтъ ни копейки,—сказала ей Р...

— Что же я могу...—начала было Марія Гавріиловна.

— Вы обязаны мнѣ помочь.

— Обязана?.. Почему?..

— Потому, что вы—Савина... Савина помогаетъ всѣмъ актерамъ.

Этотъ діалогъ передала мнѣ покойная лично. А когда я спросилъ ее о результатѣ, она только улыбнулась и пожала плечами. Я понялъ.

Она ѣздила на юбилей Н. Н. Синельникова въ Харьковъ, она устраивала санаторію для бѣдныхъ актеровъ въ Кисловодскѣ и мечтала о такой же санаторіи въ Крыму. На актерскомъ съѣздѣ въ Москвѣ она буквально ловила всѣхъ болѣе или менѣе видныхъ антрепренеровъ, хлопоча о мѣстахъ своимъ ученикамъ и ученицамъ по Театральной Школѣ А. С. Суворина.

Извѣстно, что девизъ Маріи Гавріиловны былъ:

«Сцена—моя жизнь!»

Теперь моментъ сдѣлать переоцѣнку этого девиза.

Онъ неисправленъ...

Она жила не только сценой, не только своимъ художественнымъ творчествомъ, а всѣмъ, буквально всѣмъ, что касалось театра. Думаю, что изъ немногихъ приведенныхъ мною фактовъ—это ясно. А такихъ фактовъ были сотни, пожалуй, даже тысячи.

И если кто-нибудь пожелаетъ почтить память ушедшей отъ насъ великой артистки, пусть возложитъ на ея гробъ вѣнокъ съ надписью:

«Театръ—моя жизнь!»

Это будетъ правдой настоящей, неприкрашенной правдой!..

В. Протопоповъ.

САВИНА НА ТУРГЕНЕВСКОЙ ВЫСТАВКѢ.

Имя М. Г. Савиной было тѣсно связано съ именемъ Тургенева, который сравнивалъ ее по таланту съ Рашель и признавался, что послѣ Рашель никто, кромѣ Савиной, не производилъ на него такого сильнаго впечатлѣнія. М. Г. была съ нимъ въ многолѣтней перепискѣ и благоговѣйно чтила память о немъ.

Когда въ 1909 году я принималъ участіе въ устройствѣ Тургеневской выставки, само собою разумѣется, я обратился къ М. Г. съ просьбой дать мнѣ нѣкоторыя указанія. Она назначила мнѣ день и предупредила, что настолько занята, что можетъ удѣлить мнѣ всего лишь десять минутъ. Встрѣтивъ меня, она воскликнула: «Ну, развѣ можно о Тургеневѣ проговорить въ такое короткое время?!» Въ результатѣ, мы разстались черезъ два часа.

— Вотъ моя гордость,—сказала М. Г., указывая мнѣ на два фотографическихъ портрета Тургенева. На одномъ была надпись: «Марьѣ Гавриловнѣ Савиной отъ душевно ей преданнаго Ив. Тургенева. Парижъ, 1879», на другомъ: «Маріи Гавриловнѣ Савиной въ память нашего совмѣстнаго чтенія. Искренне ей преданный Ив. Тургеневъ, СПБ., 16-го марта 1879».

— И знаете,—продолжала М. Г.,—если мнѣ становится особенно тоскливо на душѣ, если у меня рождается потребность отдохнуть на воспоминаніяхъ о красивомъ былomъ, я всегда останавливаюсь вотъ передъ той картиной. Это прудъ въ Спасскомъ-Лутовиновѣ. Рисовалъ его Я. П. Полонскій. Сколько съ этимъ мѣстомъ связано чудныхъ воспоминаній! Представьте себѣ, что Тургеневъ и Полонскій сами смастерили изъ досокъ тутъ подобіе купальни, потому что Ж. А. Полонская и я стѣснялись иначе купаться.

— Письма Тургенева,—говорила дальше М. Г.,—я храню, какъ святыню, и вамъ на выставку ихъ не дамъ. Я не люблю этого. Тяжело выносить такія реликвіи въ толпу. А чтобы вамъ повѣрили, что я была съ нимъ въ перепискѣ, я дамъ вамъ конверты отъ нихъ. Но до самой смерти я съ ними не разстанусь ни на мигъ. Вотъ сейчасъ я вспоминаю съ вами Ивана Сергѣевича и такъ мучительно хочется побольше напоминаній о немъ. Отъ всей моей души желаю успѣха вашей выставкѣ.

— Вы можете, М. Г., доставить себѣ это удовольствіе,—отвѣчалъ я.—На-дняхъ я привезу изъ Орла отъ Галаховыхъ всю обстановку комнаты Тургенева въ Спасскомъ. И вы окажете намъ громадную услугу, если поможете возстановить комнату такъ, какъ она была въ Спасскомъ.

М. Г. пришла въ полный восторгъ отъ этого предложенія.

Когда всѣ вещи были доставлены изъ Орла, и я увѣдомилъ объ этомъ М. Г., она тотчасъ же появилась среди насъ, волновалась, разставляла мебель и положительно блаженствовала среди этихъ родныхъ ей предметовъ.

— Боже мой! Родной «самосонъ»,—воскликнула она, глядя на извѣстный Тургеневскій диванъ.—Сколько на немъ сиживалось, леживалось, спорилось, переживалось. А ружье, а дрожки! Я сейчасъ вижу И. С., какъ онъ собирается на охоту... Нѣтъ, господа, вы мнѣ доставили рѣдкое наслажденіе. Наслажденіе, котораго я уже никогда не надѣялась испытать.

Вы вотъ любовно трудитесь тутъ, но вы трудитесь «въ память» великаго человѣка, а для меня вѣдь это все живое, понимаете,—живое, родное, свое...

И когда выставка открылась, въ вазѣ на столѣ И. С. Тургенева каждый день были свѣжія розы. Ихъ присылала Савина Тургеневу...

Владиміръ Рышковъ.

БАРЫНЯ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

Объявленіе въ траурной рамкѣ извѣщаетъ о смерти заслуженной артистки Императорскихъ театровъ Маріи Гавріиловны Савиной. Недавно на этомъ же мѣстѣ въ траурной рамкѣ стояло имя Стрѣльской, еще ближе къ намъ—Варламова. Вотъ уже и трехъ нѣтъ изъ столповъ стараго русскаго театра, въ которомъ въ первый разъ аплодировали «Ревизору». Вотъ уже нѣтъ цѣлаго поколѣнія россійскаго театра актеровъ, которые высоко держали знамя русскаго искусства и—quand même!—не давали ему упасть. Это было поколѣніе богатырей. Поколѣніе карликовъ идетъ ему на смѣну.

Я не помню Савиной «барышней»—«Дикаркой», «Вѣрочкой». Я засталъ ее уже «барыней», сначала молодой, переживавшей «Исторію одного увлеченія», потомъ старѣющей—матерью и даже бабушкой. Говорятъ, она была очаровательной барышней, Савина, только что вынырнувшая изъ нѣдръ провинціи на первую русскую сцену, и этому нельзя не вѣрить, потому что она превратилась въ неподражаемую барыню. Что-то изысканное, что-то аристократическое было всегда въ ея холодноватомъ исполненіи. Савина не удовлетворяла разночинной Москвы. Можетъ быть, именно поэтому она была душою сдержаннаго и строгаго Петербурга.

Савина не потрясала трагической силой, какъ московская сестра ея по сценѣ—Ермолова. Какая-то петербургская, свѣтская, что ли, сдержанность и суховатость тормозила ея порывы. Но когда Савина изображала женщину хорошаго тона, русскую барыню, русскую mondaine,—она была правдивѣе и убѣдительнѣе всѣхъ. Ей не дано было потрясать, но ей дано было убѣждать, восхищать и очаровывать. Въ ней организующій Аполлонъ превозмогъ и покорилъ себѣ подъ ногѣ волнующаго Діониса.

Надъ гробомъ Савиной не мѣсто поднимать старый споръ между «нутромъ» и «школой», вѣковѣчный, какъ споръ орудія съ броней. Но и въ лентѣ, которую вплетаешь въ вѣнокъ на могилу Савиной, нельзя не указать, что съ нею сошелъ съ русской сцены «метръ», строгій къ себѣ и къ другимъ, вооруженный всѣми завоеваніями актерскаго искусства и техники, подлинный «взыскательный художникъ». Савина была представительницей бѣлой кости на сценѣ; она была на сценѣ аристократкой съ ногъ до головы, какъ Лиръ—съ ногъ до головы королемъ.

Сошла въ могилу старая барыня русской сцены, и когда падетъ запретъ, и станетъ доступнымъ для театра образъ Екатерины, некому будетъ воплотить его.

А это была мечта и законнѣйшее притязаніе великой артистки.

Онѣгинъ.

Почившая М. Г. Савина гастролировала во всѣхъ крупныхъ провинціальныхъ городахъ, но до конца 90-хъ годовъ не появлялась на сценѣ въ городахъ Таврической губерніи, несмотря на то, что очень любила Симферополь, гдѣ на сценѣ Дворянскаго театра выступала съ большимъ успѣхомъ въ ранней молодости (?). По поводу нежеланія посѣтить Крымъ редакторъ Симферопольской газеты обратился къ ней письменно и получилъ шуточный отвѣтъ: «Предлежащія власти не желаютъ».

Секретъ былъ, оказывается, вотъ въ чемъ. Марія Гавріиловна, какъ извѣстно, была вторымъ бракомъ замужемъ за Всеволожскимъ, родной братъ котораго камергеръ А. Н. Всеволожской былъ таврическимъ губернаторомъ.

— Мой зять,—разсказывала М. Г.,—категорически мнѣ заявилъ: «Пока я живъ, вы не будете играть въ моей губерніи. Ни за что не позволю». Такимъ образомъ, при всемъ желаніи

выступить на сценѣ Симферополя я не имѣла возможности этого сдѣлать, и лишь теперь, когда Андрей Никитичъ вышелъ въ отставку, рѣшила исполнить свое давнишнее желаніе пріѣхать сюда. Однако, Андрей Никитичъ оказался пророкомъ: дѣйствительно, я только послѣ его смерти появляюсь у васъ, такъ какъ по дорогѣ я изъ телеграммы узнала, что мой зять нѣсколько дней тому назадъ скончался.

Эта замѣтка перепечатана: въ «Южной Мысли», 13—IX—1915, № 1314; въ «Русской Ривьерѣ», 20—IX—1915, № 210.

9—IX—1915. № 15078.

ИЗЪ ПРОШЛАГО М. Г. САВИНОЙ.

Въ 1862 году въ Одессу пріѣхалъ на гастроли знаменитый артистъ В. В. Самойловъ. Въ пьесѣ «Испорченная жизнь» Манечка Стремлянова получила роль «мальчика Пети». Буквально, она имѣла такой же успѣхъ, какъ В. В. Самойловъ. Но В. В., какъ извѣстно, не любилъ дѣлиться успѣхомъ. Когда онъ вышелъ на вызовы, публика стала требовать мальчика Петю. А. В. Самойловъ, братъ гастролера, взялъ Манечку на руки, поцѣловалъ и вынесъ на сцену.

Затѣмъ, А. В. Самойловъ направился въ уборную брата.

— Вася,—воскликнулъ онъ,—знаешь, эта дѣвочка, Маня Стремлянова, будущая звѣзда, помяни мое слово.

В. В. Самойловъ съ кисло-сладкимъ лицомъ отвѣтилъ:

— Все это, можетъ быть, и вѣрно, но я астрономіей не занимаюсь, на небо не смотрю и звѣздъ не замѣчаю.

* * *

Въ 1887 году М. Г. Савина играла въ Тифлисѣ. Эти гастроли съ самаго начала до конца были тріумфомъ артистки. Особенно пышнымъ и торжественнымъ прошелъ ея бенефисъ. Овація не ограничились театральнымъ заломъ: многотысячная единодушная ликующая толпа народа восторженно привѣтствовала любимую артистку на улицѣ. По дорогѣ были зажжены бенгальскіе огни до самой гостиницы; артистку сопровождалъ хоръ военной музыки. Музыка, зурна, фейерверкъ, оглушительные привѣтственные клики тысячной толпы разстроили М. Г. настолько, что артистка въ полномъ изнеможеніи опустилась въ кресло. Но южная, экспансивная толпа требовала ея выхода. Артистка, собравъ свои силы, съ блѣднымъ лицомъ, нѣсколько разъ выходила на балконъ благодарить публику.

* * *

По поводу гастролей Савиной въ Тифлисѣ покойный князь В. П. Мещерскій привезъ записки одного кавказскаго князя. Покойный издатель «Гражданина» утверждалъ, что эти записки—исторически вѣрны. «Сегодня было чудесно хорошо»,—писалъ кавказскій князь,—«два раза меня впрягали въ коляску Савиной». «Сегодня назначенъ ночной караулъ подъ балкономъ Савиной. Чудесно хорошо». «Я говорилъ рѣчь на обѣдѣ для Савиной и ужасно хорошо говорилъ». «Ты больше Святой Нины, потому что Нина была просвѣтительница Грузіи, а ты, Марія Гавріиловна, просвѣтительница всего Кавказа».

Пріятель князя Мещерскаго разсказывалъ ему, что за этимъ обѣдомъ были уподобленія г-жи Савиной съ богинями, съ мадонной, съ угодниками и съ Екатериной Великой. Одинъ армянинъ предложилъ въ память этого дня назвать г-жу Савину «Маріею Тифлисскою», какъ есть, напримѣръ, Марія Египетская.

Эти замѣтки перепечатаны: въ «Волгарѣ», 12—IX—1915, № 249; въ «Послѣднихъ Новостяхъ», 13—IX—1915, № 3307; въ «Одесскихъ Новостяхъ», 14—IX—1915, № 9827 (участіе въ спектаклѣ вмѣстѣ съ В. В. Самойловымъ); въ «Батумскихъ Вѣстяхъ», 17—IX—1915, № 1739 (гастроли въ Тифлисѣ).

11—IX—1915. № 15084.

УВѢКОВѢЧЬТЕ САВИНУ.

Воззваніе Владиміра Рышкова.

См. т. I, стр. 96—97.

Въ Петроградѣ сейчасъ находится прибывшій на похороны М. Г. Савиной управляющій драматической труппой Московскаго Малаго театра, князь А. И. Сумбатовъ-Южинъ.

Князь Сумбатовъ-Южинъ разсказываетъ, какъ подготовляли маститую Федотову къ этому роковому извѣстію.

— Сначала, ей сказали, что Савина легко занемогла, затѣмъ, что ея болѣзнь осложнилась, что она уже при смерти, и только послѣ большихъ предосторожностей ей была сообщена эта горестная вѣсть. И, несмотря на постепенную подготовку, Федотова была страшно потрясена.

Маститая московская артистка прислала слѣдующую телеграмму:

— Лучше я умерла бы вмѣсто Савиной!

16—IX—1915. № 15091.

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА.

(Весеннее).

1.

Кто изъ насъ не помнитъ ея съ дѣтства, хотя бы издали, освѣщенную огнями рампы, живую, лукавую, гибкую, съ такими красивыми разлетающимися бровями? Позднѣе мнѣ случалось видѣть Марью Гавриловну и не на сценѣ, познакомиться съ нею. Въ девяностыхъ годахъ нерѣдко встрѣчались мы въ артистической комнатѣ на благотворительныхъ литературныхъ вечерахъ: отъ нихъ, особенно отъ популярнѣйшихъ въ то время вечеровъ Фонда, которые устраивалъ П. И. Вейнбергъ, М. Г. никогда не отказывалась.

Но болѣе близко судьба свела меня съ этой интереснѣйшей женщиной лишь въ послѣдній годъ ея жизни.

Теперь не время для спокойныхъ, пространныхъ «воспоминаній»: мы еще почти не вѣримъ, что она умерла,—она, вчера такая подвижная, дѣятельная, молодая, именно молодая—вотъ главное у меня отъ нея впечатлѣніе. И такъ хотѣлось бы передать его въ короткихъ словахъ, положить вѣнокъ изъ весеннихъ фіалокъ на нежданную могилу.

Марья Гавриловна была молода не только силою жизни и таланта, не только своей открытостью ко всему, идущему впередъ: ея молодость всегда благоухала неувядаемой женственностью. А мудрый опытъ долгой жизни и сверкающій талантъ дѣлали изъ этой женщины какое-то особое, невстрѣчаемое существо. Жаль было бы отнять у нея малѣйшую черту, малѣйшій недостатокъ: это лишило бы цѣльности совершенный образъ.

Марью Гавриловну недальновидная, рутинная кружковщина причисляла къ представителямъ «стараго теченія» въ искусствѣ. Конечно, это «старое» теченіе всегда есть, его представители всегда есть. И Марья Гавриловна не совсѣмъ права была, говоря: «Искусство я или понимаю, или не понимаю; а если понимаю, то узнаю его всегда, во всякой вещи, все равно принадлежи она по вашему къ «новому» или къ «старому» искусству». Для нея-то оно, дѣйствительно, было такъ; но лишь потому, что она, сверхъ своего проницательнаго таланта, еще обладала свойствомъ молодости,—способностью двигаться впередъ съ открытыми глазами.

Считалось, что для Савиной уже Мейерхольдъ—непріемлемый новаторъ, что они принадлежали къ разнымъ поколѣніямъ, представители двухъ «разныхъ искусствъ»; а потому, coute qui coute, должны во всемъ расходиться и не понимать другъ друга. Что нравится Мейерхольду—

не можетъ нравиться Савиной, и наоборотъ. Однако, самъ Мейерхольдъ этого не думалъ; онъ остро и глубоко понималъ Савинскую вѣчно-молодую, порывистую мудрость. И съ пьесой, которая нравилась ему, отъ которой кружокъ важныхъ литературно-театральныхъ старичковъ пришелъ въ ужасъ, Мейерхольдъ не задумался отправиться къ Савиной. Старички махали руками: «Это нельзя! Это порочно! Это лживо! Мы признаемъ, что это талантливо (sic!), но это безнравственно! Это—потрясеніе»... А Савина сказала, улыбаясь: «Какой вздоръ! Это все правда, такъ именно бываетъ, есть, и гдѣ же тутъ безнравственность? Откуда? Я вполнѣ понимаю Мейерхольда, мнѣ пьеса нравится совершенно такъ же, какъ ему. Ее надо поставить».

И она взялась за дѣло съ горячностью, на первыхъ порахъ удивившей даже меня, автора пьесы; надо помнить, что ранѣе мнѣ не приходилось близко вглядываться въ Марью Гавриловну. Она сама извѣстила меня о свиданьѣ и о разговорѣ съ Мейерхольдомъ, о своемъ желаніи видѣть пьесу на сценѣ, участвовать въ пьесѣ; и все это случилось тогда, когда мы, признаться, объ Александринскомъ театрѣ уже и не думали: пьеса готовилась къ постановкѣ въ Студіи художниковъ, подъ режиссерствомъ Стаховича.

Менѣе всего желаю касаться моей пьесы,—говорю о ней, лишь какъ о счастливомъ случаѣ, заставившемъ меня ближе узнать, услышать, увидѣть и понять эту исключительно-совершенную женщину, молодую, обаятельную артистку, Савину. Въ продолженіе долгихъ разговоровъ нашихъ, у нея или у меня, она не обмолвилась ни однимъ словомъ, которое не было бы вѣрно, ярко, мѣтко. Ея сужденія художественныя, не только театральныя, но чисто-литературныя, были такъ остры, что приводили меня въ восхищеніе и... даже въ нѣкоторую профессіональную зависть:

— Вотъ бы вы написали это, Марья Гавриловна!

— Нѣтъ, я умѣю только понимать, говорить и разсказывать, писать я не умѣю!

Непонятное «декадентство», кстати уже состарившееся, она никогда не любила. Отъ него отвращалась ея стойкая молодость. Открытая къ новому, она подозрительно встрѣчала всѣ подозрительныя новшества. Постоянно сталкиваясь съ Мейерхольдомъ, она давно успѣла оцѣнить его—новатора, отдѣлить его отъ него же—декадента. Однако, мнѣ сказала со своей лукаво-насмѣшливой прямотой:

— Когда Всеволодъ Эмильевичъ принесъ «Зеленое Кольцо», я испугалась, признаюсь: какую это онъ меня зеленую змѣю хочетъ заставить играть? Зато послѣ какъ была рада...

Не могу я не отмѣтить поразительнаго театральнаго безкорыстія Савиной, болѣе—какой-то полной и ясной объективности. Что ей я? Кромѣ предубѣжденности, издали, къ моему имени она ничего не могла имѣть. Что ей лишняя роль (кстати, хотя и значительная—не главная, всего въ одномъ дѣйствіи), когда къ ея услугамъ были всевозможныя роли, когда для нея готовы были писать лучшіе драматурги? Для чего, для кого понадобилось ей, тогда изнемогавшей отъ избытка всякихъ дѣлъ, брать на себя добровольно, даже безъ просьбъ, еще это хлопотное дѣло мгновеннаго проведенія на сцену «сомнительной» (для пугливыхъ старичковъ) пьесы?

Но такъ ей «изволилось». Показалось, что такъ надо. И такъ она сдѣлала.

2.

О нашемъ послѣднемъ свиданіи, въ концѣ мая, когда она пріѣхала къ намъ изъ какого-то благотворительнаго концерта, нарядная и стройная, и мы вчетверомъ просидѣли почти до утра, до солнца,—только что писалъ одинъ изъ присутствовавшихъ, г. Философовъ. И я не хочу повторяться. Да, въ сущности, и нельзя разсказать разсказы Марьи Гавриловны, они неповторимы. Тургеневъ, Полонскій, запахъ вечерній цвѣтущихъ липъ, когда Тургеневъ читалъ, волнуясь, только что написанную «Пѣснь торжествующей любви»...

И ея волненіе, такого же «художника Божіей милостью», художника—и молодой, прекрасной женщины... Актриса Кадмина—«Клара Миличъ» Тургенева вырастала передъ нами,

какъ сегодняшняя, настоящая. Да и все это красочное прошлое жило передъ нами въ тѣ часы, какъ настоящее: вѣдь она-то, Марья Гавриловна, была тутъ съ нами, самая настоящая, живая и м о л о д а я, совершенно такая, какою была тогда, съ тѣми.

Пусть это назовутъ «иллюзіей», сотворенной талантомъ. Право, не такъ ужъ извѣстно, что такое иллюзія, гдѣ грань между творчествомъ Божественнымъ, которое мы называемъ реальностью, и человѣческимъ творчествомъ...

Можетъ быть, самой нереальной была именно «старость» Савиной, ея годы, съ которыми не считались ни ея творчество, ни весь ея цѣльный и живой обликъ.

Послѣ этого майскаго вечера мы еще не разъ переговаривались съ Марьей Гавриловной.

Она устала, ѣдетъ лечиться на Кавказъ, ждетъ билета... У насъ было условлено, что въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ я попробую написать для нея нѣсколько короткихъ эстрадныхъ сценокъ.. «Вѣдь будетъ столько благотворительныхъ вечеровъ!» А монологовъ и чтеній она не любила.

— Только придумайте сами темы, Марья Гавриловна,—прошу я.

И весной, въ ожиданіи отъѣзда, она придумала мнѣ столько темъ, одна другой граціознѣе и любопытнѣе, что даже въ замѣшательство меня привела. Гдѣ тутъ справиться! Но еще прекрасная черта: въ наше горькое и трудное время очень страшенъ всякій юморъ, а безъ него не обойтись; это меня пугало; но темы Марьи Гавриловны оказывались такъ деликатны и тактичны, что ими воспользоваться можно бы съ радостью.

— А вотъ и драматическая одна... Разговоръ съ моей дочерью... Только не дѣлайте меня очень старой...

Ну, ужъ, конечно, я не сдѣлаю ее старой. Не въ моихъ силахъ, если бъ и пожелать.

Все, что угодно,—но лишить эту женщину ея молодой совершенной женственности не могъ бы и Самъ Богъ. И талантъ ея былъ—самопониманіе, проникновеніе въ «женское»,—со всѣми его достоинствами и недостатками,—въ цѣльность с о в е р ш е н с т в а.

Съ полнымъ правомъ Савина говорила о себѣ: «Я, прежде всего, художникъ». Созвучный художникъ и человѣкъ—хотѣлось прибавить. Часто ли встрѣчается это созвучіе?

Мнѣ радостно, что мы видѣлись въ послѣдній разъ весной, что въ памяти она осталась у меня весенней. Умерла ранней осенью... и кажется опять, что именно такъ должно было случиться. Въ ея открытую могилу, на ея гробъ падали осенніе листья. Но вѣчной памятью о ней, живой, вѣчнымъ символомъ ея будутъ молодыя фіалки и пышные, сильные, благоуханные цвѣты лѣтнихъ расцвѣтовъ.

Мы привыкли идеализировать только что отошедшихъ. Но пусть, кто можетъ, пойметъ: я не идеализирую Марьи Гавриловны Савиной. Я говорю: въ ней было созвучіе искусства и вѣчно-молодой, совершенной женственности. Я это говорю—и это только правда.

З. Г и п п і у с ъ.

17—IX—1915. № 15093.

НЕ ТО...

Статья В л а д и м і р а Р ы ш к о в а.

См. т. I, стр. 112.

23—IX—1915. № 15105.

НА РАДОСТЬ ВРАГАМЪ.

Статья Л у к і а н а.

Въ этой статьѣ находится, между прочимъ, отповѣдь «Русскому Знамени» на его отзывъ (22—IX—1915, № 207) по поводу кончины М. Г. Савиной.

17—X—1915. № 15153.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

(Къ 40-му дню кончины).

I.

Вотъ уже шесть недѣль прошло, какъ нѣтъ Савиной.

Все попрежнему: и бѣложелтая Театральная улица, и капельдинеры, обрывающіе билеты, и занавѣсъ съ золотымъ орломъ, что плавно уходитъ кверху. Только ея нѣтъ.

* * *

Когда умираетъ человѣкъ, долго его идеи, его понятія, взгляды живутъ среди близкихъ. Если натура ихъ груба, имъ кажется, что покойникъ ходитъ, они слышатъ его шаги, его кашель, его голосъ,—онъ снится имъ по ночамъ. Если натура ихъ болѣе утонченна, они чувствуютъ отошедшаго близкаго только внутри себя. Болѣе ясны становятся для нихъ тѣ завѣты, что при жизни ушедшаго казались такими обыкновенными, будничными. Все, что говорилъ умершій, пріобрѣтаетъ новый смыслъ, и гораздо болѣе глубокій, чѣмъ при жизни. Незначительныя письма вдругъ кажутся значительными. Мимолетно брошенная фраза вдругъ окрашивается новымъ свѣтомъ. Того, откуда исходили эти мысли, нѣтъ, нѣтъ больше на землѣ, и гдѣ онъ—никто не знаетъ. Его нѣтъ, онъ исчезъ,—иногда внезапно, иногда съ длинными сборами. Длинный ли путь, или короткій предстоялъ ему—неизвѣстно. Но люди скрываются навсегда, куда-то за предѣлы нашего осязаемаго, земного міра. Мы ихъ болѣе никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не увидимъ здѣсь, среди насъ.

* * *

Безсмертіе человѣческаго духа особенно проявляется въ томъ высшемъ духовномъ вліяніи, которое оказалъ своей жизнью умершій на тѣхъ, кто остался на землѣ. Дурной, низменный, подлый характеръ, воспринимающій только дурное, и объ умершемъ вспоминаетъ только съ отрицательной стороны. Онъ вспоминаетъ однѣ нехорошія его стороны и радуется исчезновенію его, какъ одному изъ препятствій гнусному продвиженію впередъ. Человѣкъ со свѣтлой, спокойной, уравновѣшенной совѣстью, напротивъ того, хочетъ воспринять отъ покойнаго все то положительное, что онъ можетъ дать живымъ. Все отрицательное (а отрицательное есть въ каждомъ человѣкѣ) онъ отбрасываетъ въ сторону, какъ ненужное, какъ подлежащее забвенію.

У хорошихъ матерей бываютъ дурныя дѣти, или, во всякомъ случаѣ, изъ нихъ выходятъ люди гораздо болѣе худшіе, чѣмъ ихъ родители. У дурныхъ матерей часто образуются прекрасныя дѣти. Но вліяніе матери, ея взглядовъ, инстинктовъ отражается на всѣхъ дѣтяхъ—и дурныхъ, и хорошихъ. Они плоть отъ плоти и кость отъ кости ея и, помимо ихъ воли и желанія, составляютъ часть ея—и отдѣлаться отъ сходства съ нею не въ ихъ власти. Что-то стихійное связываетъ ихъ. Пусть они идутъ противъ нея, пусть говорятъ: «У насъ нѣтъ ничего общаго съ нею, то—старое поколѣніе, мы—новое». И все же, глядя со стороны, мы говоримъ: «Нѣтъ, вы дѣти ея, вы взяли отъ нея все дурное, что было въ ней, но вы все-таки похожи на нее».

* * *

Нѣтъ выше на землѣ понятія, какъ понятіе—талантъ. Талантъ—божественная сторона природы въ человѣкѣ,—то высшее творческое начало, которое такъ отличаетъ его отъ міра животныхъ. Все равно, въ чемъ оно выразится,—въ созданіи храма Софіи, Венеры Милосской, игрѣ Рубинштейна, портретѣ Ванъ-Дейка, въ игрѣ Сальвини, или въ пьесѣ Шекспира. И когда

говорятъ про таланть: «онъ не нашей школы, не нашего времени»,—дѣлается смѣшно и грустно за говорящихъ.

Талантъ внѣ времени, внѣ теченій, внѣ случайныхъ вкусовъ. Шекспиръ—писатель будущаго. Онъ и футуристъ, и декадентъ, и уравновѣшенный классикъ, и сентиментальный романтикъ. Онъ властвуетъ надъ толпой и ведетъ ее за собою, а не принижается до толпы. Онъ ничего не разъясняетъ, не упрощаетъ. Если толпа плюетъ на алтарь, гдѣ горитъ священный огонь поэта, и въ дѣтской рѣзвости колеблетъ его треножникъ,—онъ относится къ этому со спокойствіемъ, зная, что онъ самъ себѣ «высшій судъ», а не народъ. И часто художники, отмѣченные «перстомъ», находятъ себѣ оцѣнку послѣ смерти,—современники его не понимаютъ или потому, что безконечно ниже, или потому, что «утомились божественнымъ видѣніемъ» и, наскучивъ имъ, пытаются разбить «чудный сосудъ».

* * *

Когда молодые артисты говорили про Савину, что она не ихъ школы, что она не имѣетъ той прелести обольщенія современнаго зрителя, какое теперь одно котируется на биржѣ искусства, хотѣлось сказать имъ:

— Да, но она—талантъ. Между вами и ею та разница, что вы никогда не подниметесь до высоты ея творчества. У нея было то проникновеніе, на которое вы неспособны. У нея было какое-то шестое чувство, которымъ она охватывала то неуловимое, которое для васъ невидимо. Вы говорите, что она слишкомъ была прямолинейна въ своемъ творчествѣ. Неправда. Она была тонка, гибка и отзывчива на такія проявленія духа, которыя совершенно чужды вамъ. Она—художникъ, вы—ремесленники. Вы творите головой, а она творила талантомъ. Это разница. То, что фабрикуете вы, иногда хорошо, занятно, но это кустарное производство. А то, что творила Савина, это—настоящее искусство.

Ея нѣтъ. Она—прошлое. Она—легенда, старая сказка, что болѣе не можетъ воплотиться. Это—сонъ минувшаго. Сонъ чудесный, воздушный, пестрый, полный какихъ-то странныхъ, до боли острыхъ, но художественныхъ ощущеній.

Все проходитъ на землѣ. Прошла и Савина.

П. Гнѣдичъ.

II.

Послѣдній разъ я видѣлъ Савину на сценѣ въ «Зеленомъ Кольцѣ» З. Гиппіусъ. Какъ она удивительно играла свою маленькую вводную роль! Какой перлъ изъ нея сдѣлала! Лишь только она появилась въ третьемъ дѣйствіи, въ своемъ,—какъ сейчасъ помню,—лиловомъ платьѣ такого глубокаго бархатнаго тона,—для оттѣнка кокетливости накинувъ на него въ слѣдующемъ выходѣ еще серебряный шарфъ,—такъ мгновенно все расцвѣло, заиграло, заискрилось блестками ея изумительнаго дарованія, расцвѣтившаго ничтожную роль искрами тончайшаго мастерства,—еле уловимой сценической ироніи. И сразу стала понятна и жалка эта незначительная, взбалмошная, капризная, одиноко старѣющая женщина, такъ близко къ сердцу подошла драма человѣка, первый разъ оглянувшагося на свою опустѣвшую и уже никому ненужную, мелко-личную жизнь! Какъ это было просто, какъ хорошо!

Оглядываясь на блестящую сценическую карьеру М. Г. Савиной, хочется отмѣтить въ ней, какъ въ артисткѣ, женщинѣ и человѣкѣ, одну черту, проходившую красною нитью чрезъ всю богатую жизнь. Савина, кромѣ своего огромнаго таланта и артистическаго темперамента, представляла еще колоссальную и н д и в и д у а л ь н о с т ь, крупнѣйшую л и ч н о с т ь, пронизывающую трепетомъ своего удивительно-яркаго и обаятельнаго *я* все, съ чѣмъ ей приходилось соприкасаться. Отъ соприкосновенія съ этою мощною индивидуальностью артистки, женщины и человѣка и происходило, мнѣ думается, и ея огромное личное вліяніе, и эта удивительная метаморфоза ничтожныхъ ролей въ первоклассные художественные образы. Ибо на

сценѣ, какъ нигдѣ, выявляется Уайльдовскій завѣтъ искусству: важно не ч т о, а к а к ъ. К а к ъ она играла пустыхъ, самовлюбленныхъ, ничтожныхъ, и все же глубокочеловѣчныхъ персонажей—объ этомъ знаетъ всякій, видѣвшій ее. Какъ никто, знала Савина тайну перевоплощенія, тайну мастерства, тайну искусства, претворяющаго своими чарами камни въ алмазы и жезлъ въ цвѣтущій посохъ...

Ѳ е д о р ъ С о л о г у б ъ.

7—III—1916. № 15427.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Завтра—поминки по Савиной. Офиціальныя поминки—въ Александринскомъ театрѣ, которыми будутъ отмѣчены первые полгода со дня ея смерти. Будутъ читать рѣчи, характеристики, воспоминанія,—все люди, ее близко знавшіе, любившіе и талантливые.

Но самое главное, что подчеркнутъ эти поминки, это будетъ вопросъ, который ставится уже и сейчасъ, ставится все это время и всѣми.

Вопросъ этотъ простъ, но краснорѣчивѣе самыхъ интересныхъ воспоминаній.

Вѣрнѣе, даже не вопросъ, а невозможность его поставить.

Попробуйте, въ самомъ дѣлѣ, спросить:

— Чувствуете ли вы отсутствіе Савиной?

Вамъ могутъ даже не отвѣтить, или если отвѣтятъ, то вопросомъ въ такомъ же родѣ:

— Неужели,—скажутъ,—объ этомъ можно спрашивать?

Да, Савина не могла бы о себѣ сказать, какъ сказалъ поэтъ, что съ ея смертью «только однимъ человѣкомъ убавится»...

Нѣтъ Савиной...

Вотъ мысль, съ которой входятъ въ Александринскій театръ и съ которой оттуда уходятъ.

Какія поминки, самыя торжественныя, могутъ подчеркнутъ болѣе значеніе ушедшаго художника, чѣмъ эта простая мысль, эти два коротенькія слова...

В л. Б—с к і й.

8—III—1916. № 15428.

Т Е А Т Р А Л Ь Н О Е.

САВИНА - ДИРЕКТОРЪ.

Когда В. П. Далматовъ умеръ, Драматическая Школа Литературно-Художественнаго Общества осталась безъ директора. Суворинъ тогда былъ уже близокъ къ смерти и жилъ въ это время за границей. Онъ обратился къ Савиной, полагая, что она скорѣе кого другого съумѣетъ поддержать дѣло, шедшее, несмотря на широкіе размахи Далматова, далеко не такъ, какъ оно должно было бы идти.

Онъ не ошибся въ выборѣ. Признаться, я ожидалъ мало хорошаго отъ новаго назначенія. Зная Савину за чудесную артистку, съ которой мнѣ довелось 8 лѣтъ подъ рядъ проработать на одной сценѣ, встрѣчаясь съ нею эти восемь лѣтъ чуть не ежедневно, я совершенно не былъ знакомъ съ административными и преподавательскими ея талантами. Примѣръ Далматова являлся въ этомъ отношеніи скорѣе отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ.

Далматовъ былъ плохой администраторъ. Прекрасный артистъ на свои роли, онъ, какъ директоръ Школы, былъ совершенно безпомощенъ и безхарактеренъ. Онъ былъ и Донъ-Кихотъ, и неисправимый оптимистъ. Ему все казалось прекраснымъ,—иногда въ какомъ-нибудь эпизодѣ не только ничего прекраснаго не было, но онъ былъ даже весьма сомнительнаго свойства.

Онъ распустилъ Школу до того, что каждый день его заваливали жалобами. Отсутствіе должной этики скалывалось не на отдѣльныхъ даровитыхъ молодыхъ людяхъ, которые воспринимали отъ Школы, что имъ нужно было воспринять, и шли своей артистической дорогой, а на томъ большинствѣ, которое во всякомъ дѣлѣ составляетъ основной фундаментъ. Опаздываніе, манкированіе лекціями, постоянная путаница въ росписаніи занятій, столкновенія съ преподавателями—были ежедневными спутниками школьнаго теченія жизни. Лицъ, которымъ было поручено наблюденіе за систематическимъ порядкомъ занятій, не ставили ни въ грошъ.

М. Г. Савина сначала не соглашалась на сдѣланное ей предложеніе. Но потомъ просьбы умирающаго старика на нее подѣйствовали, и она рѣшила временно принять руководство Театральной Школой.

Со вступленіемъ ея въ дѣло картина рѣзко измѣнилась. Никакой суровости и «репрессій» она не проявила. Мягкое правленіе Далматова какъ-будто стало еще мягче, попавъ въ женскія руки. Но новый директоръ смѣнилъ безхарактерное правленіе ея предшественника безапелляціоннымъ, съ легкимъ оттѣнкомъ постоянной ироніи, отнюдь не сухимъ, формальнымъ отношеніемъ къ учащимся. Когда кто грозилъ, что покинетъ школу, Далматовъ представлялъ резоны и уговаривалъ не оставлять «превосходно поставленнаго дѣла». По крайней мѣрѣ, онъ искренно былъ увѣренъ, что оно было поставлено превосходно. Савина поступала иначе,—она никого не удерживала, никакихъ резоновъ на необходимость остаться не приводила,—напротивъ, она дѣлала видъ, что очень рада такому рѣшенію:

— Пожалуйста! Скатертью дорога! Очень буду рада, если вы уйдете: вы только помѣха.

При такомъ режимѣ—все измѣнилось. Учащіеся подтянулись. Сама М. Г. никогда не опаздывала въ казенномъ театрѣ ни на спектакли, ни на репетиціи. Она не досыпала, не доѣдала, пріѣзжала совсѣмъ больная, съ опухолями и кашлемъ. Такимъ же подающимъ всѣмъ примѣръ аккуратности директоромъ она явилась въ Школѣ. Живя на Аптекарскомъ островѣ, она поспѣвала въ срокъ на репетицію къ Аничкову дворцу, и на Англійскую набережную на занятія въ Школу, и на Петровскій островъ въ Пріютъ, и въ четыре часа домой на свой пріемъ. Потомъ обѣдала, ѣхала опять въ театръ или на школьный спектакль, а послѣ спектакля еще находила возможность ѣхать на какой-нибудь благотворительный вечеръ. Примѣръ этой неутомимой энергіи былъ главнымъ рычагомъ къ тому, что въ Школѣ опаздыванія и манкированія занятіями сократились, и недавней толчеи и гама въ «кулуарахъ» великолѣпнаго дома Тенишевой, гдѣ помѣщалась Школа, какъ не бывало.

Почему-то ожидали, что Савина, какъ преподавательница, будетъ навязывать свои прописи и трафареты своимъ ученицамъ. На дѣлѣ—ничего подобнаго не было. Она говорила и настаивала на томъ, ч е г о н е н а д о дѣлать, что недопустимо на сценѣ, а к а к ъ н а д о сдѣлать—этого она не показывала, говоря:

— Это дѣло артистической натуры.

Нѣтъ ничего легче, какъ выучить ученицу съ голоса тѣмъ или другимъ интонаціямъ. Результатъ такого пріема является на данномъ экзаменѣ весьма удачнымъ, и зритель принимаетъ трафаретную выучку за дарованіе. Потомъ плоды такого преподаванія оказываются очень плачевными. М. Г. шла инымъ путемъ: она хотѣла, чтобы каждый, сообразно своимъ способностямъ и наблюдательности, воспроизводилъ на сценѣ данное положеніе, а не повторялъ навязанный ему и натверженный урокъ учителя. Это было хорошо, свѣжо, а главное—честно. Тутъ не было мѣста фальсификаціи, и во всякомъ дарованіи чувствовалась степень его способности дать самостоятельную работу.

Для меня это было неожиданно и радостно. Здѣсь, въ Школѣ, я раза три-четыре въ недѣлю встрѣчалъ всегда оживленную, всегда сдержанно-довольную или недовольную Савину. Иногда она негодовала на то, что въ прежнее время не бросалось въ глаза преподавательскому составу. Она возмущалась утрированными модами ученицъ, нелѣпыми прическами, короткими, обтянутыми платьями. Она восклицала:

— Вы думаете, это красиво? Это ужасная мерзость! Вы потрудитесь пріѣзжать болѣе прилично одѣтой, въ такомъ видѣ я не могу васъ допустить къ занятіямъ.

Особенно возмущала ее размазка лица. Она прямо требовала:

— Подите, умойтесь! Что это за гримировка!

Смерть не дала возможности создать ей законченный циклъ изъ артистокъ хотя бы одного выпуска. Но, кажется мнѣ, она могла бы много сдѣлать въ этомъ направленіи. Тѣ ученицы, которыхъ отличила она, сохранили о ней свѣтлую память. Она надѣлила ихъ цѣлымъ катехизисомъ театральной этики, и если онѣ пронесутъ его незыблемо черезъ свой артистическій путь, это будетъ лучшимъ памятникомъ для покойной артистки.

Ея дѣятельность, какъ руководительницы драматической школы, блеснула, какъ метеоръ. Пока еще есть время, можетъ быть, по крупицамъ можно возстановить этотъ образъ,— было бы жаль, если бы Савина-преподавательница была забыта.

П. Гнѣдичъ.

8—III—1916. № 15429.

ЕЯ ГЛАЗА.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

(Къ полугодовщинѣ кончины).

Были глаза, черные прекрасные.
Взглянутъ, и смотрятъ, и спрашиваютъ...

О. Сологубъ.

Уже полгода, какъ нѣтъ съ нами той, съ которой столько времени были вмѣстѣ. Мысль о ней всегда съ нами, и поверхъ будничной, повседневной жизни, оттуда, издалека, всегда глядятъ на насъ ея глаза.

Глаза этой большого дарованія актрисы...

Въ нихъ было все. Бездна ума и простота невиннаго ребенка, чары колдуньи и очарованіе Мадонны, исполинскій гнѣвъ и безграничная нѣжность ласки, ядъ сатиры и шутка незлобивой иронiи, пламень момента и глубокій покой безконечности.

Навѣки сохранится память объ ея яркомъ, многогранномъ талантѣ. Наши потомки съ восхищеніемъ будутъ вспоминать о разносторонности дарованія Маріи Гавріиловны, потрясавшей души зрителей въ моментахъ сильной драмы, трогавшей зачерствѣлыя сердца наши въ элегическихъ картинахъ тоскующей, нераздѣленной любви, убѣждавшей на яркихъ творимыхъ образахъ въ безпредѣльности восторговъ любви взаимной, заставлявшей искренно хохотать въ веселыхъ водевиляхъ и пьесахъ фарсоваго характера. Но особенно сильна она была въ роляхъ чисто-комедійныхъ,—здѣсь было ея царство, ея стихія.

И какъ Щепкинъ первый установилъ на русской сценѣ принципъ простоты и жизненной правдивости изображаемыхъ типовъ и переживаній, такъ Савина первая внесла утонченную простоту полутоновъ, интонацій и игры въ комедію, какъ современную, такъ и классическую, ту рафинированную простоту, которая такъ сильно выявляетъ правду жизни, но является удѣломъ лишь избранныхъ талантовъ. А Марія Гавріиловна въ этой области достигла, дѣйствительно, поразительныхъ результатовъ. Въ ея трактовкѣ, въ ея интерпретаціи это была уже не сценическая простота, а какая-то, я сказалъ бы, сверхъ-простота художественнаго творчества отмѣченной перстомъ Божіимъ жрицы искусства.

И главнымъ средствомъ виртуозной работы Савиной были всегда ея глаза. Съ неповторяемымъ мастерствомъ, съ непонятнымъ для другого искусствомъ умѣла она глазами своими передать душевныя переживанія самаго различнаго свойства. Полная гамма чувствованій, настроеній и впечатлѣній человѣка проходила въ глазахъ артистки, создавая главную основу

всѣхъ ея сценическихъ пріемовъ и способовъ. Всѣмъ другимъ—голосомъ, мимикой, движеніями, позами—она какъ бы акомпанировала, правда, блестяще, высоко артистично, но все же только акомпанировала своему главному инструменту, своему вдохновенному пѣнію, своей игрѣ глазами. Какъ у Коммиссаржевской три четверти успѣха заключалось въ богатѣйшихъ интонаціяхъ ея очаровательнаго голоса, такъ у Савиной половина ея успѣха таилась въ глубинѣ ея чарующихъ глазъ.

Глаза этой большого ума и сердца женщины... ихъ силу, ихъ обаяніе, ихъ благо всегда будутъ помнить и тѣ, на комъ остановились они въ минуты гнѣва, и тѣ, кому сіяли они безконечной милостью и доброй лаской. Разскажутъ о нихъ тысячи людей униженной, безправной въ прошломъ, актерской меньшой братіи нашей, которые въ этихъ, теперь сомкнувшихся глазахъ всегда находили участіе, привѣтъ, искреннее соболѣзнованіе, большую чисто-материнскую любовь.

Быть можетъ, со временемъ будутъ въ русскомъ театрѣ актрисы и талантливѣе, и ярче, и значительнѣе Маріи Гавріиловны, но въ жизни русскаго актерства не будетъ никогда друга, болѣе преданнаго, болѣе искренняго, болѣе ревниваго, чѣмъ она. Всю себя отдала она на служеніе намъ, сорганизовала многотысячную семью нашу и поставила на прочный путь, на стальные рельсы, громоздкій поѣздъ Театральнаго Общества.

Глаза этого добраго, хорошаго товарища и друга...

Да, безконечно счастливы тѣ, кто дѣлили съ нею ея досуги, работали вмѣстѣ на одной сценѣ, дышали однимъ и тѣмъ же немного пыльнымъ, немного затхлымъ воздухомъ нашихъ кулисъ.

И мнѣ, одному изъ этихъ счастливцевъ, всегда памятна будетъ гастрольная поѣздка наша по Россіи 1900 года,—года 25-лѣтія служенія Савиной на Александринской сценѣ. Это была поистинѣ тріумфальная поѣздка Маріи Гавріиловны, во время которой каждый спектакль давалъ огромное удовлетвореніе ея артистическому самолюбію, ея заслуженному вполнѣ желанію видѣть справедливую оцѣнку многолѣтней самоотверженной, честной, болѣе чѣмъ продуктивной работы на русской сценѣ. Играла она тогда безукоризненно и вдохновенно, и отдыхъ ея послѣ спектакля, всегда среди товарищей-актеровъ, былъ желаннымъ праздникомъ. И горѣли глаза ея тогда искренней веселостью, душевнымъ миромъ, счастьемъ дружбы и товарищескаго единства.

Но никогда не увидимъ мы больше этихъ глазъ... Закрылись они навѣки... Умерла наша Марія Гавріиловна...

Н. Ходотовъ.

14—III—1916. № 15440.

М. Г. САВИНА И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Статья Ѳ. Д. Батюшкова.

Прочитана на вечерѣ памяти М. Г. Савиной, 8-го марта 1916 года, въ Петроградѣ, въ Александринскомъ театрѣ (см. т. I, стр. 175—180).

19—III—1916. № 15451.

АКТЕРСКІЙ ПРИБОЙ.

(Листки къ вѣчному вѣнку М. Г. Савиной).

Театральное море плещется въ обширныхъ берегахъ. Отъ Гельсингфорса до Батума, отъ Владивостока до Варшавы разливается море русскаго актерства.

Одинъ разъ въ году—постомъ—у бѣлыхъ стѣнъ Кремля выбрасываетъ море нѣсколько валовъ съ гребнями бѣлой пѣны; двѣ-три недѣли этого прибоя, а затѣмъ снова море неровно колышется въ своихъ безграничныхъ берегахъ.

Это море выбросило много лѣтъ тому назадъ на высокій берегъ интереснаго человѣка съ властной волей, со свѣжей головой и съ упрямымъ мужскимъ (это была женщина) характеромъ. Вотъ этотъ человѣкъ и задумалъ ввести море въ гранитные берега, подчинить зыбкую его поверхность стальнымъ законамъ логики ума, разсчета и экономики. Но это было напрасно! Море, какъ и прежде, колышется по своимъ законамъ, не признавая ни гранитныхъ береговъ, ни логики индивидуальной воли,—у него своя логика: ирраціональный законъ богемы. Да будетъ благословенъ этотъ законъ!

Въ борьбѣ со своенравнымъ нравомъ моря устала и остыла властная женщина и, вмѣсто гигантскихъ цѣлей,—она была мудрая,—поставила передъ собою реальныя и достижимыя задачи.

Не утишивъ моря, она стала помогать пострадавшимъ отъ морскихъ кораблекрушеній, уставшимъ, состарившимся, выброшеннымъ на холодный обледенѣлый берегъ жизни.

Инвалиды-актеры, актрисы, дѣти актерской семьи, скрытая нужда, расшатанныя сердца,—все это находило отзвукъ въ душѣ той, которую само море, — счастливая случайность!—вынесло на вершину славы, почета и власти.

Но вотъ умираетъ женщина — эта некоронованная королева театральнаго моря, и море, не способное созидать само (это—не его функція), хочетъ смыть все, что создала властная женщина на крѣпкомъ берегу, а, затѣмъ, на пескѣ, изъ пѣны морской строитъ частичными прибоями новое зданіе, полное фантастики миражей.

* * *

Такъ, въ метафорической формѣ, представляется мнѣ настойчивое желаніе случайныхъ актерскихъ группъ, бывающихъ постомъ въ Москвѣ, о перенесеніи Совѣта Театральнаго Общества изъ Петрограда въ Москву.

Вмѣсто продолженія дѣла М. Г. Савиной, вмѣсто расширенія Убѣжища для стариковъ и Пріюта для дѣтей, вмѣсто раціональныхъ заботъ объ устроеніи государственнаго положенія актерства, для каковой цѣли удаленный отъ сумбурнаго «прибоя» Петроградъ удобнѣе Москвы,—вмѣсто всего этого, пѣнистыя рѣчи, каскадъ фальшфейеровъ, игра въ «парламентъ» и моментальное, когда это настойчиво необходимо, остываніе къ серьезной, трудной работѣ, къ работѣ въ тиши кабинета, со счетами въ рукахъ, гдѣ нужны не пылкія рѣчи, а сосредоточенное молчаніе и точныя выкладки.

Милое театральное море! Ты таково... и быть инымъ не можешь. Не оттого ли, что ты не можешь сдѣлаться ни буржуазной, ни соціалъ-демократической ячейкой, ты такъ плѣнительно и такъ оригинально? Плещись, милое и дорогое море! Кто много плавалъ по тебѣ, кто привыкъ знать тебя капризнымъ и бурнымъ, для тѣхъ ты всегда останешься дорогой и свободной стихіей!

А чтобы ты не ломало уже устроенныхъ и культурныхъ береговъ, на маякѣ остался послѣ смерти сильной женщины умный и осторожный гидротехникъ—А. Е. Молчановъ, тоже понимающій и любящій море и моремъ любимый.

Плещись, милое море!

Николай Боголюбовъ.

БИРЖЕВЫЯ НОВОСТИ.

(Петроградъ).

8—IX- 1915. № 481.

† М. Г. САВИНА.

Сегодня утромъ, въ $5^1/_2$ часовъ, скончалась знаменитая артистка М. Г. Савина.

Не успѣла закатиться одна ярчайшая звѣзда русской сцены—К. А. Варламовъ, какъ ушла отъ насъ навѣки другая дивная звѣзда.

Скончалась дивная артистка, гордость русскаго театра—М. Г. Савина, чей юбилей мы такъ недавно праздновали.

Уходятъ отъ насъ свѣточи.

Кто замѣнитъ намъ М. Г. Савину?

Никто! —нъ.

9—IX—1915. № 482.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ АКТРИСЫ.

Умерла совѣсть русской сцены!

Дѣйствительно, Савина была совѣстью русскаго театра, русскаго искусства.

Со смертью М. Г. ушелъ со сцены знаменитый тріумвиратъ, ибо, по справедливости, нужно признать, что Стрѣльская, Варламовъ и Савина на своихъ плечахъ вынесли русскій бытъ.

Преклонимъ голову предъ незамѣнимой утратой!

Нѣтъ второй Савиной, какъ не найдемъ второго Варламова и второй Стрѣльской!

Аловъ.

ПЕРВЫЙ ДЕБЮТЪ М. Г. САВИНОЙ ВЪ АЛЕКСАНДРИНСКОМЪ ТЕАТРѢ.

(Отрывокъ изъ автобіографіи).

Участіе совмѣстно съ С. В. Шумскимъ въ пьесѣ «Старшая и меньшая»—см. «Петроградская Газета», 9—IX—1915, № 247, «Автобіографія М. Г. Савиной».

ВЕСЬ МІРЪ.

(Петроградъ).

IX—1915. № 38.

† М. Г. САВИНА.

Русскій театръ понесъ тяжелую утрату. Скончалась замѣчательная русская артистка Марія Гавріиловна Савина.

Впервые 8-лѣтней дѣвочкой она выступила въ Одессѣ, въ драмѣ «Эсмеральда», и, затѣмъ, уже всю жизнь не покидала сцены.

Въ Петербургѣ М. Г. Савина въ первый разъ дебютировала въ 1874 году въ Благородномъ Собраніи, вскорѣ послѣ чего была приглашена на сцену Императорскаго Александринскаго театра.

Здѣсь въ теченіе 40 лѣтъ она съ одинаковымъ успѣхомъ играла самыя разнообразныя роли и въ 1899 году получила званіе «заслуженной артистки».

Свободное время М. Г. посвящала общественной дѣятельности: была учредительницей Русскаго Театральнаго Общества и въ послѣднее время предсѣдательницей его Совѣта, почетнымъ членомъ Театральнаго Общества, Союза Драматическихъ и Музыкальныхъ Писателей, Литературно-Художественнаго Общества, Театральной Школы имени Суворина и др.

Alex. de Borod.

Въ заголовкѣ этихъ строкъ помѣщенъ портретъ М. Г. Савиной, въ ея рабочемъ кабинетѣ, за изученіемъ роли (1914 г.).

IX—1915. № 39.

У МОГИЛЫ М. Г. САВИНОЙ.

Снимокъ свѣжей могильной насыпи, окруженной родными, друзьями и проч.

Исполнилось девять дней со дня смерти Савиной, а все не вѣрится, что М. Г. покинула насъ навѣки, что никогда уже не раздастся ея сильный, пѣвучій, какъ музыка, голосъ въ зрительномъ залѣ Александринскаго театра,—голосъ, заставлявшій трепетать и волноваться тысячи сердецъ. Ушла навѣки! Эта коротенькая безпощадная фраза больно рѣжетъ душу и наводитъ на печальныя мысли.

Почему, въ самомъ дѣлѣ, наши артисты умираютъ въ тѣ годы, когда иностранные находятся еще въ полномъ расцвѣтѣ силъ и пожинаютъ лавры?

Почему Сарра Бернаръ, уже перешагнувшая 8-й десятокъ, продолжаетъ быть украшеніемъ французской сцены? И почему Савина, Варламовъ, будучи на двадцать лѣтъ слишкомъ моложе ея, уже покинули міръ и ушли отъ насъ навсегда?!

За короткій промежутокъ времени русскій театръ понесъ три крупныя потери; три смерти осиротили нашу сцену. Ушли изъ жизни: несравненная М. Г. Савина, милый «Дядя Костя» и жизнерадостный, вѣчно юный С. А. Пальмъ.

И, какъ ни странно, у всѣхъ троихъ артистовъ главной причиной смерти была не какая-нибудь жестокая неизлечимая болѣзнь, передъ которой человѣкъ покорно склоняетъ голову и мирится съ неизбѣжнымъ, а простое, свойственное всѣмъ русскимъ, а особенно русскимъ артистамъ, нежалѣніе себя, полное игнорированіе своего здоровья.

Сравнивая некрологи М. Г. Савиной, К. А. Варламова и С. А. Пальма, мы видимъ, что черезъ нихъ красной нитью проходитъ описаніе сверхсильной, сверхчеловѣческой работы, хроническаго недосыпанья, полнаго отсутствія того, что называется нормальнымъ образомъ жизни.

Развѣ заранѣе нельзя было предсказать, не будучи врачемъ, но просто человѣкомъ, немного знакомымъ съ гигіеной, что такая жизнь, какую вела незабвенная М. Г., способна расшатать и болѣе могучій организмъ, чѣмъ ея, и быстро привести къ роковой развязкѣ?

«Утромъ она ѣхала на репетицію, потомъ въ Школу, которая ее страшно волновала и которой она отдавала бо́льшую часть своей жизни, затѣмъ опять въ Александринку, опять въ Школу, въ Убѣжище, въ Театральное Общество и зачастую прямо, не заѣзжая домой, на спектакль туда же, въ Александринскій театръ, возвращаясь изъ котораго, писала мемуары, письма и т. п.». При этомъ не надо забывать, что М. Г. была наирадушнѣйшей и гостепріимнѣйшей хозяйкой дома и что у нея была семья.

Такое же пренебреженіе и безпощадное игнорированіе своими силами и здоровьемъ видно и у К. А. Варламова, которому «врачи настоятельно совѣтовали не ѣхать въ утомительное турнэ по Россіи, но объ отмѣнѣ котораго онъ не хотѣлъ и слышать».

Не лучше поступалъ въ отношеніи своего здоровья и С. А. Пальмъ, «возвращавшійся изъ клуба съ «рабочимъ» трамваемъ, спавшій въ немъ часъ и не болѣе 3 часовъ дома, Богъ вѣдаетъ гдѣ, какъ и когда завтракавшій и обѣдавшій».

Читая все это, невольно поражаешься, какъ при такомъ образѣ жизни эти артисты все же могли прожить свои шестьдесятъ лѣтъ, какъ изумляешься этимъ могучимъ организмамъ, безнаказанно выносившимъ долгіе годы продѣлываемые съ ними жестокіе эксперименты.

А вѣдь, благодаря такому небрежному отношенію къ здоровью, талантливые артисты, духовныя силы и энергія которыхъ были въ полномъ расцвѣтѣ, лишили насъ многихъ, особенно дорогихъ въ настоящій моментъ, высокихъ художественныхъ наслажденій, но... «Мы можемъ горько плакать лишь о нихъ... Не въ силахъ жизнь живую мы вдохнуть...».

Да будетъ легка земля имъ!

Безвременная же кончина ихъ пусть послужитъ урокомъ ихъ живымъ собратьямъ, и, если они не хотятъ осиротить насъ, пусть подумаютъ о своемъ здоровьѣ и, главное, о соразмѣреніи силъ съ количествомъ работы.

Alex. de Borod.

I—1916. № 3.

Новый годъ былъ печально новымъ для театральнаго міра во многихъ отношеніяхъ. Если молодежь часто игнорируетъ и не одобряетъ стариковъ, то въ традиціонные дни, какъ Рождество, Новый годъ, Пасха, она ищетъ общества милыхъ бабушекъ и дѣдушекъ и чувствуетъ себя съ ними много теплѣе и уютнѣе. На этотъ разъ театральная молодежь провела праздники сиротливо. Въ минувшемъ году ушли изъ міра милые, хорошіе старики, Стрѣльская и Варламовъ.

Какъ тепло и уютно было у нихъ въ рождественскіе святочные дни!

Сколько свѣта разливала вокругъ себя незабвенная М. Г. Савина, которую если нельзя было назвать старушкой, то, во всякомъ случаѣ, она проявляла къ молодежи истинно материнскую заботливость.

— Ея могила точно свѣтится и грѣетъ,—сказала одна изъ питомицъ Убѣжища.

Истинно свѣтится, и лучи ея согрѣваютъ и согрѣютъ еще многое множество старой и малой театральной нищеты. Вотъ и сейчасъ, тамъ открывается стипендія имени Савиной, здѣсь—пріютъ, при Убѣжищѣ—Начальная Школа для дѣтей сценическихъ дѣятелей съ трехгодичнымъ курсомъ и т. д., и т. д.

До какой степени утрата Савиной больно отозвалась въ душѣ артистовъ, можно видѣть по деликатному бережному отношенію ко всему, что касается М. Г.... Мичурина не въ состояніи играть въ пьесѣ «Другая жизнь» Опочинина; ей тяжело исполнять роль, въ которой она надѣялась видѣть милую Савину. Самъ талантливый авторъ этой пьесы мѣняетъ заглавіе ея—тонкое, достойное чуткой души поэта проявленіе почтенія къ памяти покойной артистки.

У насъ не умѣютъ помнить умершихъ, но М. Г. и здѣсь представляетъ счастливое исключеніе, и къ ея могилѣ совершается безпрерывное паломничество. Нѣтъ сомнѣнія, что и лотерея въ пользу Лазарета артистовъ Императорскихъ театровъ привлечетъ сочувствующихъ, благодаря находящимся среди выигрышей вещамъ М. Г. Савиной.

— Еще бы, имѣть на память вещицу, которую выбирала, покупала и хранила любимая артистка!

Кромѣ вещей М. Г. и К. А. Варламова, лотерея эта замѣчательна тѣмъ, что въ ней приняла участіе пресса, и многіе журналы пожертвовали свои полныя, за цѣлый годъ, изданія: «Русское Слово», «Обозрѣніе Театровъ», «Весь Міръ» и т. д. Надо надѣяться, что она будетъ имѣть выдающійся успѣхъ, и публика горячо поддержитъ доброе дѣло въ память тѣхъ же своихъ любимцевъ—дорогихъ М. Г. и «Дяди Кости».

Alex. de Borod.

ВЕЧЕРНЕЕ ВРЕМЯ.

(Петроградъ).

8—IX—1915. № 1233.

САВИНА.

Сегодня, въ 6 часовъ утра, скончалась отъ разрыва сердца заслуженная артистка Императорскихъ театровъ Марія Гавріиловна Савина. Трауръ русскаго искусства, въ который облекла его смерть Варламова, кажется еще мрачнѣе и безнадежнѣе.

Все потери, потери, потери... Одна за другой гаснутъ звѣзды. Но это не предразсвѣтное угасаніе. Не загорается новый свѣтъ на смѣну исчезающему. Съ каждымъ угасшимъ свѣтиломъ темнѣе становится небо. Настанетъ когда-нибудь утро новаго дня, но пока настанетъ, надо пережить всю тоску и жуть ночи.

Помѣщены два портрета М. Г. Савиной: 1) начала 80-хъ годовъ и 2) 1914 года, снятый въ ея рабочемъ кабинетѣ, за изученіемъ роли.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Не знаю, что писать, какъ начать и какъ кончить эту бѣглую замѣтку о смерти нашей великой Савиной...

Я скажу о ней завтра, когда приду въ себя отъ удара, разразившагося надъ сѣдой головой театрала.

Савина!

Вся—жизнь, вся—талантъ, вся—успѣхъ, вся—«сцена—моя жизнь», и вотъ ея нѣтъ. Александринская сцена лишилась души. Савина отошла въ вѣчность.

Не стало Савиной.

Намъ, ея поклонникамъ, ея «савинцамъ», такъ больно, такъ мучительно простое сознаніе этого неминуемаго акта...

А Савиной нѣтъ...

Славься, великая тѣнь, наша Савина! И въ томъ загробномъ, невѣдомомъ мірѣ мы обрадуемся тебѣ.

Ю р. Б ѣ л я е в ъ.

Эта замѣтка перепечатана въ «Волховскомъ Листкѣ», 11—IX—1915, № 3293.

ПЕРВЫЙ МОМЕНТЪ.

Не стало Савиной!

Ударъ этотъ ошеломилъ меня до такой степени, что трудно что-нибудь сказать, хотя хочется именно говорить и говорить о замѣчательной русской актрисѣ, объ актрисѣ исторической.

Два года пребыванія во главѣ Театральной Школы имени А. С. Суворина М. Г. Савиной, помощникомъ которой я имѣлъ счастье быть, дали мнѣ возможность убѣдиться, какой это былъ б о л ь ш о й человѣкъ.

«Какое сердце биться перестало», какая сугубая печаль охватываетъ при одной мысли, что Савиной не стало! Этого въ настоящій моментъ не выскажешь, не напишешь: перо падаетъ изъ рукъ.

Съ этой мыслью не совладаешь,—она давитъ и гнететъ. Дайте опомниться!.. Утѣшаться можно лишь тѣмъ, что мы знали Савину, что мы любовались чарами ея генія, подчинялись власти этого генія на сценѣ. Ушла одна изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ, болѣвшая

всей своей прекрасной душой за дорогую родину. Какой недугъ прервалъ жизнь Маріи Гавріиловны, я не знаю, но убѣжденъ, что этотъ недугъ обострился, благодаря тѣмъ страданіямъ, которыя переживала Савина въ настоящее время. Послѣдній годъ ея жизни былъ годомъ ея самаго большого горя, возбужденной нервности и понятныхъ каждому душевныхъ волненій.

Несчастія родины укоротили жизнь Савиной.

А. Плещеевъ.

ДЕНЬ ЗА ДНЕМЪ.

P. S. Моя статья уже была написана, когда получилась тяжелая вѣсть о кончинѣ Маріи Гавріиловны Савиной. Съ чувствомъ глубокой скорби склонятся всѣ, кто любилъ и любитъ искусство, передъ этой новой невознаградимой потерей Россіи.

Бор. С.

АРТИСТИЧЕСКАЯ КАРЬЕРА М. Г. САВИНОЙ.

М. Г. родилась въ Каменецъ-Подольскѣ 30-го марта 1854 года. Отецъ ея, Г. Н. Подраменцевъ, былъ учителемъ рисованія и часто игралъ на сценѣ подъ фамиліей Стремлянова. Въ концѣ 50-хъ годовъ онъ всецѣло отдался театру и кочевалъ вмѣстѣ съ драматическими труппами по югу Россіи. Первый дебютъ М. Г. на драматической сценѣ состоялся въ 1862 году, когда она 8-лѣтней дѣвочкой появилась въ драмѣ «Эсмеральда», поставленной въ Одесскомъ Городскомъ театрѣ. Съ 15-лѣтняго возраста Савина всецѣло отдалась театру и стала выступать почти ежедневно. Сама М. Г. считала, что артистическая ея карьера началась въ августѣ 1869 года. Первое время она играла вмѣстѣ съ отцомъ, дебютируя въ водевилѣ «Бѣдовая бабушка», въ роли Глаши.

Послѣ успѣшной дѣятельности на провинціальной сценѣ М. Г. переселилась въ Петербургъ и выступила впервые на Императорской сценѣ 9-го апрѣля 1874 года въ комедіи «По духовному завѣщанію», въ роли Кати, и въ водевилѣ «Она его ждетъ», гдѣ Савина играла роль Ковской. Успѣхъ дебютантки былъ необычайный. М. Г. предложили ангажементъ, и съ ней былъ заключенъ контрактъ на три года. Первое время Савина играла роли инженю, замѣщая Яблочкину 2-ю.

Прошло болѣе полугода прежде, чѣмъ петербургской публикѣ удалось познакомиться со всею ширью и глубиной таланта новой артистки. Это произошло на первомъ представленіи новой комедіи Н. А. Потѣхина «Злоба дня», въ которой главную роль играла Савина. М. Г. становится сразу въ рядъ первыхъ артистовъ Императорской драмы, всякое ея выступленіе привлекаетъ полный театръ публики, Дирекція и авторы стараются занимать М. Г. въ каждой новинкѣ—и успѣхъ артистки растетъ съ каждымъ днемъ.

Современники объ игрѣ артистки въ эти годы писали: «М. Г. входитъ въ роль вся цѣликомъ; ея мимика, интонаціи, выраженіе глазъ, движенія на сценѣ, то порывистыя, то плавныя, граціозныя и изящныя,—все это оставляетъ незабываемое впечатлѣніе о Савиной, объ ея талантѣ и умѣ. Каждая мелочь въ той или иной роли вплоть до мелочей костюма хорошо обдумана артисткой, имѣющей удивительное художественное чутье».

Савину знали и цѣнили не только у себя на родинѣ, но и за границей. М. Г. въ свое время гастролировала въ Берлинѣ, и нѣмецкая критика, въ особенности за исполненіе роли Магды, въ «Родинѣ» Зудермана, включила имя Савиной въ число міровыхъ артистическихъ талантовъ. Успѣхъ ея тѣмъ болѣе имѣлъ значеніе, что нѣмцы, не зная языка, на которомъ играла Савина, не могли вполнѣ понимать игру артистки.

Репертуаръ Савиной былъ весьма обширенъ. Наибольшимъ успѣхомъ она пользовалась въ «Злобѣ дня», «Мишурѣ», «Нищихъ духомъ», «Маіоршѣ», «Ревизорѣ», «Женитьбѣ Бѣлу-

гина», «Чародѣйкѣ», «Мѣсяцѣ въ деревнѣ», «Власти тьмы», «Ольгѣ Ранцевой», «Въ старые годы», «Укрощеніи строптивой», «Симфоніи», «Ивановѣ», «Идеальной женѣ», «Холопахъ», «Исторіи одного увлеченія», «Романѣ тети Ани», «Слѣпой любви» и мн. мн. др. Перечислить репертуаръ М. Г. невозможно. Она создала цѣлый рядъ ролей въ репертуарѣ Островскаго. Особенно хороша была Савина въ комедіяхъ «Волки и овцы», «На всякаго мудреца довольно простоты», «Сердце не камень» и «Послѣдняя жертва».

Савина много времени отдавала Императорскому Русскому Театральному Обществу и была его учредительницей. Въ 1883 году М. Г. приняла на себя обязанности перваго секретаря Общества. Долгое время состояла почетнымъ его членомъ. Въ 1895 году она была вторично избрана въ члены Совѣта этого Общества и въ послѣднее время была его предсѣдательницей. Всѣмъ извѣстенъ нашумѣвшій въ печати инцидентъ, происшедшій въ прошломъ году на Съѣздѣ въ Москвѣ, когда М. Г. со слезами на глазахъ старалась примирить членовъ Общества. Она была всегда авторитетомъ для всѣхъ: и для друзей, и для враговъ.

М. Г. также состояла почетнымъ членомъ Литературно-Художественнаго Общества и директрисой Театральной Школы имени А. С. Суворина. Она ежедневно, несмотря на состояніе своего здоровья, посѣщала Школу и лично руководила занятіями своего класса. М. Г. знала индивидуальность каждой своей ученицы и ученика и постепенно воспитывала въ нихъ работниковъ сцены. Ея квартира всегда была открыта для учениковъ. Часто она находила работу для неимущихъ и помогала имъ, стараясь сдѣлать это незамѣтнымъ образомъ. По случаю 25-лѣтія артистической дѣятельности, Савина была удостоена Высочайше пожалованнымъ ей званіемъ заслуженной артистки. М. Г. также имѣла огромную извѣстность и во Франціи, гдѣ ея талантъ былъ отмѣченъ «академическими пальмами».

И. Весеньевъ.

Эта статья перепечатана въ газетѣ «Архангельскъ», 12—IX—1915, № 203.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ М. Г. САВИНОЙ.

Вначалѣ излагается краткое описаніе послѣднихъ минутъ жизни почившей артистки, а затѣмъ идутъ слѣдующія сообщенія:

В. В. Сладкопѣвцевъ, работавшій съ М. Г. Савиной во многихъ театральныхъ учрежденіяхъ, разсказываетъ о доброй душѣ покойной.

— Только послѣ смерти,—говоритъ онъ,—станетъ извѣстно, сколько сдѣлала она для нашего театральнаго брата, помогала она по христіански, часто зная, что проситель недостоинъ помощи. Отказовъ никто не зналъ. И въ Убѣжищѣ, и въ Пріютѣ многіе въ теченіе долгихъ лѣтъ пользовались ея щедротами. Савина любила дѣлать добро, но не любила огласки. Съ великой радостью она помогала начинающимъ артистамъ, въ которыхъ она замѣчала проблески таланта.

Послѣ М. Г. Савиной остались весьма цѣнные мемуары. Артистка записывала свои встрѣчи съ людьми, впечатлѣнія, воспоминанія. Однако, эти мемуары должны быть разработаны съ большой осторожностью. Этого требовала сама М. Г. Савина.

* * *

Съ началомъ войны Марія Гавріиловна всей душой отдалась святому дѣлу помощи нашимъ воинамъ. Ея самоотверженности и энергіи не было предѣловъ. Уже больная, она все свое время отдавала Лазарету артистовъ Императорскихъ театровъ и работала, не покладая рукъ, съ утра и до ночи.

О характерномъ случаѣ, происшедшемъ за двѣ недѣли до смерти, разсказываетъ лицо, близкое къ покойной.

Въ Петроградъ былъ доставленъ тяжело раненый добровольцъ, Е. Г. Морозовичъ, внукъ артиста Варшавскихъ театровъ. Въ виду его тяжелаго положенія, необходимо было перевести его въ другой лазаретъ, въ лучшія условія. Узнавъ объ этомъ, М. Г. Савина, съ энергіей, свойственной молодому человѣку, принялась за устройство добровольца. Не прошло и двухъ часовъ послѣ того, какъ она узнала о немъ, какъ отъ нея уже получилось письмо, въ которомъ она писала: «Прошу васъ прислать мнѣ немедленно прошеніе, адресованное на Главное Управленіе сѣвернаго района Краснаго Креста. Что надо предварительно, я уже сдѣлала—и все теперь зависитъ отъ прошенія. Я должна скрѣпить его своею подписью и подать лично, тогда скоро исполнятъ».

9—IX—1915. № 1234.

Помѣщено 5 портретовъ М. Г. Савиной—начиная со второй половины 70-хъ годовъ по 1914 годъ.

И. И. Потапенко, знавшій долгіе годы М. Г. Савину и встрѣчавшійся съ нею нынѣшнимъ лѣтомъ на Кавказѣ, по поводу ея смерти сказалъ:

— Страшно пораженъ вѣстью о кончинѣ М. Г. Савиной. Какой-то злой рокъ нависъ надъ нашимъ образцовымъ театромъ. Далматовъ, Варламовъ—какія потери! Но никогда въ голову не приходило, что на очереди М. Г. Савина, такая живая, полная силъ и богатая художественными планами. Всего нѣсколько недѣль тому назадъ я встрѣчался съ М. Г. на Кавказѣ, въ Ессентукахъ. Еще свѣжи въ памяти ея мысли о театрѣ, о репертуарѣ, о театральныхъ властителяхъ, отъ которыхъ зависитъ судьба искусства, актерахъ и авторахъ,—рѣчи, полныя остроумія и ума и безпощадныхъ мѣткихъ опредѣленій. Какъ автору, мнѣ пришлось работать съ М. Г. при постановкѣ только одной моей пьесы въ Александринскомъ театрѣ—«Крылья связаны». Помню предупрежденія нѣкоторыхъ авторовъ, будто съ М. Г. трудно работать, будто она требовательна, капризна, придирчива и т. п. Но могу сказать по совѣсти: ничего этого я на себѣ не испыталъ. Кромѣ добрыхъ и всегда умныхъ и полезныхъ для дѣла совѣтовъ, ничего я отъ нея не слышалъ, и постановка пьесы прошла безъ малѣйшаго недоразумѣнія. Нечего и говорить, что потеря для искусства огромная, а для Александринскаго театра—это просто катастрофа. Нельзя даже представить себѣ нашъ образцовый театръ безъ М. Г. Савиной.

10—IX—1915. № 1235.

Завтра хоронятъ М. Г. Савину...

Она ушла отъ насъ такъ же внезапно, какъ и появилась, оставивъ глубокій, неизгладимый слѣдъ въ лѣтописяхъ русскаго театра, которымъ жила и который жилъ ею...

Передъ ея поступленіемъ на казенную сцену, Александринскій театръ переживалъ тяжелый кризисъ. Если мужской персоналъ и насчитывалъ въ своей средѣ нѣсколько хорошихъ актеровъ, то женскій не могъ похвастать этимъ. Тѣмъ болѣе, что и репертуаръ, въ которомъ преобладала оперетка, не давалъ возможности актрисамъ выдвинуться.

Яблочкина 2-я, пользовавшаяся несомнѣннымъ успѣхомъ, вышла въ отставку, Струйская 1-я старилась, и амплуа ingénue въ комедіяхъ и драмахъ оставалось вакантнымъ.

Въ 1874 году явилась Савина, о которой раньше никто и не слыхалъ.

Молодая, красивая, съ жгучими глазами, превосходной сценической внѣшностью, подкупающей некрепностью, она сразу овладѣла общимъ вниманіемъ... Публика восхищалась и рукоплескала ей, авторы стали писать пьесы только для нея...

Ей мы обязаны знакомству съ такими артистами, какъ М. М. Петина, К. А. Варламовъ, П. И. Новиковъ, И. И. Киселевскій, Ѳ. П. Горевъ, В. И. Давыдовъ и В. И. Далматовъ, которыхъ она хорошо знала по провинціи и горячо рекомендовала Дирекціи.

Она читала пьесы, предназначенныя къ постановкѣ, чутко угадывая ихъ успѣхъ или провалъ. Къ ея голосу прислушивались, съ нею считались, ей вѣрили. Благодаря ей, мы видѣли «Мѣсяцъ въ деревнѣ» Тургенева и «Власть тьмы» Льва Толстого.

По ея просьбамъ, передавались роли отъ однихъ актеровъ другимъ, если она видѣла, что первые не подходятъ къ нимъ, за что впослѣдствіи и авторы и публика были ей благодарны, хотя сначала желали найти во всемъ этомъ совсѣмъ не то, что было на самомъ дѣлѣ...

Покойная почти 40 лѣтъ несла на своихъ плечахъ весь репертуаръ, неустанно работая надъ собою... Явившись къ намъ весной, эта Лада русской сцены простилась съ нами осенью... Солнце закатилось—и образцовая сцена снова подернулась сумерками.

Л. Ив.

11—IX—1915. № 1236.

ЧТО ОГОРЧАЛО М. Г. САВИНУ.

Это было 5-го декабря 1912 года.

Марія Гавріиловна пріѣхала въ Театральную Школу имени А. С. Суворина, директоромъ которой она согласилась быть по личной просьбѣ Алексѣя Сергѣевича. Онъ прислалъ ей изъ Франкфурта-на-Майнѣ телеграмму, прося взять въ свои руки Школу.

Больной, приговоренный къ смерти, А. С. Суворинъ молилъ М. Г. Савину не отказываться отъ предложенія замѣнить покойнаго Далматова и тѣмъ самымъ доставить ему послѣднюю радость въ жизни.

Савина, читая мнѣ телеграмму Суворина, заплакала и черезъ день согласилась занять мѣсто директора Школы.

Она начала посѣщать Школу, присматриваться къ ней—и 5-го декабря сказала мнѣ, что прочтетъ въ этотъ день учащимся лекцію, желая подѣлиться съ ними своими впечатлѣніями о Тургеневѣ, объ исполненіи его пьесъ и пр. Каждому ученику и каждой ученицѣ Марія Гавріиловна въ этотъ день подарила нарочно отпечатанную брошюрку «Изъ воспоминаній М. Г. Савиной» («Мое знакомство съ Тургеневымъ»).

Я былъ глубоко убѣжденъ, что молодую аудиторію захватитъ бесѣда Маріи Гавріиловны о Тургеневѣ, о томъ, какъ она играла Вѣрочку («Мѣсяцъ въ деревнѣ») — одно изъ поэтичнѣйшихъ созданій Тургенева. Савина была въ отличномъ расположеніи духа и имя Тургенева повторяла поминутно съ необыкновенной радостью.

Кончилась бесѣда, на которой я не могъ присутствовать. Марія Гавріиловна прислала мнѣ сказать, чтобы я зашелъ къ ней въ кабинетъ.

Я засталъ ее огорченной, она волновалась, исчезло прежнее настроеніе. Она говорила со мной буквально со слезами.

— Я имъ говорила о Тургеневѣ,—жаловалась она,—я говорила ученицамъ, какъ надо играть Вѣрочку... Она дышетъ вся свѣжестью и благоуханіемъ полевыхъ цвѣтовъ, вѣдь онѣ не знаютъ ея, это не ingénue современныхъ комедій. Надо знать, когда придется играть, какъ одѣться, какъ причесаться, какимъ тономъ вести роль.

— Что же онѣ невнимательно васъ слушали?—удивился я.

— Онѣ не видятъ этой русской дѣвушки, полной той чистоты, которой отличаются героини Ивана Сергѣевича... Имъ необходимо знать... И, представьте, моя бесѣда произвела мало впечатлѣнія, не захватила ихъ.

— Почему вы думаете, Марія Гавріиловна? Я не допускаю этого.

— Одна изъ ученицъ сказала мнѣ: «Что вы говорите намъ, Марія Гавріиловна, все о Тургеневѣ, мы его читали и знаемъ»...

Савина назвала мнѣ фамилію ученицы. Я пошелъ къ послѣдней съ упрекомъ и объяснилъ ей, какъ она огорчила Марію Гавріиловну, и какъ драгоцѣнно для всѣхъ то, что говорила Савина, знавшая хорошо Тургенева.

Ученица, кстати сказать, выдававшаяся своими способностями, интеллигентная, была поражена и заплакала, увѣряя, что М. Г. не такъ ее поняла, что она сказала: «Мы хорошо знаемъ Тургенева и всѣ читали его».

И повелъ ее къ Маріи Гавріиловнѣ, она извинилась, объясняя, что́ хотѣла сказать.

Все обошлось. Марія Гавріиловна успокоилась, но долго не могла забыть этого. Она повторяла мнѣ не разъ:

— Нѣтъ, не буду имъ больше вспоминать о Тургеневѣ, для нихъ онъ не то, что для насъ, для нашего поколѣнія, у нихъ свои боги... Можетъ быть, онѣ не виноваты, имъ мало говорили о Тургеневѣ... Но вѣдь надо же проникнуться будущей актрисѣ ароматомъ той эпохи, вѣдь придется же ей играть Тургенева.

На самомъ дѣлѣ, какъ я убѣдился, учащіеся горячо цѣнили бесѣду Маріи Гавріиловны. Но ей показалось, что они холодно реагировали на имя Тургенева. Этого она не могла простить... Ни объ одномъ русскомъ писателѣ знаменитая артистка не вспоминала съ такимъ обожаніемъ, какъ о Тургеневѣ.

А. Плещеевъ.

2—XI—1915. № 1288.

ПОСЛѢ САВИНОЙ.

Скучно...

И особенно скучно стало на Александринской сценѣ послѣ 500-го представленія «Ревизора».

Мнѣ вспомнилась Савина.

Съ Савиной вѣдь ушла послѣдняя Марья Антоновна, ушелъ весь секретъ, весь ароматъ нашего классическаго театра. Воображаю, какъ бы заблистала она на этомъ юбилейномъ спектаклѣ своимъ вдаль убѣгающимъ вдохновеніемъ, уже протестуя, уже проклиная казенную неразбериху и мелкопомѣстный вкусъ современной публики. И, правда, «Театръ купца Епишкина» идетъ чуть не въ 300-й разъ, «Ивановъ Павелъ»—чуть ли не въ 500-й, а бѣдный Гоголевскій «Ревизоръ» завалялся въ архивной пыли казенной Дирекціи и черезъ много-много лѣтъ послѣ написанія этой поистинѣ «божественной комедіи» русской сцены мы узнали, что на-дняхъ онъ отпраздновалъ только свое п я т и с о т о е представленіе! Я ничего не имѣю противъ шумнаго успѣха двухъ вышеуказанныхъ веселыхъ пьесокъ. (Дай Богъ имъ дожить и до 1000-го представленія!). Онѣ пришли мнѣ на умъ просто какъ разительный контрастъ живой и мертвой воды въ нашей театральной жизни. Маленькіе театры весело и прибыльно пропагандируютъ маленькое искусство, а большіе театры величаво отворачиваются отъ своего неисчерпаемаго клада.

Вотъ и все.

...И мнѣ,—говорю я,—вспомнилась Савина.

Вспомнилось неутомимое, любовное и подвижническое горѣніе ея на славу русскаго театра, русской литературы. Никакія ни «громкія», ни «жалкія» слова не страшны передъ одной печальной истиной, что Савиной больше нѣтъ, что Александринскій театръ осиротѣлъ и что на нашей «образцовой» сценѣ стало... скучно. Горячій поклонникъ ея таланта, я, быть можетъ, какъ немногіе изъ театраловъ, глубоко почувствовалъ, «кого мы погребаемъ». Я, скажу откровенно, растерялся. Я не былъ ни на панихидахъ, ни на похоронахъ ея, хотя меня и замѣтили тамъ «о азаръ» нѣкоторыя газеты... Глухое горе летѣло въ даль воспоминаній объ этой славной жизни...

«Была Савина—и нѣтъ Савиной».

Меня нѣсколько отрезвила странная процессія по всему городу мертвой актрисы; праздная, безразличная и пестрая толпа; живая работа полиціи; какія-то нескладныя подводы съ вѣниками, траурныя кареты и въ нихъ—«ба, знакомыя все лица!»—актрисы-подруженьки въ плерезахъ,—словомъ, все то, что я наблюдалъ удивленно и даже пугливо изъ окна конторы «Вечерняго Времени».

Скучно...

Князь Волконскій когда-то, вѣроятно, въ утѣшеніе русскимъ пессимистамъ училъ актеровъ и даже самое Савину произносить слово это: «скушно». Быть по сему. Но отъ этого всетаки не станетъ легче, когда сами александринскіе актеры только и дѣлаютъ, что разноголосно и разнообразно поютъ:

— Скучно... скучно... скучно!..

— Скучно вамъ, господа, скучно и намъ отъ васъ—скажу я. Вѣдь театръ вашъ есть и на самомъ дѣлѣ лучшій русскій театръ. Умерла Савина, умеръ Варламовъ, умерла Стрѣльская. Конечно, все это «скучно», даже очень скучно. Но до нихъ умерли еще Каратыгинъ, Асенкова, Дюръ, Максимовъ, Сосницкій, другой Каратыгинъ, Мартыновъ. Потомъ умерли Стрепетова, Горбуновъ, Сазоновъ, Коммиссаржевская. Если причитать «по-александрински», то выходитъ, что всѣ умерли!..

Всѣ—исключая... живыхъ.

И вотъ о живыхъ-то александринцахъ мнѣ и хотѣлось бы сказать.

Теперь, когда нѣтъ Савиной—во имя живучаго и, быть можетъ, даже вѣчнаго имени ея, говорю:

— Актеры старенькіе и новенькіе, черненькіе и бѣленькіе, вы занялись, видите ли (скрѣпя сердце), «культомъ Савиной». Вы устроили рядъ ритуальныхъ засѣданій во имя ея. Выбрали спеціальныхъ игуменій—виноватъ—предсѣдательницъ. Оградили врата Савинской уборной казеннымъ басманомъ. Чуть ли не гвоздями защитили сидѣніе ея предсѣдательскаго кресла. И такъ далѣе, и такъ далѣе.

— Скажите, зачѣмъ, къ чему вся эта quasi-сектантская затѣя, это низкопробное поклонничество, это гимназическое отлыниваніе отъ настоящаго дѣла?

— Ску-у-чно!—плачете вы на разные лады въ газетныхъ «интервьюшкахъ».

А намъ какъ скучно, если бы вы знали, отъ вашего нытья и ничегонедѣланья, о, неутѣшныя «подруги» Савиной въ траурныхъ плерезахъ, и вы, растерявшіеся партнеры покойной, одѣвшіе на рукава черный рубчатый крепъ!

Мнѣ, однако, кажется, что на сценѣ, гдѣ здравствуютъ и играютъ актеры въ родѣ гг. Давыдова, К. Яковлева, Аполлонскаго, Юрьева, Ходотова, Ге, Уралова, Дарскаго, Долинова, Лерскаго и г-жъ Мичуриной, Рощиной-Инсаровой, Ведринской, Тиме, Домашевой, Корчагиной, Эльминой и другихъ—еще не все «сгинело».

Все панихидное настроеніе заключено «внутри васъ». Любили вы или не любили Савину—это въ данномъ случаѣ безразлично, ибо ея сейчасъ н ѣ т ъ. Но, очевидно, всѣ вы настроены сиротливо и всѣ—безъ различія симпатій, близости, чиновъ и ранговъ—жутко почувствовали душевную пустоту послѣ ея ухода.

Сценическій девизъ Савиной былъ:

— Живите!

Она вѣдь столько разъ толкала въ бокъ и водила за рукавъ потерянное русское актерство, приговаривая:

— Да опомнитесь... проснитесь... живите!

Такъ вотъ вамъ ея завѣтъ:

— Живите!

А вы говорите:

— Скучно!

Юр. Бѣляевъ.

12—XI—1915. № 1298.

САВИНА И ЛИТЕРАТОРЫ.

Эта статья напечатана въ I томѣ, стр. 149—150.

ВЕЧЕРНЯЯ ГАЗЕТА.

(Москва).

9-IX—1915. № 23.

М. Г. САВИНА.

Смерть М. Г. Савиной - огромная потеря для русскаго театра.

Черная рука смерти нависла надъ Александринскимъ театромъ. Сначала Варламовъ, теперь Савина... Уходитъ цѣлая эра исторіи русскаго театра.

Смерть Савиной явилась совершенно неожиданной. Пишущій эти строки встрѣчался съ Маріей Гавріиловной минувшимъ лѣтомъ въ Ессентукахъ. Покойная чувствовала себя прекрасно и говорила, что Кавказъ замѣчательно ее поддерживаетъ. Отъ всѣхъ предложенныхъ ей гастролей М. Г. категорически отказалась. Всѣхъ предлагавшихъ ей гастроли она водила къ себѣ въ комнату и показывала на два висѣвшихъ въ пикапу платья.

Нарочно не привезла платьевъ,—говорила М. Г.,—для того, чтобы не соблазниться и не сыграть!

Но нѣсколько благотворительныхъ вечеровъ Савина все-таки устроила въ санаторіи Киселева, гдѣ она жила.

Лѣтомъ Савина была очень жизнерадостна и бодра, и ничто абсолютно не предвѣщало близкаго конца.

* * *

Въ лицѣ Савиной сошла въ могилу великая представительница реальнаго русскаго театра.

Существуетъ мнѣніе, что Савина играла гораздо лучше комедію, чѣмъ драму...

Это не совсѣмъ такъ. Савина, напримѣръ, въ «Татьянѣ Рѣпиной» производила потрясающее впечатлѣніе въ сценѣ смерти.

Савина замѣчательно играла лживыхъ, фальшивыхъ женщинъ. Незабываемы образы въ «Симфоніи» Чайковскаго, въ «Исторіи одного увлеченія».

Кто-то очень справедливо сказалъ, что если Ермолова является адвокатомъ своихъ героинь, то Савина—ихъ безпощадный прокуроръ.

Въ комедіи Савина давала замѣчательно чеканную отдѣлку роли и филигранность діалога.

Удивительно играла Савина одну маленькую роль—провинціальной дамы изъ Зміева, въ пьескѣ Ѳедорова «Провинціалка». Нельзя забыть эту даму въ накидкѣ изъ бурки, со сбившейся на сторону шляпкой, съ ея удивительно схваченнымъ южнымъ темпераментомъ и акцентомъ.

Сейчасъ всего не припомнить, но потеря и для сцены, и для актеровъ огромная.

Як. Львовъ.

10—IX—1915. № 24.

ДАМА СЪ КАМЕЛІЯМИ.

(Свѣтлой памяти М. Г. Савиной).

Уйти на мигъ отъ сѣрыхъ зданій
И отъ безликихъ площадей,
Отъ этихъ маленькихъ страданій,
Отъ этихъ маленькихъ людей!
Бродить съ несытою тревогой
По тротуарамъ городовъ,
Гдѣ блещутъ роскошью убогой
Фасады каменныхъ домовъ...
Свершать ошибку за ошибкой,
Негодовать, не понимать,

Съ одной заученной улыбкой
Чужую руку пожимать...
Влачить грохочущія звенья
И расточать порывъ и пылъ,
Старѣться каждое мгновенье,
Покуда часъ не наступилъ.
Летѣть за Счастья колесницей,
Когда оно несется вскачь...
Читать страницу за страницей
Смѣшную повѣсть неудачъ!..
Искать привѣтливаго крова
И сознавать, что ты—одинъ,
Желать убора золотого
Для серебра своихъ сѣдинъ...
Плестись за призракомъ надежды,
Всю боль обиды затая...
Ея лазоревой одежды
Ловить мелькнувшіе края.
Смѣясь, присутствовать на тризнѣ
И, страхъ не въ силахъ превозмочь,
Покинуть пиръ косматой жизни—
Сойти въ пугающую ночь!..
И вознесеній, и паденій
Замкнуть отмѣренный намъ кругъ,
Исчезнуть въ царство сновидѣній
За Смертью—лучшей изъ подругъ...
— Я все могу себѣ представить,
Преодолѣвъ самообманъ,
И точку во-время поставить,
Закончивъ собственный романъ!..
...Но если бъ высшаго значенья
Искать я началъ въ книгѣ дѣлъ,
Но если бъ скорби и мученья
Я оправдать бы захотѣлъ,—
Я взялъ бы вязь воспоминаній
И, направляя тусклый взоръ,
Нашелъ бы блѣдный, самый ранній,
Съ годами выцвѣтшій узоръ!..
— Заблудшій въ хаосѣ метелей,
Проживній жизнь свою рабомъ,—
Я слышалъ запахи камелій,
Я видѣлъ Даму въ голубомъ!..
На свѣтѣ не было печальнѣй
Ея глядѣвшихъ въ душу глазъ...
Она прошла стезею дальней—
И это было только разъ!..
...Пусть жребій жизни не разгаданъ,
Пусть въ жизни много тяготы,—
Но пусть струятъ свой легкій ладанъ
Камелій бѣлые цвѣты!..

Гидальго.

11—IX—1915. № 25.

М. Г. САВИНА И СОВРЕМЕННИКИ.

Эта статья напечатана: въ «Обозрѣніи Театровъ», 9—IX—1915, № 2866; въ «Новостяхъ Сезона», 13—IX—1915. № 3117. См. «Обозрѣніе Театровъ».

ВИТЕБСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

(Витебскъ).

12—IX—1915. № 203.

М. Г. САВИНА И РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.

Хотя скончавшаяся знаменитая русская артистка Марія Гавріиловна Савина отошла въ вѣчность, далеко еще не достигнувъ глубокой старости,—она болѣе, чѣмъ кто-либо изъ ея сотоварищей по сценическому искусству, являлась вѣрной хранительницей славныхъ традицій русскаго литературнаго прошлаго. Она была настоящимъ живымъ связующимъ звеномъ между корифеями старой литературной школы и дѣятелями новѣйшей русской драматургіи. Дѣйствительно, кого только не знала покойная М. Г. Савина на своемъ вѣку. Среди писателей, прославленныхъ въ 1870 и въ 1880 годахъ, у нея было много вѣрныхъ и преданныхъ друзей. Она поддерживала самыя пріязненныя отношенія съ А. Н. Островскимъ, Ѳ. М. Достоевскимъ, Я. П. Полонскимъ, Д. В. Григоровичемъ и въ особенности съ Ив. Серг. Тургеневымъ.

Маститый уже тогда авторъ «Отцовъ и дѣтей» привѣтствовалъ М. Г. Савину на избранномъ ею артистическомъ поприщѣ и до нѣкоторой степени явился ея крестнымъ отцомъ на немъ. Хотя М. Г. Савина начала свою сценическую карьеру, будучи еще совсѣмъ дѣвочкой, особенно прославили ее выступленія на сценѣ, связанныя съ именемъ Тургенева.

Сама Савина признавала это въ своихъ глубоко правдивыхъ воспоминаніяхъ, исполненныхъ захватывающаго интереса. Особенно живы ея разсказы объ исполненіи ею роли Вѣрочки въ пьесѣ Тургенева «Мѣсяцъ въ деревнѣ», исполненной въ присутствіи автора.

«Съ какимъ замираніемъ сердца я ожидала этого вечера и какъ играла»,—пишетъ Савина,—«я описать не умѣю. Это былъ одинъ изъ счастливѣйшихъ спектаклей въ моей жизни. Я священнодѣйствовала... Мнѣ совершенно ясно представлялось, что Вѣрочка и я—одно лицо. Что дѣлалось въ публикѣ—невообразимо! Иванъ Сергѣевичъ весь первый актъ прятался въ тѣни ложи, но во второмъ публика его увидѣла, и не успѣлъ занавѣсъ опуститься, какъ въ театрѣ со всѣхъ сторонъ послышалось: «автора»! Я бросилась въ директорскую ложу и, безцеремонно схвативъ за рукавъ Ивана Сергѣевича, потащила его на сцену ближайшимъ путемъ. Мнѣ такъ хотѣлось показать его всѣмъ, а то сидѣвшіе съ правой стороны не могли его видѣть. Иванъ Сергѣевичъ, однако, рѣшительно заявилъ, что, выйдя на сцену, онъ признаетъ себя драматическимъ писателемъ, а это ему «и во снѣ не снилось», и потому онъ будетъ кланяться изъ ложи, что сейчасъ и сдѣлалъ. Кланяться ему пришлось цѣлый вечеръ, такъ какъ публика неистовствовала»... Тріумфъ «Мѣсяца въ деревнѣ», раздѣленный Тургеневымъ вмѣстѣ съ Савиной, много способствовалъ расширенію популярности послѣдней въ тогдашнихъ писательскихъ кругахъ.

Но не только Тургеневъ, съ большою пріязнью относившійся къ Савиной до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни, высоко цѣнилъ Савину, какъ артистку. Восторженные отзывы о ней мы находимъ въ перепискѣ и многихъ другихъ русскихъ писателей. Большинство изъ тѣхъ, которые когда-либо писали для сцены, были весьма многимъ обязаны М. Г. Савиной. Не она ли создавала своимъ чуткимъ и тонкимъ талантомъ роли въ ихъ пьесахъ? Она яви-

лась проникновенною истолковательницею многихъ героинь Островскаго («Безприданница», «Волки и овцы», «Сердце не камень», «Послѣдняя жертва», «Невольницы», «На всякаго мудреца довольно простоты» и друг.), Толстого («Власть тьмы»), Тургенева («Мѣсяцъ въ деревнѣ», «Провинціалка»), Потѣхина («Злоба дня»), Суворина («Татьяна Рѣпина»), Писемскаго, Сухово-Кобылина и мн. др. Со всѣми этими прославленными свѣтилами русской литературы М. Г. Савина входила въ личныя отношенія, съ нею они часто совѣтывались и полагались на ея сценическую опытность, высоко ставя ея дарованіе. Немудрено, что для послѣдующаго поколѣнія русскихъ драматическихъ писателей, для новѣйшей плеяды ихъ, слово М. Г. Савиной имѣло большой вѣсъ и пользовалось глубокимъ авторитетомъ. И многіе, многіе изъ нихъ съ глубокой скорбью вздохнутъ теперь о томъ, что не стало чудесной артистки и добраго, чуткаго, отзывчиваго человѣка.

Е л а т о м с к і й.

Эта же статья напечатана: въ «Жизни Волыни», 12—IX—1915, № 252; въ «Донскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ», 13—IX—1915, № 208; въ «Пензенскихъ Вѣдомостяхъ», 13—IX—1915, № 203; въ «Орловской Жизни», 17—IX—1915, № 199; въ «Русской Рѣчи», 17—IX—1915, № 2951; въ «Харбинскомъ Вѣстникѣ», 27—IX—1915, № 3565.

17—IX—1915. № 206.

ПАМЯТИ БОЛЬШОГО ХУДОЖНИКА СЦЕНЫ.

Похоронили М. Г. Савину. Много было сказано хорошихъ словъ по поводу утраты русской сценой одной изъ большихъ ея жемчужинъ. Въ различныхъ характеристикахъ художественнаго лика артистки отмѣчалась ея большая способность къ перевоплощенію въ сценическіе образы, которые ею изображались; другіе, наоборотъ, указывали на постоянство въ творчествѣ актрисы субъективнаго элемента.

Но во всѣхъ описаніяхъ художественнаго лица М. Г. упущено нѣчто, что составляетъ самую типичную черту его. Я говорю объ отношеніи самой Савиной къ искусству, что сквозило въ каждомъ даваемомъ ею сценическомъ рисункѣ. Гдѣ-то въ замѣткахъ, касающихся ея сценическаго прошлаго, Савина, отмѣчая свое выступленіе въ «Мѣсяцѣ въ деревнѣ», примѣняетъ слово «священнодѣйствовала». Вотъ оно—это слово удачно исчерпываетъ личную позицію, занимавшуюся художницей по отношенію къ ея сценическому дѣлу. Для нея авторская пьеса служила тѣмъ же, чѣмъ глина служитъ для скульптора, чѣмъ краски являются для живописца. Она не воспринимала на вѣру авторскія слова, изображенные имъ типы, а комментировала ихъ силой своего внутренняго пониманія, трактовала ихъ своимъ чутьемъ, подходила къ нимъ своей психологической чуткостью, своимъ знаніемъ жизни, людей и литературы.

И въ этомъ творческомъ процессѣ она с в я щ е н н о д ѣ й с т в о в а л а.

Въ игрѣ Савиной всегда чувствовалось то, что слѣдовало бы назвать творческимъ трепетомъ, творческой тревогой. Не надо думать, что холодный анализъ пьесы, роли отдавалъ филистерствомъ, что Савина была просто анатомомъ, который ножемъ раскрываетъ всякую ткань произведенія, каждую жилку его.

О, нѣтъ! Въ ней анализъ сочетался съ художественнымъ темпераментомъ, съ способностью воспріятія.

И вслѣдствіе этого игра актрисы расцвѣчивалась разнообразной гаммой красокъ, различной силы и оттѣнковъ.

Художественный темпераментъ опирался на голосъ разсудка, на высокую интеллигентность, вслѣдствіе чего вы не могли видѣть въ игрѣ Савиной лишнихъ линій, или шаржа, или пафоса тамъ, гдѣ его не нужно, или лирики, гдѣ она не нужна.

Со смертью Савиной умеръ крупнаго калибра художникъ, весь свой міръ знаній, грезъ, фантазій отдававшій сценическому искусству.

Савина **священнодѣйствовала**. Она такъ сказала про одно свое сценическое выступленіе. Мы же должны это сказать про весь ея сценическій путь.

Горновъ.

Эта же статья напечатана: въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ», 17-IX-1915, № 3874; въ «Уфимскомъ Краѣ», 19-IX-1915, № 204; въ «Русской Рѣчи», 23-IX-1915, № 2956.

ВОЛГА.

(Саратовъ).

13—IX—1915. № 194.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Постепенно, но неумолимо уходятъ за грани невѣдомаго лучшіе выразители лучшаго.

Я не о политикѣ.

Скорбными страницами за послѣднее время изобилуетъ лѣтопись русской Мельпомены.

Ушла В. В. Стрѣльская. Ушелъ К. А. Варламовъ. Теперь ушла М. Г. Савина. «Послѣдніе могикане».

И они ушли.

Особенно жаль Савину. Дѣвочкой вошла она въ храмъ прекрасной богини и всю жизнь свою посвятила служенію этой богинѣ.

Это было поистинѣ «призваніемъ». Настолько непреодолимымъ, что юная актриса Савина сразу убила поднявшуюся противъ нея гидру интригъ въ кулисномъ болотѣ.

Такъ пожирающе свѣтилъ свѣтъ ея необыкновеннаго таланта.

20-лѣтней дѣвушкой, Савина была уже подъ сѣнью образцовой «Александринки», обветшалыя стѣны которой сразу повеселѣли подъ лучами необыкновеннаго таланта.

М. Г. Савина, какъ принято говорить, была «украшеніемъ сцены».

Не будетъ грѣхомъ, если мы рамки эти немного расширимъ.

Артистка Савина была солнцемъ сцены.

Не въ смыслѣ превосходства, а въ смыслѣ первоисточника художественной живительной силы на сценѣ.

Въ присутствіи Савиной трудно было грѣшить дѣятелямъ рампы.

Великій талантъ гипнотизировалъ, увлекая своей художественной правдой.

Но, Боже, какъ трудно все это выразить (вотъ когда начинаешь понимать геніальное Гетевское: «слово умираетъ на перѣ»).

Если правы тѣ ученые, которые вѣруютъ, что «личное вліяніе» есть воздѣйствіе особыхъ невидимыхъ лучей, истекающихъ изъ головы воздѣйствующаго субъекта, то я думаю, что голова М. Г. Савиной пылала въ каскадѣ этихъ лучей.

Къ числу немногихъ дѣятелей сцены, удостоившихся высокомилостиваго вниманія Августѣйшаго Покровителя русскаго театра, Государя Императора, относится и покойная М. Г. Савина.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, послѣ тріумфальнаго турнэ по Западной Европѣ, когда самъ «кровавый кайзеръ» Вильгельмъ II рѣшительно записался въ поклонники таланта знаменитой русской актрисы, Государь Императоръ удостоилъ Савину высокомилостивой аудіенціи, на которой, между прочимъ, Его Величество поздравилъ М. Г. «со взятіемъ Берлина» и замѣтилъ, что еще въ дѣтствѣ наслаждался ея, Савиной, игрой.

Высокая Монаршая оцѣнка таланта М. Г. Савиной вѣнчаетъ общее признаніе дарованія великой артистки.

Увы, теперь оцѣнивать нечего...

То былъ вѣкъ богатырей,
Но сломались шашки,
И полѣзли изъ щелей
Мошки да букашки.

Уходитъ великая старина.
Съ ея правдой, красотой и... простотой.
Объ уходѣ простоты мы всего болѣе и имѣемъ теперь право плакать.
Простоты нѣтъ.
Осталась только пародія на простоту.

Н. Рукавишниковъ.

17—IX—1915. № 196.

ПРЕДЧУВСТВІЕ СМЕРТИ.

Перепечатано изъ «Петроградской Газеты», 12—IX—1915, № 250. Эта же статья помѣщена и въ газетѣ «Свѣтъ», 13—IX—1915, № 242.

ВОЛГАРЬ.

(Нижній-Новгородъ).

12—IX—1915. № 249.

ИЗЪ ПРОШЛАГО М. Г. САВИНОЙ.

Перепечатано изъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», 9—IX—1915, № 15078. Эта же статья помѣщена: въ «Послѣднихъ Новостяхъ», 13—IX—1915, № 3307; въ «Одесскихъ Новостяхъ», 14—IX—1915, № 9827; въ «Батумскихъ Вѣстяхъ», 17—IX—1915, № 1739.

30—IX—1915. № 328.

САВИНА, ТУРГЕНЕВЪ И ЧЕХОВЪ.

Статья Владиміра Брендера.

Перепечатана изъ «Театральной Газеты», 13—IX—1915, № 37.

ВОЛЖСКІЯ ВѢСТИ.

(Симбирскъ).

12—IX—1915. № 1867.

М. Г. САВИНА.

Александринскій театръ, а вмѣстѣ съ нимъ и вся интересующаяся театромъ Россія снова понесли огромную, незамѣнимую утрату.

Вслѣдъ за утратой К. А. Варламова мы теряемъ исключительную артистку нашего времени Марію Гавріиловну Савину, которая до самыхъ послѣднихъ дней, находясь уже на смертномъ одрѣ, была полна творческихъ силъ.

Далѣе цитируются выдержки статьи Н. Е. Эфроса, изъ «Русскихъ Вѣдомостей», 9—IX—1915, № 206, и М. К., изъ «Русскаго Слова», 9—IX—1915, бюлл.

ВОЛЖСКОЕ СЛОВО.

(Самара).

10—IX—1915. № 2351.

† М. Г. САВИНА.

Русскій театръ понесъ новую тяжелую утрату.

Вслѣдъ за Варламовымъ Александринская сцена лишилась и Маріи Гавріиловны Савиной.

Другъ за другомъ сходятъ въ могилу могикане-дѣятели, которые давали свое имя цѣлымъ періодамъ, создавали эпохи.

Къ таковымъ принадлежала и только что почившая артистка.

М. Г. родилась въ 1854 году. Ея отецъ Подраменцевъ былъ провинціальнымъ актеромъ (по сценѣ Стремляновъ). Сценическую фамилію М. Г. получила отъ мужа, тоже провинціальнаго актера. Такимъ образомъ, съ самаго ранняго дѣтства все и всѣ вокругъ будущей гордости русскаго театра говорили о сценѣ, о пьесахъ, о роляхъ и т. д., и т. д. А вмѣстѣ съ этимъ М. Г. пришлось вести и скитальческую жизнь, благодаря чему она, родившись въ Каменецъ-Подольскѣ, въ гимназіи училась въ Одессѣ, а дебютировала на сценѣ уже Минскаго театра. Это было въ 1869 году. Затѣмъ, въ ея біографіи идетъ новый рядъ городовъ, гдѣ играетъ новая артистка, наивозможно серьезно обратившая на свой талантъ вниманіе публики лишь въ 1874 году, когда ей пришлось, попавъ въ Петербургъ, участвовать въ спектакляхъ Благороднаго Собранія.

Съ его сцены она въ этомъ же году перешла на сцену «Александринки», которую и не покидала 41 годъ, до дня своей смерти.

У покойной артистки не было рѣзко опредѣленнаго амплуа, какое, напримѣръ, имѣлъ ея не менѣе славный соратникъ, нынѣ также ушедшій отъ насъ, К. А. Варламовъ. Савина играла почти въ каждой пьесѣ, вездѣ для нея была роль, которой она и вплетала новый лавръ въ свой безсмертный вѣнокъ артистки. Вотъ для примѣра списокъ пьесъ и «новыхъ» ролей, игранныхъ Савиной въ 1896 и 1897 гг.: «Не сошлись характерами» (Серафима), «Раздѣлъ» (Синицына), «Своя семья» (Наташа), «Рабыня» (Раиса), «Безчестные» (Элиза), «Радости жизни» (Маргарита), «Цѣна жизни» (Анна), «Мнимый больной» (Туанета), «Ивановъ» (Сарра), «Защитникъ» (Елена), «Смерть Іоанна Грознаго» (Нагая), «Джентльменъ» (Эмма) и т. д. Уже изъ этого видно, что Савина играла в с е въ буквальномъ смыслѣ этого слова, ибо что же общаго между, напримѣръ, Мольеровской Туанетой и хотя бы Анной изъ пьесы Немировича-Данченко?

Если же къ этому добавить, что въ томъ спискѣ, откуда мы взяли эти данныя, роль Серафимы отмѣчена въ репертуарѣ артистки № 234, а роль Эммы № 250, то надо ли говорить объ обширности этого репертуара?..

Не менѣе велики были успѣхи и слава М. Г. Савиной. Это особенно рельефно показалъ спектакль въ 1899 году, когда Александринскій театръ праздновалъ юбилей своей артистки, ставшей съ того дня «заслуженною».

Спектакль былъ перенесенъ въ Маріинскій, болѣе грандіозный и вмѣстительный, театръ. Были поставлены отдѣльные акты изъ «Ревизора» (Марья Антоновна), «Волки и овцы» (Глафира), «Послѣдней жертвы» (Тугина) и «Провинціалки» (Ступендьева).

Въ этотъ вечеръ привѣтствіямъ, аплодисментамъ, подношеніямъ, рѣчамъ, крупнымъ подаркамъ положительно не видѣлось конца.

Выведенная на сцену подъ руку покойнымъ П. М. Медвѣдевымъ—режиссеромъ, юбилярша, имѣя уже на рукѣ только что полученный отъ Государя браслетъ съ изображеніемъ подарившаго, осыпанный брилліантами, должна была принять и выслушать 25 депутацій. Кстати, трогательное подношеніе ей было сдѣлано плотниками Александринскаго театра: они свой адресъ написали на кускѣ пола той сцены, на которой артистка подвизалась въ

минувшія 25 лѣтъ. Понятнымъ дѣлалось чувство Савиной, когда она объ этомъ вечерѣ писала:

«Въ цѣломъ мірѣ, вѣроятно, найдется человѣкъ счастливѣе меня, но въ Россіи въ данную минуту—нѣтъ!»

Однако, въ Россіи, въ ея театрахъ, бывало не мало счастливыхъ людей, и это именно въ тѣ «минуты», когда на сценѣ выступала М. Г. Савина. А выступать ей приходилось и не только въ рядовыхъ, обычныхъ спектакляхъ. Присутствовали на нихъ и такіе зрители, одно имя которыхъ, соединяя всѣхъ, поднимало чувства до высоты восторга.

Такой моментъ записанъ И. Щегловымъ; и его записью, ставшею достояніемъ исторіи русскаго искусства, мы закончимъ нашу бѣглую замѣтку о почившей артисткѣ.

«Когда послѣ одного изъ актовъ «Мѣсяца въ деревнѣ» Вѣрочку - Савину стали усиленно вызывать, она, раскланиваясь съ публикой, особенно выразительно и благодарно кивала влѣво, въ сторону литерной ложи. Публика угадала, въ чемъ дѣло, и стала настойчиво вызывать «автора». Мгновеніе—и въ темнотѣ ложи показалась знакомая и дорогая сердцу каждаго русскаго величественная сѣдая голова... Что тутъ произошло — невозможно передать! Точно весенній радостный ливень хлынулъ въ сторону ложи новый неистовый потокъ рукоплесканій, превратившійся, по окончаніи пьесы, въ настоящую бурю народнаго восторга,—и въ этомъ чаду славы, въ общемъ дружномъ кликѣ неожиданно слились воедино два дорогихъ для роднаго искусства имени: «Тургеневъ и Савина».

С. С.

ВОЛОГОДСКІЙ ЛИСТОКЪ.

(Вологда).

10—IX—1915. № 906.

† М. Г. САВИНА.

Уходятъ на вѣчный покой столпы Александринскаго театра.

Утрату за утратой несетъ русское драматическое искусство.

Вслѣдъ за «бабушкой русской сцены»—Стрѣльской и олицетвореніемъ русскаго національнаго добродушнаго смѣха — Варламовымъ ушла отъ искусства и отъ жизни Марія Гавріиловна Савина.

М. Г. скончалась въ Петроградѣ 8-го сентября, въ 6 часовъ утра, отъ разрыва сердца, на 61-мъ году отъ рожденія (родилась 30-го марта 1854 года).

Имя Савиной гремѣло по Руси и наравнѣ съ покойной Коммиссаржевской и здравствующей москвичкой Ермоловой сдѣлалось нарицательнымъ именемъ, олицетворяющимъ исключительный талантъ русской драматической артистки. Савина въ славной плеядѣ Александринской семьи занимала особое мѣсто. Варламовъ, Стрѣльская, Медвѣдевъ, Жулева являлись типичными бытовыми актерами русскаго театра, они спеціализировались на русской бытовой пьесѣ, они съ неподражаемымъ искусствомъ воспроизводили отжившій уже русскій бытъ, съ удивительной неподражаемостью передавали психологію русскаго человѣка. Они не знали себѣ равныхъ въ пьесахъ Островскаго. Они были пѣвцами типовъ Островскаго и уходящаго отъ насъ, но близкаго и понятнаго имъ «темнаго царства».

Въ этомъ отношеніи талантъ Савиной не имѣлъ такой специфически-русской окраски. Размѣръ ея таланта былъ шире и разностороннѣе: Савина была артисткой не только русскаго, но и вообще европейскаго, всечеловѣческаго театра. Психологія женщины, вся гамма сложныхъ и тончайшихъ переживаній дѣвушки, жены, любовницы, матери, стоящихъ на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ человѣческаго развитія, общественнаго положенія, Савиной была

понятна и находила яркое освѣщеніе въ ея исполненіи. И даже ея интернаціональному таланту болѣе были понятны общечеловѣческія черты женщины, чѣмъ самобытно-русскія, неразрывно связанныя со всей нашей отечественной исторіей. Этимъ можно отчасти объяснить, что Савина мало играла Островскаго (?), героини котораго хранятъ въ себѣ тѣ особенности, которыя могла создать только русская дѣйствительность.

А з ъ.

Маленькая «историческая» справка.

М. Г. Савина во время гастрольной поѣздки съ артистами театра Корша по сѣверу Россіи, въ 1906 году, выступила и у насъ въ Вологдѣ. Съ ея участіемъ въ Городскомъ театрѣ шли пьесы: 19-го апрѣля—«Исторія одного увлеченія», 20-го—«Родина» и 21-го—«Фимка».

ВОЛХОВСКОЙ ЛИСТОКЪ.

(Новгородъ).

11—IX—1915. № 3298.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Замѣтка Ю р. Б ѣ л я е в а.

Перепечатана изъ «Вечерняго Времени», 8—IX—1915, № 1233.

13—IX—1915. № 3300.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Какой-то зловѣщій фатумъ витаетъ надъ старой кровлей Александринскаго театра. Въ теченіе самаго короткаго времени ушли могикане старой сцены, «русскаго театра первые актеры»— Далматовъ, Стрѣльская, Варламовъ и, наконецъ, М. Г. Савина. Въ ея лицѣ закончилась не только цѣлая эпоха Александринскаго театра, но и цѣлая исторія русской сцены съ такими вѣхами, какъ Островскій, Тургеневъ, Писемскій, Сухово-Кобылинъ, Потѣхинъ и др.

Въ небольшой газетной замѣткѣ кощунственно даже говорить о необыкновенномъ дарѣ М. Г. Савиной, но нельзя не отмѣтить ея великихъ заслугъ въ области русской драматической литературы.

Драматургамъ Гоголевской школы нужны были посредники для передачи ихъ мыслей публикѣ черезъ сцену. И такой посредницей явилась М. Г. Савина, съ настоящимъ русскимъ лицомъ, съ русской задумчивостью. Легкомысленный, хохотливый водевиль смѣнила подлинная русская драма, и сценическое притворство замѣнилось подлиннымъ страданіемъ. И безпечный зритель, глядя на Катерину изъ «Грозы» или «Безприданницу», вдругъ вздрогнулъ отъ неожиданности и вышелъ изъ театра потрясенный. Савина впервые выявила лицо нашей національной души. Но этого было бы мало для сценическаго безсмертія. Савина была и подлиннымъ, съ Божьимъ даромъ, великимъ художникомъ сцены. Это былъ и скромный, плѣнительный, самоцвѣтный талантъ. Удивительные переливы чувствъ, безудержный задоръ, жуткая драма, рѣдкая филигранная игра, величайшей сдержанности жестъ—трогали и доходили до самыхъ глубинъ сердца. Во всѣхъ роляхъ, начиная съ Островскаго, кончая пьесами современными, Савина была воплощеніемъ художественной правды. Теперь смерть убила этотъ прекрасный талантъ...

Дочь преподавателя Каменецъ-Подольской гимназіи Г. Н. Подраменцева, М. Г. родилась въ 1854 году. Будучи ученицей Одесской гимназіи, «дѣвица Подраменцева» уже участвовала въ

драматическихъ спектакляхъ, но профессіональная ея дѣятельность начинается только съ 1869 года. Съ этого времени Савина послѣдовательно играетъ въ Минскѣ, Смоленскѣ, Харьковѣ, Калугѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Саратовѣ, Орлѣ и др. городахъ.

Въ Харьковѣ же она вышла замужъ за артиста Савина, перваго любовника. Въ 1874 году М. Г. пріѣзжаетъ въ Петербургъ и совершенно случайно, послѣ дебюта въ Благородномъ Собраніи, попадаетъ на Александринскую сцену. Первый дебютъ на Императорской сценѣ былъ въ роли Кати, въ Крыловской пьесѣ «По духовному завѣщанію». Художественная простота игры, прекрасная декламація и благодарныя внѣшнія данныя сразу подкупили публику, и вопросъ о принятіи на казенную сцену былъ рѣшенъ положительно. Нѣтъ возможности перечислить всѣ роли, въ какихъ выступала Савина за время своей 35-лѣтней художественной дѣятельности, но общая цифра сыгранныхъ ею ролей превышаетъ четыреста.

Въ 1900 и 1910 гг. состоялись тріумфы чествованія Савиной, по случаю 25 и 35-лѣтняго юбилеевъ. Артистка была пожалована званіемъ «заслуженной артистки», и это званіе за полуторастолѣтнее существованіе Императорскихъ театровъ дано было женщинѣ впервые. Островскій, Тургеневъ, Потѣхинъ боготворили артистку, многіе молодые авторы ея участію обязаны появленіемъ ихъ пьесъ на сценѣ. Савина скончалась. Неумолимый рокъ прервалъ эту драгоцѣнную жизнь.

Н. Галинъ.

Эта же статья напечатана: въ «Донской Жизни», 13—IX—1915. № 209; въ «Курьерѣ», 13—IX—1915, № 214; въ «Золотоношскомъ Голосѣ», 16—IX—1915, № 372; въ «Таганрогскомъ Вѣстникѣ», 17—IX—1915, № 244; въ «Александровскомъ Вѣстникѣ», 23—IX—1915, № 1011; въ «Уссурійскомъ Краѣ», 25—IX—1915, № 209.

ВОРОНЕЖСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

(Воронежъ).

19—IX—1915. № 207.

ПОТЕРИ ИСКУССТВА.

Русское искусство за послѣднее время понесло большія потери.

Неподражаемый юморъ Варламова и изящная изобразительность Савиной, въ художественно созданныхъ ими образахъ, еще такъ живы въ нашей памяти! Еще такъ жива печаль объ утратѣ этихъ дѣятелей нашей сцены!..

Ѳ. Г.

20—X—1915. № 231.

ПОДЪ ВПЕЧАТЛѢНІЕМЪ.

Нѣтъ больше Маріи Гавріиловны Савиной; вмѣсто нея теперь—«раба Божія Марія».

Скорбный смыслъ этого факта особенно ярко чувствовался и вставалъ передъ сознаніемъ присутствовавшихъ на панихидѣ по ней и на спектаклѣ, посвященномъ ея памяти, въ субботу, въ сороковой день ея смерти.

Образъ Маріи Гавріиловны рѣялъ надъ всѣми, ея своеобразно-милое нервное лицо глядѣло изъ-за облаковъ ладана церкви и какъ-будто говорило о той драмѣ въ жизни людей, которая именуется тщетой всего земного... Ея не игра, а жизнь на сценѣ вспоминалась при наблюденіи внимательно-продуманной игры молодой артистки г-жи Журавской, въ роли Татьяны Рѣпиной.

Савинская Татьяна Рѣпина живетъ теперь только въ нашей памяти—и никто ея не воплотитъ предъ нами т а к ъ, какъ воплощала Марія Гавріиловна. Своеобразность и оригинальность воззозданія—это основныя черты таланта Савиной.

Неутомимо-кипучая общественная дѣятельница, Савина, обрисованная въ посвященномъ ей «словѣ», придавала прекрасную цѣльность образу Савиной-артистки и сообщала особенную искренность акту почтенія ея памяти вставаніемъ въ вечеръ знаменательнаго спектакля, освѣщеннаго ея незримымъ присутствіемъ въ памяти наполнявшей залъ публики.

Тщета всего земного...

Жизнь дѣятеля сцены является какъ бы подтвержденіемъ этого пессимистическаго вывода.

Мы любуемся игрой артистки на сценѣ, высоко цѣнимъ минуты озаренія нашихъ будней огнемъ художественнаго воспроизведенія предъ нами образовъ и благодарны артисту-актеру за доставленное эстетическое наслажденіе.

Но эту силу своего вліянія артистъ-актеръ носитъ съ собою и уноситъ ее въ могилу, оставляя послѣ себя лишь одно воспоминаніе, тотъ «минувшаго дня голубѣющій дымъ», который рѣдѣетъ съ каждымъ днемъ.

И больно за художника-актера, дѣятельность котораго не оставляетъ по себѣ никакого матеріальнаго памятника, какъ художественнаго воплощенія заложенной въ немъ Божьей искры.

Грустно за то, что наша способность воспроизведенія будетъ все блѣднѣе и блѣднѣе возсталовлять въ памяти тѣ дивныя переживанія, которыми дарила насъ игра Савиной, этой огромной по дарованію русской женщины, которая такъ хорошо могла понять разнообразныя переживанія, характеры и темпераменты именно русской женщины, различныхъ общественныхъ слоевъ и возрастовъ.

Живутъ и трепещутъ еще эти образы въ нашемъ воображеніи, созданные вдохновеніемъ изящнаго и тонкаго по силѣ изобразительности ея таланта.

Жива и свѣжа въ нашей памяти и она сама; и претворяется то въ очаровательнаго ребенка-женщину, съ неомраченнымъ еще тѣнью жизни голубымъ сіяніемъ въ глазахъ, то въ познавшую тайну радости и горя женщину-жену и мать, то въ пугающую подчасъ своей сложной неуравновѣшенностью натуру артистки, то, наконецъ, въ уже укрощенную жизнью женщину-старуху...

Цѣлая галлерея портретовъ!

И у всѣхъ у нихъ прелестное сіяніе глазъ Савиной, и у всѣхъ ея неподражаемый, проникающій въ душу зрителя голосъ...

И вездѣ она была великой артисткой, память о которой будетъ жить долго, несмотря на роковой въ этомъ отношеніи удѣлъ всѣхъ артистовъ-актеровъ.

То же, что ей удалось сдѣлать на благо русской актерской семьи, поможетъ ей упрочить свою память въ рядѣ поколѣній этой огромной корпораціи, забытой до нея всѣми.

Ѳ. Горн.

ВСЕМІРНАЯ НОВЬ.

(Петроградъ).

IX—1915. № 39.

† МАРІЯ ГАВРІИЛОВНА САВИНА.

Скончалась Марія Гавріиловна Савина, замѣчательнѣйшая русская артистка, имя которой тѣсно связано съ классической эпохой русской драмы...

Слѣдуютъ краткія біографическія свѣдѣнія, которыя заключаются такъ:

М. Г. была не только русской, но и всероссійской артисткой, такъ какъ, гастролируя въ зарубежныхъ театрахъ, она вездѣ вызывала восторгъ своей игрой, сказавшейся въ награжденіи ея всевозможными иностранными знаками отличія.

Здѣсь помѣщено 9 портретовъ М. Г. Савиной: 1) «артистка у себя дома» (1900 г.) и въ пьесахъ—2) «Маруся», 3) «Маіорша», 4) «Доходы миссисъ Уорренъ», 5) «Царь Борисъ», 6) «Соломонія и Елена», 7) «Чародѣйка», 8) «Дама съ камеліями» и 9) «Ивановъ» (Сарра).

ВСЕМІРНАЯ ПАНОРАМА.

(Петроградъ).

18—IX—1915. № 335—38.

† М. Г. САВИНА.

Послѣдній годъ вырвалъ изъ «старой гвардіи» Александринскаго театра нѣсколько жертвъ.

Умерла Стрѣльская, умеръ Варламовъ, а 8-го сентября мы лишились «первой русской артистки» Маріи Гавріиловны Савиной, чье имя было извѣстно не только въ Россіи, но и далеко за предѣлами отечества.

Почти сорокъ лѣтъ М. Г. держала на себѣ весь репертуаръ Александринскаго театра, выступая въ различныхъ роляхъ и съ первыхъ же шаговъ зарекомендовавъ себя богато одаренной, талантливой артисткой.

Со смертью Савиной выпадаетъ лучшая жемчужина изъ блестящей короны Александринскаго театра.

О заслугахъ покойной будутъ писать будущіе историки театра, я же, съ своей стороны, предлагаю читателямъ бытовые эпизоды изъ жизни великой артистки, частично разсказанные мнѣ ею самою, частично записанные со словъ окружающихъ ее.

* * *

Савина начала играть восьми лѣтъ, въ Одессѣ, исполняя роли дѣвочекъ и мальчиковъ. Гонораръ ей платили конфектами.

Денежное вознагражденіе она получила только за участіе въ опереткѣ «Днѣпровская русалка». Эта пьеска пользовалась огромнымъ успѣхомъ. Маша Стремлянова (дѣвичья фамилія Савиной) исполняла роль русалки, а такъ какъ это была довольно трудная роль,—ей платили 25 рублей разовыхъ.

Въ награду еще М. Г. дали бенефисъ, и она поставила «Испорченную жизнь», съ участіемъ В. В. Самойлова.

— Помню,—разсказывала М. Г.,—какъ я торжественно надѣла свой шифръ (я тогда была въ пансіонѣ) и отправилась приглашать Самойлова участвовать въ моемъ бенефисѣ. По всему городу были расклеены афиши, на которыхъ крупными буквами было напечатано: «Бенефисъ М. Стремляновой».

Маленькая бенефиціантка получила четверть сбора, три букета и 18 коробокъ конфектъ. Деньги она отдала отцу, а себѣ оставила цвѣты и конфекты.

* * *

Въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ антрепризѣ Смолькова, репертуаръ состоялъ преимущественно изъ легкихъ комедій и оперетокъ, которыми режиссировалъ Алексѣевъ.

Ставили «Орфея въ аду».

Всѣ роли разошлись, какъ нельзя лучше, не было только Амура.

— Кому же поручить эту роль?— спросилъ Алексѣевъ у Смолькова.

— К-к-к-кому н-н-нибудь, — недолго задумываясь и возмутительно заикаясь, отвѣтилъ Смольковъ.

— Однако...

— Х-х-х-хоть С-с-с-сави-и-иной.

— Какой Савиной?

— К-к-а-атри-и-скѣ мо-о-оей...

— Сыграетъ ли?

— Не-е-е-знаю...

Передали Амура Савиной, занимавшей у Смолькова амплуа незначительныхъ ролей. Сыграла она его очень мило, но никакъ нельзя было предполагать по исполненію этой роли, что изъ нея выработается такая большая артистка.

* * *

Въ 1879 году, вскорѣ послѣ постановки М. Г. Савиной для своего бенефиса пьесы И. С. Тургенева «Мѣсяцъ въ деревнѣ», въ Петербургъ пріѣхалъ на недолгую побывку изъ Парижа, гдѣ постоянно проживалъ, самъ авторъ пьесы.

Когда пріѣхалъ Тургеневъ, къ Савиной явился нѣкій Тоноровъ, повѣренный по дѣламъ писателя, и сталъ упрашивать ее навѣстить Ивана Сергѣевича.

Очень волнуясь, артистка побывала у Тургенева, бесѣдовала съ нимъ, и когда, простившись, стала спускаться съ лѣстницы, на послѣдней ступенькѣ остановилась, какъ громомъ пораженная.

— Я ничего не сказала ему о его сочиненіяхъ!!!

Мысль эта совершенно отравила впечатлѣніе отъ визита, и Марія Гавріиловна возвратилась домой чрезвычайно огорченная.

Но каково же было ея удивленіе, когда черезъ часъ къ ней явился Тоноровъ и въ разговорѣ сказалъ:

— Ивану Сергѣевичу особенно понравилось, что вы не упомянули о его сочиненіяхъ. Это такъ банально и такъ надоѣло...

* * *

Гастролировала Савина въ Харьковѣ. Успѣхъ, по обыкновенію, грандіозный.

Какъ-то въ антрактѣ на сценѣ знакомится съ нею молодая барышня, съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ. Барышня наговорила М. Г. массу комплиментовъ, и послѣ этого ее можно было видѣть постоянно за кулисами, влюбленными глазами слѣдившую за каждымъ движеніемъ петербургской премьерши.

Артистка не отказывала во вниманіи этой экспансивной поклонницѣ и радушно принимала ее въ своей уборной.

Въ послѣдній гастрольный спектакль барышня улучаетъ удобный моментъ и говоритъ:

— Марья Гавриловна, я поіду за вами до Петербурха.

— Зачѣмъ?—удивилась артистка.

— Вы мнѣ поможете поступить въ Театральное Училище, чтобы сдѣлаться актрисой.

М. Г. съ сердечной искренностью отвѣтила ей:

— Возможно, моя милая, что у васъ и есть дарованіе, но вамъ не отдѣлаться отъ своего выговора.

У восторженной поклонницы въ одно мгновеніе перекашивается лицо отъ гнѣва, и она, желая уязвить артистку, говоритъ, подчеркивая каждое слово:

— У насъ Заньковецкая тоже полные сборы дѣлала!

Повернулась и ушла.

* * *

М. Г. принимала большое участіе во Всероссійскомъ Театральномъ Съѣздѣ, состоявшемся въ Москвѣ въ 1897 году. Засѣданія происходили въ Маломъ театрѣ.

Изъ петербургскихъ казенныхъ актеровъ пріѣхали только М. Г. и П. М. Медвѣдевъ. Отсутствіе остальныхъ, не пожелавшихъ принять участіе въ этомъ Съѣздѣ, созванномъ для того, чтобы общими усиліями помочь бѣднымъ провинціальнымъ актерамъ, было слишкомъ замѣтно. Обратила вниманіе на это и одна высокопоставленная особа, задавшая вопросъ М. Г.:

— А почему не видно вашихъ товарищей?

Артистка съ достоинствомъ отвѣтила, указавъ на сидѣвшихъ въ театрѣ провинціальныхъ артистовъ:

— Это все мои товарищи.

* * *

Въ январѣ 1900 года Марія Гавріиловна праздновала 25-лѣтній юбилей своей артистической дѣятельности на сценѣ Александринскаго театра.

Торжество было грандіозное.

Въ массѣ поздравительныхъ телеграммъ одна была на украинскомъ языкѣ:

«Петербургъ. Александринскій театръ. Мое товарыство украиньскихъ артыстовъ складае передъ высокоталоповытою артысткою Маріею Гавриловною наисердечнище витанне зъ 25-ричнымъ юбылеемъ и наищырше бажанне ще довги роки скрашаты своимъ геніемъ руську сцену. Марко Кроповницкій».

На это отъ М. Г. послѣдовалъ отвѣтъ:

«Одесса. Марку Лукичу Кроповницкому. Видъ сердця дякую товарыству украиньскихъ артыстовъ за наисердечнище витанне. Маруся Савина».

С. Ш е в—о в ъ.

Приложены портреты М. Г. Савиной: 1) первой поры ея артистической дѣятельности, 2) въ «Укрощеніи строптивой» и 3) въ «Дворянскомъ гнѣздѣ».

25—IX—1915. № 336—39.

Снимокъ: «У свѣжей могилы М. Г. Савиной», окруженной родными, друзьями и друг.

ВѢДОМОСТИ ПЕТРОГРАДСКАГО ГРАДОНАЧАЛЬСТВА.

(Петроградъ).

10—IX—1915. № 198.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Совсѣмъ неожиданно и какъ-то неслышно ушла отъ насъ въ лучшій міръ заслуженная артистка Императорскихъ театровъ Марія Гавріиловна Савина... Это былъ настоящій самобытный и самоцвѣтный русскій талантъ, добрѣйшей души человѣкъ и остроумнѣйшая и блестящая женщина... Что это былъ за талантъ, знаетъ вся русская публика, въ особенности та часть ея, которая видѣла М. Г. еще въ расцвѣтѣ ея артистической дѣятельности, въ изящной рамкѣ молодости, смѣха, задора и обаятельной женственной граціи... Талантъ М. Г. Савиной—это преимущественно талантъ большой комической артистки (недаромъ М. Г. лѣтъ два-

дцать - двадцать пять тому назадъ убѣжденно говорила, что со временемъ авторы начнутъ писать для нея пьесы, гдѣ главная роль будетъ предоставлена «комической старухѣ»),—но въ то же время силою своего большого таланта М. Г. претворяла въ художественные образы и поручавшіяся ей сильно драматическія роли, какъ, напримѣръ, Ларисы Огудаловой въ «Безприданницѣ» Островскаго, Татьяны Рѣпиной въ пьесѣ А. С. Суворина того же названія, Оли Васильковой въ «Свѣтитъ да не грѣетъ» и т. п. Но болѣе всего захватывала М. Г. публику въ роляхъ кокетливыхъ и очаровательныхъ женщинъ, гдѣ бы онѣ ни появлялись у авторовъ: въ русской ли избѣ (кума Настасья въ «Чародѣйкѣ» Шпажинскаго), въ свѣтскомъ ли салонѣ (Ольга Ранцева), на фонѣ ли усадебной Руси (Наталья Петровна въ Тургеневскомъ «Мѣсяцѣ въ деревнѣ»); въ этихъ роляхъ М. Г. влекла къ себѣ, туманила, очаровывала и зажигала... Это была настоящая чаровница русской сцены...

И добрая же душа была у этой чаровницы! Все свое свободное отъ сцены время М. Г. отдавала Совѣту Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, отдавала себя заботамъ о нуждающихся и престарѣлыхъ сценическихъ дѣятеляхъ, за что они и платили своей незабвенной покровительницѣ совершенно исключительными расположеніемъ и преданностью: чтобы убѣдиться въ этомъ, стоило только повидать хоть разъ въ жизни М. Г. среди призрѣваемыхъ артистовъ въ «Убѣжищѣ престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей»...

Рѣдкая даровитость артистки и доброта ея души еще счастливо соединялись въ этой женщинѣ съ ея поразительнымъ сверкающимъ умомъ и ея положительно искрометнымъ остроуміемъ... Можно смѣло сказать, что это большая «боярыня русской сцены» стояла столько лѣтъ во главѣ нашего образцоваго театра не только силою своего крупнаго таланта, но и силою своего выдающагося чисто-русскаго ума...

И вотъ ушла теперь отъ насъ эта «большая боярыня», не договоривъ еще многое изъ того, что она могла бы еще сказать... Во всякомъ случаѣ, то, что она уже успѣла сказать, было прекрасно и будетъ отмѣчено въ исторіи русскаго театра особыми сверкающими буквами.

В. Билибина.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

(Петроградъ).

XI—1915. Кн. 11.

ПАМЯТИ ОТОШЕДШИХЪ АРТИСТОВЪ.

(В. В. Стрѣльская, К. А. Варламовъ, М. Г. Савина).

Одинъ за другимъ отошли въ нынѣшнемъ году ветераны и столпы нашей сцены: милая старушка—«бабушка» В. В. Стрѣльская, воплощенные жизнерадостность и смѣхъ—К. А. Варламовъ, вѣчно юная и обаятельная Марія Гавріиловна Савина, несмотря на свои 60 съ чѣмъ-то лѣтъ, неизмѣнно моложавая, бодрая, дѣятельная, почти наканунѣ своей внезапной смерти, которая, по выраженію Красинскаго, лишь «сократила минуты ея старости»...

Съ ихъ уходомъ какъ бы замыкается цѣлый періодъ—почти полувѣковой—въ исторіи русскаго театра. . . . . .

. . . . . .

Актеръ, какъ бы ни коротка была его личная слава, обрывающаяся со смертью, является, прежде всего, истолкователемъ замысла драматурга, и въ особенностяхъ этого толкованія—его завѣтъ другимъ, позднѣйшимъ исполнителямъ, его какъ бы посмертная слава, разъ онъ становится достояніемъ исторіи.

Такого рода заслуги въ особенности выпадаютъ на долю великой артистки, которой мы недавно лишились,—Маріи Гавріиловны Савиной. Ея имя тѣснѣйшимъ образомъ связано съ

исторіей не только русскаго театра, но и русской литературы, особенно съ того времени, когда даровитая артистка какъ бы окончательно нашла себя и выступила живымъ воплощеніемъ цѣлаго ряда образовъ нашихъ классическихъ писателей. Ея артистическая карьера была долгая,—свыше 40 лѣтъ на Императорской сценѣ, а раньше она играла въ провинціальныхъ театрахъ, пользовалась успѣхомъ въ Казани, Саратовѣ, Калугѣ, выступила впервые на подмосткахъ еще 8-лѣтнимъ ребенкомъ, «чуть ли не родилась на сценѣ», какъ писалъ о ней Вольфъ въ 1874 году. И тѣмъ понятнѣе ея извѣстный афоризмъ: «Сцена—моя жизнь». «Играя, что ни попало, такъ, напримѣръ, «Офелію» и «Прекрасную Елену», артистка никогда систематически не училась»,—писалъ о ней хроникеръ Петербургскихъ театровъ,—«никакой школы не прошла, а играла по вдохновенію, по инстинкту, какъ Богъ на душу положитъ»... Настоящій самородокъ, выработавшійся своимъ умомъ и со временемъ занявшій одно изъ первыхъ мѣстъ на русской сценѣ силою своего генія. Какъ самородокъ и самоучка,—вѣдь были ими и величайшіе умы,—Савина по вполнѣ понятнымъ причинамъ не сразу нашла свое настоящее амплуа. Успѣхъ сопровождалъ ея выступленія съ раннихъ шаговъ, но этотъ же успѣхъ и былъ причиной того, что въ огромномъ репертуарѣ исполненныхъ ею ролей (свыше 400) талантливая, обаятельная,—и какъ артистка, и по счастливымъ внѣшнимъ даннымъ,—съ ранняго времени уже избалованная отношеніемъ къ ней публики и почитателей, Марія Гавріиловна удѣляла много вниманія такого рода произведеніямъ, въ которыхъ не было матеріала для серьезнаго, устойчиваго творчества. Кромѣ того, она «искала себя», берясь за самыя разнообразныя роли, не всегда удачно соперничая со Стрепетовой (напримѣръ, въ пьесѣ Куликова «Семейные разсчеты», въ которой Стрепетова была много сильнѣе), выступая въ роляхъ, несоотвѣтствовавшихъ характеру ея дарованія (Офелія и др.), но у нея не было учителей и руководителей, которые могли бы направлять ее, наставлять, учить. Всѣмъ она была обязана лишь самой себѣ. Однако, эти учителя нашлись со временемъ, только не въ средѣ артистовъ. Она вступила на новый и вѣрный путь, когда стала прислушиваться къ корифеямъ русской литературы того времени, когда завязались у нея знакомства и отношенія съ нашими великими писателями классической поры русской литературы. Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Л. Толстой—вотъ тѣ титаны художественной мысли, счастливой современницей которыхъ была Савина, сохранившая имъ благородный культъ на всю жизнь.

Ей до нѣкоторой степени принадлежитъ честь «открытія» Тургенева, какъ драматурга, ибо извѣстно, что первыя поставленныя Тургеневымъ пьесы не пользовались успѣхомъ у публики, не встрѣтили особаго сочувствія и у тогдашнихъ заправилъ театра. Онѣ имѣли «succès d'estime», и Тургенева продолжали считать больше беллетристомъ-романистомъ, чѣмъ драматургомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. М. Г. Савина предугадала ту оцѣнку театра Тургенева, которая у насъ установилась сравнительно недавно, послѣ первыхъ пьесъ Чехова, генетически съ нимъ связаннаго. Еще въ 1879 году Савина выпросила у Тургенева для своего бенефиса «Мѣсяцъ въ деревнѣ»,—пьесу, которую Тургеневъ и не предназначалъ для сцены, и, около 20 лѣтъ послѣ ея напечатанія, никто и не покушался ее ставить. Молодая артистка чутьемъ угадала, что нельзя жертвовать художественностью образовъ въ угоду искомой тогда театральности пьесы, и за свой страхъ рѣшилась выступить въ роли «Вѣрочки». Ея побѣда была побѣдой и Тургенева-драматурга, признавшагося, что онъ и самъ не ожидалъ, что возможно роли Вѣрочки придать такую яркость и выпуклость. И, благодаря Савиной, пьеса стала репертуарной, и Тургенева, вообще, стали ставить на сценѣ, признавъ за нимъ иныя, раньше не разгаданныя качества.

Здѣсь неумѣстно входить въ разборъ различнаго исполненія ролей М. Г. Савиной въ ея обширномъ репертуарѣ. Мнѣ хотѣлось бы только отмѣтить, что, ставъ горячей и преданной почитательницей нашей художественной литературы въ широкомъ смыслѣ слова, не только спеціально драматической, предназначенной для исполненія на сценѣ, она по своему воспринимала и переживала образы, созданные нашими писателями, и, какъ актриса «Божіей милостью», естественно стремилась къ ихъ воплощенію. Отчасти это достигалось въ чтеніяхъ на литератур-

ныхъ вечерахъ, отчасти исполненіемъ ролей въ передѣлкахъ, или такъ называемыхъ «инсценировкахъ» повѣствовательныхъ произведеній. Чтенія Марія Гавріиловна меньше любила, чѣмъ игру: это было свойствомъ ея дарованія, отчасти темперамента. Въ свое время она читала и Пушкинскую Татьяну, но признавалась, что гораздо лучше бы провела сцену объясненія съ Онѣгинымъ, если бы могла ее разыграть. И, дѣйствительно, она гораздо полнѣе и цѣльнѣе съумѣла воплотить образъ Лизы изъ «Дворянскаго гнѣзда», когда выступила въ передѣлкѣ И. И. Вейнберга романа Тургенева. Можно и совершенно правильно осуждать всякія передѣлки и приспособленія для сцены романовъ и повѣстей, такъ какъ при этомъ неизбѣжно либо искажается, либо умаляется замыселъ писателя въ его цѣломъ. Но это осужденіе не касается тѣхъ образовъ, которые даются намъ со сцены, какъ иллюстраціи къ произведеніямъ романистовъ, при предположеніи, что зрители знаютъ эти произведенія, что они сознательно воспринимаютъ лишь часть цѣлаго, что они смотрятъ на инсценировку лишь какъ на поясненіе и образное воплощеніе отдѣльныхъ моментовъ знакомаго имъ замысла въ его художественной цѣльности. Тогда и эпизодическія сцены могутъ достичь полной художественности. На этомъ принципѣ зиждется успѣхъ постановки «Братьевъ Карамазовыхъ» въ Московскомъ Художественномъ театрѣ. М. Г. Савина готова была переиграть или воплотить большинство женскихъ образовъ, созданныхъ лучшими нашими писателями эпохи классическаго расцвѣта русской литературы. И подобно тому, какъ она «открыла» намъ Вѣрочку, какъ впослѣдствіи была превосходной Натальей Петровной въ той же пьесѣ Тургенева, нѣжной и идеально-возвышенной Лизой,—такъ она чудесно воплотила и образъ Настасьи Филипповны въ «Идіотѣ» Достоевскаго, превосходно читала сцену Мароиньки съ Викентьевымъ изъ «Обрыва» Гончарова и напослѣдокъ дала намъ вѣрный, правдиво очерченный рисунокъ бабушки—изъ того же романа, хотя разсчитывала лучше разработать этотъ рисунокъ при повторныхъ спектакляхъ, которые не состоялись. Она очень мечтала дать намъ свое пониманіе Катюши Масловой изъ «Воскресенія» Толстого, но, къ сожалѣнію, по цензурнымъ соображеніямъ спектакль не могъ состояться.

У Савиной въ ея обширномъ репертуарѣ былъ рядъ ролей, въ которыхъ она откровенно какъ бы показывала лишь себя, не гоняясь за художественнымъ перевоплощеніемъ въ чужой ей образъ, не работая творчески надъ созданіемъ чего-то новаго, угадываемаго и воплощаемаго сложной работой переживаній и воспроизведенія. Ходили просто смотрѣть Савину, когда она выступала въ Крыловскихъ пьесахъ, даже когда она играла «Чародѣйку», «Маіоршу», «Генеральшу Матрену» и др. Была виртуозность, не было творчества. Но Савина рѣшительно жертвовала собою, когда отдавалась подлинному творчеству, заботясь лишь о вѣрности воспроизведенія типа. Таковы, напримѣръ, ея исполненія ролей—Марьи Антоновны въ «Ревизорѣ», Агаѳьи Тихоновны въ «Женитьбѣ», или Акулины во «Власти тьмы». Она очень много достигла самыхъ настоящихъ художественныхъ воплощеній въ разныхъ пьесахъ Островскаго, котораго почти сплошь переиграла въ различныхъ амплуа. Она ярко иллюстрировала нѣкоторыя роли въ пьесахъ Потѣхина, Тихонова, Карпова, Гнѣдича и др. Съумѣла подойти и къ нѣкоторымъ образамъ театра Чехова, правда, въ болѣе раннихъ его произведеніяхъ. Но изъ послѣднихъ ея достиженій всетаки приходится на первомъ планѣ поставить послѣ «Холоповъ» Гнѣдича роль матери Каренина въ «Живомъ трупѣ» и, по яркости созданнаго ею образа, старухи-купчихи въ «Торговомъ домѣ» молодого писателя Сургучева. Бытовыя роли, драматическія и чистокомедійныя, были ея неизмѣнными шедеврами. Но какъ ни велики ея заслуги въ исторіи русскаго театра, по своимъ знакомствамъ и отношеніямъ къ русскимъ писателямъ-художникамъ, въ широкомъ смыслѣ слова, по тому, что она отъ нихъ восприняла и, въ свою очередь, съумѣла, какъ артистка, доказать и показать, по той новой сценической традиціи, которую она создала, оригинальнаго и вполнѣ самостоятельнаго воплощенія образовъ изъ русской дѣйствительности въ художественномъ претвореніи, М. Г. Савина займетъ почетное мѣсто не только въ исторіи нашихъ сценическихъ дѣятелей, но ея значеніе должно быть отмѣчено и историками русской литературы.

Ѳ. Батюшковъ.

ВѢСТНИКЪ МОДЫ.

(Петроградъ).

1—X—1915. № 41—42.

МАРІЯ ГАВРІИЛОВНА САВИНА.

(Некрологъ).

Скончалась прекрасная русская женщина и первоклассная артистка. Искусство потеряло въ ней вѣрную, глубокую и тонкую выразительницу радостей и страданій женской души, общество—дѣятельнаго и гуманнаго члена...

Выпущены краткія біографическія свѣдѣнія.

Благодаря необыкновенной гибкости своего таланта, она въ теченіе 40 лѣтъ создаетъ самыя разнообразныя роли, заставляя зрителей переживать всѣ перипетіи судьбы изображаемыхъ ею героинь. Обширный репертуаръ ея свидѣтельствуетъ о силѣ ея дарованія; въ него входятъ: Гоголь, Тургеневъ, Толстой, Островскій, Потѣхинъ (Н. А.), Крыловъ, Суворинъ и др.

Она основала Театральное Общество, была его секретаремъ и въ теченіе 25 лѣтъ несмѣняемымъ членомъ Совѣта. Пріютъ и Убѣжище престарѣлыхъ артистовъ были предметомъ ея материнской заботливости. Она была директоромъ Театральной Школы имени А. С. Суворина и почетнымъ членомъ Литературно-Художественнаго Общества. М. Г. была три раза замужемъ; послѣдній разъ—за вице-президентомъ Театральнаго Общества А. Е. Молчановымъ. Слезы у ея гроба свидѣтельствуютъ объ ея сердечной добротѣ.

Въ 1899 году ей было Высочайше пожаловано званіе заслуженной артистки; она имѣла ордена иностранныхъ государствъ и въ ихъ числѣ французскій Officier d'Academie. «Театръ»,—говоритъ Александръ Дюма-сынъ,—«есть воинствующая нравственность». Если это такъ, то Савина была славнымъ борцомъ, и имя ея сохранится въ лѣтописяхъ русской сцены. Въ этомъ порука—слезы, которыя вызывали у насъ страданія созданныхъ ею героинь, и наслажденіе, испытанное нами при звукѣ ея ласкающаго голоса и взгляда ея чарующихъ глазъ.

Приложенъ портретъ 1914 г.

ВЯТСКАЯ РѢЧЬ.

(Вятка).

10—IX—1915. № 193.

† М. Г. САВИНА.

Уходятъ въ могилу одинъ за другимъ ветераны русской сцены... Недавно умеръ Варламовъ... Только что сейчасъ получена агентская телеграмма, сообщающая о смерти заслуженной артистки Императорскихъ театровъ М. Г. Савиной.

Біографію покойной и оцѣнку ея громадныхъ заслугъ передъ русскимъ театромъ мы дадимъ въ слѣдующемъ номерѣ.

12—IX—1915. № 195.

МАРІЯ ГАВРІИЛОВНА САВИНА.

Все еще не вѣрится, что ея нѣтъ, что безпощадная смерть отняла отъ насъ большой огромный талантъ.

Осиротѣла русская драматическая сцена...

Не стало Варламова, и вдругъ черезъ короткій промежутокъ времени уходитъ Савина...

Смерть Савиной, несомнѣнно, вызоветъ горячія слезы сожалѣнія всего большого артистическаго міра, который такъ много обязанъ трудамъ покойной М. Г. созданіемъ Убѣжища для престарѣлыхъ артистовъ. Лишились и отечественные драматурги художественной исполнительницы, создававшей всегда яркіе образы въ ихъ произведеніяхъ, и большею частью обязанные успѣхомъ своихъ пьесъ исключительно участію М. Г.

Выпущены краткія біографическія свѣдѣнія.

Репертуаръ Савиной очень разнообразенъ,—отъ ролей наивныхъ дѣвочекъ, шаловливыхъ кокетокъ до глубоко-комическихъ и истинно-драматическихъ образовъ: всюду она была художественна.

Гоголь, Островскій, Тургеневъ, Потѣхинъ, Шекспиръ, въ новѣйшее время Ибсенъ, Зудерманъ и другіе драматическіе писатели нашли въ Савиной прекрасную, вѣрную исполнительницу своихъ типовъ. Савина получила званіе «заслуженной артистки» за свои громадныя заслуги передъ русскимъ театромъ.

Да будетъ ей легка земля!

ГАЗЕТА КОПѢЙКА.

(Петроградъ).

9—IX—1915. № 2570.

† М. Г. САВИНА.

8-го сентября, въ $5^1/_2$ часовъ утра, скончалась отъ разрыва сердца заслуженная артистка М. Г. Савина.

Далѣе приведены краткія біографическія свѣдѣнія изъ статьи П. Весенъева «Артистическая карьера М. Г. Савиной», напечатанной въ «Вечернемъ Времени», 8—IX—1915, № 1233.

ВЕЛИКАЯ УТРАТА.

Въ эти дни, залитые кровью и скорбью, театръ является сестрой милосердія, которая врачуетъ раненыхъ духомъ и сердцемъ ратниковъ тыла.

Въ эти дни, какъ никогда, работаетъ театръ, потому что все населеніе ищетъ хоть на мигъ забвенія отъ ужасовъ повседневнаго быта.

И какъ разъ этотъ годъ особенно тяжелъ для театра: словно испытанія необычайныя посылаются небомъ на голову тѣхъ, кто всѣмъ своимъ существомъ, всѣмъ своимъ дѣломъ кричитъ намъ:

— Духа не угашайте!

Одинъ за другимъ сходятъ со сцены дѣятели сцены.

И какіе! Равныхъ которымъ у насъ не остается!

Умеръ Варламовъ—великій «Дядя Костя» всероссійскій.

А нынче пришла вѣсть о кончинѣ величайшей артистки земли русской Маріи Гавріиловны Савиной.

Если собрать воедино всю ту радость и всѣ тѣ радости, которыя она излила со сцены за полвѣка своего служенія родинѣ, можно было бы этою радостью осушить всѣ слезы жертвъ нынѣшней войны!

Тѣмъ, кому дороги имена Тургенева, Островскаго, Гоголя, Писемскаго, Потѣхина, Сухово-Кобылина, должна быть такъ же дорога и сестра ихъ по духу Савина.

Тѣ же чувства добрыя и бодрыя, которыя пробуждали въ насъ эти великаны русскаго духа, ту же красоту и радость, какую излучали эти геніи, тотъ же восторгъ и благоговѣніе, какое вызывали они, вызываетъ и Савина.

Савина, Савина!—да будетъ благословенно имя твое.

Н. Шигалеевъ.

10—IX—1915. № 2571.

РОСКОШЬ ЦВѢТОВЪ.

Умерла Марія Гавріиловна Савина, прекраснѣйшая артистка, гордость русской сцены. Въ настоящее время, когда въ великой борьбѣ за отечество, ежедневно, ежечасно гибнетъ столько славныхъ, хотя и безвѣстныхъ, мы не можемъ въ полной мѣрѣ, съ прежней остротой чувствовать отдѣльныя утраты, хотя бы и незамѣнимыя. Тѣмъ не менѣе, смерть Савиной, несомнѣнно, вызоветъ многочисленные отклики со стороны учрежденій и лицъ, близкихъ къ искусству, и со стороны просто публики, которая столько лѣтъ наслаждалась изумительнымъ талантомъ почившей артистки.

Эти отклики скорби обычно выражаются въ присылкѣ депутацій на панихиды и похороны и въ возложеніи вѣнковъ на гробъ. Для того, чтобы оттѣнить степень скорби, стараются принести вѣнокъ позамѣтнѣе да подороже—и заказываютъ ихъ изъ живыхъ цвѣтовъ или изъ фарфоровыхъ, или изъ серебра, или даже изъ золота.

По правдѣ сказать, все это—суетно, все это дѣлается не для умершаго, ибо мертвымъ не нужны ни цвѣты, ни золото—и вся эта роскошь скорби тѣшитъ только взоры и даже тщеславіе живыхъ.

Я не хочу тутъ сказать, что считаю, вообще, неумѣстными цвѣты на могилахъ. Нѣтъ! Когда близкіе—кровные или по жизни и духу—кладутъ цвѣты на гробъ,—они этими послѣдними дарами земли какъ бы отгоняютъ тлѣніе отъ дорогого существа и сочетаютъ ликъ Смерти съ ликомъ Красоты. Въ этомъ послѣднемъ самообманѣ нельзя отказать осиротѣвшимъ—и ихъ цвѣты на могилѣ всегда трогательны, всегда желанны.

Цвѣты на могилѣ—это крикъ любви и муки, но зачѣмъ же возлагать ихъ, когда хотятъ выразить уваженіе, преклоненіе передъ памятью, передъ заслугами и сожалѣніе о томъ, что этихъ заслугъ уже больше не будетъ! А именно таковы—и только таковы—могутъ быть чувства почитателей и разныхъ обществъ, которыя, какъ лица юридическія, а не физическія, въ сущности, и не могутъ имѣть чувствъ.

Но, если цвѣточно-вѣночное роскошество на похоронахъ всегда представляется излишнимъ и всегда кажется выраженіемъ не печали, а скорѣе земного тщеславія, то ужъ совсѣмъ нельзя отдѣлаться отъ такого взгляда теперь—при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, которыя мы переживаемъ. Вѣдь война измѣнила почти все въ нашей жизни, въ нашемъ обиходѣ: почему, чтобы она не отразилась и на формахъ выраженія скорби объ умершихъ? Эти формы тоже должны сообразоваться съ суровой обстановкой, созданной войной.

И, конечно, теперь уже никто не возлагаетъ золотыхъ вѣнковъ на гробы умершихъ, какъ бы велики ни были заслуги ихъ. Нынче золото несутъ не на алтари смерти, а на алтарь отечества. Но серебряныхъ и цвѣточныхъ вѣнковъ на могилу Савиной возложатъ, навѣрно, не одинъ десятокъ, а, пожалуй, и больше сотни.

Между тѣмъ, куда ни взглянешь, на каждомъ шагу видишь теперь нужду и слезы—и хочется сказать, что не цвѣтами и вѣнками, которые истлѣютъ или будутъ расхищены, но пожертвованіями можно было бы лучше почтить память Савиной, да и всякаго выдающагося покойника. Сердцу Савиной было очень близко Убѣжище престарѣлыхъ артистовъ съ Пріютомъ актерскихъ дѣтей при немъ. Какъ много добра во имя угасшей звѣзды театра

можно было бы сдѣлать на деньги, которыя будутъ потрачены безплодно на вѣнки для ея могилы!

Къ этой могилѣ и такъ «не зарастетъ народная тропа»—и для выясненія значенія Савиной вся эта роскошь цвѣтовъ совершенно не нужна: а на фонѣ войны, бѣженства и общаго оскудѣнія роскошь эта даже прямо коробитъ. Роскошь терпима въ спокойное время, но добро—всегда умѣстно, а въ дни испытаній—нужнѣе и желаннѣе, чѣмъ когда-нибудь.

Скиталецъ.

ГОЛОСЪ.

(Петроградъ).

23—XI—1915. № 23.

УЛИЦА М. Г. САВИНОЙ.

Статья эта напечатана въ 1 томѣ, стр. 150—151.

ГОЛОСЪ.

(Ярославль).

11—IX—1915. № 207.

† МАРІЯ ГАВРИЛОВНА САВИНА.

Умерла Савина... Закрылись прекрасные глаза, горѣвшіе вдохновеннымъ огнемъ таланта. Таланта исключительнаго, рѣдкаго по богатству своего творчества, изумительнаго по своей силѣ и неувядаемости.

Выпущены краткія біографическія свѣдѣнія.

Вереницей проходятъ образы, созданные этой волшебницей русскаго театра. Какъ ихъ много! И какъ всѣ они художественно-прекрасны! Неизсякаемой, тончайшей прелестью дышатъ эти незабываемыя созданія Савинскаго великолѣпнаго таланта. Недосягаемая художница въ комедіи, Савина покоряла зрителя и въ драмѣ, приковывая къ себѣ его напряженное вниманіе сосредоточенной силой изображаемыхъ ею лицъ. Сколько глубокаго страданія было въ ея Аннѣ Демуриной! Какъ жалка и трогательна была ея Сарра въ Чеховскомъ «Ивановѣ»!

Но, несмотря на десятилѣтія сценической работы, несмотря на возрастъ, Савина, какъ артистка, еще не изжила себя. До послѣднихъ дней ея талантъ билъ живой струей. Мѣнялось амплуа, отъ исполненія образовъ юныхъ дѣвочекъ приходилось дѣлать шагъ къ ролямъ пожилыхъ женщинъ, но сила Савинскаго творчества отличалась прежней яркостью, красотой и плѣнительностью. Когда-то идеальная Вѣрочка въ Тургеневскомъ «Мѣсяцѣ въ деревнѣ» М. Г. Савина, уже въ наши дни, была идеальной Натальей Петровной въ той же пьесѣ. Впереди ожидался рядъ новыхъ достиженій, новыхъ художественныхъ твореній, но судьбѣ было угодно иное. Рѣзко, неожиданно оборвалась прекрасная жизнь—и нѣтъ уже больше Савиной! Но образъ славной художницы русской сцены увѣренно и по праву войдетъ въ исторію нашего театра и займетъ въ немъ одно изъ почетнѣйшихъ и видныхъ мѣстъ.

М. Д'Ано.

ГОЛОСЪ КАВКАЗА.

(Тифлисъ).

20—X—1915. № 2563.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ СЛАВНОЙ РУССКОЙ АРТИСТКИ МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ САВИНОЙ.

Храмъ искусства—для тѣхъ, кто умѣетъ молиться
Всей душой предъ святымъ алтаремъ,
Кто умѣетъ умомъ возноситься
Въ царство истины чистымъ путемъ.
Ты изъ тѣхъ была жрицъ вдохновенья,
Для которыхъ міръ полонъ чудесъ
И незримыхъ страданій, борепій
И волшебныхъ, таинственныхъ грезъ.
Твое солнце—былъ пламенный геній,
Твои грезы души золотилъ,
И крылатый полетъ вдохновенья
Тебя въ царство святое носилъ...
Проникала ты творчества взоромъ
Въ тайны жизни; любовью горя,
Ты умѣла надъ мракомъ и горемъ
Зажигать лучъ живого бытья.
Скорби жизни слезой выражая,
Ты умѣла и радость любить
И, живя и на сценѣ играя,
Ты умѣла лишь правдѣ служить.

Ушедшая изъ нашего затуманеннаго страстями и зломъ міра въ другой высшій міръ, великая русская артистка М. Г. Савина была одной изъ яркихъ представительницъ непосредственнаго творчества, прозрѣнія въ высшій міръ идеаловъ, откровеній самыхъ таинственныхъ кладезей русской женской души, во всей ея великой духовной красотѣ и во всѣхъ фазахъ ея паденія и разложенія. Одной только священной силой вдохновенія, таланта великая артистка съ юныхъ лѣтъ, не признавая ничьего учительства, менторства, непосредственно прикасаясь своимъ юнымъ вестальскимъ сердцемъ къ великому жертвеннику—міру, умѣла слушать у этого жертвенника таинственный голосъ, который велъ ее въ одеждѣ непосредственной чистоты мысли и чувства къ великому источнику—правдѣ жизни. И вотъ, какъ юная дѣвушка, слушающая шопотъ возлюбленнаго, такъ слушала великая артистка самые таинственные звуки жизни, созерцала въ сердцѣ своемъ отраженіе многогранной страждущей и радующейся русской женской души... Она любила всѣ эти образы, ласкала ихъ въ душѣ и плакала ихъ горемъ и смѣялась ихъ радостью. И всѣ страсти умѣла она преобразить въ горнилѣ вдохновенной души—въ чистые образы искусства, красота которыхъ была для нея великимъ стимуломъ творчества. На зарѣ своего творческаго расцвѣта М. Г. Савина явилась предъ лицомъ такихъ эстетовъ, какъ Достоевскій, Тургеневъ. И что же? Какой праздникъ былъ для русскаго искусства, когда созданный Тургеневымъ образъ Вѣрочки («Мѣсяцъ въ деревнѣ») юная Савина освѣтила такимъ огнемъ вдохновенія, прозрѣнія, что самъ авторъ былъ изумленъ и смотрѣлъ на свою Вѣрочку въ игрѣ М. Г., какъ на что-то высшимъ созданное... Подчиняясь и слушая только голосъ вдохновенія, М. Г. весь свой многолѣтній славный путь прошла въ полной свободѣ отъ различныхъ вѣяній времени, общественныхъ настроеній, неся высоко въ рукахъ, не ослабѣвая, знамя артистки, для которой правда жизни, очищенная, освѣщенная огнемъ вдохновенія,

выше и дороже всего. И она служила этой правдѣ, очаровывая сердца слушателей таинственными струнами женской души, всю свою жизнь черпая образы для своего творчества, по замыслу авторовъ, непосредственно изъ источника жизни. Сотни живыхъ типовъ драмъ и комедій создала она въ лучахъ своего таланта. Но, будучи великой артисткой, она умѣла быть и великимъ человѣкомъ. Состоя въ созвѣздіи крупныхъ величинъ образцоваго Императорскаго театра самой яркой звѣздой, она являла собою примѣръ горячаго служенія искусству и меньшому брату. Кто зажегъ первые огни Театральнаго Общества, кто открылъ многіе источники средствъ для его существованія и дѣятельности? Кто первый поднималъ свой сильный голосъ въ защиту гражданскихъ правъ актера? Кто, наконецъ, являлся всегда защитникомъ, ходатаемъ актерскихъ нуждъ? Это все она—ушедшая отъ насъ великая артистка, умѣвшая любить всѣми силами души и родное искусство и меньшого брата. Она была свѣтильникъ горя и свѣта. А великой души наслѣдство такъ велико, такъ дивно, лучезарно, что наша глубокая скорбь за осиротѣлость русскаго театра со смертью великой артистки умаляется предвидѣніемъ, что великая совершила все ей назначенное Творцомъ и что благой призывъ вѣчности также отзовется въ ея душѣ, какъ въ земной юдоли отзывался голосъ генія творчества и правды.

В. Р.

ГОЛОСЪ РУСИ.

(Петроградъ).

9—IX—1915. № 599.

КОНЧИНА М. Г. САВИНОЙ.

Не стало Маріи Гавріиловны Савиной...

Не выдержало русское сердце переживаемыхъ событій. Не перенесло оно тяжелыхъ утратъ товарищей по сценѣ—и вчера, 8-го сентября, въ 5 ч. утра, Марія Гавріиловна Савина скончалась отъ разрыва сердца.

Заслуженной артистки Императорскихъ театровъ, перла русской драматической сцены—Маріи Гавріиловны Савиной не стало.

М. Г. скончалась совершенно неожиданно. Легкое недомоганіе, которымъ страдала послѣднія двѣ недѣли почившая, не предвѣщало такого конца. Еще 10-го сентября маститая артистка должна была выѣхать на репетицію въ Александринскій театръ, а дома всѣ дни подготовлялась и перечитывала свою роль въ новой пьесѣ, въ которой должна была исполнять главную роль.

Для всего русскаго общества и для русскаго искусства смерть несравненной М. Г. Савиной является тяжелымъ ударомъ. Врядъ ли кто изъ русскихъ не видалъ на сценѣ великую артистку, которая своей игрой зачаровывала и приковывала къ себѣ все вниманіе такъ, что зрители забывали, что сидятъ въ театрѣ.

«Сцена—моя жизнь» былъ девизъ М. Г., и она его до конца своихъ дней высоко несла. Сцена для М. Г. была роднымъ домомъ; здѣсь она перерождалась, забывая все житейское, и отдавала себя искусству, которое сама же и создавала.

Выпущены краткія біографическія свѣдѣнія.

Репертуаръ М. Г. былъ весьма разнообразенъ, обнимая собою роли самаго противоположнаго свойства, отъ наивныхъ и шаловливыхъ дѣвушекъ, въ современной легкой драматургіи, до крупныхъ комическихъ и истинно драматическихъ типовъ въ произведеніяхъ: Гоголя—«Ревизоръ»; Островскаго—«Послѣдняя жертва», «Безприданница», «Невольницы» и др.; И. С. Тургенева—«Мѣсяцъ въ деревнѣ», «Провинціалка»; Шекспира—«Укрощеніе строптивой». Современные иностранные драматурги нашли въ ней прекрасную исполнительницу, и ея

дебюты за границей вызывали восторгъ. Газеты переполнялись отчетами о спектакляхъ, облетая всю Европу, объ исключительномъ русскомъ талантѣ-самородкѣ.

Русскіе современные драматурги успѣхомъ своихъ пьесъ были обязаны главнымъ образомъ М. Г., которая умѣла создать типъ, намѣченный всего нѣсколькими штрихами.

Женственность, искреннее веселье на ряду съ глубоко-трогающимъ драматизмомъ, развитая до высокой степени мимика—приковывали вниманіе всѣхъ, кто хоть разъ видѣлъ Савину, и заставляли ее любить и поклоняться ея божественному дару.

М. Г. Савина была въ полномъ смыслѣ слова «русская женщина»—и все русское для нея было дороже всего на свѣтѣ. Играя въ пьесахъ иностраннаго репертуара, она предпочитала нашихъ русскихъ драматурговъ и играла русскія пьесы всегда съ большимъ подъемомъ.

Помимо артистической дѣятельности, М. Г. Савина много труда положила на организацію Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, гдѣ она была и учредительницей, и секретаремъ въ одно и то же время. Она была почетнымъ членомъ Литературно-Художественнаго Общества, директрисой Театральной Суворинской Школы, попечительницей Убѣжища престарѣлыхъ артистовъ и многихъ Пріютовъ.

Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ почившая не только считалась въ спискахъ, но работала съ присущей ей энергіей и приносила громадную пользу. Въ лицѣ М. Г. эти учрежденія, несомнѣнно, понесутъ незамѣнимую потерю.

Съ момента объявленія войны М. Г. всю свою заботу сосредоточила на раненыхъ и на семьяхъ запасныхъ, въ пользу которыхъ за одинъ сезонъ 1914—1915 гг. выступала въ разныхъ театрахъ свыше 50 разъ. Кромѣ того, она оказывала личную широкую помощь, какъ матеріальную, такъ и нравственную, семьямъ героевъ.

Со смертью М. Г. остается много обездоленныхъ, но она, предвидя это еще въ прошломъ году, оставила духовное завѣщаніе, содержаніе котораго еще неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, крупная доля изъ ея средствъ предназначена на дѣла благотворенія.

10—IX—1915. № 600.

М. Г. САВИНА.

Умерла М. Г. Савина.

Какую печаль несетъ съ собою эта коротенькая фраза!

Савина—вѣдь это цѣлая эпоха въ исторіи русскаго театра, и найдется ли кто-нибудь изъ сѣдыхъ театраловъ, у кого не сжалось бы сердце, когда до него долетѣла грустная вѣсть о смерти этого большого, чуднаго таланта.

Александринскій театръ переживаетъ тяжелые годы.

Далматовъ, Стрѣльская, Варламовъ, Савина... Какія имена и кто замѣнитъ эти силы?!..

Старый Александринскій театръ замѣтно дряхлѣетъ. Для него насталъ уже тотъ періодъ жизни, когда настоящаго уже нѣтъ, когда живутъ воспоминаніями о прошломъ.

У насъ есть цѣлый пантеонъ великихъ актеровъ, но укажетъ ли кто-нибудь на новыя звѣзды, которыя загорались бы на нашемъ потемнѣвшемъ театральномъ небѣ и своимъ свѣтомъ давали бы намъ надежду на лучшее будущее, на то, что свѣтлые дни русскаго искусства опять вернутся и со сцены вновь раздастся проникновенное трепетное слово, которое насъ всѣхъ оживитъ и, быть можетъ, заставитъ забыть о пережитыхъ утратахъ?

Но сколько ни смотри, не видишь яркихъ звѣздъ на темномъ небѣ. Молчитъ и провинція, откуда испоконъ вѣковъ къ намъ являлись новыя, свѣжія дарованія. Ничего нѣтъ яркаго и тамъ—и среди необозримаго количества провинціальныхъ актрисъ и актеровъ нѣтъ ни одного имени, которое заставило бы сгруппироваться около себя всѣхъ, кому дороги интересы русскаго театра.

Датскій принцъ когда-то интересовался вопросомъ о томъ, почему маленькіе дѣлаются великими, когда великіе умираютъ. Не станемъ ли и мы теперь передъ этимъ вопросомъ?..

Савина попала на Императорскую сцену случайно. За ея спиною не стояли сильные міра сего, передъ которыми услужливо раскрываются казенныя двери. Эти двери открылъ талантъ Савиной, который не могъ остаться незамѣченнымъ и въ тѣ времена и которымъ такъ восторгались когда-то Островскій, Тургеневъ и другіе, видѣвшіе въ Савиной нѣчто бо́льшее, чѣмъ молодую актрису на роли «инженю».

Но, вступивъ однажды на Александринскіе подмостки, Савина не могла не почувствовать себя на нихъ царицей. Александринскій театръ сталъ для нея тѣмъ же, чѣмъ была академія для Ломоносова.

Легче было бы отставить Александринскій театръ отъ Савиной, нежели Савину отъ Александринскаго театра.

На сценѣ Савина умѣла заставлять и смѣяться, и плакать. Нѣжные образы славянской женщины, великой въ своей любви и смиреніи, находили въ ней свое полное выраженіе. Сквозь дымку времени припоминаются ея молодыя роли, въ пьесахъ Тургенева, Островскаго и другихъ современныхъ ей авторовъ, когда вы забывали, что сидите въ театрѣ, и досадывали, когда въ послѣдній разъ опускался занавѣсъ и въ залѣ гасли огни...

Савиной больше нѣтъ.

Мы должны съ этимъ примириться, больше намъ ничего не остается.

Но какъ тяжело...

Т о л и н ъ.

ДНЕВНИКИ.

LXV.

Вторникъ.

Неожиданно скончалась Савина. Почти одновременно съ потерей Стрѣльской и Варламова—это похоже на національное несчастіе. Тяжелые, черные годы переживаемъ мы...

Савину я почти не зналъ лично. Знакомство наше ограничилось мимолетной встрѣчей, но талантъ ея, конечно, я цѣнилъ высоко. Не будучи театраломъ, я совершенно не понимаю того пылкаго идолопоклонства, которымъ всю жизнь была окружена и избалована эта замѣчательная артистка. Театральные рецензенты не находятъ теперь словъ,—по крайней мѣрѣ, искреннихъ,—чтобы описать, до чего они убиты и опечалены. «Славься, великая тѣнь, наша Савина! И въ томъ загробномъ, невѣдомомъ мірѣ мы обрадуемся тебѣ!»—пишетъ король театральныхъ критиковъ Ю. Д. Бѣляевъ. Другіе называютъ ее «великой, геніальной, исторической, національной, всемірной». Если есть вообще загробный міръ, если есть личное безсмертіе и сознаніе внѣ тѣла, то Марія Гавріиловна можетъ вполнѣ утѣшиться. Но для меня всетаки останется загадкой: чѣмъ же вызванъ былъ при жизни Савиной ея «культъ»—иначе выразиться не могу,—ея потрясающій успѣхъ? Однимъ огромнымъ талантомъ его объяснить нельзя. Репертуаръ Савиной не былъ всеобъемлющъ. Высшая область драмы—трагедія—ей не была доступна, да и въ комедійномъ жанрѣ не всѣ роли ей удавались. Правда, въ тѣ роли, которыя ей удавались, она влагала столько женской природы, столько своеобразія и жизненной правды, что невольно приходилось говорить въ восторгѣ: геніально! неподражаемо!

Я думаю, въ этомъ и весь секретъ Савинскаго культа, а, можетъ быть, и вообще актерскаго. Савина тѣмъ всѣхъ заворожила, что показала въ своемъ лицѣ женщину, какая намъ мила. Мы всѣ, особенно мужчины, любимъ всего охотнѣе такихъ женщинъ—хорошенькихъ, съ чудными, полными огня глазами, съ кокетливой, дѣтской, наивной душой, съ тысячью противорѣчій, съ прелестнымъ несовершенствомъ ихъ природы, съ ихъ нѣжностью и коварствомъ, съ ихъ способностью мучить и забавлять. Въ живомъ быту, согласитесь, интересныя женщины—большая рѣдкость. Подавляющее большинство напоминаютъ плохо проявленные фотографическіе снимки. Женскимъ типамъ, особенно у насъ на сѣверѣ, недостаетъ отчетливости и яркости, недостаетъ темперамента. И если появится вдругъ удачный,—говорю язы-

комъ фотографа,—экземпляръ, если явится артистка, хорошо проявленная и отпечатанная въ своей «вѣчной женственности»,—она поражаетъ, она плѣняетъ. Старикъ Тургеневъ почти влюбленъ былъ въ Савину. Старикъ Суворинъ,—это уже я самъ наблюдалъ,—почти влюбленъ былъ въ нее и, несмотря на восьмой десятокъ лѣтъ, несмотря на тяжкіе тревоги и недуги, мгновенно оживалъ, преображался при ея посѣщеніяхъ его.

Это стоило посмотрѣть, чтобы убѣдиться, до чего рѣдкое существо въ мірѣ—н а с т о я щ і й человѣкъ и до чего мы безумно бываемъ обрадованы, когда встрѣчаемъ его въ жизни или на сценѣ. Обыкновенно актеровъ и актрисъ, даже очень талантливыхъ, быстро одолѣваетъ психозъ изломанности—и это отсутствіе простоты страшно мѣшаетъ имъ. Но прощаешь даже это уродство, начинаешь его находить почти естественнымъ, если въ моменты творчества артистъ отрѣшается отъ всего условнаго и позволяетъ подглядѣть въ его игрѣ всю правду человѣческой души, всю ея обнаженную суть. Савина не отличалась простотой и всегда немножко играла (?), но такъ какъ она играла хорошо и въ игрѣ доходила до художественной простоты, то была очаровательна. Ея умъ и талантъ въ сосѣдствѣ съ вѣчной женственностью притягивали къ ней неотразимо. Я зналъ довольно близко одну великую соперницу Савиной—Стрепетову. Та была актриса глубокой драмы, актриса трагическая. Казалось бы, чего ей соперничать съ артисткой комедіи, какою была Савина? Между тѣмъ, соперничество было страстное и, повидимому, взаимное. Неумѣстно было бы здѣсь передавать характеристики, которыми обмѣнивались эти удивительно талантливыя русскія женщины, но передъ смертью Стрепетова всетаки хотѣла примириться съ Савиной, признавъ ея большой талантъ.

Стрепетова, Стрѣльская, Варламовъ, Савина... Какъ умираетъ какая-нибудь яркая знаменитость въ Россіи,—глядишь, чаще всего это наша, русская кровь, и по большей части сѣверно-русская. Несмотря на то, что инородцевъ въ Россіи ровно третъ, и нѣкоторыя области жизни всецѣло захвачены ими, тѣмъ не менѣе, они въ смыслѣ творчества не занимаютъ даже третьяго мѣста. Нѣмцы захватили у насъ науку, дипломатію, бюрократію, придворную службу, промышленность; евреи—банковое дѣло, журналистику, аптечное дѣло, медицину, торговлю. И во всѣ эти области они вносятъ элементъ посредственности, хотя бы очень для нихъ выгодной. Даже и въ этихъ областяхъ, если выдается дѣйствительно крупный талантъ,—глядишь, это русскій человѣкъ. Повидимому, тутъ дѣйствуетъ географія не меньше, чѣмъ исторія. На почвѣ, искони занятой великимъ племенемъ, только оно и можетъ доразвиться до творчества, до дѣйствительной геніальности. Инородные элементы всегда остаются не вполнѣ акклиматизированными и даютъ только парниковыя формы.

М. М е н ь ш и к о в ъ.

МИНІАТЮРЫ.

Ею увлекался Тургеневъ.

Говорятъ, Клара Миличъ написана подъ ея обаяніемъ.

Гулко раздаются шаги по опустѣлымъ подмосткамъ Александринки.

Стрѣльская, Варламовъ, Савина...

В. Н. Давыдовъ одинъ изъ стаи славныхъ остался сторожить родную сцену. Отъ недруговъ. Ихъ такъ много развелось за послѣднее время, завалившихъ русское драматическое искусство разнымъ хламомъ, въ родѣ «Зеленаго Кольца».

Что отличало, прежде всего, талантъ Савиной?

Чарующая простота.

Безъ надлома. Безъ вычурности.

Сила—безъ аффектаціи.

Очарованіе—безъ усилій, безъ манерничанья.

Очарованіе Тургеневскихъ женщинъ.

— «Дивный алмазъ, но въ оправѣ простой».

Драгоцѣнные самоцвѣты не нуждаются въ нынѣшнихъ оправахъ.

Они ослѣпительно сверкаютъ и на темныхъ ризахъ древнихъ иконъ и на ржавомъ эфесѣ старинной шпаги.

Для «плавленныхъ» рубиновъ нужна экзотическая оправа, затѣйливая золотая маска, искусственный жаръ электрическихъ солицъ.

Тогда и они кажутся настоящими.

Иногда проводятъ параллель:

Савина—Коммиссаржевская.

Обѣ онѣ нынѣ въ мѣстѣ прохладномъ—да упокоитъ Господь ихъ души!

Но при жизни—онѣ несравнимы.

Коммиссаржевская вся—манерность, вся—нарочность, вся—изломанность.

Плавленный рубинъ.

Правда, эффектный, но при многихъ условіяхъ: нужны сумерки, больные нервы, отравленный вкусъ.

Талантъ Савиной—здоровая, неудержимая красота «Дикарки».

Смуглая, обвѣтренная, пахнущая солнцемъ.

До послѣднихъ лѣтъ ворожили душу эти чудесные глаза, черные алмазы, сквозь которые смотрѣлась геніальная душа.

Игра Коммиссаржевской—удивляла.

Игра Савиной—проникала.

— Какъ играетъ!

Восхищались Коммиссаржевской.

— Живетъ!

Вырывалось, глядя на Савину.

Да это и было такъ.

Марія Гавріиловна сама писала:

— Сцена—моя жизнь.

Въ селенія горнія отлетѣла душа Савиной.

На своемъ свѣтозарномъ пути она встрѣтитъ много душъ, улетающихъ съ кровавыхъ полей.

И понесутся онѣ русскія, родныя сверкающими снѣжинками къ Престолу Судіи.

А во слѣдъ имъ, съ грѣшной земли понесутся наши слезы и воздыханія.

Ювеналъ.

17—X—1915. № 637.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Сегодня сороковой день кончины нашей великой артистки Маріи Гавріиловны Савиной; естественно, что чувствуется потребность поговорить о тяжкой потерѣ, понесенной не только нашей драматической сценой, но и вообще нашимъ искусствомъ въ ея лицѣ. Конечно, ничего новаго не скажешь послѣ того, что было писано о ней во всѣхъ газетахъ и журналахъ, и все же хочется еще поговорить о ней, еще вспомянуть это дорогое имя, которое станетъ все дороже по мѣрѣ того, какъ будемъ отходить отъ поразившаго насъ момента, когда ея не стало среди насъ... Эта потеря невознаградимая.

Перебирая въ памяти обширную галлерею художественныхъ образовъ, созданныхъ этой безсмертной артисткой, невольно вспоминается характеристика Ип. Тэна, даваемая имъ Вольтеру, какъ «актеру въ жизни». «Онъ могъ представить крестьянина за плугомъ, квакера въ его конгрегаціи, нѣмецкаго барона въ его замкѣ, голландцевъ, англичанъ, шотландцевъ, итальянцевъ, французовъ у нихъ дома, важную даму, интригантку, провинціаловъ, дѣвушекъ

и всѣхъ прочихъ представителей рода человѣческаго, на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы,—каждаго, освѣщеннаго молніей таланта».

Но Савина была актрисой не въ жизни, а лишь на сценѣ; въ жизни, напротивъ, она была очень естественна, насколько извѣстно всѣмъ, имѣвшимъ съ нею когда-либо сношенія, удивительно проста, доступна, въ высшей степени любезна, крайне отзывчива; она прямо обворожала всѣхъ своей простотой и неподдѣльной искренностью. Вспомнимъ ее, какъ члена Театральнаго Общества, ея заботливость о престарѣлыхъ артистахъ, какъ директрису драматическихъ курсовъ, ея отношенія къ ученицамъ и, вообще, ко всѣмъ, кто стоялъ гораздо ниже ея. Она могла бы служить образцомъ и въ этомъ отношеніи для многихъ и многихъ «знаменитостей».

Если мы процитировали выше Тэна, то потому, что все, сказанное о Вольтерѣ въ жизни, относится къ Савиной на сценѣ: она, дѣйствительно, все освѣщала «молніей своего таланта» и изумительно изображала всѣхъ героинь. Тутъ мы невольно сталкиваемся съ вѣчно юнымъ вопросомъ о творчествѣ актера; Савина, конечно, творила, ибо безъ этого великаго дара она не была бы великой артисткой; она творила спокойно, разсудочно, объективно обдумывая всѣ мелочи, изъ которыхъ слагалась созданная ею художественная фигура,—такая работа требуетъ напряженія всѣхъ духовныхъ силъ.

Искусство воспроизведенія всечеловѣческихъ типовъ не всѣмъ дано—и въ этомъ наша великая утрата въ лицѣ Савиной, обладавшей этимъ искусствомъ въ совершенствѣ; созданные ея фантазіей образы живутъ предъ нами и будутъ долго жить, вмѣстѣ съ памятью объ этой великой артисткѣ. А такъ какъ художницъ мало, то потеря эта, дѣйствительно, невознаградима, и мы еще долго будемъ оплакивать эту потерю, даже когда народится другой подобный талантъ, но это, вѣроятно, не скоро случится, потому что такія дарованія рождаются вѣками.

Нужно ли вспоминать о «Злобѣ дня», «Маіоршѣ», «Нищихъ духомъ», «Дикаркѣ», «Свѣтитъ, да не грѣетъ», «Мѣсяцѣ въ деревнѣ», «Ревизорѣ» и многихъ, многихъ пьесахъ, въ которыхъ Савина была неподражаема? Трудно себѣ представить другихъ исполнительницъ въ этихъ пьесахъ. Вспомнимъ, что въ теченіе сорока лѣтъ она главенствовала по праву на нашей образцовой сценѣ и что въ продолженіе этого времени она участвовала почти во всѣхъ ставившихся пьесахъ; мало того, для нея писались пьесы: авторы были увѣрены въ успѣхѣ, разъ въ ихъ произведеніяхъ появлялась Савина—такой магической силой обладало ея имя на афишѣ.

Можно смѣло сказать, что она за весь долгосрочный періодъ пребыванія на Александринской сценѣ переиграла ролей пятьсотъ. Гдѣ же тутъ всѣ перебирать? Къ тому же, въ какой изъ нихъ Савина не была великой артисткой, даже если роль и не совсѣмъ была по душѣ ей? Если мы, къ сожалѣнію, не можемъ причислить къ лучшимъ ея созданіямъ роли въ классическомъ репертуарѣ, то это отнюдь не слѣдуетъ ставить въ вину нашей великой артисткѣ, которая, конечно, справилась бы и съ этими ролями, если бы господствовалъ другой режимъ.

Вѣдь необходимо считаться съ тѣми условіями, при которыхъ приходилось работать Савиной; долгое время было періодомъ властвованія Крылова и другихъ современныхъ авторовъ; нужно было тратить много времени и силъ, труда и таланта на текущій репертуаръ, который давался въ силу разныхъ обстоятельствъ. Нужно, однако, тутъ же прибавить, что Савина и здѣсь оказала большую услугу авторамъ, играя въ ихъ пьесахъ и, такимъ образомъ, давая имъ ходъ.

Кромѣ того, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что пьесы ставились наспѣхъ. Репетировали мало: случалось нерѣдко, что новыя произведенія давались съ какихъ-нибудь четырехъ-пяти репетицій. Немудрено, что, привыкши къ такой спѣшной работѣ, артисты вынуждены бывали также быстро готовить и репертуаръ Шекспира, Шиллера, Мольера и другихъ корифеевъ драматической литературы. Конечно, не было никакой возможности отдѣлывать этотъ репертуаръ такъ, какъ онъ этого заслуживаетъ; тутъ вѣдь большую роль играла режиссура.

Вспоминаемъ жалобы покойнаго Сазонова, когда онъ ставилъ въ свои бенефисы «Уріеля Акосту» Гуцкова и «Тартюфа» Мольера. За Сазоновымъ послѣдовалъ Далматовъ, а за нимъ—Стрѣльская, Варламовъ и теперь Савина... Наша образцовая сцена, дѣйствительно, осиротѣла. Не скоро дождемся такого высокаго ансамбля и такихъ талантливыхъ и преданныхъ дѣлу артистовъ... Но всегда плачутъ больше о послѣдней потерѣ: она чувствительнѣе, потому что ближе по времени. Впрочемъ, свыкнемся ли когда-нибудь съ мыслью, что Савиной больше не увидимъ? Тяжелое сознаніе...

В. Баскинъ.

ГОЛОСЪ САМАРЫ.

(Самара).

17—X—1915. № 222.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Есть предметы, есть имена, къ которымъ подходишь съ особымъ благоговѣніемъ,—боишься грубымъ прикосновеніемъ тронуть нѣжную матерію, сотканную искусствомъ непостижимой природы изъ свѣта и любви и воплощенную въ образъ красоты. Нельзя вспоминать—говорить о покойной Маріи Гавріиловнѣ Савиной безъ чувства того умиленія, какое всегда вызывала эта обаятельная личность.

Отъ Маруси Стремляновой до заслуженной артистки Императорскихъ театровъ—это... это сплошная прелесть...

Далѣе слѣдуетъ перепечатка статьи Э. Старка, изъ «Петроградскаго Курьера», 9—IX—1915, № 585.

Какая безконечная вереница женскихъ образовъ пронеслась передъ нашими глазами! М. Г. Савиной современники обязаны многими, многими часами незабываемаго наслажденія строгой гармоничной красотой, гдѣ каждый жестъ и всякое движеніе, каждое произнесенное слово, сегодня комическое, завтра трагическое, взглядъ мерцающихъ глазъ, полныхъ удивительной жизненной силы, заразительный смѣхъ и слезы, перехватывающія горло,—все было до конца прекрасно, незабываемо,—все сплеталось въ роскошный вѣнокъ сценическаго творчества,—все пѣло гимнъ, въ которомъ лейтъ-мотивомъ звучало лишь одно: «Да здравствуетъ актриса!»...

Нѣтъ больше этой актрисы—Маріи Гавріиловны Савиной... Нѣтъ той, чья жизнь вся была однимъ служеніемъ прекрасному, огнями блистающему, искусству актера...

Елей пролитъ, разбита чаша жизни,
Намъ черепки остались—
Для хвастовства!..

А. П. К.

ГОЛОСЪ ЮГА.

(Елисаветградъ).

11—IX—1915. № 212.

† М. Г. САВИНА.

Краткій очеркъ артистической дѣятельности—изъ «Кіевской Мысли», 9—IX—1915, № 250.

ГОРОДЪ КАЗАНЬ.
(Казань).
16—IX—1915. № 621.

ПАМЯТИ МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ САВИНОЙ.

Ряды славныхъ артистовъ рѣдѣютъ. Безпощадная неумолимая смерть коситъ и уноситъ со сцены самыхъ лучшихъ ея представителей.

Не успѣли забыться недавнія похороны К. А. Варламова, какъ пришла скорбная вѣсть о кончинѣ Маріи Гавріиловны Савиной—этой выдающейся артистки, почти полустолѣтіе служившей дивнымъ украшеніемъ русской сцены.

М. Г. Савина—эта оригинальная, съ яркой художественной индивидуальностью артистка, за долгое свое сценическое служеніе проявившая рѣдкій примѣръ неувяданія своего прекраснаго дарованія, является едва ли не послѣдней представительницей артистовъ стараго добраго времени, съ которымъ связаны лучшія традиціи русской сцены.

Вѣроятно, не только лично у меня, но и у нѣкоторыхъ казанскихъ театраловъ съ именемъ М. Г. Савиной рисуются свѣтлыя воспоминанія ея былого пребыванія на Казанской сценѣ. Эта незабвенная пора пышнаго расцвѣта Казанскаго театра, въ которомъ тогда кипѣла живая художественная жизнь, запечатлѣна первыми выступленіями Маріи Гавріиловны, для которой Казанская сцена явилась переходной ступенью на широкій путь сценической славы, увѣнчавшей ее до послѣднихъ дней.

Юная, изящная, съ прелестной сценической внѣшностью и со своимъ неподражаемымъ обворожительнымъ голосомъ, М. Г. Савина, покорявшая всю публику, была кумиромъ не только одной восторженной молодежи, но и знаменитаго, нынѣ покойнаго антрепренера и артиста П. М. Медвѣдева, стоявшаго слишкомъ 20 лѣтъ во главѣ Казанскаго театра.

Покойный П. М. Медвѣдевъ, этотъ истый знатокъ искусства, умѣвшій распознавать молодые таланты, сразу обратилъ вниманіе на молодую Савину и сталъ ея сценическимъ руководителемъ, давая широкій просторъ талантливой артисткѣ, выступленія которой были полны сценическихъ тріумфовъ.

Это было въ началѣ 70-хъ годовъ. Совмѣстно съ М. Г. Савиной подвизались тогда покойный К. А. Варламовъ, знаменитая, рано угасшая П. А. Стрепетова—трагическая артистка, предъ которой впослѣдствіи благоговѣлъ покойный Суворинъ,—нынѣ здравствующій премьеръ Александринскаго театра В. Н. Давыдовъ и многое множество отошедшихъ въ вѣчность извѣстныхъ артистовъ.

И въ этой-то живой художественной артистической средѣ начиналась заря сценической дѣятельности Савиной, прелестное и нѣжное дарованіе которой распускалось пышнымъ цвѣткомъ въ цѣлой галереѣ ролей, изъ которыхъ даровитая артистка создавала настоящіе сценическіе шедевры.

Вспоминая это далекое прошлое, невольно изумляешься, что Савина, занимавшая доминирующее положеніе на Казанской сценѣ, находилась на 300-рублевомъ мѣсячномъ окладѣ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, занимавшимъ амплуа драматическаго резонера.

Такое незначительное вознагражденіе, въ сравненіи съ безумно вздутыми нынѣшними окладами, естественно не давало возможности М. Г. Савиной блеснуть своими туалетами, бывшими настолько скромными, что антрепренеръ Медвѣдевъ вынужденъ былъ открыть ей кредитъ въ магазинѣ Черноярова.

Въ общемъ, Медвѣдевъ, проявлявшій полное вниманіе къ Маріи Гавріиловнѣ и выдѣлявшій ее изъ ряда другихъ, былъ иногда очень строгъ къ своей ученицѣ, часто нервировавшейся отъ его рѣзкихъ замѣчаній.

Несмотря, однако, на это, Савина, слишкомъ цѣнившая Медвѣдева, сохранила на всю жизнь самыя теплыя и сердечныя отношенія, играя совмѣстно съ нимъ на Императорской сценѣ, на которую она попала съ послѣдняго казанскаго сезона.

Въ Казани репертуаръ Маріи Гавріиловны главнымъ образомъ держался на бывшихъ тогда модныхъ пьесахъ Дьяченко, многихъ водевиляхъ и даже опереткахъ, изъ которыхъ въ моей памяти сохранилось прелестное исполненіе ею «Общественнаго мнѣнія» въ «Орфеѣ въ аду» и Ореста въ «Прекрасной Еленѣ», въ которой Париса пѣлъ извѣстный впослѣдствіи московскій «магъ и волшебникъ» М. В. Лентовскій.

Въ эти патріархальныя времена, чуждыя сценическаго карьеризма, въ неприглядной театральной обстановкѣ вырабатывалась будущая великая артистка, въ которой таились неначатые запасы сценическихъ силъ, вынесшихъ юную артистку на вершины блестящей славы, которая преждевременно оборвалась.

М. Г. Савина скончалась отъ разрыва сердца, которое много пережило и перечувствовало, горячо отзываясь на нужды актерской братіи, которая, къ сожалѣнію, не проявила самаго элементарнаго приличія къ великой артисткѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можно объяснить такое невниманіе казанскихъ труппъ, которыя не отмѣтили кончину Маріи Гавріиловны даже простой панихидой.

Такое безучастіе къ великой артисткѣ, бросая тѣнь на актеровъ, не менѣе свидѣтельствуетъ и о равнодушіи Театральной Комиссіи, въ числѣ которой имѣются лица, прекрасно помнящія М. Г. Савину при первомъ появленіи ея на Казанской сценѣ.

В. С. Андреевъ.

ГРОЗА.

(Петроградъ).

20—IX—1915. № 51.

Скоморошество вознесено нынѣ чуть ли не въ государственную заслугу. Умерли два актера: Варламовъ и Савина, народу русскому рѣшительно не извѣстные и пользы Россіи никакой не принесшіе. Ожидовѣлая интеллигенція, однако, поетъ имъ гимны на страницахъ газетъ, точно народнымъ героямъ.

ДАЛЬНІЙ ВОСТОКЪ.

(Владивостокъ).

10—IX—1915. № 231.

† М. Г. САВИНА.

Телеграфъ сообщилъ о невозвратной потерѣ въ сферѣ драматическаго искусства. 8-го сентября скончалась заслуженная артистка Императорскихъ театровъ М. Г. Савина, не дожившая всего лишь четырехъ лѣтъ до пятидесятилѣтняго юбилея сценической дѣятельности.

Все больше и больше рѣдѣетъ артистическая среда. Все чаще и чаще смерть уноситъ истинныхъ служителей искусства. Сколько этихъ именъ сошло въ могилу!

Лепскій, Варламовъ, Савина.

Все столпы—и нѣтъ имъ равныхъ.

Давно ли мы похоронили Варламова?

А уже театръ несетъ новую потерю.

Выпущены краткія біографическія свѣдѣнія.

Играла М. Г. Савина до послѣдней минуты, и въ этомъ сезонѣ должна была выступить въ цѣломъ рядѣ пьесъ Островскаго и Шпажинскаго.

Но рокъ сулилъ иное.

Ея не стало.

Театральная Россія оплачетъ эту потерю.

Л о р н е т ъ.

УХОДЯТЪ.

Рѣдѣетъ Александринскій театръ.

Уходятъ столпы, создавшіе репертуаръ этой образцовой драматической сцены.

Нѣтъ Далматова...

Такъ недавно ушелъ «Дядя Костя», оплакиваемый своимъ другомъ, «Маней», какъ называлъ покойный Марію Гавріиловну.

А теперь не стало и самой «Мани», не стало крупнаго таланта, чуткой, доброй женщины.

М. Г. Савина, еще недавно, въ 1914 году, отпраздновала свой 40-лѣтній юбилей артистической дѣятельности, хотя впервые она выступила въ 1869 году, а теперь, черезъ годъ, ушла съ Александринки и сама «Дикарка».

Ушла—и заставила многихъ скорбѣть о своемъ раннемъ еще уходѣ.

Она давно уже сказала:

— Сцена—моя жизнь!..

И держала свое слово:

— Не покинула сцены до самой смерти!..

Сколько молодыхъ актрисъ и актеровъ при своихъ первыхъ шагахъ на сценѣ обязаны поддержкой талантливой, доброй М. Г. Савиной.

Мнѣ припоминается разговоръ лѣтъ 18 тому назадъ съ молодой, теперь уже извѣстной артисткой, г-жой Д.

Г-жа Д. была на выходахъ у Абрамовой, державшей антрепризу въ Москвѣ.

Въ труппѣ были нынѣ уже покойные: Н. Н. Соловцовъ, И. П. Киселевскій, В. В. Чарскій, М. М. Глѣбова, Н. П. Рощинъ-Инсаровъ и другіе, а также и нынѣшній извѣстный антрепренеръ Н. Н. Синельниковъ, исполнявшій въ то время вторыя роли.

М. Г. Савина гостила, не выступала, а именно гостила въ Москвѣ и случайно попала на спектакль, когда г-жа Д. исполняла маленькую роль.

М. Г. заинтересовалась:

— Кто эта дѣвочка?

— Такъ... на выходахъ!..

Въ это время въ ложу вошелъ И. П. Киселевскій, товарищъ М. Г. по Александринкѣ, и она обратилась къ нему:

— Иванъ Платоновичъ, голубчикъ!.. Проводите меня на сцену... Хочу познакомиться съ этой дѣвочкой,—указала она на г-жу Д.—Изъ нея будетъ актриса!..

Киселевскій и Савина пошли на сцену, гдѣ Маріи Гавріиловнѣ представили растерявшуюся г-жу Д., которую М. Г. расцѣловала со словами:

— Ничего, ничего!.. Я вѣдь тоже съ выходовъ начинала.

* * *

Молодой актеръ, нынѣ уже умершій, Х—ій, страдалъ запоемъ, и, несмотря на свой крупный талантъ, часто оставался безъ ангажемента, перебиваясь на клубныхъ сценахъ.

Случайно его увидѣла М. Г.:

— У него есть искра Божія...

— Есть-то, есть,—замѣтилъ одинъ антрепренеръ,—да пьетъ мертвую...

Марія Гавріиловна попросила ее познакомить.

— Заходите ко мнѣ, запросто... Поговоримъ, побесѣдуемъ....

Самъ Х ій потомъ разсказывалъ, что ушелъ отъ М. Г. очарованнымъ, и на предложенія товарищей «протянуть по единой» говорилъ:

— Не могу!.. Самой Маріи Гавріиловнѣ слово далъ!..

* * *

Еще яркой характеристикой доброты и чуткости покойной служитъ слѣдующее:

Гастролировавшій по Сибири и Дальнему Востоку В. Н. Давыдовъ въ день пріѣзда въ новый городъ всегда съ утра безпокоилъ И. М. Арнольдова:

— Вы, родной, на почту поплите... Что-то намъ Савина пишетъ!..

И въ каждомъ городѣ отъ М. Г. было одно или нѣсколько писемъ, по прочтеніи которыхъ маститый артистъ немедленно отвѣчалъ, разсказывая окружающимъ:

— Заботится она-то... Смотри, пишетъ, не простудись... Зоветъ въ Питеръ... Скучно, говоритъ. Славная она, хорошая... Ныпѣшнимъ до нея далеко!..

Да, далеко теперь ныпѣшнимъ до нея!..

Миръ ея праху!..

Сынъ своего отца.

ДАМСКІЙ МІРЪ.

(Петроградъ).

X—1915. № 10.

УМЕРЛА САВИНА...

Умерла Марія Гавріиловна Савина... Отнынѣ только воспоминаніе о ней будетъ царить въ стѣнахъ театра, около котораго 10-го сентября была отслужена литія при огромномъ стеченіи толпы, поджидавшей часами приближенія процессіи съ ея останками.

Умерла Савина... Еще пять лѣтъ назадъ вся театральная Россія праздновала 35-лѣтній юбилей ея служенія родному искусству на сценѣ Александринскаго театра, ставшаго для нея вторымъ дорогимъ отечествомъ.

Со всѣхъ концовъ страны, гдѣ только существуетъ театръ, направлялись къ ней привѣтствія отъ выдающихся лицъ, начиная отъ почетнаго предсѣдателя Театральнаго Общества Великаго Князя Сергѣя Михаиловича, въ краткихъ словахъ сдѣлавшаго ей самую простую, всѣмъ понятную и самую характерную для нея оцѣнку: «Созданные Вами сценическіе образы проникнуты глубокой правдой—будутъ жить вѣчно, какъ сама правда»—было сказано въ его телеграммѣ юбиляршѣ.

Правда во всей ея красотѣ, доступная только избраннымъ душамъ,—правда была присуща ея дарованію, какъ лучи—свѣту, листья—деревьямъ.

Все напускное, надуманное, фальшивое претило ея артистической природѣ. Если подобнаго рода пассажи попадались въ ея роляхъ, то она ихъ умѣла притянуть къ правдѣ, найти имъ невѣдомое и самому автору правдивое обоснованіе. Если же фальшь ихъ переходила извѣстные предѣлы, она просто читала эти мѣста, какъ читаютъ на первоначальныхъ считкахъ, оживляясь лишь тамъ, гдѣ правда задѣвала струны ея сердца и ума.

Когда Савина являлась на сценѣ въ комедіяхъ и драмахъ мастеровъ драматическаго искусства—правда ликовала въ ея исполненіи, при которомъ и ненужны были ухищренія режиссерскихъ постановокъ. Казалось, что сами полотна декорацій оживлялись, превращаясь въ неподкрашенную дѣйствительность.

Ничего ходульнаго! Ничего рѣзкаго—ни въ комедіяхъ, ни въ драмахъ. Чувство мѣры удерживало се въ ея стремленіяхъ къ правдѣ переходить за грань художественнаго, гдѣ правда перестаетъ походить на себя, какъ длинныя тѣни въ лунныя ночи перестаютъ походить на предметы, ихъ отбрасывающіе.

Меня поразило это свойство ея дарованія, особенно въ ея исполненіи «Мертваго города», трагедіи д'Аннунціо, гдѣ такъ легко уклониться за эту грань. Между прочимъ, нельзя обойти молчаніемъ то обстоятельство, что въ ея репертуарѣ «Мертвый городъ» былъ единственной трагедіей, въ которой она выступала.

Простота—эта родная сестра правды—была, какъ и правда, отличительной чертой ея дарованія. Простота, которую въ искусствѣ труднѣе всего достигнуть, была свойствомъ всякаго ея движенія тѣла и лица и самой манеры одѣваться на сценѣ и въ жизни.

Ничего актерскаго въ ея внѣшности,—ни на сценѣ, ни внѣ ея. Въ ея сценической манерѣ одѣваться не было видно стремленія поражать самимъ туалетомъ, самой красоваться въ немъ; единственной задачей ея было, казалось, слить нарядъ съ дѣйствующимъ лицомъ.

Объ этомъ и о другихъ свойствахъ игры покойной можно было бы сказать многое, но здѣсь не мѣсто вдаваться въ обширныя подробности ея всегда филигранной игры и въ перечень многочисленныхъ образовъ, созданныхъ ею въ самыхъ разнообразныхъ произведеніяхъ.

Не могу, однако, не сказать тутъ, что ей принадлежитъ передъ литературой большая заслуга тѣмъ, что она оцѣнила и своимъ исполненіемъ выдвинула пьесы Тургенева, которыя въ ея время и не считали даже пригодными для сцены.

Нельзя здѣсь вдаваться въ подробности игры этой художницы сцены. Слишкомъ свѣжа утрата. Какъ-то странно сказать «было», а хочется сказать «есть»; кажется, что еще живутъ и трепещутъ ея созданія. Приходится тутъ повторить офиціальныя слова Совѣта Театральнаго Общества, сказавшаго пять лѣтъ назадъ на ея юбилеѣ: «Трудно очертить въ краткой рѣчи всѣ свойства Вашей выдающейся, исключительной, творческой работы».

А нынѣ этотъ Совѣтъ подводилъ краткій итогъ этой работы надъ ея свѣжей могилой.

Какъ недавно писатели и публика чествовали ее хвалебными статьями и цвѣтами на радостномъ торжествѣ ея сценической жизни.

Можетъ быть, небезынтересно будетъ привести и мой привѣтъ, какъ характеристику настроенія того недавняго, какъ мгновеніе промелькнувшаго дня, тѣмъ болѣе, что привѣтствій стихотворныхъ въ печати по этому случаю, какъ мнѣ помнится, не было.

Вотъ что я писала ей, какъ посѣтитель театра и переводчикъ трагедіи «Мертвый городъ», 24-го февраля 1910 года:

Хотѣла бъ я купить сегодня Вамъ букетъ
Такой, чтобъ былъ великъ, какъ Ваше дарованье.
Купить его никто не былъ бы въ состояньи,
Тѣмъ болѣе я... я—бѣдный лишь поэтъ.

* * *

Чтобъ помѣстить букетъ и не нашлось бы зданья,
Я шлю поэтому Вамъ простенькій сонетъ,
Безъ вычуръ, безъ затѣй, какъ малый знакъ вниманья
Таланту сильному. Со мной Вамъ шлетъ привѣтъ

* * *

И рукоплещетъ Вамъ и авторъ иностранный
За то, что создали красивый образъ Анны
Вы въ «Мертвомъ городѣ»... Искусства ясный свѣтъ,
Всѣхъ согрѣвающій, всѣмъ милый, всѣмъ желанный
Въ долинѣ бѣдъ земныхъ, холодной и туманной,
Пускай сквозь Васъ горитъ еще намъ много лѣтъ.

А теперь она лежала въ гробу среди цвѣтовъ задумчиво прекрасна, какъ олицетвореніе ранней ласковой осени, столь похожей на весну. Такою я видѣла ее наканунѣ выноса, 9-го сентября, когда смерть ея казалась крѣпкимъ сномъ.

А теперь собравшіеся вокругъ ея могилы: ея супругъ, предсѣдатель Театральнаго Общества, 85-лѣтняя мать, племянникъ и другіе родственники и друзья, свидѣтели ея первыхъ шаговъ на сценѣ, какъ Желябужскій, сотоварищи по сценѣ съ В. Н. Давыдовымъ, послѣднимъ изъ стаи славныхъ, во главѣ, старые актеры и актрисы Убѣжища при огромной толпѣ — проливали слезы надъ ея могилой.

Когда могила ея была засыпана землей и бѣлыми астрами, какъ 5 лѣтъ тому назадъ,— ей говорили рѣчи, оставшіяся на этотъ разъ безъ отвѣтной улыбки той, которая нашла свой вѣчный пріютъ близъ церкви созданнаго ея стараніями Убѣжища для престарѣлыхъ артистовъ, въ саду его, на самомъ берегу Невы, подъ сѣнью высокаго и тѣнистаго клена.

Когда надъ могилой былъ водруженъ крестъ, все еще не расходились эти люди, которымъ она со времени своей юности бросала ласковые и грѣющіе лучи искусства.

Быть можетъ, многіе изъ нихъ, стоя съ опущенными посѣдѣвшими головами надъ этой засыпанной могилой, думали:

Весну нашей жизни мы здѣсь схоронили
И сцены родимой расцвѣтъ и весну.
Лучи ея съ осенью насъ примирили,
Будь миръ ея долгому, долгому сну.

Осенью солнце привѣтно свѣтило. День былъ тихій и теплый. Только одно мгновеніе вмѣстѣ съ послѣднимъ перезвономъ колоколовъ церкви Убѣжища вѣтви клена, склоненнаго надъ могилой, зашумѣли отъ внезапно налетѣвшаго вѣтра, точно взволнованно вторившаго прощальнымъ рѣчамъ Желябужскаго, В. Н. Давыдова, Долинова, Градова, Ходотова, Ведринской, Горскаго и стараго пастыря, начавшаго свою рѣчь такими простыми, задушевными словами: «Не принесъ я тебѣ цвѣтовъ, дорогая Марія Гавріиловна...», и этими же словами закончу и я эту краткую замѣтку о моментахъ жизни красы русской сцены.

И. Гриневская.

При этой статьѣ помѣщенъ портретъ М. Г. Савиной, въ роли Зинаиды («Свѣтлая личность»).

ДЕНЬ.

(Петроградъ).

9—IX—1915. № 248.

М. Г. САВИНА.

Скончалась 8-го сентября, въ шестомъ часу утра.

Описаніе послѣднихъ минутъ жизни М. Г. Савиной.

МАРІЯ ГАВРІИЛОВНА САВИНА.

Дочь учителя рисованія Марія Гавріиловна Савина родилась въ Каменецъ-Подольскѣ въ 1854 году, 30-го марта. Вскорѣ отецъ ея, Г. Н. Подраменцевъ, переведенъ былъ въ Одесскую гимназію, куда впослѣдствіи поступила и Марія Гавріиловна.

Артистическая ея карьера началась еще до поступленія въ гимназію. Первое ея выступленіе состоялось на сценѣ Одесскаго театра въ драмѣ «Эсмеральда или Алый башмачекъ». Въ ту пору «дѣвицѣ Стремляновой», какъ называлась она по актерскому псевдониму отца, въ концѣ 50-хъ годовъ всецѣло посвятившему себя сценѣ, было всего 8 лѣтъ.

Слѣдующій дебютъ Маріи Гавріиловны былъ уже въ Кіевѣ, въ 1866 году, гдѣ она исполняла роль Егорушки въ пьесѣ Островскаго «Бѣдность не порокъ».

Сама Марія Гавріиловна считала началомъ своей театральной жизни, ибо для нея театръ былъ именно жизнью, 1869 годъ, когда въ Минскѣ, уже странствуя съ отцомъ своимъ, тогда заправскимъ актеромъ Стремляновымъ, она выступила въ водевилѣ «Бѣдовая бабушка».

Послѣ Минска Марія Гавріиловна начала уже по настоящему кочевую жизнь провинціальной актрисы. Играла она въ Смоленскѣ, въ Харьковѣ, гдѣ вышла замужъ за актера, перваго любовника труппы Н. Н. Савина, въ Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Орлѣ, Саратовѣ и другихъ болѣе или менѣе крупныхъ провинціальныхъ театральныхъ центрахъ.

Ставъ уже съ Харькова Савиной по имени, она въ 1874 году пріѣхала въ Петербургъ Савиной по таланту, но тогда еще онъ никому здѣсь не былъ извѣстенъ.

Какъ всегда въ жизни великихъ людей, окончательно выдвинулъ Савину случай.

Пріѣхавъ въ Петербургъ лечиться, она и не мечтала о дебютѣ на Александринской сценѣ. Дѣло было постомъ, казенные театры были закрыты, и артисты ихъ играли по частнымъ сценамъ.

Впервые Петербургъ увидѣлъ Марію Гавріиловну на сценѣ Благороднаго Собранія, а затѣмъ и произошелъ тотъ случай, которому благодарны всѣ русскіе театралы.

Въ Благородномъ Собраніи долженъ былъ состояться спектакль съ участіемъ Императорскихъ артистовъ.

Назначена была къ постановкѣ пьеса Антропова «Блуждающіе огни».

Артистка, репетировавшая главную роль, внезапно заболѣла, и распорядитель спектакля Сосновскій передалъ ея роль Лелечки уже собравшейся было уѣзжать въ провинцію М. Г. Савиной.

Говорятъ, что репетировала Марія Гавріиловна блѣдно и незамѣтно, но на спектаклѣ игра ея произвела на зрителей глубочайшее впечатлѣніе. Ее проводили бурными аплодисментами.

На Александринской сценѣ Марія Гавріиловна появилась впервые 9-го апрѣля 1874 года въ комедіи «По духовному завѣщанію», въ роли Кати, и въ водевилѣ «Она его ждетъ», гдѣ играла роль Новской.

Успѣхъ дебютантки былъ необычайный. Благодаря невиданному успѣху, Маріи Гавріиловнѣ предложили ангажементъ и заключили съ ней контрактъ на три года. На первое время къ Савиной перешли нѣкоторыя роли инженю Яблочкиной второй.

Всю глубину дарованія, все золото сценическихъ данныхъ Маріи Гавріиловны Петербургъ увидѣлъ лишь полгода спустя въ новой комедіи Н. А. Потѣхина «Злоба дня», гдѣ ей была поручена главная роль.

Послѣ исполненія этой роли Марія Гавріиловна сразу выдвигается въ первые ряды Императорскихъ драматическихъ артистовъ. Въ ней публика, пресса и авторы находятъ свою любимицу. Ей поручаютъ всѣ лучшія роли, для нея пишутся пьесы. Викторъ Крыловъ обязанъ ей успѣхомъ своихъ пьесъ, одно время не сходившихъ со сцены.

Въ это время о Савиной критика пишетъ: «Марія Гавріиловна входитъ въ роль вся цѣликомъ; ея мимика, интонація, выраженіе глазъ, движенія на сценѣ, то порывистыя, то плавныя, граціозныя и изящныя, все это составляетъ незабываемое впечатлѣніе о Савиной, объ ея талантѣ и умѣ. Каждая мелочь въ той или иной роли, вплоть до мелочей костюма, хорошо обдумана артисткой, имѣющей удивительное художественное чутье».

Репертуаръ Савиной былъ чрезвычайно великъ. Начавъ съ инженю, она дошла до героинь и готовилась перейти на роли старухъ.

Наибольшій успѣхъ имѣла она въ «Ревизорѣ», «Злобѣ дня», «Мишурѣ», «Нищихъ духомъ», «Маіоршѣ», «Мѣсяцѣ въ деревнѣ», «Власти тьмы», «Ольгѣ Ранцевой», «Въ старые

годы», «Укрощеніи строптивой», «Холопахъ», «Иванові», «Симфоніи», «Слѣпой любви», «Идеальной женѣ», «Исторіи одного увлеченія», «Романѣ тети Ани», «Родинѣ», «Собакѣ садовника» и въ многочисленныхъ пьесахъ Островскаго («Послѣдней жертвѣ», «Безприданницѣ», «Волки и овцы», «Сердце не камень», «Невольницахъ», «На всякаго мудреца довольно простоты»).

Островскій страшно цѣнилъ ее. «Савина при своихъ средствахъ должна съ ума свести публику»,—писалъ онъ Бурдину по поводу постановки «Безприданницы».

Тургеневъ по поводу исполненія роли Вѣрочки въ «Мѣсяцѣ въ деревнѣ» сказалъ Савиной: «Вѣрочка... я даже не обращалъ вниманія на нее, когда писалъ. Все дѣло въ Натальѣ Петровнѣ... Вы—живая Вѣрочка... Какой у васъ большой талантъ».

Въ 1877, 1878, 1879 и 1881 годахъ Савина гастролировала въ Одессѣ, Кіевѣ и Москвѣ, и гастроли по провинціи теперь уже признанной Петербургомъ знаменитой Савиной создали ей неоспоримое положеніе первой россійской актрисы.

Въ 1899 году Марія Гавріиловна первая изъ актрисъ получила званіе «заслуженной». Въ этомъ году исполнилось двадцатипятилѣтіе ея службы въ Александринскомъ театрѣ. Въ этомъ же году она уѣхала на гастроли въ столицу теперешнихъ нашихъ враговъ, въ Берлинъ.

Нѣмецкая критика признала за ней право на мѣсто среди міровыхъ знаменитостей, и, главнымъ образомъ, это признаніе было вызвано изумительной игрой Маріи Гавріиловны въ пьесѣ Зудермана «Родина», гдѣ исполняла она роль Магды.

Если принять во вниманіе, что Савина играла въ Берлинѣ на русскомъ языкѣ,—языкѣ непонятномъ громадному большинству и зрителей, и критики, то это признаніе еще болѣе цѣнно. Вѣдь всей игры Савиной, всей русской Савиной они понять не могли!

Талантъ русской актрисы Савиной былъ увѣнчанъ также и французскими «академическими пальмами», но до конца понятной, до конца близкой была она, конечно, только Россіи.

Здѣсь она была вершиной театра и его основаніемъ.

Къ ней въ теченіе сорока лѣтъ сходились всѣ нити театральной жизни Россіи, на нее сорокъ лѣтъ были обращены всѣ взоры. Она была центромъ не только на сценѣ, гдѣ сыграла за свою жизнь свыше четырехсотъ ролей и столько же разъ перевоплотилась, но и въ жизни, въ жизни театральной, ибо другой для нея не существовало.

Савина была учредительницей Императорскаго Театральнаго Общества и при его основаніи приняла на себя обязанности секретаря Общества. До самой смерти была она почетнымъ членомъ Общества и членомъ его Совѣта, а послѣднее время и предсѣдательницей его. Ея стараніями были основаны Пріютъ и Убѣжище для престарѣлыхъ артистовъ, и попеченій о дѣтищахъ своихъ она не оставляла до самой смерти.

Когда основана была Театральная Школа имени А. С. Суворина Савина скоро стала во главѣ ея, любимой преподавательницей и директрисой. Домъ ея всегда былъ открытъ нуждающимся въ помощи дѣломъ или словомъ.

Савина! Волшебное имя! Что писать о немъ, когда изданы томы, полные имъ! Нѣтъ русскаго сердца, которое бы не слышало его, рѣдкій театралъ не любовался блескомъ его, въ тусклыхъ ли лучахъ театральной рампы, въ яркомъ ли свѣтѣ общественной дѣятельности, рѣдкая актриса не молилась на него, всѣми помыслами стараясь достичь хотя бы половинной доли его славы. Савина! Нынѣ это только имя для будущаго. Будущее не увидитъ больше человѣка, но мы, видѣвшіе его, мы, причастившіеся безсмертію твоему, умершая волшебница, мы говоримъ о тебѣ: «Театръ былъ твоею жизнью. Театръ сталъ твоею смертью и будетъ твоимъ безсмертіемъ».

П о т е м к и н ъ.

Эта статья перепечатана выдержками въ «Алтайскомъ Дѣлѣ», 17—IX—1916, № 203.

САВИНА.

На сонъ грядущій я читалъ Уэлса—о катастрофической гибели нашей цивилизаціи и культуры. И когда рано утромъ мнѣ сообщили по телефону о внезапной смерти Савиной—какъ-то невольно пришло въ голову, что наше страшное время полно такихъ катастрофическихъ внезапностей. Рушится все, съ чѣмъ сжился, съ чѣмъ свыкся, съ чѣмъ соединялись соціальные инстинкты, съ одной стороны, надежда, вкусы, воспоминанія, дружескія чувства, упованія—съ другой. Конечно, это только ограниченная область—русскій театръ. Но развѣ смерть Савиной—такая неожиданная и непредвидѣнная—не катастрофа для театра? Поколѣнія театраловъ выросли «на Савиной». Какъ-то не мыслишь безъ Савиной Александринскаго театра и, вообще, всей театральной жизни, которой центромъ она была. Хватаешься руками за прошлое, цѣпляешься безпомощно за будущее—таково первое впечатлѣніе. Можетъ быть, для молодыхъ людей это не такъ, но для насъ, такъ много пережившихъ и такъ горячо любившихъ,—это именно такъ. У насъ не будетъ другой Савиной. Намъ неоткуда ее взять. Не только потому, что такія дарованія, такія натуры рѣдко появляются въ жизни поколѣній, но и потому, что въ этой любви къ прекрасной артисткѣ, въ нашемъ театральномъ сопереживаніи съ нею—мы сами себя исчерпали, сами себя износили. Нѣтъ Савиной—и цѣлая огромная полоса нашей жизни затмилась печалью, и уже не вырастутъ на обвѣянной смертью ея пустотѣ новые цвѣты.

Я видѣлъ Савину въ послѣдній разъ дней десять назадъ—въ засѣданіи Совѣта Театральнаго Общества. Она говорила, что собирается на нѣсколько дней въ деревню отдохнуть и набраться силъ къ сезону. Была она въ прекрасномъ настроеніи, и лучистые глаза ея сверкали, какъ всегда. Въ жизни глаза Савиной были еще лучше, чѣмъ на сценѣ. Порою, когда Савина была въ хорошемъ «юморѣ», какъ говаривали въ старину, среди добрыхъ знакомыхъ и друзей, она давала иллюзію совсѣмъ молодой женщины, съ прелестной улыбкой и веселыми задорными глазами. Она всегда покашливала и всегда жаловалась на печень. Но къ этому мы всѣ такъ привыкли, что не придавали никакого значенія ея недомоганіямъ. Организмъ у нея былъ крѣпкій—въ отца. Старика Подраменцева-Стремлянова мы всѣ, театралы, хорошо помнили. И въ 80 лѣтъ онъ аккуратно, помню, являлся каждый день въ театръ, въ Старой Руссѣ, прямой и сухой, съ большими темными, живыми глазами. Смерть Савиной казалась какой-то, отдаленной въ глубь будущаго, фантастической идеей. Такъ интенсивно жила Савина, такъ много работала, такъ всѣмъ увлекалась, такую обнаруживала необычайную энергію, такой необыкновенный аппетитъ къ жизни... «Ролей! Ролей!»—говорила она каждый разъ. Ее угнетало, что нечего играть, и она возилась съ авторами, пьесами, режиссерами. Не далѣе, какъ въ субботу, авторъ принятой въ Александринскій театръ пьесы «Мать», г. Опочининъ, разсказывалъ мнѣ, что онъ далъ на выборъ Савиной, которой не нравилось названіе его пьесы, съ десятокъ новыхъ наименованій, и она остановилась на слѣдующемъ: «Понять—простить»... Для всего она находила время, и все кипѣло у нея въ рукахъ. Сцена, Школа, Театральное Общество, Убѣжище для артистовъ—всюду она поспѣвала и ко всему относилась съ одинаковой страстностью. И она не перегорѣла, какъ перегораютъ заработавшіеся люди, а внезапно сломилась—отъ случайности.

За полустолѣтіе своей театральной дѣятельности (Савина дебютировала въ 1869 г. въ г. Минскѣ) она переиграла весь репертуаръ русскаго театра, а стало быть, и отразила всю русскую жизнь. Она провела насъ по всѣмъ возрастамъ русской женщины. Молоденькая, порхающая дѣвушка-подростокъ, потомъ дѣвушка, потомъ женщина, femme de trente ans, еще позже женщина «опаснаго возраста» и, наконецъ, женщина угасшихъ страстей... Первое мое знакомство съ Савиной, какъ съ артисткой, относится, если не ошибаюсь, къ 1883 году. Тогда я еще не былъ театраломъ и не чувствовалъ особеннаго вкуса къ драмѣ. Но постепенно, по мѣрѣ того, какъ драматическій театръ овладѣвалъ, такъ сказать, областью моихъ эстетическихъ воспріятій,—Савина становилась для меня совершеннѣйшей формой русскаго сценическаго реализма.

Припомнимъ, въ общихъ чертахъ, состояніе русской сцены, въ частности, Петербургской, 25 лѣтъ назадъ. Сценическій реализмъ только намѣчалъ свои первые шаги. Правда, Островскій написалъ уже добрую половину своихъ пьесъ, но всю красоту женскихъ характеровъ онъ отдалъ бытовымъ натурамъ, и все разнообразіе живой и наблюденной дѣйствительности — мужскимъ типамъ. Женщинъ Островскаго играли плохо, о чемъ можно судить, напримѣръ, по горькимъ и порою безнадежнымъ отзывамъ Ан. Григорьева. Савина пришла на эту сцену безъ всякой школы, кромѣ той, которую ей дали провинціальные подмостки; безъ всякихъ традицій, кромѣ тѣхъ, которыя ей внушила ея семья. Это была обыкновенная карьера провинціальной актрисы стараго и едва ли добраго времени, когда играть приходилось все и какъ случится, когда режиссеры существовали въ воображеніи и появлялись на сценѣ только для «указанія мѣста». Она играла вначалѣ, какъ птица поетъ, не стѣсненная рутиной образцовыхъ, будто бы, сценъ, но съ огнемъ, потому что онъ въ ней былъ; со свободой и смѣлостью, потому что русская женщина въ то время быстро формировалась, на развалинахъ крѣпостного права, въ самосознающую и самостоятельную личность. Отсюда то, что поразило такъ петербуржцевъ въ первое время, при появленіи Савиной на Александринской сценѣ. Я не говорю уже объ отсутствіи среди петербургскихъ актрисъ того времени перворазрядныхъ дарованій. Всѣ онѣ воспитывались на тѣхъ же театральныхъ образцахъ, на мелодекламаціи Каратыгина и великолѣпной торжественности Самойлова; у всѣхъ у нихъ были одни и тѣ же учителя; всѣмъ имъ внушали одни и тѣ же «Свѣдѣнцовскіе» пріемы; наконецъ, у всѣхъ предъ глазами былъ одинъ и тотъ же петербургскій городъ, успѣвшій отлиться въ нѣкій законченный культурный типъ, очень не похожій на русскую суть.

Савина принесла, кромѣ своего замѣчательнаго таланта, натуру русской современности, поскольку таковая отразилась въ строеніи женской души. И когда этотъ новый продуктъ жизни появился предъ Петербургомъ на сценѣ въ очаровательномъ образѣ свѣжаго и непосредственнаго таланта, — «петербургскій свѣтъ», петербургскій обыватель съ особенной остротой почувствовали, что это новое и непохожее.

Что такое была русская инженю до Савиной? Была ли она? Существовала? Сомнѣваюсь. Были водевильныя попрыгуньи интернаціональнаго типа, были мелодраматическія «угнетенныя невинности», но русской дѣвушки, русской женщины, если не считать нѣсколькихъ превосходныхъ народныхъ характеровъ, наша сцена не знала. Женскіе типы были либо переводомъ съ иностраннаго, какъ Лиза и Софья въ «Горе отъ ума», или воплощеніемъ пассивности и вѣкового угнетенія русской женщины, какъ Лидочка въ «Свадьбѣ Кречинскаго». Если у Дьяченко и попадались удачныя изображенія женскихъ характеровъ, какъ Сашенька въ «Свѣтскихъ ширмахъ», то играли ихъ по международному шаблону, какъ Паска, Делапортъ и еще кто-то. Содержанія не было, не было натуры. Отзывалось книжностью и шаблономъ. Савина внесла новое содержаніе. И, прежде всего, дѣятельную волю. Ея ingénues не были ни нѣмецкими сентиментальными дурочками, ни французскими притворщицами. Въ нихъ была смѣлость вызова, глубина чувства, самостоятельность личности. Исконный типъ русской ingénue былъ въ покорности, въ молчаливомъ страданіи, въ безпомощности и подчиненіи. Подобно чистой, какъ хрусталь, Акеюшѣ, все это было порожденіемъ большого крѣпостного строя въ маленькомъ крѣпостномъ строѣ семьи. И всѣхъ этихъ женщинъ иначе и не мыслишь, какъ съ поникшими печальными главами отдавшихся на волю побѣдителей. Савина первая, и съ тѣмъ совершенствомъ, котораго никто не достигалъ, нашла живую, художественную форму для новой души русской женщины. Протестъ, своеволіе, смѣлость, настойчивость, характеръ—все это выдвигалось у Савиной на первый планъ. «Дикарка», «Елена Бѣлугина» и мн. др.—во всемъ этомъ было пробужденіе характера, воли, личности.

Я не знаю, достаточно ли я ясно выражаю свою мысль. Кромѣ того типа русской женщины, которую художественно воспроизводила Савина, можно, съ той же національно-культурной или, если угодно, исторической точки зрѣнія, указать еще два типа. Одинъ—пассивный, «сырой», расплывающійся въ безформенныхъ линіяхъ. Благіе порывы, не переходящіе въ

дѣйствіе; искренность, выражающаяся въ мечтахъ; честность, проявляющаяся въ недѣланіи. Другой типъ—мятущійся, безпокойный, мистическій, прообразомъ котораго является Катерина въ «Грозѣ». Если первый типъ впадаетъ въ безформенность, то второй, при всемъ своемъ идеализмѣ, отличается совершенной непригодностью для жизни. Однѣ женщины—ниже жизни; другія—выше ея. И вотъ, рядомъ съ этими крайними очертаніями женскаго облика, начинаетъ обрисовываться третій, который воплотить довелось Савиной. Это—женщина, которая знаетъ, чего хочетъ, и которая умѣетъ выразить, что хочетъ; женщина, придавшая мистическимъ порывамъ черты практической пригодности и внесшая порядокъ въ духовный строй русской женщины—порядокъ и дисциплину. Припомните ея Лизу въ «Дворянскомъ гнѣздѣ». Несмотря на свѣтлый нимбъ, окружающій образъ Лизы, на мистическое исканіе Лизой покоя,—сколько нравственнаго порядка, если хотите, нравственной системы было въ созданіи Савиной! Это была Лиза реальная, а не безтѣлесная фантасмагорія, какая непремѣнно вышла бы, напримѣръ, у Стрепетовой.

У Савиной не было экстаза,—того экстаза, который бьетъ ключомъ у Достоевскаго и тихо струится въ нѣкоторыхъ образахъ Островскаго. Савина была дѣйствительно ближе всѣхъ къ Тургеневу, тяготѣвшему своимъ яснымъ духомъ къ порядку и системѣ европейской жизни и въ своемъ идеализмѣ всегда остававшемуся гуманнымъ, т.-е. не предъявлявшимъ требованія подвига, превышающаго человѣческія силы.

Сколько разъ Савина говорила мнѣ, что не умѣетъ играть «символическихъ женщинъ»! И точно, ея строгому и систематическому художественному рисунку чужда была волнистая линія мистицизма. Всякое дѣйствіе Савиной на сценѣ было причинносообразно. Сила ея вспышекъ всегда зависѣла отъ силы обстоятельствъ—никогда больше, никогда меньше. Воплощеніе реализма—Савина съ этой чертой своей натуры была настолько нова на Петербургской сценѣ, что ее одно время даже называли «иностранкой», противопоставляя ей, въ качествѣ истинно-русскаго начала, надрывной талантъ Стрепетовой. И изъ этихъ старыхъ споровъ, теперь уже взвѣшенныхъ судьбою, ясно, какое крупное, не только художественное, но и культурное явленіе представляла собою Савина, и какъ она настоятельно была нужна въ пору собиранія новыхъ формъ и проявленій русской жизни. Замѣчательный талантъ, одаренный исключительнымъ чутьемъ,—она схватила и уловила черты жизни, которыя еще носились, не успѣвъ оформиться и отлиться въ шаблонъ...

Когда отлетѣли безпечальные жаворонки юности, и Савина перешла въ возрастъ зрѣлости, она, въ дополненіе ко множеству изумительныхъ созданій своихъ, подарила насъ рядомъ незабываемыхъ образовъ женщинъ, находящихся на уклонѣ, sur le retour, какъ говорятъ французы. Эти образы памятнѣе намъ потому, что ближе. Теряешься, что̀ назвать въ первую голову. Вѣру Филипповну въ «Сердце не камень» или Юлію Павловну въ «Послѣдней жертвѣ». Героиню «Симфоніи» или «Исторіи одного увлеченія»... Манерой своей въ этой области она напоминала Режанъ, которую ставила превыше всѣхъ актрисъ. Въ эту пору ея талантъ достигъ высшаго расцвѣта. Невозможно забыть, напримѣръ, прологъ и эпилогъ «Исторіи одного увлеченія», какъ немыслимо забыть сцену изъ «Симфоніи», когда она оглядываетъ дѣвушку, посѣтившую ея любовника. Мало сказать, что это было хорошо. Тутъ было «полное обладаніе минуты», какъ опредѣлилъ поэзію Баратынскій. Я закрываю глаза, и предо мною быстро, быстро мелькаютъ образы Савиной. Пастель Тургеневской «Провинціалки» или «Мѣсяца въ деревнѣ»,—такая нѣжная и зыбкая, что боишься дохнуть, чтобы она не распалась въ воздухѣ, трагическій профиль Анны Демуриной изъ «Цѣны жизни», и дальше, вперемежку, цѣлый веселый хороводъ капризно-взбалмошныхъ представительницъ «Женской чепухи», которую Савина обезсмертила ролью въ комедіи Щеглова...

Въ эту минуту, когда такъ горько сознавать, что Савина оторвана отъ жизни, когда вмѣстѣ съ нею хоронишь собственную молодость,—все же испытываешь какое-то чувство гордости, что тридцать лѣтъ, черезъ театръ, былъ въ безпрестанномъ соприкосновеніи съ этой замѣчательной художественной натурой, и что болѣе поздніе молодые поколѣнія не могли исчер-

нать и не исчерпали того, что давала въ былыя времена Савина. Теперь—ахъ, только теперь!—думая объ этой утратѣ, я вижу, сколь многому Савина меня научила. Какъ она раскрывала предо мной душу женщины. Какъ она привела меня къ пониманію Бальзака и его femme de trente et quarante. Какъ постепенно открывались предо мной черты національной психологіи. Я вижу, что это было не только искусство, которое «блеснетъ очаровательно» и исчезнетъ радугой или алмазной пылью. Нѣтъ, тутъ было еще многое. Тутъ была мудрость проникновенія въ жизнь и проникновенія жизнью, которую, какъ медъ, собирали мы, пчелы сѣдые или сѣдѣющіе театралы. «Понять—простить», хотѣла озаглавить Савина послѣднюю пьесу, въ которой собиралась выступить. Понять значитъ—не только простить. Понять значитъ—обогатиться, мудриться, расширить свое умопостиженіе и выработать чувство объективной, высшей истины. Заглядываю въ себя и вижу, какое множество явленій представляешь себѣ не иначе, какъ черезъ призму ея личности. Ея интуиція, ея умъ, ея даръ художественнаго анализа наложили печать на цѣлую область самыхъ нѣжныхъ, самыхъ деликатныхъ отношеній къ жизни, искусству, къ женщинѣ, къ вѣчной борьбѣ и ревности пола... Уайльдъ былъ далеко не такъ парадоксаленъ, когда утверждалъ, что не жизнь формируетъ искусство, а искусство опредѣляетъ жизнь. Эта мысль, подхваченная въ парадоксахъ Нордау, можетъ быть принята особенно въ области театра, когда крупное дарованіе такъ безраздѣльно и такъ ярко властвуетъ на сценѣ, какъ у насъ властвовала Савина. Сколько по Савиной—à la Савина—было разыграно въ жизни «Исторій одного увлеченія», «Симфоній», «Послѣднихъ жертвъ»! Ихъ никто не считалъ, но кто возьметъ на себя смѣлость сказать, что сценическая ихъ судьба не отразилась на жизненной ихъ карьерѣ?.. И недостатки Савиной,—вѣрнѣе сказать, естественная ограниченность ея захвата, напримѣръ, отсутствіе героизма и трагической силы,—можетъ быть, отразились на нашей жизни, какъ и достоинства Савиной. Все возможно, если вдуматься во взаимоотношенія театра и жизни и въ то, что мы играемъ, всегда играемъ, что, кромѣ театра, тамъ, на сценѣ и подмосткахъ, есть еще внутренній «театръ для себя», въ которомъ находитъ отраженіе большой театръ для публики... И я хочу сказать, что и въ большомъ публичномъ театрѣ, и въ интимномъ маленькомъ театрѣ сердца, куда совсѣмъ не допускаются посторонніе,—носятъ трауръ по Савиной.

Homo novus.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ ХУДОЖНИЦЫ СЦЕНЫ.

Какъ громъ грянулъ изъ яснаго неба...

Умерла Савина!

Цѣлая эпоха театральной жизни скончалась съ ея смертью. Она пришла въ столицу изъ глубокой провинціи, тамъ пройдя суровую школу жизни и не менѣе жестокую школу сцены. Одна изъ ея товарокъ актриса сказала какъ-то мнѣ:

— Я помню Савину неуклюжей дѣвчонкой, въ затрепанномъ ситцевомъ платьишкѣ, на сценѣ въ Калугѣ. И кто бы могъ тогда сказать, что она вырастетъ въ такую большую актрису.

Не исключительный огромный талантъ, не счастливая внѣшность, не благопріятно сложившіяся обстоятельства вынесли М. Г. Савину на ту высоту, гдѣ она стояла болѣе сорока лѣтъ. Ее подняли поразительная энергія, недюжинный умъ, неустанная работа до гробовой доски.

Взявъ девизомъ слова: «Сцена—моя жизнь», она не измѣнила себѣ до конца. Она вся цѣликомъ отдавалась театру, она жила въ театрѣ и для театра. И изъ жизни она брала только то, что ей надо было на сценѣ. Весь ея организмъ былъ отравленъ сценическимъ ядомъ. Чуть ли не шестилѣтнимъ ребенкомъ Савину заразили этимъ сладкимъ ядомъ.

Вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, актеромъ Стремляновымъ, она переѣзжала изъ города въ городъ, изъ театра въ театръ. Видѣла и холодъ, и голодъ, и горькую актерскую нужду, слы-

шала не разъ и проклятія театру, и восторги толпы. Видѣла и торжество успѣха, и отчаяніе провала. Испытала на самой себѣ и зависть, и интриги товарищей актеровъ, и братскія объятія, и помощь послѣднимъ заработаннымъ грошемъ.

Поступивъ на сцену Александринскаго театра, она съ перваго выхода въ пьесѣ «По духовному завѣщанію» завоевала публику.

Жизнерадостная, заразительно веселая, полная непосредственнаго комизма и тонкаго юмора, граціозная, какъ кошечка, съ жгучимъ огнемъ выразительныхъ глазъ, съ звонкимъ смѣхомъ и тонкимъ, женственнымъ кокетствомъ, юная и сильная, пришла она на Императорскую сцену. Ея обаяніе было неотразимо, особенно въ комическихъ роляхъ. Господствовавшій въ то время репертуаръ комедій Виктора Крылова далъ ей возможность изъ «сдѣланныхъ» ролей создать рядъ живыхъ, обаятельныхъ типовъ. Но не эти роли дали М. Г. Савиной имя первоклассной, великой артистки. Роли въ пьесахъ художниковъ слова—Островскаго, Тургенева, Гоголя, Алексѣя Потѣхина—создали ей неувядаемую славу.

Никто изъ русскихъ актрисъ не возвышался до созданія такихъ цѣльныхъ художественныхъ образовъ, какъ Марія Гавріиловна.

Она не только тонко и вѣрно передавала чувства и настроенія изображаемыхъ ею женщинъ, не только поразительно вѣрно рисовала ихъ внѣшность—и въ костюмѣ, и въ гримѣ, и въ манерахъ; она находила въ себѣ способность переживать все это, переносясь въ ту эпоху и въ ту среду, гдѣ жили героини автора.

Вѣрочка изъ «Мѣсяца въ деревнѣ», Марья Антоновна—«Ревизоръ», Глафира—«Волки и овцы», Акулька—«Власть тьмы», княжна Плавутина—«Холопы», Юлія—«Послѣдняя жертва». Всѣ эти роли, такъ поразительно вызванныя къ жизни М. Г. Савиной, не найдутъ уже достойныхъ исполнительницъ. Она, эта великая артистка, умѣющая брать изъ жизни краски для изображенія чудныхъ созданій нашихъ классиковъ, унесла съ собою въ могилу эти краски.

Осиротѣлъ русскій театръ!

Сошла въ могилу великая художница сцены!

Евтихій Карповъ.

Эта статья перепечатана въ «Сибирской Мысли», 18—IX—1915, № 38.

ДОНСКАЯ ЖИЗНЬ.

(Новочеркасскъ).

13—IX—1915. № 209.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Статья Н. Галина.

Эта статья напечатана также: въ «Волховскомъ Листкѣ», 13—IX—1915, № 3300; въ «Курьерѣ», 13—IX—1915, № 214; въ «Золотоношскомъ Голосѣ», 16—IX—1915, № 372; въ «Таганрогскомъ Вѣстникѣ», 17—IX—1915, № 244; въ «Александровскомъ Вѣстникѣ», 23—IX—1915, № 1011; въ «Уссурійскомъ Краѣ», 25—IX—1915, № 209. Текстъ этой статьи—см. «Волховской Листокъ».

ДОНСКІЯ ОБЛАСТНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

(Новочеркасскъ).

13—IX—1915. № 208.

М. Г. САВИНА И РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.

Статья Е л а т о м с к а г о.

Напечатана эта статья также: въ «Витебскомъ Вѣстникѣ», 12—IX—1915, № 203; въ «Кіевѣ Волыни», 12—IX—1915, № 252; въ «Пензенскихъ Вѣдомостяхъ», 13—IX—1915, № 203; въ «Орловской Жизни», 17—IX—1915, № 199; въ «Русской Рѣчи», 17—IX—1915, № 2951; въ «Харбинскомъ Вѣстникѣ», 27—IX—1915, № 3565. Текстъ этой статьи—см. «Витебскій Вѣстникъ».

ДРУЖЕСКІЯ РѢЧИ.

(Петроградъ).

20—IX—1915. № 38.

Портретъ (1902 г.) съ подписью: «† Великая русская артистка М. Г. Савина».

† М. Г. САВИНА. 8-го сентября скончалась на 62-мъ году жизни заслуженная артистка Императорскихъ театровъ Марія Гавріиловна Савина.

ЕВПАТОРІЙСКІЯ НОВОСТИ.

(Евпаторія, Таврической губерніи).

13—IX—1915. № 1072.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Статья Э м. Б е с к и н а.

Перепечатана изъ «Ранняго Утра», 10—IX—1915, № 208.

ЖЕНСКАЯ ЖИЗНЬ.

(Москва).

22—IX—1915. № 18.

КРАСА РОССІИ.

Облачитесь благоговѣйно въ трауръ, пусть умолкнутъ веселыя струны!

Солнце Россіи закатилось... Великая Савина умерла!

Осиротѣла театральная Россія; осиротѣло и русское сценическое искусство.

Острая, невыразимо острая боль пронизываетъ наше сердце. Кошмарный холодъ охватываетъ нашъ мозгъ отъ сознанія, что нѣтъ больше величайшей артистки нашего времени.

Она ушла въ вѣчность и унесла съ собою великое творчество.

Скорбью по Маріи Гавріиловнѣ охвачены не только россіяне, любившіе чистое искусство, въ чьей памяти еще живо рисуются художественные образы, созданные покойной. Тяжелое, безысходное горе раздѣляетъ весь артистическій міръ, гордившійся Савиной, какъ солнышкомъ русской сцены.

Кто такъ любилъ искусство, какъ Марія Гавріиловна? И кто еще такъ сильно любилъ свою многострадальную артистическую братію, какъ покойная?

Свой могучій, брызжущій силой и красотой, талантъ, какъ рѣдкій даръ небесъ, Марія Гавріиловна отдавала съ любовью искусству, а свое доброе сердце, свою энергію, опытъ, свободное время и даже состояніе съ умиленіемъ отдавала товарищамъ по искусству, нуждавшимся въ ея утѣшеніи.

Савина сумѣла объединить сценическій міръ, сумѣла внушить ему необходимость организоваться въ одну общую, тѣсно сплоченную семью.

Стараніями Маріи Гавріиловны учреждено было Русское Театральное Общество; трудами усопшей это Общество поддерживалось до нашихъ дней. Заботами, а отчасти и средствами Савиной открыто было Убѣжище для престарѣлыхъ артистовъ и Пріютъ для ихъ дѣтей.

Исключительно на средства покойной создалась Санаторія на Кавказѣ для немощныхъ служителей сцены.

Вездѣ виталъ ея духъ, вездѣ проявлялась забота Маріи Гавріиловны; повсюду чувствовалось вліяніе печальницы актеровъ-страдальцевъ.

Трудно въ минуту неудержимой грусти по ней, у свѣжей могилы, перечислять ея заслуги. Онѣ неисчислимы.

Говорить о талантѣ Савиной, объ ея игрѣ, о созданныхъ ею художественныхъ образахъ—излишне.

Марія Гавріиловна и ея необыкновенное великое творчество живутъ въ сердцахъ русскаго народа. Каждый знаетъ, какую крупную, необъемлемо крупную артистическую величину представляла собою усопшая.

Тѣмъ сильнѣе наше горе, тѣмъ болѣзненнѣе горесть утраты.

Опустимся же покорно на колѣни, преклонимся передъ великой тайной Смерти, безпощадно погасившей нашъ свѣточъ.

Склонимъ обнаженныя головы и благоговѣйно произнесемъ:

— Вѣчная память яркому свѣточу русской сцены!

— Вѣчная память величайшей артисткѣ и театральной дѣятельницѣ!

А л. П—о в ъ.

Приложенъ портретъ М. Г. Савиной, въ ея кабинетѣ за письменнымъ столомъ (1900 г.).

ЖЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

(Петроградъ).

X—1915. № 10.

† М. Г. САВИНА.

8-го сентября, въ 6 часовъ утра, скончалась Марія Гавріиловна Савина—наша знаменитая артистка, которая въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій пользовалась исключительной любовью публики.

Опущены краткія общеизвѣстныя біографическія данныя.

Талантъ Маріи Гавріиловны былъ крайне разностороненъ. Она съ большимъ успѣхомъ выступала въ драмѣ, водевилѣ, опереткѣ. Надъ своими ролями она работала неутомимо,

ея выполненіе на сценѣ различныхъ женскихъ типовъ производило глубокое впечатлѣніе на публику. Женскіе типы нашихъ классиковъ Гоголя, Тургенева, Островскаго, Толстого, благодаря ей, оживали на сценѣ. За 40 лѣтъ Марія Гавріиловна переиграла около 400 ролей—и во всякой роли она умѣла оттѣнить главныя черты. Она отличалась большой отзывчивостью: провинціальные артисты часто находили у нея помощь и совѣтъ. Въ частныхъ разговорахъ Марія Гавріиловна была обаятельна своимъ остроуміемъ, наблюдательностью и умѣньемъ разсказывать. Марія Гавріиловна показала, какова можетъ быть русская женщина и что́ она можетъ совершить, когда она свободно идетъ выбраннымъ ею путемъ.

Миръ праху геніальной артистки!

ЖЕНСКОЕ ДѢЛО.

(Москва).

1—X—1915. № 19.

На обложкѣ этого номера помѣщенъ большой портретъ М. Г. Савиной (80-хъ годовъ) съ датой ея кончины.

САВИНА.

Савина—цѣлая эпоха въ жизни Александринскаго театра и яркая, увлекательная страница въ исторіи русскаго сценическаго искусства. На томъ печальномъ сентябрьскомъ разсвѣтѣ, когда нежданно погасли громадные, великолѣпные глаза,—смерть пробила незаполнимую на очень долгое время брешь въ Петроградскомъ храмѣ Мельпомены, въ концѣ осиротила его, но и значительно обѣднила весь русскій театръ. Если исторію творятъ во взаимодѣйствіи герои и толпа,—толпа, можетъ быть, еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ герои,—то исторію театральную творятъ только немногіе герои. Въ этомъ смыслѣ исторія театра аристократична,—двигаютъ ее исключительныя индивидуальныя силы. И такой силой была Марія Гавріиловна Савина. Въ ней,—въ глубинѣ и роскоши ея таланта,—была заключена цѣлая исторія. Какъ одна широкая полоса петроградской театральной исторіи осталась навсегда обозначенной именемъ Екатерины Семеновой, перваго классика русской сцены, такъ другая полоса останется обозначенной именемъ Маріи Савиной.

Не на моей памяти—ея ранніе театральные годы, когда очищался отъ шлаковъ и отшлифовывался алмазъ Савинскаго таланта, получалъ чистую игру всѣхъ своихъ граней. Не на моей памяти—Савина - Вѣрочка изъ Тургеневской комедіи, Савина - «Дикарка», Савина-Лелечка изъ «Блуждающихъ огней», или Гоголевская Марья Антоновна. Эти лики артистки знаю только по чужимъ очарованнымъ воспоминаніямъ, да по восторженнымъ отзывамъ тогдашней печати. Мои личныя воспоминанія хранятъ образъ женщины уже немолодой, у которой время провело свои предательскія черты по выразительному лицу, положило тѣни подъ замѣчательными глазами, нѣсколько притушило ихъ пламень. Да и эту Савину я, постоянный москвичъ, видѣлъ далеко не во всѣхъ ея роляхъ,—можетъ быть, и не въ самыхъ лучшихъ или наиболѣе для ея дарованія и ея искусства характерныхъ. И если бы я захотѣлъ дать исчерпывающее ея сценическое изображеніе или послѣдовательный разсказъ объ ея творчествѣ, такомъ богатомъ и многообразномъ,—слишкомъ часто пришлось бы мнѣ смотрѣть чужими глазами и пользоваться матеріаломъ изъ вторыхъ рукъ. Въ отношеніи къ актеру это менѣе всего пригодно, потому что тутъ непосредственное воспріятіе,—впечатлѣнія личныя незамѣнимы никакими «документами». Мнѣ иногда приходилось пробовать реставрировать образы далекаго театральнаго прошлаго. Каждый разъ я испытывалъ большую безпомощность. Возстановлялись біографическія подробности, но почти не возстановлялось внутреннее содержа-

ніе актерскаго образа, то, что дѣлало его когда-то героемъ общаго вниманія, волненія, восторговъ.

Та Савина, которую я зналъ, восхищала, прежде всего, чрезвычайнымъ богатствомъ сценическаго аппарата. Она никогда не играла сѣро, тускло, буднично. Большая праздничность—отличительнѣйшая и самая счастливая черта ея исполненій. И это одинаково,—играла ли она комедію, къ которой была больше склонна, или драму, «бытъ» или душу. Все всегда сверкало красками, все было въ большомъ богатствѣ яркихъ и сочныхъ тоновъ, выразительно-отчетливыхъ чертъ. Оттого такъ прочно живетъ въ памяти все, что показывала Савина со сцены,—всѣ ея образы. Точно озонировала она каждый, дарила его тѣмъ богатствомъ жизни, какое было въ ней—человѣкѣ. Артистка не насиловала авторскихъ образовъ, но умѣла къ нимъ подходить съ ихъ «энергической» стороны.

Въ творчествѣ Савиной, которую я зналъ, была нѣкоторая суровость. Ея глаза художницы были широко раскрыты на правду. Она не любила сентиментальности и идеализацій. Это особенно выпукло выступало, когда ту же роль играла Ермолова у насъ, а Савина—въ Петербургѣ. Ермолова—романтикъ и идеалистъ. Ермолова всякій образъ старается поднять до высоты своей души, никогда не казнитъ, всегда милуетъ. Она умѣетъ каждый образъ такъ понять, чтобы онъ вышелъ непремѣнно прощеннымъ. Савина судила и воспроизводила его съ суровой трезвостью. Врядъ ли теперь многіе помнятъ Протичъ изъ «Симфоніи» Модеста Чайковскаго. Обѣ артистки, игравшія эту роль, такъ далеко разошлись, каждая покорная своему основному художественному закону, что Протичъ петербургская и Протичъ московская вышли двумя различными существами, женщинами разныхъ психологическихъ и моральныхъ категорій. И если московская артистка особенно зорко слѣдила за движеніями души,—петербургская артистка особенно зорко выслѣживала выраженія быта и характерности.

Но было бы заключеніемъ невѣрнымъ, что Савина чувствовала себя, какъ рыба въ водѣ, только въ комедіи, гдѣ характеръ доминируетъ. Такое мнѣніе широко распространено. Вспоминаются мнѣ такія Савинскія роли, какъ Настасья Филипповна. Это могъ дать только самый первоклассный мастеръ сценической психологіи! Савина и тутъ была вѣрна своему основному закону. Она ненавидѣла разжалобить, она не любила легкихъ слезъ. Была и тутъ рѣзка ея правда, чиста отъ сентиментальности. Но глубоко забиралъ плодъ этого художника, взрывая душу до сокровенныхъ основъ. И показывалъ въ потрясающей правдѣ. Надъ ея Настасьей Филипповной не плакали. Но душа зрителя, который успѣлъ не только смотрѣть, но и видѣть, была обожжена. Кажется, у Савиной было немного такихъ ролей. И немногихъ—довольно, чтобы признать громадность ея силы и значенія, какъ актрисы самыхъ сложныхъ и напряженныхъ переживаній.

Репертуаръ и артистъ всегда—въ взаимномъ воздѣйствіи. Репертуаръ вліялъ на Савину, Савина вліяла на репертуаръ. Не все въ этомъ взаимодѣйствіи было вполнѣ благополучно,—на пользу и театру, и Савиной.

Не время сейчасъ, когда еще не отзвучали погребальные напѣвы, когда такъ остро больна утрата, заниматься анализомъ этой стороны театральной жизни великой артистки. Величіе ея чрезъ то не умалилось. И нѣтъ двухъ мнѣній,—въ утро 8-го сентября 1915 года закатилось первоклассное свѣтило русскаго театра.

Натура колоссальной, совершенно исключительной, кипучей энергіи, Савина, хотя и не разъ вспоминался ея афоризмъ: «Сцена—моя жизнь», не могла исчерпать себя въ театрѣ. Ее влекла жизнь,—дѣятельность не только сценическая. Кто былъ на похоронахъ, кто стоялъ у могилы въ паркѣ Убѣжища, могъ увидать, какую большую оцѣнку получила эта сторона Савиной. Уже давно она стала общественной дѣятельницей въ области русскаго актерства. Не преувеличеніе первыхъ дней траура,—что Савина была душою Русскаго Театральнаго Общества. Безконечно многимъ обязана ей эта широкая актерская организація. Савина многіе годы была въ ней первой движущей силой. Свою громадную популярность, свой авторитетъ, свое вліяніе, добытые на сценѣ, она широко использовала, чтобы помочь

русскому провинціальному актеру и русскому актерству. Когда Савина была жива, кипѣла въ этой работѣ,—бывали, конечно, и недовольные. При вѣсти о смерти все это слетѣло въ одинъ мигъ, какъ легкая пыль. Актерство не могло не почувствовать себя осиротѣвшимъ. И съ глубокой скорбью склонило голову надъ Савинской могилой, осыпало ее, какъ цвѣтами, словами самой искренней признательности и слезами самой искренней скорби.

Н. Эфросъ.

При этой статьѣ помѣщены портреты М. Г. Савиной въ пьесахъ: «Власть тьмы», «Забава Путятишна», «День въ Петербургѣ» и «Соломонія и Елена».

ЖИЗНЬ ВОЛЫНИ.

(Житомиръ).

11—IX—1915. № 249.

М. Г. САВИНА.

(Некрологъ).

Перепечатанъ изъ «Кіевлянина», 9—IX—1915, № 248.

12—IX—1915. № 250.

М. Г. САВИНА И РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.

Статья Елатомскаго.

Эта статья напечатана также: въ «Витебскомъ Вѣстникѣ», 12—IX—1915, № 203; въ «Донскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ», 13—IX—1915, № 208; въ «Пензенскихъ Вѣдомостяхъ», 13—IX—1915, № 203; въ «Орловской Жизни», 17—IX—1915, № 199; въ «Русской Рѣчи», 17—IX—1915, № 2951; въ «Харбинскомъ Вѣстникѣ», 27—IX—1915, № 3565. Текстъ этой статьи—см. «Витебскій Вѣстникъ».

ЖУРНАЛЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(Петроградъ).

16—IX—1915. № 22.

На обложкѣ этого номера помѣщены 4 портрета М. Г. Савиной разныхъ періодовъ ея жизни.

7—X—1915. № 25.

УСЕРДІЕ НЕ ПО РАЗУМУ.

Статья Ал. Ожигова.

Умерла М. Г. Савина,—ушла прекрасная и великая русская артистка, художникъ отъ Господа Бога, женщина съ большой и красивой душой, ненавидѣвшей фальшь, неискренность и ложь...

Далѣе идетъ критическій разборъ нѣкоторыхъ отзывовъ по поводу кончины М. Г. Савиной.

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ НОВЬ.
(Чита).
25—IX—1915. № 2341.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О САВИНОЙ.

(Изъ вѣнка русской печати).

Короткая телеграмма о смерти Маріи Гавріиловны Савиной на меня, слышавшаго о ней съ первыхъ лѣтъ жизни, въ юности видѣвшаго ее во многихъ ея роляхъ, произвела впечатлѣніе тяжелаго оглушающаго удара. Въ первую минуту трудно было осмыслить размѣръ горькой утраты. Для этого нужно было бы вернуться туда, въ Петроградъ, гдѣ еще такъ недавно молодежь съ горящими глазами встрѣчала аплодисментами, вызовами каждую побѣду Савиной въ области искусства.

Только читая статьи петроградскихъ газетъ на другой день послѣ смерти артистки, можно было пріобщиться къ національному трауру, вызванному ея смертью. Русскій театръ существуетъ лишь въ трехъ-четырехъ центрахъ, но это не значитъ, что онъ вовсе не существуетъ для остальной Россіи. Эти немногіе, московскіе, петроградскіе, или кіевскіе театры, конечно, должны составлять и составляютъ народную гордость. Такъ же, какъ Москва гордится Ермоловой, такъ Александринскій театръ гордился Савиной.

«Савина—это Александринскій театръ. Она была его знаменемъ, его искусствомъ, его душой. Она отдала ему все: талантъ, жизнь, силы, счастье—все, что можетъ отдать геніальная женщина... Она и взяла его всего... Она взяла всѣхъ насъ и сдѣлала своими вѣрноподданными. Мы добровольно преклонялись передъ королевой, передъ хозяйкой Александринскаго дворца искусствъ»,—пишетъ одинъ изъ молодыхъ театральныхъ критиковъ, пресыщенныхъ лучшими проявленіями современнаго русскаго и иностраннаго искусства. Другой говоритъ о впечатлѣніи послѣ ея смерти: «Впечатлѣніе такое, будто рухнулъ большой, величественный, затѣйливый соборъ, безъ кощунства скажу, въ родѣ Реймскаго. Это—ударъ, это—катастрофа, это—«нѣтъ театра».

И это впечатлѣніе катастрофы—не единственное. «Развѣ смерть Савиной»,—говоритъ почти слово въ слово другой критикъ, въ газетѣ, отстоящей на огромную дистанцію отъ той, въ которой я нашелъ сопоставленіе съ Реймскимъ соборомъ,—«развѣ смерть Савиной не катастрофа для театра? Поколѣнія театраловъ выросли на «Савиной». Какъ-то не мыслишь безъ Савиной Александринскаго театра и, вообще, всей театральной жизни, которой центромъ она была».

«Самодержавный талантъ»—назвалъ свою отходную о ней талантливѣйшій современный критикъ А. Измайловъ. Онъ напоминаетъ, что Островскій называлъ ее «моя муза». Савина—другъ и современница Тургенева. Онъ сравнивалъ ее по таланту съ Рашель и признавался, что послѣ Рашель никто, кромѣ Савиной, не производилъ на него такого сильнаго впечатлѣнія. Между безчисленными ролями Савиной выдѣляются типы, созданные ею въ пьесахъ Тургенева («Провинціалка», «Мѣсяцъ въ деревнѣ»). Они умрутъ вмѣстѣ съ Савиной. Актеръ часто умираетъ не одинъ. Онъ уноситъ съ собою долю наслѣдства, оставшагося послѣ драматурга.

Что же сдѣлала Савина, какъ артистка, чѣмъ она заслужила гимны любви, преклоненія и почитанія, которыми ее проводила печать?

Савина создала на сценѣ современную русскую женщину. «Никогда ранѣе цѣльная прелесть русской женщины не выливалась въ такую изящную и совершенную красоту». Не поразительно ли, что въ тотъ же вечеръ, и, можетъ быть, даже навѣрное въ тѣ же часы и минуты другой критикъ писалъ о ней: «Савина первая, и съ тѣмъ совершенствомъ, котораго никто не достигалъ, нашла живую, художественную форму для новой души русской женщины». И наконецъ третій: «Отъ простой бабы Акулины во «Власти тьмы» до этой княжны въ пьесѣ Гнѣдича, отъ рѣзвой «Дикарки» до задумчивой барской красы Натальи Петровны,—женщины, всякаго рода и званія, всякихъ временъ и эпохъ россійскихъ, оживали передъ нами на сценѣ, и

раскрывались ихъ души, то пугая, то очаровывая насъ своими таинственными глубинами. Мѣщанка, аристократка, жена, любовница, мать, дочь, подростокъ, старуха — вотъ она, Савина, женщина Тургенева, женщина Островскаго, русская женщина во всѣхъ поворотахъ ея судьбы, во всѣхъ превратностяхъ ея жизни, великая, жалкая, чарующая, отталкивающая, родная, близкая, незамѣнимая...».

За полустолѣтіе своей театральной дѣятельности Савина переиграла весь репертуаръ русскаго театра и была «совершеннѣйшей формой русскаго сценическаго реализма». Одной улыбкой, однимъ взглядомъ, движеніемъ, замедленнымъ или порывистымъ, оттѣнками, напоминающими чудеса музыки, Савина умѣла раскрывать душевныя бездны...

«Савина не была красива и въ молодости. Но она была обворожительна, что часто лучше красоты. Нынѣшняя молодежь застаетъ уже только легенду объ ея очаровательныхъ глазахъ, понятіе о которыхъ она можетъ имѣть лишь по сохранившимся ея портретамъ. Очарованіе довершали изумительный по богатству интонаціи голосъ, исключительной выразительности и подвижности лицо, передававшее тончайшія душевныя движенія. Это лицо позволяло ей играть безъ грима, и мѣняться, и не быть однообразной. Она притворялась такъ, что это была уже не игра, а реальность. Она увѣряла, что это не анекдотъ, а дѣйствительность, этотъ извѣстный случай съ пожарнымъ за кулисами. Въ красненькомъ платочкѣ она стояла за сценой въ ожиданіи выхода во «Власти тьмы», въ роли Акулины.—«Какой губерніи?»—снисходительно бросилъ ей пожарный. Она отвѣтила:—«Тульской». И въ эту минуту дѣйствительно она была той тульской крестьянкой, съ какихъ великій Толстой рисовалъ героинь своей тяжелой деревенской драмы. Такъ волшебно притворялась она больше сорока лѣтъ на сценѣ».

— Можно ли такъ горячо оплакивать состарившуюся артистку?—спроситъ одинъ изъ скептиковъ, которыхъ, къ несчастью, такъ много въ нашей пасмурной и холодной странѣ.

— «Слыша, что Савина старѣетъ, мы шли въ Александринскій театръ и убѣждались, что она такъ же молода. Старѣли лишь ея роли».—Такъ отвѣчаетъ на этотъ упрекъ одинъ критикъ.

А вотъ отвѣтъ самой артистки: «Молодыхъ и красивыхъ бабъ много, а таланты надо считать по пальцамъ»,—сказала она однажды, жалуясь на критика, откровенно сказавшаго, что она стара. Да, геніемъ надо дорожить, пока не разрушится его земная оболочка. На культурномъ Западѣ это понимаютъ: французской артисткѣ Саррѣ Бернаръ идетъ седьмой десятокъ и у нея ампутирована, какъ мы читали недавно, нога. Однако, артистка выступаетъ въ спеціально написанныхъ для нея роляхъ... Лучи солнца и лучи генія драгоцѣнны до полнаго исчезновенія. И тогда еще бываетъ дорогъ ихъ отблескъ...

Я не разсказалъ біографіи Савиной. Это былъ крутой, кремнистый и славный, торжественный и трудный путь дочери провинціальнаго актера, бывшаго учителя рисованія, Маши Подраменцевой,—путь къ блестящему престолу, который почти полвѣка безспорно занимала... Савина. Она вышла изъ широкихъ слоевъ населенія, въ которыхъ такъ легко заглохнуть, погаснуть, погибнуть огоньку таланта.

За послѣднее время много рухнуло русскихъ художниковъ (изъ актеровъ: Варламовъ, Стрѣльская). На ихъ могилахъ единственная отрадная мысль лишь та, что милліоны русскаго народа еще дремлютъ, еще не призваны на праздникъ жизни, на которомъ искусство—лучшая радость. Изъ этой тьмы темъ загорятся яркія звѣзды, блистательныя имена новыхъ художниковъ. Они по слѣдамъ, которые сохранитъ русская печать, возстановятъ образы своихъ великихъ предшественниковъ.

Я не исчерпалъ малой доли той дани, которую русская печать успѣла принести на могилу Савиной, прежде, чѣмъ она была засыпана. Изъ статей, написанныхъ въ первые же дни, уже составился большой вдохновенный томъ. Но тѣ, кто любитъ русское искусство и гордится имъ, поймутъ изъ этихъ строкъ, какая тризна справлялась въ этомъ мѣсяцѣ его дѣятелями.

Д. Димитріевъ.

ЗАРЯ.

(Москва).

13—IX—1915. № 36.

МАРІЯ ГАВРІИЛОВНА САВИНА (†).

Русскій театръ послѣднее время несетъ одну потерю за другой. Нѣсколько недѣль тому назадъ умеръ Варламовъ. Теперь мы передъ новой могилой—отошла въ вѣчность Марія Гавріиловна Савина, краса и гордость нашей сцены. Со смертью этихъ двухъ корифеевъ, нашъ реалистическій театръ лишился своихъ главныхъ дѣятелей и борцовъ.

Марія Гавріиловна Савина всю свою долгую и славную артистическую карьеру была живымъ и неизсякаемымъ источникомъ творчества художественныхъ образовъ. Взойдя на сценическія подмостки 20-лѣтней дѣвушкой, она сразу проявила себя, какъ крупный талантъ, который съ годами все пышнѣе и пышнѣе цвѣлъ, принеся, наконецъ, своей обладательницѣ заслуженное имя великой артистки земли русской. И внезапно смерть оборвала эту красивую жизнь, остановила бившій родникъ творчества...

Умерла М. Г. Савина 62 лѣтъ, отъ разрыва сердца, «внимая ужасамъ войны» своей чуткой и многогранной душой.

Одной величавой тѣнью стало больше...

Приложенъ снимокъ съ портрета М. Г. Савиной, работы (сепіей) И. Е. Рѣпина (1893 г.).

20—IX—1915. № 37.

М. Г. САВИНА.

Талантъ—это наша радость. Это наше малое земное солнце. Отъ него свѣтло. Онъ уводитъ насъ изъ плѣна будней и сумерки жизни преображаетъ въ яркій праздникъ.

Поэтому больно, очень больно ощущается нами смерть таланта. И хочется роптать на желѣзный законъ, тяготѣющій даже и надъ избранными изъ насъ, даже и надъ помазанниками благоуханнымъ елеемъ творчества.

Когда мы узнали, что Марія Гавріиловна Савина ушла въ тихія и—увы!—невозвратныя дали небытія, то было такое чувство, какъ-будто погасъ вдругъ священный пламень въ любимомъ нами храмѣ. Съ великимъ трепетомъ пріяли мы эту печальную вѣсть. Вѣдь зашло наше малое земное солнце...

Теперь, во время переоцѣнки цѣнностей, ломки старыхъ формъ жизни, кризиса всяческихъ теорій и театра въ частности, Марія Гавріиловна Савина твердо, какъ скала, стояла среди бушующихъ волнъ сценическихъ революцій.

И въ то время, когда театръ шелъ то подъ знакомъ «символизма», то подъ знакомъ «условности», то мечталъ о возрожденіи «орхестръ фимелъ», Савина отстаивала и утверждала бытовой театръ, видя въ немъ широкое и глубокое отраженіе жизни. А жизнь для нея—было самымъ главнымъ; любви къ жизни она учила и отдала свои большія и созидательныя силы.

Савина творила сладостное чудо побѣдительной мощью своего таланта. Она увѣнчала себя безсмертнымъ вѣнкомъ изъ многогранныхъ алмазовъ созданныхъ ею женскихъ образовъ. Діапазонъ ея творчества былъ необычаенъ: драма, комедія, водевиль, фарсъ... Дѣвушка, молодая женщина, женщина Бальзаковскаго возраста, старуха... Способность перевоплощеній была въ ней развита почти до послѣднихъ предѣловъ, близкихъ къ геніальности. Проигравъ болѣе 400 ролей, она въ каждой изъ нихъ была нова, создавала шедевръ, тотъ прекрасный образецъ, которому потомъ слѣдовали артистки большихъ и малыхъ, столичныхъ и провинціальныхъ театровъ.

Эта способность, а также умѣнье неожиданно углубить и орельефить сценическій типъ обезпечили Маріи Гавріиловнѣ быструю и ослѣпительную сценическую карьеру, вызывали во-

сторгъ крупнѣйшихъ нашихъ драматурговъ, которые спеціально для нея писали роли и часто благодаря ей же, дѣлались сами популярными.

Тургеневъ и Островскій, въ пьесахъ которыхъ особенно пышно и мощно проявлялось артистическое дарованіе Савиной, не разъ ей бурно аплодировали и глубоко чтили въ ней ея сверкающій и единственный въ лѣтописяхъ русскаго театра талантъ.

Чтила Савину и заграница. На ряду съ Дузе, Саррой Бернаръ и Режанъ она произносила и имя нашей великой лицедѣйки.

Воистину Савина была «повсегдано озкранена и повсесердно утверждена»...

Жутко бываетъ, когда падаетъ исполинское дерево. Такой же жутью овѣяны и мы теперь, когда пала на «славномъ посту» великанша русскаго театра.

Судьба безпощадна къ намъ. Она отняла у насъ Стрѣльскую, отняла Варламова. И вотъ, наконецъ, взяла Савину.

Уходятъ одинъ за другимъ «послѣдніе могикане» театра быта.

Придутъ ли имъ на смѣну новые, молодые?

Будутъ ли они насъ радовать такъ, какъ радовали отошедшіе?.. А радость такъ нужна намъ въ дни траура войны...

Н. Рыковскій.

При этой статьѣ помѣщено 6 портретовъ М. Г. Савиной: 1) съ фотографіи 1906 г. и въ пьесахъ— 2) «Эсмеральда» (въ 8-лѣтнемъ возрастѣ), 3) «Ночное», 4) «Ревизоръ», 5) «По духовному завѣщанію», 6) «Мѣсяцъ въ деревнѣ» (Наталья Петровна).

ЗЕМЩИНА.

(Петроградъ).

10—IX—1915. № 2125.

† М. Г. САВИНА.

Тяжелую незамѣнимую утрату понесла русская сцена... 8-го сентября скончалась отъ разрыва сердца заслуженная артистка Императорскихъ театровъ Марія Гавріиловна Савина.

Русское общество, какъ и русское искусство, теряетъ въ лицѣ покойной маститой артистки такую крупную жемчужину, которымъ рѣдко находятся подобныя.

Кто изъ насъ не бывалъ—и притомъ не годъ, не два, а десятки лѣтъ—подъ обаяніемъ истиннаго художественнаго таланта Савиной.

Кто изъ насъ, выходя по окончаніи спектакля изъ Александринскаго театра, не высказывалъ своего поклоненія безконечно тонкой, обдуманной и всегда жизненной игрѣ несравненной артистки.

«Какъ хотите, Савина одна»,—говорилось обыкновенно при сопоставленіи ея игры съ другими исполнительницами ея ролей.

И это была лучшая оцѣнка многосторонняго и разнообразнаго таланта артистки.

Именно—Савина была «одна». Шла пьеса «съ Савиной»—и послѣ на многихъ сценахъ повторялась она такъ, какъ ее сыграла Савина.

Мы помнимъ ее очаровательной чаровницей въ исполненіи юной шалуньи въ типѣ Любы изъ «Общества поощренія скуки» или прелестной «Дикаркой». Она незабвенно запечатлѣвалась въ памяти обаятельной Кондоровой въ «Нищихъ духомъ», гдѣ одна, сквозь затаенныя слезы, произносимая ею фраза: «Вы его мать... я васъ прощаю»—заставляла театръ переживать цѣлую бурю впечатлѣній.

Мы помнимъ ее, послѣдніе годы, удивительной княжной Плавутиной въ «Холопахъ»—и всюду это была сама жизнь, а не «игра».

Въ этомъ былъ весь секретъ необыкновеннаго обаянія артистки... Она взяла девизомъ своимъ фразу: «Сцена—моя жизнь» и дѣйствительно умѣла жить на сценѣ, воплощаясь цѣликомъ въ исполняемую роль.

Таковы были и товарищи ея по искусству—Стрѣльская и Варламовъ, которыхъ такъ ненадолго пережила покойная.

Дадутъ ли наши театральныя школы русской сценѣ то, что унесли съ собою эти русскіе «Божіей милостью» создавшіеся таланты.

Тяжелая, горестная утрата эта заставляетъ еще разъ повторить надъ свѣжей могилой то, что столько разъ говорилось въ минуты художественнаго восхищенія: Савина была одна...

Волна.

ЗОЛОТОНОШСКІЙ ГОЛОСЪ.

(Золотоноша, Полтавской губерніи).

16—IX—1915. № 372.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Статья Н. Галина.

Эта статья напечатана также: въ «Волховскомъ Листкѣ», 13—IX—1915, № 3300; въ «Донской Жизни», 13—IX—1915, № 209; въ «Курьерѣ», 13—IX—1915, № 214; въ «Таганрогскомъ Вѣстникѣ», 17—IX—1915, № 244; въ «Александровскомъ Вѣстникѣ», 23—IX—1915, № 1011; въ «Уссурійскомъ Краѣ», 25—IX—1915, № 209. Текстъ этой статьи—см. «Волховской Листокъ».

ИЗВѢСТІЯ СОВѢТА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ТЕАТРАЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

(Петроградъ).

IX—X—1915. № 17—18.

†

Во вторникъ, 8-го сентября 1915 года, въ 5½ ч. утра,

почила основательница состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества

МАРІЯ ГАВРІИЛОВНА САВИНА

и 11-го сентября погребена временно въ саду при церкви Убѣжища въ память Императора Александра III для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей.

М. Г. САВИНА ВЪ ТЕАТРАЛЬНОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

9—23 марта 1897 года признается эрой въ исторіи провинціальнаго актерскаго быта. Это былъ Всероссійскій Съѣздъ сценическихъ дѣятелей, когда актеръ впервые почувствовалъ себя гражданиномъ съ широкимъ общественнымъ признаніемъ культурнаго значенія его профессіи и всѣми фибрами своего существа ощутилъ радость единенія въ самыхъ лучшихъ своихъ чувствахъ и стремленіяхъ. Принадлежа къ тѣмъ счастливцамъ, на долю которыхъ выпало быть участниками этого Съѣзда и пережить эти отрадные дни, я, вмѣстѣ съ другими, запечатлѣлъ въ своемъ сердцѣ незабываемый моментъ, когда, среди общаго духовнаго подъема, встала Марія Гавріиловна, вдохновенная, со слезами на своихъ единственныхъ по красотѣ глазахъ, и восторженно воскликнула намъ, провинціальнымъ актерамъ:

«Я—ваша землячка! Я—изъ той же деревни!»

Этому лозунгу она осталась вѣрна до конца своей жизни.

Среди многосторонней общественной дѣятельности, которой такъ широко отдавала себя Марія Гавріиловна, ея любимымъ дѣломъ было Театральное Общество, т.-е. служеніе своимъ роднымъ землякамъ, своей родинѣ.

Въ концѣ 70-хъ годовъ въ Петербургѣ существовало «Общество взаимнаго вспоможенія русскихъ артистовъ.», вылившееся въ узко петербургское общество. Отсутствіе средствъ и незначительность операцій Общества привели къ рѣшенію ликвидировать его. Марія Гавріиловна горячо возстала противъ этого и сорганизовала кружокъ выдающихся, энергичныхъ лицъ, которыя на пепелищѣ этого Общества основали другое—«Общество для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ», включившее въ свои задачи помощь не только столичной актерской нуждѣ, но и провинціальнымъ сценическимъ дѣятелямъ. Марія Гавріиловна взяла на себя въ новомъ Обществѣ активную роль секретаря Совѣта и неустанно несла эту работу въ теченіе долгаго ряда лѣтъ.

Въ дальнѣйшемъ, увидѣвъ, что эта организація далеко не можетъ всесторонне выполнять обслуживаніе всѣхъ нуждъ актерскаго міра, она приняла самое дѣятельное участіе въ преобразованіи этого Общества въ болѣе широкое—«Русское Театральное Общество», въ задачи котораго входила нормальная постановка провинціальнаго театральнаго дѣла, а это, въ свою очередь, должно было благопріятно отразиться на бытѣ провинціальнаго актера.

Для наилучшей постановки дѣла въ новой организаціи было признано необходимымъ—и Марія Гавріиловна явилась энергичной сторонницей этого начинанія — созвать съѣздъ сценическихъ дѣятелей, который могъ бы указать наиболѣе цѣлесообразные пути къ достиженію основныхъ задачъ Общества и облечь сразу дѣло Театральнаго Общества въ жизненныя формы.

Дѣятельность Маріи Гавріиловны въ Театральномъ Обществѣ была такъ широка, такъ многостороння, такъ всеобъемлюща, такъ проникнута глубокимъ знаніемъ дѣла, одухотворена такой любовью, такой сердечной материнской заботой, что со временемъ, несомнѣнно, должна явиться предметомъ спеціальнаго изслѣдованія. Вѣдь ненормальность постановки частнаго театральнаго дѣла и безправіе актерской профессіи Марія Гавріиловна пережила сама и познала собственнымъ горькимъ опытомъ на первыхъ же порахъ своей сценической карьеры. Немудрено поэтому, что малѣйшее несчастье и нужда сценическаго міра чувствовались ею, какъ личныя невзгоды или горе.

Свое служеніе въ Театральномъ Обществѣ она признавала «добровольной повинностью» и своей «прямой обязанностью». Она, не задумываясь, убѣжденно шла всегда прямо къ цѣли. Она обладала несокрушимой энергіей и боевымъ темпераментомъ, поэтому не отступала ни передъ какими препятствіями и каждое начатое дѣло доводила до конца.

Называя себя въ шутку «старшимъ разсыльнымъ» Театральнаго Общества, она была дѣйствительно вѣрнымъ и неизмѣннымъ предстателемъ о нуждахъ сценическаго міра. Не

разсыльнымъ механической инертной исполнительности была Марія Гавріиловна въ Театральномъ Обществѣ, а истиннымъ ангеломъ-хранителемъ и заступникомъ обездоленной актерской братіи. Будучи глубоко религіознымъ человѣкомъ, Марія Гавріиловна, видимо, взяла себѣ девизомъ Евангельское изреченіе—«положить душу свою за други своя».

. . . . . .

Гордость моей жизни составляетъ то, что судьба опредѣлила мнѣ быть ближайшимъ свидѣтелемъ въ теченіе одиннадцати слишкомъ лѣтъ участія Маріи Гавріиловны въ Совѣтѣ Театральнаго Общества и ея сотрудникомъ. Вотъ это-то и побуждаетъ меня отмѣтить, хотя бы въ отрывочной формѣ, нѣкоторыя стороны и особенности ея изумительной, одухотворенной творческой работы.

Въ самомъ началѣ моей службы въ Обществѣ встрѣтилось небольшое дѣло, для благопріятнаго разрѣшенія котораго было важно, чтобы Марія Гавріиловна поѣхала въ нѣсколько мѣстъ и лично попросила. Служащая, которой было поручено это дѣло, стѣснялась безпокоить Марію Гавріиловну, зная, что по небольшому дѣлу ей придется много хлопотать, и свои опасенія доложила предсѣдателю Совѣта. Я помню, какъ меня поразилъ отвѣтъ предсѣдателя: «Напрасно вы стѣсняетесь, она—членъ Совѣта, это ея обязанность, она сама такъ смотритъ на это». И воистину это было такъ.

Всякое дѣло Театральнаго Общества она считала серьезнымъ, былъ ли это разговоръ по телефону, небольшая записка, или проведеніе большого начинанія, требовавшаго продолжительныхъ, неустанныхъ хлопотъ, или поѣздка въ Москву на Общее Собраніе или Собраніе Делегатовъ, гдѣ она всю себя, всѣ свои физическія силы и свою великую душу отдавала актерской громадѣ.

При исполненіи своихъ обязанностей по Обществу Марія Гавріиловна попадала иногда въ очень затруднительныя положенія. Во время Перваго Всероссійскаго Съѣзда сценическихъ дѣятелей въ Москвѣ она узнала, что извѣстный провинціальный актеръ В.-Д., психически больной, находится въ ужасной обстановкѣ, въ одномъ изъ притоновъ на Драчевкѣ. Она поѣхала туда, взяла его и увезла въ своей каретѣ въ лечебницу. Когда она была въ этомъ притонѣ, на нее весьма подозрительно поглядывали разныя темныя личности, а въ каретѣ она была съ глазу на глазъ съ душевнобольнымъ. И только, когда все было сдѣлано, она отдала себѣ отчетъ въ той большой опасности, какой подвергалась.

Въ этомъ притонѣ, между прочимъ, она встрѣтила стараго суфлера, совершенно опустившагося алкоголика. Марія Гавріиловна задалась цѣлью вернуть его къ нормальной жизни и работѣ. Она оказывала ему матеріальную поддержку изъ личныхъ средствъ и морально вліяла на него, ведя съ нимъ постоянную переписку. И ея старанія дали вполнѣ благопріятный результатъ.

Особенно близки ея сердцу были благотворительныя учрежденія Общества. Хотя она скромно называла себя «сверчкомъ» Убѣжища, но, въ сущности, она была альфой и омегой и Убѣжища, и Дѣтскаго Пріюта, и Пансіона для дѣтей школьнаго возраста. Она вникала во всѣ мелочи жизни этихъ учрежденій и окружала обитателей ихъ лаской, теплом и нѣжной заботой не только при жизни, но и послѣ ихъ смерти. Она обязательно возлагала вѣнокъ отъ себя на гробъ каждаго умершаго пансіонера, горячо молилась на панихидахъ и провожала гробъ пѣшкомъ до могилы.

Не менѣе вниманія удѣляла она и всѣмъ вообще актерамъ, обращавшимся къ ней или въ Театральное Общество за помощью. Здѣсь въ Маріи Гавріиловнѣ поразительно сталкивались и сочетались подчиненіе дисциплинѣ коллегіальнаго учрежденія—Совѣта и велѣнія ея золотого сердца. Ей, какъ предсѣдателю Совѣта, принадлежало право въ экстренныхъ случаяхъ самостоятельно выдавать небольшія пособія—и вотъ, часто Марія Гавріиловна звонила мнѣ по телефону, что такой-то или такая-то просятъ помощи, и спрашивала меня о ихъ правахъ на поддержку Общества, т.-е. принадлежатъ ли къ членамъ Общества, извѣстна ли ихъ сценическая

дѣятельность. Если оказывалось, что есть формальное препятствіе (въ смыслѣ требованія устава) къ оказанію помощи, то Марія Гавріиловна почти всегда говорила: «Ну, въ такомъ случаѣ я его пришлю къ вамъ, дайте за мой счетъ столько-то, только возьмите расписку отъ Театральнаго Общества, чтобы онъ думалъ, что это Общество даетъ». Въ сомнительныхъ случаяхъ она говорила: «Оставимъ до Совѣта, а пока я сама дамъ немного». Такъ же она поступала и въ засѣданіяхъ Совѣта, когда ей казалось, что назначенное пособіе недостаточно. Тогда она говорила мнѣ, доставая тайкомъ изъ кошелька деньги: «Прибавьте еще это, только не говорите, что это отъ меня». Зачастую такія прибавки превышали основное пособіе. Въ адресѣ, которымъ Совѣтъ Общества привѣтствовалъ ее въ день 35-лѣтняго юбилея, было сказано, что она въ своей жизни осушила море человѣческихъ слезъ. И это не преувеличеніе. Доступность ея для всѣхъ, имѣвшихъ къ ней дѣло, была совершенно исключительная: она отвѣчала на всѣ письма, на всѣ запросы по телефону, несмотря на то, что среди обращеній къ ней было очень много вздорныхъ, а время ея было распредѣлено по минутамъ.

Значительную часть средствъ для благотворительной дѣятельности доставляла Обществу, въ сущности, Марія Гавріиловна. Въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ она была неизмѣнной устроительницей спектаклей въ пользу Общества. Участіе выдающихся артистическихъ силъ и экстраординарныя программы обезпечивали этимъ вечерамъ большіе сборы; были года, когда чистая прибыль отъ этихъ спектаклей доходила до 40.000 р. Марія Гавріиловна являлась на нихъ и устроительницей, и режиссеромъ, и артисткой. Эти вечера требовали отъ нея огромной работы и причиняли массу волненій. То предварительная продажа билетовъ шла, по ея мнѣнію, туго, то давшіе уже согласіе отказывались отъ участія, то репетиціи не клеились, то нельзя было достать нужной обстановки, то являлось опасеніе—и это для нея было самое страшное,—что не все объщанное на афишѣ будетъ исполнено. Послѣ каждаго спектакля Театральнаго Общества отъ массы хлопотъ и потрясеній Марія Гавріиловна дѣлалась больна и заявляла, что больше она никакихъ вечеровъ устраивать не будетъ. Но проходило немного времени, и Марія Гавріиловна опять налаживала какой-нибудь спектакль-монстръ для Театральнаго Общества и опять не спала ночей отъ заботъ и тревогъ. Кромѣ сборовъ со спектаклей, Марія Гавріиловна привлекала значительныя пожертвованія въ Общество. Когда началась война, Марія Гавріиловна была очень обезпокоена тѣмъ, что нужда среди сценическихъ дѣятелей возрастетъ, а притокъ средствъ въ Общество неизбѣжно сократится. И вотъ она выхлопотала у министра Императорскаго Двора сборъ съ контрамарокъ въ Императорскихъ театрахъ—на усиленіе военнаго фонда Театральнаго Общества, предназначеннаго на оказаніе матеріальной поддержки артистамъ и ихъ семьямъ, пострадавшимъ отъ событій военнаго времени.

Широкимъ участіемъ и организаціей благотворительной дѣятельности не ограничивалась ея работа въ Обществѣ. Ей были близки всѣ начинанія Общества и всѣ его дѣла. Въ качествѣ члена Совѣта, она аккуратнѣйшимъ образомъ посѣщала всѣ засѣданія Совѣта. Однажды за $^1/_2$ часа до засѣданія выяснилось, что оно не можетъ состояться, вслѣдствіе отсутствія кворума. Я сейчасъ же сообщилъ Маріи Гавріиловнѣ по телефону объ этомъ, чтобы она не ѣздила понапрасну. Она мнѣ отвѣтила: «Лучшаго подарка вы не могли мнѣ сдѣлать: я такъ больна, что насилу встала съ постели, чтобы ѣхать въ засѣданіе. Благодарю васъ». Когда обсуждавшееся дѣло не было ей хорошо знакомо, то она, обыкновенно, внимательно слушала и только въ концѣ высказывала свое мнѣніе. Если пренія сводились къ тому, что полезно было бы обратиться къ кому-нибудь изъ власть имущихъ, то она говорила: «А вы пошлите меня, только узнайте хорошенько, кого надо просить». И ѣхала, и просила, и въ большинствѣ случаевъ добивалась успѣха. Иногда, при обсужденіи дѣла, Марія Гавріиловна не высказывала своего взгляда, какъ-будто это дѣло ее не интересовало или было ей мало понятно, а въ концѣ засѣданія говорила: «Извините, господа, что я возвращаюсь къ такому-то дѣлу, но вы рѣшили его вотъ такъ, а я думаю, что вѣдь это, пожалуй, неправильно», — и при этомъ приводила настолько вѣскія соображенія, что Совѣтъ иногда перерѣшалъ дѣло. При разрѣшеніи дѣлъ Марія Гавріиловна проявляла всегда полное безпристрастіе. Напримѣръ, когда дѣлалась нравственная характе-

ристика просителя съ отрицательной стороны, а она высказывалась за удовлетвореніе его ходатайства, члены Совѣта говорили: «Марія Гавріиловна, да вѣдь онъ и въ отношеніи васъ поступилъ въ томъ-то некорректно или непорядочно». Она отвѣчала: «Да, это вѣрно, но это къ дѣлу не относится; онъ членъ Общества, и у него есть извѣстныя права, которыя мы должны признавать».

Марія Гавріиловна была предана Театральному Обществу всей душой и, кажется, не было той жертвы, которой она не принесла бы ради его пользы и процвѣтанія. О дѣлахъ Театральнаго Общества она никогда не переставала думать, не переставала заботиться—и еще за нѣсколько дней передъ смертью, уже больная, прикованная къ постели, она вызвала меня «по спѣшному дѣлу» и съ волненіемъ разспрашивала о положеніи, въ какомъ находится вопросъ о Съѣздѣ дѣятелей народнаго театра, и удастся ли его устроить, при создавшихся условіяхъ. И, конечно, много говорила о благотворительныхъ учрежденіяхъ: ее сильно безпокоили ихъ бюджеты въ виду все возрастающей дороговизны продуктовъ.

Въ своей общественной дѣятельности Марія Гавріиловна поднялась до недосягаемой для обыкновенныхъ людей высоты, гдѣ служеніе человѣчеству обращается въ подвигъ. Этотъ великій, прекрасный подвигъ она совершала всю свою жизнь.

К. Витарскій.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ АРТИСТКИ И ИСТИННАГО ЧЕЛОВѢКА.

I.

Близъ церкви Убѣжища, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ алтаря, подъ сѣнью деревъ, возвышается зеленая могила, украшенная цвѣтами, съ воздвигнутымъ на ней крестомъ, къ которому прикрѣплена зажженная лампада предъ иконой. На крестѣ Евангельская надпись: «Больше сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя». Эта могила великой и заслуженной артистки Маріи Гавріиловны Савиной. Евангельская надпись, начертанная на крестѣ, глубокоправдиво говоритъ о томъ, что́ ее сдѣлало великой и славной. Любовь къ ближнимъ, дарованная Богомъ вмѣстѣ съ земной жизнью, не была скрыта, но, нестѣсняемая, свободно росла и сдѣлалась, подобно горчичному сѣмени, большимъ плодоноснымъ деревомъ, въ вѣтвяхъ котораго многіе находили себѣ отдыхъ. Жизнь, проникнутая и свѣтящаяся божественной любовью, создала изъ нея великаго и истиннаго человѣка.

Какъ артистка, она была «солнцемъ русской сцены», освѣщая и согрѣвая сердца людей и внося въ нихъ животворящія искры. Она бросала сѣмена познанія любви и истины въ сердца людей; и произрастутъ эти сѣмена, и дадутъ роскошные плоды, такъ какъ посѣвъ былъ отъ великой учительницы.

Значеніе Маріи Гавріиловны въ общественной жизни было громадно. Она состояла однимъ изъ первыхъ главныхъ учредителей Театральнаго Общества; была «собирательницей актерской земли» и создавала Общество, зная, что «въ единеніи сила». Потеря Маріи Гавріиловны для Общества и для актерской семьи чрезвычайно тяжела; много любви, энергіи и труда вложила Марія Гавріиловна для созиданія актерской соединенной силы, которая бы опиралась на свой душевный складъ, и, какъ предсѣдатель Общества, ревностно во всѣхъ отношеніяхъ защищала актерское дѣло.

Она была «печальницей актерскаго горя» и всѣхъ обездоленныхъ и слабыхъ. При ея рѣдкой отзывчивости къ человѣческому горю, каждый, обращавшійся къ ней, уходилъ удовлетвореннымъ и съ просвѣтленной душой отъ ея сердечности. Она была въ числѣ главныхъ создателей Убѣжища, гдѣ сценическіе дѣятели, неспособные отъ старости и болѣзни къ труду, нашли себѣ вполнѣ обезпеченное отъ матеріальныхъ заботъ существованіе, и гдѣ есть полная

возможность, при имѣніи въ Убѣжищѣ храма, прибѣгать къ Богу, чтобы тихо встрѣтить грядущую смерть. Пріютъ и Пансіонъ также возникли и выросли при ея благожелательномъ попеченіи. Всѣ ея заботы о дѣтяхъ были направлены на воспитаніе въ нихъ для Россіи честныхъ людей.

Много слезъ, горя и печали вызвала смерть Маріи Гавріиловны. Ея уже нѣтъ на землѣ. Но это понятіе человѣческое—въ истинномъ же христіанскомъ понятіи она живетъ, перейдя отъ смерти въ жизнь. О томъ, что она живетъ, говорятъ намъ тѣ божественныя искры жизни и тѣ сѣмена любви, которыя она отдавала людямъ съ неизмѣримой щедростью; говоритъ ея истинно и высоко честная дѣятельность, которая чистой и живой струей любви проникала въ души людей; говорятъ добрыя дѣла, сдѣланныя ею, которыя умиротворяли людскія сердца. Всѣ блага, проявленныя ею, говорятъ не о смерти, а о жизни, такъ какъ они побуждали людей къ познанію истины и любви. Любовь, та вѣчная основа, которой была наполнена живая душа ея, была свято сохранена ею, и эта любовь возвышала ея душу и по прямому пути направляла ее къ престолу Бога. Душа ея теперь находится въ той безпредѣльности и вѣчности, гдѣ властвуетъ одинъ Всевышній Богъ, полный безконечной любви. И намъ, знавшимъ ее и благодарнымъ ей, остается только молиться Всевышнему о пребываніи ея души въ «селеніи праведныхъ».

Здѣсь, на землѣ, она совершила все, что должно и нужно совершить великому духомъ человѣку.

Глубокая благодарность и низкій поклонъ славной и доброй Маріи Гавріиловнѣ. Да будетъ вѣчная память великому и истинному человѣку!

Пансіонеръ.

II.

Сильное, потрясающее горе обрушилось на Пансіонъ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества. Скончалась почетная попечительница его М. Г. Савина. Велика печаль всего Пансіона!

Марія Гавріиловна своимъ неусыпнымъ попеченіемъ и материнскими заботами вліяла на Пансіонъ самымъ благотворнымъ образомъ. Говорить о матеріальномъ положеніи Пансіона, конечно, не приходится, такъ какъ съ этой стороны воспитанники были обезпечены всѣмъ...

Самымъ главнымъ стремленіемъ Маріи Гавріиловны было направить воспитаніе въ духѣ ученія Христа, которое Марія Гавріиловна считала краеугольнымъ камнемъ въ человѣческой жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Марія Гавріиловна тщательно заботилась объ образованіи воспитанниковъ. Всѣ воспитанники бывали всегда размѣщены въ среднія учебныя заведенія. Она интересовалась успѣхами ихъ и весьма радовалась ихъ прилежанію. Дѣти знали это и старались сдѣлать пріятное ей. А когда воспитанники оканчивали курсъ, Марія Гавріиловна прилагала старанія, чтобы дать имъ дальнѣйшее образованіе, при этомъ помогала имъ и изъ своихъ средствъ. Заботясь объ умственномъ развитіи, Марія Гавріиловна за свой счетъ составила небольшую библіотеку. По праздничнымъ днямъ, при посредствѣ Маріи Гавріиловны, воспитанники бывали на утренникахъ спектакляхъ, когда давались классическія пьесы. Съ наступленіемъ весны Марія Гавріиловна начинала заботиться о томъ, чтобы предоставить воспитанникамъ Пансіона возможность уѣхать въ глубь Россіи, гдѣ они могли бы ознакомиться съ красотой природы, разнообразными богатствами страны, условіями жизни и бытомъ народа. Съ этой цѣлью ею были организованы три экскурсіи: одна—по Волгѣ, другая—по Кавказу и Крыму и третья—въ деревню Саратовской губерніи. Обязательнымъ условіемъ послѣдней поѣздки была помощь воспитанниковъ, насколько возможно, крестьянамъ.

Развивая въ дѣтяхъ любовь къ родинѣ, Марія Гавріиловна съ наступленіемъ войны могла видѣть плоды своихъ стремленій и заботъ въ этомъ направленіи: три окончившихъ

курсъ воспитанника, по собственному желанію, поступили на военную службу; изъ нихъ одинъ уже офицеръ, участвовалъ въ бояхъ и былъ раненъ.

При громадной наблюдательности Маріи Гавріиловны, ничто въ Пансіонѣ не ускользало отъ ея вниманія. По слову, взгляду и намеку она понимала и улавливала все и съ любовью входила сама во всѣ мелочи со своими мудрыми совѣтами и реальной помощью. Руководясь словами Спасителя: «Блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ», Марія Гавріиловна была всегда одинаково внимательна ко всѣмъ дѣтямъ, одинаково добра и полна любви. Когда нынѣшнимъ лѣтомъ уѣзжали въ деревню, Марія Гавріиловна пріѣхала на вокзалъ проводить воспитанниковъ и благословила каждаго изъ нихъ на доброе дѣло—посильную съ ихъ стороны помощь крестьянамъ. Ея любовь и доброта очень цѣнились воспитанниками. Одинъ изъ нихъ вполнѣ сознательно сказалъ: «Имя Маріи Гавріиловны для меня священно»; другіе же говорили, что любовь и доброта Маріи Гавріиловны служатъ для нихъ живымъ примѣромъ.

Вполнѣ ясно, что въ такой доброй и любящей попечительницѣ, стремившейся всѣмъ сердцемъ къ тому, чтобы создать честныхъ и достойныхъ людей, Пансіонъ понесъ незамѣнимую утрату. Воспитанники потеряли, по ихъ словамъ, родную мать, такъ какъ воспитывались въ Театральномъ Обществѣ съ малыхъ лѣтъ—и Марія Гавріиловна все время любила ихъ, заботилась о нихъ. Печаль ихъ по Маріи Гавріиловнѣ велика. Съ глубокой признательностью вспоминаютъ они ее.

А. Ш.

ВО ИМЯ ЛЮБВИ КЪ БЛИЖНЕМУ.

Невыразимую утрату понесъ русскій театральный міръ въ смерти великой артистки Маріи Гавріиловны Савиной. Съ ней онъ потерялъ одухотворенную и душу людей животворившую артистку, и, вмѣстѣ съ этимъ, потерялъ добраго, сердечнаго и людей любившаго человѣка. Всѣмъ нуждавшимся въ театральномъ мірѣ это слишкомъ хорошо извѣстно. Въ актерской семьѣ было обычнымъ: кто нуждался, тотъ обращался къ Маріи Гавріиловнѣ. Я на себѣ испыталъ это въ критическихъ случаяхъ моей жизни. Имя Маріи Гавріиловны всѣмъ артистическимъ міромъ вспоминается съ глубочайшей признательностью и благодарностью. Убѣжище, Пансіонъ и Пріютъ Театральнаго Общества, созданные при ея содѣйствіи, неизмѣнно пользовались ея особымъ сердечнымъ вниманіемъ. Здѣсь всегда витала ея любовь.

Доброта почившей Маріи Гавріиловны была безгранична. Она была вся проникнута ею—и творила добро всю свою жизнь. Гдѣ была нужда и бѣдность, тамъ было участіе и помощь Маріи Гавріиловны Савиной. На что была способна, побуждаемая любовью, Марія Гавріиловна, можетъ служить слѣдующій характерный фактъ.

Покойный теперь, извѣстный артистъ И. Н. Варшавскій-Долинъ, вслѣдствіе болѣзни и другихъ, совершенно независимыхъ отъ него, причинъ, былъ въ весьма тяжеломъ положеніи. Израсходовавъ положительно все, что имѣлъ, онъ ютился въ дешевыхъ меблированныхъ комнатахъ «Версаль», на Драчевкѣ, въ Москвѣ. Обитатели этихъ номеровъ были люди разныхъ темныхъ и непристойныхъ занятій. У Варшавскаго-Долина обнаружился туберкулезъ легкихъ и прогрессивный параличъ. Существовать было совершенно не на что. Тогда жившій съ нимъ Черняевъ извѣстилъ о бѣдственномъ и болѣзненномъ состояніи Варшавскаго-Долина товарища предсѣдателя происходившаго въ то время (1897 г.) Перваго Всероссійскаго Съѣзда сценическихъ дѣятелей—А. Д. Лаврова-Орловскаго. Послѣдній сообщилъ Маріи Гавріиловнѣ—и она приняла горячее и живое участіе. Въ тотъ же день А. Д. Лавровъ-Орловскій былъ у И. Н. Варшавскаго-Долина съ денежной помощью; а на другой день, въ ужасную погоду, поздно вечеромъ, подъ день Благовѣщенія, явилась сама М. Г. Савина. Она, пользовавшаяся громадной извѣстностью и занимавшая первенствующее положеніе въ русскомъ

театральномъ мірѣ и въ Императорскомъ театрѣ, явилась лично на помощь къ больному и теперь безсильному человѣку, явилась въ трущобу, гдѣ ютился не только впавшій въ крайнюю бѣдность, но и преступный людъ. Марія Гавріиловна сдѣлала все. И. П. Варпаховскій-Долинъ былъ перевезенъ въ отдѣльную комнату Бахрушинской больницы, а оттуда въ Московскую Университетскую Клинику, въ отдѣленіе душевнобольныхъ, гдѣ и кончилъ въ маѣ мѣсяцѣ 1897 года свои дни, пользуясь услугами лучшихъ врачей, матеріальнымъ довольствомъ, покоемъ и хорошимъ уходомъ.

Пріѣздъ на Драчевку къ забытому всѣми артисту знаменателенъ для показанія любви Маріи Гавріиловны къ людямъ. Великая артистка и женщина, нисколько не думая о томъ, что въ подобномъ мѣстѣ она легко могла подвергнуться обидѣ и оскорбленію, отправляется въ улицу съ самой отвратительной репутаціей въ Москвѣ, въ грязные номера, съ одной цѣлью: спасти человѣка.

Ив. Фаворскій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПАНСІОНЕРОВЪ УБѢЖИЩА.

Въ 70 годахъ я служила лѣтній сезонъ въ Калугѣ у Воронина. Режиссеромъ былъ мой братъ Я. И. Владиміровъ. Онъ долженъ былъ уѣхать въ Нижній на ярмарку, и вмѣсто него выписали Савина. Когда послѣдній пріѣхалъ, то оказалось, что онъ 8 дней женатъ, и пріѣхалъ съ женой—Маріей Гавріиловной. Дебютировала она въ «Бѣдовой бабушкѣ» и нѣкоторое время играла только инженю-комикъ. Но въ пьесѣ «Дѣтскій докторъ» ей пришлось играть инженю-драматикъ—Люси. Когда въ сценѣ дуэли она убиваетъ своего отца, то одной этой сценой она потрясла весь театръ и всѣхъ насъ. До сихъ поръ она у меня стоитъ передъ глазами съ ея игрой лица. То же самое было въ «Ошибкахъ молодости», гдѣ она играла Надю и имѣла такой успѣхъ, что пьесу повторили на той же недѣлѣ, что въ провинціи—рѣдкость. Въ «Василисѣ Мелентьевой» она играла царицу Анну, а я мамку. Когда мнѣ пришлось говорить: «Царица, матушка, отъ горькихъ слезъ завянутъ твои очи»,—я, невольно, такъ заглядѣлась на ея глаза и, вообще, на ея мимику, что сбилась: забыла, что дальше говорить. Въ августѣ пріѣхали къ намъ опереточная примадонна Сабурова и Бураковскій. Поставили «Прекрасную Елену» и «Орфея въ аду». Въ первой—М. Г. играла Ореста, во второй—Купидона. Публика была поражена ея разнообразнымъ талантомъ,—такъ была хороша М. Г. въ этихъ роляхъ. Надо замѣтить, что въ то время намъ обѣимъ было по 16 лѣтъ. Мы съ М. Г. одѣвались въ одной уборной, и она меня причесывала. По молодости лѣтъ, мы, бывало, иногда поссоримся и не разговариваемъ. Но, тѣмъ не менѣе, М. Г. подходила и безъ всякихъ разговоровъ причесывала меня. Таково было у нея тогда уже отношеніе къ дѣлу и товарищамъ. По окончаніи зимняго сезона, я вышла замужъ, и мнѣ памятно, что вѣнчалась я въ цвѣтахъ и въ вуали М. Г.—купить не было средствъ.

Въ то же лѣто и М. Г., и я на ярмарочный сезонъ уѣхали въ Нижній, къ Смолькову, а послѣ того мы встрѣтились съ ней уже на Первомъ Съѣздѣ (въ 1897 г.). Въ 1885 году я сильно заболѣла и почти два года не служила. Когда я все пролечила,—написала М. Г., и на шестой же день получила отъ нея 50 р. Черезъ мѣсяцъ послѣ того явился ко мнѣ Гаринъ-Виндингъ и привезъ еще 25 р. Ея доброта и отзывчивость очень были мнѣ дороги.

Итакъ, много лѣтъ мнѣ пришлось только читать и слышать о ней, какъ о большой артисткѣ, но не видѣть. Уже будучи въ Убѣжищѣ, я, наконецъ, увидала ее на сценѣ въ «Холопахъ» и «Передъ зарей».—и увидала въ ней опять новую, но чудную, великую актрису.

Когда скончалась М. Г., я была въ отъѣздѣ и только по газетамъ узнала о нашемъ глубокомъ несчастьѣ. Меня очень огорчило, что я не успѣла попасть на похороны. Всѣ товарищи по Убѣжищу были счастливѣе меня, они видѣли ее въ гробу, могли быть около нея хоть цѣ-

лую ночь. До сихъ поръ не могу примириться съ ея смертью! Мы съ нею потеряли все! Многіе изъ насъ повторяютъ, что мы по второму разу потеряли мать. Одно утѣшеніе, что ея дорогая могила всегда при насъ.

М. И. Кириллова.

Въ 1887 году, въ Воронежѣ, во время гастрольной поѣздки Маріи Гавріиловны по Россіи, я впервые увидѣла ее на сценѣ.

Слышала я о ней, какъ о великой артисткѣ, очень много, но то, что я увидала, превзошло всѣ мои ожиданія...

Въ труппѣ были знакомые артисты, и они много и подробно разсказывали о М. Г., какъ о чудномъ человѣкѣ и товарищѣ, — товарищѣ, поддерживающемъ престижъ своей труппы передъ публикой.

— Вы приглашаете меня къ себѣ на вечеръ,—обыкновенно говорила она,—хорошо, я съ труппой буду... И такъ всегда и вездѣ.

Я этотъ примѣръ привела потому, что не всѣ гастролеры-знаменитости относятся по-товарищески къ своимъ труппамъ. Позже я сама участвовала въ гастрольныхъ поѣздкахъ со знаменитостями, но обыкновенно гастролеры отдѣляли себя отъ труппы. Участники же поѣздокъ съ М. Г. всегда ее вспоминали, какъ хорошаго товарища.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше приходилось слышать о добротѣ и чуткости М. Г.

Пришелъ 1897 годъ,—годъ Перваго Съѣзда сценическихъ дѣятелей въ Москвѣ,—тутъ уже широко развернулась дѣятельность М. Г., и какъ учредительницы Р. Т. О., и какъ доброй и сердечной женщины: гдѣ больные или нуждающіеся—тамъ Марія Гавріиловна.

Зашла я какъ-то навѣстить Екатерину Герасимовну Медвѣдеву (первая жена П. М. Медвѣдева); у нея сидѣла М. В. Измайлова, которая изъ Кіева направлялась въ Петербургъ, въ Убѣжище... И вотъ эти двѣ старушки все время говорили о М. Г... Измайлова разсказывала, что въ своихъ ласковыхъ письмахъ М. Г. уговаривала ее ѣхать въ Убѣжище, гдѣ будетъ и покой, и уходъ. Медвѣдева говорила, что, несмотря на то, что М. Г. достигла такого высокаго положенія, она все же осталась простой и доступной прежнимъ своимъ сослуживцамъ, всегда оказывала помощь—и даже тамъ, гдѣ казалось невозможнымъ что-либо сдѣлать. При этомъ она разсказала такой случай. У дочери Е. Г. заболѣла дочь; необходимо было ее помѣстить въ больницу, но куда ни обращались—не принимаютъ. Родители были въ отчаяніи... Услыхала объ этомъ во время репетиціи М. Г. и уѣхала изъ театра. Черезъ часъ вернулась и обрадовала родителей, что мѣсто въ больницѣ для больного ребенка нашла.

Онѣ говорили... А я слушала, и во мнѣ росло большое, хорошее чувство къ сердечному доброму человѣку.

Прошло одиннадцать лѣтъ. Въ Москвѣ, на похоронахъ И. О. Пальмина, А. Е. Молчановъ имѣлъ возможность убѣдиться въ болѣзненномъ состояніи моего мужа, ободрилъ его и обѣщалъ устроить ему необходимый покой. Скоро послѣ этого свиданія мужа помѣстили въ Убѣжище, а мнѣ разрѣшили лично ухаживать за больнымъ. Все это совершилось, конечно, при содѣйствіи Маріи Гавріиловны.

Черезъ нѣкоторое время, послѣ нашего сюда пріѣзда, въ Убѣжище пріѣхала М. Г. и пришла повидать новаго пансіонера,—моего мужа. Стукъ въ дверь—и вошла М. Г. Наконецъ-то я увидала ее близко и познакомилась съ нею. М. Г. сразу поняла, какъ слабъ больной, и стала подбадривать и успокаивать его, говоря, что онъ здѣсь отдохнетъ, поправится и окрѣпнетъ... Слова М. Г., ея ласковое обращеніе и сердечная мягкость очень хорошо подѣйствовали на мужа, онъ повеселѣлъ и пріободрился немного. А затѣмъ, пріѣзжая довольно часто въ Убѣжище, М. Г. каждый разъ заботливо спрашивала мужа, какъ ему живется и какъ онъ себя чувствуетъ. Жилось хорошо, но болѣзнь усиливалась довольно быстро...

25-го декабря 1908 года, въ первый день Р. Х., у насъ готовились къ концерту, который М. Г. ежегодно устраивала въ этотъ день для пансіонеровъ. Около трехъ часовъ дня мой мужъ внезапно потерялъ сознаніе. М. Г., узнавъ объ этомъ, начала по телефону всѣмъ участвующимъ въ концертѣ отказывать, справляясь въ то же время, что происходитъ у насъ.

Въ 6 часовъ вечера мужъ скончался. Тутъ я уже лично на себѣ испытала всю доброту и ласку дорогой М. Г. Она сейчасъ же пришла и начала утѣшать меня. Что она говорила, я не помню, но до сихъ поръ чувствую, какъ она обняла меня и прижала къ себѣ. Какъ исключительно чуткая натура, она поняла мое состояніе и согрѣла меня лаской нѣжной матери. Такого отношенія не забыть мнѣ никогда.

Всѣ послѣдующія мои встрѣчи съ М. Г. были въ тяжелыя для меня минуты, и она всегда отзывалась на мои горести. Безъ работы я,—М. Г. устроила мнѣ на великій постъ работу въ Московскомъ Бюро. Лежала я въ клиникѣ послѣ тяжелой операціи,—неожиданно пріѣхалъ навѣстить меня К. К. Витарскій съ супругой и говоритъ, что М. Г. просила справиться, какъ мое здоровье? Какъ я была тронута и пріятно обрадована такимъ вниманіемъ М. Г.,—передать не могу.

Послѣ операціи мнѣ необходимо было леченіе въ Ессентукахъ. Но гдѣ же мнѣ было думать объ этомъ, когда я находилась безъ службы? Однако, М. Г., узнавъ, что мнѣ для возстановленія силъ нужно пройти курсъ леченія, и именно лѣтомъ, предоставила мнѣ такую возможность. Она устроила меня въ санаторіи на іюнь-іюль и заботливо, съ особой добротой и вниманіемъ отнеслась ко мнѣ: сначала написала, чтобы я выѣзжала къ 20-му іюня, потомъ телеграммой извѣстила, что только къ 22-му.

Пріѣхала я въ Ессентуки 22-го и на слѣдующій день пошла къ М. Г. Но она была больна и не принимала. Однако, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, въ тотъ же день вечеромъ прислала записку:

«Очень буду рада Васъ видѣть, милая А. В., и прошу зайти завтра до часу дня. Хвораю десятый день и недѣлю пролежала въ постели. Ждала извѣстій отъ Васъ еще 22-го. М. Савина. Санаторій Азау, № 25».

Въ назначенный часъ я была у М. Г. и нашла ее совсѣмъ больной. Она ужасно кашляла, но, несмотря на свою болѣзнь, встрѣтила меня ласково и привѣтливо, разспрашивала, какъ я устроилась и какъ мнѣ живется въ санаторіи, внимательно ли относятся.

Заботилась М. Г. о насъ трехъ артисткахъ, находившихся тогда въ санаторіи, постоянно—и не только въ отношеніи нашей жизни тамъ, но и о нашихъ развлеченіяхъ. Она выпросила у антрепренера театра для насъ сезонныя контрамарки, потому сезонныя, чтобы мы лишній разъ не безпокоились обращаться къ антрепренеру, — да, «чтобы мы не безпокоились», а сама она больная все думала о насъ и заботилась.

Заходила я къ М. Г. довольно часто. Болѣзнь ея затянулась, и отъѣздъ все откладывался. Каждый разъ, когда я заходила, то узнавала, что ее положительно осаждали всякими просьбами, больше все денежными. Былъ такой случай. Какой-то мужчина, кажется, даже и не артистъ, остановилъ М. Г. въ паркѣ и говоритъ: «Вы—Савина, у васъ не можетъ не быть 100 р., я боленъ, у меня семья, и вы должны мнѣ ихъ дать въ помощь»... Ну, она дала 100 р. Я ее спросила: «Да какъ же это такъ?» А М. Г. отвѣтила: «Вѣдь не могу же я сказать, что у меня нѣтъ 100 р.,—дала, а теперь изъ дому выписываю деньги».

Снова увидала я М. Г. 1-го октября въ Убѣжищѣ. Больная и потерявшая надежду получить службу, я рѣшила обратиться къ ней съ просьбой устроить меня въ Убѣжищѣ. Тяжело мнѣ было снова безпокоить М. Г., но была вынуждена сдѣлать это. Подошла къ ней и говорю: «Мнѣ надо поговорить съ вами». М. Г. увела меня къ окну въ читальнѣ, усадила и начала спрашивать, что случилось и что она должна сдѣлать... Я могла только сказать: «Больна, на службу не берутъ, примите въ Убѣжище»... — «Милая Аркушенька (въ первый разъ она меня такъ назвала), не волнуйтесь, успокойтесь, я это знала, думала, что такъ будетъ, и до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока не устрою васъ здѣсь. Успокойтесь!»... Поцѣловала меня—и разговоръ окончился.

Изъ всего сказаннаго видно, какъ много М. Г. дѣлала для несчастныхъ и больныхъ. Кто-кто, а больные и обездоленные потеряли въ М. Г. самую чуткую и заботливую мать; она умѣла, заботясь о медицинской помощи, дать и громадную моральную поддержку, успокоить, приласкать, пригрѣть одинокихъ.

А. В. Аркунина.

Послѣдній годъ своей 40-лѣтней сценической дѣятельности я служила въ городѣ Владимірѣ. Покойная сестра два года, какъ оставила, по болѣзни, службу. Но и мое здоровье приходило въ полный упадокъ; мнѣ тяжело было работать.

Мы послали прошеніе въ Совѣтъ Театральнаго Общества о принятіи насъ въ Убѣжище. И вотъ, во время репетиціи, я получаю отвѣтъ изъ Совѣта Т. О.: «Вы и сестра приняты въ Убѣжище, пріѣзжайте; ваши койки готовы». Слово «койки» такъ на меня подѣйствовало, что я ушла въ темную ложу и долго-долго горько плакала. «Койки»—это какъ въ богадѣльняхъ и больницахъ: большая комната, и въ ней все койка и столикъ, койка и столикъ. Значитъ, всю остальную жизнь,—думала я,—и намъ придется доживать «на койкѣ у столика». И мнѣ невыразимо стало жаль театра. Я такъ любила его, и вотъ въ будущемъ... «койка и столикъ». Придя домой, я не показала сестрѣ письма, боясь, что ее, больную, сильно взволнуетъ, и отложила до утра. Сама всю ночь не спала, меня терзали «койки». На другой день, прочтя письмо, сестра перекрестилась и сказала: «Слава Богу». Она была очень рада. Я о своихъ тревогахъ ничего ей не сказала. Да онѣ и напрасны были.

Пріѣхавъ въ Убѣжище, мы сразу попали, какъ въ родную семью, насъ радушно встрѣтили наши старинныя знакомыя пансіонерки, съ которыми мы служили нѣсколько разъ, а двѣ изъ нихъ меня знали еще ребенкомъ. На другой день пріѣхала въ Убѣжище Марія Гавріиловна и привѣтливо, ласково встрѣтила насъ: «Комната ваша готова, располагайтесь поудобнѣе; если что нужно, скажите мнѣ». И сейчасъ же предложила которой-нибудь изъ насъ быть ея стипендіаткой. Я говорю: «Возьмите меня», она улыбнулась, протянула мнѣ руку и говоритъ: «Очень рада». Итакъ, всѣ «страшныя койки» пронали. Мы у тихой пристани, подъ крылышкомъ самой Маріи Гавріиловны.

Когда я узнала ее ближе, — искренно полюбила ее, преклонялась передъ ея умомъ, добротой, необыкновенной отзывчивостью на всякое горе. Когда она уѣзжала на гастроли, не только въ Россію, но и за границу, то и среди тріумфовъ не забывала «своихъ дѣтей», какъ она называла насъ, стариковъ, писала намъ, поручала, чтобы навѣщали насъ.

Когда былъ готовъ свой домъ, на Петровскомъ островѣ, туда перевели Убѣжище. Пансіонеровъ было 14 человѣкъ,—десять женщинъ и четверо мужчинъ. Жили дружно, хорошо, только жалѣли, что церковь далеко.

Скоро началась постройка большого дома. Марія Гавріиловна и Анатолій Евграфовичъ много заботъ положили въ это устройство. Если бы не они, большого дома и теперь, вѣроятно, еще не было бы. А. Е. каждый день пріѣзжалъ на постройку и, несмотря на погоду, проводилъ здѣсь по нѣскольку часовъ. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ мы ожидали окончанія постройки дома, особенно освященія церкви. Наконецъ, дождались. Имѣть свою церковь, куда можно ходить, несмотря ни на какую погоду, это великая радость. Моя бѣдная сестра уже нѣсколько лѣтъ не могла ходить. Марія Гавріиловна прислала отличное кресло, чтобы ее можно было возить... И всѣмъ-то, всѣмъ мы обязаны А. Е. и М. Г.

Имѣя свою близкую семью, они, однако, Свѣтлый праздникъ встрѣчали съ нами, въ Убѣжищѣ. У Маріи Гавріиловны былъ одинъ свободный вечеръ, въ первый день Рождества, она и тотъ проводила съ нами: устраивала роскошные концерты, съ участіемъ Императорскихъ премьеровъ, оперныхъ и драматическихъ, и сама участвовала. Стараясь разсѣять нашу однообразную жизнь, она присылала ложи въ театръ. Иногда пріѣзжала сама къ намъ—посидѣть вечерокъ. Ея пріѣздъ бывалъ для насъ всегда настоящимъ праздникомъ. Послѣ кончины моей любимой сестры, я не считала себя совсѣмъ покинутой, одинокой, — у меня оставалась

моя Марія Гавріиловна, которая своей добротой и вниманіемъ старалась облегчить мое горе. И вдругъ... совершенно неожиданно, она сама покинула насъ... Я только что проснулась, слышу въ столовой особенно громкій говоръ, какіе-то возгласы, кто-то плачетъ...—Что же, думаю, случилось? Входитъ ко мнѣ одна пансіонерка въ слезахъ, едва держится на ногахъ, говоритъ съ отчаяніемъ:

Горе! Какое горе у насъ!..

Я перепугалась, спрашиваю:

Что случилось?!

Марія Гавріиловна...

Что?.. Опасно больна?..

Хуже...

Умираетъ?..

— Хуже!.. Хуже!.. Умерла...

Я только перекрестилась... Ничего не могла сказать. Я не могу громко, словами, выражать радость и горе, какъ бы велико отчаяніе ни было. Не могу плакать... Но какъ тяжело... молчать! М. Г. была послѣдняя моя привязанность къ жизни—и ее не стало... Я совсѣмъ осиротѣла!.. Осиротѣло и Убѣжище... Закатилось наше солнышко, какъ мы ее звали. Но она все-таки не захотѣла совсѣмъ покинуть насъ, оставила намъ свою могилку. Изъ оконъ столовой и коридоровъ мы видимъ холмикъ, покрытый снѣгомъ и цвѣтами. Нѣсколько разъ въ день невольно тянетъ къ окну посмотрѣть на холмикъ, а вечеромъ огонекъ мерцаетъ передъ образомъ на крестѣ.

Спи, моя родная, спи, любимая, незабвенная!

Можетъ быть, до скораго свиданія...

А. А. Александрова.

Въ 1903 году я поступила въ Убѣжище. Лично Анатолія Евграфовича и Марію Гавріиловну—не знала. Черезъ нѣсколько дней они пріѣхали къ намъ. Въ первую минуту мнѣ сдѣлалось страшно, но когда я ихъ увидала и поговорила съ ними,—робость прошла: они приняли меня ласково, какъ старые мои друзья, и, когда они уѣхали, какое-то родственное чувство осталось у меня къ нимъ.

Въ скоромъ времени я очень заболѣла, и нашъ докторъ сказалъ, что меня вылечить нельзя. Я стала просить, чтобы отправили въ больницу. Тогда Марія Гавріиловна привезла своего доктора, Н. С. Каннегиссера. Онъ осмотрѣлъ меня и, когда призналъ, что необходима операція, Марія Гавріиловна отправила меня въ Гинекологическій Институтъ. Вечеромъ мнѣ сдѣлали операцію, а на другой день пріѣхала М. Г. и позаботилась, чтобы мнѣ ни въ чемъ не было нужды. И не разъ навѣщала меня, а если сама не могла пріѣхать, то справлялась по телефону о здоровьѣ.

Когда я стала поправляться, и докторъ сказалъ, что мнѣ нуженъ воздухъ, Марія Гавріиловна пріѣзжала за мной и возила меня кататься. Черезъ мѣсяцъ меня выписали изъ больницы, и Марія Гавріиловна пріѣхала, чтобы отвезти въ Убѣжище. Увидя, что на мнѣ короткая шубенка (было очень холодно), она закутала меня въ свою ротонду и везла, какъ ребенка. Тотъ же докторъ Каннегиссеръ посовѣтовалъ лѣтомъ отправить меня въ Старую Руссу. Никакой возможности ѣхать, конечно, у меня не было, но М. Г. позаботилась обо мнѣ, и я провела сезонъ въ Старой Руссѣ. Когда я пріѣхала, Марія Гавріиловна была уже тамъ, и комната для меня была приготовлена. На новоселье прислала закусокъ, вина и даже цвѣтовъ и заботилась обо мнѣ, какъ родная мать.

Развѣ можно забыть, сколько заботъ, сколько благодѣяній она оказывала намъ? Она являлась, какъ солнышко,—увидишь ее и забываешь горе, какое у тебя есть: она умѣла всѣхъ согрѣть и приласкать. А теперь закатилось наше солнышко, кругомъ

темно и грустно, тоска невыносимая. Осиротѣли мы, старики! Осталась только ея дорогая могилка съ нами: придешь, поплачешь надъ ней о своей горькой, одинокой старческой жизни.

Память о Маріи Гавріиловнѣ, какъ о родной матери, до послѣднихъ дней моей жизни будетъ жить въ моемъ сердцѣ.

В. С. Горская.

Познакомилась я съ Маріей Гавріиловной только въ Убѣжищѣ. Однако, она, и не зная меня, проявляла свою доброту и благосклонность. Мнѣ очень хотѣлось своего сына, офицера, назначеннаго въ Царство Польское, перевести въ Москву. Я объѣздила разныхъ генераловъ и полковыхъ командировъ, но ничего не добилась. Тогда надумала написать и «нашему генералу»—Маріи Гавріиловнѣ. Мой сынъ вскорѣ былъ переведенъ въ Москву въ гренадеры, что было сопряжено съ большими трудностями.

Этимъ случаемъ я хочу установить, что мы въ нашемъ театральномъ мірѣ всегда въ крайнемъ случаѣ, по всякому поводу, инстинктивно хватались за М. Г., зная, что она, если можетъ, сдѣлаетъ.

Живя въ Убѣжищѣ, меня постоянно трогало и даже изумляло, что М. Г. никогда никому не отказываетъ въ самыхъ разнообразныхъ просьбахъ.

Послѣ ея кончины, принимаясь за свою любимую работу — вышиваніе, я подумала: кто же теперь будетъ у меня брать мою работу? Дорогая покойница не только никогда не отказывалась ее покупать, но всегда поощряла работать, кто что можетъ, считаясь и съ однообразіемъ нашей жизни и съ тѣмъ, что лишняя копѣйка намъ всѣмъ нужна. Когда въ силу обстоятельствъ приходилось дѣлать какую-нибудь экономію въ нашемъ содержаніи, М. Г. при каждомъ удобномъ случаѣ присылала отъ себя или отъ А. Е. необходимое.

Помню, какъ былъ тронутъ мой умирающій мужъ, когда М. Г., узнавъ отъ завѣдующей Убѣжищемъ, что онъ зябнетъ, въ тотъ же день купила и прислала ему прекрасное теплое одѣяло.

Можетъ быть, кому-либо все это покажется мелочами, но въ нашемъ теперешнемъ положеніи эти мелочи очень дороги.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти М. Г. я получила письмо отъ моей сестры, захолустной помѣщицы, которая и о театрѣ-то имѣетъ слабое понятіе. Она писала: «Всѣ эти дни только и говоримъ, что о тебѣ, какъ теперь будете всѣ вы жить безъ Савиной?»

Послѣдніе два года—лѣтомъ я гостила въ многочисленной семьѣ сестры, у нея въ деревнѣ, и ясно, какое они вынесли впечатлѣніе изъ нашихъ разговоровъ съ моей дочерью о житьѣ-бытьѣ въ Убѣжищѣ и объ отношеніи къ намъ Маріи Гавріиловны. Я на это ей отвѣтила: «Да, мы потеряли мать и сестру, и какъ будемъ жить—не знаю».

А. Г. Волховская.

Не имѣла я счастья играть съ дорогой Маріей Гавріиловной. Но много слышала о ней, какъ о великомъ талантѣ и человѣкѣ прекрасной души, отзывчивой, много помогавшей бѣднымъ семьямъ провинціальныхъ артистовъ и новичкамъ на сценѣ.

Какъ-то я съ труппой была проѣздомъ въ Варшавѣ, гдѣ въ то время гастролировала М. Г. Савина. Мы пошли въ театръ, и я впервые увидала М. Г. Она играла Вѣрочку въ пьесѣ Тургенева «Мѣсяцъ въ деревнѣ». Моему восторгу не было конца.

Прошло много лѣтъ, и я, уже больная и безъ всякихъ средствъ, пріѣхала въ Харьковъ. Мой пріѣздъ совпалъ съ гастролями Маріи Гавріиловны въ театрѣ Дюковой. Не надѣясь уже получить службу, я вынуждена была обратиться за помощью въ Т. О. и рѣшила лично подать прошеніе М. Г. съ просьбой устроить меня, неспособную къ труду по болѣзни, въ Убѣжище. Пошла въ театръ во время репетиціи, подошла къ М. Г. и вручила свое прошеніе.

Прочитавъ прошеніе, М. Г. спросила: «Сколько лѣтъ вы на сценѣ?»—«Тридцать восемь».—«А гдѣ вы служили?»—«Въ Саножкахъ и Тетюшахъ, М. Г.». Она засмѣялась и сказала: «Т.-е. въ глухой провинціи вы служили... Успокойтесь, я сдѣлаю—будете приняты въ Убѣжище».

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ я получила чрезъ г-жу Дюкову 15 рублей на дорогу въ Убѣжище.

Дорогой голубушкѣ, Маріи Гавріиловнѣ, я обязана тѣмъ, что имѣю пріютъ и покой.

М. К. Андреева (Мекольдъ).

— Что сказать? Какъ о человѣкѣ, женщинѣ, артисткѣ, товарищѣ... Такъ много говорили, но слова все-таки безсильны выразить то, чѣмъ была Марія Гавріиловна для нѣкоторыхъ, хотя бы для меня...

Я увидѣла ее въ Александринскомъ театрѣ, когда она играла водевиль «Маруся» и «Осторожнѣе съ огнемъ»—и этими маленькими вещицами она такъ захватила меня, что я не спала ночей, все видѣла ее. Я была тогда уже двадцати лѣтъ—бѣдной труженицей, но рѣшила учиться, чтобы быть артисткой, и чрезъ пять лѣтъ поступила на сцену.

Прошло съ тѣхъ поръ почти 40 лѣтъ, и я въ первый разъ увидѣла Марію Гавріиловну не на сценѣ... Нѣсколько лѣтъ я болѣла—и зарабатывать становилось все труднѣе и труднѣе. Въ это время Марія Гавріиловна гастролировала со своей труппой въ Евпаторіи. Собравъ послѣдніе гроши, я поѣхала къ Маріи Гавріиловнѣ. Пришла къ ней утромъ. Я не знала, что ей скажу, вся дрожала и едва стояла на ногахъ... Когда увидѣла ее, она была такъ обаятельна, ласкова, такъ какъ-то особо мила, что я оправилась; но ни о быломъ, ни о игрѣ я не сказала ни слова, и только передала, что болѣю теперь часто, что работать становится все труднѣе и труднѣе. Она такъ сердечно, такъ тепло посовѣтовала обратиться за поддержкой въ Совѣтъ и обѣщала свое содѣйствіе, что и исполнила. Снова увидѣла я Марію Гавріиловну черезъ три года въ Ессентукахъ, и здѣсь она, несмотря на то, что сама лечилась, не забывала насъ, больныхъ артистокъ (я жила тогда съ Аркуниной), и постоянно проявляла къ намъ исключительную заботливость. То же любовное материнское отношеніе къ себѣ и къ другимъ наблюдала я и за все время моего пребыванія (съ 1913 г.) въ Убѣжищѣ.

...И не думала я, не ждала, что такъ скоро ее потеряю... А какъ я мечтала два мѣсяца тому назадъ, получивъ отдѣльную комнатку и устроивъ ее, что она посѣтитъ этотъ мой послѣдній уголокъ покоя на землѣ и что я ей выскажу всю свою душу... Но не суждено было. И осталась я теперь одинокой.

Спи спокойно, родная моя... подъ тѣнистой тѣнію клена.
Если я доживу до весенняго дня,
То цвѣточки, какъ въ жизни, носить тебѣ буду...
И коль видитъ душа твоя тоже меня,
Такъ и знаетъ, что я-то тебя не забуду...
Что бъ ни дѣлала я и куда бы ни шла,
Всюду вижу, родная, тебя.
Защити же оттуда, какъ прежде,
И отъ горя, тоски и страданья избавь, охрани,
Да скорѣе, какъ можно скорѣе, къ себѣ призови,
Успокой одинокую, скорбную душу.

А. Н. Антонова.

РАДОСТЬ ОБЕЗДОЛЕННЫХЪ ДѢТЕЙ.

Очеркъ В. В. Сладкопѣвцева.

Прочитанъ на вечерѣ памяти М. Г. Савиной, 13-го ноября 1915 года, въ Петроградѣ, въ Кружкѣ имени Я. П. Полонскаго (см. т. I, стр. 134—136, гдѣ и приведенъ текстъ). Очеркъ этотъ былъ напечатанъ также въ «Обозрѣніи Театровъ», 25—26—XII—1915, № 2971—2972.

Въ этомъ номерѣ «Извѣстій Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества» помѣщены иллюстраціи: 1) М. Г. Савина въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, за изученіемъ роли (портретъ 1914 г.); 2) М. Г. Савина среди пансіонеровъ Убѣжища и питомцевъ Пріюта и Пансіона; 3) Убѣжище И. Р. Т. О. въ память Императора Александра III для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей; 4) Пріютъ И. Р. Т. О. для малолѣтнихъ дѣтей сценическихъ дѣятелей; 5) Пансіонъ И. Р. Т. О. для дѣтей сценическихъ дѣятелей школьнаго возраста; 6) дѣти Пансіона за занятіями; 7) предсѣдательское кресло М. Г. Савиной въ залѣ засѣданій Совѣта И. Р. Т. О.; 8) и 9) могила М. Г. Савиной; 10) и 11) вѣнки на гробъ М. Г. Савиной, размѣщенные въ коридорахъ Убѣжища.

ИСКРЫ.

(Москва).

13—IX—1915. **№ 36.**

Въ этомъ номерѣ помѣщены: 2 снимка—«М. Г. Савина у себя дома»; 3 портрета—«М. Г. Савина въ разные годы ея жизни»; 6 портретовъ— «М. Г. Савина въ роляхъ своего репертуара»: Варя («Дикарка»), Марья Антоновна («Ревизоръ»), кума Настасья («Чародѣйка»), Катерина («Гроза»), боярыня Антонида («Вѣницейскій истуканъ») и Магда («Отчій домъ»).

КОНЧИНА М. Г. САВИНОЙ.

8-го сентября, въ 6 часовъ утра, скончалась отъ паралича сердца заслуженная артистка Императорскихъ театровъ Марія Гавріиловна Савина, прослужившая на сценѣ 46 лѣтъ. Рѣдки такіе таланты, какимъ обладала Савина, по праву считавшаяся великой артисткой. Еще 15-лѣтней дѣвочкой она ярко блеснула этимъ талантомъ, обративъ на себя вниманіе тогдашнихъ театраловъ. Получивъ приглашеніе на сцену, она сначала играла въ провинціи всегда съ успѣхомъ, всегда вызывая восторгъ восхищенной публики. А когда Марія Гавріиловна поступила въ 1874 году на Императорскую сцену, она сразу стала любимѣйшей артисткой петербургской публики. Ея рѣдкій талантъ, артистическія дарованія достигли здѣсь полнаго расцвѣта. Вся жизнь ея была служеніемъ сценѣ. Марію Гавріиловну Савину знали и цѣнили не только на родинѣ, но и за границей. Иностранная критика включала имя Савиной въ число міровыхъ артистическихъ талантовъ. Во Франціи ея талантъ былъ отмѣченъ академическими пальмами. Какъ извѣстно, Марія Гавріиловна Савина много времени отдавала Императорскому Русскому Театральному Обществу и была его учредительницей, а послѣднее время—предсѣдательницей. Марія Гавріиловна скончалась на 61-мъ году жизни.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

(Петроградъ).

X—1915. Т. CXLII, стр. 344—345.

† САВИНА, М. Г.

Некрологъ.

Перепечатанъ изъ «Новаго Времени», 9 - IX—1915, № 14188. Такъ же, какъ и въ «Ревельскомъ Вѣстникѣ», 10—IX—1915, № 864. Текстъ этого некролога—см. «Новое Время».

XI—1915. Т. CXLII, стр. 559—565.

ПАМЯТИ МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ САВИНОЙ.

Ужасная вѣсть о кончинѣ Маріи Гавріиловны Савиной дошла до меня только 10-го сентября. На похороны я, конечно, поспѣть не могла. Въ имѣніи, гдѣ я была въ это время, газеты приходили съ опозданіемъ.

Не могу описать того страшнаго горя, которое охватило меня при этомъ извѣстіи... Я прямо онѣмѣла, а слезы неудержно текли изъ глазъ.

Не хотѣлось вѣрить, что дорогой М. Г. нѣтъ больше съ нами, что этотъ ангелъ-хранитель, что эта печальница всѣхъ обездоленныхъ ушла отъ насъ въ лучшій міръ.

При ея жизни, и мысль не западала, что мы можемъ остаться безъ нея, что она уйдетъ отъ насъ... Видно, такъ Богу угодно!

Не могу удержаться, чтобы не подѣлиться на первыхъ же порахъ моими отрывочными воспоминаніями.

О М. Г., какъ о великой міровой актрисѣ и какъ о выдающемся общественномъ дѣятелѣ, много писалось и еще больше будетъ написано. Мнѣ бы хотѣлось передать здѣсь нѣкоторыя черты интимной жизни этой замѣчательной женщины и хотя немного освѣтить тайники ея рѣдкаго сердца. Недаромъ, какъ я слышала, ей поднесли въ юбилей ея собственный портретъ, въ которомъ на мѣстѣ сердца былъ вдѣланъ большой брилліантъ чистѣйшей воды.

Мое знакомство съ М. Г. началось лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Раньше того я видѣла ее только на сценѣ, гдѣ, къ слову сказать, она была моимъ величайшимъ кумиромъ, да уже сознаюсь, что и посѣщала-то я Александринскій театръ только тогда, когда она играла. Въ частной жизни я не могла себѣ ее представить. Мнѣ трудно было отрѣшиться отъ моего преклоненія передъ нею, какъ передъ существомъ высшимъ, отмѣченнымъ Божіей милостью. Когда мнѣ пришлось первый разъ войти въ ея гостиную, на Фонтанкѣ, у меня несказанно замирало сердце, дрожали руки и ноги; но почти тотчасъ же все это прошло,—точно я была съ нею вѣкъ знакома. Простота обращенія, совершенно особая привѣтливость, какой-то необыкновенный, ей только свойственный «charme», ласковая улыбка, ея лучистые черные глаза—такъ подѣйствовали на меня, что мнѣ сразу стало легко, уютно, тепло.

Чѣмъ дальше шло мое знакомство съ М. Г., тѣмъ ярче выступало предо мною величіе ея души и рѣдкая доброта сердца. А сопоставляя это съ ея замѣчательнымъ умомъ, пожалуй, даже мужской складки, съ ея разносторонней образованностью, интересомъ и отзывчивостью ко всему, съ ея искрометнымъ остроуміемъ и всѣмъ, всѣмъ, чего даже не перечтешь, — становится понятнымъ, какое наслажденіе давали свиданія и бесѣды съ нею. Какъ хотѣлось бы все это вспомнить и разсказать въ мельчайшихъ подробностяхъ—и остается только пожалѣть, что около нея не было постояннаго стенографа, который бы запечатлѣвалъ все это на память потомству. Масса какихъ-то особенныхъ выраженій, яркихъ образныхъ характеристикъ и, наконецъ, рядъ отдѣльныхъ «словечекъ»—вѣдь это все были перлы совершенно исключительной красоты... И какъ щемитъ на душѣ, что этого больше не услышишь, что все это отлетѣло отъ насъ навсегда...

М. Г. страшно любила дѣтей. Но и дѣти платили ей тѣмъ же. Вотъ на этомъ, кажется, мое чувство къ М. Г. еще болѣе окрѣпло и усилилось. Она какъ-то сразу полюбила мою двухлѣтнюю внучку, Талочку, полюбила совсѣмъ особенно по-родственному. Ея отношенія къ этому ребенку были необыкновенно трогательны. Талочка, въ свою очередь, съ перваго знакомства пошла къ М. Г. такъ, какъ ни къ кому. Сидя у нея на колѣняхъ, лаская ее ручонками и обнимая, она все время восклицала: «Ахъ! Ахъ!» Эта сразу зародившаяся между ними любовь такъ и продолжалась все время.

Какъ-то разъ я показала Талочкѣ фотографію М. Г. и спросила: «Кто эта тетя?»—Талочка захлопала въ ладоши и радостно вскрикнула: «Тетя... Ахъ!»—Такъ это имя и осталось у насъ за М. Г., которая въ разговорѣ съ самой Талочкой и съ нами о Талочкѣ очень любила себя называть этимъ именемъ. И вотъ теперь невольно думаешь, какъ-то встрѣтилась въ томъ мірѣ наша дорогая «Тетя Ахъ» со своей любимой Талочкой, которая два года тому назадъ умерла отъ скарлатины.

Вспоминаю со слезами умиленія, какъ находила время М. Г., при своихъ многочисленныхъ занятіяхъ, для заботъ о Талочкѣ. Она сама вязала ей и одѣяла, и платьица, шила кружевные воротнички, ѣздила для нея за игрушками и, желая видѣть ее одѣтой по своему вкусу, дарила ей зачастую даже носильныя вещи, причемъ послѣднее дѣлалось ею съ какой-то особенной деликатностью и простотой, какъ бы мимоходомъ. Она даже находила время сама возить Талочку въ церковь и сама подносила ее къ св. причастію.

И подумаешь, что Талочка хотя и была ея любимицей, но не была исключеніемъ: почти то же самое дѣлалось и для другихъ дѣтей, для 43-хъ ея крестниковъ, о которыхъ она такъ любила вспоминать. А какимъ материнскимъ попеченіемъ окружала она обездоленныхъ дѣтей основаннаго ею Театральнаго Пріюта, на Петровскомъ островѣ. Мнѣ самой неоднократно приходилось быть свидѣтельницей трогательныхъ сценъ, когда, при ея пріѣздахъ въ Пріютъ, дѣти съ неподдѣльной радостью и восторгомъ бросались къ ней на шею съ криками: «Тетя Маруся пріѣхала!»—и окружали ее, какъ цыплята насѣдку.

Но, Боже мой, какія невѣроятныя хлоноты любовно принимала на себя М. Г. постоянно передъ праздниками!

По крайней мѣрѣ за мѣсяцъ всѣми способами запрашивала она своихъ многочисленныхъ крестниковъ и пріютскихъ дѣтей и другихъ изъ разряда ея любимой дѣтворы о томъ, какая игрушка составляла завѣтную мечту каждаго. И тутъ начиналась ѣзда по магазинамъ для закупки игрушекъ, которыя буквально заваливали цѣлую комнату снизу доверху. Вѣдь надо было удовлетворить сотни желаній. Всѣ эти подарки она непремѣнно раздавала сама, находя для каждаго ребенка сердечную, чисто материнскую ласку. Ежегодно для этой цѣли она у себя въ домѣ устраивала елку, которая стояла разукрашенная и ежедневно иллюминовалась съ перваго дня Рождества до крещенскаго сочельника. Она же бывала устроительницей и душой ежегодной елки въ Дѣтскомъ Пріютѣ Театральнаго Общества. Вотъ еще фактъ, ярко рисующій рѣдкую душу М. Г.

Въ 1907 году за день до свадьбы моего сына я замѣтила, что моя Талочка, подверженная горловымъ заболѣваніямъ, тяжело дышитъ. М. Г., бывшая при этомъ, сейчасъ же взяла и повезла дѣвочку показать своему доктору. Вернувшись, она успокоила меня, что докторъ не нашелъ ничего опаснаго, но просилъ привезти ребенка еще разъ, чтобы подробнѣе осмотрѣть. На другой день М. Г., въ девять часовъ утра, по телефону сказала, чтобы прислать Талочку съ няней къ ней. Такъ и сдѣлали. Въ два часа М. Г. позвала меня къ телефону—и вотъ что я услышала: «Операція Талочкѣ сдѣлана, ей вырѣзали гланды. Я сама отнесла ее въ операціонную, сама приняла ее на руки отъ профессора. Теперь она покойно засыпаетъ въ кроваткѣ, въ отдѣльной комнатѣ лечебницы; я и няня около нея. Не сѣтуйте, что сдѣлала все потихоньку отъ васъ. Не хотѣла тревожить въ такой важный для васъ день, какъ свадьба сына. Операція была необходима, иначе грозило удушеніе. Не смѣйте плакать... а благодарите Бога, что все сошло благополучно».

Прошло нѣсколько лѣтъ. Талочка умерла. Въ день ея похоронъ былъ очень сильный морозъ, но М. Г. не побоялась простуды, которой такъ была подвержена, пріѣхала въ Александро-Невскую лавру, стояла заупокойную обѣдню, шла за гробомъ и уѣхала только тогда, когда выросъ холмикъ надъ могилкой и къ бѣлому кресту былъ прибитъ металлическій крестъ изъ незабудокъ отъ М. Г. Не забыла она мою Талочку и послѣ смерти. Я помню, какъ въ первый день Пасхи, придя на могилку, я нашла уже на крестѣ фарфоровое яичко. Это М. Г. была утромъ и похристосовалась съ умершей своей любимицей.

Сколько помощи бѣднымъ она оказывала—и тутъ въ Петроградѣ, и по письмамъ въ провинціи, и даже по наслышкѣ посылала деньги въ глухія деревни неизвѣстнымъ ей крестьянамъ.. А сколько ея добрыхъ дѣлъ осталось тайной!

Какой нѣжной заботливостью окружала она свою старушку-мать и своихъ близкихъ родныхъ!

А ея отношеніе къ мужу, Анатолію Евграфовичу Молчанову! Она всегда была его преданной помощницей и другомъ. Когда онъ уѣзжалъ на какія-нибудь важныя засѣданія, какъ она тревожилась, какъ волновалась сама и какъ успокаивала его! Если же по дѣламъ ему надо было выѣхать изъ Петрограда, она каждый день писала ему или посылала телеграммы и требовала того же отъ него, опять-таки чтобы быть въ курсѣ дѣла и во-время или успокоить его, или помочь ему участіемъ и совѣтомъ. Еще одна трогательная подробность, которая по нынѣшнимъ временамъ можетъ показаться смѣшной, но, по моему, она внушаетъ глубокую симпатію и уваженіе. Каждый вечеръ, отходя ко сну, она непремѣнно крестила своего мужа и требовала отъ него того же, а въ его отсутствіе крестила пространство по тому направленію, гдѣ ей казалось, что онъ находится въ это время. Она въ буквальномъ смыслѣ слова сдувала съ него всякую пушинку. Не проходило дня, чтобы она не устраивала ему какой-нибудь «аттансіонъ», какъ она сама шутливо выражалась.

А какъ она ухаживала за своимъ мужемъ, когда три года тому назадъ онъ былъ опасно боленъ воспаленіемъ легкихъ! Она буквально не отходила отъ его постели, спала, не раздѣваясь, на маленькомъ диванчикѣ, сама ставила ему по ночамъ сухія банки, когда ему особенно трудно было дышать.

Лѣтъ десять тому назадъ Анатолій Евграфовичъ лежалъ въ лечебницѣ, и ему предстояла тяжелая и опасная операція. Въ день операціи М. Г. взяла меня съ собою, и мы съ трепетомъ ожидали результата. Нужно было видѣть ея душевную муку. Она была блѣдна, какъ мраморъ, и, молча, стиснувъ зубы, ходила по коридору и только иногда, останавливаясь въ дверяхъ, глядѣла на икону и опять начинала ходить и ходить безъ конца. Страдалъ человѣкъ, но страдалъ молча. Я понимала и чувствовала, что въ такую минуту неумѣстно было утѣшеніе или успокоеніе. Она искала то и другое у Бога. Когда принесли больного, она перекрестила его, сама перекрестилась, и все лицо ея просіяло, какъ солнце, а слезы блестѣли въ ея радостныхъ глазахъ.

Какъ она умѣла молча страдать и молча радоваться! И то, и другое можно было только читать въ ея глубокихъ глазахъ и на ея выразительномъ лицѣ.

М. Г. всегда отличалась склонностью къ семейному быту, къ домашнему уюту. Она была прекрасной хозяйкой, вела свой домъ сама и съ чисто славянскимъ гостепріимствомъ любила и умѣла угостить своихъ друзей. Уютъ былъ какой-то органической ея потребностью. Она вносила его всюду съ собою—и въ номеръ гостиницы, и даже въ купе вагона. Тамъ передвинетъ диванъ, тамъ переставитъ столъ, тамъ накинетъ салфеточку, тамъ положитъ подушечки, тамъ поставитъ фотографическія карточки—и сразу получается домашній жилой уголокъ.

А сколько вкуса было у этой женщины и съ какой любовью и умѣньемъ устраивала она свой домъ на Карповкѣ! Не долго ей, голубушкѣ, только пришлось пожить въ немъ! Всю жизнь стремилась М. Г. къ семейному счастью и очагу, и только въ послѣдніе годы своей жизни она достигла этого. Въ устройствѣ своей домашней жизни М. Г. была большой сторонницей патріархальнаго быта и стариннаго уклада жизни. Въ годовщины всѣхъ знаменательныхъ

дней своей жизни, въ канунъ Новаго года, она любила, чтобы у нея въ домѣ совершались церковныя службы, на которыхъ она съ рѣдкой религіозностью молилась, окруженная интимнымъ кружкомъ самыхъ близкихъ ея родныхъ. Она была глубоко вѣрующимъ человѣкомъ въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Надо было видѣть, какъ она молилась! Это было не только благоговѣніе, а какое-то проникновеніе, отрѣшеніе отъ всего мірского. Любила она также, чтобы во всѣхъ комнатахъ передъ иконами горѣли лампадки, и очень внимательно слѣдила за этимъ. Горящая лампадка передъ иконами сопутствовала ей всюду. Во время путешествій, въ гостиницѣ, первой заботой ея было найти соотвѣтствующее мѣсто для иконъ, которыя она всегда съ собою возила, и зажечь передъ ними лампадку. Это же дѣлала она и за границей, причемъ въ виду отсутствія тамъ деревяннаго масла, замѣняла его прованскимъ.

Любила М. Г. и нашъ русскій самоварчикъ и бесѣду за нимъ, причемъ строго слѣдила, чтобы все было изящно сервировано и подано. Не могу не упомянуть про ея «страсть», какъ она сама говорила, «ставить чайникъ на самоваръ, самой наливать чай и въ особенности въ заключеніе чаепитія собственноручно перемывать всю чайную посуду». Она часто говорила: «А вѣдь никто не подозрѣваетъ, какая я «femme pot-au-feu».

Теперь мнѣ остается сказать о моемъ послѣднемъ свиданіи съ М. Г., въ мартѣ нынѣшняго года, когда я на нѣсколько дней пріѣзжала въ Петроградъ. Все было охвачено войной. М. Г., со свойственнымъ ей рвеніемъ, вся отдалась своему лазарету, служенію и заботамъ о нуждахъ войны, о больныхъ и раненыхъ, находившихся здѣсь въ Петроградѣ, и о доблестныхъ воинахъ, сражающихся за родину. Она работала въ лазаретѣ, работала неутомимо, самоотверженно, не брезгая никакимъ трудомъ. Я тоже работала въ Вязьмѣ въ желѣзнодорожномъ лазаретѣ. Сидя тогда у нея на Карповкѣ, я ей передала свои впечатлѣнія; она жала мнѣ руку и шептала со слезами: «Да, да, такъ... Я васъ понимаю...».

Эта необыкновенная женщина, за какое бы дѣло она ни бралась, всегда всю душу вкладывала въ него, вся горѣла, не зная отдыха, и никогда не думала, какъ такая трудовая жизнь могла тяжело отозваться на ея здоровьѣ, уже пошатнувшемся за послѣдній годъ. Ради служенія ближнему она не щадила себя, и надо только удивляться, какъ хватало у нея силъ и откуда она ихъ черпала, чтобы всюду поспѣвать, помимо сценическихъ обязанностей,—поспѣвать или участіемъ, или совѣтомъ, или хлопотами о чьей-нибудь судьбѣ, или матеріальной помощью. Одно можно сказать, что ее поддерживала помощь Божія, въ которую она такъ глубоко, такъ искренно вѣрила.

Да, Марія Гавріиловна Савина была человѣкомъ, отмѣченнымъ особенной благодатью Божіей! И, дѣйствительно, тѣ Евангельскія слова, которыя начертаны на могильномъ ея крестѣ, могутъ служить эпиграфомъ ея жизни: «Больше сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя».

Лидія Рихтеръ.

При этой статьѣ помѣщенъ портретъ М. Г. Савиной, въ ея рабочемъ кабинетѣ, за изученіемъ роли (1914 г.).

КАВКАЗСКІЙ КРАЙ.

(Пятигорскъ).

10—IX—1915. № 201.

М. Г. САВИНА.

Еще одна незамѣнимая и тяжелая утрата...

Не успѣлъ еще прозвучать послѣдній акордъ похороннаго гимна по Варламовѣ, какъ телеграфъ сообщилъ новое скорбное извѣстіе.

Не стало Маріи Гавріиловны Савиной, заслуженной артистки Императорскихъ театровъ.

Рѣдѣютъ ряды послѣднихъ могиканъ нашего театральнаго славнаго прошлаго, и другъ за другомъ уходятъ въ вѣчность великіе жрецы Мельпомены.

Недавно покинула суетный міръ Стрѣльская, вслѣдъ за нею ушелъ Варламовъ, а 8-го сентября покинула насъ навсегда солистка русской сцены—М. Г. Савина.

Савина была совершенно исключительнымъ дарованіемъ, имя ея стало популярнымъ не только во всѣхъ уголкахъ Россіи, но и за границей.

Ея выступленіе въ Берлинѣ въ роли Магды, въ «Родинѣ» Зудермана, въ присутствіи автора пьесы, было сплошнымъ тріумфомъ.

Пишущему эти строки пришлось ее видѣть именно въ этой роли, когда Савина была въ зенитѣ своей всепокоряющей славы.

Надо замѣтить, что Савина была безподобной, сильной и увлекательной Магдой.

Ея богатая мимика, красивое, выразительное лицо, передающее тончайшія душевныя эмоціи, ея простота и глубина чувства, ея умѣнье молчать,—да, м о л ч а т ь,—въ психологическіе моменты, ея страдальческое выраженіе глазъ и, наконецъ, ея неувядаемая молодость—сводили съ ума каждаго театрала.

Въ теченіе долгихъ лѣтъ Марія Гавріиловна была кумиромъ столичной публики, безъ различія возраста, категорій и классовъ, властвуя въ то же время надъ умами подрастающаго поколѣнія.

Старожилы передаютъ, что около 25 лѣтъ тому назадъ, когда Савина гастролировала на Кавказѣ, въ Тифлисѣ, и была во всемъ обаяніи своей артистической славы, то, по окончаніи спектаклей, экспансивная публика «впрягалась» въ экипажъ знаменитой артистки и, несмотря на всѣ ея протесты, довозила ее до отеля, устраивая ей долгія шумныя овація.

Коснуться детально характеристики и дѣятельности Савиной—это значитъ написать половину исторіи русскаго театра.

Савина создала цѣлую галлерею европейскихъ и русскихъ женскихъ типовъ, явившись вдохновенной изобразительницей женщинъ, истолковательницей ихъ характеровъ.

Всѣхъ этихъ типовъ привести немыслимо, но даже изъ наиболѣе яркихъ составится довольно внушительный перечень: Магда, Маргарита Готье, Катарина («Укрощеніе строптивой»), Свава («Перчатка»), Сюзанна («Общество поощренія скуки»), «Марія Шотландская», Діана («Собака садовника»), Фениза («Сѣти Фенизы»), «Идеальная жена», Марья Антоновна («Ревизоръ»), Вѣрочка и Наталья Петровна («Мѣсяцъ въ деревнѣ»), Лиза («Дворянское гнѣздо»), «Татьяна Рѣпина», кума Настасья («Чародѣйка»), «Дикарка», Настасья Филипповна («Идіотъ»), Анна Демурина («Цѣна жизни»), Кондорова («Нищіе духомъ»), «Ольга Ранцева», Кручинина («Безъ вины виноватые»), Лариса («Безприданница»), Юлія («Послѣдняя жертва»), Евлалія («Невольницы»), Катерина («Гроза»), Евгенія («На бойкомъ мѣстѣ»), Вѣра Филипьевна («Сердце не камень»), «Мірская вдова», Акулина («Власть тьмы»), Сарра («Ивановъ»), княжна Плавутина («Холопы») и т. д., и т. д.

Какое необыкновенное разнообразіе характеровъ, какіе подчасъ діаметрально противоположные типы!..

Единственно, что ихъ соединяло,—сама Савина, сроднившаяся съ этими типами.

Это было такое творчество, которое захватывало массу своей художественностью, искренностью, близостью къ жизни.

Когда Савина случайно попала въ Петербургъ и выступила на сценѣ Благороднаго Собранія въ «Блуждающихъ огняхъ», то артистическій міръ заволновался, разгадавъ въ ней сразу колоссальный талантъ, а дирекція Александринскаго театра дала ей три дебюта.

И этотъ юный талантъ развертывался съ головокружительнымъ темпомъ, совершенствуясь и подвигаясь впередъ.

Савина была украшеніемъ русской сцены, ею гордилась вся Россія, какъ гордится она нынѣ Шаляпинымъ.

Савина—это русская Сарра Бернаръ; она солистка русскаго драматическаго искусства, возвысившая не только себя, но и русскую сцену передъ лицомъ всего міра.

Имя Савиной, какъ тріумфатора русской сцены, золотыми буквами впишется въ прекрасную исторію русскаго театра.

Савина для потомковъ своихъ является монументомъ, высѣченнымъ изъ гранита, рѣзцомъ великаго мастера, тѣмъ безсмертнымъ памятникомъ, на которомъ геніально отчеканены въ живыхъ линіяхъ красота, художество и слово цѣлой исторической эпохи культурнаго человѣчества.

П. Петросянъ.

Въ P. S. этой статьи приведены краткія біографическія данныя.

КАВКАЗСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

(Баку).

14—IX—1915. № 49.

† М. Г. САВИНА.

Этотъ некрологъ перепечатанъ изъ «Ранняго Утра», 9—IX—1915, № 207.

КАВКАЗСКОЕ СЛОВО.

(Тифлисъ).

10—IX—1915. № 204.

† М. Г. САВИНА.

Уходятъ послѣдніе могикане славныхъ традицій Александринской сцены. Всего мѣсяцъ тому назадъ опустили въ могилу К. А. Варламова, теперь не стало Маріи Гавріиловны Савиной.

«Сцена—моя жизнь». Таковъ былъ девизъ славной артистки. Сценѣ отдала она всю свою жизнь, съ нею не разставалась до послѣднихъ дней. Дочь артиста Подраменцева-Стремлянова, она 15-лѣтней дѣвочкой, въ 1869 году (род. въ 1854 г.), дебютировала въ Минскѣ и послѣ блестящихъ успѣховъ въ провинціи была въ 1874 году принята въ Александринскій театръ, на подмосткахъ котораго ея талантъ достигъ своего полнаго расцвѣта. Когда, на чествованіи 25-лѣтняго юбилея М. Г., рабочіе Александринскаго театра поднесли ей кусокъ пола сцены,—артистка благоговѣйно поцѣловала этотъ трогательный даръ.

Діапазонъ замѣчательнаго дарованія усопшей артистки былъ огромный: она заражала зрителей неудержимой веселостью въ роляхъ шаловливыхъ дѣвочекъ и глубоко потрясала неотразимой искренностью въ драматическихъ ситуаціяхъ, при воплощеніи изстрадавшейся и надломленной женской души. Техническая сторона ея игры была тончайшимъ кружевомъ. Кто-то изъ критиковъ сказалъ, что Савина «точно купается въ своей роли».

Популярность М. Г. Савиной была огромная. Всѣ ея поѣздки по Россіи были сплошнымъ тріумфомъ. Въ Тифлисѣ въ послѣдній разъ М. Г. была весною 1900 года, выступая въ «Татьянѣ Рѣпиной», «Дамѣ съ камеліями», «Идеальной женѣ» и другихъ пьесахъ...

КАЗАНСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

(Казань).

11—IX—1915. № 6671.

† М. Г. САВИНА.

Императорская сцена, а вмѣстѣ съ нею и весь русскій театръ несетъ въ послѣднее время утраты, одна другой тяжелѣе.

Не успѣли помолиться за покойнаго Варламова въ сороковой день со дня его смерти, какъ разнеслась печальная вѣсть о кончинѣ Маріи Гавріиловны Савиной.

Имя Савиной извѣстно не только всей Россіи, но и далеко за ея предѣлами. И эту популярность покойная артистка составила себѣ своимъ большимъ талантомъ.

Подобно Варламову, она создала эру въ жизни русскаго театра; подобно Варламову и Стрѣльской, уходя въ лучшій міръ, Марія Гавріиловна нанесла чувствительный уронъ и безъ того рѣдкимъ рядамъ тѣхъ послѣднихъ могиканъ сцены, которые являлись хранителями лучшихъ русскихъ театральныхъ традицій.

Казань была нѣкогда свидѣтельницей первыхъ шаговъ юной Савиной по пути къ завоеванной ею художественной славѣ. Начавъ свою артистическую карьеру въ нашемъ театрѣ подъ руководствомъ незабвеннаго П. М. Медвѣдева, Марія Гавріиловна, благодаря своему таланту, скоро завоевала себѣ не только прочное положеніе на Императорской сценѣ, но и завидную репутацію одной изъ лучшихъ жрицъ драматическаго искусства своего времени.

Миръ праху артистки и вѣчная память ея таланту.

К р е с л о № 8.

КАЛУЖСКІЙ КУРЬЕРЪ.

(Калуга).

15—IX—1915. № 103.

ПАМЯТИ САВИНОЙ.

Какой-то несчастный годъ для русскаго искусства. Скрябинъ, Танѣевъ, Варламовъ, а теперь еще и Савина. Въ одинъ годъ сошли въ могилу такіе выдающіеся представители русскаго искусства.

Осиротѣла русская музыка, осиротѣла русская сцена. Невѣроятную утрату переживаетъ Александринскій театръ. Еще не успѣлъ онъ примириться съ утратой Варламова, какъ новая, не менѣе сильная утрата. Намъ, калужанамъ, Савина близка: вѣдь у насъ въ Калугѣ она начинала свою блистательную карьеру; вѣроятно, даже есть еще калужане, которые помнятъ ея чудную игру, съ чарующимъ кокетствомъ, неподражаемымъ юморомъ. 40 лѣтъ отдала М. Г. Савина русской сценѣ, 40 лѣтъ заставляла она восторгаться ея прекрасной игрой. Сотни исполненныхъ ею ролей свидѣтельствуютъ о неустанной работѣ, о чрезвычайной гибкости дарованія, о необычайной виртуозности располагать своими артистическими силами. Шекспиръ, Дюма, Сарду, Островскій, Гоголь и, наконецъ, современные авторы,—пьесы всѣхъ ихъ она играла и во всѣхъ пьесахъ она была неподражаемо хороша. Савина—артистка старой реальной школы; но, воспитавшись на принципахъ реальнаго искусства, она реализмъ понимала широко и разносторонне, настаивая и на условіи «переживанія» ролей и на соблюденіи всѣхъ аксессуаровъ исторически вѣрной постановки. Настоящій большой и художественный талантъ въ единеніи съ бдительнымъ устоемъ и крѣпкой волей. Она умѣла цѣнить художественную литературу, она знала настоящіе секреты художественнаго творчества и художественнаго перевоплощенія

и умѣла подойти къ созданію роли со строгой серьезностью и передать ее съ высокимъ мастерствомъ и тончайшей характеристикой всѣхъ деталей. Своей игрой М. Г. очаровывала, приковывала всеобщее вниманіе. Теперь ея нѣтъ, погасъ ея яркій талантъ—и русская сцена оплакиваетъ эту тяжелую для нея утрату.

И современному русскому человѣку остается лишь, смотря на игру какой-либо артистки, вспоминать, какъ эту роль играла «сама» Савина, и, можетъ быть, съ грустью вспоминать это время.

С. Г е й.

КАСПІЙ.

(Баку).

11—IX—1915. № 202.

Помѣщенъ большой портретъ М. Г. Савиной въ роли Лизы («Дворянское гнѣздо»).

КІЕВЛЯНИНЪ.

(Кіевъ).

9—IX—1915. № 248.

М. Г. САВИНА.

(Некрологъ).

Телеграфъ принесъ печальную вѣсть о кончинѣ заслуженной артистки русской драматической труппы Императорскихъ театровъ Маріи Гавріиловны Савиной.

Приводимъ краткія біографическія свѣдѣнія о покойной, имя которой гремѣло не только въ Россіи, но и за границей.

М. Г. Савина, уроженица Юго-Западнаго края, родилась въ 1854 году въ Каменецъ-Подольскѣ. Отецъ ея Подраменцевъ, русскій актеръ (по сценѣ Стремляновъ), воспитывалъ дочь въ Одесской гимназіи. 15-ти лѣтъ М. Г. Савина дебютировала въ г. Минскѣ, въ пьесѣ «Бѣдовая бабушка». Затѣмъ, М. Г. играла съ большимъ успѣхомъ въ Харьковѣ и Калугѣ, выйдя замужъ за провинціальнаго актера Савина. Слѣдующіе 3—4 года М. Г. Савина подвизалась съ возраставшимъ успѣхомъ: въ Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Орлѣ, Саратовѣ и другихъ городахъ. Въ 1874 году М. Г. пріѣхала въ Петербургъ и, послѣ блестящаго дебюта на сценѣ Благороднаго Собранія, была приглашена на Александринскую сцену, гдѣ выступила въ роли Кати, въ пьесѣ «По духовному завѣщанію», и скоро заняла на Императорской сценѣ первенствующее положеніе.

Репертуаръ М. Г. Савиной былъ очень богатъ и разнообразенъ, обнимая собою роли самаго противоположнаго свойства, отъ наивныхъ и шаловливыхъ дѣвочекъ въ легкой драматургіи до крупныхъ комическихъ или истинно драматическихъ типовъ въ произведеніяхъ Гоголя («Ревизоръ»), Островскаго («Послѣдняя жертва», «Дикарка», «Волки и овцы», «Безприданница», «Невольницы», «Гроза», «Сердце не камень» и др.), А. Потѣхина («Мишура», «Виноватая», «Выгодное предпріятіе» и др.), Тургенева («Мѣсяцъ въ деревнѣ», «Провинціалка»), Толстого («Власть тьмы»), Лопе-де-Вега («Собака садовника»), Шекспира («Укрощеніе строптивой»). Иностранные драматурги—Ибсенъ, Зудерманъ, Дюма, Пальеронъ и др. нашли въ ней тоже прекрасную исполнительницу; многіе изъ русскихъ писателей обязаны, главнымъ образомъ, М. Г. Савиной успѣхомъ своихъ произведеній, въ особенности Викторъ Крыловъ («Сорванецъ», «Надо разводиться» и др.).

Приведенный перечень пьесъ, въ которыхъ М. Г. въ теченіе многихъ лѣтъ выступала съ выдающимся успѣхомъ, въ достаточной степени указываетъ на разнообразіе и богатство ея репертуара и разносторонность таланта. Будучи уже артисткой Императорскихъ театровъ, М. Г. Савина не разъ предпринимала артистическія турнэ по Россіи, посѣщая большіе провинціальные города, въ томъ числѣ и Кіевъ. Въ поѣздкахъ М. Г. играла въ спеціально сформированныхъ труппахъ изъ большихъ артистическихъ именъ, и удивительно хорошее воспоминаніе осталось въ средѣ случайныхъ ея товарищей отъ этихъ поѣздокъ. М. Г. Савина не подчеркивала своего исключительнаго положенія знаменитой артистки, а являлась въ дѣлѣ добрымъ товарищемъ и обаятельной женщиной, въ кругу которой артисты проводили все свое свободное отъ спектаклей время. Въ 1899 году М. Г. Савина получила званіе «заслуженной артистки» и въ томъ же году выступала съ выдающимся успѣхомъ въ Берлинѣ.

Отличительными чертами таланта покойной артистки являлись—поэтическая женственность, искренняя веселость на ряду съ глубоко-трогающимъ драматизмомъ и развитая до высокой степени совершенства мимика.

Въ лицѣ скончавшейся М. Г. Савиной русскій театръ понесъ тяжелую утрату—еще одна недюжинная сценическая сила канула въ вѣчность.

Этотъ некрологъ перепечатанъ: въ «Жизни Волыни», 11—IX—1915, № 249; въ «Юго-Западномъ Краѣ», 11—IX—1915, № 207.

10—IX—1915. № 219.

САВИНА.

Какъ много въ этомъ словѣ для сердца р у с с к а г о слилось, какъ много въ немъ отозвалось...

С а в и н а... воплощеніе красоты, граціи, изящества, остроумія, женственности, чувства... молодости!

С а в и н а... неподражаемая, никогда не повторяющаяся и не повторимая, е д и н с т в е н н а я...

К р а с о т а... Не красивая, неправильная фигура... не красивая постановка головы и плечъ... не красивое неправильное лицо, м и м и к а—вся изъ гримасокъ, которыя могли бы изуродовать любую красавицу и красили только Савину... Не красивыя угловатыя связанныя движенія, безъ пластики, безъ размаха, безъ широты и свободы жеста и позы... не красивая, неправильная походка, какая-то ползучая, извивающаяся, припадающая, извилистая, никогда по прямой линіи, всегда причудливыми арабесками... не красивый голосъ, негибкій, незвонкій, непѣвучій, читка въ носъ, абсолютно непригодная для декламаціи и пѣнія... и все вмѣстѣ к р а с о т а,—красота, отъ которой слезы выступаютъ на глаза, щемитъ сердце, кружится голова и больно, но упоительно, волнуются, напрягаются, возбуждаются нервы!

Г р а ц і я, и з я щ е с т в о... утонченное, изощренное, изысканное, оригинальное, искрящееся, опьяняющее, какъ тотъ бокалъ шампанскаго, что держала въ рукѣ Т а т ь я н а Р ѣ п и н а, приковавшись къ нему мистическимъ тяжелымъ взоромъ, въ который уже вошла страшная загадка л ю б в и и с м е р т и.

— С м о т р и... к а к ъ в и н о и г р а е т ъ... т а к ъ в ъ н а с ъ л ю б о в ь и к р о в ь к и п и т ъ... с о д н а д у ш и п о д ы м а е т с я в в е р х ъ и с к р а м и... п ѣ н и т с я, ш и п и т ъ... в о т ъ м е н ь ш е и м е н ь ш е... р а д о с т ь и г о р е...

Ж е н с т в е н н о с т ь... капризъ, прихоть, кокетство—извивы прелестной очаровательной змѣйки, грозящей укусами, манящей поцѣлуями, поцѣлуями болѣе ядовитыми, чѣмъ укусы...

Ч у в с т в о—и въ жизни, и на сценѣ... С а в и н а всегда любитъ, всегда любима, всегда безумный порывъ и неожиданное внезапное охлажденіе, истекаетъ добротою и каменѣетъ въ жестокости, играетъ мужчинами тонко, какъ артистка, и артистически, какъ женщина,—всегда страдаетъ и наслаждается, побѣждаетъ и терпитъ пораженія, всегда бросаетъ и всегда брошена, ревнуетъ мучительно и возбуждаетъ мучительную ревность, всегда въ жаркой смер-

тельной любовной схваткѣ съ врагомъ — въ роковой борьбѣ вѣчно-женственнаго съ вѣчно-мужественнымъ... и на сценѣ, и въ жизни!..

Остроуміе... ея мѣткія, злыя, колкія словечки... ея «mots», сказанныя ея безподобными интонаціями, ея клички и прозвища (по большей части соперницъ, ибо настоящая женщина и актриса—она не терпѣла другихъ женщинъ и актрисъ и язвила ихъ больно, зло, неотразимо—по-женски и по-актерски—и на сценѣ, и въ жизни...); ея прозвища такъ и пристаютъ къ людямъ, точно клеймо или то миѳологическое платье, отравленное коварной мстительной волшебницей, которое оторвать можно только съ кожей и кровью...

Молодость... Она была изъ тѣхъ, кажется, рѣдкихъ женщинъ, которыя совершенно не умѣютъ и потому не хотятъ состариться, которыя, вопреки всѣмъ законамъ природы, существующимъ для другихъ, вопреки метрическимъ свидѣтельствамъ, паспортамъ и людской памяти, остаются молодыми до конца—на удивленіе и зависть остальнымъ... Савина и старость... Это было и остается чѣмъ-то несовмѣстимымъ, невозможнымъ, противоестественнымъ, какъ для другихъ противоестественно не состариться. Поэтому Савина такъ тщетно, такъ горестно и горько, такъ неудачно пыталась перейти на другія роли... и не могла, не могла, не хотѣла, не умѣла воплотить въ себѣ старухъ и «благородныхъ» матерей—ни въ жизни, ни на сценѣ!

Неподражаемая... а, между тѣмъ, ни у кого не было столько подражательницъ въ свое время, пока ихъ не смѣнила вереница кошировальщицъ Коммиссаржевской съ ея новомодной англизированной скороговоркой и рубленностью словъ... Никто не былъ такъ жалокъ и унылъ, какъ подражательницы Савиной; онѣ брали ея некрасивую манеру горбиться, ея некрасивую походку, ея связанныя угловатыя движенія, ея выговоръ въ носъ и, уродуя себя, превращались въ безобразіе, ибо онѣ не могли взять того духа, того генія, который изъ этого безобразія создалъ дивную неподражаемую красоту...

Красоту... генія, души, никогда не повторяющейся и не повторимой, единственной... Какъ часто, глядя на какого-нибудь удачника или удачницу въ жизни, мнѣ приходило въ голову: почему природа, если ей удалось такое удачное произведеніе, не повторитъ, не отпечатаетъ, такъ сказать, свое чудо во многихъ экземплярахъ, чтобы большее число людей могло имъ насладиться... Ну, пусть бы, если не каждый городъ, то каждый народъ, каждая страна получила бы по своей Савиной. Зачѣмъ она единственная, не повторяющаяся, не повторимая, одна, одна, вотъ именно та, которая умерла сегодня и никогда болѣе ни для кого не воскреснетъ, которая существуетъ теперь только въ воспоминаніяхъ тѣхъ, кто ее видѣлъ и, можетъ быть, любилъ одинъ единственный не повторяющійся и не повторимый мигъ... мигъ счастья или не счастья!

На это отвѣтъ въ сказкѣ, прекрасной сказкѣ, которую я любилъ и читалъ въ дѣтствѣ... сказкѣ Кота-Мурлыки... Тамъ юная чета любила большую старую кудлатую собаку, которая погибла, взбираясь на скользкія и ускользающія ступени волшебнаго дворца Феи-Лазури... Тогда Фея съ хохотомъ создала изъ цвѣтовъ размарина много такихъ же кудлатыхъ «Волчковъ», какъ двѣ капли воды похожихъ на только что погибшаго... Но юноша и дѣвушка съ тоской, обидой и слезами отвернулись отъ нихъ... Ихъ было много и они не были ихъ единственнымъ «Волчкомъ»... не повторяющимся, не повторимымъ...

Савина была одна—и она умерла сегодня, она исчезла и ее не возвратятъ намъ десятки и даже сотни новыхъ повтореній...

Это больно, это горько, это тяжко, но это красиво, это неотвратимо, это—законъ природы... законъ смерти и... любви!

А. Ежовъ.

Этотъ очеркъ перепечатанъ въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ», 17—IX—1915, № 3874, въ заключеніе статьи Горпова «Памяти большого художника сцены».

12—IX—1915. № 251.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ М. Г. САВИНОЙ.

Перепечатаны свѣдѣнія изъ петроградскихъ газетъ.

18, 19 и 20—X—1915. №№ 287, 288 и 289.

ПАМЯТИ МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ САВИНОЙ.

Статья Н. И. Николаева.

Статья эта прочитана на вечерѣ памяти М. Г. Савиной, 17-го октября 1915 года, въ Кіевѣ (текстъ ея—см. т. I, стр. 247—265) и напечатана также въ «Библіотекѣ Театра и Искусства», X—1915, № 10.

КІЕВСКАЯ МЫСЛЬ.

(Кіевъ).

9—IX—1915. № 250.

КОНЧИНА М. Г. САВИНОЙ.

Марія Гавріиловна Савина родилась 30-го марта 1854 года въ городѣ Каменецъ-Подольскѣ. Ея отецъ, Г. Н. Подраменцевъ, былъ не чуждъ сценѣ и самъ нерѣдко игралъ подъ фамиліей Стремлянова.

Впервые на сценѣ М. Г. выступила восьмилѣтней дѣвочкой въ драмѣ «Эсмеральда» въ Одесскомъ Городскомъ театрѣ. Съ 1869 года, т.-е. съ 15-ти лѣтъ, Савина всецѣло отдалась артистической дѣятельности. Первое время она играла вмѣстѣ съ отцомъ въ Минскѣ, а затѣмъ въ теченіе пяти лѣтъ кочевала по Россіи, выступая то въ Харьковѣ, то въ Казани, то въ Орлѣ, то въ Саратовѣ, переходя временами съ подмостковъ драматическихъ на подмостки опереточные.

Въ 1874 году Савина дебютировала на сценѣ Александринскаго театра, и послѣ этого до самой кончины она оставалась украшеніемъ образцовой сцены. 27-го сентября 1874 года Савина сыграла главную роль въ Потѣхинской комедіи «Злоба дня» и имѣла бурный успѣхъ. Замѣчательный талантъ молодой артистки блеснулъ яркимъ свѣтомъ. Всѣмъ стало ясно, что театръ пріобрѣлъ въ лицѣ Савиной художника исключительной изобразительной силы и глубины.

Въ 1899 году М. Г. Савина получила званіе «заслуженной артистки».

Репертуаръ покойной богатъ и разнообразенъ. Созданные ею образы въ произведеніяхъ Гоголя («Ревизоръ»), Островскаго («Послѣдняя жертва», «Безприданница», «Волки и овцы», «Гроза», «Сердце не камень», «На всякаго мудреца...», «Дикарка», «Свѣтитъ да не грѣетъ», «Невольницы» и др.), Тургенева («Мѣсяцъ въ деревнѣ», «Провинціалка»), Шекспира, Ибсена, Зудермана и др.—безсмертны.

Вслѣдъ за Варламовымъ ушла и Савина. Русской сценѣ текущій годъ нанесъ потери непоправимыя.

Перепечатано въ «Голосѣ Юга», 11—IX—1915, № 212.

МАРІЯ ГАВРІИЛОВНА САВИНА.

Статья Всеволода Чеговца.

Эта статья прочитана на вечерѣ памяти М. Г. Савиной, 17-го октября 1915 года, въ Кіевѣ (см. т. I, стр. 280—282, гдѣ и напечатанъ ея текстъ).

11—IX—1915. № 252.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Стихотвореніе Гарольда.

Это стихотвореніе прочитано на вечерѣ памяти М. Г. Савиной, 17-го октября 1915 года, въ Кіевѣ (текстъ его—см. т. I, стр. 265—266) и перепечатано въ «Александровскомъ Вѣстникѣ», 18—IX—1915, № 1009.

13—IX—1915. № 254.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Портреты: 1) съ фотографіи 1910 г., 2) въ «Чародѣйкѣ», 3) въ «Ревизорѣ», 4) въ «Склепѣ» и 5) въ «Грозѣ».

КОЛОКОЛЪ.

(Петроградъ).

10—IX—1915. № 2801.

† М. Г. САВИНА.

Текущій годъ является кошмарнымъ для русскаго театра. Безжалостная смерть то и дѣло вырываетъ изъ рядовъ служителей сцены наилучшихъ ея представителей. Вслѣдъ за уходомъ изъ жизни такихъ столповъ Александринскаго театра, какъ Стрѣльская и Варламовъ, мы стоимъ у новой могилы. На этотъ разъ смерть вырвала у насъ самое лучшее, чуть ли не единственное украшеніе и гордость театра—Марію Гавріиловну Савину.

О Савиной и о ея блистательномъ талантѣ, о сокрушающей силѣ ея таланта говорить не приходится; если собрать все, что написано объ этомъ, составится цѣлая литература, которая теперь еще возрастетъ. Но этого будетъ мало. Имя ея принадлежитъ исторіи нашего театра, и о Савиной будутъ писать всегда.

Савину можно смѣло назвать знаменемъ «Александринки», ея искусствомъ, ея душой.

Она отдала ему все: талантъ, жизнь, силы, счастье—все, что можетъ отдать геніальная женщина. Она и взяла его всего, и не было ничтожнѣйшаго событія въ Александринскомъ театрѣ, которое бы Савина не принимала къ сердцу ближе и больше, чѣмъ важнѣйшее въ своей личной жизни. Она взяла театръ великой властью таланта, какъ артистка милостью Божіей. Савина создала на сценѣ русскую женщину.

Отъ простой бабы Акулины во «Власти тьмы» до княжны въ пьесѣ Гнѣдича, отъ рѣзвой «Дикарки» до задумчивой барской красы Натальи Петровны—женщины всякаго рода и званія, всякихъ временъ и эпохъ россійскихъ оживали передъ нами на сценѣ, и раскрывались ихъ души, то пугая, то очаровывая насъ своими таинственными глубинами.

Мѣщанка, аристократка, жена, любовница, мать, дочь, подростокъ, старуха—вотъ она, Савина, женщина Тургенева, женщина Островскаго, русская женщина во всѣхъ поворотахъ ея судьбы, во всѣхъ превратностяхъ ея жизни, великая, жалкая, чарующая, отталкивающая, родная, близкая, незамѣнимая...

И теперь нѣтъ Савиной.

Скончалась замѣчательнѣйшая русская артистка, любимица отца театра—Островскаго. Сошелъ съ житейской сцены яркій блестящій талантъ.

Осиротѣлъ русскій театръ.

11—IX—1915. № 2802.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ М. Г. САВИНОЙ.

Стоя у открытой могилы, готовившейся принять въ свои темныя нѣдра останки великой артистки, я невольно вспоминаю одинъ изъ эпизодовъ изъ жизни М. Г. Савиной, ярко характеризующій силу нашего провинціальнаго помпадурства.

Съ незабвенной М. Г. Савиной я познакомился осенью 1874 года, въ день ея выступленія въ Александринскомъ театрѣ въ драмѣ Потѣхина «Злоба дня». Молодая артистка въ этой популярной въ то время пьесѣ имѣла колоссальный успѣхъ.

Съ М. Г. Савиной мнѣ пришлось потомъ встрѣтиться послѣ долгаго перерыва въ концѣ 90-хъ годовъ въ Симферополѣ, гдѣ я въ то время издавалъ и редактировалъ мѣстную газету. Меня всегда интересовало, почему М. Г. Савина никогда не пріѣзжала на гастроли въ такой театральный городъ, какъ Симферополь, который нерѣдко посѣщали драматическіе и оперные артисты Императорскихъ театровъ и который, какъ я зналъ, былъ дорогъ М. Г. Савиной по воспоминаніямъ, такъ какъ она здѣсь съ большимъ успѣхомъ играла въ своей ранней молодости.

Я какъ-то написалъ Маріи Гавріиловнѣ по этому поводу и получилъ отъ нея шуточный отвѣтъ: «Предлежащія власти не желаютъ».

Когда вскорѣ послѣ этого М. Г. Савина пріѣхала лѣтомъ на гастроли въ Симферополь, то я узналъ отъ нея слѣдующее: какъ извѣстно, вторымъ бракомъ Марія Гавріиловна была замужемъ за Всеволожскимъ, родной братъ котораго, камергеръ Андрей Никитичъ, былъ Таврическимъ губернаторомъ. Онъ-то категорически заявилъ своей знаменитой невѣсткѣ: «Пока я живъ—я не позволю вамъ играть въ моей губерніи». Въ 90-хъ годахъ А. Н. Всеволожской вышелъ въ отставку, и М. Г. рѣшила, наконецъ, осуществить свое давнишнее желаніе—гастролировать въ Крыму. Случайно слова А. Н. Всеволожского: «пока я живъ»—оправдались. Онъ умеръ за два дня до выступленія М. Г. на сценѣ Симферопольскаго театра. Извѣстіе о смерти своего зятя Савина получила въ самый день спектакля. «Андрей Никитичъ оказался пророкомъ», сказала она мнѣ.

Н. Балабуха.

17—IX—1915. № 2806.

«УСПОКОИЛАСЬ ВЪ ВѢЧНОМЪ НЕПРОБУЖДЕНІИ».

Такъ извѣстный театральный критикъ, театральный беллетристъ, драматургъ и карикатуристъ Юрій Бѣляевъ (Юсъ Большой) закончилъ статью, посвященную кончинѣ артистки Маріи Гавріиловны Савиной...

Успокоилась безпокойная въ вѣчномъ непробужденіи...

Нѣтъ! Нѣтъ! Есть пробужденіе. Сонъ видѣнья посѣтятъ. Есть вѣчная, иная жизнь и врата ея отверзаются для артистки, вся жизнь которой прошла на сценѣ подъ маской театральнаго грима, среди тѣней и переливовъ пятнами наброшенныхъ обманчивыхъ декорацій, въ царствѣ подлинно сноподобномъ, призрачномъ, сказочномъ...

Звенитъ колокольчикъ за сценой.
Выходитъ артистъ на подмостки.
Лицо нарумянено густо,
И пестрый нарядъ его въ блесткахъ.

Савина спала. И мы всѣ снимъ и пробудимся для жизни иной, свѣтлой, чистой, звонокрылой...

Звонокрылая Савина!..

Повидимому, слѣдовало бы опредѣлить смерть, какъ конецъ жизни, началомъ которой служило рожденіе.

Колыбель и гробъ. Такъ.

Но пиѳагорейцы называли рожденіе смертью, а смерть истиннымъ рожденіемъ.

Марія Гавріиловна Савина, по идеямъ пиѳагорейцевъ, теперь родилась въ истинную жизнь, послѣ сноподобнаго существованія. Сноподобнаго, потому что, какъ она сама говорила: сцена была ея жизнь, и жизнь—вѣчная сцена.

Вѣчное непробужденіе... Вспомнимъ, что именно пиѳагорейцамъ обрядъ церкви обязанъ трогательными словами: «Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ». Свѣтопоказатель или свѣтоносецъ есть факелъ безсмертной жизни, жизни свободной, жизни разума. Я не думаю, чтобы скотская безличность рабства, влачащагося въ пыли, была добродѣтелью, какъ полагаютъ лицемѣры отсталости и обскурантизма. Мы должны идти впередъ, а не назадъ...

Марія Гавріиловна Савина всегда, сорокъ девять (?) лѣтъ, шла впередъ по сценѣ, неся факелъ таланта, факелъ сердца дивной женщины, факелъ страсти и упоенія. Она шла впередъ; впередъ и вотъ... дошла, куда мы всѣ совопросники и сострадники міра сего дойдемъ въ свой чередъ, въ чемъ и сомнѣнія быть никакого не можетъ—до могилы. Трудновато было. Что-то впереди? Впереди—могила. Что же сталъ? Иди... Безъ упованій религіи намъ невозможно легко сдѣлать этотъ послѣдній роковой шагъ.

Далѣе, авторъ излагаетъ какой-то совершенно невѣроятный разсказъ о своей встрѣчѣ съ М. Г. Савиной на Волковомъ кладбищѣ. Ни по характеру самаго факта, ни по существу многихъ приписываемыхъ почившей артисткѣ сентенцій описаніе это не отвѣчаетъ дѣйствительности.

X.

КОТЛИНЪ.

(Кронштадтъ, Петроградской губерніи).

10—IX—1915. № 203.

М. Г. САВИНА.

(Къ ея игрѣ въ Кронштадтѣ).

8-го сентября «Вечернее Время» принесло кронштадтцамъ горестную вѣсть о кончинѣ заслуженной артистки Императорскихъ театровъ Маріи Гавріиловны Савиной. Талантъ покойной слишкомъ хорошо извѣстенъ не только въ Россіи, но и за границей, такъ что писать объ этомъ новаго нечего. Скажемъ только, что память о талантливой артисткѣ, создавшей много художественныхъ образовъ, никогда не изгладится у видѣвшихъ хотя бы разъ ея талантливую игру, и ея утрата особенно тяжело отзовется на русской сценѣ, потерявшей за послѣднее время многихъ изъ своихъ видныхъ дѣятелей.

Марія Гавріиловна начала свою сценическую дѣятельность на казенной сценѣ въ 1874 году, а въ концѣ семидесятыхъ годовъ впервые играла въ Кронштадтскомъ Городскомъ театрѣ. Выступала она въ извѣстныхъ пьесахъ—«Маіорша», «Дикарка» и многихъ другихъ.

Въ продолженіе своей долгой сценической дѣятельности (въ 1914 г. исполнилось 40 лѣтъ) покойная М. Г. почти ежегодно гастролировала въ Кронштадтѣ, преимущественно въ Морскомъ, а иногда въ Коммерческомъ Собраніи, приводя въ восторгъ кронштадтцевъ своей талантливой игрой.

Въ послѣдній разъ она выступала въ Кронштадтѣ въ Коммерческомъ Собраніи въ 1909 году, 23-го апрѣля, въ извѣстной пьесѣ А. С. Суворина «Татьяна Рѣпина» и по обыкновенію произвела фуроръ своей тонкой игрой, ярко обрисовавъ трагедію женской души въ борьбѣ съ непоборимой любовью.

Послѣдній свой вечеръ въ Кронштадтѣ М. Г. провела въ семьѣ генералъ-маіора Е. П. Тверитинова, «очаровавъ всѣхъ обаятельностью своего общенія», какъ было написано въ рецензіи мѣстной газеты.

Въ благодарность за радушный пріемъ, М. Г. прислала Е. П. свою кабинетную фотографію въ роли инокини Ирины, изъ пьесы графа А. К. Толстого «Царь Борисъ», а также нѣсколько фотографій для передачи нѣкоторымъ другимъ лицамъ.

Слѣдуетъ, затѣмъ, описаніе послѣднихъ минутъ жизни — по сообщеніямъ петроградскихъ газетъ. Заканчивается статья такъ:

По словамъ близко знавшихъ покойную артистку, она, кромѣ своего огромнаго таланта, обладала такимъ же благороднымъ сердцемъ, крайне отзывчивой душой и дѣлала много добра особенно для начинающихъ артистовъ, но не любила, чтобъ объ этомъ знали.

Да будетъ миръ ея талантливой душѣ, а русская сцена и народъ никогда не забудутъ ее.

КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

(Севастополь).

10—IX—1915. № 235.

† М. Г. САВИНА.

Телеграфъ принесъ извѣстіе о смерти артистки Императорскихъ театровъ М. Г. Савиной.

Не успѣло еще изгладиться тяжелое впечатлѣніе утраты, навѣянное смертью К. А. Варламова, какъ новая вѣсть о новой утратѣ.

М. Г. Савина—одна изъ тѣхъ немногихъ представителей сценическаго искусства, которыхъ намъ дала старая школа, къ которой принадлежалъ и К. А. Варламовъ.

Одна за другой уходятъ старыя крупныя силы подъ громъ военной грозы, подъ сѣнью ужаса переживаемаго, и съ ними уходитъ много свѣтлаго и дорогого, что скрашивало нашу жизнь.

Въ переживаемый нами моментъ безотрадности настоящаго и неопредѣлившихся перспективъ будущаго какъ бы сглаживаются передъ грандіозностью міровой трагедіи значеніе и острота этихъ утратъ.

Но въ періодъ ликвидаціи войны и новаго строительства жизни тѣмъ чувствительнѣе окажутся эти утраты.

Невольно возникаетъ вопросъ: придутъ ли на смѣну этимъ, уходящимъ, новые служители искусства, которые смогутъ замѣнить ушедшихъ?

Будемъ надѣяться, что придутъ и смогутъ!..

И это намъ дастъ твердость и утѣшеніе въ утратахъ «не говорить съ тоской—ихъ нѣтъ, а съ благодарностью—были».

В. В.

КУРЬЕРЪ.

(Кострома).

13—IX—1915. № 214.

М. Г. САВИНА.

Статья Н. Галина.

Эта статья напечатана также: въ «Волховскомъ Листкѣ», 13—IX—1915, № 3300; въ «Донской Жизни», 13—IX—1915, № 209; въ «Золотоношскомъ Голосѣ», 16—IX—1915, № 372; въ «Таганрогскомъ Вѣстникѣ», 17—IX—1915, № 244; въ «Александровскомъ Вѣстникѣ», 23—IX—1915, № 1011; въ «Уссурійскомъ Краѣ», 25—IX—1915, № 209. Текстъ этой статьи—см. «Волховской Листокъ».

КУРСКІЙ ТЕАТРЪ.

13—IX—1915. № 18.

ВЕЛИКАЯ АРТИСТКА.

(М. Г. Савина † 8 сентября).

Безпощадная смерть грубо и вѣроломно прервала существованіе большого художника, яркаго самобытнаго таланта, изумительной артистки, по праву говорившей: «Сцена—моя жизнь!»

Не стало М. Г. Савиной, носительницы художественной правды, любящей, чуткой и нѣжной души.

Ушла въ вѣчность та, которую знала и глубоко цѣнила не только вся театральная Россія, но и далеко за рубежомъ.

Русскій театръ, не успѣвшій еще оплакать Варламова, потерялъ Савину.

Невыразимо грустно.

И невольно благоговѣйная память заставляетъ низко, низко поклониться праху той, чье славное имя будетъ вписано золотыми буквами на скрижаляхъ исторіи осиротѣвшаго отечественнаго театра.

С. А.

Еще не завяли цвѣты, которыми мы засыпали могилы Варламова, Стрѣльской...

А мы уже усыпаемъ свѣжими, душистыми цвѣтами гробъ Маріи Гавріиловны Савиной!

Надъ Александринскимъ театромъ занесла смерть свою безпощадную косу и одно за другимъ скосила три лучшихъ его украшенія.

Не стало «красы и гордости русской сцены».

Ушла отъ насъ одна изъ «послѣднихъ могиканшъ» русскаго искусства, и въ храмѣ Мельпомены—меньше одной славной, вдохновенной жрицей.

Съ подмостковъ русскаго театра ушла цѣлая «эпоха», и серьезная, вдумчивая критика воздастъ должное памяти «солнца русской сцены».

Какъ старый театралъ, я кладу только дань глубокой скорби на эту свѣжую могилу...

У Савиной былъ свой девизъ:

«Сцена—моя жизнь».

8-лѣтней дѣвочкой вступила она на подмостки сцены и не сходила уже потомъ съ нихъ цѣлую жизнь.

И даже въ послѣдній день своей жизни дышала только интересами сцены: бесѣдовала съ авторомъ новой пьесы, въ которой она должна была выступить.

Савину оплачутъ и русское искусство, и русскій актеръ.

Потому что для русскаго актера Савина была «родной матерью».

О немъ, порою обездоленномъ и голодномъ, она думала всегда и всѣ силы клала на то, чтобы ему помочь.

И русская актерская «громада» отвѣтила ей за это любовью.

За упокой ея души молятся сегодня актеры-инвалиды въ «Убѣжищѣ для престарѣлыхъ артистовъ», основательницей котораго была Марія Гавріиловна Савина.

Неумолимою смертью вырвана яркая страница изъ старой «русской театральной исторіи».

На мавзолеѣ, который вырастетъ надъ могилой М. Г. Савиной, должно быть высѣчено: «Сцена—моя жизнь!»

Р. М.

Заслуженная артистка Марія Гавріиловна Савина—лучшая драматическая актриса не только Петроградской Императорской труппы, но и всей Россіи; съ именемъ покойной связаны лучшія традиціи русскаго театра, въ исторіи котораго Савина сыграла выдающуюся роль. Въ теченіе сорока одного года она безсмѣнно, благодаря своему яркому дарованію, занимала первенствующее положеніе. За это время артистка переиграла безчисленное количество ролей, участвуя въ пьесахъ Гоголя, Грибоѣдова, Островскаго, Л. Толстого, Тургенева, Ал. и Ник. Потѣхиныхъ, Шпажинскаго, Гончарова, Гнѣдича, Суворина, Немировича-Данченко и др. Талантъ Савиной былъ многограненъ и разнообразенъ, такъ что ему были одинаково доступны какъ драматическія, такъ и комическія роли; Савина участвовала даже въ водевиляхъ съ пѣніемъ и опереткахъ. Перечислить всѣ исполненныя Савиной роли не представляется возможнымъ—такъ велико ихъ число; къ лучшимъ же ея ролямъ принадлежатъ: городничиха и дочь городничаго въ «Ревизорѣ», Вѣрочка и Наталья Петровна въ «Мѣсяцѣ въ деревнѣ», «Провинціалка», Тугина въ «Послѣдней жертвѣ», «Безприданница», Катерина въ «Грозѣ», Глафира въ «Волки и овцы», «Маіорша», «Чародѣйка», «Татьяна Рѣпина», «Василиса Мелентьева», «Марія Шотландская», Діана въ «Собакѣ садовника», «Идеальная жена» и мн. др. Кромѣ артистической дѣятельности, Савина удѣляла значительную часть своего времени общественной дѣятельности, близко принимая къ сердцу нужды артистовъ, оказывая постоянную поддержку и заботясь объ Убѣжищѣ для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей Театральнаго Общества. Умерла Савина отъ осложненной инфлуэнцы.

20—IX—1915. № 19.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Еще угасъ одинъ изъ яркихъ свѣточей русской сцены.

Умерла М. Г. Савина.

Когда вся театральная Россія облеклась въ трауръ, когда страницы газетъ пестрятъ воспоминаніями и извѣстіями о покойной, мнѣ невольно хочется добавить нѣсколько штриховъ, характеризующихъ М. Г., какъ дѣйствительно свѣтлаго, безконечно отзывчиваго и сердечнаго человѣка.

Когда я редактировалъ въ Москвѣ журналъ «Театръ въ каррикатурахъ», то въ помѣщеніи моего кабинета, иногда мѣсяцами, жили маленькіе представители сцены, нуждавшіеся и не имѣвшіе квартиры. Жили до перваго ангажемента, до случайнаго заработка. Объ этомъ кто-то разсказалъ М. Г. Одинъ разъ получаю я отъ покойной визитную карточку, въ которой она проситъ меня сообщить ей о популярномъ провинціальномъ артистѣ К., впавшемъ, благодаря нѣкоторымъ слабостямъ, въ крайнюю нужду и уже болѣе недѣли проживавшемъ при редакціи.

— «Дѣйствительно ли онъ очень нуждается, боленъ и находится у Васъ?» — писала мнѣ покойная.

Я, конечно, отвѣтилъ утвердительно.

На другой день посыльный принесъ мнѣ для передачи К. пакетъ съ 50 рублями. Это—посылала Савина товарищу по сценѣ, котораго никогда не знала и о которомъ только случайно услышала.

То, что я только что разсказалъ, весьма характерно для М. Г., и я думаю, что, добавивъ о великой артисткѣ нѣсколько строкъ, я добавилъ лишь безконечно длинный и пестрый списокъ ея добрыхъ дѣлъ, которыя никогда не умрутъ въ душѣ чуткаго русскаго артиста.

Евгеній Ивановъ.

ЛУКОМОРЬЕ.

(Петроградъ).

19—IX—1915. № 38.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ АРТИСТКИ.

Пусть тотъ, кто не зналъ Марію Гавріиловну Савину лично, хотя бы и такъ мимолетно, какъ знала ее я,—пишетъ сейчасъ замѣтки съ біографическими данными и датами. Мнѣ же въ эти горестные сиротливые дни хочется просто сказать слово глубокой благодарности великой русской артисткѣ, а также и судьбѣ, давшей мнѣ возможность не только запечатлѣть на всю жизнь въ моей памяти художественно-прекрасные, созданные ея великимъ талантомъ образы, но и обаятельный образъ Савиной-женщины, Савиной-человѣка, Савиной такой, какой она была въ жизни.

Именно въ жизни, не со сцены пришлось мнѣ увидѣть ее, какъ въ первый, такъ и въ послѣдній разъ въ моей жизни. Въ первый разъ посчастливилось мнѣ увидѣть ее еще въ моемъ дѣтствѣ, въ домѣ извѣстнаго адвоката и поэта С. А. Андреевскаго. Въ послѣдній разъ видѣла я ее въ печальный день третьей годовщины смерти А. С. Суворина, у его могилы. И какъ въ первый разъ меня, ребенка, поразила и очаровала обаятельность Маріи Гавріиловны—человѣка, такъ и въ послѣдній разъ тронулъ меня въ ней глубоко чувствующій человѣкъ. Въ нѣсколькихъ простыхъ сказанныхъ ею мнѣ о покойномъ А. С. Суворинѣ словахъ было столько чувства, столько мысли и искренней памяти о человѣкѣ, котораго она такъ цѣнила, чтила и любила при его жизни!

Но среди всѣхъ мимолетныхъ и всегда яркихъ встрѣчъ съ Маріей Гавріиловной въ жизни совершенно особо стоитъ въ моей памяти и будетъ всегда стоять воспоминаніе о нашемъ съ нею посѣщеніи Убѣжища для престарѣлыхъ артистовъ.

Какъ сейчасъ вижу ее въ это свѣтлое воскресное утро въ уютной гостиной Убѣжища, среди этихъ старшихъ, сошедшихъ со сцены, собратій по искусству, для которыхъ она сумѣла создать эту прекрасную тихую пристань, гдѣ могли они укрыться отъ бурь непосильной ихъ годамъ сценической жизни.

— Марія Гавріиловна наше солнце,—съ восхищеніемъ глядя на нее, сказалъ мнѣ въ это утро не одинъ бывшій Чацкій, не одинъ бывшій Гамлетъ, сказала не одна бывшая Офелія.

И, въ самомъ дѣлѣ, въ эту залитую солнцемъ комнату Марія Гавріиловна словно вносила еще какой-то свой, ей одной присущій свѣтъ. Можетъ быть, это былъ не только свѣтъ души ея, но и свѣтъ ея таланта, подсказывавшаго ей слова ласки, острой шутки, сглаживавшія вокругъ нея всѣ чуть замѣтныя шероховатости и создававшія какую-то особую гармонію настроенія. Всѣмъ около нея дѣлалось какъ-то сразу легко, бодро, интересно и весело.

— Зайдемте тутъ къ одной старушкѣ въ ея комнату, она не выходитъ,—пригласила меня Марія Гавріиловна и прибавила, входя въ комнату старушки, улыбаясь, и такъ, чтобы послѣдняя слышала то, что говорилось мнѣ,—вѣдь съ Ольриджемъ играла она.

Вспоминая теперь это посѣщеніе Убѣжища, вспоминая, какъ подходили всѣ тамъ къ Маріи Гавріиловнѣ, какъ подходила она ко всѣмъ, не могу себѣ безъ ужаса представить, какъ примирятся тамъ эти люди съ тѣмъ, что ихъ «солнце» закатилось уже навсегда. Убѣжище осиротѣло! Но осиротѣли и мы всѣ. Кто замѣнитъ Убѣжищу Марію Гавріиловну, его созидательницу? Кто замѣнитъ намъ Марію Гавріиловну, создательницу прекрасныхъ, уносившихъ насъ въ другую жизнь образовъ? У кого хватитъ смѣлости создавать новый образъ, хотя бы Натальи Петровны («Мѣсяцъ въ деревнѣ»), и тѣ безчисленные другіе образы, которые навсегда сохранятся въ нашей памяти. Да, осиротѣла сцена, осиротѣли драматурги, осиротѣлъ зритель.

Смерть артиста зритель чувствуетъ еще острѣе, чѣмъ смерть писателя. Съ писателемъ онъ соприкасается только черезъ его произведенія, съ артистомъ, если этотъ артистъ такой великій талантъ, какъ Марія Гавріиловна, онъ живетъ. Вмѣстѣ съ нею переживали мы радости и горести, цѣлые часы въ театрѣ. Въ наши дни, когда только такой талантъ, какъ талантъ Маріи Гавріиловны, можетъ, хотя бы на нѣсколько часовъ, зачаровать насъ, вырвать изъ окружающаго кошмара, мы почувствуемъ нашу тяжелую утрату особенно остро. Все, что осталось намъ,—это навѣки благодарная память о нашей великой русской артисткѣ и сознаніе, что великій талантъ безсмертенъ.

Умерла Марія Гавріиловна, но она вѣчно будетъ жить среди насъ, будетъ жить въ своей памяти.

И. Жуковская.

При этой статьѣ помѣщенъ портретъ М. Г. Савиной, въ ея рабочемъ кабинетѣ, за изученіемъ роли (1914 г.).

МАЛЕНЬКАЯ ГАЗЕТА.

(Петроградъ).

9—IX—1915. № 248.

СПИ, РОДНАЯ... СПИ, ГОЛУБУШКА, БЕЗМЯТЕЖНЫМЪ СНОМЪ... ПОМЕРЛА ТЫ, САМАЯ ОБАЯТЕЛЬНАЯ АКТРИСА РУССКОЙ ДРАМЫ... НО КОГДА ПОНЕСУТЪ НА КЛАДБИЩЕ ТВОЙ ГРОБЪ, ПУСТЬ ПОЙДЕТЪ ВЕСЬ ПЕТРОГРАДЪ ПРОВОЖАТЬ ТЕБЯ, ОБАЯТЕЛЬНУЮ, ВЕЛИКУЮ САВИНУ...

Померла Марія Гавріиловна Савина... Ушла изъ жизни одна изъ послѣднихъ великихъ комедійныхъ актрисъ театральной Россіи. Врядъ ли у кого изъ артистовъ было столько враговъ, какъ у покойницы, благодаря ея властному характеру и острому уму; но Савина царила на казенной сценѣ по праву: она была величайшимъ талантомъ, громаднымъ, самобытнымъ и полнымъ художественной яркости. И тогда, когда она играла женщинъ, «которыхъ любятъ», и когда она перешла на амплуа женщинъ, «которыя любятъ»,—въ ея игрѣ ключемъ била жизнь, простая, естественная и безконечно близкая къ природѣ. Судьба долго и безжалостно била покойницу раньше, нежели изъ бѣдной Машеньки Стремляновой она сдѣлалась гордостью русскаго театра Маріей Гавріиловной Савиной, а потому около ея могилы надо преклоняться не только передъ ея дарованіемъ, а и передъ той силой воли, съ которой она сумѣла подняться на вершины жизни и до послѣдняго дня остаться на этихъ вершинахъ... Орлинаго полета были крылья у этой великой актрисы, и такъ же могучъ былъ ихъ размахъ, какъ были красивы ея черные, какъ темная ночь, глаза... Закрылись теперь эти глаза навсегда, и безъ того нищая талантами казенная сцена долго не забудетъ ихъ сіянія... Пусть же земля приголубитъ усталое тѣло своей дочери «Дикарки»,—одной изъ лучшихъ дочерей Матери-Земли. «Комета» завершила свой путь и скрылась... Темно кругомъ... Безпросвѣтно темно... Прощай, дорогая и любимая «Комета»!

И. В. Лебедевъ (Дядя Ваня).

МОДНЫЙ КУРЬЕРЪ.

(Петроградъ).

1—X—1915. № 41—42.

Здѣсь помѣщенъ тотъ же некрологъ и тотъ же портретъ, что и въ журналѣ «Вѣстникъ Моды», 1—X—1915, № 41—42.

МОСКОВСКАЯ КОПЕЙКА.

(Москва).

9—IX—1915. № 43—190.

† М. Г. САВИНА.

(По телефону изъ Петрограда).

Вчера въ $5^1/_2$ часовъ утра отъ разрыва сердца скончалась заслуженная артистка Марія Гавріиловна Савина.

МОСКОВСКІЙ ЛИСТОКЪ.

(Москва).

10—IX—1915. № 207.

КОНЧИНА М. Г. САВИНОЙ.

Подъ этимъ заголовкомъ помѣщенъ портретъ М. Г. Савиной, извѣстіе объ ея смерти, краткія біографическія свѣдѣнія и описаніе послѣднихъ минутъ ея жизни—по сообщеніямъ петроградскихъ газетъ.

23—IX—1915. № 217.

Помѣщенъ рисунокъ: «М. Г. Савина въ разныхъ ролях ея репертуара».

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

(Москва).

9—IX—1915. № 207.

КОНЧИНА М. Г. САВИНОЙ.

Телефонограмма изъ Петрограда, извѣщающая о смерти М. Г. Савиной, съ описаніемъ по газетнымъ сообщеніямъ послѣднихъ минутъ ея жизни.

ОСИРОТѢВШІЙ ТЕАТРЪ.

(Памяти М. Г. Савиной).

Не одинъ Александринскій театръ—все русское сценическое искусство понесло невозвратимыя утраты. Сначала Варламовъ, теперь Савина.

Какія имена! Сколько заключено въ нихъ дивнаго, прекраснаго, затрагивающаго лучшія струны ума, души и сердца!

Марія Гавріиловна Савина, артистка комедіи и драмы. «Комедіи и драмы»! Въ эти слова нужно вникнуть. Тутъ заключается такой изумительный діапазонъ дарованія, какой едва ли есть еще у кого-нибудь изъ нашихъ лучшихъ артистокъ сцены.

Вспомните легкія комедіи Виктора Крылова: Савина создала имъ славу вдесятеро большую, чѣмъ стóятъ эти иногда остроумные, иногда шаржированные пустячки.

Серьезная комедія: Островскій, А. Потѣхинъ, Тургеневъ, Суворинъ—тутъ Савина на высотѣ своего огромнаго дарованія. Она—первая артистка въ Россіи, артистка серьезной комедіи.

Въ драмѣ она прекрасна, но здѣсь въ лицѣ М. Н. Ермоловой и М. К. Заньковецкой у нея могущественныя соперницы.

Но нельзя сравнивать великихъ артистокъ и артистовъ. Каждый даетъ что-нибудь свое, особенное, оригинальное и великолѣпное. Я думаю, нельзя лучше играть героиню въ «Исторіи одного увлеченія», какъ ее играла М. Г. Савина. Невозможно болѣе жить на сценѣ, чѣмъ это дѣлаетъ М. Н. Ермолова въ «Да здравствуетъ жизнь!» Помните ли вы «Укрощеніе строптивой» съ Г. Н. Ѳедотовой? Видѣли ли Стрепетову въ «Грозѣ», Заньковецкую въ «Не ходи, Грицю, тай на вечорныци»?

Все это дивно-прекрасно. Зритель одинаково былъ очарованъ. Эти артистки-звѣзды равносильно чудесны и высоко обаятельны.

Очаровательная М. Г. Савина была не только «королевой сцены», но и «королевой гостиной». Салонъ Савиной въ Петроградѣ былъ центромъ людей большого ума, таланта и ранга. Я совершенно случайно имѣлъ счастье быть представленнымъ Савиной въ Москвѣ, на артистическихъ съѣздахъ, и навѣщалъ ее, когда она пріѣзжала въ Москву. Скажу прямо: болѣе интересной, умной, тонкой и увлекательной женщины, какъ Савина, я не знаю. Эта дочь маленькаго учителя рисованія и впослѣдствіи незамѣтнаго провинціальнаго актера сама себя образовала и воспитала, да такъ, что умъ отказывается «обнять необъятное», понять эти могучія силы, вознесшія Савину и на сценѣ, и въ жизни до предѣльныхъ вершинъ славы и всеобщаго передъ нею поклоненія. По тону ея бесѣды, по манерамъ, по выдержкѣ это была аристократка par excellence. Не находилось предмета, о которомъ она не могла бы поддержать разговоръ.

По остроумію это былъ, если позволите подобное сравненіе, самъ Диккенсъ. Ея разсказы восхищали каждаго слушателя. М. Н. Ермолова говорила, какъ однажды къ ней пріѣхала Савина и въ лицахъ передавала ей новую комедію В. В. Билибина (въ которой она играла главную роль); слушая, М. Н. хохотала, какъ ребенокъ,—до того геніально изобразила Савина типъ разсѣянной женщины-болтуньи...

Да что приводить примѣры! Каждый спектакль Савиной въ Москвѣ—лучшее доказательство геніальности артистки, которой вполнѣ присуще названіе «великая». Савина именно—велика и всеобъемлюща.

Въ 1914 году, послѣ своего юбилея, М. Г. Савина прислала мнѣ свой фотографическій портретъ со слѣдующей надписью:

«И черезъ сорокъ пять лѣтъ я вѣрна моему девизу: Сцена—моя жизнь!»

Отнынѣ этотъ портретъ—одна изъ цѣннѣйшихъ моихъ реликвій, которыя имѣютъ отношеніе къ театральному искусству.

Савина скончалась, но намъ, счастливцамъ, видѣвшимъ и наслаждавшимся ея неподражаемой игрой на сценѣ, никогда не забыть безцѣнно-дивнаго образа царицы русскаго искусства.

Память современниковъ, благодарная и окропленная слезами искренняго сожалѣнія объ утратѣ,—это нерукотворный мавзолей всѣмъ истиннымъ геніямъ, этимъ лучамъ солнца въ скучной, сѣрой и отталкивающей обыденности нашей жизни...

М. Г. Савина—яркій, божественный лучъ, озарявшій сцену.

Безъ Савиной послѣдняя осиротѣла и потемнѣла...

Н. Ежовъ.

13—IX—1915. № 211.

ВЕСЕЛОЕ ЖИТЬЕ.

(Памяти актерской печальницы).

I.

Говорили объ актерахъ, объ ихъ счастливомъ, веселомъ, беззаботномъ житьѣ.

Старый комикъ Кравцовъ-Чебоксарскій скорчилъ горькую улыбку, которая не шла къ его широкому, какъ блинъ, бритому лицу, потеръ свои синія щеки и сказалъ:

— Да, правы же вы, милые и просвѣщенные господа, тысячу разъ правы. Актеръ счастливѣйшій человѣкъ на Руси. Особливо провинціальный. Актерское житье—веселое житье, и если о немъ какъ слѣдуетъ, со знаніемъ дѣла разсказать, со смѣху помереть можно.

Компанія разсмѣялась. Это была компанія беззаботныхъ мужчинъ и красивыхъ женщинъ, которые не прочь были послушать веселыхъ разсказовъ послѣ вкусныхъ блюдъ, тонкихъ винъ и отрывочныхъ разговоровъ среди стука ножей и вилокъ, среди смѣны тарелокъ и быстраго шмыганья лакеевъ, носившихъ супъ, дичь, фрукты, вино.

— Итакъ, мы правы, нашъ милый комикъ? Мы это знали. А теперь разсказывайте про актерское житье!—послышались веселые голоса.

Кравцовъ-Чебоксарскій отпилъ полстакана вина, вздохнулъ и задумался.

— Начинайте же, наконецъ!

— Долго ли намъ ждать вашихъ веселыхъ разсказовъ?

— Это невѣжливо, милый другъ. Взманить и затѣмъ молчать, будто бы давъ обѣтъ молчанія!

Старый комикъ хлебнулъ еще вина и началъ:

— Терпѣніе, друзья мои! Я хочу для начала разсказать что-нибудь позабавнѣе, чтобы сразу привлечь ваше вниманіе. Но, какъ на грѣхъ, ничего забавнаго для перваго дебюта не идетъ въ голову. Начну же съ чего придется, а тамъ, можетъ, и забавное вспомнится что-нибудь.

Кравцовъ-Чебоксарскій подперъ рукой голову и усмѣхнулся.

— Начинаю,—заговорилъ онъ.—Вниманіе, просвѣщенные милостивыя государыни и милостивые государи! Начинаю разсказъ про веселое житье счастливаго человѣка, провинціальнаго актера, этого баловня судьбы. Какъ везетъ ему, какъ дьявольски везетъ! Многіе сильные міра пламенно хотѣли бы внушать страхъ, но ихъ никто не боится; провинціальный актеръ внушаетъ каждому страхъ въ глуши, хотя вовсе не хлопочетъ объ этомъ. Въ половинѣ домовъ ему боятся сдать внаймы комнату или квартиру. Онъ—актеръ. Хорошо, если всего-на-всего онъ съѣдетъ съ квартиры черезъ окно, среди тьмы полуночи, забывъ расплатиться съ хозяйкой (вѣдь это именно про актера говорится: пиши за нимъ долгъ на двери, а получай въ Твери... Чухломѣ, Тетюшахъ или Царевококшайскѣ, смотря по тому, гдѣ онъ въ будущемъ сезонѣ станетъ играть!). Но хозяйка думаетъ, что можетъ случиться и хуже. Онъ не только расплатиться забудетъ, но онъ бобровую шубу хозяина захватитъ съ собой или серебряныя ложечки ея, хозяйки. Вѣдь онъ—актеръ, и для него нѣтъ ничего священнаго, для него законъ не писанъ. Если супругъ у хозяйки непьющій, актеръ споитъ его, хотя бы ханжой или денатуратомъ. Если у нея—взрослая дочь, актеръ соблазнитъ ее. Вотъ почему, когда бритая личность входитъ во дворъ смотрѣть квартиру или комнату, вмѣсто дворника стараются напу-

стить на него самаго кровожаднаго пса. Можете представить, милые люди, какую гордость чувствуетъ актеръ, какъ пріятно ему внушать такой страхъ окружающимъ, какого не внушали ни Тамерланъ, ни Атилла, ни въ бѣшеномъ гнѣвѣ самъ Вильгельмъ-сухорукій?! О, баловень счастья, гдѣ найти равнаго тебѣ?

Кравцовъ-Чебоксарскій налилъ стаканъ вина и отвѣтилъ на собственный вопросъ:

— Нигдѣ не найти! Днемъ съ огнемъ не сыщешь такого счастливца. Пойдемъ дальше. Всѣ несчастливцы, всѣ простые смертные приписаны къ одному городу, имѣютъ постоянное гнѣздо, одинъ счастливецъ-актеръ —перелетная птица; климатъ всѣхъ мѣстъ на Руси, картины всѣхъ уголковъ ему знакомы отлично. Да, да! Ибо зимой актеръ голодаетъ, скажемъ, въ Костромѣ, а весной уже бѣдствуетъ въ Маріуполѣ, лѣтомъ его тянутъ въ судъ—за неплатежъ денегъ въ Вяткѣ, а осенью онъ свиститъ въ кулакъ гдѣ-нибудь въ Бирючѣ. Куда, куда, подумаешь, не метнетъ его судьба! Интересно. Простому обывателю, чтобы по Россіи поѣздить, тьму денегъ истратить приходится, а актеръ всего наглядится, разъѣзжая, такъ сказать, по дѣламъ службы. «Другъ мой»,—говорилъ мнѣ одинъ старый товарищъ,—«велика Русь-матушка, необъятна, а я ее, какъ свои пять пальцевъ, знаю. Всю изучилъ. Въ Рязани—добрый народъ. Тамъ двѣ недѣли не плати въ гостиницѣ, обѣдъ отпускать будутъ; супъ хотя и съ перьями, а все-таки супъ; жаркое изъ старыхъ галошъ резиновыхъ, но въ чистомъ, братъ, русскомъ маслѣ. Въ Саратовѣ жестокіе нравы. Недѣлю не поплатишь, не только что супа съ перьями, но даже и перьевъ тебѣ не дадутъ. О жаркомъ и говорить нечего. Тамъ, братъ, старыя галоши вмѣсто того, чтобы жарить, чинятъ, заплатки на нихъ кладутъ да въ лучшемъ видѣ на ногахъ носятъ. А когда вдрызгъ износятъ, резину перетапливаютъ и новыя льютъ. Способъ нашли! Въ Саранулѣ каталажки въ чистотѣ содержатся, и духъ въ нихъ легкій, а въ Тьмутаракани въ каталажкѣ такой клопъ водится, какого я больше нигдѣ не видалъ. Золъ, какъ собака, а ростомъ съ добраго слона. Въ Самарѣ, въ Казани, въ Астрахани публику благородствомъ тронуть можно: поставь «Гамлета», поставь «Горе отъ ума», глядишь, публика и клюнетъ; а заѣхалъ въ Гнилотрясинскъ, ну, тутъ, кромѣ какъ «Башней голода» или «Морскимъ разбойникомъ», ничѣмъ публику не пронибешь. Прямо—каменныя сердца. Изъ гранита. Если жъ, не дай Богъ, ученыя свиньи или живая голова одновременно съ драматической труппой въ городъ заѣдутъ, ну, тутъ драматическая труппа въ высоко-драматическое положеніе попадетъ. Или клади зубы на полку или вонъ изъ города бѣги». Большой знатокъ Руси православной мой старый товарищъ былъ. Въ нѣкоторомъ родѣ энциклопедистъ.

Кравцовъ-Чебоксарскій закурилъ папиросу и продолжалъ:

— Служащій россійскій гражданинъ получаетъ жалованье разъ въ мѣсяцъ, привыкъ къ этой мысли, и ничего эта операція не вызываетъ въ немъ, кромѣ скуки. Пришелъ, расписался по шаблону, получилъ по шаблону,—тоска! Счастливый актеръ цѣлый мѣсяцъ заинтересованъ получкой жалованья. Цѣлый мѣсяцъ, какъ новый Гамлетъ, онъ повторяетъ: «Быть или не быть... жалованью?»

— Ха-ха.

— Нервы его напряжены. Жалованье будетъ, если будутъ сборы. А сборы, чортъ ихъ возьми, неважны. Настроенія настоящаго у публики нѣтъ. Не до спектаклей. Да, наконецъ, если и сборы будутъ, антрепренеръ можетъ сбѣжать. Бывали случаи! Заберетъ кассу и махнетъ въ какой-нибудь край далекій и прекрасный за тысячу верстъ: ищи вѣтра въ полѣ. Для счастливаго актера—развлеченіе: антрепренеръ сбѣжалъ. Инцидентъ въ нѣкоторомъ родѣ. Помните, какъ въ одномъ изъ прелестныхъ разсказовъ Чехова объ играющихъ въ лото малышахъ: «Копейка пропала!» Актеръ задѣтъ за живое, трепещетъ, волнуется, изыскиваетъ средства, чтобы не помереть съ голоду; живетъ полной жизнью мыслящаго голоднаго человѣка, и не животной жизнью какой-нибудь улитки или жирнаго буржуа.

— Довольно, Кравцовъ-Чебоксарскій!

— Послушайте, ваши разсказы совсѣмъ не смѣшны.

— Милый другъ, вы надуваете публику.

Кравцовъ-Чебоксарскій пожалъ плечами.

— Развѣ это не смѣшно?—сказалъ онъ.—Мнѣ казалось это смѣшнымъ. Но, впрочемъ, можно разсказать что-нибудь и смѣшнѣе. Ба! Что можетъ быть смѣшнѣй театральнаго краха? Актеры напоминаютъ тѣхъ муравьевъ, муравейникъ которыхъ разворотили палкой. Они копошатся, бросаются изъ стороны въ сторону, но проходятъ день-два неустройства, и все идетъ какъ по маслу. Актеры кладутъ на плечо палку, на палку вѣшаютъ узелки съ гардеробомъ отъ лучшихъ парижскихъ портныхъ,—актеры первѣйшіе франты, что извѣстно давно,—вылѣзаютъ на разсвѣтѣ изъ оконъ и форточекъ и со смѣхомъ и шутками подъ дождемъ или снѣгомъ выходятъ за городъ и шагаютъ по шпаламъ. Куда ближе—въ Москву или Петроградъ.

Старый комикъ долилъ виномъ свой стаканъ.

— Путь предстоитъ не близкій, верстъ 300 или 500 и, если идти безъ смѣха и шутокъ,—соскучишься. Вы узнали бѣженцевъ въ наши дни и, я вѣрю, ваши души проникнуты къ бѣженцамъ острой жалостью. Но удѣлите же хоть каплю ея и тѣмъ горькимъ бѣженцамъ-актерамъ, которыхъ давно уже знаетъ Русь.

II.

— Уже десятки лѣтъ во дни краховъ они бродятъ по россійскимъ градамъ и весямъ. «Ихъ мочатъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль»... Но, впрочемъ, я вѣдь хотѣлъ говорить о веселой актерской жизни? Ихъ горе и бѣды хорошо знала Савина, эта печальница русскихъ актеровъ и заступница, годы отстаивавшая ихъ отъ нужды и голода, чѣмъ могла и какъ могла. Но вѣдь и Савиной теперь уже нѣтъ. Вы знаете, она до смерти не порывала связи съ актерской богемой. Съ дружеской любовью, какъ говорятъ о ней ея друзья, она вспоминала о товарищахъ-неудачникахъ, вспоминала о маленькихъ досчатыхъ театрахъ, гдѣ она выступала когда-то и гдѣ, по ея словамъ, дождевыя капли иногда проникали въ уборныя и зрительный залъ. Савина знала изнанку актерства, но... я отвлекаюсь отъ темы, ибо васъ, господа, интересуетъ не изнанка, а веселая актерская жизнь. Вернемся же къ этой веселой жизни. Да, да, порой «ихъ мочатъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль», а порой—на дворѣ весна, солнце смѣется съ синяго неба, надъ полями поютъ жаворонки, по лѣсамъ и болотамъ бродятъ журавли, кулики высовываютъ свои длинные носы изъ-за кочекъ. Воздухъ прозраченъ и чистъ; его и сравнить нельзя съ душнымъ воздухомъ вагона, въ которомъ переѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто обычная публика. Это небо и земля. Воздухъ скрашиваетъ даже гнилыя желѣзнодорожныя шпалы. Актеры хохочутъ: имъ чудится, что они не бѣженцы, а счастливые экскурсанты!

— А актрисы? Онѣ тоже идутъ по шпаламъ?

— Недавно носили узкія юбки. Въ узкихъ юбкахъ это едва ли удобно!

Кравцовъ-Чебоксарскій покачалъ головой.

— Что за чепуха? Зачѣмъ актрисамъ идти по шпаламъ? Вы не увидите этого зрѣлища, друзья мои, хотя для васъ оно, можетъ быть, и интересно. Актрисамъ идти по шпаламъ? На что же существуютъ просвѣщенные и непросвѣщенные, но добрые меценаты? Помню я крахъ въ Медвѣжьемъ Бору. Мигнуть не успѣли, какъ меценаты уже простерли руку помощи: помѣщикъ Карягинъ инженю къ себѣ въ имѣніе для поправленія здоровья увезъ (есть добрыя души!). а предсѣдатель уѣздной земской управы въ лектрисы къ себѣ героиню пригласилъ; самъ-то онъ видѣлъ плохо, такъ вотъ, чтобы послѣ обѣда ему Мопассана, «Декамеронъ» и т. п. вещи читать; остальныхъ актрисъ другіе меценаты по рукамъ разобрали. Потому, провинціальный меценатъ любитъ русскую актрису; особливо хорошенькую. Двухъ-трехъ актрисъ, которыя побоялись занять совершенно незнакомыя имъ амплуа—по младости лѣтъ трусливы и робки были,—актеры вскладчину на послѣдніе гроши изъ города выпроводили; не безъ помощи добрыхъ людей; не меценатовъ, а просто добрыхъ людей. И все устроилось какъ нельзя лучше. Зачѣмъ актрисамъ по шпаламъ идти? Обыкновенная женщина въ случаѣ краха и тому подоб-

наго, — ну, мужъ у нея умеръ, напримѣръ, — можетъ и съ голоду помереть, и по паналамъ пойти, потому, что она пропадетъ въ неизвѣстности, а актриса — счастливица: она каждый вечеръ у всѣхъ на виду, каждый шагъ ея меценатъ сторожитъ, какъ ястребъ цыпленка, и на случай краха заранѣе въ умѣ выкладки дѣлаетъ, во что ему удовольствіе простереть руку помощи обойдется. Вѣдь насчетъ актрисъ у господъ мужчинъ такой взглядъ сложился: «Не спрашивай, можно ли простереть руку помощи, а спрашивай, во сколько тебѣ обойдется сіе?»

— Но почему же такъ?!

— Господи, а вы и не знаете? А это легко понять. Если обыкновенная женщина легкомысліемъ поступковъ отличается, объ этомъ развѣ Иванъ Ивановичъ да Сергѣй Сергѣевичъ, да пара подругъ знаютъ; про малѣйшее же легкомысліе актрисы весь городъ во всѣ колокола звонитъ: «Слышали? Ай да, инженю!» — «Ну, и нравы!» — «Вчера въ «Самаркандѣ» такой кутежъ былъ, какого и старожилы не запомнятъ!» — «Чего вы хотите? На то актриса, батюшка». — «Аховый народъ!» Хотя, если разобрать дѣло, актрисы ничуть не легкомысленнѣе прочихъ дамъ!

— Милый другъ, но разскажите же что-нибудь посмѣшнѣй!

— Удивительно! Еще комикъ...

— Господа, я сейчасъ кончу. Одну минуту вниманія! Вы можете сказать, что актеровъ я живописую чуть-чуть по старинкѣ, что теперь уже народился иной актеръ, актеръ другого типа, другого амплуа, иной болѣе нѣжной и тонкой организаціи. Господи, буду ли я спорить противъ этого? Вы правы тысячу разъ. Но вѣдь жизнь по старому сѣра и груба и полна острыхъ угловъ, и человѣкъ съ нѣжной организаціей объ эти углы только больнѣе бьется. Вѣдь не легче ему, а тяжелѣй. Несправедливость больнѣе царапаетъ его нѣжную душу. О Савиной пишутъ: «Удивительно постигла она психологію актерства; она знала, какъ нужно говорить съ каждымъ, какъ подойти къ нему, чтобы не задѣть его самолюбія и достоинства и не обидѣть его. Она — царица сцены — умѣла быть другомъ самаго маленькаго актера, умѣла приголубить его и знала, что ему нужно». Но жизнь — не Савина. Жизнь это — бабища глупая, румяная, жирная, и она больно бьетъ по актерской душѣ.

— Милый другъ, если актерамъ такъ скверно, кто же проситъ въ актеры идти?

— Въ сущности, вѣдь это же тунеядство!

— Кто проситъ идти въ актеры, господа? Если ваше сердце ничего не говоритъ вамъ, я, пожалуй, кое-что скажу вамъ на это. Если одного тянетъ жажда бездѣлья и легкаго, веселаго житья, на которое онъ, глупецъ, разсчитываетъ, то другого — жажда славы; нельзя сказать, чтобы это была черезчуръ глупая жажда; третьяго — жажда свободы; не всякій способенъ на рабскія чувства конторщика къ какому-нибудь «московскому Сіесу» съ мануфактурной фабрики, и призракъ даже голодной свободы — прекрасенъ; четвертаго тянетъ на сцену та польза, которую, какъ онъ думаетъ, принесетъ его игра обывателямъ медвѣжьихъ угловъ, удрученнымъ, подавленнымъ горемъ, — всему человѣчеству. Вѣдь слова, которыя актеръ говоритъ со сцены, часто прекрасны. Если порою ихъ пустили въ свѣтъ бездарные ремесленники, цеховые драматурги, то порою — первоклассные таланты, передовые умы, свѣточи, гиганты литературы. Вѣдь нельзя же отрицать, что сѣмя, брошенное со сцены, не всегда упадетъ на неблагодарную почву, не всегда глушится сорной травой. А что, дорогіе друзья мои, выше возможности идти въ міръ, гордо держа надъ головой сіяющій факелъ истины, добра и красоты? Не всегда же это — тусклый, грязный и сальный ночникъ, распространяющій копоть. Или, быть можетъ, по вашему почтеннѣе щелкать счетами за конторкой торговыхъ домовъ «московскихъ Сіесовъ»? Выше продавать чай, сукно и трико? Писать никому ненужныя бумаги въ управѣ? Проживать приданое богатой жены?

— Та же чепуха, Кравцовъ-Чебоксарскій!

— То же тунеядство!

— Тунеядство?

Старый комикъ опять долилъ виномъ свой бокалъ.

— Вы упрямы. Вы упорно твердите, что актеръ—тунеядецъ. Впрочемъ, вы не одиноки. О, нѣтъ! Когда-то мужи законодательства, члены Государственной Думы, не дали въ пособіе Театральному Обществу какихъ-то ничтожныхъ нѣсколькихъ тысячъ рублей. Зачѣмъ поощрять тунеядство? Пусть будетъ такъ. Актеръ—тунеядецъ. Но изъ всѣхъ тунеядцевъ провинціальный актеръ, господа, такой тунеядецъ, который всѣхъ чаще сидитъ безъ хлѣба и дохнетъ съ голода. Надѣюсь, что это—обстоятельство, въ сильной степени смягчающее вину?

Кравцовъ-Чебоксарскій поднялъ стаканъ съ виномъ.

— А потому... потому я не прочь выпить за умирающаго съ голода тунеядца! И еще за ту, которая, какъ никто, понимала бѣднаго русскаго актера и которой теперь уже нѣтъ...

Г.

НАБОРЩИКЪ И ПЕЧАТНЫЙ МІРЪ.

(Петроградъ).

IX—1915. № 189.

ГОРДОСТЬ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

(Памяти М. Г. Савиной).

Ударъ за ударомъ постигаетъ русское общество. Не успѣло еще остыть тяжелое чувство потери такихъ колоссовъ сцены, какъ Варламовъ и Стрѣльская, является еще новая, еще тяжкая потеря. Неожиданно умираетъ заслуженная артистка Императорскихъ театровъ Марія Гавріиловна Савина—краса и гордость русской сцены. Перечислить все то, что сдѣлано Савиной для русскаго искусства, указать всѣ тѣ роли, въ коихъ Савина создала незабываемые сценическіе образы, въ краткой замѣткѣ нѣтъ никакой возможности. Кто видѣлъ, хотя бы одинъ только разъ, игру Савиной, уже не могъ забыть этого озареннаго «милостью Божіей таланта», такъ ярко горѣвшаго на сценѣ Александринскаго театра на протяженіи почти 40 лѣтъ. Труженикамъ свинцовой арміи также памятны выступленія М. Г. Савиной на вечерахъ въ пользу Вспомогательной Кассы Наборщиковъ, причемъ Савина всегда выступала въ пользу Кассы безвозмездно.

Являясь создательницей Русскаго Театральнаго Общества, основательницей Пріюта для дѣтей и Убѣжища для престарѣлыхъ ветерановъ сцены, М. Г. Савина много работала на театральной нивѣ и собрала въ пользу только одного Театральнаго Общества около 2.000.000 рублей для актерской братіи. Вотъ лучшій памятникъ на могилу покойной.

В. И.

НАРВСКІЙ ЛИСТОКЪ.

(Нарва, Петроградской губерніи).

10—IX—1915. № 106.

† М. Г. САВИНА.

Не улеглась еще скорбь по поводу смерти Варламова, какъ русское искусство понесло опять новую утрату. 8-го сентября скончалась отъ разрыва сердца заслуженная артистка Императорскихъ театровъ Марія Гавріиловна Савина.

Дѣятельность покойной артистки протекла главнымъ образомъ въ Александринскомъ театрѣ, куда она поступила въ 1874 году, и гдѣ она быстро заслужила любовь публики. Попу-

лярность ея возросла въ скоромъ времени до того, что драматурги стали вводить въ свои пьесы сцены, въ которыхъ М. Г. могла бы особенно ярко проявить свойства своего таланта. Конечно, когда такъ поступали Островскій или Тургеневъ, то отъ этого выигрывала и сама артистка, и театръ, но когда за такое изготовленіе пьесъ взялись ремесленники, въ родѣ Виктора Крылова, то артисткѣ пришлось ограничиться повтореніемъ одного и того же шаблона, и это вредно отозвалось на углубленіи ея таланта. Главная дѣятельность покойной артистки совпала съ періодомъ, именуемымъ въ театральной литературѣ «Крыловщиной».

Въ нашъ, современныхъ театралахъ, переживпихъ сложный переходъ отъ увлеченія 80-хъ и 90-хъ годовъ В. Крыловымъ и присными къ Чехову и Ибсену, имя М. Г. вызывало только чувство почтительнаго уваженія, безъ энтузіазма. Но, несмотря на это, жаль ея, какъ носительницы извѣстной культуры.

На смѣну вымирающей «старой гвардіи» нарождается, конечно, новая; смѣна эта сопровождается, естественно, бурной реакціей и борьбой, въ которой, мы, молодежь, часто несправедливы къ «старикамъ»,—и, быть можетъ, только въ моменты, подобные смерти М. Г., начинаемъ надлежащимъ образомъ цѣнить культурную работу «стариковъ», во славу родного искусства.

Гибнетъ нашъ дивный «вишневый садъ»! И грустно, и тяжело!

Выдающимися чертами дарованія покойной были: благородный реализмъ и высшая экономія средствъ—какъ разъ то, чего нашимъ артисткамъ, въ большинствѣ, не хватаетъ! А вѣдь экономія средствъ—въ маломъ сказать многое—самый драгоцѣнный принципъ искусства!..

А. Я. Я.

НАША СТАРИНА.

(Петроградъ).

XI—1915. № 11.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Статья С. В. Аверкіевой.

Къ этой статьѣ приложенъ портретъ М. Г. Савиной (въ пьесѣ «Сидоркино дѣло»), съ факсимиле: «Автору «Сидоркина дѣла» —«Лиза» Савина».

По поводу этой статьи А. Е. Молчановъ получилъ слѣдующее письмо:

Глубокоуважаемый Анатолій Евграфовичъ!

Зная, что Вы собираете всѣ статьи, посвященныя памяти Маріи Гавріиловны, я прошу Васъ не помѣщать статьи о Маріи Гавріиловнѣ, напечатанной въ «Нашей Старинѣ», хотя эта статья написана съ моихъ словъ и подписана моимъ именемъ, но, по печальному недоразумѣнію, мои мысли такъ искажены, что я не могу признать эту статью своей.

Искренно уважающая Васъ

Софія Аверкіева.

НИВА.
(Петроградъ).
19—IX—1915. № 38.

Большой портретъ М. Г. Савиной, въ ея рабочемъ кабинетѣ, за изученіемъ роли (1914 г.).

28—XI—1915. № 48.

М. Г. САВИНА.

Даже переживаемыя нами міровыя событія, даже горечь тысячъ смертей не заслонили отъ насъ этой смерти. Размахнулась коса Смерти, и, сметая тысячи человѣческихъ жизней на поляхъ битвъ, она задѣваетъ и тѣхъ, кто стоитъ далеко отъ сраженій, но кто поднимается надъ уровнемъ толпы. Смерть какъ-будто скорѣе замѣчаетъ тѣхъ, кто ярче, выше другихъ, кто стоитъ впереди. Она увидѣла въ этомъ году многихъ талантливыхъ, сильныхъ, выдающихся—и накинулась на нихъ, какъ все еще несытый звѣрь. Въ этомъ году ушли изъ міра одинъ за другимъ талантливѣйшіе композиторы, артисты: Скрябинъ, Танѣевъ, Варламовъ, Савина... Длинная вереница смертей—мистическая вереница, исполненная непонятнаго значенія. Своего рода братская могила дѣятелей искусства.

Савина...

Отмежевавъ себѣ область сценическаго искусства, эта замѣчательная женщина была не просто актрисой. Актрисъ у насъ—и очень хорошихъ—было не мало, но Савина была и будетъ одна. Въ ней художница сцены и прекрасная, рѣдкая актриса сочеталась съ женщиной-гражданкой, старавшейся и умѣвшей отдавать бо́льшую часть своихъ силъ и досуга общественной дѣятельности. Савина принадлежитъ къ числу строителей жизни, по крайней мѣрѣ, въ той сферѣ, въ которой она вращалась. Поставивъ себѣ девизомъ: «Сцена—моя жизнь», она расширила этотъ девизъ до иной грани: «Жизнь искусства и жизнь сценическихъ дѣятелей—моя жизнь»...

Дѣятельность артистовъ, даже выдающихся, замыкается въ границахъ чисто-сценическихъ и отчасти литературныхъ, постольку, поскольку литература доставляетъ имъ матеріалъ для ихъ сценическаго таланта. М. Г. Савина выступила далеко за предѣлы такой дѣятельности. Не говоря о томъ, что она была рѣдкимъ знатокомъ общей литературы, не говоря о томъ уже, что она непосредственно воспріяла отъ Тургенева и Островскаго ихъ литературные завѣты, она своей игрой и своимъ художественнымъ творческимъ обликомъ дала толчокъ къ появленію цѣлой драматической литературы, созданной для нея лично, для ея художественныхъ воплощеній. Савина стояла въ уровень съ классической нашей драматургіей и головой выше драматургіи современной, которая сплошь и рядомъ руководилась ею. И какъ часто современная драматургія не могла удовлетворить ея требованій, не давала ей того цѣннаго матеріала, который былъ бы ей по-плечу. Не даромъ Савина такъ жаловалась на недостатокъ пьесъ—въ особенности въ болѣе позднее время, когда ей хотѣлось создать совсѣмъ новые типы и образы, рождавшіеся въ жизни, но еще не перенесенные въ литературу и на сцену.

Далеко за предѣлы сценической дѣятельности выступала покойная артистка и тогда, когда ей приходилось сталкиваться съ нуждами и интересами ея сотоварищей по профессіи. Актеръ живетъ не только на сценѣ, но и за предѣлами сцены. И намъ постоянно приходилось видѣть, какое громадное участіе принимала Савина въ устроеніи актерской жизни внѣ сцены... Интересы каждаго маленькаго театральнаго человѣка были ея интересами. Обладая рѣдкой иниціативой и «волей къ дѣятельности», Савина устраивала актерскія убѣжища, создавала стипендіи, предсѣдательствовала на съѣздахъ артистовъ и драматическихъ писателей. Громадную роль играла она въ Театральномъ Обществѣ. Царица сцены, она была некоронованной царицей и въ тѣхъ сферахъ жизни, которыя имѣли хоть какое-либо прикосновеніе къ сценѣ и къ драматической литературѣ.

Трудно сказать, что въ этой замѣчательной женщинѣ было сильнѣе: драматическая актриса или общественный дѣятель, склонный къ самой широкой благотворительности и работѣ на пользу ближняго? Тѣ, кто видѣлъ Савину только на сценѣ, видѣли не всю ее.

Но если бы Савина осталась только тѣмъ, кѣмъ видѣли ее мы на сценѣ,—и тогда она имѣла бы всѣ права на благодарное увѣковѣченіе ея имени. Ибо она была великая артистка.

Объ ея игрѣ, объ ея типахъ, о созданныхъ ею образахъ можно и должно написать цѣлые томы. Но есть нѣчто, касающееся ея, какъ артистки, о чемъ можно сказать въ двухъ словахъ: Савина дала на сценѣ образъ русской женщины.

Русская женщина, которую такъ трогательно и сильно воспѣлъ Некрасовъ, дивные образы которой дали Тургеневъ и Толстой, нашла свое воплощеніе въ дивной игрѣ «русской Рашели»... Впрочемъ, напрасно такъ называли Савину. Она была русская—но не Рашель, а Савина... Въ громадномъ цвѣтникѣ созданныхъ ею женскихъ типовъ всюду предъ нами встаетъ душевный обликъ русской дѣвушки и женщины, съ мечтательной, нѣжной душой и съ дѣятельной подвижнической любовью къ близкому человѣку. И какое богатство тоновъ, какая яркая палитра красокъ была здѣсь въ распоряженіи у Савиной: вспышки молодого задора («Сорванецъ»), простодушная, смѣшная и въ то же время милая наивность (Марья Антоновна въ «Ревизорѣ»), первое пробужденіе женскаго чувства («Дикарка») смѣнялись тоской неудовлетворенныхъ жизненныхъ и духовныхъ запросовъ (Чеховскія роли), раскаяніями грѣшницы («Гроза»), тѣми чисто-русскими покаянными порывами, которыхъ не знаютъ иностранная психика и жизнь... Еще позднѣе Савина дала образы властной, сильной духомъ и волей русской женщины («Волки и овцы») и незабываемый обликъ старой княжны въ «Холопахъ».

Быть можетъ, въ жизненную задачу Савиной, какъ великой художницы, именно входило дать полный образъ русской женщины отъ молодости до старости. Въ своей сценической карьерѣ геніальная артистка уже начала переходить этапы этого общаго образа. На своемъ юбилейномъ спектаклѣ она устроила нѣчто въ родѣ обзора своей художественной дѣятельности именно по этимъ этапамъ: она появилась въ отрывкахъ изъ нѣсколькихъ пьесъ, и мы увидѣли въ одинъ вечеръ и подростка «Дикарку» и позднѣйшіе зрѣлые образы... Можно было предполагать, что этотъ спектакль явится программой всей дѣятельности артистки, и что она, начавъ свою сценическую карьеру геніальными типами подростковъ и перейдя къ образамъ женщины, увядающей, закончитъ геніальными образами старухъ. Но эта программа осталась, къ сожалѣнію, незаконченной. Савина дала только часть того, что хотѣла дать. Ей не хватало для этого нужныхъ пьесъ. А, главное, она слишкомъ рано умерла...

Говорятъ, что смерть приходитъ къ человѣку именно тогда, когда надо... Нѣтъ, для Савиной она явилась преждевременно. При такомъ громадномъ объемѣ жизненной энергіи и темперамента ей надо бы еще десятки лѣтъ жить для сцены и искусства.

Судьба судила иначе...

При этой статьѣ помѣщены портреты: 1) «М. Г. Савина въ молодые годы»; 2) «М. Г. Савина въ 1887 году»; 3) «М. Г. Савина въ санаторіи Дюльберъ, въ Евпаторіи»; 4) «М. Г. Савина, собирающая на подарокъ «артистъ—солдату»; М. Г. Савина въ пьесахъ—5) «Недоросль», 6) «Ольга Рашева», 7) «Злоба дня», 8) «Дама съ камеліями» и 9) «Ранняя осень».

НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ.

(Нижній-Новгородъ).

9—IX—1915. № 246.

М. Г. САВИНА.

(Некрологъ).

Телеграфъ принесъ извѣстіе о смерти знаменитой артистки Маріи Гавріиловны Савиной, слишкомъ сорокъ лѣтъ игравшей на Александринской сценѣ въ Петербургѣ. Недавно умеръ Варламовъ, а теперь Савина, которую можно было назвать царицей Александринской сцены.

Въ Москвѣ славились Ермолова, Ѳедотова, но въ Петербургѣ М. Г. Савина не уступала имъ въ славѣ. Ѳедотова была прелестна въ бытовыхъ сценахъ, Ермолова потрясала въ сильныхъ трагическихъ роляхъ, а Савина торжествовала въ роляхъ, требующихъ особенной живости и тонкой отдѣлки. Ермолова—это героическая Жанна Д'Аркъ, Савина—обворожительная и трогательная Фру-Фру.

На Московской сценѣ роли репертуара Савиной исполняла Лешковская, но у нея не было такой тонкой, ажурной отдѣлки, какъ въ игрѣ М. Г. Савиной.

Когда какая-то газета собирала автографы артистокъ, М. Г. Савина написала: «Сцена—моя жизнь». И, въ самомъ дѣлѣ, она до самой смерти не покинула сцены и даже не разсталась со своимъ репертуаромъ, несмотря на годы, которые для многихъ были безпощадны, но не для нея.

Въ этомъ отношеніи она сходилась съ знаменитой Саррой Бернаръ, отличающейся тоже своей побѣдной борьбой съ годами. Да не покажется читателю страннымъ такое сопоставленіе. Разница между Саррой Бернаръ и Савиной въ размѣрахъ дарованія не велика, и такой знатокъ сцены, какъ Тургеневъ, отдавалъ даже преимущество Савиной, какъ игравшей болѣе художественно просто, чѣмъ Сарра Бернаръ.

Кстати нужно отмѣтить здѣсь, что Савина была дружна съ Тургеневымъ, не разъ бывала въ его имѣніи Лутовиново и имя ея часто встрѣчается въ его перепискѣ.

Въ недавно вышедшемъ «Женскомъ Сборникѣ» помѣщены ея интересныя воспоминанія о Тургеневѣ.

А. У.

11—IX—1915. № 248.

О СМЕРТИ М. Г. САВИНОЙ.

Перепечатка изъ «Утра Россіи», 9—IX—1915, № 247, описанія послѣднихъ минутъ жизни М. Г. Савиной и краткія біографическія свѣдѣнія—по сообщеніямъ петроградскихъ газетъ.

НОВАЯ ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ.

(Петроградъ).

17—IX—1915. № 38.

ПОСЛѢДНІЕ ИЗЪ МОГИКАНЪ.

(Свѣтлая память М. Г. Савиной).

Савина умерла!

Бѣдный театръ, въ одинъ годъ потерявшій драгоцѣннѣйшія украшенія своей сокровищницы.

Савина!

Это—жизнь!

Это—эпоха!

Это—исторія, наконецъ!

Судьбѣ угодно было сыграть три страшныхъ акорда на струнахъ жизни и бросить театръ въ пустыню отчаянія.

Сначала—милая, добрая, родная «бабушка русской сцены», эта безконечно симпатичная «М-me Островская», этотъ безыскусственный русскій талантъ: Варвара Васильевна Стрѣльская!

И какая-то тихая печаль разсѣялась вокругъ, защемило сердце и дрогнула душа.

Яркое прозрачное голубое небо задернулось облаками.

Потомъ Варламовъ!

Этотъ блестящій самородокъ, этотъ удивительный художникъ-импровизаторъ, этотъ геніальный апостолъ русскаго смѣха, то смѣшного, то печальнаго.

Смѣха бодрящаго, живого, здороваго и смѣха «сквозь слезы».

Тихая печаль превратилась въ тоску, въ горестный плачъ природы—и покрывшееся облаками небо сдѣлалось чернымъ, зловѣщимъ и душнымъ.

Словно передъ страшнымъ ударомъ грома, передъ бѣшеной вспышкой грозы, которая страхомъ наполнитъ даже сердца храбрыхъ и валитъ столѣтній дубъ.

И этотъ ударъ раздался!

Гроза вспыхнула!

И солнце померкло!

Савина въ могилѣ.

Вѣчная память «послѣдней изъ могиканъ»!

Марія Гавріиловна Савина, какъ Стрѣльская и Варламовъ, умерла отъ паралича сердца.

За нѣсколько часовъ до смерти она была весела, разговаривала съ близкими и жалѣла, что ей придется выступить въ Александринскомъ театрѣ не ранѣе 20-го сентября.

Потомъ ей сдѣлалось дурно.

Вызвали врачей, но было уже поздно.

Въ пять съ половиною часовъ утра 8-го сентября первая русская актриса отошла въ вѣчность.

Въ заголовкѣ этой статьи помѣщенъ портретъ М. Г. Савиной, въ пьесѣ «Зима».

НОВАЯ МАЛЕНЬКАЯ ГАЗЕТА.

(Петроградъ).

25—II—1916. № 1.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ АРТИСТКИ И ВЕЛИКАГО ЧЕЛОВѢКА МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ САВИНОЙ.

8-го марта исполняется полгода со дня смерти великой артистки русской сцены Маріи Гавріиловны Савиной.

Императорское Театральное Общество собирается чествовать память артистки, и надо надѣяться, что посвященный ей вечеръ обрисуетъ со всѣхъ сторонъ образъ Савиной. А это была не только лучшая русская артистка! Актерская бѣднота, старики, доживающіе свои послѣдніе дни въ Убѣжищѣ Театральнаго Общества, и подростки, питомцы Пріюта,—всѣ помнятъ «незабвенную Марію Гавріиловну», которая умѣла не только организовать благотворитель-

ныя учрежденія, но и помогать собственными средствами, порою раздавая буквально все жалованье. «Великая артистка и женщина великой души»—вотъ слова, которыя невольно срываются съ устъ при мысли о Савиной.

Она была плоть отъ плоти русскаго актерства, такъ какъ начала свою карьеру въ провинціи, начала ребенкомъ, играя дѣтскія роли въ мелодрамахъ и водевиляхъ. Маститый В. Н. Давыдовъ могъ бы вспомнить объ этомъ далекомъ времени, когда онъ, въ ту пору стройный и кудрявый юноша, выступалъ вмѣстѣ съ Савиной. А, затѣмъ, семья ея коллегъ по Александринскому театру, и, наконецъ, ея ученики и ученицы, ею подготовленные къ театральной дѣятельности.

Всѣмъ будетъ что вспомнить о славной артисткѣ, и ея чудный образъ можетъ ожить передъ слушателями во всемъ его очарованіи.

Сѣдой.

НОВОЕ ВРЕМЯ.

(Петроградъ).

9—IX—1915. № 14188.

Въ этомъ номерѣ помѣщенъ большой портретъ М. Г. Савиной, въ ея рабочемъ кабинетѣ, за изученіемъ роли (1914 г.), съ факсимильной подписью: «И черезъ сорокъ лѣтъ я вѣрна моему девизу: Сцена—моя жизнь! М. Савина. 5 апрѣля 1914 г.».

ПАМЯТИ САВИНОЙ.

Я всегда писалъ о Савиной живой, и вотъ приходится писать о ней... мертвой.

Впечатлѣніе такое—будто рухнулъ большой, величественный, затѣйливый соборъ—безъ кощунства скажу, въ родѣ Реймскаго.

Это—ударъ, это—катастрофа, это—«пѣтъ театра».

Всѣми силами поддерживала русскую родную сцену эта въ послѣдніе дни свои шатающаяся тѣнь, Савина, и упала сама въ прекрасномъ пониманіи долга.

Савина—это была прекрасная легенда нашей сцены, ея традиція, ея движеніе, ея плоть, ея духъ.

Нѣтъ Савиной, и нѣтъ силы.

Другіе, кто зналъ ее ближе, скажутъ, кѣмъ она была для русскаго театра и всѣмъ намъ.

Я помолчу пока, чтобы дать волю слезамъ театрала, автора и критика.

Савина умерла. Гробъ ея заглушенъ живыми цвѣтами и лиловый ладанъ кружится надъ ней, какъ послѣдняя фата.

Милый другъ, наша Савина, тихо сомкнула вѣжды и успокоилась, безпокойная, въ вѣчномъ непробужденіи.

Юр. Бѣляевъ.

Смерть Маріи Гавріиловны Савиной, извѣстіе о ея внезапной кончинѣ, какъ молотомъ по головѣ, ударило...

Не прошла еще одна бѣда, едва успѣли мы вернуться съ похоронъ Варламова,—и вновь звонитъ погребальный колоколъ, опять роютъ могилу русскому искусству! Да, искусству, ибо Савина—его воплощеніе, съ ней навсегда уйдутъ отъ насъ ея чудесныя созданія, совьются легкимъ паромъ и улетятъ прозрачной вереницей вслѣдъ за ея душой на небо. И лишь благодарная, умиленная память о нихъ будетъ жить въ сердцахъ нашихъ.

Умерла Савина? Нѣтъ, не вѣрится, не можетъ этого быть!..

Есть имена, что при жизни становятся почти безсмертными. Они звучатъ, какъ бронза вѣковѣчнаго памятника. Проходятъ года, люди, событія, а эти имена всѣми повторяются, какъ неизмѣнный кличъ, символъ, знамя.

Савина, это—Александринскій театръ.

Она была его знаменемъ, его искусствомъ, его душой. Она отдала ему все: таланть, жизнь, силы, счастье все, что можетъ отдать геніальная женщина. Она и взяла его всего, и не было ничтожнѣйшаго событія въ Александринскомъ театрѣ, которое бы Савина не принимала къ сердцу ближе и больше, чѣмъ важнѣйшее въ своей личной жизни. Она взяла театръ великой властью таланта, какъ артистка милостью Божіей, она взяла всѣхъ насъ и сдѣлала своими вѣрноподданными. И мы съ радостью всячески укрѣпляли ея невидимый тронъ, безраздѣльное владычество ея художества, мы добровольно преклонялись предъ королевой, предъ хозяйкой Александринскаго дворца искусствъ.

Шли года, смѣнялись поколѣнія. Но Савина оставалась все той же Савиной, такъ же ровно горѣлъ и ярко свѣтилъ огонь ея творчества.

— Савина старѣетъ...—злорадствовали охочіе люди.

Вы шли въ Александринскій театръ, смотрѣли и убѣждались, что Савина все такъ же молода. Постарѣли лишь ея роли. Вмѣсто великолѣпной Маріи Антоновны въ «Ревизорѣ» вы видѣли не менѣе великолѣпную старуху-княжну Плавутину въ «Холопахъ».

Что сдѣлала Савина? Создала на сценѣ русскую женщину.

Отъ простой бабы Акулины во «Власти тьмы» до этой княжны въ пьесѣ Гнѣдича, отъ рѣзвой «Дикарки» до задумчивой барской красы Натальи Петровны—женщины всякаго рода и званія, всякихъ временъ и эпохъ россійскихъ оживали передъ нами на сценѣ, и раскрывались ихъ души, то пугая, то очаровывая насъ своими таинственными глубинами.

Мѣщанка, аристократка, жена, любовница, мать, дочь, подростокъ, старуха—вотъ она, Савина, женщина Тургенева, женщина Островскаго, русская женщина во всѣхъ поворотахъ ея судьбы, во всѣхъ превратностяхъ ея жизни, великая, жалкая, чарующая, отталкивающая, родная, близкая, незамѣнимая...

И нѣтъ Савиной.

Какъ-то невообразимо тяжело въ этотъ скорбный часъ «оцѣнивать» и «вычислять» огромность потери. Ударъ вдвое больнѣе, когда нанесенъ такъ неожиданно, съ такой ужасной внезапностью, словно изъ-за угла, словно смерть безшумно сторожила...

Вѣчная, вѣчная память Маріи Гавріиловнѣ Савиной.

П. Конради.

О Савиной, о ея блистательномъ талантѣ, о сокрушающей силѣ ея таланта, если собрать все, что написано, составится цѣлая литература, которая теперь еще возрастетъ.

Но этого будетъ мало. Имя ея принадлежитъ исторіи нашего театра, и о Савиной будутъ писать всегда.

Мы, всѣ мы, все русское общество, всѣ ея современники можемъ пожелать, чтобы прекрасный талантъ Маріи Гавріиловны и вся ея общественная дѣятельность были возможно шире освѣщены при насъ, чтобы мы могли передать грядущимъ поколѣніямъ ненарушимую правду о Савиной, облегчивъ задачу историковъ.

Исторія великихъ актеровъ и актрисъ у насъ бѣдна и скудна, и часто противорѣчива: она цѣпляется за сомнительные факты, и приговоры ея бываютъ односторонни и ничтожны.

Понятно желаніе каждаго изъ насъ, чтобы нашу славную современницу исторія отразила со всей полнотой правды и освѣдомленности.

Каждая мелочь изъ жизни актрисы, каждая черточка — цѣнны, если онѣ передаются не съ чужихъ словъ, а очевидцами. Изъ такихъ мелочей составляется цѣлое, облегчающее задачи біографовъ.

Два года почти мнѣ пришлось безпрерывно работать съ Маріей Гавріиловной въ Театральной Школѣ А. С. Суворина, гдѣ я былъ ближайшимъ ея помощникомъ, наблюдая за ея прямо исключительной, невиданной работоспособностью, энергіей, за ея, сказалъ бы я, горѣніемъ, потому что она вся отдавалась своей работѣ. Радости и огорченія Савиной быстро смѣнялись,— она то нервничала, то радовалась. Доводила ее до этого вовсе не Школа, которой она горячо увлекалась, а то, что М. Г. не могла спокойно увлекаться Школой: ей поминутно звонили по телефону изъ театра, изъ Театральнаго Общества, изъ Убѣжища для престарѣлыхъ артистовъ, которое было ея любимымъ дѣтищемъ, звонили устроители благотворительныхъ спектаклей, звонили патронессы, просившія устраивать благотворительные спектакли, приглашали на разныя засѣданія. Попутно съ этимъ, разныя лица, узнававшія, что Савина находится въ Школѣ, пріѣзжали съ просьбами.

Случалось такъ, что Марія Гавріиловна ѣхала изъ дому на репетиціи въ Александринскій театръ и оттуда пріѣзжала въ Школу, гдѣ, пробывъ часъ, опять возвращалась въ театръ, а, затѣмъ, снова отправлялась въ Школу. А вечеромъ она играла въ томъ же Александринскомъ театрѣ.

Времени у нея нехватало; она не берегла себя: и нерѣдко, больная, послѣ спектакля, присутствовала на засѣданіяхъ Театральнаго Общества или Хозяйственнаго Комитета Школы.

Дома Марія Гавріиловна тоже спокойствія не знала, назначая ученикамъ и ученицамъ приходить къ ней. Она составляла подписки для нуждающихся, хлопотала за всѣхъ.

Наконецъ, успѣвала читать или слушать новыя пьесы, и, самое главное, заниматься своимъ прямымъ дѣломъ, т.-е. своими ролями.

Никакіе совѣты отдохнуть не были убѣдительными для Савиной, и я былъ свидѣтелемъ, какъ М. Г., измученная, усталая, съ разбитыми нервами, пріѣхавъ въ Школу, опускалась въ кресло и задыхалась.

Развѣ это не горѣніе? Горѣніе ради любви къ театру, къ актеру, отслужившему свою службу, къ актеру-современнику и къ будущему актеру.

Вспоминая слова М. Г., что сцена ея жизнь, я чувствовалъ, какія это искреннія, золотыя слова, вырвавшіяся изъ глубины ея души.

Съ дѣтства очутившись за-кулисами, среди бѣднаго актерства, нужды и самыхъ тяжкихъ условій, при которыхъ приходилось пробивать себѣ дорогу, и поднявшись до первенствующаго положенія для актрисы въ Россіи, Савина не порвала связи съ прежней богемой. Съ дружеской любовью Марія Гавріиловна вспоминала о товарищахъ-неудачникахъ, вспоминала о маленькихъ досчатыхъ театрахъ, гдѣ она выступала и гдѣ, по ея словамъ, дождевыя капли иногда проникали въ уборныя и зрительный залъ. Все это отдалилось, ушло отъ нея, но она не осталась неблагодарной и посвятила себя заботамъ о провинціальномъ актерствѣ, объ улучшеніи его положенія.

Удивительно М. Г. постигла психологію актерства; она знала, какъ нужно говорить съ каждымъ, какъ подойти къ нему, чтобы не задѣть его самолюбія и достоинства, не обидѣть его. Она—царица сцены—умѣла быть другомъ самаго маленькаго актера, умѣла приголубить его и знала, что ему нужно. И актерство разговаривало съ своей царицей на томъ языкѣ, на которомъ говорить между собою, какъ съ заурядъ-товарищемъ.

Въ Школѣ съ зеленой молодежью и въ Убѣжищѣ для стариковъ Савина думала объ одномъ, какъ помочь и тѣмъ и другимъ. Мнѣ не надо говорить объ этомъ—они сами скажутъ за себя.

Горѣнію Маріи Гавріиловны наступилъ конецъ. Блѣдная, какъ полотно, спокойная лежитъ она передъ нами, отдыхая послѣ этого горѣнія.

Кругомъ тишина, и никто изъ присутствовавшихъ на панихидѣ какъ-будто не отдаетъ еще себѣ отчета, кого мы потеряли, кого оплакиваемъ. Всѣ растерялись, всѣ придавлены...

Время намъ скажетъ, кого отняла у насъ смерть.

А. Плещеевъ.

М. Г. САВИНА.

(Некрологъ).

Скончалась замѣчательнѣйшая русская артистка. Сошелъ съ житейской сцены яркій блестящій талантъ. Осиротѣлъ русскій театръ.

М. Г. родилась въ Каменецъ-Подольскѣ 30-го марта 1854 года въ семьѣ учителя рисованія Г. И. Подраменцева. Отецъ ея увлекался сценической дѣятельностью, нерѣдко выступалъ въ любительскихъ спектакляхъ и въ концѣ 50-хъ годовъ всецѣло отдался театру, играя подъ псевдонимомъ Стремлянова. Онъ кочевалъ по городамъ юга Россіи. Маленькая Савина сопровождала его и съ дѣтства сродилась со сценой. Восьмилѣтней дѣвочкой, она впервые появилась передъ публикой Одесскаго Городского театра въ драмѣ «Эсмеральда». Затѣмъ играла мальчика въ драмѣ Полевого «Уголино или Башня голода». Знакомилась съ артистическимъ мастерствомъ практически съ малыхъ лѣтъ и понемногу формировалась въ настоящую актрису. Пятнадцати лѣтъ отъ роду, М. Г. дебютировала, какъ заправская актриса, въ Минскѣ въ водевилѣ «Бѣдовая бабушка», исполняя роль Глани. Она выдѣлялась уже настолько, что выговорила себѣ, помимо жалованья, полъ-бенефиса. Изъ Минска покойная перебралась къ Дюкову въ Харьковъ, вышла тамъ замужъ за актера Н. Н. Савина и вмѣстѣ съ нимъ поѣхала сперва въ Калугу, затѣмъ въ Нижній-Новгородъ на ярмарку. Юная Стремлянова превратилась въ Савину и обратила на себя вниманіе знатока дарованій покойнаго артиста-антрепренера П. М. Медвѣдева. Онъ пригласилъ Савину въ свою труппу, которая играла въ Казани, Саратовѣ и Орлѣ. Съ этого времени М. Г. пріобрѣтаетъ себѣ извѣстность, играетъ комедійныя роли съ шумнымъ успѣхомъ, поетъ въ опереткахъ. Начинаетъ царить на сценѣ. Талантъ ея заблестѣлъ. М. Г. получаетъ уже 450 рублей въ мѣсяцъ—высокій гонораръ для начала 70-хъ годовъ и два бенефиса въ сезонъ. Играетъ первое амплуа.

Пріѣхавъ въ 1874 году погостить въ Петербургъ, гдѣ ютилась семья ея дяди, извѣстнаго археолога А. Н. Труворова, М. Г. разсказываетъ про свои сценическіе успѣхи. А ей не вѣрятъ. Приходится показать себя родимымъ, и она добилась дебюта на сценѣ Благороднаго Собранія въ неиграной драмѣ Антропова «Блуждающіе огни». Выступила въ роли Елены Григорьевны. Спектакль привлекъ многихъ артистовъ Императорскихъ театровъ, наслышавшихся о крупныхъ успѣхахъ Савиной. Въ числѣ ихъ былъ покойный А. А. Нильскій—тогдашній премьеръ Александринской сцены. Онъ пришелъ въ восторгъ отъ игры талантливой провинціалки и убѣдилъ тогдашняго управляющаго Императорскими театрами П. С. Ѳедорова пригласить Савину на Императорскую сцену. 9-го апрѣля 1874 года М. Г. дебютировала въ Александринскомъ театрѣ въ комедіи «По духовному завѣщанію», въ роли Кати. Затѣмъ, сыграла роль Новской въ водевилѣ «Она его ждетъ». Успѣхъ былъ рѣдкій, и М. Г. была приглашена на казенную сцену на амплуа ingénue, вакантное послѣ Яблочкиной 2-й. Первое время покойная играла по преимуществу роли «наивностей». Но вскорѣ показала всю глубину и ширь своего таланта. Осенью 1874 года она выступила въ главной роли комедіи Н. А. Потѣхина «Злоба дня» и блеснула столь ярко, что о ней заговорили, какъ о замѣчательной артисткѣ съ богатымъ будущимъ. Покойная всецѣло оправдала ожиданія. Ставъ премьершей театра, она постепенно покорила всѣхъ своимъ гибкимъ и разнообразнымъ дарованіемъ. Сдѣлалась любимицей публики, заставляя въ теченіе сорока лѣтъ переживать зрителей во время спектаклей радости и страданія тѣхъ героинь, которыхъ воплотила въ себѣ. Она переиграла на своемъ вѣку массу ролей въ пьесахъ Островскаго, Тургенева, Л. Н. Толстого, Потѣхина, А. С. Суворина и другихъ выдающихся драматурговъ. Викторъ Крыловъ спеціально для нея изготовилъ рядъ новыхъ и переводныхъ комедій. Актриса стала артисткой-художницей, создательницей ряда типовъ. Подростокъ Варя въ «Дикаркѣ», грубая крикливая Акулина во «Власти тьмы», проникнутая старинным барствомъ Наталья Петровна «Мѣсяца въ деревнѣ», страдающая «Татьяна Рѣшина», лукавая экономка въ «Сполохахъ», величавая княжна-старуха въ «Холопахъ»—все это типы

далекіе другъ отъ друга и всѣ они—незабываемыя творенія Савинскаго дарованія. Въ разнообразномъ творчествѣ—величіе артистки, обладавшей рѣдкимъ Божіимъ даромъ.

Въ 1882 году М. Г. вышла послѣ смерти своего перваго мужа вторично замужъ за Всеволожского и въ 1901 году—въ третій разъ за А. Е. Молчанова, вице-президента Театральнаго Общества. Въ своей частной жизни покойная отличалась рѣдкой добротой и сердечностью. Любимымъ ея дѣтищемъ были Пріютъ и Убѣжище престарѣлыхъ артистовъ. Она заботилась о призрѣваемыхъ, какъ мать. Въ послѣднее время свои заботы о нихъ дѣлила съ попеченіемъ о раненыхъ Лазарета артистовъ Императорскихъ театровъ. М. Г. была учредительницей Театральнаго Общества, его первымъ секретаремъ и несмѣняемымъ членомъ Совѣта въ послѣднее двадцатилѣтіе. Въ Литературно-Художественномъ Обществѣ, отмѣтившемъ талантъ Савиной избраніемъ ея въ почетные члены, покойная принимала близкое участіе, какъ директоръ Театральной Школы имени А. С. Суворина.

Въ 1895 году покойной было Высочайше пожаловано званіе «заслуженной артистки». Франція отмѣтила ея дарованіе академическими пальмами (Officier d'academie), другія государства—различными орденами.

Н. Афанасьевъ.

Этотъ некрологъ перепечатанъ: въ «Ревельскомъ Вѣстникѣ», 10—IX—1915, № 364; въ «Родинѣ», 27—IX—1915, № 39; въ журналѣ «Историческій Вѣстникъ», X—1915, томъ CXLII, стр. 344.

10—IX—1915. № 14189.

ТАЛАНТЪ И ЧЕЛОВѢКЪ.

(Памяти М. Г. Савиной).

Въ частномъ быту она сверкала тѣми же ослѣпительными искрами, какъ со сцены.

Переходъ отъ лирическаго настроенія къ шутливости, неистощимые разсказы, блестки кипѣвшаго въ ней и все атаковавшаго остроумія, чрезвычайная наблюдательность, красочная мѣткость слова—все это сообщало часамъ, въ которые вы видѣли ее не со сцены, не меньшій интересъ, чѣмъ спектакли съ ея участіемъ.

Когда она передавала какой-нибудь эпизодъ изъ театральнаго міра, изъ своего прошлаго, картина выходила такая своеобразная, форма ея рѣчи была такъ художественна, что невольно вздыхалось, отчего тутъ нѣтъ гдѣ-нибудь за ширмами стенографа, чтобы подобрать золото, такъ щедро и расточительно падавшее и безвозвратно утекавшее изъ ея устъ.

Напряженіе жизни въ ней было чрезвычайно. Говоря какъ-то о подготовляемой ею роли въ минорныхъ тонахъ, которую она считала для себя неподходящею, она съ комическимъ ужасомъ воскликнула:

— Куда же мнѣ дѣть мои глаза!

Русская сцена за послѣдніе полвѣка была, можно сказать, подѣлена на двѣ равныя части между Ермоловой и Савиной.

Первая—трагедія и драма. Вторая—высокая комедія, такъ какъ въ комедіи главнымъ образомъ лежало содержаніе ея таланта.

Приходилось въ изумленіи открывать глаза на то, какъ много умѣла она вложить содержанія въ самую, повидимому, ничтожную роль, въ самую пустую сцену, напримѣръ, въ «Тетенькѣ» Николаева, гдѣ она слѣдитъ за примѣркою портнихой платья молоденькой своей племянницы. Было что-то обворожительное, поражающее въ этой нѣжной прозрачной акварели.

Въ одно мгновеніе дать ярчайшую вспышку, цѣлую гамму разнообразныхъ чувствъ,—это ей удавалось, какъ никому.

Въ пьесѣ «Буреломъ» Ѳедорова было у нея такое мгновеніе, являющееся однимъ изъ высшихъ пунктовъ, до котораго достигала игра Савиной.

Модная актриса, въ поискахъ роли для бенефиса, въ кабинетѣ редакціи большой газеты встрѣтила молодого драматурга съ пьесой. Быстрое знакомство; чувствуется зачинающійся романъ. Сиѣшно выходя отъ редактора, она бросаетъ молодому литератору:

— Я васъ жду.

Нетерпѣніе, кокетство, любопытство, заигрываніе, намеки на что-то, какіе-то посулы — въ этихъ трехъ словахъ, брошенныхъ вдругъ въ минуту замедленнаго стремительнаго выхода, было такое сверканіе, такое поразительное богатство жеста и интонаціи.

Кто видалъ ее въ молодости, свидѣтельствуетъ и о силѣ производимаго ею тогда драматическаго охвата. Она порою достигала его и въ послѣдніе годы.

Въ одной пьесѣ она играла мать, у которой студентъ-репетиторъ соблазнилъ дочь. Какъ только что она узнала объ этомъ, ей докладываютъ о приходѣ этого человѣка. Что-то странное было въ ея спокойномъ «просите» и въ безмолвной игрѣ въ ожиданіи его входа.

Рѣдко, когда на долю женщины доставалась такая полная жизнь, развернувшаяся для Савиной, какъ упоительная смѣлая сказка, вся въ огняхъ, вся въ цвѣтахъ. А цвѣты она безумно любила.

И она охотно вспоминала свою молодость, короткую пору стѣсненной жизни и первые успѣхи, выраставшіе въ вихрь и бурю славы.

Къ ней быстро, покорно, щедро пришло то, что къ другимъ приходитъ слишкомъ поздно или не въ полной мѣрѣ, и что называется—«успѣхъ»! Ея имя вознеслось до головокружительной высоты, при полномъ признаніи, почти раболѣпствѣ.

Она любила вспоминать свои тріумфальныя поѣздки въ ту пору на гастроли, особенно на югъ Россіи, восторженную экспансивность южнаго студенчества, въ завороженномъ воздухѣ ночей, этотъ неизъяснимый хороводъ лучшихъ въ жизни вещей: юности, славы, искусства и счастья.

И когда она разсказывала, чувствовалось, что это для нея тотъ сладкій сонъ, который хотѣлось бы продлить до конца жизни.

Одной изъ ея лучшихъ ролей послѣдняго десятилѣтія была «Мама-Колибри» въ пьесѣ французскаго драматурга. Это исторія доброй и безупречной до того женщины, полюбившей товарища своего сына, пережившей съ нимъ нѣсколько недѣль счастья и, затѣмъ, сознательно и тайно уѣзжающей отъ него, прежде, чѣмъ онъ охладѣетъ.

Стоя надъ этой первой и послѣдней любовью во время сна этого молодого зуава (она послѣдовала за нимъ въ Алжиръ, когда онъ уѣхалъ отбывать воинскую повинность), съ какой безконечной грустью она бросала на него прощальныя розы, отказываясь вмѣстѣ отъ личной жизни.

Слезы навертывались невольно на глаза. Мнѣ тогда казалось, въ этомъ была личная драма Савиной.

Въ лицѣ молодого зуава ей должны были чувствоваться отгремѣвшіе тріумфы ея молодости, молодыя роли съ тѣми завѣтными могучими словами, которыя подымаютъ и волнуютъ зрителей, но которымъ внимаютъ съ бьющимся сердцемъ и разгорающимися глазами.

Савина не щадила себя не только въ личной службѣ искусству, въ той тщательности и продуманности, съ какой она готовила свои роли, но и въ службѣ всему театральному дѣлу.

Она проводила жизнь свою въ хлопотахъ, переговорахъ, разъѣздахъ по театральнымъ дѣламъ всей Россіи, и ее можно было справедливо назвать:

«Депутатъ отъ русскаго театра».

Положеніе русскаго актера съ того времени, какъ она робкой дѣвочкой вступила на подмостки, до того, какъ она достигла міровой славы, несоизмѣримо возвысилось. И въ этомъ возвышеніи немало ея трудовъ и заслуги.

Не счесть тѣхъ драгоцѣнныхъ совѣтовъ ея богатѣйшаго опыта, ея мѣткихъ наблюденій и выводовъ по сценическому искусству, которыми изобиловали ея бесѣды съ ученицами и учениками Школы Сценическаго Искусства. Если все это богатство ими не записано и не сохранено хотя бы въ частяхъ, то это страшная и невознаградимая потеря.

Властная и самодержавная по характеру, привыкшая царствовать нераздѣльно и не терпѣвшая соперничества, Савина, однако; была смиренна и трогательна въ двухъ областяхъ — въ благотвореніи и религіи.

Ея теплое отношеніе къ обиженнымъ судьбою дѣятелямъ сцены хорошо извѣстно и проявлялось особенно на ея любимомъ дѣтищѣ, театральномъ Убѣжищѣ на Петровскомъ островѣ, гдѣ она была нѣжной и попечительной хозяйкой.

Мнѣ пришлось видѣть ее во дни сбора, устроеннаго прошлой осенью артистами для русскаго солдата. Она еле говорила отъ душившихъ ее слезъ, разсказывая объ откликѣ общества и, между прочимъ, какъ неизвѣстная ей старая дама принесла нарядные кисеты своей работы и умоляла ее, чтобы эти кисеты дошли до солдатъ.

Савина женскимъ сердцемъ поняла все золотое усердіе этой души—и плакала надъ ними.

Хочется сказать еще о той искренней набожности, которая не покидала никогда Марію Гавріиловну.

Она любила и знала церковную службу. Отъ нея первой я услыхалъ восторженную похвалу извѣстному «многолѣтствованію» Чеснокова, по ея желанію, постоянно исполнявшемуся въ ея любимой церкви театральнаго Убѣжища (выстроенной иждивеніемъ ея супруга, А. Е. Молчанова), и тамъ же, въ ея присутствіи, впервые услыхалъ эту замѣчательную вещь, сразу погружающую васъ въ обстановку древне-русскаго лѣсного скита.

Какъ-то прошелъ слухъ, что Савина, по несогласію съ Дирекціей, подала въ отставку. Я поспѣшилъ къ ней на квартиру. Сказали, что она уѣхала на Смоленское кладбище. Я догадался, что она поѣхала на могилу «блаженной Ксеніи», у которой вѣрующіе горожане ищутъ помощи во всѣхъ житейскихъ затрудненіяхъ. Въ тотъ же день я увидалъ ее.

— Я была на Смоленскомъ, у блаженной Ксеніи,—сказала она. — Такъ хорошо тамъ. Желтые листья шуршатъ по дорогѣ, и такой покой навѣваетъ ея могила...

А потомъ она стала комически описывать, какъ расположитъ свою жизнь «въ отставкѣ».

Разъ мнѣ пришлось посѣтить ее за нѣсколько дней до Новаго года, въ день отъѣзда въ Саровъ, когда преподобный Серафимъ не былъ еще канонизованъ, и до Сарова было верстъ полтораста саннаго, снѣжнаго пути. Она давно чтила этого удивительнаго русскаго праведника и не путешествовала безъ кожаной складной рамки съ двумя его изображеніями, которая теперь лежитъ въ гробу у ея рукъ.

Она прихворывала и лежала на кушеткѣ. Но, когда она услыхала о Саровѣ, оживилась и, протягивая впередъ руки въ какой-то жаждѣ, воскликнула:

— Ахъ, если бъ и мнѣ можно было сейчасъ туда ѣхать!

И къ отходу поѣзда она прислала ящикъ отъ своего чайнаго поставщика Бѣлкова съ чаемъ для знакомыхъ изъ старшей Саровской братіи.

И въ этомъ была она такая русская, какъ и вся ея дѣятельность была излученіемъ обильной и многообразной русской женской души.

Ея недавняя предсмертная поѣздка была богомольемъ въ Полтавскую губернію, къ образу Козельщанской Божіей Матери, который она очень чтила и къ которому ѣздила уже третій разъ.

И пусть для ея сильной и пытливой души, свѣтившей въ теченіе столькихъ лѣтъ блескомъ своего таланта русскому міру, откроются теперь тѣ новыя озаренія, о которыхъ среди успѣховъ своей земной жизни она постоянно задумывалась.

Е. Поселянинъ.

11—IX—1915. № 14190.

САВИНА—ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДѢЯТЕЛЬ.

Да, Савина была въ лучшемъ смыслѣ общественный дѣятель. Она близко къ сердцу принимала интересы всей многотысячной артистической корпораціи, много работала для сплоченія сочленовъ, разметавшихся по всей шири Руси, и сама высоко держала знамя актера.

Давно, очень давно мнѣ довелось познакомиться съ Маріей Гавріиловной—у И. В. Самойлова. За обѣдомъ присутствовалъ и маститый отецъ хозяина—самъ В. В. Самойловъ. Вспоминали о томъ, какъ онъ, высоко почитая званіе артиста, въ рѣзкой формѣ выразилъ директору театровъ барону Кистеру протестъ противъ награжденія медалью. «Онъ—не курьеръ, не нижній чинъ»... Самойловъ послѣ этого инцидента долженъ былъ покинуть театръ.

Однако, при празднованіи 40-лѣтняго юбилея, Самойловъ пожалованъ былъ орденомъ св. Владиміра. Савина сіяла отъ наслажденія, точно награду получила сама, видѣла въ этомъ признаніе за артистомъ государственныхъ заслугъ и фактическую отмѣну позорнаго ограниченія. Какъ извѣстно, по закону воспрещалось артистамъ носить ордена, полученные ими до поступленія на сцену.

Знаменитый Самойловъ, отстаивая артистическое достоинство, принужденъ былъ уйти со сцены. Его послѣдовательница—Савина была болѣе счастливой. Опираясь на свой талантъ, великая артистка постепенно поставила себя на твердый пьедесталъ по отношенію къ Дирекціи. Люди, близкіе театру, могутъ подтвердить, что ни родство, ни свойство, ни женское очарованіе не играли при этомъ никакой роли, безусловно никакой. Приходилось считаться съ артисткой Савиной—и только, но этого было слишкомъ достаточно. Театральной власти приходилось внимательно прислушиваться къ ея пожеланіямъ, такъ какъ отставить Савину отъ театра представлялось немыслимымъ, недопустимымъ. Она знала себѣ цѣну, не размѣнивалась, держалась наступательной тактики и неизмѣнно выигрывала сраженія.

Помня о себѣ, смѣло парируя всякія попытки на ограниченіе своихъ правъ, она въ то же время продолжала оставаться неизмѣннымъ товарищемъ провинціальныхъ артистовъ.

Мнѣ пришлось работать съ Савиной въ Обществѣ оказанія помощи сценическимъ дѣятелямъ, преобразованномъ впослѣдствіи въ Русское Театральное Общество. Въ отношеніи артистической братіи она неизмѣнно являлась горячимъ ходатаемъ за нуждающихся въ разнообразной помощи и заступничествѣ. Неудивительно, что ее, всероссійскую артистическую знаменитость, всѣ артисты знали, но и она со многимъ-множествомъ ихъ была не только знакома, но и освѣдомлена о сценическомъ цензѣ и о семейномъ житьѣ-бытьѣ.

Первые годы жизни Русскому Театральному Обществу приходилось сильно экономить съ оказаніемъ помощи, бюджетъ былъ небольшой. Сколько зато радости было, когда намъ удалось добиться назначенія субсидіи изъ Государственнаго Казначейства. Засѣданія наши тогда происходили въ артистическомъ фойе Александринскаго театра. Марія Гавріиловна, выслушавъ пріятное сообщеніе, не вытерпѣла и бросилась на сцену объявить всей трушѣ о своей радости.

Близко къ сердцу принимала она устройство концертовъ, маскарадовъ и спектаклей въ пользу Общества. Деньги тогда сыпались, какъ изъ рога изобилія. Нынѣ покойный, незамѣнимый казначей Общества Шемаевъ, обыкновенно молчаливый, при подсчетѣ сборовъ руки потиралъ: «Лопатами загребаемъ».

Артистическіе съѣзды въ Москвѣ не могли состояться безъ Савиной, она была одной изъ вдохновительницъ ихъ.

Война, революція и послѣдующій періодъ, полный политическаго интереса,—все это отвлекло вниманіе большого общества отъ театральныхъ дѣлъ. Многіе былые театралы вошли въ ряды политическихъ дѣятелей, но Савина неустанно продолжала бодрствовать на своемъ посту театральной общественности, продолжала не только работать, но и предсѣдательствовать въ Совѣтѣ того Общества, исторія котораго тѣсно связана съ яркой личностью Маріи Гавріиловны.

Савину хоронятъ на территоріи родного ей Общества, въ Убѣжищѣ для престарѣлыхъ артистовъ. Будетъ она чувствовать себя среди своихъ, среди близкихъ; могила же покойной останется вѣчнымъ напоминаніемъ необходимости поддерживать пріютъ на должной высотѣ въ память великой артистки—общественнаго театральнаго дѣятеля.

В. С. Кривенко.

12—IX—1915. № 14191.

Въ этомъ номерѣ помѣщены два портрета М. Г. Савиной; оба сняты въ ея кабинетѣ: одинъ—въ 1900 году, другой—въ 1914 году.

13—IX—1915. № 14192.

ПИСЬМА КЪ БЛИЖНИМЪ.

Эти дни Петроградъ оплакиваетъ двѣ смерти—знаменитой Савиной и знаменитаго Дурново. Я хорошо понимаю, что эти знаменитости чрезвычайно различныя, и отношеніе къ нимъ общества—почти діаметральное. Савина всѣмъ дорога была своимъ удивительнымъ талантомъ. Посредствомъ его она тоже дѣлала какъ-будто новыя открытія въ природѣ человѣка, обнаруживала какъ бы нечаянныя психологическія черты, заставляла насъ волноваться и глубоко заинтересовываться той важной тайной, которая представляетъ собою женственность. Савина для современниковъ освѣщала женское сердце, наводила прожекторъ на его потаенные уголки; она непрестанно напоминала намъ: вотъ что такое женщина! Не то, чѣмъ она должна быть, а то, что она есть в ъ р е а л ь н о с т и,—кокетливое, капризное, жестокое, обольстительное созданіе, взрослый ребенокъ, вѣчно милый, но почти всегда уже немножко испорченный. Несомнѣнно, такое искусство есть идеалъ науки. Такой художникъ, какъ Савина, у ч и т ъ общество, и учитъ со всею убѣдительностью правды, облеченной въ красоту. Мы, зрители, не знаемъ, за что собственно благодарны великимъ артистамъ: неужели это большое одолженіе—дать возможность поглядѣть на сценѣ типъ пошляка, Тартюфа, Гарпагона, пожилой кокетки и т. п.? Въ жизни вы не желали бы встрѣчаться съ подобными персонажами и не стали бы тратить время и деньги, чтобы любоваться на нихъ. Это въ жизни,—а на сценѣ та же жизнь становится любопытной и поучительной въ высшей степени. Освѣщенная талантомъ, она вдругъ дѣлается близкой и чуть ли не своею собственной жизнью. Въ чужой душѣ узнаешь собственную или, по крайней мѣрѣ, родную душу. Переживаешь все человѣческое, что никому не чуждо. Савина была большимъ и нужнымъ человѣкомъ въ Россіи. Вмѣстѣ съ большими артистами и писателями она приподнимала сознаніе и держала его на высотѣ. Люди ума и таланта непрерывно цивилизуютъ общество, дѣлаютъ его сердечнѣе и умнѣе. Вотъ что заставило всколыхнуться весь образованный кругъ, когда пришла вѣсть о кончинѣ Савиной. Горе! Общее горе!

Скончавшійся, какъ и Савина, отъ паралича сердца, лидеръ нашей реакціонной партіи былъ, конечно, въ другихъ отношеніяхъ къ русскому обществу, и если его оплакиваютъ искренно, то лишь самые близкіе люди и немногіе единомышленники. И съ Савиной, и съ Дурново я имѣлъ въ жизни по одной лишь встрѣчѣ, которая не повела къ дальнѣйшему знакомству. Изъ этихъ встрѣчъ я вынесъ лишь столько, чтобы дополнить себѣ портретъ этихъ знаменитостей съ тѣми поправками, какія даетъ очевидность...

М. М е н ь ш и к о в ъ.

18—IX—1915. № 14197.

ПЕСТРЫЯ БЕСѢДЫ.

М и н у т ы.

Хоронили Варламова, хоронили Савину и хоронили тѣ минуты счастья, которыя они дарили намъ въ театрѣ.

Быстротечно обаянье,
Которымъ насъ чаруетъ мимъ,
Его мгновенное созданье
Мгновенно гаснетъ вмѣстѣ съ нимъ,

говорится въ стихахъ Шиллера.

Передъ окномъ уборной Савиной останавливали похоронную колесницу и она, бездыханная, какъ бы душою прощалась съ этимъ своимъ вторымъ домомъ—театромъ, съ этой комнаткой, въ которой она перевоплощалась въ теченіе столькихъ лѣтъ во столькихъ женщинъ. Театральное зеркало отражало другую Савину,—ту, въ которую природа вложила столько творческаго изобразительнаго таланта.

Быть можетъ, иногда, въ самыя послѣднія минуты, уже передъ выходомъ въ новой роли, анализируя въ послѣдній разъ эту д р у г у ю С а в и н у, Савина-актриса находила еще новыя черточки характера роли, которыя вспыхивали въ мозгу среди этой лихорадки ожиданія новой, сценической жизни?

Думаете вы объ уборныхъ большихъ актеровъ?

Вѣдь это какъ-будто домашній уголокъ, то, что французы называютъ un chez-soi—и студія, и какъ-будто какая-то магическая лабораторія, полная чародѣйства... Уборная, с в о я уборная, да вѣдь это большее, чѣмъ комната своего дома! Для актера, для актрисы это и мѣсто около «большихъ позицій», около самаго огня подмостковъ и театральной залы, это и то мѣсто, гдѣ такъ мучительно чувствуются и неудачи роли, и сладкій отдыхъ, сладкое изнеможеніе послѣ бури успѣха.

Минуты...

Какъ это коротко, а вѣдь это все въ жизни. Лучшія созвучія стиховъ, лучшія страницы романовъ, лучшія мелодіи посвящены этимъ минутамъ, когда человѣческое сердце бьется сильнѣе обыкновеннаго, когда оно перестаетъ быть только механизмомъ. Глядя на тонкую иглу моихъ часовъ, какъ она быстро-быстро бѣжитъ отъ одной маленькой черточки къ другой, отъ минуты къ минутѣ, я думаю, какъ это похоже на сердце. Сердце также быстро, нетерпѣливо отсчитываетъ минуты ожиданія, минуты счастья...

Только не такъ ровно.

Оно также убѣгаетъ впередъ или начинаетъ отставать, его тоже отдаютъ въ починку... ненадолго. Когда начинаешь вспоминать, все самое памятное, самое жгучее—въ минутахъ. Никакъ не вспомнишь всего день за днемъ, часъ за часомъ. Да и скучно станетъ вспоминать. Но вотъ эти яркія точки памяти—минуты—вспыхиваютъ, какъ огоньки на вечернемъ пути, вспыхиваютъ и гаснутъ, гаснутъ и вспыхиваютъ.

Спросите у одинокой старости: Чѣмъ живетъ ея сердце? Минутами прошлаго.

Развѣ эта одинокая женщина не плачетъ иногда у себя за своимъ старымъ роялемъ, но чтобы никто не видѣлъ? Что можетъ быть смѣшнѣе старой сентиментальности? Ее прячутъ отъ людей иной поры, какъ прячутъ свой упадокъ, свои недуги, свои морщины.

Что такое это безконечное вязанье въ рукахъ одинокой женщины? Эти спицы механически мелькаютъ, механически примыкаютъ петлю къ петлѣ, механически совершается ихъ счетъ, но память уносится далеко и отсчитываетъ минуты прошлаго.

Что такое это пожелтѣвшее отъ времени письмо, этотъ пріютившійся жилецъ старыхъ писемъ, запахъ чьихъ-то любимыхъ духовъ? Что такое эти знакомыя нервныя строчки, этотъ адресъ, эти засохшіе лепестки цвѣтка? Что такое улыбка въ портретѣ умершаго?

Вѣдь это все минуты, огоньки жизни. Что такое вдохновеніе? Картина художника, игра актера, романсъ, статуя, симфонія, трагедія?

Трудъ, изученіе, талантъ, фундаментъ... Но минута, счастливая минута воображенія, то, что французы называютъ une trouvaille,—дѣлаетъ все.

Развѣ улыбка Джіоконды не минута? Четыре года искалъ ее Леонардо, минута ему ее дала.

Развѣ не минуты жемчужины русской поэзіи: «Въ долинахъ Грузіи», «Ночевала тучка», «Какъ сладко съ тобою» Глинки? Не минуты развѣ стоны раненаго льва, Отелло-Таманьо, баллада Шопена подъ пальцами Рубинштейна, тоска и глубокія рыданія віолончели Вержбиловича?

Развѣ не радостныя минуты жизни старый водевиль со старикомъ Варламовымъ или вотъ эта болтливая дама изъ Конотопа, которую такимъ жемчугомъ комическаго таланта разыграла Марія Гавріиловна?

Все минуты.

П. Вильде.

21—IX—1915. № 14200.

ОНИ УХОДЯТЪ.

Варламовъ... Савина... Въ настоящій «годъ неожиданныхъ смертей» сколько уходитъ отъ насъ...

Обычно жизнь и такъ беретъ свое. Всегда молодое растетъ, старое всегда расходуетъ нажитые запасы силъ и опыта. И безъ того одно поколѣніе идетъ на смѣну другому, руководясь лишь тѣмъ, что ему надо жить.

Но почему теперь смерть движется такъ быстро? Почему этотъ годъ для такого множества людей оказывается послѣднимъ годомъ?.. Почему мы ихъ теряемъ и теряемъ?..

Идетъ «годъ нервовъ». Никогда еще такъ оживленно и болѣзненно не билось сердце Россіи, какъ въ этотъ годъ. Въ великій 1812 годъ и не думалось о возможности такого нервнаго напряженія, въ какомъ живемъ мы теперь... Теперь мы дышимъ однѣми мыслями, однѣми скорбями болѣемъ, въ одну сливаемся душу въ пожеланіяхъ нашихъ!

Въ этотъ годъ и молодое быстрѣе старится, и старое быстрѣе отживаетъ. Отъ опытныхъ требуется даже больше нервовъ, чѣмъ отъ молодыхъ. Нервовъ же въ наше время всего меньше, и, ужъ навѣрно, ни у кого ихъ нѣтъ въ запасѣ.

Вся дѣятельность живетъ нервами; дѣятельность во время войны требуетъ ихъ еще больше, чѣмъ въ мирное время. Болѣзненно отзываются всѣ струны жизни, дрожа торопливо въ творчествѣ, кипя гнѣвомъ въ безпомощности и безсиліи создать.

...Идетъ годъ смертей—и годъ нервнаго напряженія. Напрягаются струны, часто расшатанныя уже жизнью, и не выдерживаютъ. Талантливые,—тѣ, кому больше дано,—сильнѣе и отвѣтили. Отвѣтили сильнѣе и тѣ, съ кого больше спрашивалось!

И они уходятъ отъ насъ, уходятъ оплакиваемые или провожаемые равнодушно, неся въ иной міръ вѣнокъ легенды или вѣнокъ сплетенъ.

Они уходятъ, какъ жертвы нашего тяжелаго времени, исчернавшія свои силы.

. . . . . .

И невольно хочется тогда въ немногихъ словахъ сказать остающимся силамъ:

— Берегите себя!

Отечеству и въ будущемъ, и сейчасъ нужны силы, способныя мужественно работать, тамъ, гдѣ есть нужда въ ихъ самоотверженномъ примѣненіи. Берегите себя! Время радоваться придетъ еще, времени скорби тоже не избѣжать,—время же работать и пришло, и есть.

Ваши силы нужны.

Нѣтъ поприща, гдѣ можно отказаться отъ силы. Чтобы не кружиться на мѣстѣ въ бѣшеной и противоестественной пляскѣ, надо во всѣхъ точкахъ государственной жизни прилагать ровную настойчивую силу.

Берегите же себя, люди таланта, люди дѣла, люди опыта!

Ю. Петровскій.

27—IX—1915. № 14206.

ПИСЬМА КЪ БЛИЖНИМЪ.

. . . . . .

. . . . . .

ШЕПОТЪ МЕФИСТОФЕЛЯ.

Что вино веселитъ сердце человѣка, это извѣстно изъ священнаго писанія. Смотрите притчи Соломона. Что вино омолаживаетъ старость—тоже старая, хоть и опасная съ медицинской точки зрѣнія истина. Старики-художники около бутылокъ нѣсколько отогрѣлись и помолодѣли, а затѣмъ вступили даже въ споръ. Это былъ чисто философскій споръ, т.-е. совсѣмъ студенческій. Одинъ изъ художниковъ, похожій на «Нѣкто въ сѣромъ», вслѣдствіе кацерознаго цвѣта лица и такой же пиджачной пары, высказалъ горькое сомнѣніе.

— Вотъ,—проворчалъ онъ уныло,—умеръ Маковскій, умерла Савина, Скрябинъ... Но стоило ли имъ родиться—вотъ вопросъ. «Чортъ меня догадалъ родиться въ Россіи съ душой и талантомъ»,—восклицалъ когда-то Пушкинъ. Стало быть, даже въ этой безспорно великой душѣ хоть на минуту возникло сомнѣніе, хорошо ли онъ сдѣлалъ, что родился. Такая у насъ атмосфера общаго неуваженія къ искусству, непониманія искусства. Такое общее отсутствіе потребности во всемъ, что мы малюемъ, лѣпимъ, брянчимъ на инструментахъ... Кому это надо?

Тутъ и завязался споръ. Какъ, кому надо? Да всѣмъ надо или очень многимъ,—возразили ему. Грѣхъ было бы жаловаться и Пушкину на недостатокъ вниманія, и Савиной, и хотя бы тому же Маковскому. Ужъ, кажется, имѣлъ успѣхъ!

— Ахъ, да я не о томъ вовсе. Что искусство имѣетъ своихъ почитателей... даже иногда цѣнителей, я не спорю. Я говорю о томъ, нужно ли искусство народу, широкимъ его массамъ? Вотъ въ чемъ я сильно сомнѣваюсь. Возьми Савину, возьми Маковскаго. Савину плохо ли, хорошо ли перевидали сотни тысячъ народу, если не милліоны, и что же толку? Увидѣли и позабыли. Художественное впечатлѣніе, какъ камень, брошенный въ стоячую воду, на мгновеніе взволнуетъ небольшой участочекъ общества, и затѣмъ все расплывается сейчасъ же въ тишь да гладь. Картины Маковскаго! О нихъ можно быть разнаго мнѣнія, но что былъ талантливъ Константинъ Егорычъ,—это вѣдь безспорно. А гдѣ его картины? Ихъ и слѣдъ простылъ. Лишь немногія въ музеяхъ, куда никто не ходитъ, или ходитъ, какъ на кладбища; разъ въ годъ, разъ въ десять лѣтъ на какія-нибудь четверть часа. Подавляющее число картинъ—по квартирамъ богатыхъ людей, и всѣ же мы знаемъ, что владѣльцы ихъ такъ же рѣдко смотрятъ на дорогія картины, какъ на свои обои, т.-е. совсѣмъ не смотрятъ. Сдѣлавшись украшеніемъ дома, деталью обстановки, картина совсѣмъ исчезаетъ изъ жизни. Жизнь мчится мимо, она знать не хочетъ не только имени какихъ-то художниковъ, но и души ихъ, видѣнія которой смотрятъ со стѣнъ. Стоило ли родиться съ душою и талантомъ для того лишь, чтобы, переживъ драму творчества, попасть, наконецъ, на стѣну къ какому-нибудь купчинѣ Толстопузову? Поймите, что я хочу сказать: мы горимъ, мы рвемся куда-то вдаль, въ безсмертіе, и попадаемъ подъ одинъ ранжиръ съ обойщиками, мебельщиками, столярами. Я не говорю уже о томъ, что съ каждымъ десятилѣтіемъ картины наши блекнутъ, краски выцвѣтаютъ, а съ ними отходитъ и самый слѣдъ всѣхъ нашихъ высокихъ замысловъ...

— Чего же ты хочешь?—спросилъ Иванъ Ѳомичъ.—Ты хочешь, подобно мальчишкамъ-студентамъ, чего нѣтъ въ природѣ и чего быть не можетъ. Вынь да положь тебѣ всемірное вниманіе, всемірный тріумфъ. Подавай непремѣнно вѣчное волненіе, вызванное твоей картиной. Ну, а если со всѣхъ сторонъ невозможно? Ни физически, ни даже психически? Скажемъ хотя бы «Боярскій пиръ» Маковскаго или его «Русалки». Нельзя же уставиться на нихъ и глядѣть столѣтіями всѣмъ человѣчествомъ. Вѣдь надоѣстъ. Наплываетъ новая жизнь, новые интересные сюжеты...

— Вотъ и я говорю то же самое. Нельзя искусства помнить, нельзя не забывать его, ибо, помимо варварства толпы, искусство само себя душитъ, заслоняетъ, вытѣсняетъ изъ жизни, какъ одна волна вытѣсняетъ другую. А если такъ, то стоило ли этакому великолѣпію, какъ Савина, Маковскій, Скрябинъ, родиться на свѣтъ, чтобы быть вытѣсненными—и притомъ безслѣдно—новой грядой талантовъ, можетъ быть, гораздо болѣе мелкихъ, но живыхъ?

— А что же, по-твоему, нужно было дѣлать Савиной и Маковскому?

— Да ужъ я не знаю что. Можетъ быть, было лучше «весь жаръ души, растраченный въ пустынѣ», направить на какіе-нибудь другіе, болѣе полезные для народа предметы. Ты думаешь, человѣчеству очень важно знать «типъ тетеньки» въ изображеніи Маріи Гавріиловны или портретъ камергера въ костюмѣ древняго боярина? Увѣряю тебя, что это и не важно для человѣчества, и не интересно.

— А что же ему, по-твоему, нужно?

— Въ искусствѣ ему нуженъ идолъ, если это язычники, а у насъ нужна икона. Въ поэзіи нужна легенда, сказка. Это онъ чтитъ, это покупаетъ, стало быть, это для него важно и интересно. Посмотри, до чего великая рѣдкость встрѣтить порядочную картину, вазу, статуэтку, даже у богатаго простонародья. Даже у купцовъ. Въ рѣдкомъ случаѣ еще попадается дешевый лубокъ, портреты генераловъ и архіереевъ, все равно похожіе или не похожіе... Развѣ это искусство?

— Но если его нѣтъ, надо его создать,—возразилъ кто-то.

— Легко сказать! Пробовали, другъ мой, создавать, да вѣдь ничего не вышло. Еще три тысячи лѣтъ тому назадъ, а, можетъ быть, и всѣ пять тысячъ лѣтъ уже существовало великое искусство, какъ доказываютъ раскопки на Критѣ и въ Египтѣ. Для чего же нибудь являлись въ міръ Апеллесы и Фидіи, какъ и великіе художники Возрожденія? И что же: народы упорно оставались темными, а аристократія, зараженная тончайшими искусствами, изнѣженная ими, вымирала... Развѣ это не правда? Развѣ всѣ цивилизаціи падаютъ не послѣ золотого вѣка искусствъ, когда геній народный весь обнаруженъ и когда сказать больше нечего? Увы, искусство такой Мессія, который является передъ погибелью. Народамъ нужно что-то не то. Не наша наука, не наше искусство, а какія-то другія. Скажи по совѣсти, предотвратили ли нынѣшнія наука и искусство ту чудовищную опасность, въ которой пребываетъ сейчасъ наиболѣе культурный, т.-е. наиболѣе обработанный науками и искусствами міръ? А? Ну, какъ вы думаете? Вы молчите. Тяжело отвѣтить: нѣтъ! Не только не предотвратили, но, наоборотъ, и науки, и даже искусства всемѣрно способствовали катастрофѣ. Если пораздумать, то всѣ музы и всѣ боги Олимпа давно впряглись въ колесницу одного бога, одного единственнаго—Марса. Всѣ они, сколько могутъ, обслуживаютъ Вулкана, выковывающаго истребительный мечъ. Но вѣдь мечъ этотъ занесенъ теперь надъ самой головой человѣческаго рода, надъ европейской расой...

— Постой, но вѣдь тѣ же науки и прикладныя искусства служатъ и для обороны.

— Ты хочешь сказать, что теперь рубятся съ двухъ сторонъ? Да! Но вѣдь это въ общей суммѣ двойной ударъ. Они насъ, мы ихъ. И трагедія въ томъ, что иначе нельзя. Вся хваленая наука, всѣ искусства сводятъ теперь свои лучи въ одинъ фокусъ—смерть.

. . . . . .

М. Меньшиковъ.

17—X—1915. № 14226.

ПОСЛѢДНІЕ ШАГИ.

(Памяти М. Г. Савиной).

Многонародный, шумливый и суетливый Каменноостровскій проспектъ, поворотъ направо на Карповку—и знакомый большой особнякъ, бокомъ къ рѣчкѣ, съ большимъ вестибюлемъ, по ступенямъ котораго не войдетъ больше быстрой спѣшащей походкой Марія Гавріиловна.

Изъ большого «hall'я» дверь налѣво въ ту большую столовую, гдѣ я видалъ ее во главѣ обѣденнаго или чайнаго стола радушно угощающей хозяйкой и гдѣ стоялъ потомъ ея гробъ; прямо—лѣстница наверхъ въ тѣ ея комнаты, которыя теперь заперты наглухо; направо—въ большую библіотеку и громадный кабинетъ Анатолія Евграфовича Молчанова.

По дому ходятъ прежніе люди. Ничто не измѣнится; не будетъ никто отпущенъ изъ служившихъ ей, во главѣ со столь извѣстной въ театральномъ мірѣ неразлучной и вѣрной ея камеристкой—Василисой.

Когда при выносѣ Маріи Гавріиловны устроили цѣпь, чтобы сдержать напоръ толпы, вспомнили про Василису и стали заботливо кликать: «Василиса, Василиса! Гдѣ же Василиса? Идите же сюда, внутрь цѣпи!»

Эта же Василиса сопровождала ее въ послѣднемъ ея путешествіи на богомолье къ Козельщанской иконѣ Божіей Матери.

Въ тяжелыхъ креслахъ предъ столомъ, заваленнымъ газетными листами, конвертами изъ бюро газетныхъ вырѣзокъ и всякими брошюрами, сидитъ осиротѣвшій мужъ, весь отдавшись дѣлу сведенія въ одну книгу всего, что появилось въ печати о Маріи Гавріиловнѣ.

Неслышно входитъ и выходитъ черная фигура неизмѣннаго и заботливаго друга Савиной— Елизаветы Николаевны Хитрово, о которой, растроганная ея вѣрной преданностью, Марія Гавріиловна говаривала: «Моя лампада».

Такъ и кажется, что въ этой громадной комнатѣ, съ потонувшимъ во мракѣ потолкомъ, съ картинами большихъ мастеровъ по стѣнамъ, появится сейчасъ утомленная послѣ суеты и заботъ дня и все же оживленная Марія Гавріиловна и поведетъ блестящій талантливый разсказъ про какую-нибудь встрѣчу, повторитъ какія-нибудь удачно слышанныя слова, въ короткой фразѣ какъ бы припечатаетъ какое-нибудь смѣшное жизненное положеніе какого-нибудь не подозрѣвающаго, въ самодовольствѣ своемъ, своего комизма человѣка, отзовется о новой пьесѣ, въ которой «занята», или съ жаромъ заговоритъ о какомъ-нибудь церковномъ вопросѣ, будетъ возмущаться корыстолюбіемъ Новодѣвичьяго монастыря, или сочувственно станетъ вспоминать какую-нибудь свою любимую святыню.

Но она больше не войдетъ сюда.

И, однако, съ какой-то жутью чувствуется тайное присутствіе, неистребимость яркой и сильной души.

Всѣ мысли и всѣ слова теперь о ней.

Мужъ разсказываетъ. Слезы часто душатъ его, и онъ замолкаетъ и, оправившись, продолжаетъ вновь.

— Она такъ любила все церковное,—говоритъ онъ,—и все глубже уходила въ это настроеніе въ эти вотъ годы. Для меня были отрадны всѣ эти послѣднія богослуженія и все, что говорило духовенство объ ея набожности.

Вотъ взять ея послѣднее богомолье.

Вы знаете, почему она такъ любила Козельщанскую икону? Три года назадъ я заболѣлъ крупознымъ воспаленіемъ легкаго, и докторъ объявилъ, что если температура поднимется до тридцати девяти и пяти десятыхъ, спасенія нѣтъ. Температура дошла до сорока и двухъ десятыхъ. Какъ ходила за мною Марія Гавріиловна, не оставляя меня ни днемъ, ни ночью, этого и выразить нельзя.

Въ самую тяжелую для меня минуту она получила письмо отъ артистки Александринскаго театра Шаровьевой съ маленькимъ образкомъ Козельщанской Божіей Матери. Шаровьева описывала первое чудо, совершившееся отъ этой иконы надъ параличной барышней, графиней Каннистъ, и просила поставить иконку у меня въ головахъ. Съ того самаго времени мнѣ стало лучше, и пріѣхавшій къ утру докторъ объявилъ, что произошелъ кризисъ и миновала опасность. Съ тѣхъ поръ Марія Гавріиловна ежегодно ѣздила къ Козельщанской иконѣ, въ Полтавскую губернію, по дорогѣ изъ Ессентуковъ домой.

Въ этомъ году она не могла туда попасть изъ-за желѣзнодорожныхъ осложненій и, когда вернулась въ Петроградъ, эта мысль ее мучила. Я отговаривалъ ее не ѣздить теперь, обѣщая при первой возможности поѣхать съ нею вмѣстѣ. Но она, въ концѣ концовъ, отправилась, увѣривъ меня, что если узнаетъ въ Москвѣ, что путь сложенъ и безпокоенъ, то вернется. Однако, она доѣхала до Козельщанскаго монастыря, пробыла тамъ два дня и говѣла. Въ день причастія вечеромъ она поѣхала на станцію, взяла уже билеты для себя и Василисы, какъ подошелъ поѣздъ, переполненный до такой степени, что имъ пришлось поздно возвращаться въ монастырь

и долго колотиться въ дверь гостиницы. Когда имъ открыли, Марія Гавріиловна извинилась передъ монахиней за безпокойство.

— Ничего,—отвѣчала та,—это Божія Матерь васъ къ себѣ зоветъ.

Какое совпаденіе въ этихъ словахъ!

На обратномъ пути онѣ ѣхали очень безпокойно, такъ какъ въ купе на шестерыхъ сидѣло восьмеро. Отъ Полтавы она получила отдѣльное маленькое купе. Но, выйдя въ корридоръ, увидала тамъ сидящимъ на своемъ чемоданѣ офицера въ перевязкахъ, возвращавшагося въ Харьковъ къ роднымъ и раненаго уже пять разъ.

— Я васъ не знаю,—сказала ему Марія Гавріиловна,—простите меня; но, видя ваши пораненія, не могу оставить васъ въ такомъ положеніи въ коридорѣ. Мы какъ-нибудь устроимся втроемъ въ нашемъ купе.

До Харькова они проговорили и, когда онъ въ Харьковѣ сталъ выходить, Марія Гавріиловна сказала ему на прощанье:

— Если будете въ Петроградѣ, заѣзжайте ко мнѣ, я буду рада васъ видѣть, я артистка Савина.

Эти слова ея поразили офицера до такой степени, какъ-будто передъ нимъ произошелъ разрывъ нѣмецкаго «чемодана».

Можно себѣ представить, какъ онъ долженъ былъ изумиться, когда черезъ нѣсколько дней прочелъ вѣсть о кончинѣ своей случайной любезной спутницы.

— Отраду доставляетъ мнѣ,—продолжаетъ А. Е. Молчановъ,—что Марія Гавріиловна будетъ лежать первая изъ русскихъ артистокъ въ храмѣ, который мы съ нею выстроили... У нея было мѣсто въ Александро-Невской лаврѣ. Но вѣдь тамъ она затерялась бы среди другихъ, а тутъ она вошла снова въ ту среду провинціальнаго актерства, изъ которой она вышла и для которой столько сдѣлала. Слово «смерть» въ моемъ мозгу непримѣнимо къ ней. Мнѣ такъ утѣшительно слышать, что всѣ говорятъ не «поѣдемъ къ Маріи Гавріиловнѣ на могилу», а «поѣдемъ къ Маріи Гавріиловнѣ въ Убѣжище».

Въ этомъ Убѣжищѣ она и была, и осталась хозяйкой. Какъ она была заботлива до меньшой братіи, сколько она дѣлала тайнаго добра и какъ она была глубоко, не показнымъ, а тайнымъ образомъ, набожна!..

У меня отъ матери есть святыня, маленькая часть той скалы, на которой Саровскій старецъ Серафимъ совершалъ подвигъ своего тысяченощнаго моленія. На этомъ камнѣ изображенъ старецъ, идущій съ палочкой, «путешествующій». Мы по этому изображенію называемъ любимую семейную святыню «путешествующимъ камешкомъ». Всякій разъ, какъ она куда-нибудь уѣзжала, она требовала, чтобы я перекрестилъ ее этимъ камешкомъ. И когда было все кончено, и я увидалъ ее неподвижно лежащею въ послѣднемъ непробудномъ снѣ, я въ послѣдній разъ взялъ въ руки этотъ камешекъ и перекрестилъ Марію Гавріиловну на ея послѣдній дальній путь.

Перебирая разныя бумаги, хозяинъ останавливается на той рѣчи, которую произнесъ представитель провинціальнаго актерства Градовъ, человѣкъ высшаго образованія, и которая, по словамъ А. Е. Молчанова, привела въ восхищеніе А. Ѳ. Кони. Дѣйствительно, конецъ этой рѣчи, помимо сердечности своей, представляетъ собою блестящій по счастливому вдохновенію пріемъ ораторскаго искусства.

Высказавъ, какъ безконечно много сдѣлала Марія Гавріиловна для провинціальнаго актерства, для котораго она была матерью съ материнскимъ всепрощеніемъ получаемыхъ ею подчасъ оскорбленій изъ той же среды, онъ сказалъ:

«Теперь она только н а ш а. Она осталась съ нами и останется такъ до скончанія вѣковъ, до страшнаго Господняго суда... А когда придетъ этотъ часъ, и труба архангела возвѣстить кончину міра, и воскреснутъ мертвые, и къ престолу Грознаго Судіи вмѣстѣ съ другими потекутъ толпы провинціальныхъ актеровъ, впереди насъ встанетъ она и скажетъ Предвѣчному:

— Суди и меня вмѣстѣ съ ними, ибо всю мою жизнь я была съ ними, тосковала о нихъ за гробомъ и не оставлю ихъ и въ этотъ страшный часъ суда Твоего.

И защититъ, и укроетъ насъ предъ лицомъ Всевышняго, какъ защищала и покрывала при жизни своей... Такъ сни же спокойно, родная».

Что можетъ быть прекраснѣе этой мечты о несдающейся силѣ сердца, которое вѣчно будетъ защищать и покрывать, какъ въ земной юдоли...

. . . . . .

Въ передней, при выходѣ, вижу, снимаетъ пальто миніатюрный мальчикъ, и спрашиваю его, кто онъ такой.

— А это Марія Гавріиловна приняла ихъ за нѣсколько дней до послѣдней болѣзни,— говоритъ швейцаръ.—Отецъ ихъ, офицеръ, въ походѣ, а мать въ небреженіи оставляла. Онъ пришелъ къ Маріи Гавріиловнѣ, незнакомый, и просилъ его принять въ театральную школу. Она плакала даже при его разсказѣ, и вотъ теперь онъ у насъ живетъ.

— Что же, вы учитесь?—спросилъ я.

— Въ Театральномъ Училищѣ учусь.

— Да вѣдь вы такой крошечный,—сказалъ я.

— Мнѣ уже тринадцать лѣтъ,—и мальчикъ съ розовенькими щечками, вѣроятно, поздоровѣвшій въ хорошей жизни за эти дни,—послѣднее доброе дѣло Маріи Гавріиловны,—смотрѣлъ шустрыми и понятливыми глазами.

. . . . . .

Я люблю иногда остановиться на Смоленскомъ кладбищѣ передъ колонной съ бюстомъ Асенковой, одного изъ обаятельнѣйшихъ видѣній, какія промелькнули на русской сценѣ. Кромѣ чаръ искусства, въ ея прелестномъ образѣ было что-то трогательное и покоряющее, вѣчно женственное. Она сверкнула метеоромъ.

И я говорю себѣ: «Гдѣ все это—затаенное дыханіе зрительной залы, разгорѣвшіеся глаза, вздохи, слезы и улыбки, и потомъ ревъ забывшей себя и унесенной изъ дѣйствительности толпы, могучій упорный прибой ея безъ счета повторяемаго обожаемаго имени—«Асенкова, Асенкова!»— вырастающіе на сценѣ цвѣтники и волны подарковъ, захватывающія роли, ярко блещущіе огни, восторженная студенческая молодежь, ревниво сторожащая у театральнаго подъѣзда появленія ея порхающей тѣни, впрыгивающей въ карету, воля горячихъ страстей и тайныя муки—все то, изъ чего складывается плѣнительная жизнь большой актрисы и что съ нею разомъ обрывается?»

Живописецъ, музыкантъ, писатель часто со смертью начинаютъ расти. Жизнь артиста и пѣвца—вся въ мгновеніяхъ, вспыхивающихъ и гаснущихъ навсегда и тѣмъ болѣе яркихъ, что не оставляютъ за собою слѣда.

— Гдѣ ты и все твое?—хочется робко спросить у задумчивой головки Асенковой.

А кругомъ мертвая тишина въ этомъ царствѣ мертвыхъ...

...И вотъ Савина.

Будетъ тускнѣть съ годами слава. Уйдутъ постепенно изъ жизни люди старые и молодые, и многіе молодые раньше старыхъ—уйдутъ всѣ люди, воочію видѣвшіе чудеса ея игры... Но вотъ что останется неистребимымъ, какъ сокровище, надъ которымъ безсильна ржавчина и къ которому воры «не подкапываются и не крадутъ»,—эти ежедневныя добрыя дѣла, внушенныя непосредственнымъ движеніемъ горячаго сердца.

Е. Посельянинъ.

НОВОСТИ СЕЗОНА.
(Москва).
10 и 11—IX—1915. № 3116.

На обложкѣ этого номера помѣщенъ портретъ М. Г. Савиной въ траурной рамкѣ.

Скончалась М. Г. Савина!

Закатилась одна изъ яркихъ звѣздъ русскаго сценическаго искусства.

Біографія знаменитой артистки уже исчерпана. Оцѣнка ея таланта и значенія не усилитъ яснаго во всѣхъ сознанія, какая колоссальная величина отошла въ ея лицѣ въ лучшій міръ.

Утрата тѣмъ тяжелѣе, что современная печальная дѣйствительность никого не готовитъ на смѣну уходящимъ талантамъ, уготовляя полный крахъ театра.

Обыкновенно говорятъ: «Старое старится, молодое растетъ». Да, старое старится, но молодое что-то не вырастаетъ.

Теперь, когда одни старѣютъ, а другіе волею судебъ уходятъ въ лучшій міръ, надо шире чѣмъ когда-либо открыть двери Императорскихъ театровъ, отказаться отъ кастовой обособленности, пробовать молодыя, свѣжія силы. Руководители театра не могутъ жить только сегодняшнимъ днемъ и должны думать о будущемъ театра, о грядущемъ.

Въ этомъ ихъ святая обязанность. Надо забыть о кумовствѣ и дружбѣ...

Театръ не можетъ жить безъ обновленія и освѣженія.

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ М. Г. САВИНОЙ.

В. А. ТЕЛЯКОВСКІЙ.

Находившійся вчера въ Москвѣ директоръ Императорскихъ театровъ выѣхалъ въ понедѣльникъ изъ Петрограда и о смерти Савиной узналъ во вторникъ въ Москвѣ, около полудня, и то изъ редакціонныхъ круговъ. Телеграмма, посланная директору изъ Петрограда, пришла ночью, когда онъ былъ въ театрѣ.

В. А. Теляковскій, по полученіи перваго извѣстія, послалъ супругу покойной артистки, А. Е. Молчанову, телеграмму съ выраженіемъ соболѣзнованія по поводу смерти М. Г., что является горестной утратой не для Александринскаго только, но и для всего русскаго театра.

— Смерть М. Г.—незамѣнимая утрата. Такихъ, какъ Савина, Стрѣльская, Варламовъ,—говоритъ директоръ,—замѣнить нельзя. За нихъ только могутъ играть другіе.

Должно быть, мы очень грѣшны, если на насъ сразу сыпятся такія испытанія, какъ смерть Варламова и Савиной.

Въ намѣченномъ ближайшемъ репертуарѣ М. Г. Савина не участвовала, такъ какъ числилась больной.

О. А. ПРАВДИНЪ.

— Я увидалъ первый разъ Савину, когда игралъ съ нею въ Кіевѣ, въ началѣ ея карьеры. Никогда не забуду ее въ «Злобѣ дня».

За всю свою сценическую дѣятельность мнѣ не приходилось видѣть артистки, которая подъ бѣлилами такъ блѣднѣла бы, какъ блѣднѣла М. Г.

Она такъ переживала свою роль, что передавала свое настроеніе не только публикѣ, но и актерамъ.

Несмотря на свой огромный талантъ, она вкладывала въ каждую роль много труда. Получивъ весьма скудное образованіе, она путемъ самообразованія дошла до высокой интеллигентности.

О. А. КОРШЪ.

— Далматовъ, Стрѣльская, Варламовъ и, наконецъ, Савина.

Какой разгромъ Александринскаго театра неумолимой смертью!

Сценическій міръ никогда не забудетъ М. Г., не только какъ артистку, но и какъ вдохновительницу и создательницу Театральнаго Общества и прекраснаго и отзывчиваго человѣка.

Смерть М. Г.—утрата, и незамѣнимая, не только для Александринскаго театра, но и для всего русскаго искусства.

---

12 и 13—IX—1915. № 3117.

Здѣсь помѣщена статья «Савина и современники», напечатанная: въ «Обозрѣніи Театровъ», 9—IX—1915, № 2866; въ «Вечерней Газетѣ», 11—IX—1915, № 25. Текстъ этой статьи—см. «Обозрѣніе Театровъ».

ОБОЗРѢНІЕ ТЕАТРОВЪ.

(Петроградъ).

9—IX—1915. № 2866.

На первой страницѣ этого номера напечатано крупно во всю страницу въ траурной рамкѣ:

†

ЗАКАТИЛОСЬ СОЛНЦЕ РУССКОЙ СЦЕНЫ!

Скончалась

8-го сентября, въ $5^1/_2$ часовъ утра,

МАРІЯ ГАВРІИЛОВНА

САВИНА.

Слѣдующая страница этого номера занята большимъ портретомъ М. Г. Савиной (1897 г.) въ траурной рамкѣ.

М. Г. САВИНА.

Вчера въ шестомъ часу утра отъ разрыва сердца скончалась заслуженная артистка Императорскихъ театровъ Марія Гавріиловна Савина. Неожиданная смерть, какъ громъ, поразила всѣхъ. Лишь двѣ недѣли назадъ жизнерадостная вернулась М. Г. изъ Ессентуковъ.

Ничто не предвѣщало близкаго рокового конца.

Далѣе слѣдуетъ сообщеніе о послѣднихъ дняхъ жизни почившей артистки.

Зазвонилъ телефонъ.

Чей-то голосъ сказалъ:

— Умерла Савина.

Такъ растерялся отъ неожиданности, что положилъ трубку.

Разъединили.

Кто внесъ въ міръ моей души трепетъ мрачной вѣсти?

Да не все ли равно—кто?

Не вѣрится.

Но развѣ я могу не вѣрить. Вѣдь такими вещами не шутятъ.

— Боже, за что!..

Ну, есть ли въ мірѣ хоть одинъ человѣкъ, который приготовился къ такой вѣсти и нашелъ слова для оцѣнки неоцѣнимой!

Но вѣдь я же обязанъ откликнуться.

И я откликаюсь:

— Боже, за что!..

Нынѣшняя война всѣми единогласно названа:

— Отечественная война.

Смерть Савиной—

— Отечественная смерть!

Черезъ полвѣка не раньше явится писатель, который сумѣетъ и сможетъ показать, чѣмъ была нынѣшняя война.

Черезъ нѣсколько лѣтъ не раньше историкъ театра сумѣетъ и посмѣетъ написать, чѣмъ была для театра Савина.

Вѣрнѣе, чѣмъ была Савина.

Ибо для русскаго театра она была всѣмъ.

— Всяческая и во всѣхъ!..

Савина была всеактриса.

Водевиль, комедія, драма, трагедія...—во всемъ она была велика.

Ибо она была всеженщина.

Утро ея было прекрасно—полно улыбки и брилліантящихся слезинокъ росы.

Полдень ея былъ прекрасенъ—ярокъ и жгучъ, ясенъ и полонъ трепетной радости бытія.

Вечеръ ея былъ прекрасенъ—тихъ и величественъ, мудръ и милостивъ...

Ночь ея...

Боже, пошли ей такую же прекрасную ночь!..

И. Шебуевъ.

Марія Гавріиловна Савина родилась 30-го марта 1854 года въ Каменецъ-Подольскѣ. Родители ея были въ свое время видными сценическими дѣятелями. Отецъ—Гавріилъ Николаевичъ Подраменцевъ (по сценѣ Стремляновъ) ради сцены бросилъ свою педагогическую карьеру и пользовался въ качествѣ актера лестной репутаціей.

Дочь актера, М. Г. начала свою сценическую карьеру ребенкомъ. Съ живымъ юморомъ разсказала о первыхъ «дебютахъ» сама артистка въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Крошечной дѣвочкой, вдыхая воздухъ кулисъ, Савина уже давно впитывала въ себя какую-то особую, насквозь впослѣдствіи пропитавшую все ея существо любовь къ правдѣ, къ благороднѣйшему чистому художественному реализму. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ маленькая артистка неоднократно выступала на сценѣ въ Одессѣ, въ Кіевѣ; играла Егорушку въ пьесѣ Островскаго «Бѣдность не порокъ». Въ 1869 году М. Г. уѣхала въ Минскъ на окладъ 30 рублей въ мѣсяцъ и, между прочимъ, участвовала тамъ въ опереточныхъ спектакляхъ. Въ свой бенефисъ артистка выбрала роль Полины въ «Доходномъ мѣстѣ», обнаруживъ, несмотря на свою юность, серьезное тяготѣніе къ живому и жизненному комедійному репертуару, къ роднымъ великимъ классикамъ, у которыхъ она рано научилась очаровательной простотѣ языка, безыскусственному совершенству въ изображеніи характеровъ. На слѣдующій сезонъ артистка служила въ Харьковѣ, гдѣ и вышла замужъ за актера Савина. Приходилось играть преимущественно въ водевильномъ и опереточномъ репертуарѣ, который по своей легковѣсности, конечно, никакъ не могъ удовлетворять Савиной, чьи художественныя исканія давали себя знать все сильнѣе и ярче. Первымъ антрепренеромъ, который оцѣнилъ по достоинству ея дарованіе, былъ П. М. Медвѣдевъ. Ему, можно сказать, принадлежитъ честь «открытія» несравненнаго таланта Савиной. «Въ Казани»,—заявляетъ она въ своей автобіографіи,—«началась, въ сущности, моя

карьера, и всѣмъ успѣхомъ я обязана М. М. Медвѣдеву и А. И. Шуберту». Случай (отъѣздъ первой актрисы) взвалилъ на плечи Савиной весь репертуаръ, и онъ же выдвинулъ ее въ первые ряды. Дальнѣйшая служба въ провинціи (Нижній-Новгородъ, Саратовъ, Орелъ) уже протекала въ значительно болѣе нормальныхъ условіяхъ. Савина получила возможность выступать въ роляхъ, гдѣ давался широкій просторъ ея съ исключительной быстротой развившемуся блестящему дарованію. Катя («По духовному завѣщанію»), Глаша («Каширская старина»), Наташа («Пріемышъ»),—это былъ рядъ свѣжихъ образовъ, отъ которыхъ на публику повѣяло прелестной весной таланта.

Въ Орлѣ, между прочимъ, артистка служила вмѣстѣ со своими будущими товарищами по Александринской сценѣ—Стрепетовой, Давыдовымъ и Писаревымъ. Послѣ Саратовскаго сезона 1873—1874 гг. Савина случайно пріѣхала въ Петербургъ и здѣсь 17-го марта 1874 года выступила въ залѣ Благороднаго Собранія въ роли Лелечки, въ пьесѣ Антропова «Блуждающіе огни». Успѣхъ молодой дебютантки былъ рѣдкимъ. Скромный клубный спектакль заставилъ о себѣ говорить столицу. Игра артистки вызвала всеобщее восхищеніе, и въ результатѣ ей былъ данъ дебютъ на Александринской сценѣ. 9-го апрѣля того же 1874 года Савина выступила здѣсь въ роли Кати, въ пьесѣ Крылова «По духовному завѣщанію». Тріумфъ былъ полный. Савина покорила и публику, и прессу. Рецензентъ «Голоса» писалъ: «Г-жа Савина... художественной простотой, естественной декламаціей и серьезнымъ отношеніемъ къ условіямъ сценическаго искусства произвела на всѣхъ пріятное впечатлѣніе, вызвавъ громадныя рукоплесканія, сопровождавшія каждый выходъ даровитой дебютантки. Нельзя не привѣтствовать появленія на нашей сценѣ такого дарованія»... Послѣ второго и третьяго дебюта («Воспитанница» и «Ангелъ доброты и невинности») М. Г. Савина 15-го августа 1874 года была официально зачислена на Императорскую сцену, причемъ первый контрактъ былъ съ нею заключенъ на три года съ жалованьемъ 800 рублей въ годъ. Первыми ея ролями на Александринской сценѣ были: Генріэтта («Бабушкина внучка»), Мери («Пансіонерка»), Дашенька («Мишура»), Дуня («Не въ свои сани не садись») и Наталья Петровна («Трудовой хлѣбъ»). Съ этого начинается высокоплодотворная дѣятельность покойной артистки на славу родного искусства, тѣсно связанная съ нашей образцовой сценой, гордостью и украшеніемъ которой она служила въ теченіе четырехъ десятилѣтій. Драгоцѣнный талантъ Савиной здѣсь расцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ и съ поистинѣ царственной щедростью одаряетъ всѣхъ, пріобщающихся къ искусству, созданіями изумительной красоты, образами незабываемой силы и яркости, неизъяснимымъ источникомъ бодрящихъ и оздоровляющихъ душу переживаній. За сорокъ лѣтъ имя Савиной сдѣлалось популярнѣйшимъ и любимѣйшимъ именемъ русскаго театра. Великая артистка заставила преклониться передъ русскимъ національнымъ искусствомъ даже нашихъ теперешнихъ враговъ—нѣмцевъ, и ея поѣздка съ труппой въ Берлинъ и Прагу составила цѣлое художественное событіе, явилась нѣкіимъ откровеніемъ замѣчательной сценической школы для заграничнаго артистическаго міра.

Переигравъ безконечное множество (свыше 400) ролей на Александринской сценѣ, Савина заняла по праву мѣсто первой актрисы русской сцены въ глубокомъ національномъ смыслѣ этого понятія. Гоголь, Островскій, Тургеневъ, Толстой нашли въ ней геніальную истолкователыницу своихъ творческихъ произведеній. Артистка съ ними сжилась, срослась органически и не мыслила себя внѣ ихъ одухотворяющаго общенія. Проникающая сила ихъ правды передалась ей въ полной мѣрѣ. Ни тѣни фальши, ни самаго ничтожнаго уклоненія отъ безсмертныхъ завѣтовъ того жизненнаго реализма, который поставилъ всю русскую литературу, эту истинную душу народа, на столь недосягаемую высоту. И смотрѣть Савину на сценѣ, какъ выразительницу этихъ святыхъ завѣтовъ, было всегда величайшимъ наслажденіемъ. Она была національна въ своемъ неподражаемомъ искусствѣ до конца,—и поэтому была такъ безконечно близка и дорога сколько-нибудь чуткому зрителю. Въ лицѣ Савиной зритель чувствовалъ Россію, русскій народъ, русское сердце, самую гущу русской природы и быта. Въ этомъ смыслѣ талантъ Савиной былъ такъ же стихіенъ, какъ и талантъ совсѣмъ ненадолго опередившаго ее кон-

чиной Варламова. Стихія,—могучая и властная стихія покоряла неотразимо, потому что въ ней билъ ключъ настоящей жизни, полной и широкой, отвѣчающей всѣмъ человѣческимъ чувствамъ и настроеніямъ...

* * *

Великой артисткѣ выпало счастье быть свидѣтельницей всеобщей восторженной оцѣнки ея переходящихъ нынѣ въ исторію заслугъ передъ роднымъ искусствомъ. Эта оцѣнка вылилась въ грандіозное чествованіе 35-лѣтія ея служенія Александринской сценѣ, которое происходило 24-го февраля 1910 года.

Юбилей ознаменовался постановкой сборнаго спектакля изъ отрывковъ «Холоповъ», «Власти тьмы», «Мѣсяца въ деревнѣ» и «Дикарки», причемъ выборъ этихъ пьесъ явился какъ бы показателемъ четырехъ этаповъ художественной дѣятельности, соотвѣтствовавшихъ возрастнымъ этапамъ артистки. Старая княжна въ «Холопахъ», типичная деревенская дурочка Акулина въ Толстовской драмѣ, увядшая, но все еще очаровательная Тургеневская героиня и, наконецъ, прелестный подростокъ, въ комъ едва просыпается женщина,—съ какимъ совершенствомъ понимала и воплощала правду всѣхъ этихъ образовъ Савина!.. Самое чествованіе обратилось въ своего рода національный праздникъ. Все русское общество отъ верховъ до низовъ поклонилось и соединилось для горячаго привѣтствія. Депутаціи, адреса, нѣсколько сотъ телеграммъ. Картина была исключительной торжественности и умилительности. Первымъ читался рескриптъ на имя Савиной Августѣйшаго президента Театральнаго Общества Великаго Князя Сергѣя Михаиловича, гдѣ, между прочимъ, говорилось: «Созданные вами сценическіе образы, проникнутые глубокой правдой, будутъ жить вѣчно, какъ вѣчна сама правда. Глубокая отзывчивость вашей души къ искусству звучитъ неизмѣннымъ откликомъ и въ жизни, проводя тѣ же принципы красоты и добра, которые составляютъ девизъ вашей жизни. Ваша сердечная чисто родственная заботливость и попеченіе о нуждахъ вашихъ товарищей по искусству наполняютъ всѣ ваши досуги»...

Здѣсь мы подходимъ къ другой сторонѣ дѣятельности покойной артистки, о которой также на долгія времена сохранятся самыя свѣтлыя воспоминанія. Мы говоримъ относительно ея кипучей дѣятельности въ Театральномъ Обществѣ на пользу русскаго актерства. Рѣшительно ни одно изъ начинаній, клонившихся къ защитѣ и помощи актеру, не обходилось безъ участія Савиной. Всецѣло ея трудамъ обязано своимъ возникновеніемъ театральное Убѣжище для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей, къ которымъ она проявляла до конца своихъ дней трогательную заботливость. Вообще, неизсякаемая энергія Савиной почти всецѣло, кромѣ сцены, уходила на попеченіе о неустроенномъ и дѣтски безпечномъ русскомъ актерѣ.

Это было отмѣчено и въ адресѣ Театральнаго Общества, поднесенномъ Савиной въ прошломъ году по случаю сорокалѣтія ея службы на Императорской сценѣ. Въ адресѣ, между прочимъ, говорилось: «Вы—гордость современнаго русскаго театра, Вы—театральное солнце, засіявшее яркимъ блескомъ съ первыхъ Вашихъ шаговъ на подмосткахъ, которые освящены именами Дмитревскаго, Щепкина, Мочалова, Каратыгина, Сосницкаго, Самойлова. Тридцать лѣтъ Вы неустанно работали въ Театральномъ Обществѣ, вступивъ въ него, какъ учредительница «Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ»—скромной ячейки, изъ которой создалось Театральное Общество. Учредительница Театральнаго Общества, почетный его членъ и тридцатилѣтній членъ Совѣта, Вы весь этотъ долгій срокъ радѣли о нуждахъ актера, принося громадную пользу сценическому міру Вашимъ трудомъ, энергіей и исключительной заботливостью о его нуждахъ. Вашему чуткому женскому сердцу особенно близки нужда и горе обездоленныхъ работниковъ сцены и, благодаря Вашей материнской заботливости, старики и дѣти находятъ пріютъ, тепло и ласку въ благотворительныхъ учрежденіяхъ Общества».

При этой статьѣ помѣщены 2 портрета М. Г. Савиной: 1) конца перваго десятилѣтія 1900 годовъ и 2) въ пьесѣ «Холопы».

САВИНА И СОВРЕМЕННИКИ.

Всѣ иностранныя знаменитости неоднократно проявляли свое преклоненіе передъ Савиной. Знаменитый итальянскій трагикъ Росси даже напечаталъ большую статью о Савиной. Съ Саррой Бернаръ и Элеонорой Дузе ее связывали дружескія чувства. Сарру Бернаръ очень огорчало въ ея послѣдній пріѣздъ въ Россію чье-то репортерское измышленіе, будто она заявила, что «не знаетъ Савиной».

Корифеи русской литературы восторженно отзывались о покойной артисткѣ. Съ Достоевскимъ и Некрасовымъ она зачастую вмѣстѣ выступала на вечерахъ. Григоровичъ привѣтствовалъ еще ея первые шаги. Гончаровъ любилъ бывать запросто у Савиной. Въ салонѣ Полонскаго артистка встрѣчалась, начиная съ середины семидесятыхъ годовъ, со всѣмъ цвѣтомъ тогдашней литературы. Общеизвѣстна ея дружба съ Тургеневымъ. Островскій, послѣ ея исполненія «Дикарки», написалъ на своей фотографіи: «Очаровательной дикаркѣ М. Г. Савиной—старый панка».

Савина еще застала такихъ великановъ русской сцены, какъ Самойловъ, Шумскій, Васильевъ 2-й. Въ бенефисъ Самойлова въ 1875 году она, по его просьбѣ, играла въ «Ночномъ». При ней же прошла дѣятельность Нильскаго, Медвѣдева, Горбунова, Сазонова, Свободина. Застала Савина даже еще Петра Каратыгина.

Изъ славной тріады—Савина, Варламовъ, Давыдовъ—увы, теперь остался въ живыхъ только послѣдній...

Эта же статья напечатана: въ «Вечерней Газетѣ», 11—IX—1915, № 25; въ «Новостяхъ Сезона», 13—IX—1915, № 3117.

10—IX—1915. № 2867.

КЪ КОНЧИНѢ М. Г. САВИНОЙ.

Какъ у гроба королевы, почетное дежурство.
Но четверо дежурятъ рыцари театра.
Строгія лица, строгія позы.
Почти безъ движенія стоитъ каждая смѣна по два часа.
Это и трогательно, и красиво.
Красиво какой-то не нынѣшней красотой.
Рыцари...
Да, вы рыцари, почетная стража при гробѣ.
И знаете, кто васъ возвелъ въ рыцарскій санъ?
Савина!
Это она на недосягаемую высоту поднялась.
И подняла съ собою на недосягаемую высоту и красоту званіе русскаго актера.
Она жила и умерла, какъ королева.
И, какъ царица, лежитъ сейчасъ въ своемъ изумительномъ по красотѣ и богатству дворцѣ.
Чернымъ крепомъ затянуты драгоцѣнныя стѣны той залы дворца искусства и искусствъ, гдѣ покоится гробъ ея.
Бронзовое изваяніе Христа словно вырвалось изъ пучины чернаго крепа и съ высоты простерло руки надъ моремъ цвѣтовъ, вѣнковъ, лентъ...
Сколько ихъ перевидала Савина на своемъ пути.
Она шла по цвѣтамъ, по вѣнкамъ и лентамъ...
Каждая ея роль была тріумфомъ и радостью для насъ.
Нынче она играетъ послѣднюю свою роль...
И эта первая роль, которая вмѣсто радости принесла намъ несказанное горе...
И все же цвѣтовъ, вѣнковъ, лентъ сюда!

Послѣднихъ цвѣтовъ скорби и печали королевы радости!..

. . . . . .

. . . . . .

По четверо дежурятъ рыцари...

Пылаютъ свѣчи.

Горячія восковыя слезы падаютъ на парчу...

Нѣтъ словъ.

И не надо ихъ...

П. Шебуевъ.

Въ этомъ же номерѣ помѣщенъ снимокъ — «М. Г. Савина въ роляхъ: графини Діаны («Собака садовника»), Маріи Антоновны («Ревизоръ»), княжны Забавы («Забава Путятишна»), Фени («Маіорша») и кумы Настасьи («Чародѣйка»).

11—IX—1915. № 2868.

КЪ КОНЧИНѢ М. Г. САВИНОЙ.

Сперва прахъ Савиной приняла семья.

И были скорбь и рыданія матери, мужа, родни.

Потомъ прахъ Савиной приняла семья актеровъ.

И были цвѣты, ленты, вѣнки, почетная стража, земные поклоны, молитвы, воспоминанія...

Вчера прахъ Савиной принялъ Петроградъ.

И были улицы полны народа, остановилось трамвайное движеніе, и падала пихта на камни мостовой, и были тяжелы шаги идущихъ за гробомъ, и были тяжки слова и тягостно молчаніе...

Сегодня прахъ Савиной приметъ земля.

Родина.

И будутъ ладанные дымы куриться у свѣжей насыпи, и будутъ къ небу возноситься молитвенные стоны:

— Вѣчная память.

Рыхла земля.

Но объятія ея—стальныя.

Не разомкнутся.

И всѣ это понимаютъ.

И стоятъ понурые, придавленные тяжестью.

Вѣчная память!

Вчера на панихидѣ священникъ сказалъ красивую рѣчь:

— Передъ нами лежитъ трупъ, лежитъ бывшее вмѣстилище человѣка, потерявшее уже свою прелесть. Почему же всѣ мы собрались здѣсь, почему же все такъ торжественно, почему все полно глубокой тайны? Потому что передъ нами не простой трупъ, а храмъ. Правда, опустѣвшій храмъ, но храмъ, въ которомъ жила великая душа и служила Богу и людямъ. Всѣ мы знаемъ, что такое была М. Г. Если бы ея душа вселилась въ полководца, мы имѣли бы второго Александра Македонскаго. Если бы ея душа вселилась въ кого-либо изъ служителей алтаря, то мы имѣли бы, быть можетъ, одного изъ величайшихъ угодниковъ Божіихъ. Но она избрала скромное служеніе искусству и подняла его на недосягаемую высоту. Сколько она дѣлала добра, мы сейчасъ не знаемъ и едва ли узнаемъ когда-либо. Она любила дѣлать это тайно. М. Г. была истинной христіанкой, и я глубоко вѣрю, что ее съ радостью встрѣтятъ въ небесныхъ обителяхъ. Но она была тоже человѣкъ, и значитъ у нея были также грѣхи. Помолимся, чтобы Милосердый Богъ простилъ ей грѣхи, ибо нѣтъ человѣка, который бы не согрѣшилъ. Одинъ Богъ безъ грѣха.

Священникъ еще не зналъ, кажется, до какой степени она умерла христіанкой.

Близкія лица разсказали мнѣ, что, по какому-то наитію, недѣли двѣ тому назадъ она совершила богомолье, посѣтила Козельщанскій монастырь.

Молилась передъ чудотворной иконой, исповѣдывалась, причащалась...

То-есть продѣлала все то, что надо для того, чтобы по-христіански умереть.

Это было изумительное наитіе.

Быть можетъ, на паломничество ее толкнула смерть Варламова.

Поѣхала въ монастырь она совсѣмъ здоровой.

Но дорогѣ—простудилась.

Но умерла не отъ простуды, а отъ сердечнаго изнеможенія,—весь годъ этотъ она отдала дѣламъ милосердія.

Раньше она говорила:

— Сцена—моя жизнь.

А въ этомъ году могла бы сказать:

— Лазаретъ—моя жизнь.

. . . . . .

. . . . . .

Въ самомъ корнѣ служенія актрисы есть нѣчто языческое.

— Не сотвори себѣ кумира!—гласитъ заповѣдь.

Но тотъ артистъ—не артистъ, который не творитъ себѣ кумира изъ искусства.

И Савина творила кумиры.

И сама была кумиромъ...

Но своей жизнью и своей смертью она примирила языческое начало съ христіанствомъ.

И вотъ умерла, по выраженію священника:

— Какъ святая!

Итакъ, заслуги Савиной не только въ томъ, что она подняла такъ высоко надъ толпой званіе актера.

А и въ томъ, что она примирила актера съ церковью.

И вотъ она первая изъ актрисъ, которую х о р о н я т ъ в ъ ц е р к в и!

— Вѣчная память!

И. Ш е б у е в ъ.

Въ этомъ номерѣ помѣщены 2 портрета М. Г. Савиной—въ роляхъ: 1) Вари («Дикарка») и 2) Акулины («Власть тьмы»).

---

12 и 13—IX—1915. № 2869 и 2870.

КЪ КОНЧИНѢ М. Г. САВИНОЙ.

Савину похоронили.

Это были національныя похороны,—всенародное прощаніе съ талантомъ, чей свѣтъ померкъ для нашихъ потрясенныхъ сердецъ.

Но похоронили лишь бренную оболочку великой артистки,—ея душа, ея творческая сущность не умерла, не должна, не можетъ умереть.

Забвеніе не смѣетъ ея коснуться, ибо безсмертное должно всегда являться украшеніемъ и утѣшеніемъ человѣчества. Ревниво хранить безсмертное, какъ чистый алтарь духа, лелѣять и заботиться о немъ—это прямая обязанность націи, умѣющей быть благодарной за полученныя ею отъ генія сокровища.

И на насъ, націю, сейчасъ падаетъ святая миссія увѣнчать на вѣчныя времена безсмертіе Савиной. Пусть память о ней,—свѣтлая, нѣжная и любовная память будетъ закрѣплена и во-внѣ со всей тщательностью, какая только можетъ быть присуща дѣламъ рукъ человѣческихъ.

Соберемъ все, что носитъ на себѣ слѣды ея жизни, ея работы, ея души. Сдѣлаемъ такъ, чтобы умершая не только не исчезла изъ окружающей насъ обстановки, а, наоборотъ, прекрасной тѣнью всегда незримо витала среди насъ, освѣщала наши помыслы и настроенія.

Савина создала себѣ тронъ безсмертія. Наша обязанность—позаботиться объ его несокрушимости.

Ибо этотъ тронъ—истинная слава и гордость народа.

15—IX—1915. № 2871.

НА МОГИЛУ САВИНОЙ.

Стихотвореніе И. А. Гриневской.

Это стихотвореніе прочитано у могилы М. Г. Савиной, послѣ погребенія, 11-го сентября 1915 года (текстъ его—см. т. I, стр. 78).

16—IX—1915. № 2872.

СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ САВИНОЙ.

Стихотвореніе В. В. Сладкопѣвцева.

Прочитано авторомъ у могилы М. Г. Савиной, въ девятый день по ея кончинѣ, 16-го сентября 1915 г. (текстъ его—см. т. I, стр. 105).

СРЕДИ ВѢНКОВЪ.

Статья Ъ.

Напечатана въ т. I, стр. 101—103.

18—IX—1915. № 2874.

ОБЪ УЛИЦѢ САВИНОЙ.

Статья К.

См. т. I, стр. 112—113.

30—IX—1915. № 2886.

СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ САВИНОЙ.

Стихотвореніе А. Б. К.

Прочитано авторомъ у могилы М. Г. Савиной, въ двадцатый день по ея кончинѣ, 27-го сентября 1915 г. (текстъ его—см. т. I, стр. 119).

17—X—1915. № 2903.

ПАМЯТИ САВИНОЙ.

(Къ сороковому дню кончины).

Сегодняшнимъ сороковымъ днемъ кончается формальный трауръ по Маріи Гавріиловнѣ.

Отнынѣ Савина переходитъ въ исторію, которая ни по комъ траура не носитъ, никого не оплакиваетъ, но дѣлаетъ гораздо больше для памяти истинно-великихъ людей, чѣмъ могутъ дѣлать ихъ современники.

Исторія возстановляетъ правду о жизни и дѣятельности людей, занесенныхъ въ ея списки. И это возстановленіе исторической правды явится для имени Савиной такимъ круп-

нымъ, такимъ неожиданнымъ успѣхомъ, передъ которымъ поблекнутъ всѣ успѣхи великой артистки въ ея земной жизни.

Исторія разскажетъ не только о томъ, что Савина была геніальной артисткой для сцены и истинной матерью для русскаго актерства, но также и о томъ, что и внѣ сферы ея призванія, внѣ сцены, она стояла высоко-высоко надъ толпой, по замѣчательному своему уму, по необычайной добротѣ души, по чисто сказочной энергіи въ своихъ заботахъ о другихъ,—энергіи, превратившей ея жизнь въ настоящее подвижничество «за други своя».

Все это, несомнѣнно, выявитъ исторія къ первымъ же юбилейнымъ годовщинамъ кончины Савиной, ибо даже за такой короткій срокъ, какъ сорокъ дней, уже открылось столько умилительныхъ по красотѣ дѣлъ покойной, что память о ней вызываетъ глубочайшее благоговѣніе.

Открылось, между прочимъ, что Савина почти всѣ свои зарабатываемыя деньги раздавала въ видѣ пенсій, единовременныхъ пособій и подарковъ многочисленному кругу лицъ, обращавшихся къ ней за помощью, въ качествѣ старыхъ товарищей, родственниковъ или просто нуждающихся. Отказа никому не было. Послѣ Савиной не осталось никакихъ средствъ. Даже драгоцѣнности, которыми такъ любятъ украшать себя женщины, въ особенности артистки,—для Савиной служили лишнимъ источникомъ для добрыхъ дѣлъ...

Въ бесѣдахъ о театрѣ Савина, между прочимъ, неоднократно убѣждала меня, что не слѣдуетъ писать рецензій послѣ первыхъ представленій, а нужно посмотрѣть пятое или даже десятое представленіе—и тогда только судить объ игрѣ отдѣльныхъ артистовъ и общемъ ансамблѣ.

— Только послѣ ряда представленій новой пьесы,—говорила она,—когда артисты забываютъ всѣ тренія и волненія при постановкѣ, мы входимъ въ свои роли, привыкаемъ другъ къ другу, не въ качествѣ товарищей по сценѣ, а по положенію каждаго изъ насъ в ъ п ь е с ѣ—и тогда получается настоящая гармонія жизни.

Эти разсужденія Савиной вполнѣ примѣнимы и при оцѣнкѣ ея самой, какъ личности. Только теперь, когда съ цѣннаго образа снята пыль кулисъ и замолкли зависть и злоба,—только теперь всѣ почувствовали обаяніе Савиной.

Еще 15 лѣтъ тому назадъ, послѣ 25-лѣтняго юбилея на Александринской сценѣ, Савину прозвали, вполнѣ справедливо, «солнцемъ» русской сцены. Но и солнце, какъ извѣстно, свѣтитъ и грѣетъ не для всѣхъ одинаково. Жители юга больше наслаждаются солнцемъ, чѣмъ жители сѣвера. Въ орбитѣ свѣтила, именуемаго Савиной, я находился на такой благодатной ривьерѣ, которая дала мнѣ возможность наиболѣе сильно ощутить обаяніе, какъ сценическаго таланта Савиной, такъ и ея души. Въ качествѣ давняго добраго друга семьи Молчановыхъ, на долю мою выпало счастье часто встрѣчаться и бесѣдовать съ Маріей Гавріловной, и для меня, какъ и для всѣхъ ее окружавшихъ, со смертью Савиной, дѣйствительно, изсякъ источникъ радостнаго общенія съ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей нашего времени.

И. О с и п о в ъ.

О САВИНОЙ.

Статья Н. Ш е б у е в а.

См. т. I, стр. 124, гдѣ и напечатанъ ея текстъ.

ФІАЛКИ.

(У к р е с т а н а м о г и лѣ М. Г. С а в и н о й).

Кто васъ принесъ, весеннія фіалки,
Въ осенній день? И у креста
Чьи слезы были такъ и горестны, и жалки?
И чья мольба была такъ искренно чиста?

* * *

Не все-ль равно. Но въ мѣсяцъ листопада
Какъ нѣженъ даръ весны, какъ нѣженъ юга даръ!
Какая въ немъ спокойная отрада
И какъ цѣлитъ онъ тягостный ударъ.

* * *

Мы вѣримъ—часъ пробьетъ: какъ вешнія фіалки,
Проснемся мы отъ жизненнаго сна—
И будутъ встрѣчи вновь и радостны, и жарки,
Когда придетъ Нездѣшняя Весна.

* * *

И вотъ тогда, лиловыя фіалки,
Сплетенныя въ одинъ тоскующій вѣнокъ,
Мы вспомнимъ тѣхъ, чьи слезы были жалки,
И у креста кто былъ и нѣмъ, и одинокъ.

В. Сладкопѣвцевъ.

23—X—1915. № 2909.

БЛАГОСЛОВЕНІЕ САВИНОЙ.

Въ маѣ 1914 года директору Императорскихъ театровъ мною была предложена для постановки моя комедія «Сады зеленые».

Пьесой заинтересовалась М. Г. Савина, въ одинъ изъ пріемныхъ дней у директора увидавшая ее на письменномъ столѣ у В. А. Теляковскаго.

Директоръ далъ о пьесѣ свой отзывъ, сообщилъ Маріи Гавріиловнѣ, что для нея въ этой пьесѣ роли нѣтъ.

— Все равно, я хочу познакомиться съ пьесой. Я знаю автора по конкурсу Островскаго, и знаю, что это талантливый человѣкъ...

Такъ передала мнѣ Марія Гавріиловна свой разговоръ съ директоромъ, когда, дня три спустя, 26-го мая, я пріѣхалъ къ ней, по ея приглашенію.

— Вамъ сообщилъ директоръ свой отзывъ о вашей пьесѣ? — спрашивала Марія Гавріиловна.

— Сообщилъ, но отзывъ былъ далеко не изъ утѣшительныхъ.

— Я знаю, но я съ нимъ совершенно не согласна. По моему, ваша пьеса...

И я услышалъ такой теплый отзывъ о своихъ «Садахъ зеленыхъ», что, помню, смутился, покраснѣлъ и порывался, было, поблагодарить Марію Гавріиловну за этотъ отзывъ и за вниманіе къ молодому автору, какъ она перебила меня:

— Ахъ, оставьте, пожалуйста, я говорю то, что есть, мнѣ только досадно, что въ пьесѣ нѣтъ роли для меня, а, между тѣмъ, я очень бы хотѣла быть вамъ полезной. Вы молодой, талантливый человѣкъ, а передъ молодыми, талантливыми нужно разступаться, давать имъ дорогу. А у насъ этого никакъ не хотятъ понять.

Съ Комитета, съ новыхъ пьесъ разговоръ незамѣтно перешелъ на пьесу, гдѣ бы была роль для М. Г. Разумѣется, я былъ бы радъ, если бы у меня нашлась такая пьеса.

— Ахъ, голубчикъ,—всплеснула руками М. Г.,—да вы же можете написать эту пьесу, и если надумаете—напишите. И дайте эту пьесу, прежде всего, мнѣ, а все остальное ужъ я беру на себя.

На мой вопросъ о характерѣ роли, М. Г., немного подумавъ, сказала:

– Знаете что... Дайте мнѣ въ пьесѣ женщину на склонѣ лѣтъ. Эта женщина, казалось, уже устала жить, но въ одинъ прекрасный день она увидала красоту жизни—и эта красота озарила, плѣнила ее, и ей захотѣлось сбросить съ плечъ лѣтъ двадцать, захотѣлось сбросить съ души все то ненужное, досадное, что скопилось тамъ за долгіе годы, захотѣлось снова, какъ въ молодости, отдаться жизни, любви, какъ какому-то свѣтлому празднику этой молодости. Вы понимаете меня? Но уже что-то оборвалось въ душѣ этой женщины и между ней и этой молодостью стоитъ точно какая-то стѣна и не пускаетъ эту женщину къ той жизни, которая манитъ ее своими ликующими голосами... Вы понимаете?

— Понимаю...

— Вотъ и все. Если бы вы знали, какъ бы я хотѣла имѣть такую роль. Что это—не знаю. Можетъ быть, неудовлетворенность современными пьесами, а можетъ быть, та же жажда жизни, о которой я сейчасъ говорила, сознаніе, что и ты уже идешь подъ уклономъ жизни,—не знаю, но сейчасъ мнѣ хочется найти такую роль, которая захватила бы меня полновластно, опьянила бы меня... Ну, вотъ какъ опьяняетъ молодость. Говорятъ, что я роюсь въ пьесахъ, но что же дѣлать, если пьесы современныхъ авторовъ меня мало удовлетворяютъ?—съ какой-то досадой спрашивала Марія Гавріиловна.—Я люблю сцену, люблю работать надъ ролями и работаю надъ ними съ любовью, но именно работаю, а мнѣ бы хотѣлось отойти отъ этой работы и сыграть такую роль, работа надъ которой была бы не работой, а творчествомъ, захватомъ, когда человѣкъ не знаетъ самого себя, когда онъ точно чѣмъ-то опьяненъ. Говорятъ, я на сценѣ слишкомъ земная—и вотъ мнѣ хочется отойти отъ этой земли.

Такъ приблизительно говорила Марія Гавріиловна, а я сидѣлъ и слушалъ, и какъ-будто съ какой-то жадностью ловилъ ея слова. Меня заинтересовала эта, нарисованная Маріей Гавріиловной, женщина на склонѣ лѣтъ, а жалобы великой артистки на современный репертуаръ, на отсутствіе ролей какъ-то странно сливались съ этой женщиной въ одинъ цѣльный образъ.

Дать Савиной роль, которая бы захватила, зажгла ее такъ, какъ она этого хотѣла,—задача для молодого автора не изъ легкихъ; но написать пьесу для Савиной—эта мысль меня не покидала, не выходилъ изъ головы и образъ женщины, осенней поры.

Я цѣлое лѣто думалъ надъ этой пьесой и постепенно, но все яснѣе и яснѣе вырисовывалась для меня эта пьеса, облекалась въ плоть и кровь и просилась на бумагу.

Въ половинѣ августа мнѣ пришлось перемѣнить квартиру, и судьба поселила меня рядомъ съ домомъ, гдѣ жила Марія Гавріиловна.

Пьеса была выполнена и оставалось только перенести ее на бумагу, къ чему, по переѣздѣ на новую квартиру, я и рѣшилъ приступить; но безъ благословенія Савиной пьесу для Савиной я начинать не хотѣлъ.

Я извѣстилъ объ этомъ Марію Гавріиловну и въ тотъ же день, вернувшись домой ночью, нашелъ на своемъ столѣ толстый, объемистый конвертъ съ знакомымъ почеркомъ: записка и въ новомъ маленькомъ конвертѣ изображеніе Серафима Саровскаго.

— «Охотно исполняю Ваше желаніе, Николай Ѳедоровичъ, и посылаю Вамъ («на счастье») изображеніе Преподобнаго Серафима Саровскаго, котораго я чту—и образъ его сопутствуетъ мнѣ всюду. Благословляю Ваше начинаніе и жду хорошей пьесы. М. Савина».

Благословеніе Савиной,—оно меня и тронуло, и обрадовало,—это было 16-го августа, и на другой же день я сѣлъ за работу. Пьеса написалась легко и свободно, какъ никогда, кажется, не писалось раньше,—а, можетъ быть, сознаніе, что надо мною есть благословеніе, дѣлало работу легкой и увлекающей.

Пьеса вчернѣ была написана, я уже приводилъ ее въ порядокъ и, помню, работалъ надъ третьимъ актомъ, какъ 8-го сентября утромъ, подойдя къ окну, у подъѣзда дома, гдѣ жила Савина, я увидалъ каретку похороннаго бюро.

Вотъ пріѣхали какіе-то три человѣка на одномъ извозчикѣ, спрыгнули съ экипажа и скрылись въ домѣ. Таскались какіе-то зеленые узлы...

Я не могу передать, что я чувствовалъ при видѣ этой каретки, зеленыхъ узловъ. Было только ясно одно: въ сосѣднемъ домѣ, въ этомъ особнякѣ, кто-то умеръ. Но кто? Правда, Савина была больна въ эти дни, но въ газетахъ сообщались свѣдѣнія о ея болѣзни, и въ этихъ свѣдѣніяхъ не было ничего опаснаго. Неужели... Да нѣтъ, не можетъ быть этого. Не хотѣлось вѣрить, чтобы эта бодрая, энергичная Марія Гавріиловна...

Позвонилъ и послалъ горничную узнать, кто умеръ въ сосѣднемъ домѣ, а черезъ нѣсколько минутъ, казавшихся такими медленными, тягучими, запыхавшаяся горничная съ какой-то и тревогой, и растерянностью въ голосѣ глухо бросила:

— Савина умерла.

Было сознаніе большой, невознаградимой для театра потери,—но эта потеря еще не ясна. Такъ близка, такъ свѣжа еще смерть Савиной, не изгладились еще изъ памяти эти дни растерянности, выноса тѣла, похоронъ,—и только когда время наброситъ на все это дымку своего забвенія, сгладитъ остроту момента, тогда только эта потеря почувствуется въ полной силѣ.

Кого потерялъ театръ, кѣмъ была Савина для русскаго театра... Ахъ, умерла великая, необыкновенная артистка, умеръ обаятельный человѣкъ... но это говорилось уже многими лицами, близко знавшими Савину,—мнѣ же лично хотѣлось сказать лишь то, что я и сказалъ.

Пьеса «Ключи горячіе» написана. Боюсь лишь, что нарисованный мнѣ Маріей Гавріиловной образъ женщины не удался. Впрочемъ, объ этомъ судить уже не мнѣ. И удалась мнѣ эта пьеса, или не удалась,—она страшно дорога мнѣ и вѣетъ на меня свѣтлымъ воспоминаніемъ о Савиной.

Вотъ и все. Могу лишь прибавить одно:

— Спите спокойно, родная. Ваша смерть—потеря и для меня... Но что же дѣлать? Нужно примириться. Спите спокойно. Благословляю вашъ послѣдній и вѣчный сонъ. Ваше же благословеніе я храню и вѣрю,—оно принесетъ мнѣ «счастье» и останется со мною, какъ свѣтлая, ясная память о васъ.

Николай Черешневъ.

---

8 и 9—XI—1915. № 2925 и 2926.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Статья Н. Шебуева.

По поводу писемъ М. Г. Савиной, отъ 26-го и 29-го сентября 1915 года, напечатанныхъ въ т. I, стр. 6—8.

10—XI—1915. № 2927.

СТРАННЫЙ ПРОТЕСТЪ.

Статья И. Осипова.

Напечатана въ т. I, стр. 146—147.

---

25 и 26—XII—1915. № 2971 и 2972.

РАДОСТЬ ОБЕЗДОЛЕННЫХЪ ДѢТЕЙ.

(Свѣтлой памяти Маріи Гавріиловны Савиной).

Очеркъ В. В. Сладкопѣвцева.

Прочитанъ на вечерѣ памяти М. Г. Савиной, 13-го ноября 1915 года, въ Петроградѣ, въ Кружкѣ Я. И. Полонскаго (см. т. I, стр. 134—136, гдѣ и приведенъ его текстъ) и напечатанъ также въ «Извѣстіяхъ Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества», IX—X—1915, № 17—18.

29—XII—1915. № 2975.

ВЪ УБѢЖИЩѢ.

Статья И. Осипова.

См. т. I, стр. 166—169.

8—III—1916. № 3043.

Портретъ М. Г. Савиной по случаю полугодового дня ея кончины.

ОГОНЕКЪ.

(Петроградъ).

1915 г. № 238.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Портреты: 1) М. Г. Савина у себя дома. 2) Послѣдній портретъ М. Г. Савиной въ Ессентукахъ, у источника. Артистка въ своихъ роляхъ въ различныя эпохи театральной карьеры: 3) «Эсмеральда» (1864 г.) 4) Первый дебютъ М. Г. въ С.-Петербургѣ на сценѣ Благороднаго Собранія въ пьесѣ «Блуждающіе огни», въ роли Лелечки (1874); 5) «Мѣсяцъ въ деревнѣ» (1879); 6) «Ревизоръ» (1881); 7) «Гроза» (1888); 8) «Василиса Мелентьева» (1895); 9) «Власть тьмы» (1895); 10) «Холопы» (1908).

8-го сентября, послѣ непродолжительной болѣзни, на 61-мъ году жизни скончалась заслуженная артистка Марія Гавріиловна Савина. Воистину злой рокъ витаетъ надъ сценой Императорскаго Александринскаго театра. Одинъ за другимъ уходятъ въ лучшій міръ могикане русскаго образцоваго театра. Еще не успѣли засохнуть цвѣты, возложенные на могилы незабвенной «Бабушки русской сцены» и популярнаго «Дяди Кости», какъ передъ нами отверзлась третья свѣжая могила. Однако, какъ ни болѣзненна и незамѣнима для русскаго театра утрата первыхъ двухъ, но Императорская сцена осиротѣла не тогда, когда умерла Стрѣльская, вступившая уже въ полосу дряхлости и упавшая, какъ созрѣвшій колосъ, и не тогда, когда ушелъ Варламовъ, дитя веселаго смѣха, предъ которымъ впечатлѣнія міра ложились, какъ передъ взоромъ ребенка. Сиротѣетъ она теперь, съ уходомъ Савиной, когда намъ казалось, что она только переходитъ на иное амплуа, то комической, то страшной старухи. Съ уходомъ этой не только сценически талантливой, но и житейски умной, памятливой, почти самодержавно дѣятельной и по всему своему прошлому исторической женщины и актрисы, умираетъ цѣлая полоса театральнаго прошлаго, съ такими вѣхами, какъ Островскій, Тургеневъ, Писемскій, Сухово-Кобылинъ, Потѣхинъ. Уходитъ ихъ современница, ихъ другъ, воплотительница созданныхъ ими образовъ.

ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ.
(Одесса).
9—IX—1915. № 246.

КОНЧИНА М. Г. САВИНОЙ.

ЕЩЕ ВЕЛИКАЯ ПОТЕРЯ.

(Памяти М. Г. Савиной).

О, плачь, мой сынъ, еще одна звѣзда скатилась:
Беранже.

Боже, какъ жутко, какъ страшно жить, какія великія потери!

Черные дни, словно тучи, плывутъ, роняя громовыя извѣстія, окутывая душу флеромъ траурной печали, заставляя снова плакать глаза, уже безсильные лить слезы...

Испытанія и жертвы... Безъ числа, безъ конца, безъ просвѣта...

Подобно язычнику, растерянно глядящему въ разгнѣванное небо, мы смотримъ въ неясную даль и тихо повторяемъ устало-робкія пени...

Доколѣ, о Господи!..

Умерла Марія Гавріиловна Савина!..

Скончалась выдающаяся женщина, не стало артистки съ міровой славой...

Еще на слуху рыданія, раздававшіяся надъ могилой Варламова, еще не слеглась земля, которой засыпали его прахъ, а уже новая скорбь поражаетъ театръ, новый крепъ печалитъ свѣтлый ликъ искусства...

Одинъ за другимъ ушли изъ жизни два большихъ таланта.

Двѣ огромныхъ радости отняла у насъ смерть, померкли звѣзды первой величины, исчезли брилліанты несмѣтной стоимости!..

Сначала навѣки замолкъ веселый смѣхъ, точно кто-то бездушно-злой сказалъ: не время... Стало грустно на русской сценѣ. Въ мрачную годину, не досчитываясь многихъ, кого отнялъ суровый долгъ, начали очередной сезонъ актеры...

И вотъ, притихшей ихъ семьѣ въ первые дни работы новый ударъ: изъ немногочисленной стаи славныхъ, изъ группы стариковъ вырвана суровой рукой...

— Марія Гавріиловна Савина!

Еще не зажившая рана, едва переставшая кровоточить, вскрыта жестокой судьбой.

Страшной болью за двухъ ноетъ она, умноженными страданіями терзаетъ...

Осиротѣлъ театръ, осиротѣла публика...

Тѣ сотни тысячъ невѣдомыхъ, что стояли длинной чередою у кассъ, аплодировали, устраивали овація и ушли безвѣстные, уравненные кличкой «зрители».

Умерла великая артистка и тяжело думать, что эта потеря вплетается лишь новой черной нитью въ нашу исполненную горемъ жизнь, что иныя скорби мѣшаютъ подчиниться цѣликомъ горестной думѣ о почившей, что скончалась она, когда утомленное сердце не способно отдать себя цѣликомъ, когда мы притупили свою надрывную впечатлительность...

Съ Варламовымъ умеръ смѣхъ сцены, съ утратой Савиной угасъ большой умъ...

Савина была рѣдкимъ образцомъ исключительной культурности, громаднаго такта и поразительнаго вкуса...

Это былъ ювелиръ, отдававшій самого себя, какъ оправу для лучшихъ драгоцѣнностей русской литературы...

Это былъ вдохновенный художникъ, сочетавшій наитіе съ необыкновенной вдумчивостью и тонкой работой глубоко анализирующаго ума...

Область Савиной—многообразіе женской души въ ея сложнѣйшихъ и неуловимыхъ переживаніяхъ... Она была мастеромъ нѣжнѣйшихъ нюансовъ, истолковательницей разнообразнѣйшихъ движеній женскаго сердца...

Чувство гармоніи было присуще Савиной, какъ творцу гигантскаго діапазона: это сказывалось въ чарующей цѣльности внутренняго и внѣшняго облика создаваемыхъ ею героинь, въ глубокомъ пониманіи стиля.

И вотъ, навсегда закрылись прекрасные умные глаза, казалось, съ перваго взгляда угадывавшіе человѣка, вытянуто на смертномъ одрѣ тѣло, двигавшееся по сценѣ своеобразной походкой, руки, умѣвшія быть краснорѣчивыми, сложены на груди: все свершено. Конецъ.

Подобно Варламову, Марія Гавріиловна была баловнемъ судьбы, не знавшимъ терній набраннаго ремесла. Какъ и опередившій ее уходомъ отъ насъ «Дядя Костя», она скончалась, окруженная славой, почетомъ, матеріальной независимостью, прослуживъ любимому дѣлу свыше сорока лѣтъ.

Пресѣклась длительная, богатая пережитымъ, жизнь—и смерть, ненасытившаяся приносимыми ей гекатомбами, унесла еще одну жертву...

Унесла человѣка не только честно и блестяще служившаго театру, но и отзывчиво относившагося къ горю младшихъ собратій, дѣятельную участницу всѣхъ начинаній на пользу актера, неутомимую работницу въ корпоративномъ строительствѣ...

Надо дописать эти послѣднія ночныя строки, надо найти, хотя бы для себя, бодрую ноту, пріютить стоящую за порогомъ сознанія вѣру въ лучшее...

Но нѣтъ ея... Рѣдѣютъ ряды талантовъ, нѣтъ имъ преемниковъ... Театръ сиротѣетъ, но гдѣ «младая жизнь» искусства, взирая на которую можно было бы спокойно вздохнуть «у гробового входа?!»

Нѣтъ, нѣтъ ея...

И въ безысходной тоскѣ остается сказать:

— Миръ праху почившей!

Н. Пересвѣтовъ.

БІОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ.

Поздно вечеромъ телеграфъ принесъ скорбное извѣстіе о кончинѣ заслуженной артистки Императорскихъ театровъ Маріи Гавріиловны Савиной.

Здѣсь опущены нѣкоторыя общеизвѣстныя біографическія данныя.

Отличительныя черты таланта М. Г. Савиной—поэтическая женственность, искренняя веселость на ряду съ глубоко-трогающимъ драматизмомъ, развитая до высокой степени совершенства мимика.

Обладая общественной жилкой, М. Г. Савина принимала близкое участіе въ «Русскомъ Театральномъ Обществѣ», учредительницей и первымъ секретаремъ котораго была покойная. До послѣднихъ дней своей жизни М. Г. Савина состояла членомъ Совѣта и почетнымъ членомъ Театральнаго Общества. Кромѣ того, М. Г. Савина состояла почетнымъ членомъ Литературно-Художественнаго Общества и Театральной Школы имени А. С. Суворина.

Въ день чествованія 25-лѣтія артистической дѣятельности М. Г. Савиной ей Высочайше пожаловано было званіе «заслуженной артистки». Франція отмѣтила ея талантъ «академическими пальмами», другія государства—различными орденами. Гастроли М. Г. Савиной въ Берлинѣ вызвали восторженные отзывы критики, въ особенности—послѣ исполненія роли Магды въ «Родинѣ».

Съ Одессой М. Г. Савину связывали многочисленныя воспоминанія: въ Одесской гимназіи М. Г. училась, въ Одесскомъ Городскомъ театрѣ М. Г. впервые выступила на сценѣ въ драмѣ «Эсмеральда», имѣя восемь лѣтъ отъ роду. Многократно М. Г. гастролировала въ Одессѣ и въ послѣдній разъ выступала въ Сибиряковскомъ театрѣ, лѣтъ шесть назадъ. Послѣ этого М. Г. Савина бывала въ Одессѣ проѣздомъ, сопровождая въ служебныхъ поѣздкахъ своего супруга А. Е. Молчанова, предсѣдателя Правленія Р. О. П. и Т. и вице-президента Театральнаго

Общества. Неоднократно М. Г. Савина выступала въ пьесахъ авторовъ-одесситовъ—А. М. Ѳедорова («Буреломъ», «Обыкновенная женщина», «Пацiентка» и др.) и С. С. Юшкевича («Король»).

10—IX—1915. № 247.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ АРТИСТКИ.

М. Г. САВИНА.

Статья профессора Б. В. Варнеке.

О ней уже написаны цѣлыя книги. Теперь ея смерть вызоветъ много статей, въ которыхъ всѣ, знавшіе Савину,—а кто только ее не зналъ,—соберутъ отдѣльныя черты этой великой женщины. Но невольно при первой вѣсти о ея смерти рука тянется къ перу, чтобы занести на бумагу отрывочные клочки впечатлѣній отъ встрѣчъ съ Савиной.

У насъ были, есть и будутъ артисты и даровитѣе, и красивѣе, и ученѣе Савиной. Но ни разу не приходилось встрѣчать женщину, которая бы и ярче, и полнѣе воплощала собою актрису,—актрису со всѣми присущими ей достоинствами, но въ то же самое время, конечно, и со всѣми присущими актрисѣ недостатками. Вотъ почему всякій разъ, когда приходится представить себѣ актрису, образъ Савиной невольно вставалъ передъ глазами.

Савина была актриса отъ головы до пятъ. И всякій вершокъ ея былъ актриса.

Трудно представить себѣ актрису, которая бы лучше Савиной владѣла всѣми тайнами своего ремесла. Почти всякую его трудность она умѣла преодолѣть силой своего громаднаго ума, силой своего безпредѣльнаго знанія сцены. Разъ ей пришлось играть въ какой-то переводной съ итальянскаго пьесѣ даму, приходящую къ своему любовнику и тамъ, изъ его разговора съ пришедшей затѣмъ къ нему же барышней, узнающую, что эта барышня успѣла вытѣснить ее изъ сердца ея возлюбленнаго. Неопытный авторъ заставлялъ актрису сидѣть чуть ли не четверть часа—а на сценѣ четверть часа это цѣлая вѣчность—ни слова не говоря, въ качествѣ нѣмой свидѣтельницы длиннаго разговора ея любовника съ барышней, и лишь подъ самый конецъ догадываться, въ чемъ дѣло. На Михайловской сценѣ великая мастерица на такія роли Брендо свято соблюдала всѣ ремарки автора—и, въ итогѣ, ея роль въ этой сценѣ совершенно пропадала безъ слѣда.

Савина махнула рукой на всѣ ремарки. Какъ только приходъ барышни прерывалъ ея бесѣду съ возлюбленнымъ, она, не прощаясь, уходила. Затѣмъ возвращалась, чтобы взять забытыя на столикѣ у дверей перчатки, чего авторъ вовсе не намѣчалъ. Ища ихъ, она слѣдила за разговоромъ, вдругъ соображала, что дѣло неладно и, стоя въ дверяхъ лицомъ къ зрителю, давала такую богатую мимику, что за разговоромъ остальныхъ актеровъ—Аполлонскаго съ Потоцкой, едва ли кто слѣдилъ, глазъ зато не спуская съ безпредѣльнаго въ своей выразительности лица Савиной. И сцена, которая у французской знаменитости оставалась пустымъ мѣстомъ, являлась у Савиной чуть ли не главнымъ матеріаломъ для успѣха.

Какъ всякій настоящій актеръ, Савина была артельный, мірской человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Вся ея жизнь была на людяхъ. Бывало, еле жива, сидитъ она на своемъ знаменитомъ диванѣ, вся раздавленная либо злымъ недугомъ, который давно ее грызъ, либо горемъ, а горя, и жестокаго, «бабьяго» горя, пришлось многонько-таки хлебнуть на своемъ вѣку Маріи Гавріиловнѣ. Вдругъ докладъ о приходѣ мало-мальски интереснаго человѣка. И болѣзни, и горе—все словно рукой сняло и гостя радостно встрѣчаетъ дѣйствительно обрадованная его приходомъ хозяйка, сверкая блескомъ своего дивнаго остроумія.

А говоритъ Савина была великая мастерица. Неудивительно, что на сценѣ она такъ тонко плела кружево діалога. Въ жизни, въ простой пріятельской бесѣдѣ, уже безъ всякаго чужого шопота, она говорила, пожалуй, еще лучше. Мѣткое словцо, удачное сравненіе, кстати подобранная поговорка—сами такъ и бѣжали къ ней на языкъ. Разговоръ ее увлекалъ, оживлялъ,

и лихо приходилось тому, кто попадалъ ей на язычекъ. Въ этомъ рѣдкомъ, особенно у женщинъ, мастерствѣ разговора съ Савиной могъ поспорить, пожалуй, лишь ея старый соратникъ Далматовъ, но тотъ скоро завирался, а Савина не балаганила, держалась правды, но въ ея художественной передачѣ самая сѣренькая правда становилась красочнѣе и занимательнѣе самаго смѣлаго вымысла. И послушать бесѣду Савиной хотя бы съ такими мастерами слова, какъ теперь—увы! тоже покойные Иванъ Оедоровичъ Горбуновъ, Вл. Тихоновъ, или В. И. Острогорскій, было одно сплошное наслажденіе.

Пожалуй, еще сильнѣе, чѣмъ въ вольномъ словѣ, была Савина на письмѣ. Мнѣ доводилось читать много ея писемъ. Это были все дѣловыя записки, набросанныя наспѣхъ, въ антрактѣ, или у портнихи за примѣркой платья. И все-таки чуть ли не каждая изъ этихъ записокъ была написана такъ своеобразно, такъ ярко, такъ по-Савински, что невольно хотѣлось снять съ нея копію. Иной присяжный писатель за часъ съ великимъ трудомъ не высидитъ того, что Савина, шутя, набрасывала въ одинъ присѣстъ. Поэтому думается, что собрать и издать письма Савиной необходимо не только для того, чтобы собрать все на память о великой актрисѣ. Въ ея письмахъ будетъ собрано великое множество безподобныхъ, безцѣнныхъ красотъ русскаго слова. Савина терпѣть не могла никакихъ подсахариваній и имѣла смѣлость на все смотрѣть прямо, простыми глазами. Помню, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, петербургскіе адвокаты, почему-то всегда особенно горячо принимающіе къ сердцу интересы театра, пришли къ мудрой мысли, что актрисы гибнутъ отъ дорогихъ туалетовъ и что освобожденіе отъ необходимости дорого одѣваться на сценѣ сразу же возведетъ ихъ всѣхъ на вершину бѣлоснѣжной добродѣтели. Одинъ изъ такихъ «друзей театра» при мнѣ разлетѣлся къ Савиной съ просьбой подписать соотвѣтственный протестъ, ужъ не знаю, куда направленный. Самодовольная физіономія его такъ и сіяла увѣренностью, что Савина вотъ тутъ же превознесетъ его за самоотверженное заступничество за униженную и оскорбленную труженицу сцены.

Но Савина жестоко на него напустилась:

— Все это ерунда! Мужнія жены, женщины-врачи, конторщицы, гувернантки вѣдь не должны дѣлать себѣ тысячные туалеты, а это еще большой вопросъ, кто больше и чаще продается,—онѣ, или мы, актрисы. Когда я начинала служить, у насъ самое дорогое платье, тарлатановое, у нашей примадонны рублей 20 стоило, а посмотрѣли бы вы, какъ тогда собою торговали актрисы, когда всякій дуракъ въ красной дворянской фуражкѣ могъ съ любой актрисой дѣлать, что угодно. Стало быть, сотенныя платья тутъ не при чемъ. И, пока на свѣтѣ будутъ мужчины и женщины, мы будемъ вѣчно воевать съ вами на этомъ своемъ оружіи.

Савина ни передъ кѣмъ себя не прятала и своихъ чувствъ не насиловала.

Другой разъ при мнѣ сидитъ у Савиной какое-то важное придворное превосходительство на красной подкладкѣ и упивается разсказомъ о своей бесѣдѣ съ «самимъ» графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ. Вдругъ приходитъ старый отставной суфлеръ Ѳомичевъ; Савина бросается къ нему, сажаетъ съ собою рядомъ, велитъ подать ему закуски и невозмутимо заявляетъ придворному чину:

— Знаете что, заходите-ка вы какъ-нибудь въ другой разъ, а то мнѣ теперь не до васъ съ Воронцовымъ-Дашковымъ: вѣдь Семенъ-то Прохоровичъ мнѣ еще въ Казани въ семьдесятъ второмъ году въ «Чайномъ цвѣткѣ» изъ будки слова подавалъ. Мы съ нимъ пріятели старые...

Можете сами представить себѣ глубину возмущенія его превосходительства, немедленно поспѣшившаго отрясти прахъ отъ ногъ своихъ. Но Савина вся ушла уже въ бесѣду съ старымъ суфлеромъ и никакихъ генераловъ въ ту минуту не видала.

Однако, вспоминать про Савину можно безъ конца: такой это былъ во всѣхъ отношеніяхъ «большой» человѣкъ.

И тѣмъ болѣе чувствительной, тѣмъ болѣе незамѣнимой становится ея утрата для русскаго театра, особенно въ наши дни господства сѣренькихъ, половинчатыхъ, заурядныхъ людей во всѣхъ сторонахъ жизни.

Б. Варнеке.

При этой статьѣ помѣщены: портретъ М. Г. Савиной и факсимиле ея визитной карточки съ автографомъ (изъ коллекціи С. Ф. Штерна).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О М. Г. САВИНОЙ.

Новая, невознаградимая утрата! Скончалась жемчужина русской сцены! Не стало незабвенной Маріи Гавріиловны Савиной!

Вся Россія знала и цѣнила въ ней великую артистку, но ея душевныя качества, ея мудрость, ея доступную простоту и умѣнье «чаровать» могли знать и цѣнить только тѣ, кто сталкивался съ нею въ частной жизни...

Лѣтъ двадцать тому назадъ я обратился къ М. Г.—въ бытность ея въ Одессѣ—съ просьбой помочь бѣдственному положенію артистки Ж. Она усадила меня, подробно разспросила о Ж. и обѣщала сдѣлать все возможное для облегченія ея участи, «а пока»,—сказала она,—«передайте Ж. 25 рублей, не говоря отъ кого они». Благодаря хлопотамъ и стараніямъ М. Г., госпожа Ж. до сихъ поръ получаетъ ежемѣсячное пособіе отъ Театральнаго Общества. Я встрѣчался съ покойной почти ежегодно, иногда по нѣсколько разъ. Всегда, пріѣзжая въ Одессу, М. Г. приглашала меня къ себѣ, подробно разспрашивала о мѣстной театральной жизни, о нуждающихся артистахъ, и всегда нѣкоторая сумма выдавалась мнѣ для передачи нуждающимся, съ просьбой «не говорить отъ кого». М. Г., не будучи еще предсѣдателемъ Совѣта Театральнаго Общества, очень горячо относилась къ его задачамъ, всячески содѣйствуя его процвѣтанію и вѣря, что этому Обществу рано или поздно суждено сдѣлаться высшимъ театральнымъ учрежденіемъ Россіи, вѣдающимъ артистическія дѣла, объединяющимъ всю театральную семью... И каждый разъ, когда кто-либо изъ артистовъ нуждался въ матеріальной помощи или въ «протекціи», онъ всегда находилъ въ лицѣ М. Г. простого, отзывчиваго т о в а р и щ а. Надо было видѣть, какъ М. Г. хлопотала и какъ искренно огорчалась, если какія-либо хлопоты ея не увѣнчивались успѣхомъ. Еще недавно—въ прошломъ августѣ—М. Г. писала мнѣ, выражая неподдѣльное сожалѣніе, что одна изъ ея ученицъ, г-жа В., застрявшая изъ-за войны за границей, не успѣла попасть въ Иркутскъ, куда ее пригласили по рекомендаціи М. Г., и обречена оставаться безъ дѣла въ Одессѣ...

Любя безгранично благотворительныя учрежденія Театральнаго Общества: «Убѣжище для престарѣлыхъ артистовъ» и «Пансіонъ для дѣтей сценическихъ дѣятелей»,—она отдавала имъ свое свободное время, свои средства, свою душу... Помню, какъ два года тому назадъ воспитанники «Пансіона», подъ руководствомъ своего воспитателя, предприняли образовательную поѣздку черезъ Одессу и Крымъ на Кавказъ. Вся эта поѣздка—единоличное дѣло М. Г.; она давала средства, она же отдавала и душу этой затѣѣ: еще до отъѣзда дѣтей изъ Петрограда она писала мнѣ, прося оказать имъ всяческое содѣйствіе и гостепріимство,—и какъ трогательно она благодарила за теплый пріемъ, оказанный дѣтямъ. Она гордилась успѣхами дѣтей, и, когда одни изъ воспитанниковъ-пансіонеровъ окончили гимназію, а другіе—коммерческое училище, она съ радостной гордостью разсказывала объ этомъ...

Доводилось мнѣ бывать у М. Г. въ Петроградѣ и во время Рождественскихъ праздниковъ; трогательно было видѣть, какъ она хлопотала, сколько любви и заботы вносила въ выборъ подарковъ на елку дѣтямъ и какъ она старалась доставить пансіонерамъ «Убѣжища» хоть немного радости въ праздники Рождества...

Ея отзывчивость и доброта, ея готовность услужить и быть полезной извѣстны только тѣмъ, кому доводилось непосредственно сталкиваться съ этой замѣчательной женщиной! Еще на-дняхъ—двѣ недѣли тому назадъ—на телеграфную просьбу, посланную ей—похлопотать

предъ министромъ Народнаго Просвѣщенія о принятіи въ Новороссійскій университетъ сына театральнаго дѣятеля К. (еврея)—полученъ былъ немедленный отвѣтъ: «Сдѣлаю все отъ меня зависящее, усердно хлопочу. Савина».

Сейчасъ, когда я пишу эти строки, цѣлый рой воспоминаній о добротѣ и отзывчивости этой замѣчательной женщины— всѣхъ ихъ не перечесть!

А какъ обаятельно проста, какъ занимательна была покойная Марія Гавріиловна, какъ она могла чаровать!..

Помню, какъ во время ея гастролей у А. И. Долинова, Марія Гавріиловна въ небольшой компаніи артистовъ отправлялась ужинать въ артистическій кабачекъ Коровина, на Ланжероновской улицѣ, или къ Кузнецову, подъ Биржей, ѣсть блины, и какъ мило, какъ тонко и остроумно она поддерживала общее веселье, внося въ него и товарищескій духъ, и неподдѣльную простоту. Она любила Одессу, любила югъ съ его знойными днями и сюда часто пріѣзжала отдохнуть недѣльку-другую, обычно пользуясь гостепріимствомъ В. Е. Шульцъ, на ея дачѣ, по Французскому бульвару... Помню, какъ два года тому назадъ Марія Гавріиловна въ очаровательно милой формѣ предложила—пригласить ее на обѣдъ и накормить помидорнымъ борщемъ и черноморской рыбкой; за обѣдомъ она была очаровательна: ея остроуміе брызгало драгоцѣнными блестками, причемъ она все время примѣняла любимый ею «одесскій разговоръ»: «студою и сюдою», «пересядка», «я таки да не хочу» и тому подобныя выраженія такъ и сыпались ею. И когда на вопросъ ея женѣ моей—видѣла ли она ее въ «Паціенткѣ»,—получился отрицательный отвѣтъ, Марія Гавріиловна тутъ же, за обѣденнымъ столомъ, прочла—нужно ли говорить съ какимъ мастерствомъ—всю свою роль... Какая милая простота, какое обаяніе сопровождали всегда эту очаровательную женщину-артистку!

Трудно въ спѣшной замѣткѣ дать хотя бы поверхностную характеристику этой замѣчательной артистки-человѣка, но можно съ полной увѣренностью сказать, что, если Россія потеряла въ ней громадную артистическую величину, то вся артистическая Россія потеряла въ ней добраго, отзывчиваго, чуткаго и незамѣнимо-сердечнаго человѣка-товарища! Да будетъ ей легка земля и да не изгладится память о ней въ сердцахъ людей!..

С. Ландесманъ.

14—IX—1915. № 251.

САВИНА И КОММИССАРЖЕВСКАЯ.

Статья профессора Б. В. Варнеке.

Ихъ постоянно сравнивали и, навѣрно, еще долго будутъ сравнивать, потому что за все время существованія Александринской сцены только на долю двухъ этихъ актрисъ выпадалъ такой исключительный, такой всепобѣждающій успѣхъ.

Коммиссаржевская пришла въ столицу, когда Савина тамъ была уже признанной царицей драматической сцены. И съ первымъ же своимъ появленіемъ, 3-го сентября 1896 года, въ роли Рози изъ Зудермановскаго «Боя бабочекъ», невѣдомая дотолѣ почти никому, пришедшая изъ далекой провинціи, актриса сразу заняла положеніе на ней, почти равное положенію Савиной, а когда черезъ двѣ недѣли, 17-го сентября, она показала въ «Безприданницѣ» свою Ларису, успѣхъ Коммиссаржевской былъ такъ великъ, что даже преданные поклонники Савиной стали видѣть въ молодой ея товаркѣ опасную соперницу ея славѣ.

Но вдумчивый театралъ могъ тогда же увидать громадную разницу между талантами обѣихъ актрисъ. Коммиссаржевская покоряла зрителя бездонной глубиной своего чувства, потрясала его нервы, и едва ли даже самые безчувственные зрители могли равнодушно, спокойно слушать въ ея исполненіи пѣснь Ларисы подъ гитару. Даже самъ Шевченко, игравшій Илью-цыгана, подъ игру котораго поетъ Лариса, не могъ удержаться отъ настоящихъ, не театраль-

ныхъ, слезъ. Эта сила артистическаго надрыва и громаднаго подъема нервовъ актрисы тѣмъ легче проникала въ душу зрителей, особенно молодыхъ, что въ самой Коммиссаржевской, въ дивныхъ звукахъ ея чуднаго голоса—недаромъ ея отцомъ былъ великій пѣвецъ—звучали струны такія близкія, такія понятныя громадному большинству тогдашней молодежи. Она чувствовала въ Коммиссаржевской родную, близкую себѣ, душу и безраздѣльно сливалась съ ней въ одномъ чувствѣ глубочайшихъ драматическихъ переживаній.

Между тѣмъ, именно чувству-то зрителя Савина въ драматическихъ роляхъ давала мало. Въ ея игрѣ сверкалъ дивнымъ блескомъ умъ актрисы, съ рѣдкой тонкостью разбиравшейся въ самыхъ сложныхъ переливахъ страсти, но эта филигранная чеканка роли могла плѣнить лишь намѣтавшійся глазъ опытнаго театрала, а громадному большинству публики говорила слишкомъ мало.

Вотъ почему, когда въ тотъ же сезонъ 1896—1897 гг. онѣ вмѣстѣ 13 разъ сыграли «Гибель Содома», съ Коммиссаржевской—Клерхенъ и Савиной—Аддой, перевѣсъ, и явный перевѣсъ, успѣха былъ у Коммиссаржевской.

Какъ относилась Савина къ этому торжеству новой актрисы?

Она не была бы актрисой, она не была бы человѣкомъ, если бы чужой успѣхъ доставлялъ ей радость. И я никогда не забуду злыхъ (?) глазъ Савиной, которыми она изъ своей ложи слѣдила за тѣмъ, какъ Коммиссаржевская, поставивъ въ свой бенефисъ «Дикарку», съ каждымъ актомъ вызывала своей игрой все большее недоумѣніе у тѣхъ, кто зналъ эту пьесу. Дикарка—была исконная Савинская роль, доставившая ей въ былые годы много славы, и выборъ для бенефиса именно этой роли едва ли не былъ сознательнымъ, нарочнымъ вызовомъ. Но разсчетъ не оправдался, и, думается, что въ тотъ вечеръ настоящая бенефиціантка была не на сценѣ, а въ той ложѣ, гдѣ сидѣла Савина.

Если въ драмѣ вѣсы склонялись въ пользу Коммиссаржевской, то въ комедіи и въ тѣ годы попрежнему продолжала безраздѣльно царить Савина, превращавшая своей игрой ничтожнѣйшія пьесы въ великое созданіе искусства, оставляя авторовъ своими неоплатными навѣкъ должниками. Недаромъ озлобленный и затравленный жизнью Ив. Л. Щегловъ, какъ ребенокъ, рыдалъ, разсказывая про то, какъ поразила его Савина своей игрой въ его «Женской чепухѣ». А вѣдь эта пьеса явно была написана для Савиной и подъ Савину. Но, быть можетъ, громадный, безпредѣльный въ своихъ неожиданныхъ проявленіяхъ, талантъ Савиной особенно ярко и выражался въ томъ, что угодливые драматурги могли подлаживаться къ ея таланту, намѣчая лишь самыми слабыми чертами канву для ея игры; но имъ почти никогда не удавалось предугадать тѣ пышные узоры, которые она свободной рукой разбрасывала по этой канвѣ. Такъ высоко подыматься надъ замысломъ автора могла только актриса, совершенно чуждая шаблона и рутины. И даже тотъ, кто годами слѣдилъ за ростомъ ея репертуара, никогда не могъ, хотя бы въ слабой степени, предугадать, что дастъ Савина въ каждой своей слѣдующей роли. Этой же самой свободой отъ рутины покорила Савина и берлинскую публику исполненіемъ Магды изъ Зудермановской «Родины».

Конечно, и у Савиной были слабыя роли. Это иначе и быть не могло, коль скоро ей десятками лѣтъ приходилось держать на своихъ плечахъ весь репертуаръ столичной сцены. Сюда смѣло отношу хотя бы ея игру въ «Маріи Шотландской» Бьернсона. Роль эта совсѣмъ къ ней не подходила. Но годами выработанная техника и тутъ ее спасала, застраховывала отъ провала. Было сѣро, безцвѣтно, уныло, но всетаки вполнѣ прилично.

Совсѣмъ иначе было съ Коммиссаржевской, когда неразумные режиссеры взваливали на ея плечи совсѣмъ непосильную ношу. Такъ было въ роковой для нея день 4-го февраля 1900 года, когда она вмѣстѣ съ Томазо Сальвини играла Дездемону. Рядомъ съ первымъ въ Европѣ Отелло совсѣмъ терялась незамѣтная, отсутствовавшая Дездемона. Ея не было слышно, ея не было видно. И пьеса въ сущности шла совсѣмъ безъ Дездемоны. И рядомъ съ такой Дездемоной неожиданно вырастала уже совсѣмъ некудышная актриса Пушкарева-Котляревская—Эмилія этого спектакля. Было больно и за Сальвини, лишеннаго партнерши, было больно и

за чудную актрису, которую не сумѣли во-время предостеречь отъ рокового шага. Неудача любимой актрисы глубоко огорчила публику, мѣшала ей наслаждаться игрой Сальвини, а Сальвини, понятія не имѣвшій о Коммиссаржевской, во всю ширь своего южнаго голоса за-кулисами отчитывалъ князя Волконскаго, что онъ подсунулъ ему такую Дездемону. Коммиссаржевская это слышала, и какъ она должна была страдать, сколько лѣтъ жизни отняла у нея эта роль!

Правда, на другой день Сальвини при всѣхъ, по чьей-то указкѣ, наговорилъ ей кучу итальянскихъ любезностей, подарилъ даже что-то на память, но Коммиссаржевская была слишкомъ умна, чтобы въ этихъ любезностяхъ не распознать сразу милостыни, поданной отъ щедротъ побѣдоноснаго гастролера и воспитаннаго кавалера.

Думаю, что въ этотъ день у Коммиссаржевской впервые явилась мысль о необходимости уйти съ казенной сцены.

По поводу этого ухода и въ публикѣ, и среди актеровъ ходила и ходитъ сплетня, будто это дѣло рукъ Савиной. Пора хоть теперь, у свѣжей могилы, снять съ нея это грязное обвиненіе. Въ годъ ухода Коммиссаржевской я служилъ при дирекціи Императорскихъ театровъ. И ничего подобнаго тамъ слышно не было. Недавно П. П. Гнѣдичъ въ письмѣ ко мнѣ случайно завелъ рѣчь объ этомъ уходѣ—и опять-таки рѣшительно устранилъ всякую тѣнь подозрѣній на счетъ Савиной, а вѣдь онъ тогда управлялъ труппой.

Вообще, думаю, въ этомъ уходѣ никто виноватъ не былъ. Коммиссаржевская такъ боялась жизни, такъ была придавлена ея правдой, что постоянно уходила отовсюду,—изъ дома на сцену, съ казенной сцены въ свой театръ, потомъ къ Мейерхольду, потомъ въ провинцію, потомъ изъ провинціи въ какую-то особенную школу среди цвѣтовъ. И такъ безъ конца, пока оспа не свела ее въ могилу. Кто такъ боится жизни, кто въ ея ударахъ видитъ крушеніе міроздапія, тотъ не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ и не работникъ на житейской нивѣ.

Наоборотъ, Савина безумно дорожила радостями жизни, упивалась ею, видѣла сладость въ самыхъ простыхъ ея проявленіяхъ, и въ этомъ самомъ находила силу для разносторонней жизни, безъ отдыха, безъ передышки. И это умѣніе упиваться жизнью не вытравило изъ Савиной все испитое ею горе. Она не была бы золотомъ, если бы не перегорѣла на огнѣ, не была бы безцѣннымъ брилліантомъ русскаго искусства, если бы ее не отшлифовалъ предварительно жестокій рѣзецъ жизни. Сколько безысходнаго горя принесла ей хотя бы разлука со вторымъ мужемъ, блестящимъ Никитой Всеволожскимъ, сразу ее подломившая! Не мало обидъ натерпѣлась она и какъ актриса, хотя бы въ годы режиссерства Евт. П. Карпова, когда и ей приходилось искать удовлетворенія въ провинціальныхъ гастроляхъ.

Но Савина всегда находила въ себѣ достаточно силъ, чтобы во-время взять себя въ руки и встряхнуться. У Савиной было одно могучее орудіе противъ ужасовъ жизни—ея смѣхъ.

Коммиссаржевская послѣ каждой своей ошибки, послѣ каждаго своего грѣха вся изнывала въ страданіяхъ и мукахъ сердца, казнила себя въ уничтожающихъ письмахъ, въ родѣ тѣхъ, которыя недавно издалъ и, по-моему, совершенно напрасно, Н. Н. Ходотовъ. А Савина прекрасно знала, что одинъ Богъ безъ грѣха, и, не отказывая себѣ ни въ чемъ, сама же первая открыто смѣялась надъ своей слабостью, обезоруживая своихъ враговъ и клеветниковъ. Она этимъ смѣло вырывала жало у ихъ злобы.

Этотъ блескъ безпощадной насмѣшки разряжалъ грозы ея души. Жестоко высмѣять, растоптать обидчика въ безподобной пародіи, каррикатурѣ—Савина была великая мастерица по отведя на этомъ душу, Савина не трудилась уже дальше выковывать свои козни и поэтому вредила своимъ врагамъ гораздо меньше, чѣмъ могла бы по своему положенію и по силѣ своихъ чувствъ, совсѣмъ не знакомыхъ со смиреніемъ или всепрощеніемъ.

Жажда смѣха прорывалась у Савиной всегда—и тутъ она не щадила и себя.

Помню, послѣ ея тріумфальнаго возвращенія изъ-за границы въ Петроградъ, разные кружки устраивали чуть ли не всю весну ей разныя овваціи. На одномъ изъ такихъ пировъ, гдѣ, по печальному обычаю, человѣческое суесловіе не знало никакихъ предѣловъ, кто-то сравнилъ ее съ Рембрандтомъ. Всякій, кто понималъ сущность ея игры, долженъ былъ признать это срав-

пеніе очень удачнымъ. Здѣсь была счастливо подчеркнута и ея безграничная любовь къ житейской правдѣ, и ея умѣнье весь рисунокъ своей роли оживлять мастерскимъ противоположеніемъ свѣта и тѣни. Но нелегкая дернула не особенно ловкаго оратора подъ самый конецъ назвать Савину актрисой голландской школы.

Савина, вообще-то очень цѣнившая такія рѣчи, не выдержала и, ухватившись за послѣднія, дѣйствительно, не совсѣмъ удачныя слова, тутъ же на весь залъ протянула своимъ носовымъ говоркомъ:

— Прекрасно! На столѣ голландская селедка, а за столомъ сидитъ голландская актриса у голландской печки!

Нечего и говорить, что вся рѣчь была убита безъ слѣда, и ораторъ, не извѣдавъ лавровъ, какъ оплеванный, стушевался среди всеобщаго смѣха.

Можно смѣло ручаться, что Коммиссаржевская ни за что бы этого не сказала, а съ вдохновеннымъ лицомъ пошла бы благодарить оратора и на всю жизнь осчастливила бы его своимъ привѣтомъ.

Такъ непохожи во всемъ, отъ малаго до великаго, и на сценѣ, и въ жизни, были тѣ двѣ актрисы, которыхъ судьба, какъ назло, свела вмѣстѣ.

Но, несмотря на все различіе ихъ дарованій, всякому, кто имѣлъ счастье ихъ знать и видѣть, одинаково жаль, одинаково больно, что ихъ нѣтъ уже съ нами, и что нѣтъ тѣхъ, кто пришелъ бы имъ на смѣну.

Б. Варнеке.

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ.

(Одесса).

9—IX—1915. № 9822.

КОНЧИНА М. Г. САВИНОЙ.

«Когда ударитъ часъ несчастій, они не крадутся отдѣльно, какъ шпіоны, а въ тѣсно сомкнутыхъ идутъ рядахъ»... Еще такъ недавно, всего одинъ мѣсяцъ тому назадъ, русскій театръ понесъ невозвратимую, тяжкую утрату въ лицѣ К. А. Варламова. Сейчасъ новый, страшный ударъ, утрата для русскаго театра едва ли еще не большая. Не стало М. Г. Савиной... Даже въ эти безумные, кошмарные дни, какіе мы переживаемъ сейчасъ, эта смерть не можетъ не нанести глубокой, мучительной раны русскому обществу,—своей особой раны, среди тысячи нанесенныхъ ею нынѣ тяжелыхъ кровавыхъ ранъ.

Русскій театръ осиротѣлъ, потерявъ не только исключительную, быть можетъ, неповторимую артистку, но лишился притомъ человѣка, который отдалъ всю свою жизнь заботамъ о немъ, который жилъ только театромъ и ради театра. «Сцена—моя жизнь»,—говорила М. Г. Савина, и это не были только красивыя слова. Ея служеніе русскому театру далеко выходило изъ рамокъ стремленія къ личному сценическому успѣху. Она работала для театра безъ-устали во всѣхъ областяхъ—и какъ преподавательница, воспитывая поколѣнія молодыхъ артистическихъ силъ, и въ Театральномъ Обществѣ, какъ предсѣдательница Совѣта, въ неустанныхъ заботахъ объ актерской братіи, для которой она не щадила ни силъ, ни здоровья.

Отовсюду, изъ всей театральной Руси къ М. Г. Савиной посылались просьбы—то о поддержкѣ какого-нибудь ходатайства, то съ жалобой на притѣсненія администраціи, то объ устройствѣ молодого актера или актрисы въ какой-нибудь театръ. И она хлопотала, устраивала, исполняла сотни всякихъ просьбъ и порученій. Въ каждомъ театрѣ есть обязательно кто-нибудь устроившійся туда по протекціи М. Г. Савиной.

На-дняхъ встрѣчаю администратора нашего Драматическаго театра Я. В. Клейзмера. Сіяетъ.

— Поздравьте меня, — кричитъ онъ еще издали,—сына моего приняли въ университетъ.

— Какъ же вамъ удалось его устроить?

— М. Г. Савина хлопотала. Послалъ ей телеграмму—и вотъ отвѣтъ.

Счастливый отецъ вытаскиваетъ изъ кармана телеграмму, въ которой артистка, дѣйствительно, сообщаетъ, что сынъ его будетъ принятъ. И это за нѣсколько дней до своей смерти, вѣроятно, уже больная.

Такой же неутомимой остается М. Г. Савина и въ сферѣ своего сценическаго творчества. На-дняхъ только петроградскія газеты сообщали, что артистка очень много работаетъ надъ новыми ролями, и, по ея указаніямъ, авторъ одной принятой къ постановкѣ пьесы сдѣлалъ какія-то поправки и измѣненія. Сегодняшнія газеты принесли извѣстіе, что артистка занемогла, но еще тревожнаго не сообщалось ничего. Она болѣла такъ часто, болѣла всю свою жизнь—и къ этому привыкли, какъ привыкли къ постояннымъ болѣзнямъ К. А. Варламова...

М. Г. Савина умерла на 61-мъ году своей жизни, отдавъ служенію сценѣ 46 лѣтъ. Ея профессіональная работа на сценѣ начинается на 16-мъ году, но періодически она выступала значительно раньше. Первую свою роль артистка сыграла... шести лѣтъ отъ роду. Произошло это въ Одессѣ, гдѣ тогда подвизался въ Городскомъ театрѣ ея отецъ, актеръ Подраменцевъ.

«Въ Одессѣ»,—пишетъ артистка въ своихъ «Воспоминаніяхъ»,—«я впервые вошла въ театръ, сначала зрительницей, а затѣмъ и актрисой. Здѣсь свершилось мое посвященіе искусству, которое затѣмъ постоянно замѣняло мнѣ путеводную звѣзду, которому я отдалась всѣмъ существомъ, выбравъ девизомъ, цѣлью моего существованія три слова: «Сцена—моя жизнь». Въ Одессѣ я выступила на сцену робкими, дѣтскими шагами и горячо полюбила ее... на цѣлую жизнь».

20-ти лѣтъ отъ роду, М. Г. Савина попадаетъ на Александринскую сцену и на ней она остается до послѣднихъ своихъ дней. Едва ли въ исторіи русскаго театра найдется другая артистка, на долю которой выпалъ успѣхъ, равный М. Г. Савиной. Вся ея жизнь—это сплошной сценическій тріумфъ. Огромный, небывалый успѣхъ выпалъ на долю артистки и во время ея поѣздки за границу въ 1899 году. А юбилей ея въ 1900 году привлекъ въ Маріинскій театръ, гдѣ происходило торжество, общество, какого никогда не видѣли его стѣны. Вся аристократія ума и таланта и вся родовая аристократія были налицо. Депутаціямъ и адресамъ не было конца. Нечего и добавлять, что въ торжествѣ приняла участіе вся театральная Россія.

Такъ чествовало русское общество артистку, которая оставила неизгладимый художественный слѣдъ въ исторіи нашего театра. Сейчасъ въ эти первыя минуты тяжкаго горя, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ невозвратимой утраты, трудно измѣрить все художественное значеніе М. Г. Савиной. Да это и не для бѣглыхъ, ночныхъ строчекъ, набрасываемыхъ лихорадочно торопливой рукой. Чтобы дать настоящую оцѣнку художественной индивидуальности М. Г. Савиной—этого удивительнаго сплетенія творческаго ума и таланта,—нужны иныя условія, быть можетъ, и иное время.

Игру М. Г. Савиной критики сравнивали съ искусствомъ тонкаго плетенія кружевъ. И, дѣйствительно, болѣе тонкой разработки и филигранной деталировки ролей не показывалъ никто на нашей сценѣ. Игра ея была сплошное ажурное кружево, для котораго фантазія ея создавала удивительные по богатству и остроумію узоры. Реалистка чистѣйшей воды, черпая все изъ жизни, она умѣла эту жизнь облекать въ нарядъ благоуханнѣйшей красоты и поэзіи.

М. Г. Савина была вся отъ живой неподдѣльной правды дѣйствительности. «Ея громадному дарованію»,—замѣчаетъ князь Сумбатовъ,—«не потому ли и чужды величавая простота и пластическій покой классическихъ образовъ, что вся ея художественная природа полна постоянной нервной вибраціи окружающей ее жизни». Но жизнь не оставалась въ ея творческихъ рукахъ кускомъ грубой необработанной матеріи. Она выходила претворенной, чарующей всѣми тончайшими гранями искусства. Это была плѣнительная поэзія реализма,—поэзія, которой научила русскій театръ М. Г. Савина.

* * *

...Они уходятъ одинъ за другимъ. Старые мощные дубы нашего театра падаютъ, словно сломленные невидимымъ ураганомъ. Глохнетъ и умираетъ театръ. Кажется, скоро-скоро останутся у насъ однѣ только священныя могилы. Страшно за нашъ театръ...

Лоренцо.

10—IX—1915. № 9823.

ЧАРОДѢЙКА РУССКОЙ СЦЕНЫ.

(Памяти М. Г. Савиной).

Большой портретъ М. Г. Савиной (1906 г.), съ факсимиле ея автографа: «Старому театралу» — «старая актриса» М. Савина. 15—III—1909».

М. Г. САВИНА.

«Одна изъ главныхъ, если не самая главная черта въ талантѣ Савиной»,—писалъ однажды П. Вейнбергъ,—«это присутствіе въ немъ, вѣрнѣе, господство въ немъ, женственности въ лучшемъ значеніи этого качества и въ самыхъ разнообразныхъ его оттѣнкахъ». Изъ всего написаннаго о М. Г. Савиной (а написано о ней столько, сколько едва ли выпало на долю другой какой-либо русской артистки) эти нѣсколько строкъ П. Вейнберга кажутся мнѣ наиболѣе вѣрными, наиболѣе мѣткими. Женственность была истинной стихіей огромнаго, неповторимаго таланта М. Г. Савиной. Женственность изображала она всюду и всегда—отъ шаловливой дѣвочки до глубокой страдалицы, отъ легкой комедіи женскаго сердца до его самой потрясающей драмы. Женственностью были окутаны всѣ ея роли, всѣ созданные ею образы. Отъ всего, отъ каждаго ея движенія, каждаго жеста, каждаго слова вѣяло чарующимъ ароматомъ женственности,—тонкой, рафинированной женственности, изощренной всѣмъ блескомъ культуры и остраго, сверкающаго ума.

М. Г. Савину всѣ театральные критики считали реалисткой. Большинство съ ея именемъ связываетъ самое развитіе и расцвѣтъ на русской сценѣ реализма. И, дѣйствительно, художественный реализмъ не имѣлъ болѣе яркой представительницы, чѣмъ М. Г. Савина. Никто на русской сценѣ не былъ, казалось, проще и безыскусственнѣе, чѣмъ она. Всѣ ея образы казались словно выхваченными изъ самой дѣйствительности, производили впечатлѣніе живой неподдѣльной правды. И въ то же время ни въ одной русской артисткѣ изящество и изысканность формы не достигали такихъ высотъ романтической женственности, какъ въ ней. Самую «тьму низкихъ истинъ» она умѣла незамѣтно облечь въ душистыя одежды «возвышающаго обмана» формы. То, какъ М. Г. Савина ходила по сценѣ, снимала перчатки, смѣялась, какъ поворачивала голову,—само по себѣ было полно такой красоты, захватывало такимъ плѣнительнымъ очарованіемъ женственности, что трудно было опомниться, нельзя было уйти отъ этого.

Въ восьмидесятые годы, въ пору наибольшаго расцвѣта таланта М. Г. Савиной, драматурги, какъ извѣстно, писали пьесы для нея, имѣя въ виду отдѣльныя особенности ея дарованія, подстраиваясь исключительно подъ ея сценическія достоинства. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи эпизодъ, разсказанный А. С. Суворинымъ въ одномъ изъ его фельетоновъ. Обративъ вниманіе, что Савина въ какой-то пьесѣ В. Крылова почему-то слишкомъ часто вбѣгаетъ на сцену и убѣгаетъ, А. С. Суворинъ обратился къ автору съ вопросомъ, почему она такъ часто это дѣлаетъ.

— Она удивительно хорошо вбѣгаетъ и убѣгаетъ, оттого я и вставилъ это въ свою пьесу,—отвѣтилъ драматургъ.

Разумѣется, эпизодъ этотъ достаточно краснорѣчиво говоритъ о художественныхъ достоинствахъ той драматической литературы, наиболѣе талантливымъ представителемъ ко-

торой былъ В. Крыловъ. Но, съ другой стороны, ярче въ этомъ эпизодѣ выступаетъ сила сценической формы М. Г. Савиной, которая заставляла себѣ такъ покорно служить нашу драматургію. Въ награду за службу она даровала этой дряблой драматургіи безсмертіе, сдѣлавъ дешевенькія пьески достояніемъ прекраснѣйшихъ, чудеснѣйшихъ воспоминаній нашего театра.

«Изъ ничего не выйдетъ ничего»,—говоритъ Шекспировскій король Лиръ. Но М. Г. Савина знала и самую таинственную загадку искусства, самую глубокую тайну таланта—творить изъ «ничего». Передъ этой особенностью артистки остановился въ изумленіи И. С. Тургеневъ. Въ антрактѣ спектакля, послѣ 3-го дѣйствія его пьесы «Мѣсяцъ въ деревнѣ», онъ побѣжалъ въ уборную М. Г. Савиной, игравшей тогда Вѣрочку, подвелъ ее къ газовому рожку и пристально сталъ разсматривать артистку, словно видя ее въ первый разъ.

— Вѣрочка... Я даже не обращалъ на нее вниманія, когда я писалъ,—сказалъ онъ.—Все дѣло въ Натальѣ Петровнѣ... Живая Вѣрочка... Какой у васъ большой талантъ!..

Впослѣдствіи М. Г. Савина отъ роли 17-лѣтней Вѣрочки перешла къ 30-лѣтней Натальѣ Петровнѣ. Еще далѣе совершился самый мучительный въ жизни каждой актрисы переходъ,—переходъ, по мѣткому замѣчанію М. Г. Савиной, «отъ женщинъ, которыхъ любятъ, къ женщинамъ, которыя любятъ, но которыя уже не пользуются взаимностью». Но и въ этомъ новомъ для нея амплуа, въ новыхъ роляхъ она оставалась вѣрной основной стихіи своего таланта. Она продолжала воспѣвать въ сценическихъ образахъ Гетевское «вѣчно женственное», которому была посвящена вся ея жизнь на сценѣ.

Въ послѣдній свой пріѣздъ въ Одессу четыре года назадъ М. Г. Савина играла уже главнымъ образомъ такія осеннія роли: «Обыкновенная женщина» А. М. Ѳедорова, «Безъ вины виноватые». Въ исполненіи артистки чувствовались надломленность и усталость, которыя вообще характеризуютъ послѣдніе годы ея сценической работы. Но образы Ольги, пожертвовавшей свою жизнь любимому человѣку, и безпредѣльно страдающей въ своемъ материнствѣ Кручининой полны были волнующей, трогательной красоты женской осени. Ее она воспѣвала съ тѣмъ же поэтическимъ вдохновеніемъ, съ которымъ раньше воспѣвала молодость, неотразимую женскую весну...

«Чародѣйка русской сцены», какъ назвалъ М. Г. Савину въ очеркѣ, посвященномъ ей, извѣстный драматургъ И. Щегловъ, теперь чаровала по-новому. Игра ея щемила сердце неизбывной женской тоской, заливала душу сумеречнымъ свѣтомъ грустнаго осенняго вечера...

А сейчасъ...

«Чародѣйки» больше нѣтъ... Свѣтильникъ чистой благоуханной женственности на сценѣ погасъ...

Кто замѣнитъ его намъ?..

Кто?..

Лоренцо.

12—IX—1915. № 9825.

М. Г. САВИНА.

Описаніе послѣднихъ дней жизни М. Г. Савиной и ея кончины—по сообщеніямъ столичныхъ газетъ.

14—IX—1915. № 9827.

ИЗЪ ПРОШЛАГО М. Г. САВИНОЙ.

Перепечатано изъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», 9—IX—1915, № 15078 (участіе въ спектаклѣ, еще ребенкомъ, вмѣстѣ съ В. В. Самойловымъ, въ Одессѣ, въ 1862 году). Эта же статья помѣщена: въ «Волгарѣ», 12—IX—1915, № 249; въ «Послѣднихъ Новостяхъ», 13—IX—1915, № 3307; въ «Батумскихъ Вѣстяхъ», 17—IX—1915, № 1739.

15—IX—1915. № 9828.

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ М. Г. САВИНОЙ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ВЪ ОДЕССѢ.

Перепечатано изъ «Петроградской Газеты», 9—IX—1915, № 247.

ОРЛОВСКАЯ ЖИЗНЬ.

(Орелъ).

11—IX—1915. № 195.

КОНЧИНА М. Г. САВИНОЙ.

Перепечатка изъ «Голоса Руси», 9—IX—1915, № 599.

17—IX—1915. № 199.

М. Г. САВИНА И РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.

Статья Елатомскаго.

Эта статья напечатана также: въ «Витебскомъ Вѣстникѣ», 12—IX—1915, № 203; въ «Жизни Волыни», 12—IX—1915, № 252; въ «Донскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ», 13—IX—1915, № 208; въ «Пензенскихъ Вѣдомостяхъ», 13—IX—1915, № 203; въ «Русской Рѣчи», 17—IX—1915, № 2951; въ «Харбинскомъ Вѣстникѣ», 27—IX—1915, № 3565. Текстъ этой статьи—см. «Витебскій Вѣстникъ».

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

(Орелъ).

10—IX—1915. № 213.

М. Г. САВИНА (†).

Краткое описаніе послѣднихъ дней жизни и очеркъ артистической дѣятельности—изъ «Русскаго Слова», 9—IX—1915, бюлл.

18—IX—1915. № 219.

ЕЩЕ О М. Г. САВИНОЙ.

Подъ этимъ заглавіемъ перепечатана статья Евтихія Карпова «Первые шаги» (Страничка воспоминаній)—изъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», 9—IX—1915, № 15077.

ОСКОЛКИ.

(Петроградъ).

26—IX—1915. № 39.

ЖИЗНЬ САВИНОЙ.

(Замѣтка).

Савина прожила красивую жизнь—и на сценѣ, и въ жизни.

Тѣ героини пьесъ, въ которыхъ кипѣла жизнь сердца и темперамента, отражали, какъ зеркало, сердце самой артистки.

Савина оставила свою автобіографію, но не оставила своей исповѣди (а, можетъ быть, и оставила). И если бы она съ такимъ же талантомъ описала свое сердце, съ какимъ она выявила свое сердце на сценѣ,—получилось бы великолѣпное литературное произведеніе.

Въ ранней молодости юная, вспыхивающая, увлекающаяся д и к а р к а; потомъ артистка-эпикурейка Нѣгина изъ «Талантовъ и поклонниковъ»; соблазнительная, огневая м а і о р ш а; жгуче-волшебная «Чародѣйка» и т. д., и т. д.—вотъ та канва, по которой вышивало прихотливые узоры чувства сердце Савиной.

Только имѣя такое сердце, много пережившее, можно было создавать такіе яркіе типы.

Конечно, она играла и другіе женскіе типы и создавала хорошія жанровыя картинки, но это она совершала только однимъ талантомъ, безъ помощи чувства.

Героини Чехова ни одна не пережила и не показала страсти—и въ этихъ пьесахъ нечего было играть Савиной.

Нечего было ей играть и потомъ, когда она перешагнула предѣльный возрастъ своего сердца. Перейти на другое амплуа она не могла психически; это была бы черная работа въ родѣ швейнаго или чулочнаго ремесла. Не могла, хотя и пробовала. Ей было жалко разбить свой кумиръ.

Закончила она свою карьеру «Ранней осенью». Въ сущности, для нея эта осень являлась уже не ранней; въ эти годы обыкновенная женщина переживаетъ уже позднюю осень, но для Савиной она могла быть только ранней. Поздней осени сердцемъ она уже не переживала. По крайней мѣрѣ, мы не видѣли, чтобы Савина отразила это въ чемъ-нибудь.

Послѣднія десять лѣтъ она жила уже внѣ своей жизни. Эти слова она сказала бы и сама, если бы у нея имѣлась написанная исповѣдь.

Не даромъ она и умерла раннею осенью: когда ее везли къ послѣднему «убѣжищу»—тамъ, почти у самаго взморья, деревья стояли еще зелеными, солнце еще играло, но уже вѣяло холодомъ и много желтой листвы крутилось въ воздухѣ.

Точно и сама природа хотѣла сказать ей:

— Для тебя были только весна, лѣто и ранняя осень; а все болѣе сѣрое и хмурое—было внѣ тебя и не для тебя!

Какая красивая жизнь! Но эту красоту могутъ понять только тѣ, кто самъ что-нибудь пережилъ, кромѣ мѣщанской прозы!

П е т—с к і й Б а л ь з а к ъ.

---

3 и 10—X—1915. №№ 40 и 41.

ИЗЪ ПРОШЛАГО САВИНОЙ.

(З а п и с к и с т а р а г о т е а т р а л а).

Театральные анекдоты изъ повременной печати прежняго времени.

ОТКЛИКИ КАВКАЗА.

(Армавиръ, Кубанской области).

10—IX—1915. № 200.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Умерла великая артистка, которая такъ долго была лучшимъ украшеніемъ русской сцены. Въ послѣдніе годы Савина не оставляла упорной и большой работы, невзирая на довольно преклонный возрастъ. Савина была той классической школы, которая дала недавно умершаго К. Варламова и нынѣ живущаго Давыдова. Ея игра всегда отличалась изумительной по тонкости отдѣлкой и нѣкоторой холодностью, которая, однако, не мѣшала впечатлѣнію, такъ какъ холодность эта принимала высоко-художественную форму истинной объективности. Игра Савиной доставляла высокое наслажденіе именно своимъ совершенствомъ, являющимся результатомъ обдуманной до мелочей работы, въ которой нѣтъ мѣста импровизаціи и вспышкамъ неожиданнаго творчества, но есть изумительно правильный планъ и тонкость исполненія.

М. Г. Савина—послѣдняя представительница петроградской школы, всегда ставившей во главу своей работы объективность въ игрѣ. Съ нею сошла въ могилу самая яркая представительница классическаго искусства.

М. Г. Савина была и крупнѣйшей дѣятельницей и предсѣдательницей самаго значительнаго Общества дѣятелей сцены.

Ея работа въ этой области была всегда плодотворна, хотя и вызывала часто рѣзкую критику.

За короткое время русское искусство потеряло Скрябина, Лядова, Варламова... Теперь застала насъ врасплохъ смерть М. Г. Савиной.

Незамѣнимая утрата для сцены, незамѣнимая утрата для русской публики.

Я. В л—о в ъ.

Эта статья перепечатана подъ заглавіемъ «М. Г. Савина» въ газетѣ «Бакинецъ», 14—IX—1915, № 51.

ПАРИЖСКАЯ МОДА.

(Петроградъ).

1—X—1915 г. № 41—42.

Тотъ же некрологъ и тотъ же портретъ, что и въ журналѣ «Вѣстникъ Моды», 1—X—1915, № 41—42.

ПЕНЗЕНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

(Пенза).

13—IX—1915. № 203.

М. Г. САВИНА И РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.

Статья Е л а т о м с к а г о.

Эта же статья напечатана: въ «Витебскомъ Вѣстникѣ», 12—IX—1915, № 203; въ «Жизни Волыни», 12—IX—1915, № 252; въ «Донскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ», 13—IX—1915, № 208; въ «Орловской Жизни», 17—IX—1915, № 199; въ «Русской Рѣчи», 17—IX—1915, № 2951; въ «Харбинскомъ Вѣстникѣ», 27—IX—1915, № 3565. Текстъ этой статьи—см. «Витебскій Вѣстникъ».

ПЕРМСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

(Пермь).

29—IX—1915. № 264.

МАРІЯ ГАВРІИЛОВНА САВИНА ВЪ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Кажется, въ 1882 году Марія Гавріиловна была повѣнчана съ помѣщикомъ Никитой Никитичемъ Всеволожскимъ. Обрядъ вѣнчанія, по желанію ея, состоялся въ каменномъ храмѣ села Сивы, Оханскаго уѣзда, воздвигнутомъ предками Всеволожского.

Послѣ такого событія, М. Г. не одно лѣто пребывала въ Сивѣ—резиденціи имѣнія своего супруга, вмѣстѣ съ нимъ. Сива, воздухъ и окрестности ея понравились М. Г.—и здѣсь, вдали отъ шума городского, она отдыхала и запасалась силами къ зимнему подвигу на аренѣ артистической дѣятельности.

Сивинцы очень полюбили М. Г. за ея красоту, простоту и обхожденіе. Каждый разъ, по пріѣздѣ въ Сиву, она имѣла обыкновеніе дѣлать подарки за радушную встрѣчу, а потому для встрѣчи ея собиралась чуть не вся округа.

Живя въ Сивѣ, она не чужда была религіозности и благотворительности. Усердно посѣщала храмъ, мозаикой и архитектурой коего она восхищалась, и не пропускала ни одной службы.

Неизмѣнно молилась передъ Нерукотвореннымъ образомъ Христа Спасителя, который привезла съ собою. Этотъ ея даръ высокой цѣнности, съ соотвѣтствующей надписью, доселѣ служитъ украшеніемъ храма и располагаетъ молящихся къ глубокому религіозному чувству. Счастливъ былъ тогдашній составъ служителей храма: М. Г. видѣла ихъ нужду и щедро награждала деньгами, облаченіемъ и проч. Не меньшее вниманіе обращала она на бѣдныхъ. Благодаря ея щедротамъ, нѣкоторые построили себѣ жилища, многіе получали пособія деньгами, вещами и продовольствіемъ, а бывшіе служащіе даже умерли пенсіонерами.

Затѣмъ, какъ было извѣстно, М. Г. повліяла на своего супруга—не взыскивать оброчныя недоимки со своихъ бывшихъ дворовыхъ людей.

Кто можетъ подумать, что такая знаменитость, какъ М. Г., въ лучшіе свои годы жила и добро дѣлала въ далекой окраинѣ—Сивѣ? Между тѣмъ, это, дѣйствительно, было—и всѣ этимъ гордились.

Есть и теперь здѣсь старожилы, которые видѣли М. Г. лично, слышали ея чудный голосъ и были свидѣтелями всѣхъ ея добрыхъ дѣлъ.

Отсюда понятно, какъ всѣхъ поразило полученное извѣстіе о кончинѣ М. Г. Хотя она умерла, но свѣтлый образъ ея не изгладится изъ памяти потомковъ челяди Всеволожскихъ: они всегда станутъ чтить память своей бывшей доброй «хозяйки» Маріи Гавріиловны Савиной.

И. Пермяковъ.

Эта статья перепечатана въ «Прикамской Жизни», 18—X—1915, № 233.

ПЕТРОГРАДСКАЯ ГАЗЕТА.

(Петроградъ).

9—IX—1915. № 247.

КОНЧИНА САВИНОЙ.

Подъ заголовкомъ помѣщенъ большой портретъ М. Г. Савиной (1907 г.).

Новый страшный ударъ поразилъ русскій драматическій театръ: смерть похитила Савину.

Нужно быть прирожденнымъ некрологистомъ, чтобы въ тяжелый моментъ такого ошеломляющаго несчастья «обозрѣвать» богатѣйшую сценическую дѣятельность великой артистки.

Извиняюсь, что это не въ моихъ силахъ...

Артистическая личность М. Г. Савиной такъ сложна, многоцвѣтна и своеобразна, что ея не охватить даже въ статьѣ, приближающейся, по величинѣ, къ «небоскребамъ».

И, главное, все, что само собою набѣгаетъ на перо, всегда покажется недостаточнымъ, холоднымъ и даже шаблоннымъ.

«Великій талантъ», «эпоха въ исторіи русскаго театра», «незамѣнимая утрата», «колоссъ русской сцены» и т. д., и т. д.

Все это вѣрно, все это справедливо, но этого мало, мало и мало...

И потому, что эти же слова не разъ посылались, какъ послѣдніе цвѣты надгробнаго краснорѣчія, на могилы другихъ, по своему тоже замѣчательныхъ, не менѣе сложныхъ и глубокихъ художниковъ сцены, не хочется повторять ихъ въ данный моментъ.

Савина была у насъ «единственная», и смерть ея—сущее несчастье для русскаго театра.

Театральные старожилы помнятъ ее обворожительной инженю, чаровавшей и прекрасными глазами, и кокетливой граціей, и молодымъ задоромъ искрящагося дарованія.

Театралы позднѣйшей формаціи вспоминаютъ ее въ драматическихъ и въ болѣе «степенныхъ» комедійныхъ роляхъ.

Мы всѣ живо помнимъ годы, когда Савина уже полновластно и безраздѣльно царила на сценѣ Александринскаго театра...

Эта полоса ея жизни сейчасъ не подлежитъ оцѣнкѣ.

Да и какое намъ, театраламъ, дѣло до всего этого сора, который шопотъ завистницъ, ропотъ бездарностей, всхлипыванія неудачницъ и суесловіе закулисныхъ сплетниковъ и болтуновъ вздымали вокругъ имени знаменитой артистки?

Для насъ Савина была артисткой, равной которой мы на Александринской сценѣ еще не видали,—великой комедійной артисткой, какъ царица, прошедшая мимо насъ одиноко, величаво и гордо.

Не знаю, были ли у нея искренніе друзья среди артистическаго міра, цѣнившіе не только ея дарованіе, но и понимавшіе и любившіе ея душу,—и раскрывала ли она свою душу вообще многимъ.

Можетъ быть, она, напротивъ, и жила, и творила въ гордой атмосферѣ высокой артистической замкнутости, и многимъ оставалась чужой, не прощавшимъ ей этой «аристократичности»,—аристократичности богато одаренной, замѣчательно умной, интеллигентной и литературно образованной женщины, нерѣдко очень злой и безпощадной на языкъ.

Но Убѣжище для престарѣлыхъ тружениковъ, но многіе актеры, впавшіе въ нужду и пользовавшіеся ея негласной помощью, могутъ разсказать, какое чуткое и отзывчивое сердце билось въ груди М. Г. Савиной,—этой, по истинѣ и по справедливости, гордой «аристократки» русской драматической сцены...

О м е г а.

Здѣсь же помѣщены снимки: «М. Г. Савина въ любимомъ уголкѣ своего кабинета» (1914 г.) и «М. Г. Савина среди питомцевъ созданныхъ ею Пріюта и Пансіона Театральнаго Общества для дѣтей сценическихъ дѣятелей».

Затѣмъ, въ этомъ же номерѣ приведено описаніе послѣднихъ дней жизни М. Г. Савиной.

ЧТО ГОВОРЯТЪ ОБЪ УТРАТѢ.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ ТЕАТРАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНАГО КОМИТЕТА Ѳ. Д. БАТЮШКОВЪ.

— Я очень взволнованъ этой огромной, незамѣнимой утратой. Савина—давнишній, неизмѣнный другъ Литературнаго Фонда, съ величайшей готовностью шедшій всегда на-

встрѣчу нашимъ начинаніямъ. Она не только какъ артистка выступала на вечерахъ Фонда, но принимала участіе и въ режиссированіи нашихъ спектаклей и концертовъ и обижалась, когда ее почему-либо не приглашали. Наперекоръ мнѣнію нѣкоторыхъ, у покойной было много положительныхъ свойствъ. Я самъ видѣлъ, какую она проявляла дѣятельность въ лазаретахъ, какъ она плакала, говоря о раненыхъ солдатахъ. Всѣ эти факты показываютъ ширину и глубину ея натуры. Недавно М. Г. вызвала меня къ себѣ, чтобы поговорить о новыхъ пьесахъ, и я имѣлъ возможность вновь ее оцѣнить. Зашелъ разговоръ о пьесѣ, въ которой у нея была великолѣпная роль, и я указалъ М. Г. на то, что пьеса эта не литературная.

— Да, вы правы,—согласилась со мной покойная.—На образцовой сценѣ не должны появляться такія произведенія...

Въ ней былъ не только культъ игры, но и величайшее уваженіе къ русской литературѣ, лучшіе представители которой были ея друзьями. Я думаю, что у М. Г. было много неиспользованнаго матеріала о Гончаровѣ. Что касается извѣстныхъ писемъ Тургенева, то она, вѣроятно, уничтожила ихъ. Какъ-то, на мой вопросъ—что она намѣрена дѣлать съ этими письмами?—М. Г. отвѣтила:

— Это личныя вещи. Онѣ должны умереть вмѣстѣ со мною...

ЗАСЛУЖЕННАЯ АРТИСТКА Н. С. ВАСИЛЬЕВА.

Н. С. Васильева—теперь старѣйшая артистка Александринскаго театра.

— Вѣсть о кончинѣ Маріи Гавріиловны поразила меня, какъ ударъ грома,—говоритъ Н. С.—Съ ужасомъ вспоминаю, какъ въ воскресенье, въ Александринскомъ театрѣ, шелъ «Мудрецъ», въ которомъ еще недавно участвовали почти всѣ заслуженные артисты: Савина, Варламовъ, Стрѣльская, Давыдовъ и др. Обыкновенно мы всегда сидѣли кружкомъ и вспоминали минувшіе дни. Послѣдній разъ изъ стариковъ играли только я и Давыдовъ, и у меня почему-то невольно мелькнула въ головѣ мысль:

— Кто же будетъ третій?

Есть повѣріе, что когда умретъ кто-нибудь въ корпораціи, то должны умереть еще двое. Я вспомнила Стрѣльскую, Варламова и подумала:

— Кто же третій?

Теперь оказалось, что «третьимъ» была Савина, хотя въ тотъ день не было никакихъ основаній ожидать ея смерти. Сейчасъ я должна ѣхать играть «Поруганнаго»—и хорошо еще, что приходится умирать на сценѣ. Если бы роль была другого свойства,—я бы не играла. Вотъ наша печальная актерская доля! Мы должны, обязаны отрѣшиться отъ своихъ личныхъ переживаній.

ЗАВѢДЫВАЮЩІЙ РЕПЕРТУАРОМЪ АЛЕКСАНДРИНСКАГО ТЕАТРА Н. А. КОТЛЯРЕВСКІЙ.

— Какъ отразится смерть Савиной на репертуарѣ Александринскаго театра?—спросили мы Н. А.

— Репертуаръ придется подвергнуть большимъ измѣненіямъ. Савина много должна была играть въ нынѣшнемъ сезонѣ. Во-первыхъ, у нея была заглавная роль въ новой пьесѣ Опочинина «Мать». Затѣмъ, ей предстояло выступить въ «Воспитанницѣ» Островскаго, въ «Лѣсѣ»—роль Гурмыжской, не говоря о пьесахъ текущаго репертуара, какъ «На всякаго мудреца», «Слѣпая любовь», «Зеленое Кольцо» и т. д. Я думаю, что тѣ пьесы, въ которыхъ М. Г. играла, совсѣмъ не пойдутъ. Относительно приглашенія другой актрисы, на мѣсто Савиной, не можетъ быть и рѣчи.

— Чѣмъ Александринскій театръ намѣренъ почтить память покойной?

— По этому поводу состоялось собраніе труппы, и всѣ единогласно нашли, что нельзя ничего не сказать публикѣ объ этомъ событіи. Поэтому рѣшили объявить публикѣ передъ спектаклемъ о совершившемся фактѣ и предложить почтить память покойной вставаніемъ.

Р.

АВТОРЫ О САВИНОЙ.

ВЛ. ИВ. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

Вл. Ив. Немировичъ-Данченко, многимъ обязанный творчеству М. Г., такъ охарактеризовалъ систему ея работы:

— На первыхъ репетиціяхъ, когда она еще совершенно не освоилась съ ролью, когда она еще не отдаетъ себѣ отчета, куда должна быть направлена ея художественная смѣлость и самостоятельность,—артистка съ дѣтской послушностью отдается указаніямъ режиссера, или автора. Она слушаетъ ихъ замѣчанія, переходитъ съ мѣста на мѣсто и читаетъ слова роли съ сосредоточенностью, близкой къ безсознательности. На слѣдующихъ репетиціяхъ начинается что-то въ родѣ нервнаго метанія. Артистка, по выраженію Тургенева, «ищетъ себя». Сколько я замѣчалъ, въ это время М. Г. ненавидитъ комплименты, обрываетъ на полусловѣ всякую похвалу: ей нужно собственное удовлетвореніе, котораго еще нѣтъ, а поверхностнымъ похваламъ она хорошо знаетъ цѣну. Потомъ, вдругъ на одну изъ репетицій она приходитъ бодрая, напряженная. Ея замѣчательные глаза, способные каждый мигъ мѣнять выраженіе, горятъ энергіей, ея голосъ звучитъ увѣренно. Еще на предыдущей репетиціи около нея ходили на цыпочкахъ, а сегодня всѣ лица сіяютъ: М. Г. «нашла самое себя». Во время премьеры М. Г. напоминаетъ человѣка, поставившаго на карту всю свою жизнь. Если бы ей сказали: «Экономьте ваши силы, иначе вы завтра умрете»,—она ни минуты не колебалась бы и выбрала бы смерть.

П. П. ГНѢДИЧЪ.

— Мнѣ, какъ автору ряда пьесъ, въ которыхъ главныя роли были исполнены М. Г., хотѣлось бы оттѣнить тѣ стороны ея работы, которыя по преимуществу были дороги авторскому сердцу. Во-первыхъ, М. Г. всегда изучала ту пьесу, въ которой ей была предназначена роль. Она не смотрѣла на свою задачу, какъ на извѣстную повинность: выучить (а чаще не выучить) роль, заказать портнихѣ платье, причесаться къ лицу и выдти на сцену. М. Г. изучала всю пьесу,—ей роли было мало. Она знала всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, помнила ихъ, сживалась съ ними, говорила о нихъ, какъ о знакомыхъ, какъ о чемъ-то уже существующемъ. Пьеса уже не представлялась ей написанной тетрадью или печатной брошюркой, а реальной дѣйствительностью. Ей казалось, что люди эти живутъ, любятъ, ненавидятъ, и она, постепенно, какъ бы гипнотизируя себя, входила въ этотъ кругъ несуществующаго и начинала жить ложной жизнью, кажущейся для зрителя величайшей правдой. Понявъ задачу автора, артистка ставила на первый планъ общій ея замыселъ, а отнюдь не свою роль. Она не заслоняла игры другихъ артистовъ, напротивъ, старалась дать возможность товарищамъ сдѣлать все, высказаться вполнѣ. Это опять-таки огромная заслуга, и очень рѣдко можно встрѣтить на сценѣ подобные принципы. Третье качество М. Г. было уваженіе къ авторскому тексту. Я не припомню случая, чтобы артистка что-нибудь вычеркивала изъ роли, хотя бы отдѣльныя слова и фразы. Наконецъ, самое важное, самое величайшее достоинство М. Г. состояло въ томъ, что она никогда не думала о томъ: симпатична данная роль—или нѣтъ? Она не боялась подчеркивать отрицательныя стороны типовъ и не смущалась восхищеніями знатоковъ: «Какъ сегодня Савина несимпатична!»... Надо ли говорить, какъ дорога авторамъ эта способность не разводить сахарной водой ихъ типовъ?

Театралъ.

ОТЧЕГО СКОНЧАЛАСЬ М. Г. САВИНА.

Бесѣда съ докторомъ А. Д. Нюренбергомъ.

Д-ръ А. Д. Нюренбергъ, лечившій покойную М. Г. Савину, сказалъ намъ слѣдующее:

— Инфлюэнца, которой захворала М. Г., перешла вскорѣ на легкія, и у нея сдѣлался инфлюэнтный бронхитъ. Одновременно съ этимъ явился воспалительный процессъ уха. Но я утверждаю, что болѣзнь, діагнозъ которой я установилъ, не была причиной самой смерти артистки... Марію Гавріиловну вполнѣ можно назвать «жертвой войны»: въ теченіе цѣлаго года она находилась въ нервномъ подъемѣ, чтеніе газетныхъ телеграммъ ужасно дѣйствовало на ея нервную систему—и вотъ... сердце не выдержало!.. Больные, страдающіе тѣми же заболѣваніями, какъ покойная артистка, не умираютъ отъ нихъ: въ медицинѣ такіе случаи считаются весьма легкими формами.

Бинокль.

Эта замѣтка перепечатана въ «Приднѣпровскомъ Краѣ», 13—IX—1915, № 5603.

М. Г. САВИНА СКОНЧАЛАСЬ ВЪ ДЕНЬ СВОЕЙ СВАДЬБЫ.

По горькой иронiи судьбы, М. Г. Савина должна была праздновать 8-го сентября день своей свадьбы.

Предполагался большой обѣдъ, на который былъ приглашенъ, между прочими гостями, законоучитель Императорскаго Театральнаго Училища и настоятель церкви въ немъ, о. Пигулевскій.

Вчера, въ 9 часовъ утра, раздается въ квартирѣ протоіерея телефонный звонокъ...

— Батюшка, Марія Гавріиловна...

— Знаю, знаю, что звала къ обѣду, не безпокойтесь, не забуду!..—отвѣтилъ о. Пигулевскій.

— Да нѣтъ, батюшка: Марія Гавріиловна скончалась!..—отвѣтили ему.

Можно себѣ представить ужасъ пастыря, которому пришлось служить панихиду—и какъ разъ въ той же столовой комнатѣ, гдѣ долженъ былъ быть накрытъ парадный столъ...

Перепечатано въ «Приднѣпровскомъ Краѣ», 13—IX—1915, № 5603.

ЛУЧШІЯ РОЛИ ПОКОЙНОЙ.

Проглядывая длинный списокъ—почти четыреста ролей—можно выдѣлить десятки ролей, исполненныхъ покойной съ особеннымъ совершенствомъ.

Вотъ что удалось М. Г. по преимуществу и что составило ея славу:

«Злоба дня»—Елена, «Мишура»—Дашенька, «Выгодное предпріятіе»—Ольга, «Чудовище»—Варя, «Женитьба Бѣлугина»—Елена, «Безприданница»—Лариса, «Правда хорошо»—Поликсена, «Волки и овцы» — Глафира, «Маруся» — Маруся, «Свадьба Фигаро» — Сусанна, «Искорка»—Сашенька, «Маіорша»—Оеня, «Мѣсяцъ въ деревнѣ»—Вѣрочка и Наталья Петровна, «Нищіе духомъ»—Кондорова, «Дикарка»—Варя, «Свѣтитъ, да не грѣетъ»—Оля, «Сидоркино дѣло»—Лиза, «Ревизоръ»—Марья Антоновна, «Чародѣйка»—кума Настасья, «Тетенька»—Пушинская, «Провинціалка»—Ступендьева, «Сорванецъ»—Люба, «Невольницы»—Евлалія, «Ольга Ранцева»—Ольга, «Татьяна Рѣпина»—Татьяна, «Таланты и поклонники»—Нѣгина, «Общество поощренія скуки»—Люба, «Надо разводиться»—Шубина, «Симфонія»—Елена, «Цѣпи»—Волынцева, «Послѣдняя жертва»—Тугина, «Дворянское гнѣздо»—Лиза, «Дама съ камеліями»—Маргарита, «Родина»—Магда, «Клеймо»—Агнія, «Золото»—Валентина, «Власть тьмы»—Акулина, «Женя»—Женя, «Ивановъ»—Саша и Сарра, «Идіотъ»—Настасья Филипповна, «Цѣна жизни»—Анна, «Собака садовника»—Діана, «Идеальная жена»—Юлія, «Невѣрная»—Клара,

«Перчатка»—Свава, «Ранняя осень»—Анна, «Трактирщица» — Мирандолина, «Женская чепуха»—Людмила, «На бойкомъ мѣстѣ»—Евгенія, «Сердце не камень»—Вѣра, «Исторія одного увлеченія»—Елена, «Паціентка», «Холопы»—княжна Плавутина, «На всякаго мудреца» — Мамаева, «Поздняя любовь»—Людмила, «Живой трупъ»—Каренина и т. д.

Все это роли, обработанныя ювелирно, самымъ тонкимъ и проникновеннымъ художникомъ. Это не схваченные на лету, помощью одного таланта, случайные образы, а работа творца.

КАКІЯ РОЛИ ИГРАЛА М. Г. САВИНА ВЪ ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ?

М. Г. Савина въ послѣдніе годы совершенно перемѣнила свое амплуа.

— Теперь я играю исключительно роли женщинъ, которыя еще любятъ, но которыхъ уже не любятъ,—сказала она намъ въ прошломъ году.

ИДЕАЛЪ САВИНОЙ ВЪ ИСКУССТВѢ.

М. Г. говорила:

— Моимъ идеаломъ въ искусствѣ всегда была художественная правда. Она вѣчна въ искусствѣ, какъ вѣчна въ жизни сама правда, какъ вѣчно само искусство.

М. Г. САВИНА И ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО.

Бесѣда съ управляющимъ канцеляріей Общества К. К. Витарскимъ.

— М. Г. Савина была однимъ изъ учредителей Театральнаго Общества,—сказалъ намъ К. К. Витарскій.—Могу сказать смѣло, что для Театральнаго Общества М. Г. Савина сдѣлала все. Въ Театральномъ Обществѣ не было ни одного начинанія, въ которомъ она не была бы или иниціаторшей, или видной исполнительницей. Въ одномъ изъ поднесенныхъ ей адресовъ прямо сказано:—«Вы осушили море слезъ...». Послѣднее засѣданіе Театральнаго Общества происходило въ ея присутствіи, по пріѣздѣ М. Г. съ Кавказа, и было посвящено текущимъ дѣламъ и вопросу о воспитаніи дѣтей, за которыхъ платило Театральное Общество. М. Г. называла себя въ шутку «старшимъ разсыльнымъ» Театральнаго Общества, и могу сказать, что покойная выполняла и эту функцію...

М. Г. САВИНА ВО ВРЕМЯ СПЕКТАКЛЕЙ, РЕПЕТИЦІЙ И ПОѢЗДОКЪ.

Бесѣда съ П. С. Панчинымъ.

— Покойная М. Г.,—сказалъ намъ П. С. Панчинъ,—говорила, что «сцена—ея жизнь»... Могу сказать, что и сама она была... «жизнь на сценѣ». Трудно повѣрить той бившей ключемъ жизненности, которою отличалась артистка. Какъ къ репетиціямъ, такъ и къ представленію она относилась одинаково горячо и «холодными» бывали у нея только... руки на премьерахъ. Публика и представить себѣ не можетъ, какъ волновалась на сценѣ Савина... Передъ выходомъ покойная всегда крестилась. На спектакли она являлась всегда раньше всѣхъ, а на репетицію—за двадцать минутъ до ея начала. М. Г. служила для всѣхъ артистовъ образцомъ, яркимъ примѣромъ добросовѣстнаго, аккуратнаго служенія чистому искусству. Когда шла новая пьеса, М. Г. всегда была сосредоточена и лишь на повтореніяхъ или представленіяхъ извѣстныхъ, старыхъ пьесъ, она позволяла себѣ какіе-нибудь разговоры за-кулисами, между своими выходами. Въ поѣздкѣ она всегда была «душой общества»: всѣхъ воодушевляла, угощала товарищей-артистовъ обѣдами и ужинами... Мнѣ пришлось совершить съ М. Г. пять поѣздокъ по всей Россіи, изъ которыхъ одна была юбилейная, послѣ ея бенефиса

за 25-лѣтнюю дѣятельность. Эта поѣздка заключала въ себѣ, между прочимъ, спектакль изъ отрывковъ—по акту изъ «Дикарки», «Безприданницы» и другихъ пьесъ. Въ этомъ сезонѣ М. Г. еще не переступала порога Александринскаго театра: на репетиціяхъ пьесы «Матъ» она не присутствовала...

АВТОБІОГРАФІЯ М. Г. САВИНОЙ.

М. Г. еще маленькой дѣвочкой полюбила театръ. Вотъ что писала она въ своихъ «Воспоминаніяхъ»:

— Первый спектакль, который я видѣла, былъ балетный... Отецъ, служившій въ Одесскомъ Городскомъ театрѣ, у Фолетти, гдѣ кромѣ драмъ ставили также оперы и балеты, имѣлъ право являться со своимъ семействомъ въ театръ, когда ему было угодно, и занимать одну изъ ложъ на сценѣ. Однажды онъ и моя мать взяли на спектакль и меня съ сестрой.

Въ этотъ вечеръ давали балетъ «Зефиръ и Флора», при участіи довольно извѣстной въ то время танцовщицы Мими. Балетъ поразилъ меня... Мими, летавшая по сценѣ, казалась мнѣ какимъ-то неземнымъ существомъ, заслуживающимъ всеобщаго поклоненія.

Я дрожала отъ восторга, слѣдя за ея дѣйствительно граціозными танцами, и со слезами на глазахъ покинула театръ послѣ конца спектакля.

Съ этихъ поръ Мими заняла все мое воображеніе: днемъ я по цѣлымъ часамъ простаивала передъ зеркаломъ, подражая ей всевозможными прыжками и тѣлодвиженіями Ночью, лежа въ постели съ открытыми глазами, я видѣла ее носящейся передо мною въ воздухѣ.

Увлеченіе Мими продолжалось довольно долго, видѣла я ее почти каждый балетный спектакль. Отецъ и мать брали насъ въ театръ часто: сестра, сидя въ ложѣ на сценѣ, спала, а я пожирала глазами свой идеалъ.

Въ скоромъ времени я сама выступила на сцену въ качествѣ болѣе или менѣе «сознательной» актрисы—мнѣ было тогда семь лѣтъ—въ драмѣ «Эсмеральда или Алый башмачекъ», причемъ, изображая Эсмеральду-ребенка, произнесла въ прологѣ пьесы нѣсколько словъ по адресу извѣстной актрисы Фабіанской, игравшей мою мать. О своихъ дебютахъ въ этой пьесѣ я помню только то, что величайшее наслажденіе мнѣ доставляли въ ней алые башмачки,—гордилась я ими необыкновенно...

Послѣ «Эсмеральды» я изображала мальчика въ «Уголино или Башня голода», причемъ—помню это до сихъ поръ—произносила слѣдующіе стихи:

Я выберу себѣ женой красавицу такую,
Какой на свѣтѣ лучше нѣтъ...

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

Первые шаги М. Г. Савиной на провинціальной сценѣ, какъ уже актрисы, несмотря на ея пятнадцатилѣтній возрастъ, повсюду сопровождались громкимъ успѣхомъ. Въ Минскѣ, куда въ 1869 году М. Г. была впервые приглашена на вторыя водевильныя роли, съ жалованьемъ въ 30 рублей, и гдѣ режиссеромъ былъ извѣстный М. П. Каратыгинъ, ей пришлось играть, между прочимъ, съ Н. С. Сандуновой. Въ той же труппѣ игралъ только что начинавшій тогда свою артистическую карьеру В. П. Далматовъ. Особенный успѣхъ въ Минскѣ М. Г. имѣла въ водевилѣ «Гамлетъ Сидоровичъ и Офелія Кузьминична», въ «Доходномъ мѣстѣ», «Капризницѣ» и т. д. Послѣ Минска М. Г. играла въ Харьковѣ, гдѣ вышла замужъ за актера Савина, въ Калугѣ, въ Смоленскѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Казани, гдѣ антрепренеромъ былъ недавно скончавшійся П. М. Медвѣдевъ и гдѣ свидѣтелями ея успѣха были игравшіе въ той же труппѣ В. Н. Давыдовъ, П. А. Стрепетова и Н. Н. Кудрина.

ПРІѢЗДЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ 1874 году М. Г. Савина пріѣхала въ Петербургъ, и здѣсь совершенно случайно состоялся ея первый дебютъ на Императорской сценѣ. Она сыграла одинъ разъ въ Благородномъ Собраніи, спеціально, чтобы доказать своимъ родственникамъ, что она дѣйствительно актриса, такъ какъ родные не довѣряли ея «саратовской славѣ».

— Пьеса была назначена,—разсказываетъ объ этомъ дебютѣ М. Г. Савина,—и мнѣ пришлось выходить въ новой, совершенно неизвѣстной мнѣ роли. Это немножко меня смущало, но я играла не для того, чтобы поступить на сцену. Въ той же пьесѣ выступала Мельникова, дебютировавшая на Александринской сценѣ, на которой эта новая пьеса должна была идти. Пьесой интересовались Александринскіе артисты, обо мнѣ же никто не зналъ.

Начались репетиціи... Многое было мнѣ неудобно, но я не смѣла ничего сказать... На послѣднихъ репетиціяхъ Сосновскій и Полонскій стали дѣлать мнѣ замѣчанія, а изъ-за кулисъ доносился голосъ Мельниковой: «Она испортитъ всю роль! Какъ она холодна—пусть лучше вымараетъ эту сцену!»

Приговоръ Мельниковой немного обезкуражилъ всѣхъ присутствовавшихъ, но хотя я и знала, что вся завишу отъ настроенія, и въ спектаклѣ будетъ совсѣмъ другое, тѣмъ не менѣе, увѣрить другихъ въ этомъ не могла. Всѣ продолжали репетировать, какъ слѣдуетъ; одна я попрежнему конфузилась и едва слышно подавала реплики.

На послѣдней репетиціи, когда многія изъ постороннихъ лицъ дѣлали мнѣ замѣчанія и мучили меня, я не выдержала и съ полными слезъ глазами сказала Сосновскому: «Будьте добры, дождитесь спектакля и не требуйте отъ меня игры на репетиціи, я этого не умѣю... Я могу плохо сыграть, но никому не испорчу. Я уже четыре года на сценѣ и, стало быть, не нуждаюсь, чтобы меня учили ходить по ней... Если же всѣ мною такъ недовольны, то можно меня замѣнить другой актрисой»...

Всѣ начали извиняться, и я поняла, что мой монологъ произвелъ впечатлѣніе: всѣ убѣдились, что я не такая рыба, какъ кажусь... Я воспользовалась этимъ, чтобы поставить свои сцены по своему усмотрѣнію, и сразу почувствовала себя совсѣмъ хорошо въ этой новой, трудной роли...

Я одѣвалась въ общей уборной. Къ Мельниковой приходило много знакомыхъ, по разговорамъ которыхъ я узнала, что всѣ «Александринскіе» будутъ смотрѣть насъ сегодня. Въ мою сторону косились, и до моего слуха долеталъ шопотъ: «Это та, провинціальная? Она совсѣмъ дѣвчонка... Хорошо играетъ? Неужели это у нея свои волосы, не можетъ быть!»

Я одѣвалась, дрожа отъ холода и страха... Спектакль начался... Я стояла, какъ каменная, судорожно ухватясь за кулису, страшно блѣдная. Ощущеніе этого страха я испытываю до сихъ поръ въ каждой новой пьесѣ.

— Вамъ выходить!—сказалъ мнѣ режиссеръ.

При этихъ словахъ мнѣ показалось, что я окунулась въ холодную воду и, понявъ инстинктивно, что выходить «надо», буквально вылетѣла на сцену. Первое дѣйствіе кончается моей сценой съ Полонскимъ, и когда раздались вызовы, то онъ выводилъ меня. Мнѣ казалось, что онъ это дѣлаетъ изъ любезности. Тетушка моя ждала меня въ уборной и сообщила, что всѣ находятъ мою игру чрезвычайно жизненной и правдивой и что я очень симпатична...

Начался второй актъ, котораго всѣ, да и я сама, очень боялась, и гдѣ именно находилась драматическая сцена съ фразой, которую предполагалось вымарать, и я чуть было на это не согласилась...

Къ концу сцены я положительно не помнила себя: я неслась въ монологѣ и окончила уже при громѣ рукоплесканій, вызванныхъ этой несчастной фразой, которую я, по словамъ Мельниковой, сказала въ совершенствѣ...

Послѣ конца акта меня окружили со всѣхъ сторонъ... Среди общаго гула ясно слышалось: «Талантъ, дебютъ, должны принять»... А. А. Нильскій, стоявшій подлѣ меня, обратился

ко мнѣ съ вопросомъ, желаю ли я поступить на Императорскую сцену... Я отвѣчала, что у меня контрактъ съ Саратовымъ на очень выгодныхъ условіяхъ—500 рублей въ мѣсяцъ и два бенефиса,— а, главное, не желаю навязываться Дирекціи. Если я нужна, то пусть меня пригласятъ... Всю ночь послѣ спектакля я не могла уснуть отъ волненія и счастья.

ПЕРВЫЙ ДЕБЮТЪ ВЪ АЛЕКСАНДРИНСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Пришла я на сцену... Какимъ холодомъ повѣяло на меня при видѣ этого огромнаго зала, и, если бы не любезное вниманіе Сазонова, я бы заплакала! Больше одной репетиціи, да и то только моихъ сценъ, не полагалось... Они играли пьесу уже пятьдесятъ разъ, а я бродила, какъ впотьмахъ. Сазоновъ настоялъ, чтобы дали еще одну репетицію, полную, и это мнѣ очень помогло.

Дебютъ мой былъ болѣе чѣмъ удаченъ. За каждую сцену меня вызывали по нѣсколько разъ, а газеты совсѣмъ захвалили.

Пришлось еще два раза дебютировать, а затѣмъ Шумскій просилъ выучить для его бенефиса комедію Достоевскаго «Старшая и меньшая», гдѣ у него была безподобная роль, а моя заключалась въ однѣхъ репликахъ, но отъ нихъ зависѣла вся роль Шумскаго. Мнѣ роль страшно не нравилась, а пьеса казалась очень сухой, не сценичной, но Сазоновъ совѣтовалъ играть, такъ какъ участвовать въ бенефисѣ Шумскаго для меня, по его словамъ, должно быть крайне интересно, и въ такой именно роли мое дарованіе можетъ быть оцѣнено. Кромѣ того, весь Петербургъ будетъ въ театрѣ.

Скрѣпя сердце, начала я учить роль, и съ каждой репетиціей она мнѣ все больше и больше нравилась. Шумскій хотѣлъ выбросить послѣднюю сцену, очень выгодную для актрисы, находя ее крайне трудной и ненужной, но я просила оставить и услыхала слѣдующее:

— Да вѣдь если вы испортите эту сцену, вся пьеса пропадаетъ,—это финалъ.

— Я попробую,—сказала я.

— Это очень похвально, но съ кѣмъ я ни игралъ, эта сцена не удавалась, и ее вымарывали.

Я все-таки настояла и доказала, что была права. «Старшая и меньшая» рѣшили мою участь. Наслѣдникъ Цесаревичъ пожелалъ смотрѣть Шумскаго, и я чуть съ ума не сошла, когда тогдашній директоръ театровъ баронъ Кистеръ передалъ мнѣ Высочайшую похвалу. На другой день мой контрактъ былъ заключенъ: 900 рублей въ годъ, 15 рублей поспектакльной платы, бенефисъ и казенный гардеробъ.

Приложены: «дѣтскій портретъ М. Г. Савиной, въ роли Флоретты изъ пьесы «Эсмеральда», въ 1861 году» и «портретъ М. Г. Савиной временъ перваго ея дебюта въ Петербургѣ, въ мартѣ 1874 года, въ роли Елены въ «Блуждающихъ огняхъ».

Отрывки автобіографіи М. Г. Савиной напечатаны: въ «Биржевыхъ Новостяхъ», 9—IX—1915, № 482 (Участіе съ С. В. Шумскимъ въ пьесѣ «Старшая и меньшая»), и въ «Одесскихъ Новостяхъ», 15—IX—1915, № 9828 (Первыя выступленія, еще ребенкомъ, въ Одесскомъ театрѣ).

Кромѣ вышеуказанныхъ, въ этомъ номерѣ помѣщены еще портреты М. Г. Савиной въ пьесахъ: «Ночное», «Измѣна» и «Фимка».

10—IX—1915. № 248.

Здѣсь воспроизведенъ портретъ съ подписью: «М. Г. Савина—въ годъ поступленія на Александринскую сцену (апрѣль 1874 г.)».

МИЧУРИНА—О САВИНОЙ.

— Я только что съ панихиды по Маріи Гавріиловнѣ, и просто не могу повѣрить, что она умерла,—говорила намъ В. А.—Помилуйте! Такая всегда энергичная, такая хлопотунья, живая; казалось, что она всѣхъ насъ переживетъ, всѣхъ похоронитъ... Смерть М. Г. тѣмъ болѣе кажется невѣроятной, что еще жива ея мать, старушка 85-ти лѣтъ. М. Г. сама мнѣ про

нее разсказывала, говорила, какая она еще крѣпкая и знаетъ только одну болѣзнь, которую именуетъ насморкомъ... Помню, съ какимъ юморомъ все это говорилось, съ тѣмъ особымъ юморомъ, который я называю «іориковскимъ»... Еще недавно я видѣла М. Г. на панихидѣ по Варламовѣ: какъ всегда, она была здѣсь нашей командиршей. Какое-то роковое стеченіе обстоятельствъ! Сегодня сороковой день кончины Варламова и сегодня же мы будемъ служить панихиду по новопреставленной Маріи. Такое же совпаденіе было съ Стрѣльской и Кіенскимъ: въ девятый день кончины Стрѣльской умеръ нашъ актеръ Кіенскій. Есть фатальное и въ томъ, что Савина умерла въ день своей свадьбы, въ тотъ день, когда она ожидала у себя многочисленныхъ гостей... На Александринскій театръ валится одно несчастье за другимъ! Стрѣльская первая пошатнула это зданіе, и съ той поры одна за другой летятъ старыя колонны... Савина озаряла сцену Александринскаго театра своимъ блестящимъ талантомъ. Я не знаю артистки, равной ей въ смыслѣ порядочнаго отношенія къ дѣлу, аккуратности, неутомимости и феноменальной памяти. Она знала не только свою роль, но и то, что принадлежало ея партнерамъ. Не знаю, когда она ложилась спать и когда вставала, но она была «exacte, comme le roi»... Она никогда не опаздывала и минута въ минуту была тамъ, гдѣ ее ждали. Если Савина сегодня играла, то ровно въ половинѣ седьмого вечера ея карета непремѣнно подкатывала къ театру. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, молодежь невольно брала съ нея примѣръ, и она воспитала цѣлое поколѣніе преданныхъ своему дѣлу артистовъ. У М. Г. была еще удивительная способность—носить вещи. Она почти никогда не пачкала своихъ платьевъ, на ней всѣ туалеты казались новенькими... Какъ артистка, М. Г. достаточно извѣстна. Это былъ громадный комическій талантъ, заставлявшій часто смѣяться самихъ артистовъ во время дѣйствія. Помню, мы играли съ покойной «Перекати-поле» Гнѣдича. Савина играла старую дѣву, которая показываетъ мнѣ духи.—«Душечка, это смѣсь!»—говорила она, подходя ко мнѣ. Она говорила эту фразу такъ смѣшно, что я отворачивала лицо отъ публики, чтобы не разсмѣяться. Этотъ комизмъ не покидалъ Савину и въ жизни. Она была мастеръ сострить на вашъ счетъ, и иногда зло сострить, но сейчасъ же умѣла сдѣлать это какъ-то не обиднымъ. Красотой М. Г. не отличалась, но глазами, голосомъ и талантомъ приковывала къ себѣ множество людей. Это была подлинная «чародѣйка» сцены! Больше всего я ее любила въ роли Марьи Антоновны, въ «Ревизорѣ». Что это была за грація, какая легкость походки! Никто такъ граціозно и легко не пробѣгалъ по сценѣ!

Р.

М. Г. САВИНА ВЪ ЛАЗАРЕТѢ.

Покойную М. Г. раненые «Лазарета артистовъ Императорскихъ Петроградскихъ театровъ» прямо обожали.

Многіе и не подозрѣваютъ, какъ много, вообще, добра дѣлала М. Г.—и дѣлала тихонько, скрытно, чтобы никто не зналъ.

Обращается, напримѣръ, къ ней раненый, получившій въ надѣлъ, случайно, плохой кусокъ земли, съ просьбой похлопотать, чтобы ему дали другой, не на болотѣ... И что же?.. М. Г. хлопочетъ, ѣдетъ къ министру и все устраиваетъ!..

Энергія у покойной была необычайная, а, между тѣмъ, всю зиму она кашляла.

М. Г. черезъ силу работала... Зачастую она въ половинѣ девятаго утра уже бывала въ Убѣжищѣ артистовъ.

Посѣщеніе ею раненыхъ всегда сопровождалось съ ея стороны какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ.

Однажды, узнавъ, что въ Лазаретѣ накопилось много грязнаго бѣлья раненыхъ, скоро выстирать которое въ самомъ Лазаретѣ не представлялось возможнымъ, М. Г. положительно «набила» этимъ бѣльемъ свою карету доверху, еле сама тамъ помѣстившись, и повезла его стирать къ себѣ домой.

Бинокль.

ПОСЛѢДНЯЯ РОЛЬ.

Послѣдняя сыгранная М. Г. Савиной роль, какъ намъ передалъ режиссеръ г. Ракитинъ, была роль еврейки-матери, въ пьесѣ г. Юшкевича «Мендель Спивакъ».

Артистка была въ рыжемъ парикѣ и на репетиціяхъ шутила съ авторомъ, незамѣтно прибавляя въ свои реплики колоритный акцентъ.

Спектакль этотъ состоялся 1-го мая (1915 г.), въ Маріинскомъ театрѣ, въ пользу вторыхъ режиссеровъ.

ЧЬЯ ОЧЕРЕДЬ УМЕРЕТЬ?

Изъ бесѣды съ солистомъ Его Величества Н. А. Гердтъ.

Солистъ Его Величества Н. А. Гердтъ разсказалъ намъ слѣдующее:

— Когда лѣтомъ мы съ Маріей Гавріиловной шли за гробомъ К. А. Варламова, у насъ возникъ разговоръ, чья теперь будетъ очередь умереть: ей или мнѣ.

Марія Гавріиловна отвѣтила, что первой отправится на тотъ свѣтъ тотъ, кто старше годами.

— Слѣдовательно, моя будетъ очередь,—сказалъ я.

— Но вѣдь я старше васъ,—отвѣтила М. Г.

— Этого быть не можетъ, я уже справлялъ 55-лѣтній юбилей, а вы, М. Г., на сценѣ служите сорокъ лѣтъ; кромѣ того, мнѣ уже семьдесятъ одинъ годъ отъ роду!

— Если вамъ семьдесятъ одинъ годъ,—отвѣтила М. Г., — такъ мнѣ уже семьдесятъ два года... Слѣдовательно, моя очередь умереть!..

— Я,—сказалъ г. Гердтъ,—улыбнулся тогда на слова М. Г., прекрасно зная, что ей всего шестьдесятъ второй годъ и что десять лѣтъ она себѣ прибавила; но теперь я вспомнилъ съ грустью этотъ разговоръ, не понимая, почему мнѣ такъ отвѣтила Марія Гавріиловна: не было ли уже и тогда какого-либо у нея предчувствія...

ЭСКИЗЫ И КРОКИ.

Оглядываясь на прошлое М. Г. Савиной, просто удивляешься ея способности олицетворять самые противоположные типы.

Списокъ ея репертуарныхъ подвиговъ, по выраженію Н. П. Гнѣдича, представлялъ порою какую-то дикую скачку съ препятствіями.

Взять хотя бы ноябрь 1877 года.

4-го числа артистка играла Сусанну въ «Женитьбѣ Фигаро», 14-го—Настю въ «Счастливомъ днѣ» Островскаго и Соловьева, 21-го—«Яблоко раздора» Озерецкаго, а 31-го—роль Тугиной въ «Послѣдней жертвѣ» Островскаго.

И это только что сыгравъ «Выгодное предпріятіе» Потѣхина и готовясь къ «Эмиліи Галотти» и «Женитьбѣ Бѣлугина».

Савина окрашивала каждую роль своеобразнымъ колоритомъ, не говоря уже о томъ, что діапазонъ ея таланта позволялъ ей съ одинаковымъ совершенствомъ играть и драматическія, и комическія роли.

Марья Антоновна въ «Ревизорѣ» и Ольга въ «Свѣтитъ, да не грѣетъ», «Дикарка» и Татьяна Рѣпина—исполнялись ею одинаково жизненно.

* * *

Домъ М. Г. Савиной, на Карповкѣ, представляетъ собою цѣлый музей всевозможныхъ реликвій, сохранившихся отъ прежнихъ бенефисовъ и юбилеевъ.

Въ столовой стоитъ огромный, стеклянный шкафъ, наполненный сверху донизу золотыми и серебряными вѣнками, дорогими хрустальными и фарфоровыми вазами, кувшинами, пресъ-папье, альбомами, золотыми чернильницами, драгоцѣнными булавками и т. д.

Шкафъ раздѣленъ на три части, и въ серединѣ обращаетъ вниманіе крупная надпись, сдѣланная на шелковой матеріи національныхъ цвѣтовъ: «Сцена—моя жизнь».

Внутри шкафъ освѣщается электрическими лампочками, и когда онѣ вспыхиваютъ, то получается какое-то волшебное зрѣлище, напоминающее сказку.

Въ отдѣльномъ шкафчикѣ хранилась цѣлая пачка собственноручныхъ писемъ И. С. Тургенева.

М. Г. никому не показывала этихъ дорогихъ для нея писемъ.

— Если хотите, то могу показать вамъ только конверты,—сказала она мнѣ однажды и вынула изъ шкафа нѣсколько конвертовъ, на которыхъ я узналъ знакомый Тургеневскій почеркъ.

* * *

Едва ли многіе знаютъ, что существовавшій долгое время въ драмѣ нелѣпый обычай подносить артисткамъ цвѣты во время дѣйствія упраздненъ, благодаря Савиной.

— Я первая въ Александринскомъ театрѣ заявила, что не позволю подавать мнѣ цвѣты во время дѣйствія,—разсказывала мнѣ однажды М. Г.—Это было еще лѣтъ 40 тому назадъ, когда у насъ существовали ежегодные бенефисы и когда считалось обязательнымъ подавать бенефиціанткѣ при выходѣ цвѣты...

Въ первый же бенефисъ М. Г. заявила, что отказывается отъ этого обычая, такъ какъ находитъ, что онъ нарушаетъ иллюзію.

— А затѣмъ,—говорила покойная,—всю жизнь я получала цвѣты—въ антрактахъ, и не думаю, чтобы нашелся артистъ, который сказалъ бы, что это непріятно... Я не въ правѣ мѣшать публикѣ подавать мнѣ цвѣты, но если бы Дирекція нашла нужнымъ запретить пріемъ цвѣточныхъ подношеній, я ничего противъ имѣть не буду...

* * *

М. Г. Савина 21 годъ жила на Фонтанкѣ, близъ Аничкова моста.

Когда она переѣхала въ собственный домъ на Карповку, а ея квартиру снялъ Л. А. Кассо, то артисты, привыкшіе считать М. Г. вершительницей судебъ русскаго театра, острили:

— Одинъ министръ выѣхалъ, другой въѣхалъ на его мѣсто...

* * *

Какая была любимая роль М. Г. Савиной?

— Я очень люблю роль кумы Настасьи въ «Чародѣйкѣ»,—говорила покойная.—Не знаю, почему мнѣ эта роль милѣе другихъ. Можетъ быть, потому, что по ней наша критика открыла въ моемъ дарованіи «трагическія ноты»... Это было въ 1884 году. Въ Берлинѣ нѣкоторые рецензенты нашли, что я совсѣмъ не «очаровательна» для «чародѣйки»...

Что жъ! Я нисколько этимъ не обижена. Мнѣ вѣдь тамъ не замужъ было выходить.

Петроградскій обозрѣватель.

Въ иллюстрированномъ приложеніи къ этому номеру помѣщены: большой портретъ М. Г. Савиной, въ ея рабочемъ кабинетѣ, за изученіемъ роли (1914 г.) и «Савина въ лучшихъ роляхъ»: «Ревизоръ», «Недоросль», «Свѣтитъ, да не грѣетъ», «Ночное», «Чародѣйка», «Маіорша», «По духовному завѣщанію», «Татьяна Рѣпина».

11—IX—1915. № 249.

М. Г. САВИНА.

Что можно сказать о Савиной?

Что это былъ огромный талантъ? Что сорокъ лѣтъ она сіяла на нашей сценѣ?

Но это всѣ знаютъ. Объ этомъ писали и раньше, напишутъ и теперь, будутъ писать и въ будущемъ.

Да, она сорокъ лѣтъ стояла во главѣ нашей сцены.

Помню, я былъ гимназистомъ, когда увидѣлъ ее въ первый разъ. Это было въ сентябрѣ 1874 года. Неловкая, нѣсколько робѣвшая на большой сценѣ столичнаго театра, она какъ-то ощупью играла водевили,—разныхъ «Пансіонерокъ» и «Несчастья особаго рода».

Но въ концѣ того же сентября она выступила въ «Злобѣ дня» Николая Потѣхина,—и вдругъ на сцену пахнуло такимъ живымъ свѣжимъ дарованіемъ, что заплѣсневѣлый и безкровный Александринскій театръ вдругъ забился здоровымъ пульсомъ.

Черезъ мѣсяцъ Савиной дали бенефисъ. Она поставила «Мишуру» Алексѣя Потѣхина, и увидя ее, авторъ сказалъ:

— Теперь снова можно писать для театра.

Въ теченіе сорока лѣтъ Савина сыграла многія сотни ролей. Вѣдь у насъ не то, что во Франціи, гдѣ Режанъ и Сарра Бернаръ «создаютъ» по двѣ, по три роли въ годъ. У насъ десять-пятнадцать ролей въ сезонъ считалось дѣломъ обычнымъ. И какъ въ прежнее время ставили пьесы! Съ пяти репетицій, такъ что ансамбль образовывался только послѣ десятка представленій. И все-таки при этихъ порядкахъ Савиной удалось составить цѣлый циклъ драматическихъ образовъ, незабываемыхъ и чудесныхъ по своей художественности и реализму.

Такова Марья Антоновна въ «Ревизорѣ»—эта удивительная Марья Антоновна. Такова была Вѣрочка въ Тургеневскомъ «Мѣсяцѣ въ деревнѣ», а потомъ въ той же пьесѣ—Наталья Петровна. Необычайный по чистотѣ и прозрачности образъ Лизы въ «Дворянскомъ гнѣздѣ», передѣланномъ для сцены по просьбѣ Савиной. А Ольга въ пьесѣ Соловьева «Свѣтитъ, да не грѣетъ»? А нѣкоторыя роли въ пьесахъ Островскаго? Дочь Маргаритова въ «Поздней любви», купчиха въ «Сердце не камень»? Все это незабываемые образы.

Будущій историкъ театра отмѣтитъ, что перлы своего таланта Савина расточала зачастую непроизводительно,—что многія пьесы Виктора Крылова недостойны ея таланта, что спѣшка и скомканность постановокъ въ прежнее время помѣшали Савиной развернуть талантъ во всей силѣ въ классическомъ репертуарѣ, и Шекспиръ, Мольеръ, Гольдони только коснулись ея, но не захватили цѣликомъ. Но въ этомъ она неповинна.

Ушла отъ насъ Савина еще слишкомъ рано. Она могла еще дать цѣлый рядъ характерныхъ созданій и потомъ закончить свою блестящую сценическую карьеру, перейдя исключительно на репертуаръ покойной Жулевой.

Но что же дѣлать: смерть не спрашиваетъ, на комъ остановить свой ударъ.

Длинный синодикъ послѣднихъ трехъ лѣтъ Александринскаго театра еще пополнился: Далматовъ, Степанъ Яковлевъ, Стрѣльская, Варламовъ,—теперь Савина...

Что же дѣлать!

П. Гнѣдичъ.

12—IX—1915. № 250.

БЕСѢДА СЪ А. И. ЮЖИНЫМЪ.

Въ Петроградъ пріѣхалъ на похороны Савиной и для возложенія вѣнка на ея гробъ, отъ имени Императорскаго Московскаго Малаго театра, извѣстный заслуженный артистъ, авторъ «Измѣны», «Стараго закала» и другихъ талантливыхъ пьесъ, А. И. Южинъ (князь Сумбатовъ), занимающій должность управляющаго Московской драматической труппы.

— Смерть М. Г. Савиной,—сказалъ намъ А. И.,—произвела въ Москвѣ потрясающее впечатлѣніе... Всѣ артисты нашей труппы глубоко были опечалены, а Гликерію Николаевну Ѳедотову намъ пришлось два дня приготовлять къ этому извѣстію... Сперва ей сказали, что М. Г. заболѣла, затѣмъ, что она безнадежна и уже, въ концѣ концовъ, объявили горькую правду. Я давно зналъ покойную Марію Гавріиловну, очень любилъ ее, какъ прекраснаго товарища, и всегда цѣнилъ ея крупный, какъ драгоцѣнный брилліантъ, талантъ. Мнѣ приходилось много разъ участвовать съ нею вмѣстѣ въ гастроляхъ... Такъ, напримѣръ, въ 1887 году, въ поѣздкѣ, когда шелъ «Гамлетъ», я игралъ заглавную роль, она была Офеліей; также было въ пьесѣ «Надо разводиться», гдѣ я игралъ Шубина, а она—Шубину, а въ 1890—1891 гг., когда Марія Гавріиловна играла въ Москвѣ, то я съ ней вмѣстѣ участвовалъ въ пьесахъ: «Цѣпи», «Симфонія» и «Надо разводиться». Немилосердна судьба къ русскому театру, особенно за послѣдніе годы! Москва потеряла заслуженныхъ артистовъ: Ленскаго, Макшеева, Горева, М. П. Садовскаго; Петроградъ—Стрѣльскую, Варламова, Савину... Изъ оставшихся въ живыхъ заслуженныхъ артистовъ и артистокъ, по годамъ поступленія на сцену, имена ихъ идутъ въ такомъ порядкѣ: Никулина поступила въ 1861 году, Ѳедотова—въ 1862 году, Ермолова—въ 1872, Садовская—въ 1880 и Лешковская—самая молодая изъ «заслуженныхъ» — въ 1887 году; Правдинъ—въ 1878 году, Рыбаковъ—въ 1881 году и, наконецъ, вашъ покорнѣйшій слуга—въ 1882 году. Въ Петроградѣ идутъ по старшинству: Васильева, Мичурина, Давыдовъ и Аполлонскій. Просто страшно взглянуть въ будущее: кого изъ насъ, что ждетъ?.. Возвращаясь къ нашей глубокой утратѣ, скажу вамъ, что я всегда думалъ о Маріи Гавріиловнѣ, что это будетъ чудная старушка, 90 лѣтъ, постоянно оживленная, съ искрящимися глазами и съ неугасимымъ свѣточемъ своего таланта...

— Миръ ея праху!..

Э с ъ.

ПРЕДЧУВСТВІЕ СМЕРТИ.

М. Г. Савина какъ бы предчувствовала свою смерть.

Товарищи покойной по Александринскому театру разсказываютъ, что въ понедѣльникъ, наканунѣ смерти, разговаривая съ А. Е. Молчановымъ, она сказала ему:

— Надо бы мнѣ свои бумажонки привести въ порядокъ...

— Какія бумажонки? Зачѣмъ это?—спросилъ ее А. Е. Молчановъ.

— Мало ли что можетъ случиться... Вотъ Пальмъ умеръ совсѣмъ неожиданно. Не мѣшаетъ привести въ порядокъ свои дѣла...

Вечеромъ, оставшись вдвоемъ съ своей служанкой, Василисой, М. Г. снова вспомнила о какихъ-то бумагахъ.

— Пойти, что ли? Вынуть ихъ изъ ящика?—сказала она Василисѣ.

— Да вы не безпокойтесь,—отвѣтила Василиса.—Позвольте, я вамъ принесу...

— Нѣтъ, не надо!.. Ты ничего не знаешь... Все перепутаешь...

Скоро М. Г. заснула и забыла о «бумажонкахъ».

Эта замѣтка перепечатана: въ «Свѣтѣ», 13—IX—1915, № 242, и въ «Волгѣ», 17—IX—1915, № 196.

ЭСКИЗЫ И КРОКИ.

Какъ относилась М. Г. Савина къ такъ называемымъ театральнымъ «психопаткамъ»?

— Я никогда не видѣла женщинъ, играющихъ въ азартныя игры,—говорила мнѣ М. Г.,— но представляю себѣ, что «психопатки» должны быть именно такими. Этотъ типъ женщинъ вызываетъ во мнѣ отвращеніе. Я понимаю, что можно восторгаться такимъ прекраснымъ пѣвцомъ, какъ Мазини, но у «психопатокъ» буквально искажаются лица отъ восторга. Этотъ визгъ, эти возбужденныя лица, это бѣснованіе всегда вызывали во мнѣ омерзительное чувство... По моему, это не болѣзнь, а распущенность и бездѣлье...

— Любопытно, — говорила М. Г., — что мы же, артисты, являемся виноватыми въ томъ, что насъ осаждаютъ «психопатки». Пришла, напримѣръ, ко мнѣ одна мать, съ претензіей, что ея дочь гимназистка увлекается мной и бѣгаетъ все время въ театръ...

— Но это ваше дѣло наблюдать за своей дочерью,—сказала я.—Чего вы хотите отъ меня?

— Вы ее поощряете...

— Благодарю покорно! Вы мнѣ сдѣлаете только одолженіе, если избавите отъ поклонницъ, которыя ловятъ меня на улицѣ,—отвѣтила М. Г.

* * *

— Возмутительнѣе всего, это когда артиста атакуютъ на театральномъ подъѣздѣ,— продолжала М. Г.—Выходишь изъ театра разгоряченная и думаешь, какъ бы поскорѣе проскользнуть въ карету. Вдругъ тебя ловятъ и пристаютъ:

— Дайте цвѣточекъ!

— Люди не хотятъ понять, что они подвергаютъ артиста риску простудиться, такъ какъ заставляютъ его, разгоряченнаго, раскрываться на морозѣ. Внѣ театра артистъ долженъ принадлежать самому себѣ. Бываютъ прямо возмутительные факты. Напримѣръ, зовутъ какъ-то меня, «по очень важному дѣлу», къ телефону. Отрываюсь отъ дѣла и иду.

— Ахъ, Марія Гавріиловна, это вы?!—раздается восторженный женскій голосъ.—Душечка, если бы вы знали, какъ я васъ обожаю!..

— Только и всего? Но, что вамъ угодно?

— Вы сегодня играете?

— Справьтесь въ афишахъ...

— Я бы ужасно хотѣла видѣть васъ...

— Это очень легко... Стоитъ только купить билетъ въ Александринскій театръ...

Такими отвѣтами М. Г. навсегда отбивала охоту у психопатокъ надоѣдать ей.

* * *

Савина умерла отъ разрыва сердца.

Интересно, что восемь лѣтъ тому назадъ М. Г. еще не имѣла никакого понятія о сердечной болѣзни.

Только въ 1907 году, послѣ выступленія въ одной новой пьесѣ, покойная начала страдать сильнымъ сердцебіеніемъ и сердечными припадками.

— Ничего подобнаго я въ жизни не испытывала,—говорила М. Г.—Я не знала даже, въ какомъ мѣстѣ у меня находится сердце...

— Что же говорятъ доктора?

— Доктора говорятъ, что это отъ куренья, что налицо всѣ признаки отравленія никотиномъ. Когда я въ первый разъ почувствовала себя скверно, докторъ, осмотрѣвъ меня, сказалъ: вѣроятно, вы много курите? Я отвѣтила, что никогда въ жизни не курила. Но тутъ же вспомнила про новую пьесу, въ которой мнѣ приходится тянуть одну папироску за другой...

— Вотъ вы и отравились въ этой пьесѣ!—сказалъ докторъ.

* * *

М. Г. показывала мнѣ, какую чепуху писали о ней въ иностранныхъ газетахъ и журналахъ.

Однажды покойная получила изъ Америки номеръ какого-то журнала, гдѣ было напечатано о ней буквально слѣдующее:

М-мъ Савинъ.

Банкирша - актриса.

«Большой интересъ возбудило въ театральныхъ кругахъ извѣстіе, что Савинъ, величайшая актриса Россіи, основала сберегательный банкъ для актрисъ и, вообще, всѣхъ женщинъ, имѣющихъ отношеніе къ театру. Г-жа Савинъ—положительно самая богатая актриса въ свѣтѣ, такъ какъ, кромѣ огромнаго жалованья, которое она получаетъ въ Императорскихъ театрахъ, она за послѣднія 20 лѣтъ получила по крайней мѣрѣ полдюжины наслѣдствъ отъ восторженныхъ своихъ поклонниковъ».

* * *

— Можно ли въ 64 года играть «Орленка»?—спросилъ я однажды М. Г. Савину, имѣя въ виду Сарру Бернаръ.

— На это я могу вамъ отвѣтить анекдотомъ объ извѣстной французской артисткѣ Фаваръ,—сказала М. Г.—Она тоже въ 64 года играла 16-лѣтнихъ. Когда русскіе зрители выразили однажды удивленіе смѣлости Фаваръ играть въ такомъ возрастѣ молодыхъ дѣвушекъ, то одинъ французъ отвѣтилъ имъ: «Молодыхъ и красивыхъ женщинъ очень много, а таланты рѣдки»...

Петроградскій обозрѣватель.

13—IX—1915. № 251.

Въ этомъ номерѣ помѣщенъ снимокъ: «У свѣжей могилы М. Г. Савиной»—группа родныхъ, друзей и др.

НАСЛѢДСТВО М. Г. САВИНОЙ.

Бесѣда съ А. И. Долиновымъ.

— Въ теченіе восемнадцати лѣтъ,—сказалъ намъ г. Долиновъ,—я устраивалъ гастрольныя поѣздки покойной М. Г., и я знаю всѣ ея личныя дѣла. Теперь, когда въ публикѣ интересуются ея завѣщаніемъ, я могу сказать, что «капиталисткой» М. Г. никогда не была. А, между тѣмъ, ея гастроли дѣлали рядовые полные сборы, напримѣръ, въ Одессѣ, гдѣ было дано болѣе двадцати спектаклей, или въ Москвѣ, гдѣ ихъ было восемь, не говоря уже о казенномъ содержаніи. Объясненіе этому самое простое: М. Г. отдавала все, что получала, и часто сама нуждалась въ какихъ-нибудь ста рубляхъ.

У покойной осталась многочисленная родня, о которой она всегда заботилась, а нѣкоторыхъ племянницъ или племянниковъ чуть что не выняньчила. Изъ родни со стороны брата, Николая Гавріиловича, его дочери, сестры Евгенія, Елена и Лидія Николаевны «Стремляновы». Первая изъ нихъ—артистка Императорской балетной труппы; третья также служила въ балетѣ, но, выйдя замужъ, покинула сцену; вторая недавно окончила Елизаветинскій институтъ; ихъ братъ, Андрей Николаевичъ, самый младшій отпрыскъ семьи брата, только что окончилъ корпусъ. Послѣ сестры покойной, Елены Гавріиловны Подраменцевой, по мужу Соболевой, также служившей недолго на сценѣ Александринскаго театра, подъ фамиліей Стремляновой, остался двухлѣтній сынъ «Кока» Николай Николаевичъ), котораго покойная усыновила, воспитала и поставила на ноги. Въ настоящее время онъ занимаетъ административное мѣсто въ одномъ изъ корпусовъ. Много было у М. Г. и болѣе отдаленной родни.

А нуждающіеся артистки и артисты? Вѣдь дня не проходило, чтобы М. Г. кому-нибудь не помогла.

Но если у М. Г. не было капитала, то всевозможныхъ драгоцѣнныхъ вещей, брилліантовыхъ, золотыхъ, серебряныхъ, всевозможныхъ дорогихъ подношеній, картинъ (напримѣръ, Рѣпина) послѣ покойной осталось много.

Я помню, какъ однажды М. Г. написала духовное завѣщаніе... Это было въ Берлинѣ, куда мы ѣздили играть.—«А. И.»,—сказала мнѣ покойная,—«знайте, что у меня револьверъ въ карманѣ, если не будетъ здѣсь успѣха, я живая не вернусь!»... Но, какъ извѣстно, въ Берлинѣ у М. Г. былъ тріумфъ, и это завѣщаніе впослѣдствіи было ею уничтожено.

Это была безконечно добрая, но мятежная душа...

Когда собирали труппу въ поѣздку, она только и просила, чтобы пригласили молодежь, дабы она имъ могла «дать ходъ». Врядъ ли я ошибусь, если скажу, что три четверти артистовъ сдѣлали первые сценическіе шаги подъ ея поддержкой, съ ея легкой руки.

Возьмемъ хотя бы самого В. И. Давыдова... О Е. И. Рощиной-Инсаровой она три года говорила, г-жу Корчагину-Александровскую также пригласили по рекомендаціи М. Г. Савиной.

А сама она часто страдала на сценѣ... Такъ, однажды, запоздавъ, послѣ спектакля въ Кронштадтѣ, гдѣ она была затерта льдомъ, М. Г. была оштрафована Дирекціей, а былъ и такой случай, что она даже была лишена бенефиса...

Знаетъ ли кто, что когда была сильно больна покойная Коммиссаржевская, М. Г. сама дѣлала дома у себя какой-то особенный бульонъ, возила его къ больной артисткѣ и лично ее кормила!..

И находились люди, называвшіе ее «интриганткой»!.. Нѣтъ, пора сбросить завѣсу—и даже она уже сброшена, именно теперь: у всѣхъ нашихъ артистовъ что-то оборвалось въ сердцѣ, всѣ поняли, какого человѣка они потеряли въ незабвенной Маріи Гавріиловнѣ...

И вотъ почему, стоя у гроба почившей, на часахъ, съ такими блѣдными лицами, они вспоминаютъ всѣ годы, проведенные съ покойной, они теперь вполнѣ оцѣнили ее и знаютъ, что наслѣдство Савиной—безконечная, всегда тепливпаяся въ ея сердцѣ доброта!..

Б и н о к л ь.

Эта замѣтка перепечатана въ «Астраханскомъ Вѣстникѣ», 20—IX—1915, № 203.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ТЕАТРАЛА.

Убѣжище для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей превратилось въ музей М. Г. Савиной.

Со вчерашняго дня всѣ вѣнки, присланные на гробъ почившей артистки, развѣшены по стѣнамъ нижнихъ коридоровъ.

Живые цвѣты всѣ засушены.

Надъ среднимъ входомъ въ церковь повѣшенъ эффектный крестъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ, и по обѣимъ сторонамъ его—вѣнки, присланные высокопоставленными особами.

Дальше, слѣдуя извѣстной системѣ, развѣшены остальные вѣнки: отъ Александрипскаго театра, Театральнаго Общества, Лазарета артистовъ, гдѣ покойная лично работала.

Затѣмъ идутъ: опера, балетъ, Малый театръ, провинціальные театры, отдѣльные артисты, знакомые, друзья и т. д.

Всѣхъ вѣнковъ свыше ста.

* * *

— Я убѣжденъ, что Убѣжище для сценическихъ дѣятелей сдѣлается отнынѣ мѣстомъ паломничества,—сказалъ мнѣ режиссеръ Александрипскаго театра А. И. Долиновъ.—Сюда будутъ ѣздить спеціально на могилу Савиной. Она своей могилой какъ бы закрѣпила существованіе Убѣжища. Сегодня у насъ состоится засѣданіе Комитета труппы, на которомъ будетъ постановлено ходатайствовать о переименованіи Улицы Литераторовъ, на Карповкѣ, въ Улицу Савиной. А. Е. Молчановъ сказалъ мнѣ, что онъ строилъ домъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы онъ со временемъ могъ быть музеемъ Савиной...

Т е а т р а л ъ.

ЭСКИЗЫ И КРОКИ.

Какъ относилась М. Г. Савина къ В. Ѳ. Коммиссаржевской?

Въ опроверженіе упорной молвы, что Савина, въ бытность Коммиссаржевской на Императорской сценѣ, «интриговала» противъ нея и отбирала отъ нея чуть ли не всѣ роли, могу разсказать слѣдующій фактъ.

Когда, въ бенефисъ Е. И. Левкѣевой, ставили Чеховскую «Чайку», то бенефиціантка и А. С. Суворинъ, которому Чеховъ поручилъ распредѣленіе ролей въ своей пьесѣ, отдали роль Нины Зарѣчной М. Г. Савиной.

Однако, Савина наотрѣзъ отказалась играть эту роль, находя, что она болѣе подходитъ къ дарованію Коммиссаржевской.

Какъ ни противилась этому Левкѣева, Савина настояла на томъ, чтобы роль передали Коммиссаржевской.

Въ результатѣ, во время перваго представленія «Чайки», Савина сидѣла въ ложѣ и горячо аплодировала Коммиссаржевской.

Насколько Савина была далека отъ того, чтобы «затирать» Коммиссаржевскую, доказываетъ то, что въ той же «Чайкѣ» она хотѣла играть второстепенную роль Маши.

Петроградскій обозрѣватель.

Въ иллюстрированномъ приложеніи къ этому номеру помѣщены снимки: «Похороны Савиной»—1) «Выносъ тѣла изъ квартиры, 10-го сентября,—артисты-товарищи несутъ гробъ къ погребальной колесницѣ»; 2) «Литія на площади Александринскаго театра, запруженной публикой, пришедшей отдать послѣдній долгъ усопшей великой артисткѣ». «Къ кончинѣ М. Г. Савиной»—3) «Группа перваго состава заслуженныхъ артистовъ Императорскихъ театровъ—П. М. Медвѣдевъ, В. Н. Давыдовъ, К. А. Варламовъ, М. Г. Савина, Е. Н. Жулева»; 4) «М. Г. Савина въ кругу своихъ ученицъ».

14—IX—1915. **№ 252.**

ПАМЯТНИКЪ САВИНОЙ.

Бесѣда съ профессоромъ К. Е. Маковскимъ.

На похоронахъ М. Г. Савиной возникъ разговоръ о необходимости, по окончаніи войны, открыть подписку на сооруженіе памятника незабвенной артисткѣ.

Помимо громаднаго таланта покойной, она такъ много сдѣлала для русскаго театра, что память о ней должна сохраниться навѣки.

Что долженъ представлять собою памятникъ Савиной?

Должна ли это быть обыкновенная бронзовая статуя, или что-нибудь болѣе оригинальное, достойное такой незаурядной художницы, какой была «чародѣйка русской сцены»?

Это вопросъ, на который лучше всего могутъ отвѣтить художники.

Я обратился къ профессору К. Е. Маковскому, лично хорошо знавшему покойную и написавшему съ нея, очень давно, прекрасный портретъ.

— Я противъ бюстовъ и, вообще, противъ скульптурныхъ изображеній покойниковъ,—сказалъ К. Е.—Обыкновенно это превращается въ какое-то кривлянье, не дающее никакого представленія объ умершемъ. Лучше всего поставить большой черный мраморный крестъ и написать на доскѣ: Савина. Цѣлая галлерея памятниковъ, поставленныхъ въ Россіи, доказываетъ, что мы въ этой области далеко не отличаемся изобрѣтательностью. Посмотрите, какіе мастера на этотъ счетъ французы! Они умѣютъ то, что называется «захватить». А у насъ все это выходитъ тяжело. Во Франціи памятники артистамъ не составляютъ рѣдкости, и это объясняется тѣмъ, что французскіе артисты имѣютъ друзей среди художниковъ. Тамъ эти два міра живутъ почти нераздѣльно.

— Я очень хорошо зналъ Савину и она всегда плѣняла меня, какъ художника,—добавилъ К. Е. — Я зналъ ее съ перваго ея дебюта въ Александринскомъ театрѣ. Марія Гавріиловна въ молодости была очень изящной женщиной, но главное очарованіе ея состояло въ глазахъ. Портретъ, написанный мною съ покойной, вы, вѣроятно, у нея видѣли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я предложилъ М. Г. написать второй портретъ, но у нея не нашлось времени мнѣ позировать.

Р.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ТЕАТРАЛА.

Нѣсколько мыслей, высказанныхъ М. Г. Савиной:

Ревность артиста къ успѣху товарища всегда порождается не личной враждой, а самомнѣніемъ, присущимъ нашей средѣ. «Я лучше, я талантливѣе, я интереснѣе»—вотъ что, главнымъ образомъ, побуждаетъ артиста быть несправедливымъ къ товарищу.

Эти мысли были высказаны покойной артисткой въ тотъ періодъ, когда она вернулась изъ тріумфальной поѣздки въ Берлинъ и встрѣтила среди своихъ товарищей какое-то враждебное, злобное отношеніе.

— Вотъ уже сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ,—говорила М. Г.,—а я все вспоминаю объ этомъ съ тяжелымъ чувствомъ... Странное, непонятное, совершенно необычайное недоразумѣніе!

Нѣкоторые товарищи, по словамъ покойной, даже кланяться съ нею перестали!

Театралъ.

ЭСКИЗЫ И КРОКИ.

Про Савину, при ея жизни, ходило много недобросовѣстныхъ легендъ.

Ее обвиняли, напримѣръ, въ недоброжелательномъ отношеніи къ П. А. Стрепетовой.

Между тѣмъ, вотъ что разсказывала мнѣ Марія Гавріиловна.

Въ 1888 году И. Ф. Горбуновъ рѣшилъ поставить въ свой бенефисъ «Грозу» и просилъ Савину играть Катерину. Савина наотрѣзъ отказалась, заявивъ, что Катерина принадлежитъ къ репертуару Стрепетовой, и она поступила бы не по-товарищески, отнимая у нея роль. Отказъ Савиной такъ огорчилъ Горбунова, что съ нимъ, во время репетиціи, сдѣлался ударъ.

— Что мнѣ было дѣлать?—разсказывала М. Г.—Я чувствовала себя виноватой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не знала, какъ мнѣ поступить: отказаться—обидѣть Горбунова, согласиться—обидѣть Стрепетову...

На слѣдующій день Савина придумала созвать товарищескій совѣтъ, предоставивъ ему рѣшеніе своей судьбы.

Въ уборной у М. Г. собрались: А. А. Потѣхинъ, Писаревъ, Сазоновъ, Далматовъ, Давыдовъ и Ѳедоровъ-Юрковскій.

Большинствомъ голосовъ Савина была «приговорена» играть «Грозу», но играла ее только одинъ разъ...

Петроградскій обозрѣватель.

15—IX—1915. № 253.

ЭСКИЗЫ И КРОКИ.

Какъ ни аккуратна была М. Г. Савина, но однажды Дирекція оштрафовала ее, да еще въ размѣрѣ годового оклада.

Случилось это давно. Въ Александринскомъ театрѣ должна была идти «Симфонія» М. И. Чайковскаго. Вдругъ публикѣ, переполнившей театръ, объявляютъ, что, «по независящимъ отъ Дирекціи обстоятельствамъ», вмѣсто «Симфоніи» пойдетъ «Доходное мѣсто».

— Г-жа Савина замерзла въ Кронштадтѣ, — объясняли любопытнымъ капельдинеры.

Дѣло было въ томъ, что наканунѣ М. Г. дѣйствительно поѣхала въ Кронштадтъ играть въ благотворительномъ спектаклѣ. Но на слѣдующій день поднялась страшная буря, ледъ въ одну ночь сталъ на полтора вершка, и артистка никакъ не могла выбраться въ Петербургъ. Телеграфная проволока была сорвана бурей, и нельзя было даже увѣдомить Дирекцію о несчастьѣ. Только на третій день М. Г. попала въ Петербургъ.

Возмущенный поступкомъ артистки, министръ Императорскаго Двора отдалъ приказъ оштрафовать Савину въ размѣрѣ годового оклада.

Но когда министру стали извѣстны всѣ обстоятельства, задержавшія М. Г. въ Кронштадтѣ, онъ немедленно сложилъ съ нея штрафъ.

Петроградскій обозрѣватель.

17—IX—1915. № 255.

ЭСКИЗЫ И КРОКИ.

На похоронахъ М. Г. Савиной присутствовало много балетныхъ артистокъ и артистовъ, въ томъ числѣ бывшая балерина В. А. Трефилова. М. Г. Савина была крестной матерью В. А. Трефиловой.

Между прочимъ, она находила у В. А. большія способности къ драмѣ и нерѣдко говорила о ней:

— Вотъ моя будущая замѣстительница!

Когда въ Александринскомъ театрѣ ставили «Власть тьмы», то, по желанію М. Г. Савиной, на генеральной репетиціи Анютку играла г-жа Трефилова, бывшая тогда еще воспитанницей Театральнаго Училища.

— Марія Гавріиловна непремѣнно хотѣла, чтобы я поступила въ драму,—разсказывала мнѣ В. А.,—но меня больше тянуло къ балету, и я не послушалась ее...

Любопытно, что сама Савина въ дѣтствѣ мечтала быть не актрисой, а балериной... Она цѣлыми часами не отходила отъ зеркала, подражая прыжками и тѣлодвиженіями танцовщицамъ...

Петроградскій обозрѣватель.

Въ иллюстрированномъ приложеніи къ этому номеру помѣщенъ снимокъ: «Похороны М. Г. Савиной— гробъ усопшей артистки несутъ на рукахъ изъ церкви къ могилѣ».

20—IX—1915. № 258.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ТЕАТРАЛА.

Ни про одну изъ русскихъ артистокъ не сочиняли столько легендъ, сколько про М. Г. Савину.

Когда М. Г. гастролировала въ Берлинѣ, то одинъ изъ мѣстныхъ журналистовъ серьезно обратился къ ней съ вопросомъ:

— Разскажите, пожалуйста, какъ на васъ напали черкесы въ Тифлисѣ?

— Ничего подобнаго со мною не было,—отвѣтила М. Г.

— А какъ вы тонули въ Ледовитомъ океанѣ?

Кажется, съ тѣхъ поръ Савина возненавидѣла «интервьюеровъ».

— «Интервью» самое ненавистное для меня занятіе,—говорила покойная.

Театралъ.

25—IX—1915. № 263.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ТЕАТРАЛА.

Какъ умираютъ на сценѣ?

Многіе, конечно, еще не забыли, какъ реально умирала Савина въ «Татьянѣ Рѣпиной». Артистка давала цѣлую клиническую картину отравленія: спазмы, корчи, колики, рвоту... Всѣ, видѣвшіе Савину въ «Татьянѣ Рѣпиной», вѣроятно, были увѣрены, что она спеціально наблюдала случаи смерти отъ отравленія. Ничего подобнаго.

Припоминаю разговоръ съ Маріей Гавріиловной по этому поводу:

— Я никогда не ходила въ больницы и никогда не дѣлала наблюденій надъ умирающими,— говорила мнѣ М. Г.—Да и зачѣмъ это, если каждый врачъ можетъ нарисовать вамъ полную картину смерти отъ любого случая?.. Я такъ и дѣлала постоянно: обращалась за указаніями къ врачамъ...

М. Г. разсказала мнѣ, какъ, умирая однажды отъ разрыва сердца (въ «Нищихъ духомъ»), она упала и вывернула назадъ руку, послѣдствіемъ чего былъ разрывъ мышечныхъ связокъ. М. Г. двѣ недѣли пролежала въ постели, съ повязкой.

Театралъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

М. Г. Савина разсказывала о первомъ годѣ своего пребыванія въ Петербургѣ. Какой-то неизвѣстный авторъ желалъ прочесть ей пьесу. Савина пригласила артистовъ и знакомыхъ, и чтеніе состоялось у нея на квартирѣ. Пьеса оказалась ужасной и читалъ ее авторъ пять часовъ. Присутствовавшій актеръ И. И. Монаховъ старался прервать чтеніе, замѣчая, что содержаніе и идея пьесы вполнѣ выяснились, но ничто не помогло. Всѣ фыркали, сдерживая по возможности смѣхъ. По словамъ М. Г. Савиной, за всю ея сценическую дѣятельность подобной пьесы и подобнаго чтенія больше не повторялось. Монаховъ написалъ стихи, посвященные прекрасно проведенному вечеру.

КЪ УВѢКОВѢЧЕНІЮ ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Мысль о томъ, что нужно издать переписку Савиной или, вѣрнѣе, ту часть этой переписки, которая касается театра, литературы и взглядовъ знаменитой артистки на искусство, встрѣчаетъ среди артистическаго міра полное сочувствіе.

РУКА М. Г. САВИНОЙ.

Существуетъ слѣпокъ съ кисти руки М. Г. Савиной. Этотъ слѣпокъ принадлежитъ извѣстному присяжному повѣренному въ Петроградѣ. Вѣроятно, эта вещь попадетъ въ музей М. Г. Савиной.

27—IX—1915. № 265.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ТЕАТРАЛА.

См. т. 1, стр. 120.

28—IX—1915. № 266.

ЭСКИЗЫ И КРОКИ.

Савина и художники.

Насколько мнѣ помнится, Марія Гавріиловна не любила или, вѣрнѣе, не имѣла времени позировать художникамъ. Лучшій портретъ съ нея написалъ К. Е. Маковскій, но когда года

два тому назадъ онъ вторично предложилъ артисткѣ позировать, она поблагодарила его за любезность и отказалась, сославшись на недостатокъ времени.

Довольно недурной портретъ покойной написалъ еще французскій художникъ Беккеръ, маленькій человѣкъ, очень похожій на Наполеона.

Портретъ работы Браза, сдѣланный по заказу «Ежегодника Императорскихъ театровъ», совершенно не передаетъ характера покойной.

Изъ скульпторовъ очень удачную статуэтку съ М. Г. вылѣпилъ г. Фредманъ-Клюзель. Артистка стоитъ въ своей любимой позѣ—опершись колѣномъ на стулъ.

Пробовалъ лѣпить покойную г. Аронсонъ, но, кажется, такъ и не кончилъ своей работы.

М. Г. усердно собирала всѣ карикатуры на себя, но жаловалась, что карикатуристы всегда дѣлаютъ изъ нея «какую-то Левкѣеву»...

Петроградскій обозрѣватель.

29—IX—1915. № 267.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Актеръ А. З. Бураковскій напечаталъ однажды страничку воспоминаній о М. Г. Савиной, съ которой онъ въ юности служилъ вмѣстѣ, и сообщилъ, между прочимъ, что М. Г. выступала подъ фамиліей, напоминающей итальянскую. Онъ затѣмъ привелъ эту фамилію.

— Боже мой! Что онъ нагородилъ!—возмущалась М. Г.—Никогда въ жизни я не выступала подъ этой фамиліей.

М. Г. Савина задумалась и послѣ паузы произнесла:

— Если при жизни обо мнѣ такъ вспоминаютъ, какъ же будутъ вспоминать послѣ моей смерти!

1—X—1915. № 269.

Въ иллюстрированномъ приложеніи къ этому номеру помѣщено: 1) «Къ кончинѣ знаменитой артистки—М. Г. Савина среди труппы, съ которой она гастролировала въ 1887 году по Кавказу, по Волгѣ и въ южной Россіи»; 2) «М. Г. Савина—скульптура Б. О. Фредмана-Клюзеля».

17—X—1915. № 285.

М. Г. САВИНА.

Пролетѣло сорокъ дней со времени кончины незабвенной артистки. Каждый день о Маріи Гавріиловнѣ вспоминаютъ артисты, печать и публика. За послѣдніе годы особенно трогательно было отношеніе М. Г. къ молодежи, которую она подготовляла къ сценѣ.

Савина вникала въ нужды этой молодежи, подыскивая ей мѣста въ провинцію и благословляя на самостоятельную дѣятельность.

N. пришелъ послѣ окончанія Школы, проститься съ М. Г. и поблагодарить за ангажементъ, который она устроила ему.

— Съ Богомъ, поѣзжайте, N... А на дорогу у васъ деньги цѣлы? Получили дорожныя?—интересовалась Савина.

— Получилъ, да...

— Да растратили... Ну, вотъ вамъ (она сунула ему немножко денегъ). Поѣзжайте... А гардеробъ есть?

— Есть, кое-что... На мѣстѣ закажу.

— Фракъ-то есть?

— Нѣту, Марія Гавріиловна... фрака еще нѣтъ!

— Какъ же аристократію-то собираетесь изображать! Ну, съ Богомъ... Тамъ увидимъ.

Черезъ двѣ недѣли N. получилъ посылку съ фрачной и сюртучной парами, которыя оставалось только передѣлать. М. Г. у кого-то выпросила это платье.

Начинающей актрисѣ Z., она, передъ отъѣздомъ служить въ провинціи, подарила нѣсколько своихъ туалетовъ, добавивъ, чтобы та не обидѣлась:

— Разбогатѣете, будете получать большіе оклады... сочтемся!

Такихъ примѣровъ можно разсказать много.

20—X—1915. № 288.

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Три могилы.

Все панихиды, да панихиды. Такой годъ. Все время я вижу огонь восковыхъ свѣчъ,—не радостный, праздничный, а погребальный. Лица людей озарены днемъ, пасмурнымъ сѣвернымъ днемъ, огнемъ вечернимъ, озарены не сверху, какъ падаютъ солнечные лучи, а снизу, потому что свѣчу держатъ въ рукахъ. И мнѣ невольно вспоминается Пушкинъ:

Поминутно мертвыхъ носятъ
И стенанія живыхъ,
Боязливо Бога просятъ
Упокоить души ихъ...

Я не говорю о тѣхъ, кто палъ въ бояхъ съ нашими врагами, кто во имя великой идеи государственности умеръ, защищая свой очагъ, свою жену и дѣтей. Я говорю о тѣхъ, кто скошенъ смертью по какимъ-то невѣдомымъ законамъ, кто ушелъ куда-то въ безвѣстную даль, откуда никто не возвращался. Куда,—никто не знаетъ. Да, можетъ быть, и лучше, что мы не знаемъ. Еѣли бы знали мы и день нашей смерти, и то, что ожидаетъ нашъ духъ за чертой земной жизни, это едва ли бы помогло нашему счастью. Едва ли меньше бы лилось слезъ на похоронахъ и въ укромныхъ тайныхъ углахъ нашихъ жилищъ. Торжество смерти, устраивающей свой праздникъ изъ груды погубленныхъ ею жертвъ,—какой красивый образъ у англійскаго поэта!—кажется такимъ ужаснымъ для оставшихся въ живыхъ, и они смутно видятъ сквозь затуманенные глаза, что

могилы межъ собой,
Какъ испуганное стадо,
Жмутся тѣсной чередой.

На пространствѣ нѣсколькихъ недѣль мы разстались съ Варламовымъ, Савиной и Константиномъ Маковскимъ. Эти три фигуры такъ вошли въ обиходъ нашей жизни, что намъ точно чего недоставало, когда подолгу мы не видѣли ихъ. Высокая, стройная, несмотря на свои годы, фигура художника мелькала то на Невскомъ, то на художественныхъ выставкахъ, то въ театрахъ Парижа, то на берегахъ Средиземнаго моря. Мы полстолѣтія привыкли его встрѣчать—веселаго, жизнерадостнаго, вѣчно загорающагося, вѣчно кипящаго, когда разговоръ касался принциповъ искусства. А теперь его нѣтъ; какая-то нелѣпая случайность, какая-то испугавшаяся извозчичья лошадь, какой-то мужикъ, загрязнившій его рану,—и мы его лишаемся. Мы привыкли видѣть сорокъ лѣтъ подъ рядъ на сценѣ Александринскаго театра Савину. Тѣ, кто помнитъ ея дебюты, ея первые шаги, теперь уже старики. Съ сѣдыми бородами и палками они ходятъ уже тяжело и какъ-то непріязненно смотрятъ на чуждое имъ молодое поколѣніе. Отъ Савиной вѣяло на сценѣ чѣмъ-то далекимъ-далекимъ,—тою молодостью и весною жизни, которая ушла и не вернется. Да и на самой Савиной уже приближающаяся зима сказывалась, но сквозь ея налетъ старые театралы видѣли, что хотѣли видѣть,—

остатки прежняго благоухающаго лѣта, которое было дорого имъ, какъ дорого все хорошее, минувшее.

Къ смерти Варламова всѣ, знавшіе его, были приготовлены гораздо больше. Онъ хворалъ давно. Болѣзненный, нервный съ дѣтства, обезображенный оспой, въ двѣнадцать только лѣтъ научившійся читать, онъ недомогалъ всю жизнь. Всегда говорили ему врачи, что у него слабое сердце, что ему нельзя вести такую жизнь, какую онъ велъ, что каждое лѣто онъ долженъ серьезно лечиться. Но ему скучно было сидѣть на діетѣ,—онъ съ грустью вспоминалъ о курникахъ, поросятахъ, и, слегка подлечившись, снова возвращался къ прежнему образу жизни. Я помню, какъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ его лечили на Кавказѣ, и докторъ, пользовавшій его, говорилъ:

— Ваша толщина нездоровая, неестественная; больше движенія, больше моціона; вы еще не стары,—ѣздите верхомъ больше, чаще: это вамъ полезнѣе и пріятнѣе будетъ всякихъ массажей и гимнастики.

Онъ только разъ и поѣздилъ верхомъ, а потомъ бросилъ и говорилъ:

— Мнѣ лошадокъ жалко, я такой тяжелый, еще спину имъ продавлю.

У Варламова всегда была слабая память, но въ послѣднее время онъ совсѣмъ не могъ учить ролей и выученное забывалъ. Постоянныя заболѣванія заставляли его по цѣлымъ недѣлямъ не покидать кровати, и во всѣхъ почти его роляхъ имѣлись дублеры. Старикъ думалъ, что его обѣгаютъ, и горько жаловался, что его не цѣнятъ. А что же дѣлать, если съ его болѣзнями надо было больше считаться, чѣмъ съ его талантомъ. Доктора говорили, что чаще двухъ разъ въ недѣлю его нельзя занимать. Поѣздки, съ усиленнымъ напряженіемъ ежедневной игры, повліяли на его преждевременную смерть...

И самъ Варламовъ готовъ былъ къ своему концу. Но о своемъ близкомъ концѣ не думали ни Савина, ни Маковскій. За нѣсколько часовъ до смерти Савина говорила еще о будущихъ роляхъ, заботилась о нихъ, но сознавала, что больна серьезно, и писала еще 7-го сентября: «Пятыя сутки лежу въ постели и, должно быть, пролежу еще долго».

Константину Егоровичу, несмотря на его возрастъ, приближавшійся къ восьмидесяти годамъ, казалось, судьба сулила долгую жизнь. Что же, вѣдь Тиціанъ дожилъ до глубокой старости. Но и онъ, по роковымъ законамъ міровой судьбы, пошелъ вслѣдъ за Варламовымъ и Савиной въ невѣдомый путь.

И предъ нами три могилы трехъ большихъ нашихъ современниковъ. Ужасы войны и скорбь переживаемой нами эпохи какъ-будто нѣсколько ослабили впечатлѣніе этихъ смертей. Мы ко всему готовы, скорѣе, чѣмъ когда-нибудь. Но все-таки такъ остро и больно чувствуется горечь утраты...

П. Гнѣдичъ.

12—XI—1915. № 311.

УЛИЦА ЛИТЕРАТОРОВЪ.

Статья П. П. Гнѣдича.

См. т. I, стр. 148—149.

ПЕТРОГРАДСКІЙ КУРЬЕРЪ.

(Петроградъ).

9 IX 1915. № 585.

† М. Г. САВИНА.

Вѣсть о кончинѣ, болѣзнь и послѣднія минуты.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Смерть безпощадна къ Александринскому театру: не успѣло еще улечься волненіе, вызванное смертью К. А. Варламова, еще не притупилась острота горя, причиненнаго намъ потерею этого свѣтлаго, лучезарнаго таланта, какъ прогремѣлъ новый ударъ: въ $5^1/_2$ часовъ ночи на 8-е сентября внезапно отъ разрыва сердца скончалась Марія Гавріиловна Савина. Какъ тать въ нощи, подкралась смерть, занесла свою губительную руку—и вотъ:

Елей пролитъ, разбита чаша жизни,
Намъ черепки презрѣнные остались—
Для хвастовства!..

О, плачьте, горько плачьте, вы не увидите больше той, чья жизнь вся безъ остатка была однимъ служеніемъ прекрасному, огнями блистающему, искусству актера! Изъ короны Александринскаго театра костлявый воръ, оскаливъ ротъ, выкралъ одно изъ лучшихъ ея украшеній—жемчужину... Одна лишь жемчужина была въ этой коронѣ посреди другихъ самоцвѣтныхъ камней, отливавшая таинственнымъ блескомъ, плѣнявшая взоръ неизъяснимо прекрасной формой,—и ту жемчужину костлявый воръ укралъ... О, плачьте, горько плачьте, вамъ долго придется ждать, пока геній жизни вставитъ на пустое мѣсто новую драгоцѣнность...

Вся жизнь М. Г. Савиной была посвящена театру. А она была долгая, эта жизнь. Огонекъ ея, какъ у всѣхъ людей, сначала тихій, ясный, мерцающій, вспыхнулъ 30-го марта 1854 г. въ семьѣ Гавріила Николаевича Подраменцева, служившаго преподавателемъ рисованія въ гимназіи въ Каменецъ-Подольскѣ. Но отецъ будущей знаменитой артистки недолго довольствовался скромной ролью провинціальнаго учителя. Увлекаемый страстью къ театру, онъ поступилъ на сцену и окунулся въ омутъ актерскаго скитальчества вмѣстѣ со всей своей семьей, принявъ фамилію Стремлянова. Такимъ образомъ, все дѣтство М. Г. Савиной прошло, обвѣянное атмосферой сценическаго искусства. Когда ей исполнилось шесть лѣтъ, Стремляновъ переѣхалъ съ семьей въ Одессу, вступивъ на службу въ Городской театръ. Здѣсь М. Г. Савина получила свое образованіе, сперва въ пансіонѣ, потомъ въ гимназіи, и здѣсь же совершилось то, что подарило русскому театру одно изъ лучшихъ его украшеній впослѣдствіи и о чемъ М. Г. Савина такъ разсказываетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»:

«Въ Одессѣ я впервые вошла въ театръ, сначала зрительницей, а затѣмъ и актрисой. Здѣсь совершилось мое посвященіе искусству, которое затѣмъ постоянно замѣняло мнѣ путеводную звѣзду, которому я отдалась всѣмъ существомъ, выбравъ девизомъ, цѣлью моего существованія три слова:

«Сцена—моя жизнь».

Можетъ ли что-нибудь быть возвышеннѣе этого идеала для актера? Нѣтъ, и М. Г. Савина доказала это всей своей дѣятельностью.

16-го августа 1869 г., т.-е. всего 15-ти лѣтъ, М. Г. Савина уже дебютировала на сценѣ, какъ профессіональная артистка, выступивъ въ роли Глашеньки въ водевилѣ «Бѣдовая бабушка». Было это въ городѣ Минскѣ. И сразу опредѣлился несомнѣнный талантъ юной артистки, ибо, несмотря на свое скромное положеніе въ труппѣ, М. Г. Савиной удалось выдѣлиться и завоевать симпатіи публики.

А затѣмъ потекла ея жизнь по колеѣ, обычной для русскаго актера: изъ города въ городъ, изъ театра въ театръ; мелькаютъ тутъ Смоленскъ, Харьковъ, Калуга, Нижній-Новгородъ,

Казань, Орелъ, Саратовъ, быстро смѣняютъ другъ друга свѣтъ и тѣни актерской жизни—и каждый городъ оставляетъ по себѣ неизгладимыя воспоминанія. Въ Харьковѣ молодая артистка выходитъ замужъ за Н. Н. Савина, игравшаго въ той же труппѣ роли первыхъ любовниковъ; въ Казани, въ сезонѣ 1870—1871 гг., Савина выступаетъ въ труппѣ П. М. Медвѣдева, считавшейся о ту пору лучшей во всей провинціи, и быстро завоевываетъ себѣ первое мѣсто среди крупныхъ звѣздъ сцены. Саратовскимъ сезономъ 1873—1874 гг. заканчивается провинціальный періодъ дѣятельности М. Г. Савиной. Далѣе, слѣдуютъ двѣ знаменательныя даты. 17-го марта 1874 г. М. Г. Савина, пріѣхавшая въ Петербургъ, выступаетъ на сценѣ Благороднаго Собранія въ пьесѣ Антропова «Блуждающіе огни», на нее обращаютъ вниманіе—и 9-го апрѣля того же года она дебютируетъ въ Александринскомъ театрѣ ролью Кати изъ комедіи «По духовному завѣщанію».

Такимъ образомъ, дѣятельности М. Г. Савиной въ Александринскомъ театрѣ насчитывается 41 годъ, а всей ея службѣ сценическому искусству—46 лѣтъ.

Какая прекрасная прожита жизнь!.. Вступивъ на нашу образцовую сцену, М. Г. Савина скоро заняла на ней первое мѣсто, скоро сродилась съ Александринскимъ театромъ, связалась съ нимъ такими неразрывными узами, которыя могла уничтожить только смерть. Александринскій театръ и Савина стали синонимами. Безконечное количество ролей переиграла М. Г. Савина; были тутъ роли драматическія и комическія, крупныя и мелкія, очень художественныя и вполнѣ обратныя, русскаго репертуара и иностраннаго—и вездѣ М. Г. Савина утверждала торжество актрисы, торжество глубоко индивидуальной личности. Всегда она могла сказать зрителю:

— Не все ли вамъ равно, «что» я играю? Смотрите, «какъ» я играю!..

И она была права, эта Божіей милостью актриса, потому что дѣло не въ масштабѣ роли и не въ ея характерѣ, потому что красота можетъ скрываться тамъ, гдѣ раньше ея присутствія никто не замѣчалъ, и потому что всякій матеріалъ въ рукахъ настоящаго художника—кладъ. Вотъ кусокъ совершенно простого дерева. Художникъ беретъ и превращаетъ его въ красивое произведеніе искусства. Вспомните деревянныя скульптуры Коненкова. Нѣчто въ этомъ родѣ напоминаетъ собою творчество М. Г. Савиной. Сколько разъ бывало, что роль, за которую бралась Савина, сама по себѣ ничего не значила. Но Савина играла—и роль горѣла ослѣпительнымъ блескомъ, потому что дивная артистка здѣсь творила нѣчто свое, совершенно новое; она сообщала роли такія краски, которыя и во снѣ не снились автору, даже если онъ, сочиняя пьесу, думалъ все время о Савиной. И эти краски тускнѣли, исчезали вовсе, какъ только Савина переставала играть роль, забывалась совершенно и сама пьеса, оставался въ памяти лишь тотъ образъ, который создавала Савина. Это были какія-то вдохновенныя импровизаціи; артисткѣ давалась грубая канва, а ужъ какіе она цвѣты на ней вышивала, этого никто видѣвшій никогда не забудетъ. И большой вопросъ: для того, чтобы могъ торжествовать талантъ Савиной, что важнѣе—пресловутый ли «Сорванецъ» Виктора Крылова, на который принято показывать пальцами, какъ на образецъ сквернѣйшей пьесы, изъ какихъ одно время сформировывался репертуаръ Александринскаго театра, или какая-нибудь современная пьеса, безконечно умная, но совершенно мертвая для актера, ибо ему нечего тутъ дѣлать,—жизни нѣтъ, типовъ нѣтъ, живыхъ людей нѣтъ, есть просто нудныя слова, которыя зачѣмъ-то облечены въ шиджакъ или корсажъ?.. Большой вопросъ!.. Ибо яркій, исключительный по силѣ сценическій талантъ имѣетъ право на самостоятельное существованіе, на «свое царство», на то, чтобы любовались только имъ, ему радовались и ему улыбались, а не тѣмъ сплошь и рядомъ прописнымъ истинамъ, которыя разсѣяны въ пьесѣ и на другой же день забываются.

По отношенію къ Савиной оно такъ всегда и было. Всегда вы могли услышать:

— Мнѣ все равно, что даютъ сегодня въ театрѣ. Я иду смотрѣть Савину.

Смотрѣть Савину было блаженствомъ, и напрасно суровые ригористы ворчали:

— У насъ ходятъ въ театръ не для пьесы, а для исполнителей.

Очень ли это дурно? Отнюдь нѣтъ, потому что вѣдь ходятъ для исполнителей и только ради нихъ, когда эти исполнители—великаны, когда ихъ талантъ сплошь и рядомъ перевѣши-

власть то, надъ чѣмъ онъ оперируетъ. Красота сценическаго творчества самодовлѣющаа и могуче дѣйствуетъ на человѣческую душу, порабощая ее; лучшими мгновеніями, пережитыми въ театрѣ, мы гораздо чаще обязаны великимъ актерамъ, чѣмъ литературнымъ произведеніямъ, и актрисѣ больше, чѣмъ актеру, потому что актриса-женщина олицетворяетъ собою великую любовь, великую красоту человѣчества, безъ которой пусть и теменъ былъ бы міръ. Савина была одной изъ такихъ избранницъ-актрисъ. Шли годы, цѣлое поколѣніе родилось, выросло, достигло середины жизненнаго пути, состарило свою душу, а Савина играла и играла, и можно было быть увѣреннымъ, что ужъ она-то души своей не состарила, иначе потеряла бы свои чары. Да такъ оно и было! Душа была молодою, когда ея носительница впервые шагнула на сценическіе подмостки, оставалась молодою и тогда, когда М. Г. Савина, переставъ играть молодыхъ дѣвушекъ, перешла на роли пожилыхъ женщинъ. Какая безконечная вереница женскихъ образовъ пронеслась передъ нашими глазами! М. Г. Савиной мы обязаны многими часами незабываемаго наслажденія строгой гармоничной красотой, гдѣ каждый жестъ и всякое движеніе, каждое произнесенное слово, сегодня комическое, завтра трагическое, взглядъ мерцающихъ глазъ, полныхъ удивительной жизненной силы, заразительный смѣхъ и слезы, перехватывающія горло,—все было до конца прекрасно, незабываемо, незамѣнимо, неподражаемо, все сплеталось въ роскошный вѣнокъ сценическаго творчества, все пѣло гимнъ, въ которомъ лейтъ-мотивомъ звучало лишь одно:

— Да здравствуетъ актриса!

И вотъ теперь этой актрисы, Маріи Гавріиловны Савиной, больше нѣтъ...

Э. Старкъ.

Эта статья перепечатана въ «Голосѣ Самары», 17—X—1915, № 222.

12—IX—1915. № 588.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ДНЕВНИКЪ.

Жуткая запись въ исторію русскаго театра, неизбывно грустная страница нашихъ театральныхъ дней—можетъ ли она умѣститься въ скорбныхъ рамкахъ театральнаго дневника?

Когда говоришь—

Умерла Савина!

Не сказано ли этимъ все, не охвачено ли этимъ что-то такое большое, что никакой мѣркой сегодняшняго дня, теперь, въ данный моментъ ни за что не измѣрить, не счесть.

И когда думаешь—

Савиной нѣтъ!

Можно ли осознать все значеніе этого «нѣтъ», въ которомъ такъ ярко, съ такой убѣдительностью сочетались для насъ:

Небытіе великой артистки съ безсмертіемъ ея еще болѣе великой души—неизсякаемаго родника творческихъ силъ.

Въ теченіе полувѣка черпала изъ своего родника Марія Гавріиловна Савина.

И все же: остался до самыхъ послѣднихъ дней обильнымъ и свѣжимъ источникъ неисчислимыхъ богатствъ ея, столь щедро расточавшихся въ служеніи жизни, искусству и религіи.

И когда сказалъ на панихидѣ священникъ:

Предъ нами не трупъ, а храмъ. Опустѣвшій храмъ, въ которомъ жила великая душа.

Въ этихъ словахъ не было ничего для насъ новаго, неожиданнаго.

Разрушенный храмъ! Не повлечетъ ли онъ, не повлекъ ли онъ уже за собою новую грядущую катастрофу?

Не рушится ли со смертью М. Г. Савиной одинъ изъ храмовъ Мельпомены—Александринскій театръ?

Александрінскій театръ, плоть и духъ, основная и, казалось, вѣковѣчная идея котораго умерла вмѣстѣ съ тѣломъ великой русской артистки.

Л. К.

ПЕТРОГРАДСКІЙ ЛИСТОКЪ.

(Петроградъ).
9—IX—1915. № 247.

Портретъ М. Г. Савиной.

ПОМЕРКЛО ЯРКОЕ СВѢТИЛО...

КОНЧИНА М. Г. САВИНОЙ.

Померкло яркое свѣтило въ созвѣздіи театральнаго міра. Труппа Императорскаго Александринскаго театра навѣки лишилась самой выдающейся по таланту и разнообразію дарованія заслуженной артистки Маріи Гавріиловны Савиной, скончавшейся въ пять часовъ ночи на 8-е сентября отъ быстро осложнившагося воспаленія легкихъ.

Савина умерла, и всѣ почитатели таланта сразу понимаютъ, какъ велика потеря истыхъ театраловъ русскаго сценическаго искусства, русской драматической литературы. Кто можетъ теперь замѣнить нынѣ покойную высокодаровитую артистку-художницу? Чье имя обладаетъ такими магнитными качествами, которыя влекли бы въ театръ такъ сильно, какъ одно имя на афишѣ М. Г. Савиной? Укажите намъ артистку, которая съ одинаковымъ успѣхомъ играла бы въ сильной драмѣ, въ салонной серьезной и легкой комедіи, въ бытовыхъ характерныхъ и водевильныхъ роляхъ! Такой пока нѣтъ... На амплуа Савиной надо нѣсколько артистокъ...

Дирекція во время болѣзни М. Г. разновременно по необходимости поручала ея роли другимъ артисткамъ, но онѣ своей копировальной игрой напоминали только свѣтъ зарницы... Многія пьесы приходилось совсѣмъ снять съ репертуара, такъ какъ, кромѣ Савиной, художественно создававшей въ нихъ безсмертные типы и характеры, никто изъ труппы образцоваго театра не могъ конкурировать съ нею.

М. Г. родилась въ Каменецъ-Подольскѣ 30-го марта 1854 года.

Отецъ ея, Г. Н. Подраменцевъ, былъ учителемъ рисованія и часто игралъ на сценѣ подъ фамиліей Стремлянова. Въ концѣ 50-хъ годовъ онъ всецѣло отдался театру и кочевалъ вмѣстѣ съ драматическими труппами по югу Россіи.

Первый дебютъ М. Г. на драматической сценѣ состоялся въ 1862 году, когда она 8-лѣтней дѣвочкой появилась въ драмѣ «Эсмеральда», поставленной въ Одесскомъ Городскомъ театрѣ.

Съ 15-лѣтняго возраста Савина всецѣло отдалась театру и стала выступать почти ежедневно. Сама М. Г. считала, что артистическая ея карьера началась въ августѣ 1869 года.

Первое время она играла вмѣстѣ съ отцомъ, дебютируя въ водевилѣ «Бѣдовая бабушка», въ роли Глаши.

Савина вошла въ Александринскій театръ въ 1874 году и безсмѣнно царила на его сценѣ сорокъ одинъ годъ. Вотъ почему она во всѣхъ смыслахъ вполнѣ заслуженная артистка.

За этотъ долгій срокъ службы на тернистомъ пути драматической артистки, играя передъ высокопоставленными лицами, передъ извѣстными строгими цѣнителями и судьями изъ разныхъ слоевъ общества, передъ театралами всевозможныхъ національностей и профессій, Савина сумѣла останавливать на себѣ всеобщее вниманіе, вызывать своей яркой, выдержанной игрой бурныя овацiи, единодушные аплодисменты, восторженные отзывы въ печати.

Только одна Савина, при разнообразіи ея крупнаго дарованія, при ея сценическихъ данныхъ, при ея энергіи и безспорной любви къ театру (девизъ артистки: «Сцена—моя жизнь»), могла сыграть такое огромное количество ролей, самыхъ разнообразныхъ по характеру, колориту и насыщенности ихъ содержанія.

Въ долгіе годы своей дѣятельности въ казенномъ театрѣ Савина съ нарастаніемъ ея лѣтъ постепенно мѣняла амплуа. Совсѣмъ молодая она играла инженю, подростковъ, молодыхъ кокетокъ (героинь), затѣмъ женщинъ «Бальзаковскаго возраста», а подъ конецъ ея жизни артистка перешла на амплуа матерей, грандъ-дамъ и драматическихъ старухъ. Ей приходилось играть сначала Софью въ «Горе отъ ума», затѣмъ—Наталью Дмитріевну, а въ «Ревизорѣ»—разновременно, конечно, дочь и жену городничаго.

Напомнимъ поклонникамъ Савиной ея репертуаръ. Въ салонныхъ драмахъ, комедіяхъ и пьесахъ-шуткахъ лучшія роли ея были въ пьесахъ Гоголя, Грибоѣдова, Островскаго, Л. Толстого, Тургенева, Ал. и Ник. Потѣхина, Шпажинскаго, Антропова, Дьяченко, Гончарова, Писемскаго, Чехова, П. Гнѣдича, Вл. Немировича-Данченко, Суворина, Пальерона, Ибсена, Бьернсона, Дюма, Зудермана: «Ревизоръ», «Горе отъ ума», «Таланты и поклонники», «Волки и овцы», «Дикарка», «Свѣтитъ, да не грѣетъ», «Бѣшеныя деньги», «Цѣна жизни», «Золото», «Первая муха», «Завоеванное счастье», «Блуждающіе огни», «Испорченная жизнь», «Самородокъ», «Мишура», «Виноватая», «Милліонъ» (князя Мещерскаго), «Зима», «Ранняя осень», «Ольга Ранцева» (Маркевича), «Ивановъ» (Чехова), «Ницціе духомъ», «Исторія одного увлеченія», «Татьяна Рѣпина», «Мѣсяцъ въ деревнѣ», «Симфонія» (М. Чайковскаго), «Обрывъ», «Блестящая партія», «Медвѣдь», «Родина», «Общество поощренія скуки», «Идеальная жена», «Перчатка» (Бьернсона) и др.

Изъ бытовыхъ и характерныхъ ролей репертуара Савиной назовемъ пьесы: «Маіорша», «Чародѣйка», «Въ старые годы», «Бѣдная невѣста», «Гроза», «Невольницы», «Воспитанница», «На всякаго мудреца довольно простоты», «Сердце не камень», «Женитьба Бѣлугина», «Злоба дня», «Выгодное предпріятіе», «Дѣвичій переполохъ», «Василиса Мелентьева», «Соловушка», «Свои люди—сочтемся», «Власть тьмы», «Фимка» (Трахтенберга), «Кухня вѣдьмы» (Г. Ге), «На бойкомъ мѣстѣ» и др.

Въ пьесахъ историческихъ П. П. Гнѣдича М. Г. Савина играла старыхъ придворныхъ дамъ; пожилыхъ женщинъ—въ пьесахъ Ибсена («Призраки»), въ драмѣ Грушко «Слѣпая любовь». Въ костюмныхъ молодыхъ роляхъ Савина имѣла выдающійся успѣхъ въ «Венеціейскомъ истуканѣ» П. Гнѣдича, въ «Сидоркиномъ дѣлѣ» Аверкіева, въ «Собакѣ садовника» и въ «Сѣтяхъ Фенизы» Лопе-де-Вега и въ драмахъ Ибсена «Праздникъ въ Сольгаугѣ» и «Марія Шотландская» и др.

Если сравнивать Савину въ роляхъ драматическихъ и комическихъ, то, говоря правду, она имѣла большій успѣхъ, какъ комедійная артистка.

Въ драмахъ чувствовалось, что она «играла», «нажимала педаль» въ монологахъ и діалогахъ съ сильно драматическимъ содержаніемъ; въ комедіяхъ же она играла легко, свободно, граціозно, заразительно, весело, увлекательно.

Несмотря на недочеты въ голосовыхъ средствахъ (что замѣчается и у М. Н. Ермоловой), Савина умѣла такъ забавно, жизненно тонировать рѣчь, сопровождать ее такой мимикой, жестами, движеніями, всѣмъ строемъ характеристики изображаемаго ею лица, что зрители и слушатели находились подъ обаяніемъ ея чарующаго таланта, «бисерной» игры, отдѣланной до мелочей, и покидали зрительный залъ театра восхищенные и довольные...

Надо имѣть большой талантъ, надо умѣть приспособлять его къ характеристикѣ женщинъ разнаго класса, воспитанія и образованія, надо быть очень наблюдательной, чуткой, быть большой художницей-артисткой, чтобы съ одинаковымъ большимъ успѣхомъ изображать героинь «темнаго царства» Островскаго, деревенскихъ дѣвокъ и бой-бабъ, ветхозавѣтныхъ фрейлинъ Екатерининскихъ временъ, салонныхъ русскихъ женщинъ, типичныхъ француженокъ Дюма, Ожье, Пальерона, типичныхъ героинь Зудермана, Ибсена и др.

Бенефисы, юбилейные праздники Савиной, какъ и Варламовскіе, всегда привлекали въ театръ «весь Петербургъ» и сопровождались оваціями по адресу артистки и цѣнными подарками.

Савина исчезла съ горизонта театраловъ, какъ внезапно померкшее свѣтило, но ея игра, созданныя ею героини творчества любимыхъ русскими писателей-драматурговъ останутся еще долго какъ бы живыми, одухотворенными; ихъ не забудетъ отмѣтить и безпристрастная исторія русскаго театра.

У открытаго гроба съ прахомъ артистки трудно быть строгими, объективными. У всякаго человѣка, у каждаго общественнаго выдающагося дѣятеля найдутся и свои недостатки; они были и у Савиной. Ее упрекали въ ея «царствованіи» въ Александринскомъ театрѣ, что для нея писались и переводились пьесы, что другимъ артисткамъ будто бы трудно было попасть въ труппу казеннаго театра.

Но развѣ въ другихъ театрахъ нѣтъ подобныхъ явленій?! И кто же врагъ самому себѣ!

Савина была умная, интересная и добрая женщина. Она съ успѣхомъ гастролировала за границей, она вела знакомство съ нужными и ненужными для нея людьми.

Какъ тепло, сердечно, дѣятельно относилась она къ своему попечительству надъ «Убѣжищемъ для престарѣлыхъ и больныхъ артистовъ» (въ Петроградѣ). Надо знать, сколько заботъ, времени, труда отнимала у нея эта «старая гвардія» артистовъ. На Рождественскіе праздники она устраивала въ Убѣжищѣ «елку» съ литературно-вокально-инструментальнымъ отдѣленіемъ.

И всѣ артисты, безплатно, конечно, считали за честь быть приглашенными Савиной для развлеченія ихъ коллегъ по искусству.

Савина любила театральную молодежь. Надо было видѣть ее на ученическихъ спектакляхъ въ Суворинской Школѣ! Какъ волновалась она передъ началомъ такихъ спектаклей, какъ нервничала! Изъ бесѣдъ съ М. Г. мы убѣждались, какъ горячо принимала она къ сердцу работу ввѣренныхъ ея заботамъ учениць и учениковъ.

Мы могли бы назвать имена почтенныхъ артистовъ обоего пола, которымъ Савина негласно помогала денежно и своими рекомендаціями, но чужія тайны должны быть... тайнами.

Ея нѣтъ... Видоизмѣняя нѣсколько стихи поэта Апухтина, мы желали бы сказать:

Скоро нещадное, грязное тлѣнье
Ляжетъ печалью на ней роковой.
Дай же ей, Боже, грѣховъ отпущенье,
Дай же ей вѣчный покой!

Первой по времени службы въ труппѣ Александринскаго театра и первой по заслугамъ заслуженной артистки нѣтъ въ живыхъ, но она, вѣроятно, долго еще будетъ первенствовать въ памяти и сердцахъ людей, ее понимавшихъ, цѣнившихъ и ей многимъ обязанныхъ.

Считаясь съ фактомъ смерти Савиной, хочется поэтому адресовать ей тѣ же слова, которыми закончилъ поэтъ Ѳ. И. Тютчевъ свое стихотвореніе «На кончину Пушкина»:

Тебя жъ, какъ первую любовь,
Россіи сердце не забудетъ!

Н. Россовскій.

Въ этомъ же номерѣ приведены свѣдѣнія о болѣзни М. Г. Савиной и о послѣднихъ дняхъ ея жизни.

АРТИСТЫ О СМЕРТИ М. Г. САВИНОЙ.

Смерть Маріи Гавріиловны вызвала глубочайшее сожалѣніе у артистовъ всѣхъ направленій, всѣхъ взглядовъ, хотя бы и діаметрально противоположныхъ.

Вотъ что говорятъ они о почившей артисткѣ:

Е. И. РОЩИНА-ИНСАРОВА.

Нѣтъ словъ передать, насколько велика потеря для русскаго искусства вообще и для нашего театра въ частности. Умерла Савина—этимъ все сказано.

М. А. ВЕДРИНСКАЯ.

Кончина Маріи Гавріиловны—это тяжелый кошмаръ; въ двухъ словахъ сказать о значеніи Савиной для русскаго искусства—немыслимо. Умерла великая артистка.

Б. А. ГОРИНЪ-ГОРЯИНОВЪ.

Со смертью Савиной умерла цѣлая эпоха.

И. И. ХОДОТОВЪ.

Извѣстіе о смерти Маріи Гавріиловны меня поразило; кто бы его могъ ждать? Ея смерть—великая утрата! Замѣстители ей найдутся, но замѣнить ее нельзя.

В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДЪ.

Русскій театръ потерялъ одно изъ своихъ лучшихъ украшеній; русскій артистъ потерялъ горячую защитницу его интересовъ.

Е. П. КАРПОВЪ.

Умеръ необычайный талантъ; умеръ отзывчивый человѣкъ, которому многіе обязаны тѣмъ, что они есть.

И. С. ПАНЧИНЪ.

Умерла обожаемая Марія Гавріиловна; въ ней совмѣщались и большая артистка, и большой человѣкъ. Потеря ея тяжела и для русскаго искусства, и для его представителей—артистовъ.

С. Р.

10—IX—1915. № 248.

СИЛА ТАЛАНТА.

Не правда ли, это изумительно, это непостижимо, что въ моментъ наибольшихъ испытаній всей государственной и общественной жизни страны смерть любимой талантливой артистки приковываетъ всеобщее вниманіе?

Цѣлыя полосы газетныя посвящаются въ это серьезное время воспоминаніямъ обаянія ея таланта.

Почему это такъ?

Есть ригористы, вѣчные проповѣдники пуританизма и квакерства, которые склонны объяснять любовь даже къ хорошему театру потребностью уйти отъ самихъ себя.

Допустимъ на минуту психологическую вѣроятность такого объясненія.

Но чѣмъ же эти проповѣдники объяснятъ нашу жгучую боль, наши искреннія сожалѣнія о тѣхъ, кто чаровалъ насъ на сценѣ правдой жизни, правдой художественныхъ образовъ?

Марія Гавріиловна Савина—это въ самомъ дѣлѣ цѣлая эпоха, продолжительная эпоха русскаго театра.

И не потому ли мы, заурядъ-зрители, а не спеціализовавшіеся театралы, цѣнили ея дарованія, не потому ли мы гордились этими дарованіями, что они всегда были свѣже-искренними, всегда отвѣчали потребности внутренней правды.

Не въ качествѣ спеціалиста,—въ театральномъ дѣлѣ я никогда имъ не былъ,—а въ качествѣ заурядъ-образованнаго зрителя я всегда останавливался, обсуждая дарованія Савиной, на такомъ вопросѣ.

Вѣдь вотъ и литература наша въ лицѣ Гоголя была піонеромъ такъ называемаго натуралистическаго направленія.

Западно-европейскія откровенія натурализма перестали быть откровеніями, когда западно-европейскіе критики уже исторически ознакомились съ нашимъ русскимъ литературнымъ натурализмомъ.

Я видѣлъ Савину и любовался ею, ея талантомъ сотни разъ на протяженіи почти сорока лѣтъ.

Въ этой дѣйствительно Божіей милостью артисткѣ зрителя подкупала, прежде всего, правдивость всегда вѣрно взятаго тона, темпераментъ не такъ называемаго «нутра», а высокой школы.

Я не помню случая, чтобы Савина играла плохо, чтобы она не удовлетворяла васъ въ смыслѣ художественныхъ запросовъ къ создаваемой ею роли.

Но вотъ что ярко запечатлѣлось въ моемъ мозгу.

Каждый новый разъ въ одной и той же роли Савина была все совершеннѣе и совершеннѣе, создавая такіе оттѣнки, такіе нюансы, такую филигранность работы, которыхъ раньше, на первыхъ спектакляхъ, какъ-будто и не было.

И это совершенно независимо отъ того или иного ансамбля—отъ Александринскаго образцоваго или плохого провинціальнаго театра, гдѣ еще лѣтъ двадцать тому назадъ Савина такъ часто гастролировала лѣтомъ.

Кто-то уже подалъ мысль приступить къ собиранію воспоминаній объ этомъ ярко горѣвшемъ талантѣ.

Охотно даю и мое маленькое воспоминаніе.

Еще молодымъ человѣкомъ я былъ дежурнымъ на пріемѣ у покойнаго министра юстиціи—замкнутаго, никогда не отличавшагося любезностью Н. А. Манассеина.

На пріемъ явилась Савина, которая была тогда замужемъ за Всеволожскимъ и на которую вышли невзгоды распутывать сильно запутанныя денежныя дѣла ея мужа.

Савина заговорила съ министромъ по-французски.

«Бука»-министръ галантно сказалъ:

— Не лишайте меня, старика, которому теперь некогда ходить въ театръ, сладкой возможности послушать в а ш у очаровательную русскую рѣчь. Говорите со мной по-русски.

На прощанье Николай Авксентьевичъ изысканно-серьезно поцѣловалъ ручку большой артистки.

Мы, молодежь, такъ и ахнули.

Такой учтивости отъ нашего «буки» мы не ожидали.

Въ томъ вниманіи къ усопшей, въ томъ горѣ отъ неожидавшейся утраты, которое раздѣляетъ все образованное общество столицы, я вижу культурность этого общества, я вижу обаяніе силы таланта.

Этотъ талантъ былъ дорогъ всѣмъ намъ.

Онъ долго еще будетъ доброй традиціей русскаго хорошаго театра.

Страна такихъ талантовъ не изжита. За нею будущее.

В. П—в ъ.

ПРЕДЧУВСТВІЕ М. Г. САВИНОЙ.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца М. Г. Савина нѣсколько разъ говорила о приближеніи смерти.

Когда артисткѣ сказали о кончинѣ К. А. Варламова, она поблѣднѣла, схватилась за сердце и прошептала:

— Теперь мой чередъ,—я это знаю...

Немного позднѣе Савина оправилась и попросила не говорить мужу:

— Я такъ сболтнула, а онъ можетъ испугаться.

Такъ А. Е. Молчановъ и не узналъ объ этомъ случаѣ съ Маріей Гавріиловной.

Уѣзжая въ монастырь, М. Г. Савина была настроена очень грустно.

— Не могу сказать,—говорила она,—какъ хочется мнѣ къ моей любимой иконѣ. Хочу говѣть и причаститься: Богъ знаетъ, что со мною можетъ случиться!..

Отправивъ въ Дирекцію Императорскихъ театровъ увѣдомленіе о невозможности явиться на репетицію новой пьесы г. Оночинина, Марія Гавріиловна въ присутствіи своихъ слугъ сказала:

— Играть въ этой пьесѣ я никогда не буду.

И нѣсколько часовъ спустя, словно желая отогнать отъ себя злую мысль, она усиленно просила доктора Нюренберга передать Оночинину, что она дѣйствительно серьезно больна, но когда поправится, непремѣнно будетъ играть.

Судьба сулила иное.

Въ иллюстрированномъ приложеніи къ этому номеру помѣщенъ портретъ М. Г. Савиной въ пьесѣ «Свѣтлая личность».

---

13 - IX - 1915. № 251.

ЛИСТКИ ИЗЪ АЛЬБОМА СВИСТУНОВЪ.

ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА АЛАДИНА.

(Фельетонные наброски).

Скончалась Савина... Со сцены
Артистка крупная сошла,
И нѣтъ покуда ей замѣны,
Театра гордость умерла!
Нѣтъ чародѣйки,—гробъ закрылся...
Ея блистательный талантъ
Полвѣка намъ сверкалъ, искрился,
Какъ многоцѣнный брилліантъ.
Намъ горестна ея кончина,
Но ей не страшенъ Божій судъ,
Затѣмъ, что лампу Аладина
Она не прятала подъ спудъ.
Свою жизнь блескомъ озарила,
Но многимъ сотнямъ вдовъ, сиротъ
И бѣдняковъ благотворила,
Средствъ не жалѣя и заботъ.
Таланты любятъ сѣять счастье;
Сердечность къ бѣднымъ, доброта,
Къ страданью теплое участье—
Талантовъ русскихъ всѣхъ черта.
Талантъ жизнь краситъ, улучшаетъ;
Блаженъ, кто нашихъ дней въ грозу
Несчастныхъ долю облегчаетъ,
Кто бѣдняка утретъ слезу!

Старый знакомый.

Иллюстрированное приложеніе къ этому номеру посвящено все М. Г. Савиной. На первой страницѣ—большой ея портретъ (1907 г.) въ траурной рамкѣ. На слѣдующихъ страницахъ—портреты въ пьесахъ: «Ревизоръ», «Злоба дня», «Отчій домъ», «День въ Петербургѣ», «Венецейскій истуканъ», «Гибель Содома», «Свѣтлая личность», «Соломонія и Елена», «Царь Борисъ», «Ассамблея», «Свѣтлѣйшій», «На всякаго мудреца», «Дама съ камеліями», «Доходы миссисъ Уоренъ», «Холопы», «Ивановъ».

17—IX—1915. № 255.

Въ иллюстрированномъ приложеніи помѣщены снимки: 1) перенесеніе гроба М. Г. Савиной изъ церкви къ могилѣ и 2) группа родныхъ, друзей и др. у свѣжей могилы М. Г. Савиной.

ПЕТРОГРАДСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

(Петроградъ).

10—IX—1915. № 202.

† М. Г. САВИНА.

Послѣднія минуты жизни и біографическій очеркъ—изъ «Рѣчи», 9—IX—1915, № 248. Этотъ же некрологъ перепечатанъ въ газетѣ «Пріишимье», 22—IX—1915, № 203.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Обидное, острое чувство протеста закрадывается въ душу.

— Господи! За что? Безъ Твоей воли волосъ не упадетъ съ головы человѣка. И Ты берешь отъ насъ все лучшее. Зачѣмъ Ты разрѣшилъ смерти подкосить эту великую жизнь?

Разсудокъ указываетъ всю нехристіанственность этого протеста, но глубокая душевная рана не умолкаетъ и уныло, безпощадно ноетъ, вызывая на глаза непрошенныя слезы.

Міръ искусства обладаетъ завидной долей захватывать человѣка всего, наполнять его неизъяснимымъ блаженствомъ, давать ему чувствовать радость творчества и обливать его сіяющимъ великолѣпіемъ славы. Міръ сцены какъ-то особенно ярко выдѣляется въ этомъ правѣ на обладаніе человѣкомъ.

И вотъ отъ него ушла величайшая въ Россіи обладательница этого права...

Актеровъ и актрисъ вообще любятъ особенно. Но М. Г. Савина и здѣсь пользовалась особымъ преимуществомъ. Сколько въ глубокой провинціи было молодежи, которая только жила мыслью поѣхать въ Петербургъ:

— Посмотрѣть Савину!

Сколько радости, счастья было въ одномъ сознаніи, что одна сцена давала возможность видимо, почти физически, прикоснуться къ этому лучезарному таланту!

Что такъ тянуло къ ней?

Это былъ поразительный по глубинѣ жизненныхъ родниковъ человѣкъ. На сценѣ исчезала актриса. Господи! Какъ пошлы, избиты слова о перерожденіи актрисы! И вотъ, однако, этими перерожденіями жила Савина, и рядомъ съ нею жили на бѣломъ свѣтѣ мы всѣ, какъ-то странно гордые и полные сознаніемъ, что мы можемъ пойти въ Александринку и пріобщиться, «выну видѣть» лицо этого таинственнаго, увлекательнаго, необъятнаго процесса.

На перевоплощеніи построена цѣлая религія. Есть ученіе, доказывающее, что мы не появляемся въ міръ внезапно. Гдѣ-то раньше, въ таинственной, невѣдомой дали мы жили, дѣйствовали, уже много разъ рождались и умирали. Каждый человѣкъ несетъ за собою цѣлый рядъ перевоплощеній и возрожденій. Гдѣ-то въ непостоянной безднѣ человѣкъ появляется, какъ міровая точка, переноситъ муки собственнаго сотворенія и совершенствованія, входя

таинственно въ земную оболочку и также непостижимо уходя по ту сторону, къ мірѣ тѣней и призраковъ...

Трепетно переносится мысль къ твореніямъ Григорія Богослова, запрещающаго думать и говорить объ этомъ непостижимомъ процессѣ; умъ невольно подсказываетъ аналогію между сценой и всѣмъ этимъ вѣковѣчнымъ совершенствованіемъ человѣка. Не потому ли въ подсознаніи человѣка,—въ той его загадочной, прикровенной области, гдѣ непостижимыми для нашего разума знаками отмѣчено его прошлое,— и гнѣздится ясное стремленіе къ сценѣ, къ ея перевоплощеніямъ? Не есть ли каждый человѣкъ невольный актеръ, котораго гримируетъ и приготовляетъ къ той или иной роли само Провидѣніе?

Да проститъ мнѣ память великой русской актрисы, солнца русской сцены, эту, быть можетъ, кощунственную мысль, но, думая о томъ, какъ много значитъ «театральное» въ жизни человѣка, я какъ-то невольно останавливался на томъ количествѣ ролей, которое исполняетъ человѣчество при своемъ перевоплощеніи...

Кто бы отказался отъ волшебнаго желанія заглянуть въ эту скрытую отъ нашихъ глазъ тайну? Кто бы не захотѣлъ знать, какія уже роли сыграны имъ въ задернутомъ завѣсою нашего непониманія прошломъ?

И какъ же дорого намъ было то дивное существо, которое могло насъ сразу перенести къ ближайшей грани этого поразительнаго процесса! Ежедневно Савина могла показать намъ рядъ волшебствъ перевоплощенія. Ежедневно мы могли видѣть, что одна яркая жизнь проходила за другою.

Къ чему тутъ слова: «глубокая вдумчивость, пониманіе, филигранность отдѣлки, законченность типа, яркость передачи, поразительная наблюдательность, чудеса техники»? Какъ все это ненужно... Передъ нами проходила жизнь.

Жизнь! Что можетъ быть величественнѣе и необъятнѣе этого явленія? Его постигла и намъ показывала Савина.

Она живетъ и тамъ, въ мірѣ такихъ же, какъ и она теперь, тѣней! Ей не нужны наши слезы, наша грусть... Я гоню отъ себя тяжелую тоску, присосавшуюся къ сердцу,—гоню грѣховный протестъ:

— Зачѣмъ Ты, Всемогущій, берешь отъ насъ лучшую изъ нашихъ радостей?

Я знаю, что великая тѣнь еще съ нами, и молитвенно обращаюсь къ ней:

— Ты больше всего любила сцену. Ты въ любое мгновеніе могла изъ таинственныхъ родниковъ твоего дарованія вызвать чудесные образы и освѣтить ими наше хмурое, наше сумрачное существованіе. Ты своею жизнью наполнила сцену и обратила сцену въ жизнь. И ты видишь, что ты оставила послѣ себя... Осталась сцена, жизнь ушла. Много играющихъ, но очень мало постигающихъ тайну перевоплощенія. Молись вмѣстѣ съ нами Всевышнему. Пусть наша сцена не остается долго послѣ тебя бездыханною. Пусть слово Божіе оживитъ этотъ уголокъ нашего суетнаго міра! Ты любила Родину, болѣла ея горестями. Ты глубоко чувствовала ужасы актерскаго быта и понимала, какъ ему нужно яркое сіяніе таланта. Молись Всевышнему, да пошлетъ онъ твоей Родинѣ, покинутой тобою, новое животворящее дыханіе генія!..

В е л ь.

† М. Г. САВИНА.

Снова черная тѣнь пронеслась надъ Александринскимъ театромъ. Въ ночь на 8-е сентября скончалась отъ разрыва сердца Марія Гавріиловна Савина.

Этотъ 1915 годъ, вообще, такой трудный для Россіи, оказался особенно тяжелымъ для театра: сперва Стрѣльская, потомъ Варламовъ и вотъ теперь М. Г. Савина. Одинъ за другимъ сходятъ въ «таинственную сѣнь» гиганты-таланты, великіе художники сцены, самое имя которыхъ казалось олицетвореніемъ театра, всего лучшаго, что составляетъ его сущность, носители сильной индивидуальности, просвѣчивавшей непрестанно сквозь оболочку творимаго ими сцени-

ческаго образа. Глубоко русскіе по натурѣ, по духу, по воспитанію, по всѣмъ своимъ стремленіямъ, они являлись жрецами истинно-національнаго театра. Самый русскій языкъ, которымъ они говорили на сценѣ, былъ какой-то особенный: яркій, сочный, игравшій причудливыми переливами тоновъ, образный и мѣткій. Не былъ ли это тотъ самый языкъ, про который вдохновенный его мастеръ, Тургеневъ, сказалъ: «Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ!»...

Мы сейчасъ какъ разъ переживаемъ «дни тягостныхъ раздумій» и, утѣшаясь сознаніемъ, что великій, могучій, правдивый,—но увы! не всегда свободный,—русскій языкъ громко раздается по всему простору нашей родины, не можемъ не скорбѣть о томъ, что люди, владѣвшіе тайной облеченія русскаго художественнаго слова въ яркій нарядъ сценическихъ красокъ, покидаютъ насъ, увлекаемые неумолимымъ рокомъ. Ихъ ряды все больше и больше рѣдѣютъ, и намъ кажется, будто, видя это, скорбно покачиваютъ головами тѣни Грибоѣдова, Гоголя, Сухово-Кобылина, Тургенева, Островскаго, отдыхающія на поляхъ блаженныхъ: «Кто будетъ насъ играть? Кто воплотитъ родившіеся въ тайникахъ нашей души наши образы въ строгомъ соотвѣтствіи съ незыблемыми законами прекраснаго? Кто заговоритъ на сценѣ такъ, чтобы мы отсюда почувствовали, что это нашъ языкъ?»... Святыя тѣни, онѣ безконечно правы въ своемъ безпокойствѣ!.. Мы еще доживемъ кое-какъ, питаясь воспоминаніями и стараясь не дѣлать никакихъ сравненій. Ахъ, это ужасная вещь—сравненія! Когда въ 1903 году возобновляли въ Александринскомъ театрѣ «Мѣсяцъ въ деревнѣ», старые театралы съ безконечнымъ сожалѣніемъ оглядывались въ прошлое: они вспоминали Савину Вѣрочкой—и были правы, ибо Савина, поставивъ въ 1879 году «Мѣсяцъ въ деревнѣ», до того ни разу не дававшійся, создала изъ Вѣрочки незабываемый художественный образъ, безконечно растрогавъ имъ своего автора, который сказалъ: «Вѣрочка... я даже не обращалъ на нее вниманія, когда писалъ... Все дѣло въ Натальѣ Петровнѣ... Вы—живая Вѣрочка... Какой у васъ большой талантъ!»...

Да, только большой талантъ можетъ сдѣлать такъ, чтобы роль, о которой даже самъ авторъ немного думалъ, когда писалъ, пріобрѣла неожиданно большое значеніе! Только большому таланту, исполненному непрестаннаго трепета творчества, дано раздвигать рамки, поставленныя писателемъ, и заполнять ихъ богатымъ содержаніемъ, вливать въ нихъ переживанія, идущія изъ таинственныхъ глубинъ тонкой актерской индивидуальности!

Итакъ, старые театралы вспоминали Савину - Вѣрочку, мы, молодые, любовались ея Натальей Петровной. Каждому свое, и неизвѣстно, у кого было лучше. Каждое поколѣніе взяло отъ Савиной свою долю эстетическаго восторга, у дивной артистки на всѣхъ хватило свѣта и тепла.

Имя Савиной, вообще, неразрывно связано съ Тургеневымъ. Въ томъ же 1879 году, на вечерѣ въ пользу Литературнаго Фонда, ей пришлось читать «Провинціалку» вмѣстѣ съ самимъ авторомъ. А въ 1882 году она же добилась постановки на Императорской сценѣ «Холостяка».

Такъ обстояло дѣло съ Тургеневымъ. А теперь вспомнимъ Марью Антоновну и Анну Андреевну въ «Ревизорѣ», Агаѳью Тихоновну въ «Женитьбѣ», Софью и Наталью Дмитріевну въ «Горе отъ ума» и цѣлый рядъ женскихъ образовъ театра Островскаго: Катерину въ «Грозѣ», Людмилу изъ «Поздней любви», Глафиру въ «Волкахъ и овцахъ», Кручинину въ «Безъ вины виноватые», Вѣру Филипповну изъ «Сердце не камень» и многое множество другихъ фигуръ русскаго художественнаго репертуара, перечислять которыя не хватитъ мѣста въ газетѣ, какъ равно невозможно даже вкратцѣ помянуть многое другое выдающееся изъ области не только отечественной, но и западной драматургіи. За 41 годъ, протекшій со дня вступленія Савиной подъ сѣнь Александринскихъ кулисъ, ей пришлось переиграть множество пьесъ самаго разнообразнаго литературнаго достоинства, со многими крупнѣйшими театральными событіями неразрывно связано имя Савиной, какъ первой актрисы театра. И она, дѣйствительно, была въ немъ первой актрисой, проложивъ дорогу къ такому почетному положенію исключи-

тельно силой своего природнаго таланта. Савина не училась ни въ какой театральной школѣ. Она пришла изъ провинціи, и ея школой была жизнь и сцена, на которую она вступила, едва достигнувъ 15-лѣтняго возраста. Все остальное сдѣлали талантъ и практика. Это остальное было громадно. Талантъ Савиной отличался чрезвычайной гибкостью, мягкостью и чуткостью. Замѣтимъ еще, что у нея не было побочныхъ факторовъ успѣха—красиваго лица и симпатичнаго голоса, что у столь многихъ актрисъ составляетъ половину ихъ обаянія. Но зато у нея было другое – сверхъестественная способность вживаться въ роль, отдавая себя всю безъ остатка... Вл. И. Немировичъ-Данченко, пьесы котораго всѣ переиграла Савина (какая это была чудесная Демурина въ «Цѣнѣ жизни»!), очень хорошо опредѣляетъ вышесказанную способность: «Во время перваго представленія Марія Гавріиловна напоминаетъ человѣка, поставившаго на одну карту всю жизнь. Если бы ей сказали: «Экономьте ваши силы, иначе вы завтра умрете», она ни минуты не колебалась бы и выбрала бы смерть. Оттого ея игра на первомъ представленіи и поражаетъ такимъ трепетомъ».

Этотъ трепетъ творчества никогда не покидалъ Савину, даже на склонѣ ея карьеры, позволяя ей подниматься до созданія исчерпывающихъ характеристикъ, чему доказательствомъ является недавняя въ минувшемъ сезонѣ пьеса Гиппіусъ «Зеленое Кольцо», гдѣ Савина прямо удивила своей необычайной, тонкой игрой въ роли капризной, взбалмошной женщины, бросившей мужа. Это было ея послѣднее яркое, новое, сценическое созданіе, въ привычныхъ для самой артистки тонахъ и пріемахъ, не взирая на то, что ей исполнилось 60 лѣтъ. Вотъ еще любопытное обстоятельство: Савина умерла, такъ и не занявъ, въ сущности, амплуа пожилыхъ и даже старыхъ женщинъ. Ихъ она, несмотря на предписанія возраста, играла съ величайшей неохотой, а когда снисходила до нихъ, то казалось, что ея игра утратила что-то въ своемъ обаяніи, что она не такая яркая, глубокая и вдумчивая. Въ чемъ тутъ было дѣло? Возрастъ не могъ имѣть существеннаго значенія, ибо, коль скоро артистка вполнѣ сохранила свои физическія силы и ясность ума, она и пожилыя роли будетъ играть съ тѣмъ же блескомъ, съ какимъ играла молодыхъ. Савина находилась до самаго послѣдняго времени въ полномъ обладаніи своими силами и, тѣмъ не менѣе, что-то не клеилось у нея съ пожилыми ролями. Но кому случалось видѣть Савину близко въ жизни и всматриваться въ ея глаза, тому становилось понятно, что съ такими глазами не очень-то сыграешь старуху, хотя бы она по замыслу автора надѣлена была всѣми достоинствами души. Въ этихъ глазахъ Савиной горѣлъ огонь живой жизни, тотъ огонь, что освѣщалъ такимъ феерическимъ блескомъ ея игру въ комедіи. Если въ драмѣ Савина еще могла дѣлить кое съ кѣмъ свои лавры, зато въ комедіи она была совершенно неподражаема: ея тонъ, жестъ, мимика были произведеніемъ высочайшаго мастерства, напоминая по сплетенію всевозможныхъ деталей сложнѣйшую филигранную работу, вышедшую изъ-подъ рукъ ювелира-художника. Огневымъ задоромъ была проникнута всегда ея игра въ комедіи. Но если мы сказали, что въ драмѣ Савина не была единственной, то отнюдь не значитъ, будто и въ этой области она не поднималась до большихъ высотъ истинно-художественнаго. Напротивъ, Савина не могла играть классической трагедіи, потому что для послѣдней у нея не было настоящихъ средствъ, но простую драму обыкновенной человѣческой души,—души скромной женщины, обреченной на страданіе,—Савина передавала въ тонахъ, исполненныхъ крайняго благородства, и съ такой глубиной переживаній, что зритель всегда покидалъ театръ растроганный. Такимъ образомъ, женскаго страданія, русскаго по преимуществу, множество прошло черезъ творчество Савиной, съ каждымъ разомъ вплетая въ ея вѣнокъ новые лавры.

Преклонимся передъ еще раскрытымъ гробомъ чудесной артистки, преклонимся съ благодарностью, ибо незабвенны тѣ часы благороднаго наслажденія высокимъ искусствомъ, что пережиты нами въ театрѣ волею Маріи Гавріиловны Савиной! И пусть цвѣты дождемъ падаютъ на ея могилу... ея послѣдніе цвѣты, послѣдняя дань нашего уваженія, восторга и любви!..

Э. Старкъ.

М. Г. САВИНА ВЪ ОТЗЫВАХЪ ТУРГЕНЕВА.

Въ жизни Маріи Гавріиловны Савиной ея знакомство съ Тургеневымъ сыграло значительную и благотворную роль. На зарѣ своей сценической карьеры привѣтствованная великимъ писателемъ, покойная артистка утвердилась при его дружественной поддержкѣ въ правильности избраннаго ею пути и, неустанно работая надъ усовершенствованіемъ своего дарованія, стала въ наши дни славою русской сцены.

Знакомство Савиной съ Тургеневымъ, сначала только заочное, относится къ 1879 году.

Избравъ для своего бенефиса Тургеневскій «Мѣсяцъ въ деревнѣ», Савина нашла необходимымъ сдѣлать въ пьесѣ нѣкоторыя сокращенія, на что по телеграфу испросила разрѣшенія автора, жившаго тогда въ Парижѣ. На депешу Савиной немедленно послѣдовалъ отвѣтъ: «Согласенъ, но сожалѣю, такъ какъ пьеса писана не для сцены и недостойна вашего таланта».

«Мѣсяцъ въ деревнѣ», однако, былъ сыгранъ и встрѣтилъ въ публикѣ радушный пріемъ, о чемъ Савина поспѣшила извѣстить Тургенева, который отвѣчалъ ей любезной телеграммой: «Успѣхъ приписываю вашему прекрасному таланту и скоро надѣюсь лично поблагодарить васъ».

Дѣйствительно, свиданіе это произошло нѣсколько мѣсяцевъ спустя, вскорѣ по пріѣздѣ Тургенева въ Петербургъ. Писатель принялъ артистку съ ласковымъ радушіемъ. «Чѣмъ-то теплымъ, милымъ, роднымъ вѣяло отъ его богатырской фигуры»,—вспоминала Савина о первой своей встрѣчѣ съ Тургеневымъ двадцать лѣтъ спустя.—«Это былъ такой симпатичный «дѣдушка», что я сразу освоилась и, забывъ свой страхъ передъ «Тургеневымъ», заговорила съ нимъ, какъ съ обыкновеннымъ смертнымъ. — «Такъ вотъ вы какая молодая! Я представлялъ васъ себѣ совсѣмъ иною. Да вы и не похожи на актрису»... Конечно, я пригласила его въ театръ посмотрѣть «Мѣсяцъ въ деревнѣ», назначенный въ этотъ день. Но тутъ вышло недоразумѣніе: онъ почему-то думалъ, что я играю Наталью Петровну, т.-е. первую роль, и совсѣмъ забылъ о Вѣрочкѣ.—«Дѣйствительно, вы очень молоды для роли Натальи Петровны,—но Вѣрочка! Что же тамъ играть?—повторялъ онъ, озадаченный»...

Спектакль въ присутствіи Тургенева состоялся 15-го марта 1879 года. Савина играла съ огромнымъ подъемомъ, и оваціямъ по адресу ея и автора не было конца. «Послѣ третьяго дѣйствія (сцена Вѣрочки съ Натальей Петровной)»,—разсказывала Савина,—«Иванъ Сергѣевичъ пришелъ ко мнѣ въ уборную, взялъ за обѣ руки, подвелъ къ газовому рожку, пристально, какъ-будто въ первый разъ видя меня, сталъ разсматривать мое лицо и сказалъ:—«Вѣрочка... Я даже не обращалъ на нее вниманія, когда писалъ... Все дѣло въ Натальѣ Петровнѣ... Вы—живая Вѣрочка... Какой у васъ большой талантъ!»... На другой день Иванъ Сергѣевичъ былъ у меня съ визитомъ. Онъ все всматривался въ меня съ любопытствомъ и сказалъ, между прочимъ, что манерой игры я напоминаю ему французскую актрису Деклэ, умершую отъ чахотки двадцати четырехъ лѣтъ. Для нея была написана «Фру-Фру»...

Нѣсколько дней спустя, на вечерѣ въ пользу Литературнаго Фонда, въ залѣ Благороднаго Собранія, Тургеневъ и Савина читали сцену изъ «Провинціалки». Это совмѣстное публичное выступленіе еще болѣе сблизило великаго романиста съ талантливой артисткой.

Послѣ этого ихъ пріязненныя отношенія уже не прерывались вплоть до самой смерти Тургенева. Едва прибывъ въ Парижъ въ апрѣлѣ того же 1879 года, онъ уже шлетъ черезъ Я. П. Полонскаго Савиной свой дружескій привѣтъ. Всѣ послѣдующія письма его къ Григоровичу, Топорову, супружеской четѣ Полонскихъ и другимъ общимъ знакомымъ проникнуты живымъ участіемъ къ Савиной: онъ принимаетъ близко къ сердцу ея нездоровье, интересуется ея новыми ролями, восторгается ея талантомъ, хвалитъ ея доброе сердце. «Я написалъ»,—читаемъ мы въ одномъ изъ писемъ Тургенева Григоровичу,—«также Савиной, которая, настоявъ на томъ, чтобы дали «Холостяка», въ которомъ ей, собственно, нечего дѣлать, и весь успѣхъ долженъ былъ выпасть на долю товарища (В. Н. Давыдова), показала себя въ очень плѣнительномъ свѣтѣ. Это—добрая и широкая душа. Мнѣ очень жаль, что она такъ больна... Ей бы надо хорошенько и серьезно полечиться. Но она скучаетъ и тоскуетъ вдали отъ сцены».

Лѣтомъ 1881 года Савина гостила у Тургенева въ его родномъ Спасскомъ. По свидѣтельству М. А. Щепкина, это посѣщеніе принесло хандрившему въ то время писателю большую радость. Съ нѣжной заботливостью обставлялъ онъ комнаты, предназначенныя для своего друга-артистки, проводилъ въ задушевныхъ разговорахъ съ нею долгіе часы, а въ послѣдующихъ бесѣдахъ съ друзьями сравнивалъ ее по таланту съ Рашель и говорилъ, что никто послѣ Рашель не производилъ на него такого сильнаго впечатлѣнія.

«Наканунѣ отъѣзда Савиной изъ Спасскаго»,—разсказываетъ Я. П. Полонскій,—«17-го іюля Иванъ Сергѣевичъ, ради своей милой гостьи, къ вечеру велѣлъ позвать деревенскихъ бабъ и дѣвокъ и задалъ имъ праздникъ съ виномъ и подарками, какой былъ данъ имъ по случаю его пріѣзда. Бабъ и дѣвокъ собралось около семидесяти душъ; начались пѣсни и пляски. Казалось, артистка наша, глядя на нихъ, училась. Невольно иногда повторяла ихъ напѣвы и движенія...—«Ишь расходилась цыганская кровь!»—сказалъ мнѣ про нее Тургеневъ. И самъ онъ такъ развеселился, что готовъ былъ отплясывать...

— «Играй!»—кричалъ мнѣ Тургеневъ,—«какъ хочешь, какъ знаешь, валяй! Мазурку валяй! Лишь была бы какая-нибудь музыка... Ну, разъ, два, три»...

Увы! это было послѣднимъ радостнымъ свиданіемъ Савиной съ Тургеневымъ. Черезъ годъ, посѣтивъ писателя въ Парижѣ, она нашла его печальнымъ, нравственно одинокимъ и въ концѣ изнуреннымъ неизлечимой болѣзнью...

Умираніе, видимо, шло быстрыми шагами впередъ, и Савина съ горемъ сообщала Полонскимъ о безнадежномъ положеніи своего друга. Ея тягостныя предчувствія оправдались—и 22-го августа 1883 года Тургенева не стало.

Всю свою жизнь Савина съ трогательнымъ благоговѣніемъ чтила память автора «Мѣсяца въ деревнѣ». Какъ святыню, берегла она браслетъ, нѣкогда подаренный ей Тургеневымъ, и стеклянную вазочку съ его письменнаго стола, полученную ею въ Спасскомъ. Станемъ надѣяться, что вещи эти, столь дорогія сердцу почившей, будутъ переданы ея наслѣдниками въ какой-либо изъ нашихъ литературныхъ музеевъ на вѣчное храненіе въ память пріязни, связывавшей великую артистку и великаго писателя.

С. Ш.

ПАМЯТИ УХОДЯЩИХЪ.

О М. Г. Савиной уже написано много; еще больше будетъ написано впереди. Мнѣ хотѣлось бы тоже сказать нѣсколько словъ напутствія этому замѣчательному человѣку.

Мнѣ кажется, что самая выдающаяся черта женской сущности—способность къ глубокой психологической интуиціи. Роль сестры милосердія часто даетъ случай подсмотрѣть въ женщинѣ этотъ даръ.

Одинъ докторъ говорилъ мнѣ:

— Какіе удивительные психологи встрѣчаются среди женщинъ! Какое умѣнье подойти къ больному, утѣшить, прикоснуться къ его душевной ранѣ!..

Это—не «вѣчно-женственное», а «вѣчно-человѣческое».

Вотъ это именно «вѣчно-человѣческое» составляло главную черту ушедшей отъ насъ Маріи Гавріиловны Савиной. Она была безсмѣнной сестрой милосердія въ актерскомъ станѣ.

Развѣ не вѣчный полевой лазаретъ представляютъ собою эти добровольцы сцены—скитальцы за штабомъ сценическаго искусства? Штабъ—всегда во главѣ. На передовыхъ позиціяхъ идетъ битва, выдѣляются герои, подхватываются отличія направо-налѣво, ордена. Знамя всегда развѣвается высоко—есть кому хранить его. Но на томъ же полѣ много слабыхъ павшихъ. Ихъ едва успѣваютъ убирать и увозить въ тылъ. И вотъ здѣсь нужна своя «Флоренсъ Найтингаль».

Этой Флоренсъ Найтингаль, этой сестрой милосердія и была всегда М. Г. Савина.

Какъ истинный психологъ Божіей милостью, она, неся высоко знамя надъ полкомъ искусства, помнила о тѣхъ отставшихъ, уставшихъ, упавшихъ, застигнутыхъ въ неоплаченныхъ квартирахъ, на шпалахъ, на скамьяхъ парковъ, вмѣсто кровати, въ холодную осеннюю ночь...

Она умѣла быть и защитницей, когда это было надо.

Мнѣ разсказывали случай изъ недавнихъ былей. Раненый актеръ въ одномъ изъ лазаретовъ нашумѣлъ по поводу какой-то несправедливости... Горячую голову перевели, въ видѣ кары, въ худшія условія. Актеръ послалъ письмо Маріи Гавріиловнѣ. Она явилась сама въ лазаретъ. Освѣдомилась, кто начальникъ. Ей сказали.

— Я его не знаю,—сказала М. Г.,—но это все равно. Онъ-то меня ужъ навѣрное знаетъ.

И, дѣйствительно, достаточно было ходатайства изъ «министерства» Маріи Гавріиловны, чтобы раненаго актера перевели въ театральный лазаретъ — подъ крылышко Маріи Гавріиловны.

Помню одинъ случай. Явился ко мнѣ актерикъ просить помощи—Богъ вѣдаетъ откуда онъ узналъ обо мнѣ. Я посылаю его съ письмомъ къ М. Г.

Несмотря на то, что мой protégé казался изъ тѣхъ продуктовъ «улицы», которыми запружена сцена, по выраженію М. Г., она сейчасъ же, помимо средствъ Театральнаго Общества, имѣющихъ опредѣленное назначеніе, помогла актеру устроить его жену въ больницу, а также помогла деньгами на проѣздъ. «Писемъ съ просьбами о помощи я получаю по десятку въ день»,—писала она мнѣ... Можно представить себѣ, сколько нужно было чуткости и ума, что бы разобраться въ этихъ просьбахъ.

Одной изъ руководящихъ идей ея отношеній къ младшей актерской братіи было, конечно, пережитое ею лично.

...Она «тогда» и не мечтала о казенной сценѣ...—читаемъ въ ея біографіи.

Сколько такихъ мечтаній, неосуществленныхъ, наконецъ, дикихъ, Богъ знаетъ откуда занесенныхъ въ голову, прошло у нея передъ глазами!

Тамъ, гдѣ помощь не подходила ни подъ какую регистрацію, М. Г. выдавала обыкновенно изъ личныхъ суммъ. А на ея иждивеніи было девять человѣкъ родни.

Ея «Убѣжище для престарѣлыхъ актеровъ» осиротѣло нынѣ. Она прилетала туда въ дни радости, въ дни бѣдствій: она постоянно навѣщала своихъ инвалидовъ.

Какъ сейчасъ помню пожаръ на Петровскомъ островѣ. Пламя подбиралось къ ея «Убѣжищу»,—Марія Гавріиловна, взволнованная, перепуганная, уже была тамъ около своихъ стариковъ..

Если бы нашелся «лѣтописецъ», который бы собралъ весь матеріалъ, обнимающій эту исключительную натуру,—съ ея умомъ, благородствомъ, геройствомъ, великодушіемъ и даже капризами, неровностями, своенравіемъ крупнаго человѣка,—какую большую цѣнность представляла бы такая книга для художника и психолога!

И в. М а р.

11—IX—1915. № 203.

НАРОДНЫЙ ВѢНОКЪ НА МОГИЛУ М. Г. САВИНОЙ.

Сегодня опускаютъ Савину въ могилу... «Плачу и рыдаю»,—скажетъ ей наша родная церковь, и... Савина отойдетъ въ жизнь безконечную...

Жизнь великой артистки, каждый штрихъ этой жизни занесется въ лѣтописи, промелькнувъ съ газетныхъ столбцовъ предъ русскимъ обществомъ, которое поклонится угасшей вѣтви народнаго генія. Все угасло! И воплощеніе ея девиза въ жизни—«Жизнь моя—сцена» въ образѣ «Татьяны Рѣпиной» Суворина, и ея Тургеневская Лиза, ушедшая отъ мірской жизни къ тихой обители, къ покою у Престола Всевышняго, и всѣ тѣ живые и родные намъ образы, кото-

рыми Савина такъ чисто и такъ мощно напоминала намъ нашу любовь и волновала наши страсти, —вновь пронесутся, но уже... у могилы ихъ творца. У этой могилы и въ этихъ воспоминаніяхъ прольется наша горячая слеза. Въ живыхъ цвѣтахъ, что покроютъ сегодня могилу избранницы, скроется отъ насъ образъ женщины, которую мы любили, -скроется художникъ, любившій и страдавшій за всѣхъ насъ...

Въ созданныхъ Савиной на сценѣ живыхъ образахъ волнующей насъ жизни проявилось только внѣшнее ея служеніе обществу, признаніе котораго и ей было необходимо, которое она высоко цѣнила и принимала, какъ заслуженное. Но душа ея была глубже этой внѣшности, которая всегда въ сознаніи подлинныхъ талантовъ остается, какъ нѣчто, преуменьшающее художника. Въ шумѣ рукоплещущей толпы и въ блескѣ суетнаго яснаго свѣта душа Савиной рвалась къ иному, болѣе скромному, но вѣчному идеалу—къ служенію ближнему. Объ этомъ она мечтала; именно такое служеніе ее увлекало, когда она съ побѣдными лаврами сходила съ подмостковъ, отдавая свои силы Театральному Обществу, Театральной Школѣ и Убѣжищу театральныхъ инвалидовъ, гдѣ и выросъ сегодня ея холмикъ сырой земли.

И смерть Савиной для артистовъ и сцены, какъ смерть Крамского для художниковъ и живописи, какъ смерть Рубинштейна для музыкантовъ и музыки—невознаградимая утрата. Невознаградимая—потому, что съ ихъ смертью уходятъ творцы нашей духовной жизни. Если бы не было въ русской живописи Крамского, а въ русской музыкѣ—Рубинштейна, то, Богъ вѣсть, были ли бы у насъ «Передвижники» и существовала ли сейчасъ Консерваторія, а съ ними и тотъ расцвѣтъ русскаго искусства, который уже давно возвышаетъ Россію предъ лицомъ всего культурнаго міра.

Такова сила отдѣльныхъ личностей, талантъ которыхъ—объединять разрозненныя, одинокія силы, сковывать ихъ въ одну семью, крѣпкую завѣтами глубокой и могучей вѣры въ силу и значеніе искусства на землѣ, въ служеніе его не только общественнымъ верхамъ, но и народу—этой высшей цѣли всѣхъ нашихъ стремленій. Было счастливое время для русскаго искусства, были люди, которые, точно наперекоръ соціальной стихіи, ея проповѣди о безсиліи искусства, дружно отвѣтили: «Противъ теченія»—во имя прекраснаго!.. Сильные духомъ, они гребли противъ теченія и выгребали свою ладью на желанный просторъ, когда искусство перестаетъ быть забавой индиферентнаго, равнодушнаго и безучастнаго общества, а художникъ, носитель дара Божія,—его шутомъ!

Савина—одна изъ плеяды этихъ сильныхъ духомъ. Рѣдкое сочетаніе активнаго творца-художника сцены съ апостолами необъятной общественности искусства, его всенароднаго служенія, блѣдная смерть вырвала изъ русской жизни—и Савиной уже нѣтъ у Россіи!..

Ея искусство не умретъ... Перевоплощаясь въ образы искры Божіей въ безчисленныхъ русскихъ сердцахъ, оно воскреснетъ съ еще большей силой въ творчествѣ ея потомства. Ея общественная дѣятельность, это сѣмя доброе и вѣчное, взойдетъ на нивѣ народной и въ душѣ народной, въ его радостяхъ и утѣшеніяхъ, воздвигнетъ ей памятникъ нерукотворный. Она именно объ этомъ мечтала и этого хотѣла—она это и получитъ. Искусство—грядущее народа. Сойдя съ верховъ къ народу, оно только тогда и станетъ подлинно общественнымъ, великимъ, всенароднымъ. Путь далекій, но творцы его намъ близки: Крамской, Рубинштейнъ и Савина—вѣхи на народномъ пути.

Слава народная воздастъ имъ хвалу, совьетъ вѣнки изъ живыхъ душевныхъ цвѣтовъ народная Россія; вѣнки—отцамъ отъ благодарныхъ дѣтей.

Ооома Райлянъ.

ПОСЛѢДНЕЕ «ПРОСТИ».

Въ послѣдній разъ изъ гроба мелькнуло чудное лицо,—строгое въ своей простотѣ, величественное въ своемъ благородствѣ,—и крышка гроба закрылась... Навсегда.

Въ своемъ неудержимомъ стремленіи людской потокъ запрудилъ Улицу Литераторовъ къ моменту выноса тѣла М. Г. Савиной изъ ея великолѣпнаго дома... Не передашь всѣхъ слышанныхъ разговоровъ.

— Вы въ чемъ ее помните?—разговариваютъ пожилыя дамы.

— Да она у меня въ памяти, какъ живая, еще тогда, когда она была молода: Марья Антоновна, Лиза, Дикарка, да и не сочтешь...

— Какая вы счастливая!—вступаетъ въ разговоръ молоденькая дѣвушка.—А я видѣла М. Г. уже въ пожилыхъ роляхъ.

— Да вамъ сколько лѣтъ?—спрашиваетъ старушка.

— Мнѣ 17.

— Ну, такъ вы, дѣточка, запоздали родиться, чтобы застать этотъ чудо-талантъ въ самомъ его цвѣту.

Но вотъ слышится пѣніе, — далекое, далекое, щемящее душу,—и надъ головами толпы показывается дубовый гробъ. Его ставятъ на колесницу.

Процессія трогается. Толпа вьется лентой по Карповкѣ черезъ мостъ... И дальше, дальше. Марія Гавріиловна совершаетъ свое послѣднее путешествіе въ Александринскій театръ... Съ фронтона его глянули въ послѣдній разъ на процессію кони, мчащіе колесницу Аполлона...

Солнце въ послѣдній разъ освѣтило трогательную картину прощанія первой жрицы съ храмомъ Мельпомены...

И прахъ великой артистки тронулся въ путь—къ мѣсту послѣдняго упокоенія, въ то самое Убѣжище, которому артистка при жизни отдавала столько любви и нѣжныхъ заботъ. Можно ли облюбовать лучшій пріютъ для своего послѣдняго упокоенія, чѣмъ это чудное мѣстечко, самой артисткой созданное, выхоженное? Тамъ, бездыханная, она будетъ вѣчно окружена обожавшей ее актерской семьей, которую при жизни она одна «окружала» своими заботами.

Спи мирно, великая художница!

И в. М а р.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

«Сцена—моя жизнь»—девизъ, съ которымъ умерла Савина, былъ на самомъ дѣлѣ жизнью Савиной съ ея дѣтскихъ лѣтъ. Въ тѣ долгіе годы, когда петербургская публика восхищалась и преклонялась предъ Маріей Гавріиловной Савиной, кому приходило въ голову, что эта царица русской сцены шести лѣтъ отъ роду уже обрѣла свое призваніе и свой не оставлявшій ее до гроба девизъ!

Шести лѣтъ отъ роду, Савина впервые попала въ Одессѣ въ театръ на представленіе балета «Зефиръ и Флора», и съ этихъ поръ героиня балета, Мими, и театръ заняли все ребяческое существованіе будущей великой артистки.

Музы призвали къ священной жертвѣ ребенкомъ свою избранницу, и маленькая Маруся Подраменцева-Стремлянова цѣлыми часами простаивала передъ зеркаломъ, подражая прыжкамъ и тѣлодвиженіямъ Мими, ночью, лежа въ постели съ открытыми глазами, видѣла ее носящейся передъ собою въ воздухѣ...

Трогательно разсказывала М. Г. Савина, какъ въ эту же пору своей жизни впервые изображала она въ Одессѣ мальчика въ пьесѣ «Уголино». Мальчикъ-Савина и мальчикъ, изображавшійся другой дѣвочкой, по пьесѣ умираютъ въ башнѣ отъ голода. Воспользовавшись полумракомъ, царившимъ на сценѣ, другая дѣвочка начала уничтожать сладкій пирогъ, данный ей кѣмъ-то, чтобы она не плакала. И будьте увѣрены, что изъ этой дѣвочки никогда не сформировалась бы актриса въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а тѣмъ болѣе актриса-волшебница. какія бы школы она ни проходила, будучи взрослой.

Но въ ребенкѣ, одухотворенномъ талантомъ и призваніемъ свыше, какъ Савина, этотъ естественный поступокъ дѣвочки, что-то впервые изображавшей на сценѣ, вызвалъ недѣтскую бурю возмущенія...

Не смѣй ѣсть! - громкимъ шопотомъ сказала маленькая Савина дѣвочкѣ. — Не смѣй! Вѣдь мы умираемъ на сценѣ отъ голода!

И будущая «царица сцены» властнымъ жестомъ вырвала изъ рукъ легкомысленной товарки злосчастный пирогъ и запрятала его въ солому.

Дѣвочка заорала... Протянувшаяся рука режиссера зажала ей ротъ, а потомъ утащила со сцены. Послѣ спектакля маленькой Савиной досталось.

Возможно, что этотъ режиссеръ потомъ училъ многихъ актрисъ. Но онъ былъ самъ неучъ и бездарность, если не понялъ въ шестилѣтнемъ ребенкѣ великаго движенія лучистой художественной души, проявившейся такъ ярко въ этомъ инцидентѣ...

Хоронимъ и оплакиваемъ мало-по-малу старую талантливую Россію... Что-то родитъ, что принесетъ намъ новая Россія?

Старый театралъ.

---

13 IX 1915. № 205.

«ВѢЧНО-МОЛОДАЯ»...

(Памяти М. Г. Савиной).

Съ нами уже нѣтъ Маріи Гавріиловны! Нѣтъ «вѣчно-молодой» Савиной, которая обладала счастьемъ сохранить чистоту своей души до почтенныхъ сѣдинъ, которая до 62 лѣтъ донесла съ благоговѣніемъ священный огонь дарованія... Онъ свѣтилъ всѣмъ и согрѣвалъ каждаго,—для яркаго небеснаго пламени не было «ни эллина, ни іудея», существовалъ только человѣкъ...

Блаженъ, кто понялъ съ колыбели
Свое призванье въ жизни сей,
И смѣло шелъ между зыбей
Къ предѣлу избранныя цѣли.

Эти слова А. Майкова особенно примѣнимы къ Савиной. Выступивъ восьмилѣтнимъ ребенкомъ на сцену, пройдя самую суровую школу провинціальныхъ мытарствъ, встрѣчая на своемъ тернистомъ служебномъ пути множество мелей и перекатовъ, Савина никогда не падала духомъ, всегда являлась, прежде всего, упрямой работницей, постоянно стремилась къ идеалу художественнаго творчества и вполнѣ достигла того, о чемъ всегда мечтаютъ хорошіе русскіе люди:

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте!.. Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!..

Что же посѣяно «вѣчно-молодою» М. Г. Савиной?

Очень и очень многое!.. Не станемъ долго говорить о внушительныхъ итогахъ артистической дѣятельности почившей,—объ этомъ уже немало говорено и писано. Скажемъ только, что М. Г. выступала въ тысячахъ пьесъ—это безъ всякаго преувеличенія!..

Вотъ та трудовая школа, которая сдѣлала изъ безызвѣстной дѣвочки—актрисы Маши Стремяновой европейскую извѣстность—Марію Гавріиловну Савину...

Повторяемъ, эти итоги уже учтены и неизгладимо вписаны въ лѣтописи искусства...

Но Савина была не только артистомъ-художникомъ, но и артистомъ-товарищемъ. Она была одною изъ учредительницъ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, съ момента возникновенія котораго русскій театръ становится на прочное основаніе серьезнаго дѣла, а не случайнаго предпріятія. Затѣмъ, М. Г. Савина сумѣла провести въ жизнь мысль о взаимо-

помощи и почти одна создала Убѣжище для престарѣлыхъ артистовъ. Интересы этого филантропическаго учрежденія всегда были для М. Г. самыми насущными, самыми дорогими...

Савина была всегда самой собою. Въ уборной театра, на репетиціи, въ товарищескомъ кружкѣ, на шумныхъ, многоголосныхъ съѣздахъ и въ интимной обстановкѣ личной работы—Марія Гавріиловна была непримиримымъ врагомъ «позы» и «жеста».

— Все нужно и все изящно, что искренно!—выразилась она однажды на вопросъ досужаго интервьюера: к а к ъ о н а о п р е д ѣ л я е т ъ и з я щ н о е?

Ложь и лицемѣріе всегда возмущали М. Г. до глубины души, но особенно она не выносила хладнокровнаго, механическаго отношенія къ дѣлу: «люди въ футлярѣ» были противны ей до тошноты...

Передаютъ такой казусъ: на одномъ изъ съѣздовъ, на которомъ предсѣдательствовала М. Г. Савина, былъ затронутъ какой-то вопросъ, не включенный въ повѣстку дня, и кто-то вскользь замѣтилъ о неумѣстности его обсужденія. М. Г. многозначительно посмотрѣла на актера-чиновника и сейчасъ же сдѣлала перерывъ. Въ перерывѣ затронутый вопросъ обсудили приватно.

Такъ умѣла Савина учить порядку слишкомъ ревнивыхъ «блюстителей повѣстокъ»...

Савина скончалась отъ паралича сердца...

Несчастное сердце русской интеллигентной женщины!.. Кто можетъ сказать, что способно выносить оно и отъ чего сразу перестанетъ биться?!.. Оно снесетъ тысячи ударовъ по самолюбію, но не проститъ ни одного оскорбленія священнаго принципа; оно перенесетъ милліоны терзаній личнаго свойства, но не выдержитъ поруганія вселенской правды, общечеловѣческой совѣсти... У каждаго искренняго человѣка есть свой интимный алтарь, свое «святая святыхъ», куда нѣтъ входа постороннимъ. Но душа Маріи Гавріиловны была всегда настежь открыта для всѣхъ и каждаго; она принимала отзывчиво, при единственномъ только условіи, чтобы приходящій былъ дѣйствительнымъ товарищемъ и другомъ святого искусства...

Немудрено, что сердце великой артистки устало страдать тайнымъ страданіемъ лучшихъ людей міра—поисками абсолютной справедливости...

Маріи Гавріиловны нѣтъ съ нами, но она всегда жива для насъ—и мятущійся образъ этой «вѣчно-молодой» натуры, полной кипучей дѣятельности, будетъ безсмертнымъ, какъ въ пантеонѣ русскаго театра, такъ и среди лучшихъ русскихъ людей...

Н и к о л а й С о ѣ д о в ъ.

19—IX—1915. № 209.

НАБРОСКИ.

На сцену жизни выходятъ «новыя силы»... Однако, эти новыя силы—достаточно старые знакомые толпы. Ихъ хорошо знаютъ и, въ сущности, отъ нихъ ничего не ждутъ. На гребень текущей мутной волны ихъ выноситъ ставшее хроническимъ нашимъ недугомъ безвременье, общественное не новое свойство, признающее на безрыбьи и рака рыбой. Въ нашей жизни промелькнули яркіе весенніе, животворные лучи, когда прогремѣлъ первый громъ великой войны, и народъ съ просвѣтленной и раскаявшейся душой сталъ безтрепетно очищенный отъ скверны молніями, озарившими горизонтъ, передъ неисповѣдимыми зигзагами своего историческаго бытія. Въ бликахъ этихъ лучей зрѣли надежды, что бушующее кровавое море войны разбудитъ дремлющій геній Россіи, и на жизненную арену выйдутъ таившіяся гдѣ-то въ завороженной мирнымъ туманомъ тиши талантливыя силы, которыхъ мы такъ долго ждемъ... Но сіяніе новой зари померкло, и, несмотря на то, что громъ гремитъ все грознѣе и ближе, а молніи безпрерывнымъ полыемъ озаряютъ наше небо, потянулись вновь мглистые и сѣрые дни—и потянулись на сумрачную сцену жизни старые знакомцы.

Мы оглядывали ихъ уже со всѣхъ сторонъ десять лѣтъ и мы знаемъ съ закрытыми глазами ихъ примѣты. Мы знаемъ, что ихъ вынесло на гребень житейской волны безвременье, а мысль подсказываетъ, что сейчасъ мы переживаемъ самое великое время своей исторіи и существованія. Мы ждали иного, иныхъ силъ, ждали талантовъ, а все то же... фальсификація и суррогатъ... туманъ, сумерки и осенніе хляби.

Въ короткое время ушли въ иной міръ Савина, Дуриово, Челышевъ, К. Маковскій. Разными дорогами шли въ жизни эти— увы!—теперь покойники, но всѣ они были воплощеніемъ таланта и силы, настоящими великими дѣтьми великой Родины, богатырями «не то, что нынѣшнее племя»...

Умерла Савина—и осиротѣлъ русскій театръ... Умеръ Дуриово—и тяжкую утрату понесла русская государственность. Ушла сила, которую не могли запугать и сломить никакія революціонныя бури. Палъ утесъ, который непоколебимо стоялъ среди бушующихъ красныхъ волнъ и владѣлъ секретомъ сильной государственной власти, какъ виртуозъ владѣетъ своимъ инструментомъ. Умеръ Челышевъ, народный трибунъ, взявшій разъяреннаго быка—россійское пьянство—прямо за рога и безъ любезныхъ новымъ силамъ подходцевъ къ учредительному собранію проложившій дорогу родному народу къ величайшей свободѣ, къ освобожденію отъ пьянаго недуга. Свалился отъ ужаснѣйшаго и безсмысленнаго случая Константинъ Маковскій—вѣчно-юный талантъ, краса и гордость русскаго искусства, имя котораго гремѣло по всему міру.

И это въ теченіе какихъ-нибудь десяти дней! Такія невознаградимыя потери! Такое оскудѣніе старой, талантливой, блестящей Россіи!

А тутъ на сцену выходятъ новыя силы,—силы, которыя въ теченіе десяти лѣтъ ничего не сумѣли дать странѣ, кромѣ смуты, разъединенія, ослабленія и умаленія дивнаго имени Россіи!

Ахъ, не засилья этихъ силъ ожидала въ величавомъ и свѣтломъ подъемѣ Россія при первыхъ раскатахъ грозы, когда очищенная пламенемъ войны отъ грѣховъ страна, казалось, отметала отъ себя гниль!..

А. Вакуловскій.

17—X—1915. № 232.

М. Г. САВИНА И РУССКОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО.

(Къ сороковому дню кончины).

По иниціативѣ М. Г. Савиной, 1-го октября 1883 года въ Петербургѣ было основано «Общество для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ», преобразованное потомъ въ «Русское Театральное Общество».

Ея же заботами возникли въ 1896 году «Убѣжище для престарѣлыхъ и больныхъ артистовъ» и «Дѣтскій Пріютъ для сиротъ сценическихъ дѣятелей», а также построенъ и храмъ при Убѣжищѣ на Петровскомъ островѣ. Наконецъ, въ 1910 году на Высочайше дарованной Обществу землѣ на Петровскомъ островѣ открытъ и Пансіонъ на 12 мальчиковъ и 8 дѣвочекъ школьнаго возраста, кои посѣщаютъ учебныя заведенія, получая полное содержаніе въ названномъ Пансіонѣ. Почетнымъ попечителемъ Убѣжища для артистовъ и Дѣтскаго Пріюта состоитъ С. П. Елисѣевъ, который, по ходатайству М. Г. Савиной, пожертвовалъ Театральному Обществу 250.000 рублей на разныя нужды Общества и на покрытіе дефицитовъ Общества, послѣ того какъ въ 1910 году Государственной Думой было отказано въ дальнѣйшемъ производствѣ субсидіи изъ казны. Находясь въ 1912 году въ Ессентукахъ, М. Г. Савина, при содѣйствіи другихъ артистовъ, устроила въ санаторіи Азау литературно-музыкальный вечеръ, сборъ съ котораго поступилъ на учрежденіе трехъ стипендій имени Савиной, Варламова и Давыдова въ Ессентукскомъ Обществѣ санаторій; такая стипендія даетъ право больному

артисту пользоваться въ санаторіи доктора Зернова полнымъ содержаніемъ. Въ 1914 году призрѣваемыхъ въ Убѣжищѣ на Петровскомъ островѣ было 38 артистокъ и артистовъ; для нихъ, заботами М. Г. Савиной, устраивались предъ большими праздниками литературно-музыкальные вечера съ участіемъ лучшихъ артистовъ Императорскихъ театровъ и частныхъ сценъ. Капиталы Пріюта для дѣтей сценическихъ дѣятелей достигли 24.172 р., въ томъ числѣ капиталъ стипендіи М. Ф. Кшесинской въ 6.000 р. (съ 1904 г.), М. Н. Ермоловой—852 р., А. Е. Молчанова—6.000 р., М. Г. Савиной—712 р.; кромѣ того, при самомъ Обществѣ въ 1896 году учреждена стипендія имени М. Г. Савиной въ суммѣ 6.000 р., процентами съ коей обезпечено содержаніе инвалиднаго артиста въ Убѣжищѣ.

Главная организаторская роль принадлежала М. Г. Савиной и по устройству многочисленныхъ концертовъ, спектаклей и маскарадовъ на усиленіе средствъ Театральнаго Общества за долгій періодъ тридцатилѣтняго существованія Общества, предсѣдательницей Совѣта котораго уснувшая артистка была послѣднія пять лѣтъ.

Утрата Обществомъ такой энергичной и высокополезной предсѣдательницы, какою была М. Г. Савина, останется надолго незамѣнимою.

8—III—1916. № 54.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О М. Г. САВИНОЙ.

Сегодня, 8-го марта, исполняется полгода, какъ сошла съ жизненной арены Марія Гавріиловна Савина.

Изъ года въ годъ все болѣе и болѣе сиротѣютъ русскій театръ, русское искусство...

Надъ могилами отошедшихъ кого будемъ привѣтствовать? Гдѣ та «младая жизнь», которая была бы равноцѣнна отошедшей? Кто на русской сценѣ замѣнитъ Варламова, Савину и многихъ другихъ, которые такъ ярко сіяли на Олимпѣ русскаго искусства и которыхъ теперь уже нѣтъ?

На эти вопросы даетъ отвѣтъ сама М. Г. Савина.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ хоронили А. А. Потѣхина. Хорошо я помню эти похороны на кладбищѣ Александро-Невской лавры. Старички, старушки, родственники и близкіе знакомые почившаго. Театръ представляли М. Г. Савина и В. П. Далматовъ (нынѣ тоже покойный). Крупныя имена, но все же ихъ было недостаточно, чтобы представительствовать отъ лица многолюднаго русскаго театральнаго міра на погребеніи А. А. Потѣхина... Печать и литература выражались въ лицѣ Ѳ. Д. Батюшкова, пишущаго эти строки, и двухъ-трехъ газетныхъ репортеровъ... А «благодарная» публика? Опять же, повторяю, десятокъ-другой старичковъ и старушекъ...

— Забыли!—слышалось въ единственной надгробной рѣчи, произнесенной В. П. Далматовымъ, въ рѣчи съ обычной Далматовской «слезой».

— Забыли!—тихо, шопотомъ, сказала и М. Г. Савина, когда я обратилъ ея вниманіе на малочисленность провожающихъ.

— Такъ и всѣхъ насъ забудутъ!..—со скорбной ноткой въ голосѣ произнесла она.

Однако, похороны Маріи Гавріиловны явились грандіозной манифестаціей глубокой скорби всѣхъ слоевъ общества о кончинѣ великой національной артистки. Тѣ цѣнности, которыя она внесла въ сокровищницу человѣческаго духа, такъ велики, что ихъ невозможно было забыть даже при страшной обстановкѣ необычайной войны...

Вечеромъ, въ тотъ же день похоронъ Потѣхина, я имѣлъ счастливый случай встрѣтиться съ Маріей Гавріиловной въ одномъ литературномъ семействѣ. Разговоръ зашелъ опять же о почившемъ.

— Правда, Потѣхина многіе недолюбливали и, можетъ быть, не безъ основанія,—сказала М. Г.,—но это все же не даетъ права на забвеніе его крупныхъ заслугъ передъ русскимъ

театромъ и литературой. Меня не печалитъ то, что на могилу его не принли молодыя силы, и литературныя, и артистическія... Конечно, и это недостаточно справедливо, но у молодыхъ все же есть нѣкоторое основаніе: они просто его не знаютъ, они его «не играли»... Но мнѣ больно, что не принли тѣ, которые до извѣстной степени на Потѣхинскомъ репертуарѣ составили свою артистическую карьеру... А такихъ, право, еще много... Неблагодарность не считается почему-то преступленіемъ, а мнѣ кажется, что неблагодарность хуже преступленія!..

Съ Потѣхина бесѣда незамѣтно перешла на старыхъ и новыхъ артистовъ.

— Старые артисты при всѣхъ ихъ общеизвѣстныхъ недостаткахъ мнѣ все же болѣе симпатичны,—сказала М. Г.—Можетъ быть,—съ улыбкою добавила она,—что я сама уже старѣю... Я искренно люблю этого несуразнаго, безалабернаго, но благороднаго Несчастливцева; я способна даже мириться съ не совсѣмъ нравственно опрятнымъ Счастливцевымъ, уже хотя бы потому, что онъ—талантливый комикъ... А молодые?.. Да, они внѣшне болѣе приличны, чѣмъ наши старики, они даже болѣе, если уже не образованы, то, по крайней мѣрѣ, грамотны, но, къ сожалѣнію, въ ихъ большинствѣ какъ-то рѣзко, непріятно рѣжетъ отсутствіе животворящаго духа...

— Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ неоднократно говорилъ, когда рѣчь заходила о нашихъ актерахъ,—продолжала М. Г.,—что Несчастливцевыхъ и Счастливцевыхъ создала крѣпостная эпоха, и они, конечно, кровь отъ крови, плоть отъ плоти ея... Мерзкая, конечно, эпоха, но въ ней все же была своя идеологія, создавшая хотя бы прекраснодушныхъ Кулигиныхъ. Ну, а современное поколѣніе нашихъ артистовъ?.. Вѣдь и они тоже плоть отъ плоти той мѣщанской полосы нашей жизни, которая такъ властно стремится теперь захлестнуть своими грязными волнами всѣ стремленія къ высшимъ идеаламъ... Старые артисты,—конечно, я говорю о массѣ, а не объ отдѣльныхъ крупныхъ представителяхъ сцены,—считали, что талантъ — все, а работа — нѣчто необязательное. Великое заблужденіе, которое чуточку было свойственно даже нашему великому Бѣлинскому! Нѣтъ, надо работать, упорно работать! Не только Мочаловское «нутро», но и Далматовская «слеза»—уже легенда, отдаленный отблескъ зарницы... Русскій театръ, русская сцена должны твердо идти по пути натурализма, и никакіе новаторы не въ состояніи подорвать его здоровыхъ корней...

— Правда,—закончила свою бесѣду великая артистка,—и въ этомъ направленіи кое-что уже устарѣло и требуетъ ремонта, но, помните, только ремонта... О, я глубоко вѣрю, что не оскудѣла еще Русская Земля талантами... Придетъ пора, когда измѣнятся условія нашей жизни въ болѣе хорошую сторону, когда возродится на новыхъ прекрасныхъ началахъ русскій театръ,—и не какъ праздная забава, а какъ великая народная школа!..

Н. Васильевъ.

ПОЛНОЧЬ.

(Петроградъ).

X—1915. № 1.

Александринскій театръ въ лицѣ М. Г. Савиной понесъ великую утрату. «Можно отставить Александринскій театръ отъ Савиной, но Савину отъ Александринскаго театра отставить нельзя»,—такъ писали газеты одно время, когда распространился слухъ, что Савина покидаетъ Александринскій театръ. И дѣйствительно: едва ли можно припомнить кого-либо, кто бы столь полновластно царствовалъ, какъ царила Савина въ Александринскомъ театрѣ, а потому слухъ объ ея уходѣ казался невѣроятнымъ. Конфликтъ былъ улаженъ, и Савина осталась.

Когда покойная Стрепетова покинула театръ, публика долгое время выражала свой протестъ въ видѣ свистовъ, шиканій и т. д. Можно себѣ представить, что́ бы поднялось, въ случаѣ ухода Савиной!

Въ теченіе долгихъ лѣтъ, до самаго конца, весь репертуаръ держался на ней; дублерши, актрисы могущей замѣнить ее, въ случаѣ ея болѣзни, не было, и приходилось назначенную пьесу для представленія замѣнять другой. А, между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы ея репертуаръ былъ бы недоступенъ для другихъ исполнительницъ. Однако, таковыхъ не было, нѣтъ и понынѣ, и надо думать, что въ настоящую минуту Дирекція театровъ находится въ затруднительномъ положеніи. Неумолимая смерть унесла неожиданно гордость русской сцены, еще долгіе годы могла бы незабвенная Марія Гавріиловна доставлять истинное наслажденіе ея многочисленнымъ почитателямъ.

Миръ праху твоему, чудный человѣкъ и великая актриса! Память останется навсегда въ сердцахъ нашихъ.

С. Г.

Къ этой статьѣ приложены портреты М. Г. Савиной: 1) на водахъ, въ Карлсбадѣ (1905 г.), и 2) въ роли Катерины («Гроза»).

ПОЛТАВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

(Полтава).

10—IX—1915. № 3867.

† М. Г. САВИНА.

Краткій некрологъ—перепечатанъ изъ «Южнаго Края», 9—IX—1915, № 12920. Такъ же, какъ: въ «Родномъ Краѣ», 11—IX—1915, № 999; въ «Трудовой Газетѣ», 11—IX—1915, № 1901; въ «Ялтинскомъ Курьерѣ», 12—IX—1915, № 194.

17—IX—1915. № 3874.

ПАМЯТИ БОЛЬШОГО ХУДОЖНИКА СЦЕНЫ.

Статья Горнова.

Эта же статья напечатана: въ «Витебскомъ Вѣстникѣ», 17—IX—1915, № 206; въ «Уфимскомъ Краѣ», 19—IX—1915, № 204; въ «Русской Рѣчи», 23—IX—1915, № 2956. Текстъ этой статьи—см. «Витебскій Вѣстникъ».

Въ заключеніе статьи Горнова приведенъ здѣсь очеркъ А. Ежова «Савина» — изъ «Кіевлянина», 10—IX—1915, № 249.

ПОЛТАВСКІЙ ДЕНЬ.

(Полтава).

10—IX—1915. № 729.

КЪ КОНЧИНѢ М. Г. САВИНОЙ.

Умерла Марія Гавріиловна Савина...

Умерла одна изъ стан славныхъ.

Марія Гавріиловна умерла, не переживъ своего таланта, до самой могилы сохранивъ свѣжимъ и кристально чистымъ свой чудный Божій даръ.

Опущены краткія біографическія свѣдѣнія.

Поэтическая женственность, подкупающе искренняя веселость и рядомъ глубокій захватывающій драматизмъ — всѣ эти данныя помогли громадному таланту усопшей артистки изваять галлерею блестящихъ сценическихъ воплощеній.

Гоголь, Островскій, Потѣхинъ, Тургеневъ, Шекспиръ, Ибсенъ, Зудерманъ—всѣ они блистали яркими лучами въ огнѣ творчества незабвенной Маріи Гавріиловны.

Умерла Савина...

Мучительной болью отзываются эти слова. Умерла, не оставивъ намъ наслѣдницы своего прекраснаго нерукотвореннаго богатства.

Будемъ скорбѣть объ утратѣ и съ благоговѣніемъ вспоминать ея свѣтлую память.

Въ заключеніе, приведены краткія свѣдѣнія о послѣднихъ минутахъ жизни М. Г. Савиной—по сообщеніямъ столичныхъ газетъ.

16—IX—1915. № 784.

У СВѢЖЕЙ МОГИЛЫ.

(Отъ нашего корреспондента).

Похоронили М. Г. Савину. Наканунѣ похоронъ, день 10-го сентября, съ покойной прощался весь Петроградъ, прощалась петроградская публика, такъ любившая и цѣнившая артистку. Торжественная погребальная процессія, заключенная въ цѣпь, образованную артистами и почитателями покойной и окруженная многолюдной толпой, медленно прошла почти черезъ весь городъ, и всюду по пути слѣдованія шпалерами стояла безмолвная серьезная толпа, провожая глазами послѣдніе останки великой артистки и большой женщины.

Свѣтило солнце, играя на красивомъ покровѣ гроба, серебряныхъ вѣнкахъ и золотыхъ ризахъ, словно даря ей послѣднія ласки. И это молчаливое прощаніе толпы съ любимой артисткой было, пожалуй, торжественнѣе и значительнѣе произнесенныхъ рѣчей.

Хоронили Марію Гавріиловну, по ея желанію, въ Убѣжищѣ престарѣлыхъ артистовъ, одной изъ учредительницъ котораго она была и о которомъ неусыпно заботилась. Маленькая, изящная и художественно красивая церковь Убѣжища не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ помолиться, и многіе оставались въ стеклянной галлереѣ, примыкавшей къ церкви, а посторонняя публика въ церковь совсѣмъ не попала.

Около гроба по очереди дежурили сотоварищи покойной по сценѣ, и ихъ скорбныя фигуры въ траурѣ особенно подчеркивали понесенную ими утрату. Въ церкви находился управляющій Императорскими театрами г. Теляковскій, депутаціи отъ театровъ столицъ и провинціи, товарищи покойной, престарѣлые актеры и актрисы, ученики и ученицы, родственники и друзья.

Могила находится въ небольшомъ палисадникѣ позади Убѣжища, на томъ мѣстѣ, гдѣ любила сиживать Марія Гавріиловна, подъ сѣнью двухъ высокихъ липъ и передъ окнами призрѣваемыхъ. Сюда пріѣзжала она облегчать, ободрять и отдыхать; здѣсь же и осталась навѣки. Къ моменту выноса у могилы столпились всѣ, близко стоявшіе къ покойной. Тутъ мать ея 80-лѣтняя старуха, потрясенная неожиданной потерей, убитый горемъ, самъ больной, мужъ ея А. Е. Молчановъ, престарѣлый Кони, вся въ черномъ, съ трясущейся отъ волненія головой, почтенная артистка Васильева, осиротѣвшій Давыдовъ, режиссеры, депутаты, товарищи...

Рѣчей произнесено было немного; говорили: артистъ В. Н. Давыдовъ, Желябужскій—отъ Театральнаго Общества, Градовъ—отъ провинціальныхъ актеровъ, режиссеръ Долиновъ и нѣкоторые артисты. Но въ этихъ немногихъ рѣчахъ ярко и выпукло былъ обрисованъ духовный обликъ покойной, не только какъ артистки, но и какъ женщины; въ нихъ высказано было, что со смертью Маріи Гавріиловны теряетъ общество.

Я знаю, что найдется не мало и такихъ людей, которые, при извѣстіи о смерти Савиной, лишь пожали плечами и которые находятъ неподходящимъ въ дни національныхъ бѣдствій

горевать о смерти артистки, къ тому же, удачно прожившей жизнь, достигшей блестящей старости и удостоившейся легкаго безболѣзненнаго конца.

Мы вѣдь мало цѣнимъ своихъ великихъ людей. Эта истина довольно стара. Несомнѣнно, что война съ ея ужасами, бѣдствіями и страданіями на время заслонила отъ насъ всѣ другіе интересы; но было бы величайшей неблагодарностью не почтить ту, кто въ мирное время вызывала столько высокихъ переживаній.

Со смертью Савиной окончательно и безвозвратно уходитъ въ область исторіи прежняя классическая школа, созданная ею и ушедшими ранѣе ея сподвижниками. Мы не бѣдны талантами, они есть и сейчасъ на русской сценѣ,—можетъ быть, не менѣе цѣнные... Но удѣльный вѣсъ иной... И возстановить утраченное уже потому трудно, что переживанія стали другими и у публики, и у актеровъ, и у дѣйствующихъ лицъ. Прежде стыдились выраженія чувствъ душевной слабости, боялись грѣха, не любили жаловаться и ныть. И вся гамма чувствъ и переживаній, сконцентрируясь въ душѣ человѣка, какъ бы сгущалась, получала особую полноту и глубину и, высказанная, пріобрѣтала необычайную силу и выразительность, придавала словамъ и дѣйствіямъ особое благородство, свойственное лишь людямъ той эпохи. А теперь малѣйшій изгибъ души, малѣйшее движеніе мысли выкладываются и вырисовываются съ особой тщательностью—и хотя легче воспринимаются, но зато не имѣютъ ни красочности, ни глубины прежнихъ переживаній.

Со смертью Савиной мы потеряли не только артистку, но еще и выдающуюся общественную дѣятельницу съ «ураганной силой жизненности», по выраженію В. Н. Давыдова. Въ рѣчахъ, произнесенныхъ надъ ея могилой, ее называли: «Матерью русскаго актера», «Собирательницей русскаго театра», «Нянькой Александринскаго театра» и, какъ она именовала себя въ шутку, «Старшимъ разсыльнымъ Театральнаго Общества». Она была настоящая русская женщина,—властолюбивая, правда; но при колоссальной силѣ ея духа эта черта становилась понятной и неизбѣжной. Она никогда никому не отказала въ просьбѣ, не знала слова «завтра», не знала отдыха... Съ утра и до ночи на ногахъ,—на репетиціи, въ Лазаретѣ, въ Убѣжищѣ, въ Театральномъ Обществѣ, въ Школѣ, въ хлопотахъ о комъ-нибудь,—она часто едва успѣвала пообѣдать, и, если въ короткіе часы отдохновенія къ ней приходилъ проситель, она приказывала его принять.

Въ надгробной своей рѣчи режиссеръ Александринскаго театра Долиновъ напомнилъ цитату изъ Оскара Уайльда: «трагедія старости въ томъ, что, старѣя, чувствуешь въ себѣ юную душу»... Душа Савиной была поражающе молода, и, чувствуя это, она не считалась съ набѣгающими годами. Настала минута, когда состарившееся тѣло не выдержало напора сильной души—и... Савина сгорѣла. Намъ особенно нужны теперь люди сильные и юные духомъ,—страна наша возрождается къ новому могучему существованію изъ моря крови и страданій, изъ пепла и дыма пожаровъ... Помянемъ же съ благодарностью и уваженіемъ ту, которая своей жизнью, полной кипучей и плодотворной дѣятельности, подаетъ намъ примѣръ, какъ могутъ работать русскіе люди.

О. Алабина.

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ.

(Кіевъ).

9—IX—1915. № 3299.

М. Г. САВИНА.

(Некрологъ).

Не успѣло еще изгладиться тяжелое впечатлѣніе кончины красы русскаго театра—К. А. Варламова, какъ телеграфъ приноситъ новую печальную вѣсть: скончалась Марія Гавріиловна

Савина. Какъ велика эта потеря для русской сцены — говорить не приходится. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій имя М. Г. было такъ тѣсно связано съ судьбами русскаго театра, что теперь разъединеніе ихъ кажется невозможнымъ... Но оно все же произошло. Неумолимая смерть оторвала М. Г. отъ сцены. Но она не въ состояніи будетъ уничтожить духовную связь между талантомъ и искусствомъ. Эта связь существуетъ вѣчно. Не забудетъ русскій театръ имя М. Г. Савиной, какъ не забылъ онъ именъ другихъ своихъ славныхъ дѣятелей.

М. Г. родилась въ Каменецъ-Подольскѣ 30-го марта 1854 года. Отецъ ея, Г. И. Подраменцевъ, былъ учителемъ рисованія и часто игралъ на сценѣ подъ фамиліей Стремлянова. Въ концѣ 50-хъ годовъ онъ всецѣло отдался театру и кочевалъ по городамъ юга Россіи. М. Г. выступила на сценѣ въ первый разъ восьмилѣтней дѣвочкой въ драмѣ «Эсмеральда», поставленной въ Одесскомъ Городскомъ театрѣ. Затѣмъ, она играла мальчика въ драмѣ Полевого «Уголино или Башня голода». Съ августа 1869 года, съ пятнадцатилѣтняго возраста, М. Г. всецѣло отдалась артистической дѣятельности. Она первое время играла вмѣстѣ съ отцомъ въ Минскѣ, дебютируя въ водевилѣ «Бѣдовая бабушка», въ роли Глаши. Жалованья ей было положено 30 рублей въ мѣсяцъ, но послѣ успѣха въ водевилѣ «Гамлетъ Сидоровичъ» ей прибавили 10 рублей и дали полъ-бенефиса. Затѣмъ, М. Г. получаетъ уже 50 рублей въ Харьковскомъ театрѣ у Дюкова, но играетъ тамъ только одинъ лѣтній мѣсяцъ и уѣзжаетъ въ Калугу вмѣстѣ съ актеромъ И. И. Савинымъ, за котораго вышла замужъ въ Харьковѣ. Изъ Калуги уѣхала на ярмарку въ Нижній-Новгородъ. Здѣсь съ ея артистическимъ дарованіемъ знакомится покойный И. М. Медвѣдевъ. Онъ пригласилъ М. Г. въ свою труппу и увезъ въ Казань. Какъ въ Казани, такъ въ Саратовѣ и Орлѣ, гдѣ играла труппа Медвѣдева, М. Г. принимала участіе, между прочимъ, въ опереточныхъ спектакляхъ. Молодая артистка имѣла шумный успѣхъ, и антрепренеры старались пригласить ее въ свои труппы. Оперетка не удовлетворяла артистку, и въ 1872 году она играла уже первое амплуа въ драмахъ и комедіяхъ Саратовскаго театра, получая по 450 рублей въ мѣсяцъ и два бенефиса въ сезонъ. Пріѣхавъ въ 1874 году погостить въ Петербургъ, она дебютировала 17-го марта въ Благородномъ Собраніи въ неиграной драмѣ Антропова «Блуждающіе огни», въ роли Елены Григорьевны.

Присутствовавшіе на этомъ спектаклѣ многіе артисты Императорскихъ театровъ обратили вниманіе на ея дарованіе. Было доложено покойнымъ А. А. Нильскимъ о ней управляющему Императорскими театрами П. С. Ѳедорову, и Савиной были назначены дебюты. На сценѣ Александринскаго театра М. Г. выступила впервые 9-го апрѣля 1874 года въ роли Кати, въ комедіи «По духовному завѣщанію», затѣмъ, сыграла роль Новской въ водевилѣ «Она его ждетъ». Успѣхъ былъ рѣдкій. М. Г. предложили ангажементъ, и былъ заключенъ контрактъ на три года. Она была приглашена на амплуа ingénue, вакантное послѣ Яблочкиной 2-й. Первое время М. Г. играла по преимуществу роли «наивностей». Всю же глубину и ширь своего таланта ей удалось показать публикѣ 27-го сентября 1874 года, когда шла на Александринскомъ театрѣ комедія Н. А. Потѣхина «Злоба дня». Главную роль играла Савина. Съ этихъ поръ М. Г. стала мало-по-малу царить въ театрѣ, покоряя сердца зрителей своимъ талантомъ и заставляя переживать ихъ во время спектакля радости и страданія тѣхъ героинь пьесъ, роли которыхъ она исполняла.

Репертуаръ Савиной обширенъ. Перечислить всѣ созданныя ею роли все равно, что перименовать весь репертуаръ Островскаго, всѣ болѣе или менѣе выдающіяся драматическія произведенія, поставленныя на Александринской сценѣ за послѣдніе сорокъ лѣтъ.

Въ 1882 году М. Г. вышла вторично замужъ за Всеволожского.

Въ день чествованія двадцатипятилѣтія артистической дѣятельности Савиной ей Высочайше пожаловано званіе «заслуженной артистки». Франція отмѣтила ея талантъ академическими пальмами (Officier d'académie), другія государства—различными орденами.

9—IX—1915. № 3300.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Рѣдѣютъ ряды сценической гвардіи, создавшей золотой вѣкъ русскаго театра.

Въ короткое время не стало Далматова, Стрѣльской, Варламова, и вотъ сценическій міръ снова оглушенъ новымъ тяжелымъ ударомъ—кончиной М. Г. Савиной.

Осиротѣлъ не только Александринскій театръ, сразу лишившійся лучшихъ своихъ діамантовъ,—вмѣстѣ съ нимъ опустошенъ русскій драматическій театръ.

Савина унесла съ собою цѣлую эпоху русскаго театра, тѣ славныя традиціи реалистическаго направленія, когда въ центрѣ театра стоялъ и ярко горѣлъ свѣтильникъ актерскаго вдохновенія и таланта.

Сейчасъ эта утрата тѣмъ тяжелѣе для театра нашихъ дней, что въ немъ наступила полоса сценической анеміи и все рѣже встрѣчаются, даже среди избранныхъ, столь полнокровныя сценическія дарованія.

Роль Савиной въ русскомъ театрѣ, какъ исключительной по таланту актрисы, хорошо знаетъ, кто хоть сколько-нибудь интересуется судьбами русскаго сценическаго искусства. Но, кромѣ того, въ ея лицѣ мы имѣли и выдающуюся общественную дѣятельницу, непоколебимо работавшую на пользу русскаго театра.

Сначала въ Обществѣ пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ, гдѣ была энергичнымъ членомъ Совѣта и секретаремъ Общества, а затѣмъ въ преобразованномъ изъ него Императорскомъ Русскомъ Театральномъ Обществѣ, гдѣ состояла самымъ активнымъ дѣятелемъ и впослѣдствіи даже состояла его предсѣдателемъ.

Много заботъ и труда удѣляла М. Г. Савина благотворительнымъ учрежденіямъ Театральнаго Общества—Пріюту для дѣтей сценическихъ дѣятелей и Убѣжищу для престарѣлыхъ артистовъ. Всѣ эти учрежденія по преимуществу—созданія М. Г. Савиной. Несмотря на свое высокое положеніе заслуженной актрисы, она не забывала воспитавшей ея талантъ театральной провинціи.

Небезынтересно по этому поводу вспомнить небольшую рѣчь М. Г. Савиной, сказанную ею на Первомъ Съѣздѣ русскихъ сценическихъ дѣятелей въ 1897 году въ Москвѣ въ отвѣтъ на выраженную Съѣздомъ благодарность за ея труды:

«Въ пьесѣ «Царевна Софія» я, играя Стрѣльчиху, должна была выбѣгать съ толпой народа, въ которой было много статистовъ-солдатъ. Режиссеръ поставилъ насъ въ самую глубину сцены, и я задолго до начала занимала свое мѣсто. Въ одинъ изъ спектаклей близъ стоявшій солдатикъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Откуда ты родомъ?» И когда я назвала губернію, гдѣ родилась, его лицо просіяло, и онъ, схвативъ меня за руку, вскрикнулъ: «Не изъ нашей ли деревни?» Я никогда не забуду ни выраженія его лица, ни глазъ, полныхъ радостныхъ слезъ, ни звука его голоса. Петербургъ далъ мнѣ славу, положеніе, деньги, но я ни на минуту не забывала «нашей деревни», мою родину—провинцію, и, при встрѣчѣ съ каждымъ изъ прежнихъ товарищей, я испытываю то же, что мой землякъ-солдатикъ».

М. Шелюбскій.

10—IX—1915. № 3301.

М. Г. САВИНА ВЪ КІЕВѢ.

(Изъ театральнаго прошлаго).

Первое сценическое выступленіе М. Г. Савиной въ Кіевѣ состоялось 8-го мая 1867 года, когда почившей артисткѣ было 13 лѣтъ отъ роду.

Савина тогда сыграла роль Егорушки въ пьесѣ Островскаго «Бѣдность не порокъ», поставленной для гастролей артиста Императорскихъ театровъ П. В. Васильева.

Пріѣздъ въ Кіевъ М. Г. Савиной въ качествѣ актрисы, вполнѣ сложившейся и пріобрѣвшей уже большую извѣстность, состоялся лишь черезъ 10 лѣтъ.

31-го мая 1877 года въ лѣтнемъ театрѣ «Шато-де-флеръ», въ «Злобѣ дня» Потѣхина, въ роли Елены Градищевой, впервые предстала передъ кіевлянами М. Г. Савина, слава которой уже успѣла дойти до Кіева. Время тогда для театра было неудачное, такъ какъ всѣ интересы публики были поглощены войной 1877—1878 гг.

Газета «Кіевлянинъ» даже отказалась отводить мѣсто театральнымъ рецензіямъ.

Савиной былъ оказанъ на первомъ спектаклѣ холодный пріемъ, хотя къ концу спектакля талантъ актрисы растопилъ холодъ зрительной залы, и выступленіе ея можно было, тѣмъ не менѣе, считать полной побѣдой.

Второе выступленіе М. Г. въ пьесѣ В. Александрова «Въ осадномъ положеніи», въ роли Лизы Черенковой, окончательно закрѣпило успѣхъ талантливой молодой артистки.

По словамъ И. И. Николаева, автора драматическаго очерка «Драматическій театръ въ Кіевѣ» (1803—1893 гг.),—«дальнѣйшіе спектакли М. Г. были настоящимъ торжествомъ настоящаго, исключительнаго таланта, относительно котораго не было ни различныхъ мнѣній, ни партій, а единодушное, восторженное изумленіе предъ божественной красотой его проявленія». Строгая редакція «Кіевлянина» ставила Савину на ряду съ такими гигантами сцены, какъ Орлова, Вѣра Самойлова, Моловъ, Мартыновъ, Щепкинъ. Выступала М. Г. Савина въ Кіевѣ въ свой первый пріѣздъ въ пьесахъ: «Завоеванное счастье», «Фру-Фру», «Семейные разсчеты» «До поры до времени», «Капризница», «Блуждающіе огни», «Ночное».

Въ «Ночномъ» съ М. Г. Савиной выступалъ находившійся тогда въ Кіевѣ И. Ѳ. Горбуновъ.

Спектакли съ участіемъ М. Г. дѣлали полные сборы.

Савину уговорили остаться на нѣсколько дополнительныхъ спектаклей.

Такъ, М. Г. выступала въ бенефисъ г. Форкатти, въ пьесѣ «Змѣй Горынычъ» Александрова, въ роли Насти Кружниковой. 5-го іюля состоялся бенефисъ М. Г. Савиной, поставившей переводную пьесу Крылова «Вокругъ огня не летай». Успѣхъ былъ у артистки огромный. Закончились гастроли М. Г. Савиной выступленіемъ въ роли Офеліи. Послѣдній спектакль былъ исключительнымъ тріумфомъ М. Г. Савиной.

Слѣдующія гастроли М. Г. Савиной были объявлены І. Я. Сѣтовымъ въ 1879 году.

Несмотря на конецъ мая, время, явно неподходящее для гастролей, и невзирая на возвышенныя цѣны, весь объявленный абонементъ, состоявшій изъ 20 гастрольныхъ спектаклей, былъ исключительно удачно покрытъ. Сборы были все время полные. Артистка для первой гастроли сыграла Елену Кармину въ модной тогда «Женитьбѣ Бѣлугина», а затѣмъ играла въ пьесахъ: «Фру-Фру», «Маіорша», «Выгодное предпріятіе», «Сверчокъ», «Ромео и Юлія», «Свадьба Фигаро», «Много шуму изъ пустяковъ», «Послѣдняя жертва».

Спектакли продолжались до 30-го іюля и прошли съ шумнымъ успѣхомъ. Особенно восторгались тогда исполненіемъ Савиной роли Тугиной въ «Послѣдней жертвѣ». Артисткѣ посвящали самые восторженные отзывы въ печати.

М. Г. Савина послѣ окончанія своихъ гастролей осталась въ Кіевѣ на нѣсколько дней и выступила въ первомъ спектаклѣ новооткрытаго тогда Кіевскаго Русскаго Драматическаго Общества.

Спектакль состоялъ изъ пьесъ: комедіи «Лакомый кусочекъ» Крылова и водевиля «Она его ждетъ».

Общество тогда почтило М. Г. Савину избраніемъ въ почетные члены.

Послѣ отмѣченныхъ двухъ пріѣздовъ, М. Г. Савина часто посѣщала Кіевъ во время своихъ гастрольныхъ поѣздокъ по провинціи и неизмѣнно ей здѣсь сопутствовалъ большой, вполнѣ заслуженный успѣхъ.

Въ послѣдній разъ М. Г. Савина гастролировала въ Кіевѣ весною 1910 года.

М. Ш—ій.

13—IX—1915. № 3307.

ИЗЪ ПРОШЛАГО М. Г. САВИНОЙ.

Перепечатано изъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», 9—IX—1915, № 15078. Такъ же, какъ: въ «Волгарѣ», 12—IX—1915, № 249; въ «Одесскихъ Новостяхъ», 14—IX—1915, № 9827; въ «Батумскихъ Вѣстяхъ», 17—IX—1915, № 1739.

17—X—1915. № 3376.

КОЛДУНЬЯ.

(Памяти М. Г. Савиной).

Стихотвореніе Я д о в а.

Это стихотвореніе было прочитано на вечерѣ памяти М. Г. Савиной, 17-го октября 1915 года, въ Кіевѣ (текстъ его—см. т. I, стр. 279—280).

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ СЕЗОНА.

(Харьковъ).

Съ 13 по 20—IX—1915. № 356.

† М. Г. САВИНА.

Еще одна утрата для русскаго театра.

Тяжелая незамѣнимая утрата...

Не такъ давно умерла Стрѣльская, только на-дняхъ хоронили Варламова.

Теперь—не стало Маріи Гавріиловны Савиной.

Закатилась звѣзда русской драмы, долгіе годы яркимъ свѣтомъ озарявшая родной театръ.

Блестящій талантъ, глубокій незаурядный умъ, огромная неустанная работа—всѣ эти качества соединялись въ игрѣ М. Г. Савиной въ одно стройное, гармоническое цѣлое.

Не удивительно, что это цѣлое было шедевромъ сценическаго искусства!..

Образы, создаваемые М. Г. Савиной, казались какъ бы выхваченными изъ жизни, поражали и восхищали своей яркостью и законченностью.

Кто хотя бы разъ видѣлъ М. Г. Савину на сценѣ, тотъ на всю жизнь хранилъ въ памяти незабываемый взглядъ ея удивительныхъ глазъ и уносилъ въ сердцѣ своемъ неизгладимый слѣдъ ея проникновенной игры.

* * *

Почти вся сценическая дѣятельность М. Г. Савиной была отдана Императорской сценѣ—Александринкѣ.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, М. Г. Савина охотно играла въ провинціи—и харьковцамъ удавалось смотрѣть дивную актрису на сценѣ нашего театра.

Послѣдній разъ М. Г. Савина выступала въ Харьковѣ около двухъ лѣтъ назадъ въ юбилейномъ спектаклѣ въ честь Н. Н. Синельникова.

* * *

Кромѣ спеціально артистической работы, М. Г. Савина много труда и вниманія удѣляла общественной сторонѣ театральнаго дѣла, принимая дѣятельное участіе въ Театральномъ Обществѣ, состоя попечительницей Убѣжища для престарѣлыхъ артистовъ и т. п. На дѣла

благотворительности М. Г. Савина тратила большія деньги — и не одинъ актеръ-инвалидъ сокрушается теперь о смерти Савиной...

Мирнымъ сномъ спитъ незабвенная артистка.

Но память о ея жизни, о ея сценическомъ творчествѣ и благотворительной работѣ—навсегда останется свѣтлой страницей въ исторіи русскаго театра...

И. К.

Съ 27—IX по 4—X—1915. № 358.

ОГНИ РАМПЫ.

(Театральный фельетонъ).

Есть люди, которые влюблены въ сумерки и зовутъ они ихъ въ цѣляхъ самообмана «сумерками боговъ».

Не любитъ человѣкъ будничнo-тусклаго, не терпитъ, когда житейская явь заглядываетъ въ расширенные отъ ужаса глаза его и кажетъ всю неприглядность обыденщины... Потому, конечно, человѣкъ старается изобрѣтать, создавать иллюзію несуществующаго, обставлять незатѣйливо с в о е чѣмъ-то инымъ, вымышленнымъ, чтобы назвать это словомъ новымъ, звончато-яркимъ, красочнымъ—и вообразить, что отошло нежеланное, исчезло нелюбимое, а есть только радостное, обманное!..

Потому и любятъ сумерки, потому ихъ и зовутъ «божественными», такъ какъ, извѣстно, боги давно ушли отъ грѣшной и будничной земли.

Въ сумеркахъ таинственнѣе звучатъ призывы, въ темени скрадывается пошлость лицъ, мягче и порывистѣй стучатся сердца...

...На праздникъ похоже!..

Но и страшнѣе почему-то, когда темно кругомъ и нѣтъ живого луча, который сумѣлъ бы разогнать сонмы тѣней, пугающія унывнымъ шопотомъ людскія мысли и души.

Тогда пришелъ Кто-то осіянный, бодрый и могучій; пришелъ оттуда, свысока, гдѣ на пламенномъ Олимпѣ почіютъ Небожители въ волнахъ эопра. Пришелъ никѣмъ незнаемый, людямъ еще невѣдомый и провозгласилъ:

— Да будетъ свѣтъ!

Онъ пришелъ въ опустошенный храмъ, гдѣ толпились незрячіе, испуганные люди, испуганные тѣмъ тусклымъ мракомъ, который былъ созданъ ими же, пролетѣлъ звонкоголосымъ глашатаемъ и распростерся ницъ у ногъ каменной богини Мельпомены. Онъ преклонилъ колѣна передъ ея алтаремъ и возжегъ на жертвенникѣ яркій пламень.

Озарились вдругъ стѣны храма, и узрѣлъ обрадованный человѣкъ красоту неземную.

Увидалъ онъ то, что самъ, по невѣдѣнію, по незнанію, по низменной трусости, отъ себя же скрывалъ. Ослѣпленный невиданнымъ доселѣ, обрадованный возвращенной яркостью, онъ понялъ возликовавшей душой присутствіе божества.

Душа и богиня!

Безсмертное почуяло безсмертное... И съ тѣхъ поръ горитъ свѣтлый пламень на алтарѣ Мельпомены. Что ни день, то приходятъ иные зажечь его, чтобы самимъ зажечься и сгорѣть. Полыхающими языками огонь пурпуровый захватываетъ дали, вширь и вглубь, раздвинувъ стѣны тѣснаго храма, охвативъ весь міръ. Не хватило мѣста для святыхъ жертвоприношеній и на тѣсномъ алтарѣ. То раздвинули его посланцы боговъ въ широкую, безпредѣльную, Всемірную Рампу, Великую Рампу святого служенія искусству.

А огни, зажегшіеся вездѣ,—это Огни Рампы, зовущіе, манящіе, служащіе вѣхами въ далекомъ пути людскихъ исканій.

Огни тѣ поддерживаютъ жрецы и весталки бѣлыя, приходящіе, чтобы положить на святой алтарь Мельпомены свое горячее, любящее искусство сердце. Приходятъ, чтобы сгорѣть

самимъ, чтобы свѣтомъ, яркостью и теплом обрадовать, осчастливить бѣдное человѣчество, чтобы вырвать его изъ цѣпкихъ объятій будней.

Такъ пришли и ушли печальный Чеховъ, живой и острый Островскій, прошли передъ нами дивная Коммиссаржевская, безсмертная Савина, неподражаемый Артемъ.

Такъ дивно звучатъ еще вѣчныя идеи Бетховена, Мусоргскаго, Чайковскаго... И много ихъ тѣхъ, которые своимъ сердечнымъ пламенемъ поддерживаютъ огни небесные, огни живительные.

— Огни Рампы.

Небесныя искорки, изгнавшія тусклыя сумерки нашихъ житейскихъ будней...

Преклонимся передъ памятью тѣхъ, которые уже сгорѣли, и воздадимъ должное живущимъ и свѣтящимъ, чтобы догорѣть...

Ничто не вѣчно!

Юл. Безродный.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ.

(Петроградъ).

10—IX—1915. № 199.

М. Г. САВИНА.

(Некрологъ).

8-го сентября, утромъ, скончалась заслуженная артистка Марія Гавріиловна Савина, лучшая драматическая актриса не только Петроградской Императорской труппы, но, можетъ быть, и всей Россіи; съ именемъ покойной связаны лучшія традиціи русскаго театра, въ исторіи котораго Савина сыграла выдающуюся роль.

Далѣе слѣдуетъ краткій біографическій очеркъ.

ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ.

(Ростовъ на Дону).

10—IX—1915. № 239.

ПАМЯТИ МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ САВИНОЙ.

Огромная, невознаградимая утрата для театральнаго искусства—кончина М. Г. Савиной.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ глубоко горестной вѣсти не умѣешь, не знаешь, теряешься въ объективномъ опредѣленіи размѣровъ этой потери, остаешься взволнованнымъ, подавленнымъ.

Понятно для всѣхъ истинныхъ театраловъ, что Савина уже закончила, можетъ быть, годъ, можетъ быть, пять лѣтъ тому назадъ свое неповторимое сценическое амплуа.

Понятно для всѣхъ, что она была уже не молода, была вся или почти вся въ своемъ неувядаемомъ, поистинѣ безсмертномъ прошломъ.

Но кто изъ насъ можетъ быть столь объективенъ въ оцѣнкѣ въ такую скорбную минуту, когда внезапно узнаешь о кончинѣ высокоталантливой артистки, являющей собою золотую страницу въ исторіи русскаго театра?

Нѣтъ, никогда въ жизни не привыкнешь къ понятію о смерти.

И болѣе всего не примиряешься со смертью, и больше всего протестуешь, когда уходитъ въ могилу выдающійся представитель литературы или сцены.

Въ выдающихся людяхъ теряешь нити, связывающія тебя съ жизнью, и какъ бы разрушаешь свое собственное сердце, ибо сердце живо и радостно, прежде всего, сознаніемъ того, что жизнь не пустынна, а обильна талантами, которыхъ видишь, которыми наслаждаешься и которые—самое главное!—или въ уровень съ твоей эпохой.

Савина умерла.

Не только Савина умерла.

Съ ея смертью умираетъ цѣлая эпоха.

Умираетъ та цѣльная эстетика театральныхъ наслажденій, которая уже никакъ и никогда повториться не сможетъ, ибо новымъ грядущимъ поколѣніямъ суждены новыя эстетики и новые сценическіе воспріятія и восторги.

И только прежнее не повторяется.

Никогда и ни въ комъ.

Говоря о Савиной, прежде всего, надо говорить о театрѣ, только о театрѣ, какъ искусствѣ для искусства, о служеніи театральной истинѣ, какъ таковой, о рампѣ театра, отдѣленной отъ зрителя подобно тому, какъ алтарь отдѣленъ отъ прихожанина.

Ища параллелей для Савиной и не у насъ въ Россіи (такъ какъ Савина у насъ была единственной и неповторимой актрисой), а на западныхъ сценахъ, невольно и тотчасъ вспоминаешь о французахъ и первымъ дѣломъ о Саррѣ Бернаръ. Савина была нашей Саррой Бернаръ, и не отраженіемъ ея, и даже не отдѣльной варіаціей, заставляющей всегда думать о блестящемъ оригиналѣ, а глубоко родственной театральной душой, не второй послѣ Сарры Бернаръ, а вполнѣ самостоятельной по яркости творчества, вполнѣ равной по театральному таланту. Здѣсь, прежде всего, бросается въ глаза неисчерпаемое богатство тончайшей техники, геніальное техническое, какъ самоцѣль и самослуженіе театра...

Элеонора Дузе, какъ и вообще итальянская сценическая школа, являетъ собою другой образецъ, примѣромъ котораго въ Россіи являлась Коммиссаржевская. Здѣсь былъ трепетъ нервовъ, брошенный въ публику, и общеніе сцены со зрительнымъ заломъ до такихъ предѣловъ, когда понятіе о рампѣ исчезаетъ, и залъ сливается со сценой въ единомъ аккордѣ.

Дѣло индивидуальнаго вкуса раздѣлять то или иное убѣжденіе о театрѣ.

О театрѣ совершенства техники, доведенной до полнѣйшей иллюзіи, но отдѣляющей рампу отъ толпы.

Или о театрѣ, въ порывномъ созданіи ролей сливающемъ зрителей со сценой въ общность стремленій, страданій и наслажденій.

Но если вы даже влечетесь ко второму типу, то не можете, если вы театралъ и любите искусство, не можете не восторгаться передъ понятіемъ театра ради театра и ради совершенства техники, если передъ вами проходятъ образцы такой сценической игры, какъ игра Савиной или Сарры Бернаръ.

Мысленно пробѣгаешь огромный рядъ ролей, въ которыхъ видѣлъ Савину, и хочется выдѣлить, отдѣльно поставить эту или ту роль—и вотъ уже на память приходитъ другая. Одной изъ совершеннѣйшихъ и тончайшихъ—и не только по техникѣ, но и по настроенію—ролей слѣдовало бы признать: «Исторію одного увлеченія». Потомъ, вѣроятно, «Симфонію», потомъ «Ольгу Ранцеву». Трудно, немыслимо сказать, что было лучше, совершеннѣе. Все совершенство—и вездѣ незабываемыя кружева тончайшей отдѣлки. И какая неувядаемость таланта. Вотъ къ кому осторожно и робко подходила театральная старость. Потому что кого угодно можно было коснуться старческой клюкой, но только не ея, отмѣченной печатью Божій.

Савина умерла.

Съ нею сходитъ въ могилу играющая самоцвѣтными огнями огромная интересная и неповторимая полоса русскаго театра.

Останутся только легенды объ этой необыкновенной актрисѣ, чаровавшей и колдовавшей сердца многихъ театральныхъ поколѣній.

Легенды имѣютъ свою неотразимую прелесть, но это будутъ только легенды, которыя никогда, никогда не возстановятъ оригинала...

Савина умерла...

Лоэнгринъ.

11—IX—1915. № 240.

Портретъ М. Г. Савиной.

13—IX—1915. № 242.

ДѢТИ САВИНОЙ.

Въ часъ, когда я пишу эти строки, то, что было замѣчательной актрисой Савиной,—недвижно лежитъ въ длинномъ черномъ ящикѣ и не слышитъ, среди торжественныхъ вздоховъ панихиды, свое новое имя:

— Усопшей рабы Божіей Маріи...

Мерцаніе свѣчъ, подобно блеску траурной рампы, освѣщаетъ вѣнки, ленты, черные фраки депутацій—посмертный тріумфъ актрисы...

Актеры, цѣнители искусства, писатели, молодежь, друзья и близкіе—сколько опечаленныхъ, сколько оплакивающихъ горечь этой утраты, конецъ этого плѣнительно-некрившагося женственнаго таланта.

И среди нихъ, ближе всѣхъ къ гробу, интимнѣе всѣхъ въ слезахъ — дѣти Савиной, ея восхитительное потомство, ея осиротѣлыя дочери...

Безутѣшная, призрачно-волнующаяся группа женщинъ и дѣвушекъ, склонившихся съ такой трагической печалью, точно онѣ оплакиваютъ свою собственную уходящую жизнь...

Дѣти Савиной?

Но Марія Гавріиловна,—она трижды была замужемъ,—умерла бездѣтной.

И все же—сотни женщинъ и дѣвушекъ склоняются въ этотъ часъ около недвижно-лежащей въ черномъ ящикѣ, какъ нѣжныя дѣти у трупа великой матери...

* * *

Я видѣлъ Савину въ послѣдній разъ постомъ нынѣшняго года на московскомъ «делегатскомъ» съѣздѣ актеровъ.

Въ «широкой публикѣ» немногіе знаютъ, что одной изъ лучшихъ ролей Савиной была очень сложная и неблагодарная роль:

— Актерской печальницы.

Сколько темперамента, искренности и искусства вложила Марія Гавріиловна въ добровольное исполненіе этой трудной роли! Сколько средствъ собрано ею для нуждъ актеровъ, сколько прекрасныхъ результатовъ въ дѣлѣ актерскаго устройства достигнуто ея вліяніемъ и усиліями!

Но актеры, которые сами такъ падки на аплодисменты, очень сдержаны на аплодисменты другимъ...

Савина, конечно, имѣла въ артистической средѣ огромный «успѣхъ» въ роли «актерской печальницы», но иногда эта безымянная «громада» лицедѣевъ казалась чуждой, почти неблагодарной...

Я былъ какъ разъ на томъ засѣданіи послѣдняго съѣзда, когда «большинствомъ» было принято какое-то постановленіе, очень тяжелое для петроградскихъ дѣятелей Театральнаго Общества и, въ частности,—для Маріи Гавріиловны Савиной.

Я видѣлъ, какъ она молча поднялась со своего мѣста за столомъ президіума, молча одѣлась и уѣхала, не дождавшись конца засѣданія.

Ея старое, такое всѣмъ знакомое лицо, на которомъ какъ бы лежали невидимыя тѣни долгихъ лѣтъ грима, было печально и устало.

Въ выраженіи ея глазъ, во всемъ ея обликѣ здѣсь, среди безвѣстныхъ провинціальныхъ актеровъ, которымъ она отдала столько заботъ, мнѣ почудилось что-то такое, что бываетъ только у бездѣтныхъ женщинъ, ищущихъ усыновить чужую печаль или нужду...

— Обидѣли Савину!—горестно сказалъ кто-то изъ старыхъ антрепренеровъ, когда она уѣхала,—зачѣмъ? Вѣдь она, какъ мать, объ актерахъ заботилась!

Фактически это вѣрно, но врядъ ли въ этихъ словахъ правда психологическая.

Театральное Общество было п р і е м н о й дочерью у бездѣтной Маріи Гавріиловны. Благотворительность, общественный трудъ, нужды актерской «семьи» были отдыхомъ Савиной отъ изнуряющей, восхитительной любви къ ея настоящимъ, единственнымъ дѣтямъ, тѣмъ, кого въ мукахъ и радости творила она, въ сіяніи сцены!

* * *

Ихъ было 800: 800 ролей—800 дочерей. Актрисы, 800 женщинъ и дѣвушекъ, которыя были похожи на нее, какъ «двѣ капли воды», которыя говорили ея голосомъ, улыбались ея улыбкой, ходили ея походкой!

Въ какой угодно толпѣ, въ любой обстановкѣ, во всякомъ освѣщеніи, вы сразу безошибочно могли узнать:

— Созданіе Савиной!

Среди нихъ были добрыя и злыя, прекрасныя и отвратительныя, ревнивыя, влюбленныя, мечтательныя, заманчивыя и робкія; онѣ смѣялись, плакали, молились и танцовали: однѣ были подобны луннымъ дѣвушкамъ Шекспира, другія напоминали пляшущихъ богинь Оффенбаха, но всѣ, всѣ—сколько бы ихъ ни было!—были «плоть отъ плоти» актрисы, и всѣ онѣ—Савина...

Воистину «въ мукахъ» рожаетъ актриса призрачныхъ дѣтей своихъ, воистину творитъ ихъ «по образу и подобію своему», чтобы изумить, покорить, обрадовать, околдовать ими зрители.

Она просыпается и засыпаетъ съ мыслью о нихъ,—о дочеряхъ своего искусства,—и съ какой материнской нѣжностью, съ какой трогательной заботой она одѣваетъ ихъ, причесываетъ, оньяняясь каждой мелочью, всякой деталью!

Умерла бездѣтная актриса. Но у гроба ея—какая огромная процессія безутѣшныхъ дѣтей, женскихъ тѣней, вѣющихъ тканями всѣхъ цвѣтовъ, шопотами всѣхъ страстей, слетѣвшихся сюда, чтобы неслышно оплакать смерть той, кто создалъ ихъ для безсмертія!

Я знаю много людей, влюбленныхъ въ этихъ иллюзорныхъ дочерей Савиной, въ ихъ неповторимое очарованіе, лукавство, прозрачныя слезы...

Эти люди съ сожалѣніемъ услышатъ сегодня новое имя великой актрисы, великой матери:

— Усопшей рабы Божіей Маріи...

Н е с с и м и с т ъ.

ПРИАМУРСКАЯ ЖИЗНЬ.

(Хабаровскъ).

10—IX—1915. № 1858.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Телеграфъ принесъ вчера скорбную вѣсть: умерла заслуженная артистка Императорскихъ театровъ Марія Гавріиловна Савина.

Сибирь и въ частности Дальній Востокъ не видѣли у себя покойной, но кто хоть немного интересуется театромъ и видными дѣятелями искусства, тотъ не могъ не слышать объ этомъ имени.

Марія Гавріиловна—гордость русскаго театра, русской сцены, и вся театральная Россія съ грустью встрѣтитъ эту вѣсть.

Ряды ветерановъ театра рѣдѣютъ: недавно умеръ самый популярный артистъ Константинъ Александровичъ Варламовъ. И не успѣла забыться эта утрата, какъ новая вѣсть, и не менѣе тяжелая.

Марія Гавріиловна родилась въ 1854 году.

Начала она театральную карьеру въ провинціи, на Александринской сценѣ—съ 1874 года.

Пріѣхала она въ Петербургъ маленькой актрисой и нѣкоторое время подвизалась на клубныхъ сценахъ.

Но мощному ея таланту, не въ примѣръ прочимъ, суждено было пробиться наружу и обратить на себя вниманіе.

Вскорѣ ей представилась возможность развернуть этотъ талантъ, а со временемъ и пріобрѣсти большое театральное имя, которое знаетъ вся Россія.

Другой Савиной нѣтъ, какъ некому будетъ замѣнить и Варламова, когда со сцены уйдетъ В. Н. Давыдовъ.

Остались незамѣщенными и мѣста В. Ѳ. Коммиссаржевской, Далматова и другихъ, поистинѣ талантливыхъ людей, отдавшихъ сценѣ всю свою жизнь.

Марія Гавріиловна—лучшая толковательница сильно-драматическихъ и бытовыхъ ролей въ пьесахъ Островскаго, Потѣхина и Ибсена.

Трудно представить сцену Александринскаго театра безъ Маріи Гавріиловны. Она оживила его и внесла въ его жизнь много новшествъ.

Въ лицѣ ея театръ потерялъ, кромѣ того, энергичную дѣятельницу въ области внутренней театральной жизни.

Марія Гавріиловна была основательницей въ Россіи Театральнаго Общества, она же была и предсѣдательницей его въ послѣднее время.

Въ провинцію покойная выѣзжала сравнительно рѣдко (?).

Года четыре тому назадъ одинъ изъ дальневосточныхъ импрессаріо обратился къ М. Г. съ предложеніемъ устроить поѣздку по Сибири.

Она отклонила это предложеніе, ссылаясь на нездоровье.

Такъ и не суждено было намъ увидѣть маститую артистку.

И. М.

ПРИДНѢПРОВСКІЙ ГОЛОСЪ.

(Кременчугъ).

10—IX—1915. № 1003.

† М. Г. САВИНА.

Телеграфъ принесъ печальную вѣсть:
Скончалась Марія Гавріиловна Савина.
«Солнце русской сцены».
Одна изъ лучшихъ актрисъ россійскаго театра.
Не такъ давно ушелъ отъ насъ К. А. Варламовъ.
А теперь россійскій театръ лишился Савиной.
Самаго яркаго самоцвѣтнаго камня въ своей коронѣ.

Кто имѣлъ счастье видѣть на сценѣ великую артистку, тотъ никогда не забудетъ ея живого, некрометнаго діалога, полной блеска и глубины передачи изображаемаго образа, дивнаго голоса, какой-то особой душевной обаятельности...

Это была крупная индивидуальность, огромнѣйшій талантъ, согрѣвавшій и ласкавшій зрителя.

Имя Маріи Гавріиловны навѣки сохранится, какъ одно изъ самыхъ яркихъ, въ анналахъ отечественной сцены.

М. Г. Савина принимала живое участіе въ дѣятельности Императорскаго Театральнаго Общества и въ этой области много сдѣлала для театральнаго міра.

Вѣсть о кончинѣ М. Г. со скорбью прочтется всѣми любящими театръ.

Р—тъ.

13—IX 1915. № 1006.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Статья Семена Губера.

Перепечатана изъ «Утра», 10—IX—1915, № 2780.

ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ.

(Екатеринославъ).

10—IX—1915. № 5600.

† М. Г. САВИНА.

Потухла сорокъ слишкомъ лѣтъ ярко сіявшая звѣзда на русской драматической сценѣ.

Умерла заслуженная артистка Императорскихъ театровъ Марія Гавріиловна Савина.

Нѣтъ театральнаго уголка въ Россіи, который бы не гордился крупной артистической силой русской сцены, неувядаемымъ дарованіемъ русской драматической артистки, плѣнявшей въ свое время одинаково и француза, и нѣмца.

Этой силой, этимъ неувядаемымъ дарованіемъ была Марія Гавріиловна Савина.

Холодная нѣмецкая критика, послѣ гастролей нашей артистки въ Берлинѣ, за исполненіе роли Магды въ пьесѣ Зудермана «Родина» включила имя Савиной въ перечень міровыхъ артистическихъ талантовъ, а Франція увѣнчала ее академическими пальмами (Officier d'académie).

Въ Россіи М. Г. въ день чествованія двадцатипятилѣтія ея артистической дѣятельности была Высочайше пожалована званіемъ «заслуженной артистки».

Марію Гавріиловну, безъ преувеличенія можно сказать, знала вся театральная Россія, не только по имени, гремѣвшему повсюду, но какъ гастролершу во всѣхъ мало-мальски значительныхъ городахъ.

Было немало артистокъ, и до нея пользовавшихся славой большого таланта, и даже ея современницъ, но онѣ не рисковали или не хотѣли покидать даже временно столичныхъ сценъ. Не такова была Марія Гавріиловна. Первые артистическіе лавры были заслужены ею въ провинціи, окрѣпъ и выросъ ея талантъ въ тяжелыхъ условіяхъ провинціальной сцены—и на столичную она явилась вполнѣ сформировавшейся артисткой и сразу плѣнила своей игрой и театральную критику, и избаловавшую столичную публику.

Далѣе идутъ общеизвѣстныя біографическія свѣдѣнія. Статья эта заканчивается такъ:

Остальное мы уже знаемъ. Она пережила Петербургъ, дожила до Петрограда...

Марія Гавріиловна была не только чуткой актрисой, но и чуткимъ, отзывчивымъ человѣкомъ... Она далеко не чужда была и общественной жизни и была самымъ дѣятельнымъ членомъ «Русскаго Театральнаго Общества», состоя въ немъ учредительницей и одно время секретаремъ...

Какія роли она играла, какъ разнообразенъ былъ ея репертуаръ, объ этомъ извѣстно каждому любящему русскій театръ...

Выбываютъ понемногу изъ театральной семьи артисты чистаго искусства...

Ихъ замѣняютъ артисты кинотеатра...

К о з а к ъ.

11—IX—1915. № 5601.

КОНЧИНА М. Г. САВИНОЙ.

Краткія свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ жизни—по сообщеніямъ столичныхъ газетъ.

НАДЪ СВѢЖЕЙ МОГИЛОЙ М. Г. САВИНОЙ.

Теперь, когда смерть безпощадно
Десятки тысячъ жизней коситъ,
И рокъ намъ каждый день злорадно
Все жертвы новыя приноситъ,—

* * *

Тебя—царицу русской сцены—
Не миновала чаша эта,—
И опустѣлъ храмъ Мельпомены,
И жизни пѣсенка допѣта.

* * *

Хотя войны жестокой грозы
Въ насъ чувства будто притупили,
Но по тебѣ струятся слезы,
И удержать мы ихъ не въ силѣ.

* * *

Пройдетъ кровавая стихія,
И время раны всѣ залѣчитъ,
И обновленная Россія
Тебя, кумиръ, увѣковѣчитъ.

* * *

Твой образъ свѣтлый, благородный
Артистки дивной—человѣка...
Нѣтъ, не умретъ въ средѣ народной
Отъ вѣка и до вѣка.

Л. Г. П е ч о р и н ъ.

---

13 IX 1915. № 5603.

СМЕРТЬ М. Г. САВИНОЙ.

Перепечатаны изъ «Петроградской Газеты», 9—IX—1915, № 247, замѣтки: «М. Г. Савина скончалась въ день своей свадьбы» и «Отчего скончалась М. Г. Савина?»

ПРИКАМСКАЯ ЖИЗНЬ.

(Сарапулъ, Вятской губерніи).

18—X—1915. № 233.

М. Г. САВИНА ВЪ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Статья И. Пермякова.

Перепечатана изъ «Пермскихъ Вѣдомостей», 29—IX—1915, № 264.

ПРИИШИМЬЕ.

(Петропавловскъ, Акмолинской области).

22—IX—1915. № 203.

† М. Г. САВИНА.

Некрологъ этотъ перепечатанъ изъ «Рѣчи», 9—IX—1915, № 248. Такъ же, какъ и въ «Петроградскихъ Вѣдомостяхъ», 10—IX—1915, № 202.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

(Петроградъ).

1915. № 19.

Помѣщенъ портретъ съ подписью: «Къ кончинѣ знаменитой русской артистки. 8-го сентября 1915 года».

ПЯТИГОРСКОЕ ЭХО.

(Пятигорскъ, Терской области).

10—IX—1915. № 201.

† М. Г. САВИНА.

Въ Петроградѣ 8-го сентября скончалась заслуженная артистка драматической труппы Императорскихъ театровъ Марія Гавріиловна Савина.

Опущены краткія біографическія свѣдѣнія. Затѣмъ, слѣдуетъ:

Не стало нашей любимицы!

Вслѣдъ за ветераномъ русской сцены К. А. Варламовымъ, смерть унесла еще одну свою жертву—М. Г. Савину.

Это огромная потеря какъ для русской сцены, такъ и для русскаго общества, такъ какъ нѣтъ болѣе артистки, вызывавшей въ насъ восторгъ и изумленіе своей даровитой игрой.

Искреннія, чистыя, человѣческія слезы вызывала М. Г. отъ первыхъ словъ реплики своей роли и до послѣднихъ.

Слезы радости, искрометнаго веселья смѣнялись слезами жалости, сочувствія, чуткаго отношенія къ чужому горю, ставшему нашимъ, благодаря безподобной игрѣ покойной.

Однимъ своимъ участіемъ эта даровитая артистка дѣлала успѣхъ пьесѣ и автору ея, такъ какъ, глубоко переживая задуманные послѣднимъ типы, она ярко претворяла въ себѣ треволненія, охватывающія мельчайшіе изгибы человѣческой души, всякому незамѣтному движенію души придавая огромную художественную цѣнность.

Женственность, веселость, шаловливость, радужныя мечты, съ одной стороны, и яркій реализмъ, глубокая прочувствованность, искренняя трогательность, трагизмъ положенія—съ другой,—все это находило въ покойной артисткѣ яркую выразительницу.

Техника игры М. Г. была доведена до высокой степени совершенства, до виртуозной законченности.

Голосъ ея, проникавшій въ отдаленнѣйшіе тайники человѣческой души, былъ богатъ такъ называемыми слезами, и достаточно было ей произнести напримѣръ:

— Да здравствуетъ бѣдная милліонерша («Уголокъ Москвы»)—

какъ зрители, какъ одинъ человѣкъ, чувствовали приступы облагораживающихъ слезъ.

По собственнымъ словамъ, она любила театръ до обожанія, до полнаго забвенія своей личности—и не было жертвы, передъ которой остановилась бы М. Г. въ ущербъ интересамъ сцены.

Никакая житейская или актерская пошлость не могла остановить ея порывовъ къ сценѣ или измѣнить чувства къ ней—она отдалась театру вся безъ остатка.

До послѣднихъ силъ не покидая родной сцены, и съ послѣдними мыслями и вздохами, обращенными къ родной сценѣ, великая артистка покинула міръ юдоли и печали...

Память о великой, изумительной жрицѣ родного искусства будетъ жива навсегда въ сердцахъ признательныхъ театраловъ.

А.

РАМПА И ЖИЗНЬ.

(Москва).

13—IX—1915. № 37.

На обложкѣ этого номера помѣщенъ портретъ М. Г. Савиной (1907 г.).

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Савина уже лишь достояніе исторіи искусства...

Одна мысль эта, такая чудовищная сама по себѣ хотя бы за секунду до кончины Маріи Гавріиловны,—мысль эта стала дѣйствительностью...

Что дала Савина русскому искусству своимъ творческимъ геніемъ, и чѣмъ она была для насъ, ея современниковъ,—этого нельзя сейчасъ спокойно сказать надъ непогребеннымъ еще прахомъ.

Значеніе Савиной и для исторіи, и для жизни русскаго театра совершенно исключительное.

Вся ея артистическая личность въ теченіе ряда десятилѣтій была необыкновенно цѣльной на фонѣ смѣнявшихъ другъ друга художественныхъ теченій въ области сценическаго искусства.

Самостоятельной школы она въ наслѣдство намъ не оставила—она сама была скорѣе носительницей традицій, и артистическія прозрѣнія ея не носили никогда печати какого-либо новаторства.

Савина сама, всей природой своей, была порожденіемъ театра, вѣчнаго въ своей сущности, и геній ея выразился главнымъ образомъ въ созданіи безчисленнаго ряда сценическихъ образовъ, порой имѣвшихъ значеніе, равное значенію созданій мірового искусства.

Будучи плотью отъ плоти театра и въ то же время исключительно отзывчивой общественной дѣятельницей, усопшая не могла стоять въ сторонѣ и отъ бытовой жизни театра: маленькая провинціальная актриса—восьмилѣтній ребенокъ—черезъ полвѣка сходитъ въ могилу великой Савиной, заслуженной артисткой Императорскаго театра, стоящей во главѣ Совѣта Императорскаго Театральнаго Общества, весь этотъ ея жизненный путь—рѣдчайшій примѣръ духовной творческой мощи... И духъ этотъ угасъ... Пройдутъ первые дни послѣ этой утраты, и тогда только можно будетъ спокойно говорить о той, кого мы лишились.

Николай Поповъ.

Въ боевую годину Севастопольской кампаніи (въ 1854 г.) родилась и въ грозные дни нынѣшней европейской войны отошла въ вѣчность прекрасная русская артистка Марія Гавріиловна Савина. Дочь актера Стремлянова, жена провинціальнаго актера—Савина, М. Г. всю свою жизнь прожила на подмосткахъ, думала и заботилась лишь о театрѣ, дышала только воздухомъ кулисъ. Всѣ ея умственные и художественные интересы были отданы искусству, а движенія ея доброй, широкой души были посвящены актеру и его профессіональнымъ трудамъ.

Чествованіе М. Г. Савиной 9-го апрѣля прошлаго года, по поводу сорокалѣтія ея сценической дѣятельности, показало, какимъ почетомъ пользуется ея имя среди широкихъ слоевъ актерской громады, какъ дружески и нелицемѣрно преданы ей простыя сердца театральной демократіи. А адреса и рѣчи цѣнителей ея тонкаго дарованія обнаружили лишній разъ, съ какимъ высокимъ художественнымъ авторитетомъ неразрывно связана ея безупречная артистическая репутація.

Что внесла Савина въ русское искусство и съ какими движеніями въ исторіи художественной мысли будетъ связано ея имя? Черезъ пять лѣтъ послѣ начала своей театральной карьеры, въ 1879 г., Савина познакомилась съ Тургеневымъ, послѣ того какъ сыграла въ его «Мѣсяцѣ въ деревнѣ» роль Вѣрочки. И то, что молодая актриса сама обратила вниманіе на Тургеневскую пьесу, которую авторъ и писалъ не для сцены, и то, какъ она сыграла роль Вѣрочки, въ которой, по мнѣнію Тургенева, и играть-то нечего было, указывало на то, что на русскую сцену пришла дѣйствительно интеллигентная женщина, съ чуткимъ вкусомъ, съ благородной любовью къ художественной простотѣ, съ отвращеніемъ къ ходульной театральщинѣ и мелодраматическимъ эффектамъ.

Савина была носительницей высокаго художественнаго реализма на сценѣ, цѣломудренной любви къ незамѣтной, но возвышенной и подлинной красотѣ переживаній на театральныхъ подмосткахъ. Этотъ реализмъ Савиной былъ сродни прекрасному русскому реализму Тургенева и Толстого, художественному реализму Крамского и Рѣпина, музыкальному реализму Чайковскаго. И въ созвучіи со всѣми наиболѣе прекрасными теченіями русской мысли и русскаго искусства и протекало творчество Савиной на сценѣ за всѣ сорокъ два года ея служенія театру.

Савина была воплощеніемъ русской женщины на сценѣ, всѣхъ ея радостей и горестей, ея мечтаній и страдальчества, всѣхъ тѣхъ ея думъ и стремленій, которыя создали такой обая-

тельный ореолъ вокругъ Тургеневскихъ женщинъ. Долгіе годы русское сценическое изящество находило свое выраженіе въ экспрессіи Савинскихъ движеній и ея жестовъ, меланхолическое раздумье—въ Савинскихъ глазахъ и отзвуки душевной тоски—въ ноткахъ ея голоса.

Была ли Савина сильна только въ комедіи, какъ склонны думать многіе? Не хочется съ этимъ соглашаться: артисткѣ были подвластны самыя различныя переживанія, вплоть до глубоко драматическихъ, и Савина умѣла ихъ передавать въ формахъ столь совершеннаго сценическаго изображенія, что отпадала всякая мысль о томъ, что передъ вами комедійная артистка.

Вотъ я вижу передъ собою рядъ портретовъ Савиной въ роляхъ; развѣ комедійный талантъ подсказалъ Савиной такой жизненный крестьянскій образъ во «Власти тьмы»—эту живую, яркую фигуру изъ мужицкаго мрака, и рядомъ съ ней «Ольга Ранцева»—свѣтская женщина, пусть изъ монда Болеслава Маркевича, но все же женщина изъ общества, правдивая, подлинная, не показная. Незабываемая Марья Антоновна изъ «Ревизора» и «Дама съ камеліями». Я не знаю, забудете ли вы когда-нибудь Савину въ Маргаритѣ Готье, въ ея горностаевомъ манто, и, право, трудно сказать—была ли она слабѣе и менѣе драматична въ этой роли, чѣмъ сама Сарра Бернаръ. Вотъ «Татьяна Рѣпина», такъ радовавшая старика Суворина яркими молніями такого естественнаго, ненаигреннаго трагизма, и хотя бы скорбный образъ изъ такой ничтожной пьесы обычнаго Александринскаго репертуара, какъ «Склепъ». Демурина изъ «Цѣны жизни» и героиня Сумбатовскихъ «Цѣпей» также никакъ не могутъ быть причислены къ галлереѣ комедійныхъ ролей. А сколько женственности, сколько душевной граціи влагалось Савиной въ исполненіе этихъ ролей!

Со смертью Савиной сходитъ со сцены не только выдающаяся артистка, съ яркой, никогда болѣе неповторимой индивидуальностью, но и цѣлая полоса русской жизни, съ ея скромнымъ, нѣсколько старомоднымъ теперь изяществомъ восьмидесятыхъ годовъ, съ меланхоліей во вкусѣ Чайковскаго, съ эстетикой передвижниковъ, съ идеалами служенія искусству, какъ высокой жизненной правдѣ.

Серг. Карминъ.

† М. Г. САВИНА.

Описаніе послѣднихъ минутъ жизни—по сообщеніямъ петроградскихъ газетъ и краткія біографическія свѣдѣнія, заимствованныя изъ «Русскихъ Вѣдомостей», 9—IX—1915, № 206, и «Ранняго Утра», 9—IX—1915, № 207.

Этотъ очеркъ перепечатанъ въ «Сумскомъ Вѣстникѣ», 18—IX—1915, № 205.

Въ этомъ номерѣ помѣщены портреты М. Г. Савиной: 1) въ годъ поступленія ея на Императорскую сцену (1874 г.) и въ роляхъ—2) Флоретты («Эсмеральда»), 3) Катерины («Гроза»), 4) боярыни Антониды («Веницейскій истуканъ»), 5) Марьи Антоновны («Ревизоръ»), 6) Мамаевой («На всякаго мудреца»), 7) Сарры («Ивановъ») и 8) Натальи Петровны («Мѣсяцъ въ деревнѣ»).

Кромѣ того, здѣсь напечатанъ автографъ М. Г. Савиной—ея письмо (отъ 17-го ноября 1901 года) къ В. В. Протопопову по поводу пьесы Lolo.

20—IX—1915. № 38.

МАСКА САВИНОЙ.

Статья Н. А. Попова.

Эта статья прочитана на вечерѣ памяти М. Г. Савиной, 17-го октября 1915 года, въ Кіевѣ (текстъ ея—см. т. I, стр. 277—279).

ЦАРИЦА РУССКОЙ СЦЕНЫ.

(Памяти М. Г. Савиной).

I.

Она была царица русской сцены... И какъ актриса, и какъ женщина, и какъ человѣкъ.

Властная, энергичная, обаятельная, она не знала соперницъ и не потерпѣла бы ихъ. Она родилась съ правами на тронъ и охраняла свой тронъ отъ всякихъ покушеній съ настойчивостью и умомъ настоящихъ владыкъ міра.

Для нея театръ былъ ея міромъ, а сцена ея жизнью. И она отдала свою жизнь, чтобы владѣть этимъ міромъ и нераздѣльно властвовать въ немъ милостью своего таланта, силами своей энергіи и самоутверждающей воли.

Это была царица... Самодержавная и неограниченная. Она утвердила свой тронъ въ сердцахъ милліоновъ людей чарами неотразимаго художественнаго волхвованія—и въ царствѣ иллюзій и фантазіи она владычествовала, какъ царица Востока, деспотично, расправляясь съ непокорными, сурово, безъ колебаній.

Она терпѣла только покорныхъ и трепетныхъ. Побѣжденныя претендентки на ея престолъ вовсе не должны были существовать.

Какъ владыка Востока, она знала только побѣды и нераздѣлимые тріумфы.

Царицѣ принадлежитъ все. Ей можно только поклоняться—или ненавидѣть ее. Съ деспотизмомъ восточныхъ владыкъ сметала она съ лица земли ненавидящихъ и дерзающихъ. Она могла это дѣлать: какъ талантъ Божіею милостью, она знала тайны власти надъ человѣческими душами. Ея улыбка расцвѣтала въ насъ свѣтлыми и радостными лучами и гнала унылую сѣрость, какъ улыбка счастья, какъ цвѣты и радости ранней весны.

Сколькимъ людямъ доставила она свѣтлыя радости весны, чистые восторги очарованія.

Это было красивое, мощное дарованіе. Царицъ могутъ терзать и мучить, но ихъ улыбки неотразимы; за нихъ многое прощается...

Я помню свою раннюю весну, вѣрнѣе свое дѣтство. Конецъ семидесятыхъ годовъ. Театръ Бергонье или что-то въ этомъ родѣ въ Кіевскомъ саду «Шато-де-флеръ».

Была весна, цвѣла сирень, и бодрящая радость вновь возрождающейся природы волновала молодыя сердца, наполняла трепетомъ счастливыхъ предчувствій, радостью неясныхъ ожиданій, необъяснимымъ восторгомъ.

На сценѣ была о н а. Тоже воплощеніе весны. Молодая, красивая, влюбленная и негодующая; съ порывомъ неудержимой силы отстаивала она свои права любви, молодости, женскаго счастья.

Она была восхитительна. Она была само счастье. Ея весна дышала тѣми же ароматами распускающейся природы, тѣмъ же трепетомъ жизни, какимъ дышало все вокругъ—въ этомъ Кіевскомъ саду, на этихъ Кіевскихъ горахъ, среди этихъ людей, захваченныхъ и покоренныхъ ея игрой, ея вдохновеніями. И бѣлая сирень цвѣла въ сердцахъ.

Шла какая-то пустая переводная пьеса. Кажется «Американка» или что-то въ этомъ родѣ... Но это не важно,—что именно: на сценѣ была только она,—царица молодости, таланта, женскаго обаянія. Она одна и оставалась въ сердцѣ, одна властвовала.

Какъ одурманенный ушелъ я съ этого спектакля, и впечатлѣнія его пронесъ черезъ многіе годы—и запахъ бѣлой сирени донесъ до перваго юбилея М. Г. Савиной (1900 годъ), когда на торжественномъ чествованіи напомнилъ М. Г. эту Кіевскую весну и ея обаятельную молодость, и расцвѣтающую въ юныхъ сердцахъ радость, и почтительную нѣжность юнаго восторга.

И М. Г. тоже вспомнила эту Кіевскую весну и свои успѣхи и чувствовала себя счастливой, растроганной. Съ какой-то необычной теплотой,—искренней и освѣжающей,—трогательно благодарила она меня за напоминанія о счастливомъ времени ея первыхъ успѣховъ.

Весна повторяется каждый годъ, а молодость никогда...

Молодость уходитъ, оставляя щемящую тоску воспоминаній о вишневомъ садѣ, который срубила безжалостная дѣйствительность...

Сколькимъ людямъ сумѣла М. Г. дать радость вновь пережить очарованіе только что распускающейся весны!

Это неоцѣнимая заслуга таланта, и милліоны людей останутся ей благодарны за эти минуты счастья, за незабвенныя переживанія.

II.

Значеніе художника, артиста, пѣвца опредѣляется не одними только объективными данными, а чаще именно субъективными переживаніями.

Вѣка принадлежатъ только геніямъ. И то не всѣмъ. Только большіе поэты, скульпторы, художники кисти и музыканты имѣютъ долгую жизнь и по смерти. Артистъ сцены—весь въ современности, весь въ обаяніи своей личности.

Савина на сценѣ, прежде всего, яркая и интересная личность.

Молодая дѣвушка, молодая женщина въ обаяніи красоты, здоровья, жизненной энергіи, жажды любви—вотъ привлекательный и всегда тянущій къ себѣ образъ, который прошелъ черезъ русскую сцену въ воплощеніяхъ М. Г. Савиной, въ особенности въ первой половинѣ ея дѣятельности. Все равно, играла ли она Вѣрочку или Наталью Петровну въ «Мѣсяцѣ въ деревнѣ», или Крыловскихъ сорванцовъ, или строптивую въ пьесѣ Шекспира—неотразима была свѣжесть молодости и жизненная прелесть ж е н щ и н ы.

Такова природа—садъ или лугъ въ цвѣтахъ, сверкающіе на солнцѣ послѣ благодатнаго теплаго дождика: все чисто, свѣтло, радостно, обаятельно; все полно соками жизни и полнаго расцвѣта.

Это было самое неотразимое въ дарованіи Савиной: среди скучной и унылой жизни—улыбка солнца, радость весны, брызжущій шумный водопадъ...

Но ея личность нашла себѣ выраженіе и въ иныхъ типахъ. Савина была незамѣнима въ воплощеніи женской пошлости.

Она создала неповторимый образъ Марьи Антоновны въ «Ревизорѣ». Въ послѣдніе годы М. Г. перешла къ маменькѣ и дала изумительно выдержанный, стильный и яркій образъ супруги Сквозника-Дмухановскаго—Анны Андреевны.

Кто видѣлъ ее въ этой роли, долженъ признать, что лучшаго воплощенія замысловъ Гоголя русская сцена не знала, да и едва ли когда-нибудь другая артистка сумѣетъ возвыситься до Савиной въ созданіи образа Анны Андреевны.

Въ классическомъ (міровомъ) репертуарѣ у Савиной не много удачныхъ ролей.

Маргарита Готье ей не удалась. Въ репертуарѣ Дузе, Сарры Бернаръ она не создала себѣ громкаго и памятнаго успѣха. Она и не любила этого репертуара.

Она была міровая, но все же русская актриса.

Великолѣпна была она въ Тургеневскихъ пьесахъ, во «Власти тьмы» Толстого, въ «Ивановѣ» Чехова (Сарра). Тургеневъ былъ восхищенъ и очарованъ ея исполненіемъ Вѣрочки.

Когда съ годами Савина перешла и на пожилыя роли, она дала прямо царственный образъ княжны въ «Холопахъ» Гнѣдича.

Наибольшіе ея успѣхи—и это очень характерно—всѣ въ пьесахъ второго сорта, написанныхъ ad hoc, такъ называемыми драматургами-закройщиками.

Театральное дѣло—увы—не чуждо ремесленнаго начала. Искусство здѣсь подчинено рынку, успѣху, личности.

Если бы Сарра Бернаръ потеряла не ногу, а руку,—драматурги-закройщики создали бы дюжину безрукихъ героинь.

Савина была, прежде всего, интересная сценическая л и ч н о с т ь.

Она была обаятельна сама по себѣ. Царица сцены, она приближала къ себѣ драматурговъ. Какъ модные портные, и они шили на ея фигуру свои, подчасъ убогія, платья. Царица умѣла носить ихъ съ царственнымъ величіемъ и ослѣплять ими своихъ подданныхъ, превращая убогія тряпки въ парчу и порфиру.

Въ этомъ секретъ власти и обаянія Савиной.

Черезъ всю свою театральную жизнь пронесла она это обаяніе красивой и яркой с в о е й жизни.

Вотъ почему с ц е н а б ы л а е я ж и з н ь ю...

Высокія горы никогда не стоятъ рядомъ. Цари любятъ одиночество. Савина не была и здѣсь исключеніемъ. Она должна была царить одна. Она ни съ кѣмъ не могла дѣлить власти.

Это тѣневая сторона ея артистической жизни... Но, вдумываясь въ эту сторону ея дѣятельности, вызвавшую такъ много нареканій, приходится сказать, что въ опустѣніи Александринскаго театра не столько она виновата, а... все тотъ же... бюрократическій строй нашей Александринской хоромины.

Нужно было создать подходящія условія и для деспотическаго господства властнаго таланта; конечно, слѣдовало беречь и лелѣять его. Но нужно было найти пути и для новыхъ исканій, открывать двери и для новыхъ дарованій.

Коммиссаржевская, многіе десятки молодыхъ талантовъ были утеряны для нашего образцоваго театра.

Быть можетъ, образцовый театръ уже намъ и не нуженъ. Быть можетъ, громадныя деньги, которыя идутъ на казенный театръ, давно пора раздѣлить для поддержки многихъ театровъ и многихъ дарованій. Реформа нужна. Безраздѣльное господство ведетъ къ опустѣлымъ престоламъ и опустошенію искусства.

Но М. Г. Савина не могла быть иной, чѣмъ какой она была. Такой ее и принялъ русскій художественный міръ и русскій театръ. Мы любимъ солнце и не думаемъ о пятнахъ на немъ.

Не стану говорить о Савиной, какъ человѣкѣ.

Въ театрѣ она властвовала безраздѣльно. Режиссеръ существовалъ для нея только въ мѣру подчиненій ея категорическимъ указаніямъ. Въ общественно-благотворительной дѣятельности она создала многое только тѣмъ же неотразимо-властнымъ вліяніемъ своей кипучей энергіи и своего большого жизненнаго ума.

Савина была очень умна и наблюдательна. Она умѣла разсказывать о своихъ жизненныхъ наблюденіяхъ и впечатлѣніяхъ.

Ея разсказы всегда были талантливы, искрились неподдѣльнымъ юморомъ и наблюдательностью. Она и здѣсь оставалась чрезвычайно интересной личностью,—яркой, красочной.

Съ ея уходомъ опустѣлъ театръ... Смерть коситъ дѣятелей нашего образцоваго театра.

Идетъ какое-то опустошеніе. Что ждетъ насъ дальше—не знаемъ. А стараго жаль, безконечно жаль.

К. А р а б а ж и н ъ.

САВИНА ВЪ «ИСТОРІИ ОДНОГО УВЛЕЧЕНЬЯ».

(И з ъ м о е г о а р х и в а).

...Изъ всѣхъ «исторій увлеченья»
Я буду помнить лишь одну...
Былыя всѣ пошли ко дну,
Лишившись смысла и значенья...
Всю ночь мнѣ чудились сквозь сонъ
Любви рыдающіе звуки,
Стонъ безысходной, тяжкой муки,
Разбитой жизни страшный стонъ...

«Я такъ устала!»—плакалъ кто-то,
И эта жалоба души
Неслась ко мнѣ въ ночной тиши...
Я просыпался—та же нота
Въ ушахъ звучала у меня,
Печально, жалобно звеня...
«Я такъ устала»... Кто забудетъ
Звукъ этихъ словъ въ ея устахъ?
Кто такъ не чутокъ, что не будетъ
Переживать его въ мечтахъ?!
Какъ мало словъ: «Я такъ устала!»
Но этихъ словъ довольно ей,
Чтобъ вся душа затрепетала
У всѣхъ безтрепетныхъ людей!
Но не ищите объясненій
Великой власти, тайныхъ чаръ...
Ей свыше посланъ чудный даръ,
И этотъ даръ зовется г е н і й!!..
Какъ описать вамъ солнца блескъ
Иль пышныхъ розъ благоуханье,
Какъ передать весны дыханье,
Лазурь небесъ и моря плескъ!..

L o l o.

Въ этомъ номерѣ помѣщены портреты М. Г. Савиной въ роляхъ: 1) Маргариты Готье («Дама съ камеліями»), 2) княжны Плавутиной («Холопы») и 3) Зиминой («Свѣтлая личность»).

---

4 и 11—X—1915. №№ 40 и 41.

НѢТЪ САВИНОЙ.

По непредвидѣнной причинѣ, я нѣсколько запоздалъ съ моимъ посильнымъ долгомъ по поводу смерти Маріи Гавріиловны Савиной. Но имя умершей такъ велико, что и мой, во-время неподоспѣвшій голосъ, надѣюсь, не покажется лишнимъ.

Нѣтъ Савиной—и нѣтъ театра, какъ театра, и, можетъ быть, на долгіе годы нѣтъ его.

Случилось въ высшей степени что-то жестокое, неумолимое въ области прекраснаго... Савина и театръ, театръ и Савина. Есть ли тутъ какая разница? Кажется, есть для строгой логики. Но Савина въ области искусства была выше всякой логики.

Пусть невольно туманится сознаніе. Ничего. Пройдетъ. Но Савиной уже не будетъ. И что такое наше сознаніе передъ тѣмъ экстрактомъ души, экстрактомъ жизни, какой вливала въ міръ Савина? Можно ли быть больше женщиной, чѣмъ Савина? Можно ли живѣе, изящнѣе чувствовать могущество женскаго обаянія, чѣмъ чувствовала его въ самой себѣ и проявляла на сценѣ Савина?

Какой поэтъ, какой ученый,—скажу болѣе, какая красавица въ мірѣ дадутъ послѣ Савиной лучшее понятіе о женственности, о неизъяснимой радости человѣческаго бытія при сіяніи на землѣ такого существа, какъ женщина?

Савина, при бѣгломъ, вѣрнѣе, буржуазномъ взглядѣ на нее, не отличалась ни строгой красотой лица, ни языческой прелестью тѣла, ни консерваторскимъ идеаломъ полнозвучнаго голоса, но стоило только прислушаться, какъ она своими неизъяснимо плѣнительными, зажигающими сердце интонаціями обращала человѣческую рѣчь въ цѣлый арсеналъ интимнѣйшихъ мыслей о дѣйствительности, о роли человѣчества въ этомъ мірѣ,—и возможность земного сча-

стья, хотя бы нерѣдко омрачаемаго произволомъ и пошлостями, была неоспорима. Стоило только взглянуть въ Савинскіе бездонные, божественные глаза, такъ и заливавшіе васъ свѣтомъ таланта и неизсякаемой внутренней жизни,—и тотъ идеалъ женщины, который намъ рисовали поэты, олицетворялся въ Савиной съ наибольшей полнотой...

Вѣроятно, тѣмъ, кто видѣлъ эту неописуемую артистку на театрѣ въ ея послѣдніе годы, мои тренетныя, лихорадочныя строки ничего не скажутъ. Но тѣ, чья юность совпала съ расцвѣтомъ Савинской карьеры, имѣю слабость мечтать, поймутъ меня, какъ слѣдуетъ.

О, Боже, ну какъ можно не знавшимъ Савину въ ея лучшіе дни объяснить квинтъ-эссенцію женской натуры, хотя бы въ этомъ, до сихъ поръ звучащемъ въ ушахъ словѣ: «м... м... мытырлистъ»?..

О, символъ ликующей весны! О, стройная, бѣленькая, тренещущая, молоденькая березка Варечка-Савина. Какіе перлы женской психологіи умѣла показать артистка въ этой «Дикаркѣ», довольно-таки незатѣйливой пьесѣ.

Съ Савиной мы хоронимъ самое дорогое театра—его плѣнительную наивность, безсознательное, органическое сліяніе артиста съ ролью.

Такихъ безцѣнныхъ самородковъ, какъ Савина, сама жизнь уже не можетъ дать больше, потому что сцена съ каждымъ днемъ дѣлается больше похожа на каѳедру въ драматической формѣ, на иллюстрацію литературы.

Савина—самое характерное дитя театра. Ея каждый жестъ, манера говорить, мыслить, смѣяться, радоваться, сердиться—просились всегда на полотно художника, были во всемъ выше дѣйствительности, вносили иллюзію, содержаніе въ самыя, повидимому, безнадежныя вещи.

Чувство мѣры этой артистки было безукоризненное. Она, какъ опытный пловецъ, обходила всѣ опасныя мѣста житейскихъ волнъ, встрѣчавшихся въ ея разнообразнѣйшихъ роляхъ. И это тѣмъ болѣе поразительно, что техника Савиной была довольно примитивная. У Савиной почти не было такъ называемыхъ «сдѣланныхъ ролей». Она не подчеркивала свою игру виртуозностью каждаго штриха, не имѣла заранѣе подготовленныхъ эффектовъ и прочихъ «трюковъ» «американской складки», столь расплодившей на сценѣ не актеровъ, а своего рода инженеровъ.

Благодаря врожденной артистичности, Савина поражала зрителей только цѣльнымъ образомъ. Виртуозность отдѣльныхъ моментовъ являлась у Савиной сама собою, въ органической связи съ ролью.

Зрителю на этой виртуозности некогда было останавливаться въ виду необычайной прелести всего образа, изображаемаго артисткой. Словомъ, математически оцѣнивать отдѣльные моменты игры можно только у штукъ-мейстеровъ сцены; Савина, конечно, къ нимъ не принадлежала. Вотъ почему и штукъ-мейстерскія роли послѣднихъ дней, безъ плоти и крови, но съ великой претензіей на новое слово, никогда ей не удавались.

Очень также осторожно, тактично распоряжалась Савина своими личными свойствами при олицетвореніи сценическаго матеріала.

Нерѣдко, казалось бы, въ самомъ безцвѣтномъ она умѣла находить нѣчто типическое, только свойственное изображенному, а значительнымъ ролямъ придавала уже чарующую характерность. Безцѣнное артистическое качество, почти не встрѣчающееся на театрѣ съ тѣхъ поръ, какъ на него повалили толпами люди «изъ общества», вносящіе только свою персону въ каждую роль, какъ бы послѣдняя ни была далека отъ сущности нашихъ дней.

Этотъ, кстати сказать, чисто любительскій принципъ грозитъ полнымъ разложеніемъ театра.

Савина никогда не играла самое себя и никогда не была на сценѣ «совсѣмъ какъ въ жизни», хотя играла въ высшей степени просто, естественно; но эти простота и естественность были высшаго порядка. Повторяю, всегда во всемъ артистка на сценѣ была выше дѣйствительности. Самый смѣхъ Савиной въ роляхъ не щекоталъ грубо физіологически, а жалилъ

своей сатирой, будилъ остроуміе, воспитывалъ снисхожденіе къ несчастнымъ или глупымъ не по своей винѣ.

Часто Савина, въ пьесахъ самаго завѣдомаго обихода, одной какой-нибудь фразой давала толчекъ чуткому зрителю къ внезапной удачной мысли, тонкому чувству.

Какимъ-то чудомъ, даже въ безспорно отрицательномъ, посредствомъ одной ей свойственной интонаціи, Савина дѣлала такія психологическія сближенія, казалось бы, діаметрально противоположныхъ характеровъ, которыя сразу во весь ростъ являли передъ зрителемъ сходственное въ различномъ и различное въ сходственномъ.

Сценическое творчество Савиной было неистощимо, почти безпримѣрно. Душа женщины для нея—раскрытая книга. А чувство по отношенію вообще къ дѣтямъ Россіи было въ артисткѣ чисто Гоголевское.

Кто с л ы ш а л ъ Савинское: «Нахговорили», «Нахговорили»!.. «Та у насъ, у Зміеви»—для того нѣтъ вѣрнѣе, тоньше картинъ малороссійской глухой провинціи и красочности тамошней, наивно-прекрасной природы.

Что можетъ быть безцвѣтнѣе, пустѣе нѣкоторыхъ свѣтскихъ дамъ «филантропокъ». Но какъ Савина умѣла примирять съ ними! Смотрѣть на нихъ, какъ на безъ вины виноватыхъ существъ уже въ одномъ такомъ обращеніи: «Ахъ, Боже мой! какъ я заговорилась, я совсѣмъ забыла, что меня ждетъ мужъ въ каретѣ!»

А это еще, изъ «Чародѣйки»: «Мамыровъ, хошь винца?» И... взглядъ, которымъ Савина сопровождала эти слова, и зажигательный смѣшокъ, кипящій страстью и безграничнымъ обаяніемъ женщины, чувствующей свое могущество надъ мужчиной!

Да за все это, право, можно было броситься на шею къ лютѣйшему врагу отъ восторга, простить самое злое вѣроломство. И только мрачный, лицемѣрный, искусственно привитый къ намъ византизмъ можетъ счесть за преувеличеніе такое значеніе театра въ лицѣ Савиной.

Какъ всякій истинный талантъ, Савина, разумѣется, неподражаема. Отсюда понятно, что актрисы, посягавшія на ея сценическій престолъ, копировали лишь ея недостатки.

Величайшимъ орудіемъ Савинскаго успѣха было то, что она никогда ни въ одной роли не мудрствовала лукаво, была всегда неумолимо правдива въ обрисовкѣ изображаемаго, т.-е. никогда ея исполненіе не противорѣчило характеру даннаго образа.

Кромѣ этого, замѣчательна еще одна, чисто царственная особенность Савиной. Что бы ей ни приходилось играть, во всемъ она казалась несравненно содержательнѣе, интереснѣе тѣхъ женщинъ, которыя присутствовали на ея представленіяхъ. И это всегда у Савиной выходило такъ легко, такъ безобидно, такъ чуждо какой-либо подчеркнутости, что вся публика охотно поддавалась ея обаянію, даже какъ бы не замѣчала ея порабощающаго превосходства надъ собою. Въ этомъ тоже неоспоримый признакъ необычайной сценической силы.

Конечно, претенціозныя ничтожества и въ лучшіе годы Савиной старались чѣмъ-либо умалить ея искрометный талантъ, но, къ счастью, то время для актера было благопріятнѣе нынѣшняго, потому что «большая публика» тогда еще не сознавала царственнаго удѣла сценическихъ талантовъ, и потому почти не считалась съ ними.

Такимъ образомъ, можно сказать, Савина не зависѣла отъ вкусовъ публики, а сама вела ее за собою, законодательствовала въ эстетическомъ отношеніи.

Великое торжество театра въ такомъ вліяніи на общество, и врядъ ли уже возможное въ настоящее время, когда столько актеровъ появилось изъ общества. То-есть, я хочу этимъ сказать, теперь, чтобы имѣть успѣхъ и дѣлать карьеру на сценѣ, необходимо примѣняться къ тому, что интересуетъ толпу въ данную минуту, и чѣмъ больше исполнительница будетъ соотвѣтствовать злободневности, тѣмъ прочнѣе, обезпеченнѣе ея успѣхъ. И сейчасъ далеко не рѣдкость встрѣтить на сценѣ совсѣмъ не актрису по природѣ, тѣмъ не менѣе занимающую видное положеніе на театрѣ, благодаря сознательному, умышленному «шествію» ея за вѣкомъ, а не наоборотъ, какъ подобаетъ всякому истинному художнику...

Да, незамѣнимую, страшную потерю представляетъ собою ушедшая отъ насъ Савина. Исчезла надолго, а, можетъ быть, въ такомъ освѣщеніи и навсегда чудесная галлерея разнообразнѣйшихъ женскихъ типовъ, нарисованныхъ кистью могучей сценической силы, ослѣпительной красочности во внѣшней и внутренней сущности художественныхъ созданій.

Достаточно напомнить, что Савина дополняла своей игрой великаго Гоголя, соперничала въ творчествѣ съ изящнымъ европейцемъ Тургеневымъ.

Ея Вѣрочка изъ его «Мѣсяца въ деревнѣ» навсегда останется идеальнымъ символомъ лучшихъ сторонъ славянской расы, своеобразнымъ небомъ души въ земной оболочкѣ, полной поэзіей расцвѣтающаго благоуханія русскаго сада.

Въ сферѣ чистой комедіи Савину можно назвать прямо великой артисткой. Въ комедіи она перевоплощалась, достигала геніальнаго прозрѣнія самыхъ сложныхъ движеній внутренняго міра.

Въ драмѣ Савина была ниже своего таланта. Но это, однако, нужно понимать весьма относительно. Для всякой другой актрисы ея, напримѣръ, Кондорова, ея Маргарита Готье могутъ быть идеаломъ исполненія уже по одному тому, что она окутывала ихъ дымкой поэзіи, давала характеристику, поразительно сообразную съ психологіей этихъ героинь.

Савина никогда не выдавала свои личныя чувства за чувства играемыхъ ею ролей. Это избавляло ее, прежде всего, отъ грубаго натурализма, отъ фотографированія дѣйствительности.

Личныя чувства Савиной всегда служили ей только горниломъ, въ которомъ она переплавляла данный сценическій матеріалъ, строго согласуясь со всѣми его нравственными, соціальными особенностями.

Кромѣ этого, Савина всѣмъ своимъ существомъ на голову, разъ навсегда разбила до сихъ поръ еще живучій, подлый предразсудокъ относительно «бѣлой и черной кости» людей.

Этотъ чисто лошадиный принципъ оцѣнивать людей, какъ заводскихъ жеребцовъ, упрямо закрывая глаза на то, что родъ людской разнится только воспитаніемъ, а не породой, Савина такъ умѣла низвергать, уличать во прахъ каждой фиброй своего существа, что весьма многія прирожденныя принцессы, княгини и графини казались передъ нею типичными мѣщанками.

И тутъ, увы, нѣтъ ни тѣни преувеличенія. Но совѣсти: сколько изъ «высокорожденныхъ» воспитывается изъ вѣка въ вѣкъ по мертвящему шаблону говорить, кланяться, присѣдать, одѣваться, даже думать и чувствовать. Отсюда образъ жизни и міросозерцанія типично «знатной черни», считающей себя, Богъ знаетъ почему, центромъ вселенной. Въ результатѣ ото всего этого—полное извращеніе высокихъ понятій, «адская» безцвѣтность и культура самыхъ низшихъ эмоцій. Ни тѣни оригинальности, беззавѣтнаго увлеченія, ширы натуры, врожденной гармоніи между внѣшнимъ и внутреннимъ, орлинаго полета и воображенія, чутья «біенія пульса» всего міра.

Всѣ эти чисто артистическія качества въ полной красотѣ проявляются только у grande-bohême, и самымъ яркимъ представителемъ чего была Марія Гавріиловна Савина,—эта нѣкогда бѣдная дѣвушка, дочь скромнаго учителя рисованія въ глухой провинціи.

Изъ какого-то Каменецъ-Подольска разлился по всей Россіи свѣтъ божественнаго искусства, врученнаго Богомъ дотолѣ никому невѣдомому подростку Подраменцевой-Стремляновой, превратившейся скоро въ ослѣпительную артистку Савину, сказочную царицу русскаго театра.

И что всего благороднѣе: царственный успѣхъ Савиной ни на минуту не заставилъ ее забыть о чести принадлежать grande-bohême. На верху почести, Савина постоянно помнила, что она вышла изъ народа въ лучшемъ значеніи этого слова, и для нея званіе grande comédienne было выше всякихъ титуловъ.

Никакой позы, никакого подчеркиванія своего величія Савина себѣ не позволяла при обращеніи съ провинціальными актерами.

Ея простота, внимательность, деликатность съ обнаженными нервами актеровъ, съ ихъ пугливымъ, болѣзненнымъ самолюбіемъ были прямо трогательны.

Это, несомнѣнно, рѣдкость со стороны людей съ большимъ положеніемъ—и свидѣтельствуетъ только о высотѣ души Савиной.

О, какъ еще много и изъ высокородныхъ и «худородныхъ», попавшихъ въ случай, которые являются идеальнѣйшими хамами при общеніи съ людьми, имѣющими несчастіе въ чемъ-либо отъ нихъ зависѣть...

Въ заключеніе, я не могу не замѣтить относительно того якобы засилія, которое внесла Савина на казенную сцену съ воцареніемъ на ней.

Разныя себялюбивыя букашки не разъ назойливо жужжали, что, благодаря Савиной, многія уходили съ казенной сцены, что Савина не давала хода другимъ молодымъ актрисамъ. Ну, можно ли этому повѣрить? Почему и какъ могъ такой порабощающій талантъ бояться чьего-либо соперничества? И развѣ съ нимъ не соперничали на томъ же Александринскомъ театрѣ?! И развѣ это соревнованіе не показало воочію только незамѣнимость Савинскаго дарованія? Не объяснило наглядно лучше всякихъ школъ и книгъ по искусству, что такое—истинная актриса въ отличіе отъ... жвачки собственной субъективности на сценѣ? А главное, кто же на протяженіи столькихъ лѣтъ могъ соперничать съ Савиной, если она въ комедіи была такъ же велика, какъ М. Н. Ермолова въ драмѣ?

Можетъ быть, личныя антипатіи Савиной принимались за зависть. Это вопросъ уже другой и не касается достоинствъ Савиной, какъ актрисы. И у кого же вообще «незлобивость голубина»?

Скажу только, если большой человѣкъ и падаетъ, зато всходитъ, какъ солнце. Во имя этого поклонимся до земли солнцу русской комедіи — очаровательной Маріи Гавріиловнѣ Савиной.

Н. Россовъ.

РАННЕЕ УТРО.

(Москва).

9—IX—1915. № 207.

† М. Г. САВИНА.

Извѣстіе о кончинѣ и описаніе послѣднихъ дней жизни—по сообщеніямъ петроградскихъ газетъ.

У преподавателя рисованія и чистописанія Каменецъ-Подольской гимназіи Гавріила Николаевича Подраменцева 30-го марта 1854 года родилась дочь.

Это и была Марія Гавріиловна, впослѣдствіи по мужу и сценѣ Савина.

«Отца знаменитости» уже давно влекло на сцену, и, послѣ нѣкотораго колебанія, онъ, снявши вицмундиръ, подписываетъ условіе въ Одесскій Городской театръ, къ И. К. Фолетти, причемъ изъ Подраменцева онъ, при поступленіи на сцену, превратился въ Стремлянова, а его дочь—въ «дѣвицу Стремлянову», какъ тогда значилось на афишахъ.

Первое офиціальное предложеніе служить Савина получила въ 1869 году, т.-е. 15-ти лѣтъ отъ роду, когда она вмѣстѣ съ отцомъ приглашена была служить въ Минскѣ «на вторыя водевильныя роли», съ жалованьемъ въ 30 рублей въ мѣсяцъ. Дебютировала она въ роли Глашеньки въ водевилѣ «Бѣдовая бабушка». Къ концу Минскаго сезона М. Г. получила 10 рублей въ мѣсяцъ прибавки, и въ день ея перваго бенефиса (Полина въ «Доходномъ мѣстѣ») театръ былъ переполненъ.

Изъ Минска «дѣвица Стремлянова» попадаетъ въ Харьковъ, къ Н. Н. Дюкову.

Въ труппѣ Дюкова на амплуа «любовника» служилъ артистъ Н. Н. Савинъ, и «дѣвица Стремлянова», выйдя замужъ за него, превратилась въ М. Г. Савину.

Въ 1874 году, постомъ, Савина пріѣхала въ Петербургъ. Ея дебютъ въ Александринскомъ театрѣ состоялся въ комедіи «По духовному завѣщанію», въ роли Кати, и въ водевилѣ «Она его

ждетъ». Съ нею былъ подписанъ контрактъ на 900 рублей въ годъ, 15 рублей поспектакльной платы, бенефисъ и казенный гардеробъ, съ прибавкой по 5 рублей разовыхъ каждый годъ.

Въ 1897 году состоялся въ Москвѣ Первый Съѣздъ русскихъ сценическихъ дѣятелей. М. Г. Савина принимала въ немъ самое близкое участіе и завѣдывала сборомъ на Пріютъ для актерскихъ дѣтей. Съ этого времени Савина дѣлитъ всю свою дѣятельность между сценой и благотворительными учрежденіями при Театральномъ Обществѣ, которыя всецѣло обязаны ей не только своимъ возникновеніемъ, но и дальнѣйшимъ существованіемъ.

Въ прошломъ году М. Г. Савина была избрана предсѣдательницей Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества.

Этотъ некрологъ перепечатанъ въ «Кавказскомъ Телеграфѣ», 14—IX—1915, № 49, и частью заимствованъ въ «Рампѣ и Жизнь», 13—IX—1915, № 37.

10—IX—1915. № 208.

Здѣсь помѣщенъ портретъ М. Г. Савиной (1907 г.).

НЕЗАМѢНИМАЯ.

(Памяти М. Г. Савиной).

Умерла М. Г. Савина... Покойная Савина... Смотришь на эти словосочетанія—и не вѣришь, не хочешь вѣрить. Но—увы!—жизнь сильнѣе насъ,—она не спрашиваетъ. Поставила точку, и конецъ—нѣтъ Савиной.

Вспоминается мнѣ чрезвычайное Общее Собраніе Театральнаго Общества осенью прошлаго года въ Никитскомъ театрѣ. Предсѣдательницей его была избрана, конечно, М. Г. Савина. Собрался президіумъ, усѣлись за большой столъ на сценѣ театра, какъ вдругъ вокругъ отверстія бутафорскаго потолка, изъ котораго спускалась освѣщавшая столъ большая люстра, появилось пламя, и люстра съ грохотомъ падаетъ на столъ. Марія Гавріиловна спаслась буквально чудомъ,—люстра летѣла прямо на нее, и сиди она наклонившись впередъ, ударъ люстры пришелся бы прямо по ней. Въ первую секунду всѣ обомлѣли—катастрофа, казалось, неминуема. Вздохъ облегченія вырвался, когда выяснилось, что М. Г. отдѣлалась только испугомъ.

Но въ мозгу за эти нѣсколько минутъ успѣла пробѣжать мысль: а что было бы, если бы... Самая мысль объ этомъ казалась кошмарной: развѣ можно представить себѣ русскій театръ безъ Савиной, Театральное Общество безъ Савиной, актеровъ безъ Савиной? И сама М. Г. проявляла столько энергіи, столько неутомимости, что къ концу Собранія уже всѣ и забыли о непріятномъ случаѣ, омрачившемъ начало его.

И вотъ теперь какая-то глупая инфлуэнца отняла у насъ Савину, великую актрису сцены русской. Въ какихъ-нибудь нѣсколько дней сгорѣлъ человѣкъ. И какой человѣкъ!

Говорить объ актрисѣ Савиной—значитъ ломиться въ открытую дверь. Систематизировать ту тысячу ролей, которыя она подарила русской сценѣ, не можетъ войти въ задачу краткой газетной статьи. Сейчасъ хочется вспомнить о другомъ,—о томъ обаяніи человѣка, которое несла эта удивительная женщина, о томъ поистинѣ золотомъ сердцѣ, которое «биться перестало».

Когда въ первый годъ по введеніи новаго устава Театральнаго Общества предстояло произвести выборы членовъ Совѣта, къ Савиной въ обычномъ формальномъ порядкѣ обратились съ вопросомъ, желаетъ ли она баллотироваться въ члены Совѣта.

— Я все равно не уйду!—отвѣтила Савина.

Это былъ исчерпывающій отвѣтъ. Савина вся съ головой жила актерскими интересами и нуждами, и не все ли равно ей, выберутъ ее въ члены Совѣта или нѣтъ,—она изъ Театральнаго Общества уйти не можетъ, все равно не уйдетъ. Савину баллотировали. Конечно, выбрали не

только въ члены Совѣта, но и въ предсѣдательницы Совѣта. А сама она въ это время уже стояла гдѣ-нибудь въ коридорѣ Незлобинскаго театра, гдѣ происходили засѣданія Делегатскаго Съѣзда, и бесѣдовала съ какимъ-нибудь актеромъ, выслушивала его жалобу и обѣщала помочь. И такое обѣщаніе Савиной никогда не было однимъ обѣщаніемъ,—оно будетъ исполнено. Савина либо исходатайствуетъ ссуду нуждающемуся, либо пристроитъ актерское дитя, либо похлопочетъ у антрепренера.

Она любила дѣлать добро и дѣлала его искренно, отъ души. Лучшими памятниками ея отзывчиваго сердца останутся Пріютъ для актерскихъ дѣтей и Убѣжище для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей. Эти благотворительныя учрежденія при Театральномъ Обществѣ отъ начала до конца всецѣло дѣло рукъ ея. Крылатая фраза М. Г. Савиной: «Сцена—моя жизнь» обозначаетъ, несомнѣнно, не одну театральную сцену, не одни подмостки, но и все, что вокругъ сцены, около нея, ибо и фактически М. Г. отдавала Убѣжищу и Пріюту не меньше времени, чѣмъ сценѣ, а послѣднее время, пожалуй, и больше.

Когда минувшимъ постомъ М. Г. Савина прочла Делегатскому Съѣзду актеровъ докладъ и отчетъ по Убѣжищу и Пріюту, залъ, наполненный ревнивыми къ аплодисментамъ актерами, буквально дрогнулъ, и М. Г. была устроена овація, вызвавшая слезы на ея большіе, задумчивые глаза. Увы!—это было послѣднее прощанье,—опять будетъ постъ, опять соберутся актеры, но не будетъ Савиной.

А какъ это будетъ? Я увѣренъ, спросите любого актера,—какъ будетъ актерскій съѣздъ безъ Савиной,—и онъ недоумѣнно разведетъ руками. Савина-актриса можетъ остаться незамѣщенной,—будутъ играть ея роли хуже, но какъ замѣнить ту роль, которую играла Савина внѣ сцены, какъ замѣнить Савину-человѣка? Кто отвѣтитъ на этотъ вопросъ?

Эм. Бескинъ.

Эта статья перепечатана въ «Евпаторійскихъ Новостяхъ», 13—IX—1915, № 1072.

РЕВЕЛЬСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

(Ревель).

10—IX—1915. № 864.

М. Г. САВИНА.

(Некрологъ).

Перепечатанъ изъ «Новаго Времени», 9—IX—1915, № 14188. Такъ же, какъ и въ «Историческомъ Вѣстникѣ», X—1915, т. CLXII, стр. 344.

РОДИНА.

(Петроградъ).

27—IX—1915. № 39.

Обильная жатва. Смерть не щадитъ никого, и надъ каждымъ—великимъ ли, малымъ ли—заноситъ она въ положенный часъ свой губительный серпъ. Но, какъ ни привыкли мы къ опустошеніямъ, наносимымъ этой владычицей въ нашихъ рядахъ, все же не можетъ не произвести впечатлѣнія та обильная жатва, которую пожала смерть въ истекшую недѣлю среди вы-

дающихся личностей нашего времени. Савина, Дурново, Авдаковъ и Челышевъ—вотъ громкія, связанныя каждое чуть ли не съ цѣлой эпохой, имена людей, которые убыли у насъ одинъ за другимъ, словно пораженные таинственной эпидеміей. Конечно, не равноцѣнны всѣ эти имена, и далеко не одинакова оставляемая ими по себѣ память. Не мало, быть можетъ, горькаго связано съ иными изъ нихъ, но это не умаляетъ силы и значенія той свѣтлой или темной черты, которую оставила на современности дѣятельность ихъ носителей. Окинемъ же въ краткихъ чертахъ пройденный земной путь почившихъ.

Далѣе слѣдуетъ біографическій очеркъ, перепечатанный изъ «Новаго Времени», 9—IX—1915, № 14188.

Приложены снимки: М. Г. Савина у себя въ кабинетѣ (1914 г.); она же въ пьесѣ «Свѣтлѣйшій»; похороны М. Г. Савиной—выносъ гроба изъ дома.

РОДНОЙ КРАЙ.

(Херсонъ).

11—IX—1915. № 999.

† М. Г. САВИНА.

Помѣщенный здѣсь краткій некрологъ перепечатанъ изъ «Южнаго Края», 9—IX—1915, № 12920. Онъ же перепечатанъ: въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ», 10—IX—1915, № 3867; въ «Трудовой Газетѣ». 11—IX—1915, № 1901; въ «Ялтинскомъ Курьерѣ», 12—IX—1915, № 194.

РУССКАЯ РИВЬЕРА.

(Ялта, Таврической губерніи).

12—IX—1915. № 204.

† М. Г. САВИНА.

Описаніе послѣднихъ дней жизни и краткія біографическія свѣдѣнія—по сообщеніямъ столичныхъ газетъ.

20—IX—1915. № 210.

М. Г. САВИНА И КРЫМЪ.

Подъ этимъ заглавіемъ перепечатана замѣтка о гастроляхъ М. Г. Савиной въ Крыму—изъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», 9—IX—1915, № 15077. Такъ же, какъ и въ «Южной Мысли», 13—X—1915, № 1314.

РУССКАЯ РѢЧЬ.

(Одесса).

17—IX—1915. № 2951.

М. Г. САВИНА И РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.

Статья Елатомскаго.

Эта статья напечатана также: въ «Витебскомъ Вѣстникѣ», 12—IX—1915, № 203; въ «Жизни Волыни», 12—IX—1915, № 252; въ «Донскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ», 13—IX—1915, № 208; въ «Пензенскихъ Вѣдомостяхъ», 13—IX—1915, № 203; въ «Орловской Жизни», 17—IX—1915, № 199; въ «Харбинскомъ Вѣстникѣ», 27—IX—1915, № 3565. Текстъ этой статьи—см. «Витебскій Вѣстникъ».

23—IX—1915. № 2956.

ПАМЯТИ БОЛЬШОГО ХУДОЖНИКА СЦЕНЫ.

Статья Горнова.

Напечатана также: въ «Витебскомъ Вѣстникѣ», 17—IX—1915, № 206; въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ», 17—IX—1915, № 3874; въ «Уфимскомъ Краѣ», 19—IX—1915, № 204. Текстъ ея—см. «Витебскій Вѣстникъ».

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ.

(Петроградъ).

8—XI—1915. № 45.

АРТИСТКА-ХРИСТІАНКА.

Недавно скончалась замѣчательная русская артистка, талантъ которой въ теченіе почти полувѣка сверкалъ и озарялъ русскую сцену,—Марія Гавріиловна Савина.

Какъ, повидимому, легко исполнить величайшую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, простѣйшую и понятнѣйшую изъ заповѣдей закона Христова,—пожалѣть жгучимъ дѣятельнымъ сожалѣніемъ того несчастнаго человѣка, который встрѣчается вамъ на жизненномъ пути, и немедленно помочь ему. Какъ, казалось бы, трудно не исполнить того, что съ такой силой на судѣ Христовомъ оправдаетъ насъ, загладитъ безчисленные грѣхи наши: «Я алкалъ—и вы дали Мнѣ ѣсть. Я жаждалъ—и вы напоили Меня. Я былъ странникомъ—и вы приняли Меня. Я былъ нагъ—и вы одѣли Меня. Я былъ боленъ и въ темницѣ—и вы посѣтили Меня».

И, однако, какъ мало подвижниковъ этой столь простой и доступной заповѣди закона, которую человѣку великодушному, съ неодеревянѣвшимъ сердцемъ, трудно не исполнить.

Вотъ Марія Гавріиловна Савина отличалась именно тѣмъ сердцемъ, которое не въ силахъ было противиться возникающему въ немъ безкорыстному движенію милосердія и состраданія.

Она не могла проходить мимо людского страданія безъ того, чтобы не помочь ему. Не было, кажется, того дня, когда она не протягивала бы кому-нибудь руку помощи.

Вотъ, что вспоминаютъ въ дальнемъ Пермскомъ краѣ объ ея жизни тамъ въ восьмидесятыхъ годахъ.

Въ это время Марія Гавріиловна была повѣнчана съ крупнымъ пермскимъ помѣщикомъ, Никитой Никитичемъ Всеволожскимъ. Обрядъ вѣнчанія, по ея желанію, былъ совершенъ въ каменномъ храмѣ села Сивы, Оханскаго уѣзда, который выстроенъ былъ предками Н. Н. Всеволожского. Съ тѣхъ поръ Марія Гавріиловна не разъ проводила лѣто въ этомъ имѣніи своего супруга. Жители Сивы очень полюбили Марію Гавріиловну за ея простоту и обхожденіе. Каждый

разъ по пріѣздѣ въ Сиву, она имѣла обыкновеніе дѣлать подарки за радушную встрѣчу, а потому для встрѣчи ея собиралась чуть не вся округа. Живя въ Сивѣ, она предавалась религіозности и благотворительности. Усердно посѣщала храмъ, восхищалась его мозаикой и архитектурой, не пропускала ни одной службы. Не меньшее вниманіе обращала она и на бѣдныхъ. Благодаря ея щедротамъ, нѣкоторые построили себѣ жилища, многіе получали пособія деньгами, вещами и продовольствіемъ, а бывшіе служащіе даже умерли пенсіонерами. Затѣмъ, какъ было извѣстно, Марія Гавріиловна повліяла на своего супруга не взыскивать оброчныя недоимки со своихъ бывшихъ дворовыхъ людей.

Марія Гавріиловна была главной и незамѣнимой дѣятельницей Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества. Она помнила подневольное, презираемое даже положеніе русскаго актера, какимъ онъ былъ издревле до тѣхъ дней, когда она начинала свою артистическую дѣятельность. И ей во многомъ обязанъ русскій актеръ тѣмъ его общественнымъ положеніемъ, которое ставитъ его неизмѣримо выше того, чѣмъ онъ былъ нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ.

Русское Театральное Общество создало прекрасное Убѣжище въ Петроградѣ для престарѣлыхъ дѣятелей сцены, въ которомъ въ чистыхъ, свѣтлыхъ, уютныхъ комнатахъ одинокіе актеры или цѣлыя актерскія семьи проживаютъ свой вѣкъ.

Среда русскихъ актеровъ въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно набожна, и великимъ утѣшеніемъ для призрѣваемыхъ въ Убѣжищѣ является та прекрасная церковь въ древне-русскомъ стилѣ, съ истово совершаемымъ богослуженіемъ, которая устроена вице-президентомъ Театральнаго Общества А. Е. Молчановымъ, супругомъ Маріи Гавріиловны Савиной, его покойной матерью, сестрою и съ участіемъ также въ расходахъ самой Маріи Гавріиловны. Она любила этотъ храмъ. Любила слушать въ немъ исполняемыя тамъ, особенно нравившіяся ей нѣснопѣнія, напримѣръ, распространившееся теперь многолѣтствованіе талантливаго духовнаго композитора Чеснокова.

Насколько Савину трогало всякое проявленіе чувства въ людяхъ, можно видѣть изъ слѣдующаго. Осенью 1914 года былъ образованъ петроградскими артистами сборъ подарковъ на передовыя позиціи солдатамъ. Марія Гавріиловна дежурила въ театрахъ, и однажды, возвратясь домой, съ волненіемъ и слезами разсказывала, какъ какая-то неизвѣстная старая дама привезла ей нѣсколько кисетовъ, сдѣланныхъ своими руками для подарковъ, и умоляла ее, чтобы эти кисеты попали непосредственно на позиціи. Усердіе этой старой дамы, которой была дорога мысль чѣмъ-нибудь доставить радость русскимъ сражающимся героямъ, потрясло Савину до глубины души и, разсказывая о разговорѣ этой дамы, она сама плакала.

Сейчасъ въ домѣ Молчановыхъ живетъ въ родѣ пріемыша маленькій, тринадцатилѣтній мальчикъ, ученикъ Театральнаго Училища. Отецъ его—офицеръ на войнѣ, мать мало заботилась о ребенкѣ, и онъ безъ всякой рекомендаціи рѣшилъ идти къ Савиной и просить опредѣлить его въ Театральное Училище. Она плакала, слушая его разсказъ, и мальчикъ принятъ ею въ домъ за день или за два до ея болѣзни.

Послѣдняя поѣздка Маріи Гавріиловны была богомолье въ Полтавскую губернію, къ чудотворной Козельщанской иконѣ Божіей Матери, прославившейся нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ чудеснымъ исцѣленіемъ лишенной движенія барышни, графини Каннистъ. Къ этой иконѣ она имѣла особое почитаніе послѣ слѣдующаго случая.

Супругъ Маріи Гавріиловны Савиной, Анатолій Евграфовичъ Молчановъ, года три-четыре назадъ отчаянно заболѣлъ крупознымъ воспаленіемъ легкаго и былъ приговоренъ къ смерти. Врачъ сказалъ, что если температура подымется до тридцати девяти и пяти десятыхъ, то никакой надежды на спасеніе больного нѣтъ. Между тѣмъ, температура поднялась до сорока и двухъ десятыхъ. Больной не отдавалъ себѣ отчета въ своемъ положеніи, а жена ухаживала за нимъ съ необыкновеннымъ усердіемъ и самоотверженіемъ день и ночь. Въ самый тяжелый моментъ Марія Гавріиловна получила письмо отъ артистки Александринскаго театра г-жи Шаровьевой, особы очень набожной, съ приложеніемъ образка Козельщанской иконы Божіей Матери. Она писала о первомъ, бывшемъ отъ этой иконы, чудѣ и просила при-

сланную иконку помѣстить въ головахъ у больного. Въ первую же ночь произошло видимое улучшеніе, и, когда утромъ пріѣхалъ врачъ, онъ объявилъ, что кризисъ миновалъ и больной вышелъ изъ опасности. Марія Гавріиловна часто потомъ говорила, что эта икона вырвала ея супруга изъ рукъ смерти, и съ тѣхъ поръ всякій годъ, возвращаясь домой съ Кавказа, изъ Ессентуковъ, куда ѣздила проходить курсъ леченія, останавливалась въ Харьковѣ и, затѣмъ, совершала паломничество въ Козельщину.

Въ этомъ году, вслѣдствіе неправильнаго движенія поѣздовъ, она вернулась изъ Ессентуковъ прямо въ Петроградъ и, какъ только водворилась у себя дома, ее стало мучить, что она не совершила обѣщаннаго богомолья. Она сказала объ этомъ мужу, который упрашивалъ ее не ѣхать, обѣщая совершить это богомолье попозже, вмѣстѣ съ нею, но не сейчасъ.

— Я поѣду,—отвѣчала она,—и если условія путешествія въ Москвѣ покажутся мнѣ трудными, я вернусь.

Это была только отговорка, она доѣхала до монастыря, тамъ исповѣдывалась и пріобщилась.

Когда она въ день причащенія, вечеромъ, пріѣхала на поѣздъ, ей уже выдали билетъ. Но, когда поѣздъ подошелъ, въ немъ не оказалось мѣстъ, пришлось возвращаться въ монастырь обратно. Такъ какъ было очень поздно, то ей съ сопровождавшей ее дѣвушкой пришлось долго колотиться въ дверь гостиницы, прежде чѣмъ ихъ впустили. Когда она извинилась за безпокойство, отворявшая монахиня отвѣтила:

— Это ничего... Божія Матерь васъ къ Себѣ призываетъ.

Эти слова оказались пророческими.

Онѣ выѣхали въ слѣдующую ночь съ такой тѣснотой, что въ купе для шестерыхъ сидѣло восьмеро. Отъ Полтавы она получила маленькое купе въ свое распоряженіе. Въ первый же разъ, какъ вышла въ коридоръ, она увидала сидящимъ на чемоданѣ, въ перевязкахъ отъ ранъ, офицера. Она тотчасъ же обратилась къ нему со словами: «Я васъ не знаю, простите меня; но видя, какъ вы ранены, не могу допустить, чтобы вы путешествовали въ такомъ положеніи. Мы какъ-нибудь втроемъ устроимся въ купе». Она привела его къ себѣ, и изъ разговоровъ выяснилось, что онъ армейскій офицеръ, родня котораго живетъ въ Харьковѣ, и который раненъ уже пятый разъ. Прощаясь съ нимъ въ Харьковѣ, гдѣ онъ выходилъ, она сказала ему: «Если вы будете въ Петроградѣ, заѣзжайте ко мнѣ; я буду очень рада, я артистка Савина». Эти слова произвели на офицера такое впечатлѣніе, какъ если бы передъ нимъ разорвался германскій «чемоданъ».

Какъ онъ долженъ былъ быть изумленъ и потрясенъ, когда, черезъ короткое время, прочелъ въ газетахъ вѣсть о кончинѣ Маріи Гавріиловны!

По возвращеніи въ Петроградъ отъ Козельщанской иконы, Марія Гавріиловна сейчасъ же заболѣла своей послѣдней болѣзнью.

Вотъ, такія невидныя ежедневныя дѣла милосердія, совершаемыя по первому движенію великодушнаго и заботливаго сердца,—они сіяютъ надъ жизнью человѣка сокровищами неистребимой и великой цѣнности.

Мнѣ пришлось лично знать эту замѣчательную русскую женщину и быть свидѣтелемъ ея глубокой набожности.

Она была горячей и искренней почитательницей старца Серафима Саровскаго еще задолго до церковнаго прославленія этого старца. Ея паломничества въ Саровъ были для нея самыми дорогими воспоминаніями изъ ея жизни.

Мнѣ какъ-то случилось заѣхать къ ней въ Петербургѣ, въ концѣ декабря, за нѣсколько часовъ до поѣздки въ Саровъ, куда въ ту пору было полтораста верстъ на лошадяхъ по зимнему санному пути. Она была не совсѣмъ здорова и лежала на кушеткѣ, обложенная подушками. Когда она услыхала, что я ѣду въ Саровъ, она въ какой-то тоскѣ протянула впередъ руки и сказала: «Ахъ, какъ я была бы счастлива, если бы могла тоже поѣхать сейчасъ въ Саровъ!» Поговоривъ тутъ

о Саровѣ, она просила передать отъ нея въ гостиницу нѣсколькимъ знакомымъ лицамъ изъ Саровской братіи чаю. Она сейчасъ же распорядилась послать къ своему поставщику за чаемъ, ящикъ котораго былъ мнѣ доставленъ на вокзалъ къ отходу поѣзда.

Марія Гавріиловна никогда не разставалась съ двумя фотографическими карточками преподобнаго Серафима, изъ которыхъ одну, гдѣ старецъ представленъ идущимъ, опираясь на палочку, она называла «путешествующимъ». Эти карточки, вставленныя въ кожаную рамочку-портфельчикъ, она возила съ собою во всѣхъ своихъ многочисленныхъ поѣздкахъ.

Она была также почитательницей извѣстной набожнымъ жителямъ Петербурга блаженной Ксеніи, почивающей на Смоленскомъ кладбищѣ.

Какъ-то прошелъ слухъ, что Савина, по несогласіямъ съ Дирекціей, выходитъ въ отставку. Я пошелъ къ ней на домъ. Швейцаръ мнѣ сказалъ, что она поѣхала на Смоленское кладбище и вернется часа черезъ три. Когда я во второй разъ пришелъ къ ней, она была дома и сейчасъ же сказала:

— Я была на Смоленскомъ кладбищѣ, у блаженной Ксеніи. Какъ тамъ хорошо. Осенніе листья, такіе желтые, шуршатъ подъ ногой. Какая вокругъ тишина и покой!..

Она ѣздила туда молиться о томъ, чтобы это недоразумѣніе, угрожавшее ей разставаніемъ съ театромъ, который она такъ любила и къ которому такъ привыкла, было разрѣшено. И, дѣйствительно, на слѣдующій день въ газетахъ появилось извѣстіе, что все улажено, и она остается.

Она хорошо знала и почитала петроградскаго митрополита Антонія и всегда интересовалась церковными дѣлами, богослуженіемъ, благолѣпіемъ храмовъ Божіихъ.

Вѣра Маріи Гавріиловны была проста и непосредственна, какъ у ребенка. Она умѣла молиться и молилась не напоказъ, а тайно, всѣмъ сердцемъ и всѣми силами души.

Свекровь Маріи Гавріиловны, г-жа Молчанова, была горячей почитательницей Саровскаго старца Серафима. Въ дни безутѣшнаго горя, когда Молчанова потеряла, послѣ рѣдко счастливаго супружества, любимаго мужа, ей снился однажды старецъ Серафимъ, который ласково подошелъ къ ней и, какъ она разсказывала, «схлебнулъ ея слезы»: какія дивныя слова,—значитъ, старецъ принялъ въ душу свою ея скорбь. Все, что относилось до старца Серафима, было близко и дорого, и завѣтно для милой старушки. Извѣстно, что, въ санѣ іеродіакона, старецъ Серафимъ имѣлъ таинственное видѣніе. Когда онъ при словахъ: «И во вѣки вѣковъ» повелъ ораремъ, стоя лицомъ къ народу, онъ увидалъ, какъ съ восточной стороны въ храмъ вступаетъ въ великой славѣ, окруженный безчисленнымъ сонмомъ ангеловъ, Христосъ Спаситель. Отъ видѣнія онъ стоялъ безмолвный и недвижимый. Замѣтивъ, что съ нимъ произошло что-то необыкновенное, сослужащіе ввели его подъ руки въ алтарь, а онъ остался тамъ недвижимымъ нѣсколько часовъ, мѣняясь въ лицѣ отъ полной мертвенной блѣдности до ярко краснаго румянца.

— Голубчикъ Маня,—говаривала не разъ г-жа Молчанова своей великой невѣсткѣ,—всегда кланяйтесь въ землю при словахъ діакона—«И во вѣки вѣковъ»: преподобному Серафиму было въ эту минуту видѣніе.

И Марія Гавріиловна до послѣдней литургіи, которую она отстояла, исполняла этотъ духовный завѣтъ.

У старушки Молчановой была святыня, чтимая въ семьѣ и перешедшая къ ея сыну. Это небольшой кусокъ камня изъ той скалы, на которой дивный старецъ Серафимъ совершилъ свой молитвенный, въ теченіе тысячи ночей, подвигъ столпничества. На одной сторонѣ этого трехграннаго камешка старецъ изображенъ молящимся на камнѣ, на другой—въ минуту блаженной кончины своей и на третьей—идущимъ, опираясь на палочку. Этимъ самымъ изображеніемъ, называвшимся въ семьѣ «путешествующимъ», Марія Гавріиловна всегда благословлялась передъ всякимъ своимъ отъѣздомъ, требуя, чтобы мужъ трижды осѣнялъ ее этимъ камешкомъ.

И когда она скончалась и лежала уже безмолвная на кровати, то, въ порывѣ вѣры, мужъ, подойдя къ ней, въ послѣдній разъ осѣнилъ ее на самый далекій путь, который ей когда-либо пришлось совершать,—этимъ самымъ камешкомъ «путешествующаго Серафима».

Хочется привести тѣ прекрасныя слова, которыя сказалъ передъ тѣмъ, какъ опускать гробъ въ могилу, представитель провинціальнаго русскаго актерства, г. Градовъ. Описавъ въ сильныхъ словахъ значеніе Маріи Гавріиловны для актерской семьи, для которой она столько дѣлала, несмотря на то, что за ея добро ей часто причиняли оскорбленія, которыя она забывала, какъ только можетъ родная мать забывать оскорбленія своихъ дѣтей, онъ сказалъ:

— Она осталась съ нами и останется такъ до скончанія вѣковъ, до страшнаго Господня суда... А когда придетъ этотъ часъ и труба архангела возвѣститъ кончину міра и воскресеніе изъ мертвыхъ, и къ престолу Судіи вмѣстѣ съ другими потекутъ толпы провинціальныхъ актеровъ, впереди насъ встанетъ она и скажетъ Предвѣчному: «Суди и меня вмѣстѣ съ ними, ибо всю мою жизнь я была съ ними, тосковала о нихъ за гробомъ, не оставлю ихъ я и въ этотъ страшный часъ суда Твоего».

Что можетъ быть прекраснѣе, когда живое сердце человѣческое такъ возлюбило ближнихъ своихъ, что эти ближніе въ часъ разлуки мечтаютъ о томъ, какъ и въ вѣчности это державновенное въ любви своей сердце будетъ жалѣть и покрывать ихъ, какъ покрывало во дни земного бытія!

И вотъ—большой особнякъ ея мужа переполненъ до тѣсноты сошедшимися со всѣхъ сторонъ почитателями великой артистки. И въ той громадной комнатѣ, гдѣ, бывало, раздавалась ея живая остроумная рѣчь, теперь сплошь обтянутой чернымъ,—въ дубовомъ гробу неподвижно лежитъ замѣчательная русская женщина. Тогда я увидѣлъ на рукахъ ея раскрытою ту рамочку, съ тѣми двумя фотографическими изображеніями старца Серафима, съ которыми она никогда не разставалась и которыя должны были уйти вмѣстѣ съ нею подъ землю.

Вокругъ было нескончаемое количество цвѣтовъ и вѣнковъ, сверхъ которыхъ лежалъ крестъ отъ Государя и Государыни Императрицы и вѣнокъ отъ Императрицы-матери.

Вся земная слава была здѣсь, въ лицѣ съѣхавшихся къ этому гробу въ большомъ количествѣ, прославившихся на разныхъ поприщахъ жизни, людей. Но въ эти минуты послѣдняго упокоенія все это казалось столь тщетнымъ и преходящимъ. А одно было истинно, вѣрно и не преходяще: вотъ эти изображенія дивнаго старца, на которыя она молилась во всѣ дни своей жизни, полной удачъ и славы, съ той же теплотой, съ какой молится ему какой-нибудь безызвѣстный, смиренный странникъ.

И этотъ святой старецъ, небесную славу котораго она предугадала и усердіе къ которому донесла до дверей могилы, долженъ былъ встрѣтить ее въ дверяхъ той вѣчности, гдѣ земная слава вмѣняется ни во что и гдѣ одно смягчаетъ участь души человѣческой: вѣрность Богу...

Е. Поселянинъ.

РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ.

(Москва).

9—IX—1915. № 206.

КОНЧИНА М. Г. САВИНОЙ.

Описаніе послѣднихъ минутъ жизни—по сообщеніямъ петроградскихъ газетъ.

М. Г. САВИНА.

Съ мѣсяцъ назадъ русскую сцену постигло большое горе. Она потеряла К. А. Варламова. Вчера судьба обрушила на нее новый, еще болѣе тяжелый ударъ.

Около 6 часовъ утра въ Петроградѣ скончалась послѣ короткой трехдневной болѣзни Марія Гавріиловна Савина.

Съ глубокой, острой скорбью пишу я эти слова. Смерть неожиданно сломила громадную художественную силу, погасила талантъ исключительный, неповторяющейся яркости и тончайшей прелести. И конецъ наступилъ, когда этотъ талантъ еще далеко не истощилъ себя, своихъ очаровательныхъ сокровищъ въ колоссальномъ сценическомъ творчествѣ.

Позади—десятилѣтія напряженной театральной работы, уходитъ въ даль прошлаго безконечная вереница образовъ, запечатлѣнныхъ подлинной художественной красотой, значительностью и своеобразностью. Но казалось, что и впереди лежитъ еще большой путь, новый рядъ «волшебныхъ превращеній». Горѣли молодымъ огнемъ прекрасные глаза, умѣвшіе разсказать вамъ всѣ поэмы женскаго счастья и женскаго горя, била ключемъ энергія творчества. Старилась женщина, но не старѣла въ ней артистка и въ осени дней сохраняла свѣжесть сценическихъ красокъ. Савина была въ полной мѣрѣ дѣйственной силой русскаго театра, а не его почетной реликвіей. Оттого не только печалью, но и обидой горькой пропитано сознаніе, что теперь она—только дорогое воспоминаніе.

Передо мной очень старая, выцвѣтшая фотографическая карточка. На оборотѣ рукою самой Савиной написано: «Марія Гавріиловна Савина, урожденная Подраменцева, род. 1854 г., 30-го марта». Со словъ самой Савиной знаю, что отецъ ея былъ учителемъ Каменецъ-Подольской гимназіи, старымъ и талантливымъ любителемъ-актеромъ. Въ домѣ все дышало страстью къ театру. Она рано заразила разбитную дѣвочку-смуглянку съ громадными, горящими глазами. Театральные опыты начались очень рано. Передо мною другая, еще болѣе выцвѣтшая фотографія: маленькая дѣвочка въ костюмѣ Эсмеральды. Дата подъ фотографіей говоритъ, что будущей Савиной было въ ту пору десять лѣтъ. Скоро дѣвочка сдѣлалась заправской актрисой, стала «разъѣзжать изъ города въ городъ, съ ярмарки на ярмарку»,—разсказываетъ А. Вольфъ въ своей извѣстной «Хроникѣ». Играла все,—Елену Прекрасную и Офелію. Талантъ, художественное чутье провели ее черезъ эти дебри. Немного лѣтъ—и у М. Г. была уже большая популярность въ театральной провинціи; она привела ее въ Петербургъ, уже женою провинціальнаго актера Савина. 17-го марта 1874 г. въ Благородномъ Собраніи играли новую пьесу, потомъ надолго ставшую очень популярной,—Антроповскіе «Блуждающіе огни». Лелечкой была Савина. Этотъ спектакль, и то, что на него попалъ актеръ Нильскій, правая рука тогдашняго начальника репертуара Александринскаго театра, рѣшили судьбу Савиной. Черезъ три недѣли, 9-го апрѣля, она уже играла на Императорской сценѣ Катю въ пьесѣ «По духовному завѣщанію», потомъ «Воспитанницу» Островскаго—и, затѣмъ, въ теченіе 41 года уже не разставалась съ этими подмостками, очень скоро стала ихъ первой гордостью, ихъ лучшей славой. «Теперь можно писать опять для сцены»,—сказалъ, гласитъ театральное преданіе, Алексѣй Потѣхинъ, когда новичекъ-Савина сыграла Дашу въ его «Мишурѣ». И сколько авторовъ могли бы потомъ повторить эти слова. Сколько ихъ созданій, а то и издѣлій, одѣла она чарующей красотой своего таланта и своего искусства. Изъ-за Савиной, главнымъ образомъ, Потѣхинская «Злоба дня» выдержала въ Александринкѣ въ одинъ сезонъ чуть не 30 спектаклей,—для того времени число колоссальное. Савиной Тургеневъ обязанъ идеальнымъ, по общему признанію, воплощеніемъ Вѣрочки изъ «Мѣсяца въ деревнѣ», какъ много позднѣе, уже на моей памяти, столь же идеальнымъ воплощеніемъ Натальи Петровны. И навсегда останется, какъ драгоцѣннѣйшее сценическое воспоминаніе, Савинская Марья Антоновна. А что она сдѣлала для Крыловыхъ, Соловьевыхъ, для всѣхъ «Дикарокъ». Въ какіе перлы созданія умѣла она возводить ихъ крохотныхъ героинь. Можетъ быть, было расточительностью тратить на это такой талантъ, и въ историко-театральной перспективѣ—ошибкою утверждать ихъ въ репертуарѣ. Но о роскоши таланта это свидѣтельствовало убѣдительно.

Подлинной стихіей Савиной была комедія. Характерность была первой ея сценической заботой и художественной цѣлью. И этой цѣли она достигала въ совершенствѣ. И въ болѣе раннюю пору, когда была замѣчательной Глафирой въ «Волкахъ и овцахъ», и въ пору позднѣйшую. Но я вспоминаю, какъ играла Савина Настасью Филипповну, какъ играла чью-то «Фимку». И для меня несомнѣнно, что эта артистка комедіи умѣла подниматься и до большихъ

высотъ драматизма. До этихъ высотъ, до потрясенія зрителя она доходила какимъ-то особымъ путемъ; въ комедіи эффектная, блестящая, тутъ она брала зрителя въ плѣнъ чрезвычайной сосредоточенностью. Ни пафоса, ни трогательности не было тогда въ ея исполненіи. Иными дѣйствовала она средствами. И она, рѣзко-правдивая, пробивалась сквозь казавшуюся инымъ искусственную м а н е р у играть и говорить, побѣждала душу зрителя. Ложились впечатлѣнія глубокія, не скоро вывѣтривавшіяся.

Не некрологическое преувеличеніе сказать, что та, которую сегодня оплачетъ вся интересующаяся театромъ Россія,—босвая сила и славное имя не только нашихъ театральныхъ дней, но и всей русской театральной исторіи.

Н. Э ф.

Начало этой статьи цитируется въ газетѣ «Волжскія Вѣсти», 12—IX—1915, № 1867, а конецъ въ «Южной Почтѣ», 13—IX—1915, № 209. Кромѣ того, біографическія свѣдѣнія изъ этой статьи заимствованы въ «Рампѣ и Жизнь», 13—IX—1915, № 37.

4—XII—1915. № 278.

САВИНА-АКТРИСА.

Статья Н. Е. Э ф р о с а.

Статья эта прочитана на вечерѣ памяти М. Г. Савиной и К. А. Варламова, 28-го ноября 1915 года, въ Москвѣ (см. т. I, стр. 220—226, гдѣ и напечатанъ ея текстъ).

---

16 и 17—XII—1915. №№ 288 и 289.

МАРІЯ ГАВРІИЛОВНА САВИНА.

Воспоминанія А. Ѳ. К о н и.

Прочитаны на вечерѣ памяти М. Г. Савиной, 4-го декабря 1915 года, въ Петроградѣ, въ Кружкѣ имени Я. П. Полонскаго (текстъ этихъ воспоминаній напечатанъ въ т. I, стр. 151—165).

РУССКІЯ ЗАПИСКИ.

(Петроградъ).

XI—1915. № 11.

М. Г. САВИНА.

Умерла Савина. Какъ-то не связываются эти два слова. Смерть и Савина! Вся—жизнь, вся въ жизни, до послѣдней минуты думавшая о живыхъ и живомъ, Марія Гавріиловна Савина угасла такъ быстро, такъ неожиданно, что, когда она лежала въ гробу со спокойно сложенными руками, съ безмятежнымъ выраженіемъ лица, съ навѣки закрытыми глазами, не вѣрилось, что такая яркая жизнь, такая пылкая душа могли угаснуть такъ сразу. Еще наканунѣ вечеромъ она была вся въ заботахъ и хлопотахъ, читала газеты, принимала къ сердцу и большія, и малыя событія, возмущалась, радовалась—жила. А на утро уже лежала вся бѣлая, какъ мраморная, безстрастно-сосредоточенная, успокоившаяся...

Біографія Савиной очень несложна. Ея отецъ, Г. Н. Подраменцевъ, былъ учителемъ рисованія и надзирателемъ гимназіи въ Каменецъ-Подольскѣ. Онъ любилъ театръ и—какъ это часто бывало въ провинціи—игралъ въ такъ называвшихся тогда «аматерскихъ» спектакляхъ. И, вѣроятно, проаматерствовалъ бы всю жизнь. Но случай—въ видѣ обыкновенныхъ «непріятно-

стей по службѣ»—заставилъ его бросить гимназію и выбрать себѣ другую дорогу. У него уже была семья: жена и двѣ дочери—Маня и Елена. Надо было думать о нихъ. Онъ поступилъ «на службу» въ театръ въ Кіевѣ. Семья первое время продолжала жить въ Каменецъ-Подольскѣ. А когда положеніе Модраменцева—по сценѣ Стремлянова—упрочилось, онъ перешелъ въ Одессу и съ нимъ поселилась вся семья. Жена тоже поступила въ театръ и дѣти получили право ходить за кулисы.

Конечно, это имѣло громадное вліяніе на впечатлительную Маню. Кулисы, зрительная зала, гримъ, костюмы, двѣ стороны медали... Часто это имѣетъ отрицательное значеніе. Но будущая «Савина» сразу была захвачена обаяніемъ сцены. Она очень скоро освоилась съ громадными,—какъ казалось ей, маленькой,—стѣнами, которыя передвигали какіе-то страшные мужики, съ густой закулисной возни, увлекалась артистками, казавшимися ей «богинями», и прочно полюбила театръ «на всю жизнь».

Первымъ своимъ сознательнымъ выступленіемъ на сценѣ Савина считала роль Эсмеральды-ребенка въ прологѣ драмы «Эсмеральда». Это было въ Одессѣ, въ 1863 году,—значитъ, артисткѣ было девять лѣтъ. Отъ этой пьесы у Маріи Гавріиловны осталось только одно воспоминаніе: красные башмачки, которыми она очень гордилась. Второй дебютъ былъ значительнѣе. Марія Гавріиловна играла мальчика въ «Уголино или Башня голода». Въ послѣднемъ дѣйствіи она должна была лежать на соломѣ съ другой дѣвочкой, изображавшей ея товарища, и «умирать отъ голоду». Вдругъ она увидѣла, что ея товарищъ по несчастью ѣстъ пирогъ съ вареньемъ. «Мы умираемъ отъ недостатка пищи,—подумала Маня,—а она насыщается пирогомъ, да еще при поднятомъ занавѣсѣ».

Ея артистическая натура возмутилась.

— Не смѣй ѣсть!—грознымъ шопотомъ приказала Марія Гавріиловна.—Не смѣй! Вѣдь мы умираемъ съ голоду!

Дѣвочка не послушалась. Маня Стремлянова вырвала у нея пирогъ, дѣвочка разревѣлась, изъ-за кулисы протянулась рука режиссера, сначала зажала ей ротъ, а когда это не помогло, утащила плачущую дѣвочку со сцены.

«Долежала я всю остальную часть акта одна и, конечно, никакого одобренія за свой поступокъ не получила»,—пишетъ Савина въ своей автобіографіи.

Всѣ дѣтскіе годы Савиной прошли между пансіономъ и театромъ, но ничего особенно яркаго изъ себя не представляли. Провинціальная сцена, случайный репертуаръ, свои волненія и маленькія радости.

Профессіональная сценическая дѣятельность Савиной началась съ 16-го августа 1869 года, когда она поступила на вторыя водевильныя роли въ Минскій театръ, съ жалованьемъ 30 рублей въ мѣсяцъ.

Съ этого времени она уже вся въ театрѣ—и театръ становится ея жизнью. Она переѣзжаетъ изъ Минска въ Смоленскъ, изъ Смоленска въ Харьковъ. Играетъ все, что ей даютъ, начиная съ хористки въ «Прекрасной Еленѣ», кончая Купидономъ въ «Орфеѣ въ аду». Трудно перечислить все, что пришлось переиграть и пережить М. Г. Савиной отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ, когда она появилась въ Петербургѣ. Но это была почти нормальная дорога провинціальной артистки, съ успѣхами и неудачами, съ неурядицей и неожиданностями закулисной жизни. Ничего яркаго, особеннаго, такого, что опредѣлило бы дальнѣйшую судьбу Савиной.

Сезонъ 1873—1874 гг. въ Саратовѣ былъ удачнѣе другихъ, и успѣхъ Савиной былъ несомнѣнный, но не шумный. Единственная газета, дававшая театральные отчеты, «Саратовскій Справочный Листокъ», очень сдержанно хвалила молодую артистку. Очевидно, было въ ней что-то не совсѣмъ понятное, можетъ быть, что-то слишкомъ новое для провинціальной публики.

И вотъ постомъ 1874 года Савина ѣдетъ въ Петербургъ навѣстить родныхъ. Разсказываетъ о своихъ саратовскихъ успѣхахъ, говоритъ, что она теперь настоящая актриса. Родственники дружелюбно подсмѣиваются надъ нею, не вѣрятъ ея «саратовской славѣ». М. Г. Савина, «чтобы показать имъ, какая она актриса, ѣдетъ съ своей теткой въ Благородное Со-

браніе, гдѣ тогда устраивались спектакли, и обращается къ распорядителю ихъ—артисту Александринскаго театра Сосновскому—съ просьбой дать ей сыграть что-нибудь. Сосновскій отвѣчаетъ ей, что у него играютъ «провинціальныя знаменитости» и что онъ можетъ дать ей только совсѣмъ незначительную роль. Савина отказалась.

И не выручи «случай», — Маріи Гавріиловнѣ, можетъ быть, еще долго пришлось бы играть въ провинціи водевили и оперетки.

Случай! Савина иначе и не называла это «происшествіе». С л у ч а й н о она опять поѣхала въ Благородное Собраніе съ той же тетушкой и сидѣла, какъ обыкновенная зрительница, въ одномъ изъ далекихъ рядовъ.

...«Въ одномъ изъ антрактовъ я увидѣла»,—пишетъ Марія Гавріиловна въ своихъ «Воспоминаніяхъ»,—«Сосновскаго, пробирающагося сквозь толпу по направленію къ намъ... Сердце у меня замерло, я боялась ошибиться. Дѣйствительно, онъ подошелъ ко мнѣ и, представляя слѣдовавшаго за нимъ мужчину, просилъ выручить послѣдняго изъ бѣды... Дѣло было вотъ въ чемъ: въ слѣдующую пятницу назначенъ былъ бенефисъ А. С. Полонскаго, извѣстнаго чтеца... Вторую (женскую) роль было играть некому, Сосновскій вспомнилъ обо мнѣ, и Полонскій обрадовался случаю, лишь бы спектакль состоялся. Пьеса была назначена, и мнѣ пришлось выходить въ новой, совершенно неизвѣстной роли. Это не мало меня смущало, но я играла не для того, чтобы поступить на сцену».

Такъ какъ эта пьеса («Блуждающіе огни» Антропова) должна была черезъ нѣсколько времени идти на Александринской сценѣ, то многіе изъ Императорскихъ артистовъ собирались смотрѣть ее. Но Савину и это не смутило.

«Обо мнѣ никто не зналъ, да и я не интересовалась»,—пишетъ она.

На репетиціяхъ она еще стѣснялась; первая актриса шипѣла на нее, кругомъ ей дѣлали замѣчанія. Савина, наконецъ, не выдержала и объявила, что она уже четыре года на сценѣ и не нуждается, чтобы ее учили ходить по ней. «Если же мною всѣ такъ недовольны, то можно меня замѣнить другой актрисой»,—прибавила она.

«Всѣ убѣдились»,—пишетъ Савина,—«что я не такая рыба, какой кажусь. Я воспользовалась этимъ, чтобы поставить свои сцены по своему усмотрѣнію и скоро почувствовала себя совсѣмъ хорошо въ этой новой, трудной роли».

Первый спектакль былъ, конечно, тяжелъ для нея: всѣ были чужіе, косились на нее, шептались, злословили... Она въ своей уборной слышала это.

«Я одѣвалась, дрожа отъ холода и отъ страха... Спектакль начался... Я стояла, какъ каменная, ожидая своего выхода; мнѣ совѣтовали нарумяниться, такъ какъ я была страшно блѣдна. Судорожно ухватилась я за кулису, и если бы кто-нибудь вздумалъ меня оттащить до выхода, то кусокъ кулисы, навѣрное, остался бы въ моей рукѣ. Ощущеніе этого страха я до сихъ поръ испытываю въ каждой новой пьесѣ».

Этотъ страхъ — совершенно специфическій страхъ, который знаютъ только дѣятели сцены,—интересное признаніе такого смѣлаго человѣка, какимъ всегда была Марія Гавріиловна. Смѣлая и свободная—вотъ ея отличительныя свойства. Съ дѣтства она была смѣла и смѣлостью достигла многаго.

Этотъ ея первый выходъ въ Петербургѣ рѣшилъ ея судьбу. Послѣ спектакля ее окружили со всѣхъ сторонъ, представили многихъ актеровъ казенной сцены, восхищались ею, поздравляли ее.

«Всю ночь послѣ спектакли я не могла уснуть отъ волненія и счастья»,—писала она.

Газеты заговорили о ней; критики восхваляли ея мимику, непринужденность и, главное, п р а в д у,—ту правду, которая родила реализмъ въ искусствѣ и которая царствовала тогда въ литературѣ. Всѣ газеты почти въ однихъ выраженіяхъ привѣтствовали Савину, отмѣчая ея простоту и естественность.

Случайно на спектаклѣ былъ Нильскій (артистъ Александринскаго театра), увидѣлъ Савину и сказалъ о ней начальнику репертуарной части П. С. Ѳедорову. Тотъ изъявилъ со-

гласіе принять ее у себя и поговорить съ нею. А потомъ далъ дебютъ, но не въ томъ, что просила Савина (драмы: «Блуждающіе огни», «Свѣтскія шпрмы» и «Доходное мѣсто»), а «принудилъ начать пьесой Крылова «По духовному завѣщанію»,—пишетъ Савина.—«На второй дебютъ мнѣ назначили «Воспитанницу» Островскаго, какъ драматическую роль, и на третій—роль Зины въ комедіи «Ангелъ доброты и невинности» Крылова же, не сходившей тогда съ афиши, благодаря безподобной игрѣ Самойлова. Только послѣдняя пьеса мнѣ улыбалась, такъ какъ роль Зины чрезвычайно подходила ко мнѣ»,— признается Марія Гавріиловна,—«да и играть съ Самойловымъ очень хотѣлось; зато первыя двѣ привели меня въ ужасъ...».

Такимъ образомъ, 9-го апрѣля 1874 года появилась на Императорской сценѣ М. Г. Савина. Появилась безъ рекламы, безъ протекціи, безъ знакомствъ, безъ связей, безъ руководителей. Приняла, сыграла и побѣдила. Послѣ трехъ дебютовъ она была зачислена на «службу» въ Императорскомъ театрѣ—и съ осени 1874 года началось ея побѣдоносное шествіе. И опять она играетъ все, лишь бы роль «улыбалась» ей. Сначала ей даютъ хотя и главныя, но пустыя роли шаловливыхъ барышень, кокетливыхъ ingénues, рѣзвушекъ въ разныхъ уже и тогда отжившихъ водевиляхъ, въ родѣ «Утка и стаканъ воды». Но рядомъ съ этимъ ей даютъ и комедіи и драмы. Послѣ «Утки» она сейчасъ же играетъ Елену въ драмѣ Потѣхина «Злоба дня», послѣ «Трудового хлѣба» Островскаго (уже по назначенію автора)—«Милые бранятся, только тѣшатся» Тарновскаго. Сегодня она заставляла хохотать весь театръ, увлекая его заразительной веселостью лукавой дѣвочки, завтра онъ будетъ рыдать надъ разбитой жизнью милой русской дѣвушки.

Въ первый же сезонъ Савина сыграла, т.-е. создала шестнадцать ролей—и съ неизмѣннымъ успѣхомъ. Искрометная веселость, неподдѣльная грація, своеобразное кокетство и, главное, чисто русская простота, сквозившая черезъ все это,—завоевали ей публику быстро и прочно. Она сразу зажила на сценѣ и этой жизненной искренностью захватила зрителя. Ходульность, манерность, даже приподнятость тона были чужды артистической натурѣ Маріи Гавріиловны, и т о г д а ш н я я публика оцѣнила это. Уже къ концу перваго сезона ея положеніе первой актрисы было упрочено и оставалось такимъ сорокъ лѣтъ.

Нѣтъ возможности перечислить все, что переиграла Савина на Александринской сценѣ. Ролей пятьсотъ. Играла Гоголя, Островскаго, Тургенева, Толстого, Шекспира, Гете, Гольдони, Бомарше, Лопе-де-Вега, играла и «младшихъ». И не только играла, а создавала, никогда никому не подражая, не заимствуя ни у кого ничего.

Намъ, зрителямъ, не видно, сколько мучительныхъ часовъ, безсонныхъ ночей, сомнѣній, тревогъ и трепетныхъ исканій тратитъ артистъ почти на каждую роль. Мы беремъ художественный образъ, какъ должное, и «критикуемъ» творца, т.-е. ищемъ недостатки.

Савина, при громадномъ дарованіи, была добросовѣстнѣйшей работницей. Казалось, что для нея все легко, что она на сценѣ, какъ дома, и играетъ, какъ соловей поетъ. Но и ея собратья, и хорошо знавшіе ее друзья знаютъ, сколько труда и исканій она вкладывала почти въ каждую роль и какъ отдѣлывала детали.

Роли свои Савина обыкновенно учила по ночамъ, но «работала» надъ ними различно. Обдумывала все время—и въ каретѣ по дорогѣ въ театръ, и у портнихи во время примѣрки многочисленныхъ туалетовъ, и дома. Отдѣлывала же ихъ, запершись у себя. Въ послѣдніе годы у нея была комната «свѣтелка»—съ большимъ зеркаломъ для послѣднихъ штриховъ и деталей.

«Для меня главное»,—говорила Савина,—«схватить характеръ, овладѣть образомъ... А детали придутъ позже, сами собою!»

Иногда детали давали ей образъ. Вспоминаю, какъ прошлаго года, т.-е. въ послѣдній сезонъ М. Г. Савиной, ей пришлось играть роль, какъ она думала, чужую ей. Она искренно желала играть, во-1-хъ, потому, что считала автора очень талантливымъ, а во-2-хъ, оттого,

что ей хотѣлось показать, что она не только не врагъ новаго направленія, но сочувствуетъ ему. Поэтому ее особенно тревожило, что она не улавливала образа барыни—«съ налетомъ пошлости», по опредѣленію автора. Какъ-то къ ней пріѣхала дама «по дѣлу».

— Гляжу,—разсказывала Марія Гавріиловна,—на ея ноги: туфли копытомъ, громадные каблуки и ленты перекручены вокругъ икръ!.. И вдругъ—цѣлый образъ! А тутъ еще геніальная ремарка: для встрѣчи мужа, съ которымъ героиня давно разсталась, она прихорашивается и выходитъ «въ шарфѣ съ блестками». Довольно! Туфли и шарфъ—все остальное ясно!

— А блескъ интонацій? Пожиманіе плечами? Походка? Жестъ?

— Ничего не придумывала! Все явилось за этими п о ш л ы м и ногами!

Я имѣю основаніе думать, что у Маріи Гавріиловны найдутся описанія нѣкоторыхъ ея ролей, и, можетъ быть, тамъ подтвердится и это. Несомнѣнно, что надъ нѣкоторыми изъ нихъ она работала мучительно и трудно, надъ другими—шутя. И первые годы она создавала именно шутя образъ за образомъ, роль за ролью. На нее посыпались упреки въ однообразіи,—въ томъ, что она поощряетъ передѣлочную литературу, засоряетъ образцовую сцену ремесленными вещами, скроенными по ея мѣркѣ, на ея талантъ. Марію Гавріиловну это очень огорчало. Она стала считаться и съ этими упреками и играть стремилась что-нибудь литературное. И уже въ 1879 году, т.-е. черезъ пять лѣтъ послѣ ея появленія на столичной сценѣ, мы изъ ея «Воспоминаній» видимъ, что она съ этой цѣлью перечитываетъ, а, можетъ быть, и въ первый разъ читаетъ Тургенева! Вѣдь она съ пятнадцати лѣтъ уже «служитъ въ театрѣ», играетъ роль за ролью, переѣзжаетъ изъ города въ городъ. Можетъ быть, ей просто не было времени не только изучить литературу, но даже прочитать классиковъ.

«Въ 1879 году, затрудняясь въ выборѣ пьесы для бенефиса»,—пишетъ Савина,—«и отыскивая что-нибудь «литературное», я напала случайно (!) на «Мѣсяцъ въ деревнѣ» Тургенева; роль Вѣрочки, хотя и не центральная, мнѣ очень понравилась, но пьеса въ томъ видѣ, какъ она напечатана, показалась скучна и длинна; тѣмъ не менѣе, я твердо рѣшила ее поставить»...

Хотя Савина до 25-ти лѣтъ и не читала «Мѣсяцъ въ деревнѣ», но, по культурности натуры, она отнеслась къ пьесѣ съ должнымъ благоговѣніемъ. Условія сценичности или ея личный вкусъ требовали сокращенія пьесы. Она написала объ этомъ автору.

«Необходимо было сдѣлать значительныя сокращенія, на что, конечно, потребовалось согласіе автора. Пославъ Ивану Сергѣевичу телеграмму въ Парижъ, я очень скоро получила отвѣтъ: «Согласенъ, но сожалѣю, такъ какъ пьеса писана не для сцены и недостойна вашего таланта». О моемъ «талантѣ» Тургеневъ не имѣлъ никакого понятія и это была банальная любезность»,—скромно прибавляетъ Савина.

Пьеса была поставлена и, вопреки ожиданіямъ, имѣла громадный успѣхъ. Вѣрочка была, по словамъ Савиной, ея лучшей ролью, любимой и самой близкой ея душѣ. Она съ радостью вспоминала о ней, а главное, о томъ, что она положила начало ея знакомству, а затѣмъ и дружбѣ съ Тургеневымъ. Послѣ перваго же представленія молодая артистка телеграфировала объ успѣхѣ пьесы автору; Тургеневъ отвѣтилъ: «Успѣхъ приписываю вашему прекрасному таланту и скоро надѣюсь лично поблагодарить васъ».

И, дѣйствительно, какъ только Тургеневъ пріѣхалъ въ Петербургъ,—онъ прислалъ къ Савиной Топорова съ приглашеніемъ пріѣхать къ нему, назначилъ часъ на второй же день пріѣзда.

«По мѣрѣ приближенія этого часа, мною овладѣло такое волненіе, что я рѣшила не ѣхать и... бѣгомъ спустилась съ лѣстницы, крикнувъ кучеру: «Въ Европейскую гостиницу!»... Какъ я тамъ поднималась, какъ мнѣ указали номеръ—не помню! Помню только, въ коридорѣ у самой двери я натолкнулась на Топорова и взглянула на него, какъ на ангела-хранителя.—«Идите, идите!»—сказалъ онъ,—«Иванъ Сергѣевичъ ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ». Когда мы вошли, какой-то господинъ всталъ, прощаясь, Иванъ Сергѣевичъ, протянувъ обѣ руки, направился ко мнѣ. Чѣмъ-то такимъ теплымъ, милымъ, роднымъ повѣяло отъ всей его богатырской фигуры. Это былъ такой симпатичный «дѣдушка», что я сразу освоилась и, забывъ свой страхъ передъ

«Тургеневымъ», заговорила, какъ съ обыкновеннымъ смертнымъ.—«Такъ вотъ вы какая молодая! Я представлялъ васъ себѣ совсѣмъ иною. Да вы и не похожи на актрису».

Съ этого дня начинается дружба Савиной съ Тургеневымъ, о которой она всю жизнь вспоминала съ благоговѣйной нѣжностью.

Савина пригласила Ивана Сергѣевича въ театръ посмотрѣть пьесу, выхлопотала для него (съ большими трудностями) директорскую ложу и «съ замираніемъ сердца ожидала вечера».

«Это былъ одинъ изъ счастливѣйшихъ спектаклей въ моей жизни»,—пишетъ Савина,—«я священнодѣйствовала. Мнѣ совершенно ясно представлялось, что Вѣрочка и я—одно лицо. Что дѣлалось въ публикѣ,—невообразимо. Иванъ Сергѣевичъ весь первый актъ прятался въ тѣни ложи, но во второмъ публика его увидѣла, и не успѣлъ занавѣсъ опуститься, какъ въ театрѣ со всѣхъ сторонъ послышалось: «автора!» Я бросилась въ комнату директорской ложи и, безцеремонно схвативъ за рукавъ Ивана Сергѣевича, потащила его на сцену ближайшимъ путемъ.. Мнѣ такъ хотѣлось показать его всѣмъ, а то сидѣвшіе съ правой стороны не могли его видѣть! Иванъ Сергѣевичъ очень рѣшительно заявилъ, что, выйдя на сцену, онъ признаетъ себя драматическимъ писателемъ, а это ему «и во снѣ не снилось», а потому онъ будетъ кланяться изъ ложи, что сейчасъ и сдѣлалъ. Кланяться ему пришлось цѣлый вечеръ, такъ какъ публика неистовствовала. Послѣ третьяго дѣйствія (сцена Вѣрочки съ Натальей Петровной) Иванъ Сергѣевичъ пришелъ ко мнѣ въ уборную, взялъ за обѣ руки, подвелъ къ газовому рожку, пристально, какъ-будто въ первый разъ видя меня, сталъ разсматривать мое лицо и сказалъ: «Вѣрочка... Я даже не обращалъ на нее вниманія, когда писалъ... Все дѣло въ Натальѣ Петровнѣ... Вы—живая Вѣрочка... Какой у васъ большой талантъ!»

Какъ любила Марія Гавріиловна вызывать въ памяти эти минуты, художественно передавая ихъ. Вспоминаю, какъ на вечерѣ Литературнаго Фонда въ память Тургенева, въ артистической комнатѣ, Марія Гавріиловна, разсказывая это, взяла за плечи одну курсистку-распорядительницу, подвела подъ стѣнную лампу и сказала, или, вѣрнѣе, сыграла такую сцену:

— Онъ вотъ такъ пристально посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «Вѣрочка!.. Я даже не обращалъ на нее вниманія, когда писалъ»... Точно онъ въ первый разъ понялъ то, ч т о онъ написалъ!..

Можетъ быть, съ этого же 1879 года начинается и близость Савиной къ современной русской литературѣ, и русскимъ писателямъ,—близость, которую Марія Гавріиловна пронесла черезъ всю свою жизнь. Ея благоговѣйное отношеніе къ литературѣ—всѣмъ извѣстно. Она не позволяла себѣ вставить ни одного слова въ роль или сократить ее безъ согласія автора. Савина нерѣдко спорила съ драматургами, совѣтовала перемѣнить конецъ, просила исключить ту или другую сцену, но н и к о г д а безъ согласія автора не налагала руки на его произведеніе.

Съ 1879 же года начинается дружба Маріи Гавріиловны съ Литературнымъ Фондомъ, которому она была неизмѣнно предана вплоть до самой смерти. Когда въ томъ же 1879 году И. С. Тургеневъ долженъ былъ участвовать въ литературномъ вечерѣ въ пользу Фонда, пригласили и М. Г. Савину.

«Я не знала, что выбрать для чтенія»,—пишетъ она,—«чрезвычайно волновалась, такъ какъ участвовали всѣ литераторы, съ Тургеневымъ и Достоевскимъ во главѣ... Когда я объявила распорядителямъ, Гаевскому, Вейнбергу и Гайдебурову, мой выборъ (сцену изъ «Провинціалки»), всѣ похвалили, и вдругъ кто-то изъ нихъ спросилъ: «Вы будете читать съ авторомъ?» Въ самомъ дѣлѣ, съ кѣмъ же я буду читать сцену въ два лица? Мысль объ этомъ не приходила мнѣ въ голову и совершенно ошеломила меня. Мнѣ показалось это страшной дерзостью, и почему-то я сразу убѣдилась, что Иванъ Сергѣевичъ не пожелаетъ. Распорядители взяли этотъ вопросъ на себя—и на афишѣ появилось: «Сцены изъ «Провинціалки», соч. Ив. С. Тургенева, прочтутъ М. Г. Савина и авторъ». Появленіе Ивана Сергѣевича въ первомъ отдѣленіи было встрѣчено овацій, и онъ долго не могъ начать читать. Читалъ онъ вообще плохо, а тутъ еще волновался. Нашъ номеръ былъ во второмъ отдѣленіи. Поставили столъ съ двумя свѣчами, положили двѣ книги, придвинули два стула и... надо было выходить... Теперь, столько лѣтъ спустя,

у меня сердце замираетъ при одномъ воспоминаніи, а что было тогда! Иванъ Сергѣевичъ взялъ меня за руку, П. И. Вейнбергъ скомандовалъ: «Выходите», за кулисами зааплодировали, публика подхватила и я, оглушенная, дрожащая, вышла на сцену. Долго раскланивался Иванъ Сергѣевичъ, наконецъ все затихло и мы начали.—«Надолго ли вы въ наши края, ваше сіятельство?» (Этой фразой начинается сцена). Не успѣла я договорить, какъ раздался взрывъ аплодисментовъ. Иванъ Сергѣевичъ улыбнулся, мы выждали, чтобы публика утихла, и онъ отвѣчалъ. Тишина была въ залѣ изумительная. Всѣ распорядители, т.-е. литераторы и даже Достоевскій, участвовавшій въ этомъ вечерѣ, пошли слушать въ оркестръ».

На этомъ вечерѣ произошелъ извѣстный случай съ букетомъ Достоевскому. Послѣ его выступленія, ему былъ поданъ громадный букетъ бѣлыхъ розъ. Савина обидѣлась за своего любимца, многіе находили, что это безтактно по отношенію къ гостю Тургеневу и т. д.

Недавно въ «Рѣчи», въ воспоминаніяхъ о Савиной Д. В. Философова, такъ разсказывается, со словъ Маріи Гавріиловны, объ этомъ инцидентѣ.

— Давно это было. Литературный Фондъ устраивалъ вечеръ, замѣчательный вечеръ. Выступали Тургеневъ, только что пріѣхавшій изъ-за границы, и Достоевскій. Дѣло было зимой. Тургенева встрѣтили очень горячо. Я радовалась. Мнѣ хотѣлось, чтобы его любили больше Достоевскаго. Но вотъ, послѣ выступленія Достоевскаго, молоденькая дѣвочка, въ бѣленькомъ платьицѣ, подноситъ Достоевскому букетъ бѣлыхъ розъ... Публикѣ очень это понравилось, и Достоевскому сдѣлали овацію, какъ бы въ пику Тургеневу. Мнѣ очень непріятно было. А цвѣты-то поднесла ваша старшая сестра. Мама ваша ее заставила *).

Савиной хотѣлось, чтобы Тургенева любили больше Достоевскаго. Она, по складу своей натуры, была ближе, роднѣе Ивану Сергѣевичу, чѣмъ Достоевскому, хотя, конечно, не могла не цѣнить послѣдняго. И похвала Достоевскаго ея чтенія не столько обрадовала, сколько укрѣпила въ ней чувство соперничества за Тургенева.

— У васъ каждое слово отточено, какъ слоновая кость, — сказалъ ей Достоевскій,— но вашего партнера на половину не слышно, не внятно.

Эта похвала великаго писателя не обрадовала Марію Гавріиловну. Она была обижена критикой (совершенно справедливой) чтенія Тургенева. И всю жизнь она оставалась далекой Достоевскому; Тургеневъ же до конца дней былъ ея кумиромъ.

Кромѣ «Мѣсяца въ деревнѣ», М. Г. Савиной принадлежитъ честь постановки на Императорской сценѣ и другой пьесы И. С. Тургенева—«Холостякъ». Она настояла, чтобы эта комедія была поставлена въ спектакль въ пользу Литературнаго Фонда (въ 1882 г.).

По этому поводу Тургеневъ писалъ Д. В. Григоровичу:

...«Я написалъ такъ же М. Г. Савиной, которая, настоявъ, чтобы дали «Холостяка», въ которомъ ей собственно нечего дѣлать и весь успѣхъ долженъ былъ выпасть и долю товарища**), показала себя въ очень плѣнительномъ свѣтѣ. Это добрая и широкая душа. Мнѣ жаль очень, что она такъ больна. Ей бы надо хорошенько полечиться, но она скучаетъ вдали отъ сцены».

Знакомство Тургенева съ Савиной скоро перешло въ искреннюю дружбу. Марія Гавріиловна ѣздила къ нему въ деревню и сохранила о Спасскомъ самыя свѣтлыя впечатлѣнія. Вспоминаю, какъ на открытіи Тургеневской выставки въ Академіи Наукъ она вся дрожала при видѣ вещей, привезенныхъ изъ Спасскаго-Лутовинова.

— Ахъ, «самосонъ»! Боже мой! Какъ Иванъ Сергѣевичъ любилъ этотъ уродливый диванъ! А вотъ наша линейка! Бывало, Иванъ Сергѣевичъ усадитъ насъ: меня, дѣтей Полонскихъ... А самъ отдѣльно: боится. И ѣдемъ мы въ лѣсъ.

---

*) А. П. Философова. Замѣчательно, что нѣчто подобное произошло и на знаменитомъ Пушкинскомъ празднествѣ, послѣ рѣчи Достоевскаго. Извѣстенъ ея необычайный успѣхъ. Нѣкоторой части молодежи показалось, что это обидно для Тургенева, и тутъ же сейчасъ начался сборъ на вѣнокъ Ивану Сергѣевичу, который и былъ поднесенъ ему въ тотъ же день на литературномъ вечерѣ. Ек. Л.

**) В. Н. Давыдова.

Навѣрное, воспоминанія Маріи Гавріиловны о Тургеневѣ появятся въ печати. Она мало печатала при жизни, цѣломудренно охраняя всѣ проявленія нѣжнаго преклоненія передъ нею Ивана Сергѣевича, никогда не опубликовала ни одного его письма и берегла все, какъ святыню.

Теперь все это завѣщано Маріей Гавріиловной мужу—А. Е. Молчанову, и мы, конечно, увидимъ письма въ печати—и еще нѣсколькими свѣтлыми страницами больше будетъ въ яркихъ жизняхъ Тургенева и Савиной.

Въ архивѣ Маріи Гавріиловны, вѣроятно, сохранилось также много писемъ И. А. Гончарова, но онъ завѣщалъ не печатать его переписку, и Марія Гавріиловна по этому поводу занесла въ свои «Воспоминанія»: «Я свято храню его послѣднюю волю и не хочу предавать гласности ни одного изъ тѣхъ милыхъ остроумныхъ посланій, которыми онъ меня часто баловалъ». Въ библіотекѣ М. Г. имѣется «Обыкновенная исторія» Гончарова съ такой надписью: «Славной артисткѣ, очаровательной женщинѣ и милой доброй пріятельницѣ Маріи Гавріиловнѣ Савиной—сердечное приношеніе отъ старичка автора на доброе о немъ воспоминаніе. И. Гончаровъ. 4 марта 1887 годъ». Савина относилась къ этой книгѣ, какъ къ одной изъ самыхъ дорогихъ для нея вещей. «Я часто перебираю ея страницы»,—пишетъ она,—«и часто вспоминаю человѣка, написавшаго эти нѣсколько строкъ—его добрые, кроткіе глаза, его тихую, ласковую рѣчь...».

«Помню, какъ иногда, сидя у меня по вечерамъ, Иванъ Александровичъ читалъ стихи,—излюбленную имъ «Сцену у фонтана», «Письмо Татьяны». Читалъ онъ ихъ нараспѣвъ, скандируя стихъ, а о манерѣ чтенія стиховъ вообще говорилъ: «Ихъ надо читать такъ, чтобы непремѣнно была слышна каждая рифма».

«Въ этомъ отношеніи онъ совершенно расходился съ И. С. Тургеневымъ. «Вы избѣгаете стиховъ»,—толковалъ мнѣ не разъ Иванъ Сергѣевичъ,—«потому что вы ихъ боитесь. Напрасно,—съ ними не надо церемониться...».

Дружба Савиной съ Гончаровымъ продолжалась до самой его смерти. Онъ, какъ и Тургеневъ, былъ одной съ нею «школы»—художникъ реалистъ, отражавшій русскую жизнь, какъ она раскрывалась передъ нимъ, съ ея безпощадной правдой, съ ея русской красотой.

Л. Н. Толстой былъ дальше отъ Маріи Гавріиловны, но, конечно, она преклонялась передъ нимъ и очень любила играть въ его пьесахъ.

Когда Толстой написалъ «Власть тьмы» (въ 1886 г.), Савина сейчасъ же обратилась къ нему съ просьбой разрѣшить ей поставить его драму въ ея бенефисъ. Она телеграфировала Льву Николаевичу въ Москву.

Изъявивъ свое полное согласіе, Толстой немедленно прислалъ Савиной свою драму, въ первыхъ корректурныхъ оттискахъ, при такомъ письмѣ:

«Посылаю вамъ, Марія Гавріиловна, свою пьесу; очень желалъ бы, чтобъ она вамъ понравилась. Боюсь, что она покажется петербургской публикѣ и вамъ слишкомъ грубою. Четвертый актъ, съ того мѣста, гдѣ отчеркнуто краснымъ карандашомъ, мною измѣненъ. Варіантъ этотъ если не будетъ готовъ нынче печатный, то я пришлю его вамъ завтра. Все, что найдетъ нужнымъ театральная цензура измѣнить, чтобы смягчить, я на все согласенъ, если такія измѣненія будутъ одобрены А. А. Потѣхинымъ, которому я вполнѣ довѣряю *). Роль ваша мнѣ представляется Марина. Желаю быть вамъ полезнымъ и пріятнымъ. Вашъ Л. Толстой».

Какъ извѣстно, цензура не разрѣшила тогда постановку «Власти тьмы», и Савиной пришлось отказаться отъ радости поставить въ свой праздникъ пьесу Льва Николаевича. И только значительно позже, т.-е. въ 1895 году, когда пьеса Толстого обошла всю Европу, Марія Гавріиловна создала въ ней роль, но не Марины, какъ думалъ авторъ, а Акулины.

---

*) Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ стоялъ тогда во главѣ Петербургской русской драматической труппы.

«На это меня, прежде всего, натолкнули»,—пишетъ Савина въ своихъ «Воспоминаніяхъ»,—«заключительныя слова Акулины, которая въ тотъ моментъ, когда вяжутъ ея мужа, выходитъ впередъ и, «смѣло становясь» (такъ буквально сказано въ ремаркѣ), произноситъ: «И я виновата». Когда же я глубже вдумалась въ образъ Акулины, то не только не отказалась отъ своего намѣренія, но еще сильнѣе въ немъ укрѣпилась».

Она поѣхала въ Москву къ Толстому говорить съ нимъ объ этомъ. И создала изъ Акулины незабываемый образъ. Въ этой роли она совсѣмъ отрѣшилась отъ себя, перевоплотилась въ деревенскую дурнушку, съ туповатымъ выраженіемъ лица, съ наивно-грубыми интонаціями и своеобразной рѣшимостью. Марія Гавріиловна любила эту роль, она нашла для нея совсѣмъ новыя ноты, новые жесты, новую душу.

Любила она и послѣднюю свою роль въ драмѣ Толстого—роль Карениной въ «Живомъ трупѣ». Помню, когда она узнала, что Вл. Ив. Немировичъ-Данченко привезъ новую драму Толстого и предложилъ прочесть ее у меня (передъ постановкой въ Художественномъ театрѣ), Марія Гавріиловна вся загорѣлась, заинтересовалась и пріѣхала слушать чтеніе, несмотря на то, что ея мужъ былъ тогда боленъ, и она очень волновалась за него. Она сейчасъ же рѣшила, что ея роль—мать Каренина, и тутъ же дала нѣсколько интонацій, какъ надо играть эту старую барыню, сейчасъ же схватила особый барскій московскій тонъ, какимъ нужно вести сцены.

И Каренину-Савину, какой она явилась въ слѣдующемъ сезонѣ, забыть нельзя. Сколько своеобразнаго изящества, суховатой нѣжности показала Марія Гавріиловна, какъ была загримирована, какъ тонко передала Толстовскій замыселъ со всѣми его извилинами!

Изъ старыхъ писателей у Савиной были дружескія отношенія съ Як. Петр. Полонскимъ и его семьей. Она вмѣстѣ съ ними гостила въ Спасскомъ у Тургенева, часто спорила съ нимъ, не сходилась во взглядахъ. Была она дружна съ А. Ѳ. Кони, очень цѣнила его, съ восторгомъ повторяла его опредѣленія и замѣчанія. Любила видѣть его на опредѣленномъ мѣстѣ на своемъ бенефисѣ и не безъ волненія ждала его письма на другой день:

— Не сомнѣваюсь, что оно будетъ, но какое?

Съ Антъ. Павл. Чеховымъ Савина познакомилась изъ-за его пьесъ. Она очень интересовалась имъ, какъ драматургомъ. Когда появился «Ивановъ», Марія Гавріиловна выразила желаніе играть Сашу. Это смутило Чехова, онъ не разсчитывалъ на такую «честь» и рѣшилъ передѣлать роль Саши.

«Мнѣ жаль бѣдную Савину»,—пишетъ Чеховъ Суворину въ январѣ 1889 года,—«что она играетъ дохлую Сашу... Мнѣ просто стыдно, что Савина въ моей пьесѣ будетъ играть, чортъ знаетъ что...».

«Скажите Савиной»,—пишетъ онъ въ слѣдующемъ письмѣ тому же Суворину,—«что мнѣ такъ льститъ то, что она согласилась взять въ моей пьесѣ блѣдную и неблагодарную роль, такъ льститъ, что я животъ свой положу и измѣню роль кореннымъ образомъ, насколько позволяетъ рамка пьесы...».

Чеховъ взялъ пьесу назадъ изъ Александринскаго театра, гдѣ она была уже принята. Черезъ недѣлю пьеса была переработана, и Чеховъ писалъ по этому поводу А. Н. Плещееву (15-го января 1889 г.):

«Пишу вамъ, отбывъ каторжную работу... Всю недѣлю я возился надъ пьесой, строчилъ варіанты, поправки, вставки, сдѣлалъ новую Сашу (для Савиной), измѣнилъ IV актъ до неузнаваемаго»...

А Марія Гавріиловна не просила никакихъ передѣлокъ. Она признавала Чехова очень талантливымъ, значитъ заслуживающимъ полнаго вниманія, и сама предложила играть въ его пьесѣ второстепенную роль. Послѣ передѣлки она, конечно, стала блестящѣе, и Савина съ любовью играла ее. Скромно причесанная, съ очень тонкой таліей, въ простыхъ платьяхъ,

она производила впечатлѣніе юной дѣвушки, можетъ быть, и не совсѣмъ въ Чеховскихъ тонахъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ она уже играла Сарру. И играла «страшно». Моментъ, когда Ивановъ бросаетъ ей въ лицо: «Жидовка»!—приводилъ въ дрожь всю залу. Марія Гавріиловна блѣднѣла, какъ смерть, ея взглядъ, гдѣ были и вопль, и упрекъ, и ужасъ, и любовь,—безъ словъ рисовалъ всю сложную психологію Сарры. Савина такъ перевоплощалась въ эту страдающую Сарру, что, помню, на одномъ изъ вечеровъ Литературнаго Фонда, въ память Чехова, она, сидя за столомъ и читая «изъ Иванова» съ Ходотовымъ, послѣ брошеннаго ей оскорбленія, такъ поблѣднѣла, что я испугалась за нее.

Вѣроятно, въ перепискѣ Маріи Гавріиловны есть подробности о «Чайкѣ». Извѣстно, что Чеховъ желалъ отдать роль Зарѣчной Савиной. Она долго колебалась, но нашла, что роль не для нея, и возвратила автору.

Вообще, въ архивѣ Маріи Гавріиловны, вѣроятно, найдется не мало интереснѣйшихъ документовъ.

Та часть воспоминаній, о которыхъ упоминается выше, напечатана послѣ долгихъ приставаній и уговоровъ ея друзей. Писала она прекрасно. Но, хотя «самъ Иванъ Сергѣевичъ» совѣтовалъ ей писать, она относилась очень недовѣрчиво къ себѣ и очень осторожно къ публикѣ. Года за два до ея кончины мы были съ нею вмѣстѣ на литературномъ вечерѣ, одинъ изъ друзей Тургенева (и М. Г.) дѣлился съ нами своими воспоминаніями объ Иванѣ Сергѣевичѣ. Докладъ былъ тонкій, блестящій, необычайно интересный. По окончаніи, всѣ молчали, умиленные, растроганные. Никто не могъ ни добавлять, ни возражать. Только Савина могла бы дополнить его. Но она не хотѣла ни за что. Ни слова! А потомъ сказала мнѣ:

— Не могу я говорить объ Иванѣ Сергѣевичѣ здѣсь. Слишкомъ много «чужихъ». Пріѣзжайте ко мнѣ завтра... Я вамъ прочту...

Я поѣхала. Кромѣ меня и С. Л. Бертенсона (молодого историка театра, котораго Марія Гавріиловна знала съ дѣтства), никого не было. Мы сидѣли въ кабинетѣ Маріи Гавріиловны, и она читала намъ по синимъ ученическимъ тетрадкамъ свои «Воспоминанія», гдѣ какъ живые вставали Иванъ Сергѣевичъ, Яковъ Петровичъ Полонскій, его жена Жозефина Антоновна, пребываніе въ Спасскомъ, чтеніе Тургенева на балконѣ барскаго дома... Бесѣды съ нимъ, прогулки въ саду...

Мы не замѣтили, какъ просидѣли до пятаго часа! Марія Гавріиловна читала и вспоминала, не уставая, съ блескомъ, присущимъ ей въ такой безмѣрной дозѣ.

Бесѣда съ Маріей Гавріиловной доставляла истинное художественное наслажденіе. Если она была талантлива на сценѣ, то въ жизни она была еще неизмѣримо талантливѣе и обаятельнѣе. Юморъ, остроуміе, шутки, цитаты (всегда кстати, мѣткія и часто злыя), прозвища—сыпались безъ конца. И никогда она не была, какъ большинство людей, теплая, всегда—или холодная, или горячая. Любила—такъ любила, ненавидѣла — такъ ненавидѣла. Умѣла и восхищаться, и возмущаться всѣми фибрами, могла негодовать страстно и радоваться чему-нибудь безпредѣльно. Съ нею всѣмъ было весело: и старымъ, и молодымъ, и женщинамъ, и мужчинамъ. Когда она бывала въ обществѣ, это былъ сплошной фейерверкъ остроумія и неожиданныхъ репликъ. Помню одинъ ужинъ у П. И. Вейнберга, гдѣ Савина блестѣла всѣми гранями своего остроумія. Н. К. Михайловскій сказалъ мнѣ тихо:

— Неужели она всегда такая?

Марія Гавріиловна, сидѣвшая напротивъ, поняла, что говорятъ про нее (и не непріятное), и кроткимъ голосомъ спросила:

— Не одобряете, Николай Константиновичъ?

— Восхищаюсь, Марія Гавріиловна,—отвѣтилъ въ томъ же тонѣ Михайловскій.

И, дѣйствительно, онъ восхищался. Она это видѣла и продолжала восхищать всѣхъ насъ. Громадная память, отточенный умъ, неистощимый запасъ наблюденій и «цитатъ» дѣлали ея общество необыкновенно интереснымъ.

Когда письма Маріи Гавріиловны будутъ собраны и напечатаны, тогда увидятъ, сколько ума и остроумія разсыпала она вокругъ себя. Передо мною нѣсколько ея писемъ къ Ив. Ѳед. Горбунову, товарищу по сценѣ и пріятелю Маріи Гавріиловны.

Одной изъ любимыхъ забавъ Горбунова было изображать повара. Онъ умѣлъ хорошо приготовлять уху и любилъ у пріятелей пойти въ кухню, надѣть фартукъ, колпакъ и изготовить что-нибудь «рыбное». Очевидно, по этому поводу писала ему Марія Гавріиловна:

«Приглашается Иванъ Ѳедоровъ завтра, 30-го марта, въ кухмистерскую, что на Николаевской*), въ качествѣ кухоннаго мужика, по случаю двадцатипятилѣтняго юбилея Маріи Савишны. И. С. Тургеневъ будетъ обѣдать, а Иванъ Ѳедоровъ долженъ изготовить паровую осетрину, за что (въ случаѣ удачи) будетъ позванъ къ столу. Уважь меня, другъ, для рожденья!»...

Въ другомъ письмѣ Марія Гавріиловна пишетъ:

«Указано кухонному мужику Ванькѣ готовить завтра хорошее кушанье для обѣда съ генералами. Приди, Ванюшка, помоги и утѣшь насъ, а за провизіей дѣло не станетъ. Изъ Перми прислали ершей въ $^1/_2$ аршина. Приди, батюшка, пораньше, спроси Петра, какъ ихъ отварить. Савишна».

Шутливыя письма Маріи Гавріиловны были восхитительны. Разъ она написала мнѣ въ письмѣ какое-то двустишіе и приписала: «Не показывайте Петру Исаевичу! Застрѣлится отъ зависти!..»

Съ Петромъ Исаевичемъ Вейнбергомъ у Савиной были старыя и очень искреннія дружескія отношенія; она бывала на его литературныхъ собраніяхъ, участвовала на всѣхъ литературныхъ обѣдахъ. Вообще, Марія Гавріиловна была не только другомъ, но какъ бы членомъ литературной семьи. И ей было больно, что въ послѣднее время ее считали какъ бы врагомъ литературной молодежи; молодые писатели были какъ-будто нѣсколько далеки отъ нея, хотя она съ большимъ интересомъ относилась къ нимъ и своимъ тонкимъ умомъ улавливала и различала «настоящее».

Къ Литературному Фонду у Маріи Гавріиловны образовалось особое отношеніе. Она относилась къ нему, какъ къ «своему» дѣлу. Надо отмѣтить, что съ самаго основанія Фонда артисты Императорскихъ театровъ были всегда его главными и дѣятельными сотрудниками. Да и кто же ближе къ писателямъ, какъ не артисты?

Марія Гавріиловна съ 1879 года была вѣрной сотрудницей Литературнаго Фонда. Нѣтъ возможности перечислить, сколько разъ она выступала на сценѣ и на эстрадѣ въ пользу Фонда. Да дѣло не въ томъ—«сколько», а въ томъ—«какъ» она относилась къ этимъ вечерамъ.

— Конечно! Конечно!—отвѣчала она каждый разъ на вопросъ по телефону:

— Марія Гавріиловна! Такого-то числа Фондъ устраиваетъ литературный вечеръ въ память такого-то писателя. Вы примете участіе?

Надо отмѣтить, что Марія Гавріиловна не очень любила читать, ее тянуло «играть»—и, какъ бы корректно сдержанна ни была она на эстрадѣ,—она играла! И все-таки, когда программа вечера требовала,—она садилась за столъ со свѣчами, вся въ черномъ, «въ орденахъ», какъ она называла медали и знаки отличія, и начинала читать. Не позволяла себѣ ни жеста, ни вскакиванья. Но иногда не выдерживала. Разъ, на вечерѣ въ память Тургенева, она читала свою любимую «Вѣрочку» (сцена изъ «Мѣсяца въ деревнѣ»), читала великолѣпно. Залъ Дворянскаго Собранія, биткомъ набитый чуткой публикой вечеровъ Литературнаго Фонда, замеръ и благоговѣйно слушалъ. Марія Гавріиловна такъ вошла въ Вѣрочку, была такъ захвачена психологіей этой дѣвочки, такъ забыла, что сейчасъ на эстрадѣ—«заслуженная артистка М. Г. Савина» въ орденахъ, а не дѣвочка въ фартучкѣ, что въ концѣ сцены вскочила и убѣжала, какъ дѣлала это когда-то на сценѣ. Успѣхъ былъ громадный, но Марія Гавріиловна говорила, что она не должна была дѣлать этого, что «чтеніе» налагаетъ свои требованія,

*) М. Г. жила тогда на Николаевской.

гораздо болѣе строгія, чѣмъ сцена. Не берусь судить,—должна или не должна была она это дѣлать, но помню, что впечатлѣніе «юной Вѣрочки» было полное и вполнѣ художественное, ничѣмъ не нарушенное. Вѣрочка—ребенокъ, рѣзвая, играющая со змѣемъ, заразительно веселая—на глазахъ зрителя превращается въ любящую дѣвушку... Влюбленность, первая любовь, недовѣріе къ себѣ... Все это услышала и «увидѣла» зала и поняла, что это можетъ сдѣлать только исключительный талантъ.

Повторяю: почти ни одинъ вечеръ Литературнаго Фонда не обходился безъ Савиной. Если она обѣщала, она никогда не обманывала; если бывала занята въ театрѣ въ этотъ вечеръ,—пріѣзжала послѣ спектакля. Но никогда не говорила «нѣтъ».

Въ прошломъ году Литературный Фондъ, отмѣчавшій ежегодно день смерти Л. Н. Толстого, рѣшилъ устроить вечеръ, посвященный «Войнѣ и миру». Конечно, я позвонила Савиной. Она одобрила мысль, но сказала, что, кромѣ «Наташи», ей нечего читать, а для Наташи нужна молодая исполнительница. Предложила прочесть что-нибудь не изъ «Войны и мира», а потомъ согласилась, что для цѣльности программы лучше не вводить другихъ номеровъ.

Въ одной изъ газетъ появилась замѣтка, что Комитетъ Литературнаго Фонда «отказалъ» Маріи Гавріиловнѣ на ея предложеніе принять участіе въ Толстовскомъ вечерѣ. Я сейчасъ же написала ей (предполагая, что она читала замѣтку и была справедливо возмущена), что Савиной «не отказываютъ» и что если Марія Гавріиловна пожелаетъ, я напечатаю, «почему» она не участвуетъ въ этомъ вечерѣ.

На слѣдующее утро пріѣзжаетъ ко мнѣ Марія Гавріиловна взволнованная, глаза блестятъ.

— Въ чемъ дѣло? Какая замѣтка? Вы насъ «стариковъ» такъ взволновали, что мы всю ночь не спали, всѣ газеты пересмотрѣли, искали, искали—ничего не нашли!! Что е щ е написали?

Я показала ей газету.

— Только-то? Такъ вѣдь это правда! Я не отрекаюсь: предлагала свое участіе, а вы сказали, что мнѣ нечего читать, и это правда!.. А вотъ, что вы меня на вечера Высшихъ Курсовъ больше не зовете, этимъ вы обижаете меня, старую курсистку!

Марія Гавріиловна любила такъ звать себя не оттого, что она когда-нибудь была на Курсахъ, но потому, что, когда Петербургскіе Высшіе Курсы только что вставали на ноги,—Савина служила имъ вѣрой и правдой: ни одно предпріятіе Комитета для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ не обходилось безъ участія Маріи Гавріиловны: базары, лотереи, вечера—вездѣ она работала съ членами Комитета—и ни усталость, ни болѣзни не останавливали ее.

Когда Высшіе Курсы прочно встали на ноги, Комитетъ болѣе не считалъ нужнымъ собирать на нихъ деньги вечерами и базарами и пересталъ ихъ устраивать *).

— Вотъ почему и мы оставили васъ въ покоѣ!—объяснила я Маріи Гавріиловнѣ.

— Я, въ сущности, и рада. Теперь мнѣ не до того!

Война, всколыхнувшая такъ или иначе всѣхъ, даже равнодушныхъ, разбудившая сонныхъ и дремавшихъ всю жизнь, наполнила такимъ трепетомъ и безъ того трепетную Савину, что за нее было страшно. Лазаретъ, гдѣ она проводила долгіе часы, шитье на солдатъ, благотворительные сборы, отправка подарковъ на фронтъ, переписка съ солдатами—брали всю ея жизнь. Казалось невѣроятнымъ, что, рядомъ съ этимъ, она могла попрежнему страстно относиться къ театру, творить, прочитывать десятки новыхъ пьесъ, предоставляемыхъ на ея

*) Комитетъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ не забылъ, что въ домахъ, выстроенныхъ имъ для Курсовъ на общественныя средства, не мало камней, заложенныхъ Савиной. И на вѣнкѣ, возложенномъ на гробъ Маріи Гавріиловны, было написано: «Благодарный Комитетъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ».

усмотрѣніе авторами, обдумывать платья, никогда не опаздывать на репетиціи и по ночамъ разучивать роли.

Когда мы ѣхали съ Маріей Гавріиловной съ генеральной репетиціи «Зеленаго Кольца», гдѣ она играла хоть маленькую, но отвѣтственную роль, она среди спора о роли (я была не совсѣмъ согласна съ нею въ основномъ замыслѣ) сказала:

— Вчера получила письма отъ солдатъ... Благодарность за кисеты. Одинъ пишетъ: «Какъ это вы въ вашемъ высокомъ положеніи еще помните людей такого низкаго званія, какъ мы?»... Это вѣдь удивительно! Какое смиреніе.

И ясные глаза Маріи Гавріиловны затуманились слезами.

Въ другой разъ она, вся взволнованная и возмущенная, торопилась съ репетиціи хлопотать о какой-то землѣ, о которой плакалъ одинъ изъ раненыхъ солдатъ ея Лазарета.

Бывали и такіе случаи: подъѣзжаетъ она къ своему подъѣзду, швейцаръ отворяетъ дверцу кареты и не видитъ Маріи Гавріиловны: вся карета набита мѣшками съ грязнымъ бѣльемъ, а за ними въ уголку пріютилась Марія Гавріиловна.

— Въ Лазаретѣ не успѣваютъ мыть... Пусть моя прачка вымоетъ!

Письма изъ окоповъ въ отвѣтъ на посылаемые подарки были радостью для Маріи Гавріиловны. Разъ она привезла мнѣ нѣкоторыя изъ нихъ и читала со слезами.

Вообще, можетъ быть, никогда въ жизни ея блестящіе глаза не блестѣли слезами такъ часто, какъ въ этотъ послѣдній годъ ея жизни. Прежній юморъ и искристое веселье были точно неумѣстны въ тяжкіе дни тяжкой войны. Савина переживала ее мучительно и до послѣдняго дня жизни не уставала работать «для жертвъ войны». Послѣдней ея заботой были бѣженцы. Но она уже не успѣла ничего сдѣлать для нихъ.

Мнѣ хотѣлось бы по мѣрѣ силъ показать Савину «во весь ростъ». Но это очень трудно. Какъ въ жизни къ ней не подходили никакія общепринятыя мѣрки, такъ и послѣ смерти она оставалась внѣ всякихъ общепринятыхъ «некрологовъ».

Она явилась къ намъ безъ образованія, безъ знакомствъ, безъ школы, и черезъ нѣсколько лѣтъ,—очень немного лѣтъ,—создала изъ себя образованнаго культурнаго человѣка, равнаго избраннѣйшимъ русскимъ интеллигентамъ; ея знакомства искали писатели, художники — все, что было «выдающагося» среди интеллигенціи—и она создала свою С а в и н с к у ю школу.

Марія Гавріиловна—образецъ русскаго самородка. Конечно, она, какъ дочь актера и актрисы, имѣетъ свою генеалогію. Но, какъ Марія Гавріиловна Савина, она—сама по себѣ; внѣ прошлаго, внѣ настоящаго. Одно, можетъ быть, вѣрно: она все-таки была дитя 60-хъ годовъ, не въ политическомъ смыслѣ, а въ общественномъ. Она явилась съ развязанными крыльями: смѣлая, свободная, какъ дѣвушки этой эпохи. И это отразилось и въ ея сценическихъ образахъ. Лучше всего у нея выходили р у с с к і я дѣвушки или женщины, смѣлыя, непокорныя и свободолюбивыя. Будь это «Сорванецъ» Крылова, «Маіорша» Шпажинскаго—вездѣ эти черты русской женщины были особенно ярки у Савиной. Можетъ быть, оттого ее и упрекали въ однообразіи. Она долго не могла отказаться отъ своей яркой индивидуальности, хотя и играла самыя разнообразныя, ничего общаго между собою не имѣвшія, роли.

Робкая, но уже сознающая себя, Тургеневская барышня въ 70-хъ годахъ обратилась въ смѣло идущую впередъ дѣвушку. Она уходила изъ родительскаго дома учиться на курсы, или на подвигъ; становилась общественной дѣятельницей, иногда—борцомъ. Савину талантъ повелъ на сцену. Она двадцати лѣтъ явилась одна въ столицу, и с а м а создала себѣ все. И не даромъ стала «любимицей публики». Очень она была по тому времени современна и люба русскому сердцу.

Жизнь въ Петербургѣ, свѣтскія знакомства, громадный успѣхъ отъ низшихъ до самыхъ высшихъ слоевъ общества, въ сущности, не измѣнили природы Маріи Гавріиловны. Она до конца дней своихъ оставалась той простой русской женщиной, которая принесла съ собою от-

куда-то изъ глубины Россіи, кромѣ таланта, большого ума и красоты, вѣру въ Бога по-православному, любовь къ своему углу, необыкновенную родственность, нѣжную заботу о своихъ близкихъ, племянникахъ, племянницахъ, многочисленныхъ крестникахъ. Любила крестить, устраивала свадьбы, навѣщала больныхъ. Съ удовольствіемъ бесѣдовала за самоваромъ, сама разливала чай и тщательно вымывала чашки. Любила, чтобы у нея горѣли лампады у образовъ и неуклонно слѣдила за этимъ. Все это она принесла изъ тихаго провинціальнаго уголка и берегла въ себѣ всю жизнь...

И какъ-то въ ней все это сочеталось съ ея европейской культурностью, преданностью литературѣ, страстнымъ служеніемъ сценѣ, съ трепетнымъ существованіемъ артистки, нервно и горячо относящейся къ своему дѣлу, съ постояннымъ горѣніемъ и волненіями, съ мелкими и крупными столкновеніями, разочарованіями, громаднымъ успѣхомъ и жизнью у всѣхъ на виду. Все это покрывалъ и скрывалъ талантъ. Талантъ и умъ. Она была ума исключительнаго. Нашъ общій съ Маріей Гавріиловной другъ, А. О. К., писалъ мнѣ послѣ ея смерти: «Сколько ума ушло изъ русской жизни вмѣстѣ съ нею!» И все у нея было умное, вплоть до платьевъ, всегда сливающихся съ ролью, всегда тактичныхъ въ жизни. И лицо было умное, умны были и слова, и мысли.

Когда-то Вл. Ив. Немировичъ-Данченко написалъ про Савину: «Если бы ей сказали: «экономьте ваши силы, иначе вы завтра умрете»,—она ни минуты не колебалась бы и выбрала бы смерть». Вл. Ив. Немировичъ-Данченко сказалъ это про ея театральныя выступленія.

Эти слова можно примѣнить ко всей жизни Савиной. Она всегда горѣла. Не жалѣла себя ни минуты. Для нея не было ничего «между прочимъ», «такъ себѣ»,—во все, что она дѣлала, она отдавала всю себя, оттого и горѣла такимъ яркимъ пламенемъ.

За ея гробомъ шла громадная толпа. Шли старики изъ «Убѣжища», о которыхъ она заботилась, какъ о собственныхъ дѣтяхъ, шла молодежь, всегда отзывчивая на все талантливое и красивое, шли товарищи; но больше всего, конечно, было публики, тѣхъ зрителей, которые несли въ своихъ сердцахъ за гробомъ великой артистки нѣжную признательность за ничѣмъ невознаградимыя минуты высшаго наслажденія—наслажденія художественнымъ творчествомъ.

Ек. Лѣткова.

РУССКОЕ ЗНАМЯ.

(Петроградъ).

10—IX—1915. № 198.

8-го сентября, въ 5 ч. ночи, скончалась заслуженная артистка Императорскихъ театровъ М. Г. Савина.

22—IX—1915. № 207.

«ГЕНІЙ» ЛИ ЭТО?

На-дняхъ умерла артистка Императорскихъ театровъ М. Г. Савина. Всѣ біографы ея называютъ ее «геніемъ». Но «геній» ли это?..

Впервые я видѣлъ Савину на сценѣ въ 1872 году, въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ театрѣ Ѳ. К. Смолькова, гдѣ она дебютировала въ роли Ореста, въ оперткѣ «Прекрасная Елена». Провалъ ея здѣсь былъ полный, и директоръ театра отозвался о ней такъ: «Да она хуже моей хористки Александровой»...

И вдругъ Савина на казенной сценѣ въ 1874 году. Этому я не могъ надивиться въ то время: какъ такая бездарность—и вдругъ принята на образцовую сцену? Оказалось тутъ ларчикъ открывался очень просто: Савина стала женою офицера Всеволожского, близкаго родственника директора казенныхъ театровъ*)... Но «генія» въ ней не было ни на іоту. Она была только хищникъ. Ея задачей на сценѣ всегда стояло то, чтобы устранить съ своего пути всѣхъ ея соперницъ, и она ихъ устраняла. Такъ, были съѣдены ею талантливая Струйская, знаменитая Стрепетова и славная Горева...

Быть же «геніемъ» на сценѣ Савина не могла уже по одному тому, что у нея не было для драматическаго репертуара, который она приняла на себя, подходящаго органа, т.-е. голосовыхъ средствъ, требующихся здѣсь въ обширномъ діапазонѣ. А у М. Г. было въ голосѣ только двѣ ноты, да и тѣ гнусавыя. Если же она была суетлива на сценѣ, то вѣдь этимъ даромъ обладаютъ всѣ женщины, сколько-нибудь воспріимчивыя и нервныя... До «генія» здѣсь еще далеко. Весь «геній» тутъ сводился къ тому, чтобы навязать эту личность публикѣ. И ее навязали. Для этой цѣли былъ приглашенъ Викторъ Крыловъ, который началъ передѣлывать для нея французскія комедіи на русскій ладъ, т.-е. авторъ поддѣлывался подъ способности М. Г., но не наоборотъ...

Такъ публика и привыкла къ Савиной. А тутъ еще печать дѣлала свое дѣло... Вотъ какъ создаются въ наше время «геніи»... И оставляютъ послѣ себя по два милліона рублей (?).

Невольно припоминаю одинъ разговоръ съ покойной Стрепетовой, коснувшійся Савиной и Фигнера. Фигнеръ, Савина и Стрепетова—уроженцы Казани: Стрепетова знала и Фигнера, и Савину съ дѣтства, характеризуя ихъ коротко и наглядно: Фигнеръ—Савина во фракѣ, а Савина—Фигнеръ въ юбкѣ.

N. N.

На эту статью появилась отповѣдь— «На радость врагамъ» Лукіана—въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», 23—IX—1915, № 15105.

РУССКОЕ СЛОВО.

(Москва).

9—IX—1915. Бюллетень.

М. Г. САВИНА (†).

Вѣсть о кончинѣ и послѣднія минуты жизни—по сообщеніямъ изъ Петрограда.

30-го марта 1854 года въ Каменецъ-Подольскѣ у учителя рисованія и надзирателя гимназіи Гавріила Николаевича Подраменцева родилась дочь Марія.

Приблизительно въ это время началась полоса благотворительныхъ спектаклей въ пользу воиновъ, раненыхъ въ Крымскую войну. Г. Н. Подраменцевъ неоднократно выступалъ въ этихъ спектакляхъ, увлекся сценой и перемѣнилъ карьеру, поступивъ актеромъ въ драматическую труппу подъ фамиліей Стремлянова.

Первый сезонъ Стремлянова былъ въ Одессѣ. Здѣсь же впервые выступила на сценѣ «дѣвица Стремлянова» въ роли Флоретты (Эсмеральда) въ драмѣ «Эсмеральда или Алый башмачокъ». «Дѣвицѣ Стремляновой», будущей М. Г. Савиной, было въ это время около 8-ми лѣтъ. Съ этихъ поръ она начала выступать въ роляхъ подростковъ-дѣвицъ и travesti, получая въ качествѣ гонорара конфекты.

---

*) Справка: М. Г. Савина поступила на Императорскую сцену въ 1874 году; Ив. Ал. Всеволожской былъ назначенъ директоромъ Императорскихъ театровъ въ 1881 году; М. Г. Савина вышла замужъ за Н. Н. Всеволожского въ 1882 году. Ред.

Первый ангажементъ подросшей Маріи Гавріиловнѣ былъ предложенъ въ труппу Минскаго Городского театра, на роли «вторыхъ водевильныхъ ingénue», съ жалованьемъ 30 рублей въ мѣсяцъ. 16-е августа 1869 года служитъ датой начала профессіональной сценической дѣятельности М. Г. Въ этотъ день она дебютировала въ Минскѣ въ роли Глашеньки въ водевилѣ «Вѣдовая бабушка».

Изъ Минска М. Г. перекочевала въ Смоленскъ, потомъ въ Харьковъ (уже на 50 рублей). Здѣсь особый успѣхъ выпалъ на ея долю въ водевилѣ «Ямщики или Какъ гуляетъ староста Семенъ Ивановичъ» (въ роли Парани). Въ этомъ водевилѣ она танцовала «русскую» съ М. В. Лентовскимъ. Харьковъ сыгралъ большую роль въ жизни Савиной. Здѣсь она вышла замужъ за артиста Н. Н. Савина, съ которымъ, впрочемъ, вскорѣ разошлась.

Слѣдующіе сезоны Савина играла въ Калугѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Затѣмъ въ Казани, въ труппѣ Н. М. Медвѣдева. Съ этой же труппой она перекочевала въ Саратовъ и Орелъ.

Лѣтомъ 1873 года Савина, проѣздомъ черезъ Москву, сыграла на сценѣ Общедоступнаго театра роль Анны Львовны въ водевилѣ «Андрей Степановичъ Бука». Къ этому времени она уже пользовалась большимъ успѣхомъ, и сезонъ 1873—1874 гг. въ Саратовѣ, которымъ, между прочимъ, закончилась ея провинціальная дѣятельность, былъ сезонъ ея тріумфовъ.

17-го марта 1874 года Савина выступила на сценѣ Петербургскаго Благороднаго Собранія въ роли Елены («Блуждающіе огни») и имѣла большой успѣхъ. Присутствовавшій на спектаклѣ А. А. Нильскій обратилъ на нее вниманіе и довелъ о талантливой, по его мнѣнію, артисткѣ до свѣдѣнія П. С. Ѳедорова, начальника репертуара Александринскаго театра. 6-го апрѣля М. Г. сыграла съ исключительнымъ успѣхомъ на сценѣ того же Благороднаго Собранія роль Мери въ «Пансіонеркѣ». 9-го апрѣля ей былъ данъ дебютъ на Александринской сценѣ въ роли Кати («По духовному завѣщанію») и Невской («Она его ждетъ»). 16-го апрѣля ей былъ данъ второй дебютъ въ «Воспитанницѣ», и, наконецъ, третій дебютъ ея былъ въ роли Зины («Ангелъ доброты и невинности»). Въ это время пріѣхалъ на гастроли изъ Москвы въ Петербургъ С. В. Шумскій. Савиной пришлось съ нимъ сыграть «Старшую и меньшую», и она имѣла не меньшій успѣхъ, чѣмъ ея знаменитый партнеръ. Этотъ успѣхъ рѣшилъ вопросъ о поступленіи Савиной на Александринскую сцену. Въ труппѣ было вакантное мѣсто «ingénue», и М. Г. поступила на освободившуюся вакансію на три года, съ ежегоднымъ жалованьемъ въ 800 рублей, полубенефисомъ и разовыми: въ первый годъ—10 рублей, во второй—15 и въ третій—20.

Въ первый же сезонъ своей казенной службы Савина выдвинулась въ роли Елены («Злоба дня»). Исключительно благодаря ея участію «Злоба дня» сдѣлалась репертуарной пьесой и выдержала въ короткій срокъ до 30-ти представленій. Новый успѣхъ М. Г. имѣла въ день своего перваго бенефиса на Императорской сценѣ въ «Мишурѣ» А. Потѣхина, гдѣ она играла и создала роль Даши въ совершенно новомъ освѣщеніи.

Какъ передаютъ, авторъ такъ остался доволенъ новымъ толкованіемъ роли Даши, что сказалъ: «Теперь можно опять писать для сцены».

Главное, что поражаетъ въ творчествѣ М. Г., это—разнообразіе ея широкаго таланта. Она играла все, начиная отъ наивной дѣвочки и до сильно драматическихъ ролей включительно. Она одинаково имѣла успѣхъ и въ роли: Ѳени («Маіорша»), и въ роли Вѣрочки («Мѣсяцъ въ деревнѣ»), и въ роли Марьи Антоновны («Ревизоръ»), и въ роли Кондоровой («Нищіе духомъ»). Вотъ наиболѣе выдающіяся ея роли: Варя («Дикарка»), Маргарита Готье («Дама съ камеліями»), Тугина («Послѣдняя жертва»), Елена Протичъ («Симфонія»), Беатриче («Много шума изъ ничего»), Обертышева («Самородокъ»), Маргитъ («Праздникъ въ Сольгаугѣ»), Василиса Мелентьева, Магда («Родина»), Татьяна Рѣпина, Акулина («Власть тьмы»), Мирандолина («Трактирщица»), Глафира («Волки и овцы»), генеральша Матрена, Евлалія («Невольницы»), Анна («Цѣна жизни»), Ольга Ранцева, Вѣра («Сердце не камень»), княжна Плавутина («Холопы»), Наталья Петровна («Мѣсяцъ въ деревнѣ»), Мамаева («На всякаго мудреца») и т. д., и т. д.

М. Г. Савина выступала всего болѣе чѣмъ въ 800 пьесахъ.

Въ 1899 году Савина получила званіе «заслуженной артистки».

Великая артистка, Савина была въ то же самое время очень отзывчивымъ человѣкомъ. Актерская провинція хорошо знаетъ въ этомъ отношеніи Марію Гавріиловну. Одна изъ учредительницъ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, Савина пользовалась любовью и уваженіемъ провинціальныхъ театральныхъ дѣятелей. Ея заслуги въ Театральномъ Обществѣ,—сначала въ качествѣ члена Совѣта, завѣдывающаго Убѣжищемъ, Пріютомъ и другими благотворительными учрежденіями Общества, а затѣмъ и въ качествѣ предсѣдательницы Совѣта,—извѣстны всему актерскому міру Россіи.

М. К.

Этотъ некрологъ перепечатанъ: въ «Астраханскомъ Вѣстникѣ», 12—IX—1915, № 197; въ «Волжскихъ Вѣстяхъ», 12—IX—1915, № 1867.

10—IX—1915. № 207.

САВИНА.

Въ этотъ черный день я не видѣлъ вечернихъ газетъ. Былъ на городскомъ съѣздѣ, былъ въ городѣ, былъ въ театрѣ,—страшная вѣсть проходила мимо меня. Я не зналъ.

И вотъ въ антрактѣ сообщили:

— Васъ ищутъ; вамъ звонятъ. Просятъ пріѣхать въ редакцію; надо писать о Савиной.

Надо писать о Савиной... Сердце разомъ сжалось отъ страшнаго предчувствія.

Когда журналисту говорятъ: надо писать о такомъ-то; говорятъ неожиданно, безо всякаго отношенія къ юбилейнымъ датамъ,—это звучитъ похоронnымъ звономъ.

Всякому другому скажутъ: поплачьте о такомъ-то. Журналисту говорятъ: пишите.

А въ сердцѣ все-таки еще была надежда. Сердцу еще страшно повѣрить, и я робко, растерянно спрашиваю:

— О Савиной?.. Писать о Савиной?..

И надежды уже нѣтъ. Уже произнесли:

— Развѣ вы еще не знаете? Савина умерла.

Я уже знаю. Савина умерла. Я нѣсколько разъ повторяю это:

— Савина умерла...

И мнѣ хочется кричать, кого-то въ чемъ-то упрекать, жаловаться. Развѣ такъ можно? За что?

Далматовъ, Стрѣльская, Варламовъ—и вотъ теперь Савина.

Мы стояли въ лѣсу, вокругъ насъ были дубы-великаны—и вдругъ начали они падать, падать одинъ за другимъ, и вокругъ голо, пусто, страшно; словно тяжкій сонъ.

И Савина—самая страшная потеря. Савина, огромная, удивительная, мудрая.

Вы, женщины, когда противъ васъ воздвигаютъ пошлыя нападки,—вы могли, вмѣсто всякихъ возраженій, указать и съ глубокимъ почтеніемъ произнести:

— Савина.

И все должно было умолкнуть.

Можетъ быть, это было даже слишкомъ крупно для сцены, для слишкомъ непрочнаго искусства, умирающаго въ мигъ рожденія.

Савину угадалъ и первый опредѣлилъ ея огромную высоту Тургеневъ, тончайшій цѣнитель искусства, назвавшій Сарру Бернаръ «геніальной ломакой». И въ Савиной было что-то близкое Тургеневу: ясный, благородный, овѣянный поэзіей реализмъ, полная достоинства простота, смѣлая, самоотверженная правда, не идущая ни на какіе компромиссы.

Что, если бы искусство Тургенева, рождаясь, тотчасъ же умирало?

Зачѣмъ же умерло творчество Савиной?

Уже нѣтъ. Уже никогда больше не увидимъ.

Великая, неповторяемая, мудрая.

Она геніально воплощала подчасъ самую маленькую, крошечную женщину, съ птичьимъ мозгомъ, съ птичьей душой, живущую однимъ подсознательнымъ. И эта крошечная, ничтожнѣйшая женщина въ ея воплощеніи вырастала въ огромное. Перерастала конкретный образъ, становилась, какъ у Гоголя, воплощеніемъ всей мелочности и ничтожества цѣлой категоріи женщинъ; углублялась; словно говорила:

Развѣ можетъ быть счастье на нашей землѣ, когда по ней ходятъ вотъ такія ничтожества? Ходятъ и состоятъ супругами, уничтожая семью; и состоятъ матерями, растя уродовъ; и вліяютъ на жизнь во множествѣ ея проявленій...

Савина была на русской сценѣ... Да что же я, въ самомъ дѣлѣ? Развѣ я сегодня пишу о ней рецензію? Для кого я говорю это? Что объясню тѣмъ, кто не знаетъ? Что добавлю тѣмъ, кто понималъ и цѣнилъ? Сегодня мы, любившіе Савину, плачемъ о ней. И только. И ничего больше не надо.

Дайте успокоиться,—тогда будемъ обсуждать, цѣнить, указывать особенности.

А теперь скорбимъ, опломленные, придавленные, испуганные.

Нѣту Савиной... Что къ этому прибавишь?..

Сергѣй Яблоновскій.

В. А. ТЕЛЯКОВСКІЙ О КОНЧИНѢ САВИНОЙ.

— Потеря М. Г. Савиной, — заявилъ нашему сотруднику находящійся въ настоящее время въ Москвѣ директоръ Императорскихъ театровъ В. А. Теляковскій, — понятно, незамѣнима для сцены Александринскаго театра.

Но это печальное событіе репертуара не ломаетъ.

Заслуженные артисты Императорскихъ театровъ обыкновенно играютъ тогда, когда они сами желаютъ. Въ виду этого, почти во всѣхъ роляхъ они имѣютъ дублеровъ.

Покойная М. Г. Савина въ этомъ сезонѣ ни разу не выступила, и уже былъ случай при постановкѣ «На всякаго мудреца довольно простоты», когда ее замѣнила дублерша.

Послѣдній выходъ М. Г. Савиной былъ весной въ пьесѣ Гиппіусъ «Зеленое Кольцо», гдѣ она дивно сыграла небольшую роль въ одномъ актѣ.

11—IX—1915. № 208.

НЕМНОЖКО О САВИНОЙ.

Развертываю сегодняшнія газеты:

«8-го сего сентября, въ $5^1/_2$ часовъ утра, скончалась заслуженная артистка Императорскихъ театровъ Марія Гавріиловна Савина».

Немножко ниже:

«10-го сентября, въ 40-й день по кончинѣ заслуженнаго артиста Императорскихъ театровъ Константина Александровича Варламова»...

И еще ниже:

«Сестра и племянники извѣщаютъ, что погребеніе тѣла Сергѣя Александровича Пальма»...

Это въ сегодняшнихъ газетахъ.

Вспоминаются другія объявленія, другія имена, прочитанныя въ такихъ же черныхъ рамкахъ въ этомъ же году: Лядовъ, Скрябинъ, Танѣевъ, Шенкъ. Это—дѣятели искусства.

Писатели и общественные дѣятели тоже послали своихъ представителей въ эти черныя рамки:

Градовскій, Богучарскій, Лутугинъ.

И поэтъ К. Р.

И всѣ они погибли не на войнѣ и не отъ войны, а умерли, живя своей обычной жизнью и занимаясь своимъ привычнымъ дѣломъ.

Большія тѣла притягиваютъ къ себѣ маленькія. Таковъ законъ физики.

Большое горе притягиваетъ къ себѣ маленькія несчастья и неудачи, какъ большое счастье притягиваетъ успѣхъ и удачу. Таковъ, очевидно, законъ метафизики.

И такъ все это ясно въ этотъ ужасный годъ.

Есть одинъ огромный очагъ горя. И ползутъ отъ него по всей землѣ чернымъ дымомъ смерть и несчастье, неуспѣхъ и неудача, часто съ войной ничѣмъ и не связанные, кромѣ тайнаго закона: большія тѣла притягиваютъ къ себѣ маленькія.

Не будь войны или не будь этого закона, навѣрное, не умеръ бы отъ прыщика Скрябинъ, поправилась бы Савина, не былъ бы раздавленъ автомобилемъ Раппопортъ, не было бы безконечнаго количества несчастій и непріятностей, начиная со смерти знаменитаго человѣка и кончая потерей кошелька съ тремя рублями мелочью.

Недавно писалось въ газетахъ о томъ, что нѣмецкій актеръ Рейнгардтовской труппы Моисси попалъ въ плѣнъ къ французамъ, и нѣмцы предлагаютъ вымѣнять его на любого французскаго генерала.

Высоко цѣнится искусство.

За актера выпустятъ на свободу любого генерала; любого, т.-е. по выбору,—значитъ, опытнаго, ловкаго и сильнаго врага поставятъ противъ себя. И сильный врагъ отниметъ отъ нихъ много жизней. Но любимый актеръ будетъ на свободѣ.

Если бы можно было поторговаться съ судьбой,—пожалуй, много генераловъ потребовала бы она отъ насъ за жизнь Савиной.

Когда умираютъ актеры или музыканты, ихъ особенно жаль, потому что, какъ бы велики и талантливы они ни были, они умираютъ навсегда и всецѣло. Уходятъ безслѣдно. Они, какъ звукъ, воспринимаются, только пока живутъ.

Самый ничтожный художникъ будетъ живъ. Самый лучшій актеръ умретъ.

Въ какомъ-нибудь тридцатомъ вѣкѣ найдутъ картинку, произведеніе нашего современника, посмотрятъ, присвистнутъ:

— Это кто такой? Какой-то Кутькинъ въ 1915 году. А и скверно они малевали въ двадцатомъ вѣкѣ.

Вотъ онъ и живъ. Скверный жизнью, а живетъ. А лучшій изъ нашихъ актеровъ умретъ—и останутся отъ него только портретъ въ иллюстрированномъ журналѣ да «анекдотъ изъ жизни».

Вотъ и Савина умерла.

Послѣдній разъ видѣла я ее весной, въ концертѣ въ Петровскомъ училищѣ.

— Знаете, что со мною случилось?—сказала она.—Прямо, разсказать стыдно! Вѣдь я, вмѣсто того, чтобы ѣхать сюда, отправилась въ Консерваторію. Влѣзла наверхъ. Мнѣ говорятъ: «Вы куда?» А я еще обидѣлась: «Какъ куда? Ясное дѣло: на концертъ. Я сегодня читаю сценку съ Ростовой». Они на меня только руками машутъ.—«Вы»,—говорятъ,—«въ Петровскомъ училищѣ сегодня, а здѣсь Кравфордъ». Прямо, срамъ! Вы ужъ никому не разсказывайте.

А я обѣщала твердо:

— Непремѣнно всѣмъ разскажу, Марія Гавріиловна, потому что это единственный анекдотъ, который я знаю изъ вашей жизни.

Савина посмотрѣла на меня своими умными темными глазами и вдругъ сказала:

— Ну-съ, а когда же будетъ готова «приживалка съ флюсомъ»?

Я, какъ всегда, при этомъ вопросѣ смутилась, смутившись, заторопилась, заговорила о чемъ-то другомъ и поспѣшила уйти.

Эта «приживалка съ флюсомъ» была моей медленной пыткой.

Два года назадъ Савина попросила:

— Непремѣнно напишите для меня сценку или роль приживалки съ флюсомъ и съ картами. Я непремѣнно хочу сыграть приживалку съ флюсомъ. Прошу, прошу, никто написать не можетъ. А я знаю, что вы можете. Ну, не полѣнитесь, напишите.

Я горячо пообѣщала. И не забыла, а только все думала: «Ужо напишу». А «ужо» такъ и не наступало. Какъ подумаю, что это для Савиной, такъ сейчасъ и покажется, что вяло да слабо, да не типично и не красочно.

А она не забывала. Какъ увижу ее, такъ и жду:

— Ну, а какъ же «приживалка съ флюсомъ»? Ну, чего же вы лѣнитесь? Не могу же я все время «Дамскую болтовню» читать.

Два года не наступало мое «ужо». Наконецъ, лѣтомъ, два мѣсяца назадъ, совсѣмъ неожиданно для себя самой написала я мою приживалку, всю, какъ хотѣлось Савиной,—и съ флюсомъ, и съ картами.

— Вотъ,—думаю,—не боюсь я теперь встрѣтиться съ нею. «Здравствуйте»,—скажу,—«Марія Гавріиловна! А «приживалка съ флюсомъ» написана!» Завтра же позвоню къ ней по телефону.

Но когда настало завтра, ко мнѣ самой позвонили и сказали:

— Сегодня, утромъ, скончалась Савина.

Таковъ маленькій эпизодъ моего знакомства съ Савиной. И любопытенъ онъ, конечно, только потому, что въ немъ, въ маленькомъ,—тотъ же рисунокъ, какъ и въ самыхъ крупныхъ и значительныхъ эпизодахъ человѣческихъ отношеній: внѣшніе легкость и смѣхъ и внутренняя печаль и трагедія слова «поздно».

Тэффи.

РУССКОЕ ЧТЕНІЕ.

(Петроградъ).

10—IX—1915. № 198.

8-го сентября скончалась заслуженная артистка М. Г. Савина.

12—IX—1915. № 200.

У ГРОБА МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ САВИНОЙ.

Стихотвореніе Асинкрита Ломачевскаго.

Это стихотвореніе прочитано авторомъ у могилы М. Г. Савиной, послѣ ея погребенія, 11-го сентября 1915 года (текстъ его—см. т. I, стр. 77—78).

РЫБИНСКАЯ ГАЗЕТА.

(Рыбинскъ, Ярославской губерніи).

17—X—1915. № 216.

СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Сегодня, 17-го октября, исполняется 40-й день по кончинѣ исключительно выдающейся артистки Маріи Гавріиловны Савиной.

Русскій театръ въ лицѣ почившей потерялъ не только несравненный талантъ, но и огромную общественную силу. Починъ въ образованіи Общества пособія сценическимъ дѣятелямъ, впослѣдствіи выросшаго въ Императорское Русское Театральное Общество, принадлежитъ М. Г. Савиной. Ея же стараніями и заботами создано Убѣжище, Дѣтскій Пріютъ и другія благотворительныя учрежденія Общества.

Извѣстна также отзывчивость Маріи Гавріиловны на всѣ многочисленныя актерскія нужды.

Вся дѣятельность М. Г. Савиной, всецѣло направленная для блага сценическаго міра, налагаетъ на актеровъ святую обязанность увѣковѣчить славное имя Савиной. Въ средѣ артистовъ зародилась мысль устроить сегодня, въ 40-й день кончины почившей, сборъ для увѣковѣченія памяти М. Г. Савиной.

Не можетъ быть сомнѣнія, что мысль эта найдетъ сочувственный откликъ не только среди актеровъ, но и среди лицъ, любящихъ высокое театральное искусство.

Пусть каждый дастъ, что можетъ, что хочетъ—и изъ этихъ доброхотныхъ жертвъ составится въ общей массѣ капиталъ, достаточный для того, чтобы достойнымъ образомъ почтить память незабвенной артистки русской сцены.

РѢЧЬ.

(Петроградъ).

9—IX—1915. № 248.

† М. Г. САВИНА.

Впачалѣ—извѣстіе о кончинѣ и краткое описаніе послѣднихъ дней жизни.

М. Г. Савина родилась 30-го марта 1854 года въ Каменецъ-Подольскѣ. Отецъ ея, Г. Н. Подраменцевъ, былъ учителемъ рисованія и часто игралъ на сценѣ подъ фамиліей Стремлянова. Въ концѣ 50-хъ годовъ онъ всецѣло отдался театру и кочевалъ по городамъ юга Россіи.

Въ первый разъ М. Г. Савина выступила на сценѣ восьмилѣтней дѣвочкой въ драмѣ «Эсмеральда», поставленной въ Одесскомъ Городскомъ театрѣ. Затѣмъ, она играла мальчика въ драмѣ Полевого «Уголино или Башня голода». Въ августѣ 1869 года она вошла въ составъ Минской труппы на жалованье въ 30 рублей въ мѣсяцъ и дебютировала въ роли Глашеньки въ водевилѣ «Бѣдовая бабушка». Послѣ успѣха въ водевилѣ «Гамлетъ Сидоровичъ» ей прибавили 10 рублей и дали полъ-бенефиса. Затѣмъ, М. Г. Савина играла съ возраставшимъ успѣхомъ въ Харьковѣ, Калугѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Орлѣ, Саратовѣ и др. Она выступала съ одинаковымъ успѣхомъ и въ водевиляхъ, и въ опереткѣ, и въ драмѣ. Въ Калугу она поѣхала вмѣстѣ съ актеромъ Н. Н. Савинымъ, за котораго вышла замужъ въ Харьковѣ.

Въ Петербургъ М. Г. пріѣхала въ 1874 году, и, послѣ блестящаго дебюта въ Благородномъ Собраніи, она была приглашена на Александринскую сцену, гдѣ выступила 9-го апрѣля того же года, въ роли Кати въ комедіи «По духовному завѣщанію». На Александринской сценѣ въ то время чувствовался недостатокъ въ молодыхъ актрисахъ, и это сильно способствовало ея быстрому успѣху. Имя М. Г. Савиной сдѣлалось особенно популярнымъ въ концѣ 1874 года, когда она сыграла главную роль въ комедіи Н. А. Потѣхина «Злоба дня».

Въ теченіе 40 лѣтъ М. Г. Савина играла самыя разнообразныя роли. Объ этомъ свидѣтельствуетъ перечень наиболѣе выдающихся ролей ея репертуара. М. Г. Савина выступала въ роляхъ Елены въ «Злобѣ дня», Даши въ «Мишурѣ», Дуни въ «Ночномъ», Ѳени въ «Маіоршѣ», Вѣрочки и потомъ Натальи Петровны въ «Мѣсяцѣ въ деревнѣ», Глафиры «Волки и овцы», Кондоровой въ «Нищихъ духомъ», Вари въ «Дикаркѣ», Маргариты Готье «Дама

съ камеліями», Оли въ «Свѣтитъ, да не грѣетъ», Маріи Антоновны и затѣмъ Анны Андреевны въ «Ревизорѣ», Настасьи въ «Чародѣйкѣ», Катерины въ «Укрощеніи строптивой», Тугиной въ «Послѣдней жертвѣ», Рѣпиной «Татьяна Рѣпина», Катерины въ «Грозѣ», Саши и потомъ Сарры въ «Ивановѣ», Елены Протичъ въ «Симфоніи», Василисы Мелентьевой, Ларисы въ «Безприданницѣ», Мирандолины въ «Трактирщицѣ», Лизы въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» (передѣлка Вейнберга), Магды въ «Родинѣ», Акулины во «Власти тьмы», Адды въ «Гибели Содома», Анны Демуриной «Цѣна жизни», Эммы «Джентльменъ» и т. д.

Въ 1899 году М. Г. Савина получила званіе «заслуженной артистки». Въ томъ же году состоялись ея гастроли въ Берлинѣ и Прагѣ. Исполненіемъ роли Магды въ пьесѣ Зудермана «Родина» М. Г. Савина вызвала единодушное одобреніе берлинской критики.

Досуги свои М. Г. Савина посвящала общественной дѣятельности, выражавшейся, главнымъ образомъ, въ оказаніи помощи нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ. Она принимала близкое участіе въ дѣлахъ Русскаго Театральнаго Общества, учредительницей котораго она была. Въ послѣднее время М. Г. состояла предсѣдательницей Совѣта Общества. М. Г. Савина состояла почетнымъ членомъ Театральнаго Общества, Союза Драматическихъ и Музыкальныхъ Писателей, Литературно-Художественнаго Общества, Театральной Школы имени Суворина и др.

Этотъ же некрологъ перепечатанъ: въ «Современномъ Словѣ», 9—IX—1915, № 2749; въ «Петроградскихъ Вѣдомостяхъ», 10—IX—1915, № 202; въ «Пріпишмѣ», 22—IX—1915, № 203.

† МАРІЯ ГАВРІИЛОВНА САВИНА.

Едва вѣрится: еще недавно такъ полна жизни, стремленія къ дѣятельности, всякихъ плановъ на будущее, Марія Гавріиловна Савина, казалось, такъ бодро и энергично готовится къ предстоящему возобновленію театральнаго сезона, и жизнь внезапно оборвалась... Для насъ, ея современниковъ, почти сверстниковъ, Савина—это цѣлый періодъ русскаго театра, большая страница въ нашей собственной жизни, почти эмблема русскаго сценическаго искусства за 40 лѣтъ. Гимназистами мы влюблялись въ хорошенькую артистку, дебютировавшую на провинціальной сценѣ и очаровательно игравшую въ опереткѣ; юношами-студентами мы восхищались обаяніемъ безподобной ingénue на сценѣ Императорскихъ театровъ, незабвенной «Дикаркой», «Вѣрочкой» въ «Мѣсяцѣ въ деревнѣ» и въ безднѣ легкихъ комедій и сценъ типа «Чудовище», въ которыхъ артистка заставляла забывать о пьесѣ силой личнаго очарованія; въ зрѣломъ возрастѣ мы все болѣе цѣнили и преклонялись передъ качествами первоклассной бытовой артистки, неподражаемой въ своихъ перевоплощеніяхъ. Огромный талантъ Маріи Гавріиловны развивался послѣдовательно вширь и вглубь, и она извѣдала его предѣлы въ самыхъ разнообразныхъ амплуа драматической артистки. Сотни исполненныхъ ею ролей свидѣтельствуютъ о неустанной работѣ, о чрезвычайной гибкости дарованія, о необычайной виртуозности въ умѣніи располагать своими артистическими силами. Конечно, не во всѣхъ случаяхъ успѣхъ могъ быть равный, и, быть можетъ, никто лучше самой Маріи Гавріиловны не понималъ, гдѣ было настоящее достиженіе, гдѣ только умная и обдуманная игра, безъ достаточнаго сценическаго перевоплощенія. Но когда вспоминаешь огромную скалу ролей, въ которыхъ выступала Савина, кого только она не играла въ русской бытовой комедіи, въ театрѣ Шекспира, въ испанской комедіи, въ итальянской драмѣ, во французскихъ пьесахъ Дюма и Сарду, въ историческихъ пьесахъ, въ драмахъ, трагедіяхъ, комедіяхъ, водевиляхъ, а въ ранніе годы и въ опереткѣ, то можно удивляться только универсализму ея дарованія, столь яркаго, разнообразнаго, интереснаго даже и тогда, когда достиженіе было не полнымъ. Оно было несомнѣннымъ и полнымъ по отношенію къ цѣлому ряду типовъ въ классическомъ русскомъ репертуарѣ—въ произведеніяхъ Гоголя (Марья Антоновна, Агаѳья Тихоновна), въ театрѣ Островскаго, въ олицетвореніи женщинъ Тургенева, въ драмахъ Л. Толстого, въ пьесахъ Гнѣдича и т. д. И Марія Гавріиловна вмѣняла себѣ особенно въ заслугу именно то, что она сумѣла дать сценическую иллюстрацію къ произведе-

ніямъ нашихъ классиковъ, съ которыми счастливо сочетала ее судьба. У Савиной въ высшей степени было развито чувство благоговѣнія передъ искусствомъ слова и у нея былъ настоящій культъ къ классическимъ писателямъ. Быть можетъ, еще не вполнѣ исчерпаны ея воспоминанія о личныхъ встрѣчахъ и знакомствахъ съ Тургеневымъ, Островскимъ, Гончаровымъ, Л. Н. Толстымъ, къ которымъ она относилась какъ бы къ настоящимъ «угодникамъ». И, при постановкѣ пьесъ, никогда она не думала только о себѣ, о своей роли, о томъ, чтобы выдвинуться на фонѣ безразличной игры другихъ исполнителей пьесы. Я былъ неоднократно свидѣтелемъ того, какъ въ спектакляхъ Литературнаго Фонда на сценѣ Императорскихъ театровъ она тщательно слѣдила за ансамблемъ постановки, давала совѣты молодымъ артистамъ, вникала въ разныя мелочи даже по монтировочной части, привозила альбомы рисунковъ, старинныя вещи, которыя бережно собирала и хранила. Воспитавшись на принципахъ реальнаго искусства, она реализмъ понимала широко и разносторонне, настаивая и на условіяхъ «переживанія» роли, и соблюденіи всѣхъ аксессуаровъ исторически-вѣрной постановки.

Не все только розы были на ея пути. Первенствующее значеніе, которое она достигла въ силу природнаго дарованія и неустанной работы, создало ей исключительное положеніе въ театрѣ; но, независимо отъ нѣкоторыхъ свойствъ характера въ связи съ приступами давней болѣзни печени, Марія Гавріиловна встрѣчала не разъ ошибочное толкованіе ея вполнѣ искреннихъ побужденій. Тамъ, гдѣ она искала только «праздникъ души» и благоговѣла передъ святыней искусства,—«люди, а въ особенности театральный міръ»,—писала она мнѣ въ частномъ письмѣ,—«видятъ въ каждомъ моемъ поступкѣ только разсчетъ и фальшь».

Это было глубоко несправедливо и вызывало въ ней чувство горькой обиды. Въ дѣйствительности съ ней всегда можно было договориться, такъ какъ у нея была настоящая «святая святыхъ» искусства и подлинная вѣра въ живого бога красоты. Въ ней были и весьма несомнѣнныя качества «хорошаго человѣка», помимо обаянія огромнаго таланта, живого ума, подкупающаго остроумія, блеска совершенно исключительной собесѣдницы. Ея отзывчивость къ добру сказалась въ массѣ благотворительныхъ дѣлъ, къ которымъ она была такъ или иначе причастна.

Она никому не отказывала въ помощи, когда могла помочь, и всегда съ величайшей готовностью шла навстрѣчу предпріятіямъ съ благотворительной цѣлью, неизмѣнно являясь добрымъ и надежнымъ «товарищемъ» въ такого рода организаціяхъ.

Всего три-четыре недѣли тому назадъ мнѣ пришлось имѣть довольно продолжительную бесѣду съ Маріей Гавріиловной по поводу предстоящаго театральнаго сезона. Живя рядомъ съ «Домомъ писателей», она, съ присущимъ ей игривымъ юморомъ, заявила по телефону о своемъ намѣреніи придти «на пріемъ» кліентовъ Литературнаго Фонда, но, конечно, я предупредилъ ея намѣреніе, и ея разговоръ, какъ всегда, блестящій фейерверкъ остроумія, мѣткой наблюдательности и живой воспріимчивости, на этотъ разъ былъ только прерванъ приливомъ горячаго сочувствія къ жертвамъ войны. Я объ этомъ разсказалъ въ другомъ мѣстѣ. Но, по поводу театра, сколько у нея было настоящей, искренней любви къ задачамъ нашей «образцовой» сцены; какъ колебалась она остановить свой выборъ на пьесахъ съ выигрышными для нея ролями, но недостаточно значительныхъ по своимъ литературнымъ достоинствамъ; какъ тепло отзывалась она о произведеніяхъ молодыхъ писателей, стараясь найти въ нихъ задатки будущаго развитія; какъ волновалась она по поводу посторонникъ искусству соображеній, которыя тормозили постановку той или другой заинтересовавшей ее дѣйствительно талантливой пьесы; какъ снова и снова настаивала она на необходимости соблюденія цѣлостнаго впечатлѣнія отъ спектакля,—поэтому не могли ей быть безразличны распредѣленія ролей между другими исполнителями; и какъ въ общемъ вѣрила она въ силу и устойчивую будущность русскаго искусства... На грани геніальности, какъ артистка, М. Г. Савина была и большой человѣкъ, утрата котораго тяжело отзывается въ душѣ каждаго почитателя русской сцены и преданныхъ почитателей этой во всѣхъ отношеніяхъ выдающейся личности.

О. Батюшковъ.

Эта же статья напечатана въ «Современномъ Словѣ», 9—IX—1915, № 2749.

Вѣсть о смерти Савиной поражаетъ и бьетъ по душѣ, какъ что-то ужасающе-неожиданное. Сорокъ лѣтъ пробыла она на Александринской сценѣ, годы ея были очень немолодые, врачи говорили въ послѣднее время, что организмъ ея подтачиваютъ разныя хроническія болѣзни, но, полная несокрушимой внутренней энергіи и воли къ жизни, она стойко боролась съ надвигающейся старостью и болѣзнями и, казалось, побѣждала ихъ. Глядя на эту женщину съ ея нѣсколько сухимъ выразительнымъ лицомъ и умными, зоркими черными глазами, съ властнымъ, сильнымъ въ глубинѣ, капризнымъ на поверхности темпераментомъ, съ презрительными, юмористическими и кокетливыми нотками въ голосѣ, никто не могъ допустить и мысли, что она скоро уйдетъ изъ жизни и со сцены, которую она любила такой неизмѣнной и ревнивой любовью.

Мое поколѣніе не застало Савину въ первой порѣ ея сценическаго расцвѣта. Смутно, изъ дѣтскихъ лѣтъ, встаетъ воспоминаніе объ ея игрѣ въ роли Вѣрочки въ Тургеневскомъ «Мѣсяцѣ въ деревнѣ»,—образъ тоненькой, угловато-граціозной дѣвушки въ дѣтскомъ передникѣ и съ бумажнымъ змѣемъ въ рукахъ. Тѣ, кто былъ свидѣтелемъ ея перваго появленія на казенной сценѣ, свидѣтельствуютъ о необычайной очаровательности ея юнаго тогда дарованія, брызжущаго жизнью и тонкимъ неподдѣльнымъ юморомъ. «Да, помню какъ сейчасъ: убого, по-водевильному обставленная комната и въ комнатѣ горячатся двое—какой-то старичокъ въ лысомъ парикѣ и молодой человѣкъ въ рыжемъ... Какъ вдругъ... трахъ—налѣво, за сценой, звонъ разбитой посуды, затѣмъ чей-то тонкій женскій крикъ... и изъ боковыхъ дверей выпархиваетъ на сцену, точно весенній вихрь, молодая стройная брюнетка въ свѣтло-зеленомъ шелковомъ платьѣ, съ бѣлымъ вѣеромъ въ рукахъ... Глаза брюнетки горятъ, какъ уголья, ноздри нервно раздуваются, вѣеръ ходитъ въ тоненькихъ пальцахъ ходуномъ. «Что такое?»... озадаченъ водевильный папаша въ лысомъ парикѣ. Но очаровательная брюнетка едва можетъ говорить отъ волненія: «О, ужасное происшествіе... Представьте, мой попка, мой милый попка... окно было открыто, и онъ улетѣлъ!» Дальше она не въ состояніи говорить, и изъ глазъ ея готовы брызнуть слезы досады... И вотъ, какъ только она выпорхнула и заговорила, со сцены повѣяло настоящей, не водевильной, властно захватывающей жизнью—и въ зрительной залѣ почуялось то невольное радостное волненіе, которое производитъ всегда въ самой будничной толпѣ дыханіе истиннаго таланта. Что-то будетъ дальше?—подумалось про себя каждому»...

Такъ описываетъ первые успѣхи Савиной на Александринской сценѣ покойный И. Щегловъ, одинъ изъ самыхъ восторженныхъ почитателей ея таланта. Къ сожалѣнію, говоритъ онъ дальше, расцвѣтъ ея таланта совпалъ съ господствомъ на Александринской сценѣ «передѣлочной» литературы съ Викторомъ Крыловымъ во главѣ: какъ извѣстно, пьесы Островскаго при жизни ихъ автора не пользовались особымъ гостепріимствомъ со стороны Дирекціи, «и на сценѣ Александринки безпечно рѣзвилась Крыловская семья»—разные «Сорванцы», «Чудовища», «Баловни»... Талантъ Савиной, вносившей острыя характерныя черточки въ трафаретные образы поддѣльной сценической литературы, сообщалъ имъ какую-то эфемерную жизненность и пикантную красоту. Молодая артистка чаровала публику своимъ кокетливымъ комизмомъ и, невольно опьяняясь своими успѣхами, становилась—независимо отъ характера исполняемыхъ ею ролей—настоящей «grande-coquette» русской сцены. Ей не нужно было много работать ради успѣха, публика баловала ее, награждала рукоплесканіями за всякое проявленіе ея живой, задорной и находчивой женственности и природнаго юмора на сценѣ. Она расцвѣтала и зрѣла среди соблазновъ сценической славы въ тотъ періодъ, когда публика—даже избранная публика первыхъ представленій—не предъявляла глубокихъ и, такъ сказать, принципіальныхъ художественныхъ требованій къ сценическому искусству. Но настоящій большой и сильный художественный талантъ жилъ въ Савиной въ соединеніи съ бдительнымъ умомъ и крѣпкой волей. Она умѣла цѣнить настоящую художественную литературу. Она знала секреты настоящаго сценическаго творчества и художественнаго перевоплощенія и, когда хотѣла, умѣла подойти къ созданію роли съ строгой серьезностью и передать ее съ высокимъ мастерствомъ, съ тон-

чайшей чеканкой характерныхъ деталей. Казалось, ея огромный насыщенный умомъ талантъ велъ въ ней постоянную борьбу съ нѣсколько однообразными пріемами и навыками балованной женщины и увѣренной въ себѣ артистки и заставлялъ ее доискиваться въ иныхъ роляхъ смѣлой и богатой оттѣнками художественной правды. Ея великолѣпная мимика и чрезвычайно рѣдкое у женщинъ искусство грима позволяли ей иногда создавать на сценѣ образы чрезвычайной рисуночной силы, и чѣмъ дальше она уходила въ той или иной роли отъ своей накрѣпко сложившейся сценической индивидуальности, чѣмъ болѣе отрѣшалась въ ней отъ склонности побѣждать публику личнымъ обаяніемъ, тѣмъ болѣе чувствовался въ ней могучій художникъ. Вспомнимъ ее въ роли старой княжны Плавутиной въ «Холопахъ» Гнѣдича, или въ роли тупой глуповатой деревенской дѣвки Акулины въ Толстовской «Власти тьмы», или въ роли старой купчихи въ «Торговомъ домѣ» Сургучева. Тутъ ничего не оставалось отъ хорошо знакомаго всѣмъ облика Савиной, отъ ея манеръ и ея жестовъ—и тутъ проявлялись и сила, и разнообразіе ея дарованія. Ясно становилось, что это дарованіе не только комическое, но и драматическое, способное подниматься до истинно-художественнаго паѳоса и захватывать правдивымъ изображеніемъ сложныхъ человѣческихъ страстей.

Около четырехсотъ ролей переиграла Савина на своемъ вѣку съ неизмѣннымъ успѣхомъ у публики; но, какъ это ни трудно произнести въ ту минуту, когда ея не стало, нужно сказать, что при всей своей неутомимости въ работѣ, она не дала своему таланту развиться во всей художественной чистотѣ и полнотѣ, что она была, по природной одаренности, еще гораздо больше, крупнѣе, значительнѣе той Савиной, которую мы знали, какъ прославленную артистку Александринской сцены.

Любовь Гуревичъ.

10—IX—1915. № 249.

Въ этомъ номерѣ помѣщенъ портретъ М. Г. Савиной (1907 г.), съ ея автографомъ: «Принимаю твой поклонъ, Борисъ Павловичъ, какъ большую честь, и не даромъ принимаю—я его заслуживаю. («Обрывъ»). М. Савина. 11—V—13».

ЧТО ПОТЕРЯЛО СЪ САВИНОЙ РУССКОЕ ИСКУССТВО?

(Набросокъ).

Послѣднимъ выступленіемъ Савиной на Александринской сценѣ была, если не ошибаюсь, пьеса Гиппіусъ «Зеленое Кольцо». Артистка изобразила даму Бальзаковскаго возраста, достаточно пожившую, но желающую еще нравиться. За одинъ актъ, гдѣ появлялась Савина, можно было посмотрѣть пьесу два и три раза. Вообще, жанръ, характерныя роли были спеціальностью покойной. Здѣсь она не знала соперницъ. Однимъ жестомъ, походкой, интонаціями голоса Савина умѣла создать типъ, навѣки выгравированный въ памяти. Комическій талантъ у нея былъ преобладающимъ. Вспомните галлерею типовъ, созданныхъ ею за послѣднія 10—15 лѣтъ. Начиная съ Марьи Антоновны въ «Ревизорѣ», кончая «Фимкой» Трахтенберга и приживалками Рышковскаго репертуара, Савина давала изумительные образцы комическаго оттѣнка. Такой, впрочемъ, она была и въ жизни. Самый пустой разговоръ не обходился безъ иллюстрацій знакомыхъ лицъ. Однимъ штрихомъ артистка рисовала человѣка съ головы до ногъ и характеристика, а иногда и прозвище оставались за нимъ навсегда. Никогда не забуду одного вечера въ кружкѣ Полонскаго. Савина вмѣстѣ съ другой артисткой разыграли пустячекъ, если не ошибаюсь, г-жи Персіаниновой. Всѣмъ извѣстно, какъ трудно играть на эстрадѣ, безъ рампы, грима и прочихъ сценическихъ аксессуаровъ. Тѣмъ не менѣе, игра Савиной претворила маленькую концертную площадку въ большой и чудесный театръ. Артистка изобразила театральную любительницу, причемъ съ неподражаемымъ совершенствомъ спѣла извѣстный цыганскій романсъ «Чертенокъ». Я думаю, послѣ такого предисловія, не трудно будетъ отвѣтить на во-

просъ, что потеряло русское искусство со смертью Савиной? Оно потеряло замѣчательную жанровую артистку, которую Провидѣніе даритъ только одну на цѣлое столѣтіе.

Баронъ И. В. Дризенъ.

Набросокъ этотъ напечатанъ также въ «Современномъ Словѣ», 10—IX—1915, № 2750.

27—IX—1915. № 266.

ЗАПОЗДАЛЫЙ ВѢНОКЪ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Марію Гавріиловну Савину прошлой весной.

Какъ всегда, она пріѣхала къ намъ поздно, послѣ какого-то благотворительнаго спектакля.

Нарядная, оживленная. Въ горностаевой шубкѣ, съ длинной ниткой крупныхъ жемчугомъ на шеѣ.

Актеры любятъ это поздпее время, послѣ спектакля.

Позади—яркая зала, успѣхъ, шумные аплодисменты.

Нервы нѣсколько приподняты. Ощущеніе силы, свободы. Желаніе нравиться, увлекать.

И въ этотъ вечеръ Марія Гавріиловна была особенно интересна, увлекательна.

Мережковскій заговорилъ о Тургеневѣ. Онъ только что прочелъ неизвѣстную доселѣ переписку Тургенева съ матерью.

И Марія Гавріиловна начала развивать длинный свитокъ своихъ воспоминаній объ Иванѣ Сергѣевичѣ.

Актеры, особенно такіе талантливые, какъ Марія Гавріиловна, не разсказываютъ, а «играютъ». Каждое лицо «изображается». Марія Гавріиловна не только п о м и н и л а, но и в и д ѣ л а. Хотѣла, чтобы мы тоже в и д ѣ л и.

«Зрителей» было только трое. Мережковскій, Гиппіусъ и я. Такой воистину художественной игры я не запомню. Точно Марія Гавріиловна играла самую любимую роль. Точно тѣ роли, на сценѣ, при горящей рампѣ, не настоящія. А вотъ эта, роль молоденькой «инженю», въ которую влюбленъ великій писатель,—подлинная, настоящая. Умные люди много спорили, долженъ ли актеръ п е р е ж и в а т ь свою роль. Но въ тотъ, памятный для меня вечеръ, Марія Гавріиловна, конечно, свою роль п е р е ж и в а л а. Въ давнихъ воспоминаніяхъ, относящихся ко второй половинѣ семидесятыхъ и началу восьмидесятыхъ годовъ, выступала другая, молоденькая, неопытная Савина, которой любовь Тургенева вскружила голову. Сидящая передо мной, умудренная жизненнымъ опытомъ артистка смотрѣла на ту, молоденькую героиню, чуть-чуть со стороны. Любила ее, восхищалась ею, но все-таки относилась къ ней, какъ художникъ.

— Я вѣдь дурехой тогда была. И просто не понимала, чѣмъ я могла привлечь вниманіе «нашего знаменитаго!» Женское чутье помогало. Мы, женщины, если хотимъ, можемъ очень чуткими быть. Вотъ и тогда. Я, глупенькая дѣвчонка, оказалась умнѣе Полонскаго. Тургеневъ пригласилъ меня въ Спасское. Тамъ Полонскіе гостили. Хорошее лѣто было. Какъ-то, поздно вечеромъ, Тургеневъ говоритъ: «Я хочу вамъ новую вещь прочесть». Пошелъ въ кабинетъ, принесъ рукопись. Очень волновался. Это была «Пѣснь торжествующей любви». Прочелъ.. Спрашиваетъ, нравится ли? А что я могу отвѣтить? Поняла я плохо, толково сказать что-нибудь не могла. Но очень мнѣ понравилось. А Полонскій прямо сказалъ: «Нехорошо. Я тебѣ совѣтую не печатать. Не поймутъ и выругаютъ». Иванъ Сергѣевичъ огорчился. Хотѣла его утѣшить. Но женское чутье подсказало, что словами, разсужденіями его не утѣшишь, да ничего умнаго я ему и сказать не умѣла. Говорю: «Пойдемте въ садъ!» Онъ пошелъ съ радостью. Мы долго гуляли, до разсвѣта. Когда птицы стали просыпаться, онъ каждую по имени мнѣ называлъ. Узнавалъ ихъ по голосу. Предсказывалъ, которая изъ нихъ раньше проснется, какъ пѣть будетъ. Хорошо было. И какъ онъ благодарилъ меня! Вотъ, теперь на провѣрку

вышло, что я, дуреха, умнѣе Полонскаго была! Вѣдь «Пѣснь торжествующей любви» замѣчательная вещь! Теперь бы я ему сумѣла объяснить, почему она мнѣ понравилась!»

Но свитокъ воспоминаній еще не развернутъ до конца. Идетъ длинный разсказъ о Кадминой, харьковской артисткѣ, отравившейся на сценѣ изъ-за несчастной любви. Это Савина дала матеріалъ для «Клары Миличъ», гдѣ выведена Кадмина. А сколько разъ она играла «Татьяну Рѣпину»!

И опять Кадмина была передъ нами, какъ живая. Порой, казалось, что Савина къ ней безпощадна. Но это была безпощадность художника. Говорили, что Валентинъ Сѣровъ писалъ «безпощадные» портреты. Такой же художественный образъ дала намъ и Савина. Кому, какъ не ей, понимать женское естество, да еще естество актрисы!

А потомъ—опять Тургеневъ. Уже почти умирающій. Въ Парижѣ. Комната наверху. Небольшая, низенькая. Внизу живетъ семья Віардо. Доносятся скучныя гаммы, рулады. Г-жа Віардо даетъ урокъ пѣнія. Кто-то стучится въ дверь. Входитъ старикъ Віардо провѣдать своего друга. Совершенная развалина. Савина вскакиваетъ—и тутъ же представляетъ старика, говоритъ его глухимъ голосомъ.

— Никогда не забуду этого ужаснаго впечатлѣнія. Нашъ Тургеневъ, наша гордость, такой заброшенный, одинокій!

— А вотъ, Димочка, я могу вамъ разсказать, какъ я обидѣлась на вашу маму. Тоже за Тургенева,—говоритъ Савина, обращаясь ко мнѣ.

Въ дѣтствѣ она всегда называла меня «Димочкой». Когда я былъ студентомъ, это меня обижало. Но въ послѣдніе годы мнѣ это было радостно. При рѣдкихъ встрѣчахъ этотъ покровительственный, интимный тонъ позволялъ мнѣ смотрѣть на Савину не какъ на «знаменитость», а какъ на Марію Гавріиловну.

— Давно это было. Литературный Фондъ устраивалъ вечеръ. Замѣчательный вечеръ. Выступали Тургеневъ, только что пріѣхавшій изъ-за границы, и Достоевскій. Дѣло было зимой. Тургенева встрѣтили очень горячо. Я радовалась. Мнѣ хотѣлось, чтобы его любили больше Достоевскаго. Но вотъ, послѣ выступленія Достоевскаго, молоденькая дѣвушка, въ бѣленькомъ платьицѣ, подноситъ Достоевскому букетъ бѣлыхъ розъ. Замѣтьте, свѣжихъ розъ! А тогда это была рѣдкость. На сценѣ намъ всегда подносили искусственные цвѣты. Отъ Поповой или Жюэри. Модные тогда магазины искусственныхъ цвѣтовъ были. Публикѣ очень это понравилось, и Достоевскому сдѣлали овацію, какъ бы въ пику Тургеневу. Мнѣ очень непріятно было. А цвѣты-то подносила ваша старшая сестра. Мама ваша ее заставила. Я потомъ вашей мамѣ не разъ это припоминала. Она тогда съ Тургеневымъ ссорилась.

До разсвѣта длились эти разсказы, продолжалась эта художественная «игра» талантливой Маріи Гавріиловны.

— Охъ, какъ засидѣлась! Ужъ свѣтло. Завтра съ утра въ Лазаретъ ѣхать. А мужъ, бѣдненькій, все хвораетъ!

— Вы бы, Марія Гавріиловна, записывали свои воспоминанія!

— Некогда, некогда. Да я и не умѣю писать. Надо диктовать. У меня, впрочемъ, гдѣ-то записано. Поѣду на Кавказъ, полечусь, а потомъ въ деревню. Тамъ и засяду за воспоминанія.

Я проводилъ Марію Гавріиловну до экипажа. Было уже совсѣмъ свѣтло, но холодновато. Она накинула свою бѣлую, горностаевую шубку и, шурша нарядным платьемъ, сѣла въ карету.

Съ тѣхъ поръ я ее не видѣлъ.

И теперь это послѣднее впечатлѣніе застилаетъ всѣ остальныя. Мнѣ кажется, что никогда я не чувствовалъ такъ ярко талантъ Савиной, ея женское чутье, которое властно руководило ею за всю долгую жизнь, какъ именно въ эту бѣлую ночь...

Д. Философовъ.

Перепечатано, подъ заглавіемъ «Тургеневъ и Савина», въ «Южной Мысли», 1—X—1915, № 1332.

ПАМЯТИ МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ САВИНОЙ.

(Еще «запоздалый вѣнокъ»).

О такихъ исключительныхъ людяхъ, какъ Савина, всегда и вездѣ пишутъ много—и о Маріи Гавріиловнѣ писали уже немало и продолжаютъ писать. Но все же повѣданное о ней до сихъ поръ не даетъ, мнѣ кажется, законченнаго представленія объ ея свѣтлой личности. Далекъ я, конечно, отъ мысли заполнить этотъ пробѣлъ и не хочу ограничиться повтореніемъ того, что всѣмъ извѣстно,—что М. Г. была обаятельная, всегда всѣхъ очаровывавшая женщина, что ея умъ былъ тонокъ и блестящъ и что любезное ея обращеніе подкупало всякаго приближавшагося къ ней и всегда порождало желаніе быть ей угоднымъ и полезнымъ. Мнѣ хочется только отмѣтить тѣ качества М. Г., о которыхъ пока сказано очень мало, и, вѣроятно, потому, что они извѣстны, главнымъ образомъ, лицамъ, приходившимъ съ ней въ болѣе близкое соприкосновеніе.

Съ Маріей Гавріиловной меня связывала,—говорю это съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія,—почти 30-лѣтняя дружба, которая поддерживалась не только обычными отношеніями паціентки къ врачу, но еще общими духовными связями съ литературнымъ и артистическимъ кругами, въ которыхъ и мнѣ приходилось много вращаться.

Въ Одессѣ, куда, будучи хворымъ, въ концѣ августа я поѣхалъ за отдыхомъ и солнцемъ, изъ газетной телеграммы узналъ о смерти М. Г. и этимъ извѣстіемъ тѣмъ сильнѣе былъ пораженъ, что незадолго до отъѣзда изъ Петрограда видѣлъ М. Г. у себя въ относительно хорошемъ состояніи здоровья и довольной своимъ леченіемъ въ Ессентукахъ, куда я ее лѣтомъ направилъ. Разставаясь съ М. Г., я не думалъ, что мнѣ, болѣе нездоровому, придется ее пережить!..

Первые отклики печати на опечалившее всю Россію событіе я нашелъ въ одесскихъ газетахъ и въ нихъ же встрѣтилъ сердечныя отмѣтки, которыя породили во мнѣ желаніе написать настоящія строки.

Одна газета написала:

«Отзывчивость и доброта Савиной, ея готовность услужить и быть полезной извѣстны только тѣмъ, кому доводилось непосредственно сталкиваться съ этой замѣчательной женщиной. Еще двѣ недѣли тому назадъ на просьбу, посланную по телеграфу, похлопотать передъ министромъ Народнаго Просвѣщенія о принятіи въ Новороссійскій университетъ сына театральнаго дѣятеля К. (еврея), полученъ былъ немедленный отвѣтъ: «Сдѣлаю все отъ меня зависящее, усердно хлопочу. Савина».

Это обѣщаніе М. Г. не замедлила исполнить, и просьба ея была удовлетворена.

Въ другомъ мѣстѣ читаю:

«Лѣтъ 20 тому назадъ я обратился къ М. Г., въ бытность ея въ Одессѣ, съ просьбой помочь бѣдственному положенію артистки Ж. Она усадила меня, подробно разспросила о Ж. и обѣщала сдѣлать все возможное для облегченія ея участи, а «пока»,—сказала она,—«передайте Ж. 25 рублей, не говоря, отъ кого они». Благодаря хлопотамъ и стараніямъ М. Г., госпожа Ж. до сихъ поръ получаетъ ежемѣсячное пособіе отъ Театральнаго Общества.

А сколько такихъ добрыхъ дѣлъ совершала Марія Гавріиловна! По личнымъ свѣдѣніямъ, могу сказать—нѣтъ имъ числа! И какъ удивительно разнообразна и широка была ея неутомимая гуманитарная дѣятельность!

Перебирая на память и по письмамъ М. Г., которыхъ у меня за 30 лѣтъ набралось немало, относящіеся къ этому факты, и сейчасъ дивлюсь, какъ и всегда дивился, многочисленности и разнообразію сердечныхъ заботъ М. Г. о ближнихъ. О комъ и о чемъ только она не хлопотала и кого только она не благодѣтельствовала!..

Что она заботилась объ обезпеченіи врачебной помощью больныхъ театральныхъ тружениковъ (всевозможныхъ россійскихъ театровъ) и многочисленныхъ недужныхъ родственниковъ, близкихъ и дальнихъ, и что за этимъ она неустанно обращалась къ знакомымъ врачамъ, среди которыхъ у нея было много друзей и горячихъ почитателей,—понятно!.. Но вотъ что удивительно: занятая съ утра до ночи на Александринской сценѣ и созданнымъ, и взлелѣяннымъ ею Убѣжищемъ артистовъ, перегруженная общими дѣлами театра и Суворинской Школы, то и дѣло устраивавшая благотворительные спектакли, М. Г. находила время изо-дня въ день являться ходатаемъ по всякимъ дѣламъ, съ которыми къ ней постоянно обращались не только люди, ее знавшіе, но и совершенно посторонніе. Сердце и домъ ея всегда и для всѣхъ были открыты, и всегда она была готова помочь всякому обращавшемуся къ ней. Неудивительно поэтому, что сегодня она хлопочетъ о помѣщеніи въ институтъ на безплатную вакансію дочери провинціальнаго артиста, завтра—объ увеличеніи пенсіи маленькому чиновнику посторонняго вѣдомства, послѣзавтра—о принятіи сына режиссера Александринскаго театра въ число студентовъ Военно-Медицинской Академіи, затѣмъ—о помѣщеніи бѣдной старушки въ богадѣльню, и т. д., и т. д. Вѣчно стучалась она къ власть имущимъ и къ дѣятелямъ всевозможныхъ профессій и положеній, хлопоча за другихъ. И, за весьма рѣдкими исключеніями, благодаря личнымъ качествамъ, она находила у всѣхъ не только радушный пріемъ, но и удовлетвореніе своихъ ходатайствъ.

Еще одна благородная черта Маріи Гавріиловны. Извѣстно, какъ большинство артистовъ неохотно откликается на просьбы участвовать въ благотворительныхъ вечерахъ и какъ, обыкновенно, крупные артисты трудны въ этомъ отношеніи на подъемъ. И вполнѣ это понятно, въ виду безбожной эксплоатаціи, которой они обычно подвергаются. Марія Гавріиловна среди звѣздъ артистическаго міра въ этомъ отношеніи составляла исключеніе: она всегда, когда могла, соглашалась на участіе въ благотворительномъ спектаклѣ или вечерѣ, и я не знаю, былъ ли хотя одинъ случай отказа съ ея стороны безъ серьезнаго на то основанія!..

Упоминая о «вечерахъ», не могу умолчать, что къ намъ, врачамъ, которыхъ М. Г. часто называла «истинными друзьями человѣчества», она относилась особенно доброжелательно и участливо и весьма охотно откликалась на наши просьбы. «Долгъ платежемъ красенъ»,—говаривала она съ любезной улыбкой, когда слышала обычныя извиненія за причиняемое ей безпокойство. Такое къ намъ доброе отношеніе, въ которомъ сквозило стремленіе проявить благодарность за оказанныя въ разное время услуги, ярко сказалось въ участіи М. Г. въ пріемахъ, устроенныхъ въ Петроградѣ въ честь членовъ двухъ съѣздовъ русскихъ терапевтовъ. Тутъ М. Г. превзошла себя. Она не ограничилась личнымъ выступленіемъ въ вечерахъ, но еще всячески старалась обезпечить имъ успѣхъ: сама приглашала другихъ артистовъ, заботилась о доставкѣ бутафоріи для маленькихъ пьесъ, лично ею поставленныхъ, и хлопотала во-всю.

Вообще, чувство благодарности было развито въ М. Г. въ высокой степени: она никогда не забывала оказанныхъ ей самой и другимъ, по ея просьбамъ, услугъ, какъ бы ничтожны онѣ ни были и всегда, рано или поздно, въ той или другой формѣ,—всегда деликатной и нерѣдко преувеличенной,—проявлялась ея признательность!..

И была Марія Гавріиловна человѣкомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова и, будучи яркой звѣздой Божіей милостью, она не только свѣтила на сценѣ, озаряя и воспламеняя поклонниковъ театра, но и согрѣвала въ жизни всѣхъ тѣхъ, которые имѣли счастье приходить съ нею въ соприкосновеніе.

Излюбленнымъ девизомъ Савиной, какъ извѣстно, были слова: «Сцена—моя жизнь», но они не даютъ, по моему, цѣльнаго представленія о свѣтлой личности Маріи Гавріиловны. Къ слову «сцена» я прибавилъ бы: «и благородныя дѣла»—и выразилъ бы девизъ такъ: «Сцена и благородныя дѣла—жизнь Савиной».

Левъ Бертенсонъ.

М. Г. САВИНА.

(Къ полугодовому дню кончины).

Прошло полгода со дня смерти Савиной.

Снѣжный покровъ зимы готовъ уже стаять, близки первые солнечные дни, и мысль съ трудомъ возстановляетъ въ памяти то осеннее утро, когда толпа провожала гробъ великой артистки.

Но если тускнѣютъ личныя впечатлѣнія, то съ ходомъ времени все ярче и опредѣленнѣе вырисовывается общій характеръ событія.

И я хотѣлъ бы поговорить о немъ съ полной мѣрой той исторической объективности, которая такъ или иначе вступитъ въ свои права и поздно или рано заставитъ высказать истинно безпристрастное слово.

Въ послѣднихъ рѣчахъ о великой артисткѣ было много глубоко трогательнаго. Но надо сознаться, что и въ рѣчахъ, и въ некрологахъ никто не уловилъ тѣхъ послѣднихъ обобщеній, которыя, сливая воедино жизнь и творчество, разъ и навсегда намѣчаютъ обликъ дѣятеля искусства. Образъ Савиной манилъ къ себѣ множествомъ самыхъ обаятельныхъ чертъ. Но этому чувству не рѣшались отдаться цѣликомъ. Не потому ли, что тутъ чудилась измѣна предъ рядомъ другихъ, вставшихъ изъ прошлаго образовъ? Но чѣмъ же была Савина? И въ чемъ стихія ея творчества, которая не могла не быть въ гармоніи съ духовнымъ обликомъ артистки?

Въ разсказахъ о первыхъ тріумфахъ молодой Савиной меня особенно трогаетъ разсказъ о томъ, какъ артистка облюбовала «Мѣсяцъ въ деревнѣ» и сыграла роль Вѣрочки. Тяга къ Тургеневу—надежный показатель тонкаго артистическаго вкуса. Тутъ же, къ удивленію самого автора, была выбрана та роль, въ которой, казалось, совсѣмъ не было матеріала для игры. Но Савина вышла побѣдительницей, связавъ, такимъ образомъ, свое имя съ цѣпью одинокихъ предшественниковъ театра настроеній. Были и еще подвиги—впервые на Александринской сценѣ правильно переданные образы Островскаго: Дуня—въ «Не въ свои сани не садись», Глафира—въ «Волкахъ и овцахъ» и другіе типы того же драматурга.

Что тутъ чувствовались и вѣрность быту, и дорогой для русскаго искусства лиризмъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній. Болѣе того! Самый успѣхъ Савиной, повидимому, обусловливался именно этими чертами ея таланта, которыми далеко не обладали ея предшественницы. Такъ, Снѣткову, перешедшую къ Островскому прямо изъ Театральной Школы, упрекали въ томъ, что въ ея обрисовкѣ провинціальныя купчихи слишкомъ напоминаютъ петербургскихъ барышень. Что же касается Читау, то описанія ея игры и, вообще, говорятъ о какомъ-то иномъ стилѣ исполненія. Въ роли Дуни въ «Не въ свои сани не садись» она, бросаясь передъ отцомъ на колѣни, заставляла всѣхъ рыдать въ послѣдней сценѣ комедіи. Странное преувеличеніе, слишкомъ отдающее привкусомъ мелодрамъ! Савина играла мягче, проще—и оттого, конечно, жизненнѣе. Всѣмъ этимъ она подкупала вначалѣ—и тому же знамени осталась вѣрной до конца. За это говоритъ не только безконечный рядъ русскихъ рецензій. Ту же черту уловила и западная критика, при гастроляхъ артистки за границей. «Сценическія посредственности, прибѣгающія къ эффектамъ, могутъ ее легко опередить во внѣшнемъ успѣхѣ... Она, вообще, дерзаетъ быть простой, не напоминать собой «актрису», игнорируя совершенно настроенія и слабости публики»,—вотъ доминирующая черта тамошнихъ рецензій.

Талантливый Максиміліанъ Гарденъ, сдѣлавъ тѣ же выводы, пошелъ отъ стиля артистки къ весьма любопытнымъ и глубоко лестнымъ для насъ обобщеніямъ. Онъ угадалъ, что лиризмъ долженъ быть свойственъ и русской драмѣ, и говорилъ, что у нашихъ драматурговъ напрасно было бы искать искусства находить интригу и быстро развивать ея туго завязанный узелъ. Все это цѣнится на Западѣ, но русскому писателю свойственна точка зрѣнія повѣствователя. И тутъ новое обобщеніе—отъ литературы къ духу политическаго уклада. «Европеецъ любитъ летѣть къ цѣли на скоромъ поѣздѣ; онъ предпочитаетъ быстро перелистывать книгу,

которая даетъ ему въ вечерній часъ досуга коротенькое отдохновеніе отъ дневныхъ трудовъ». Но во владѣніяхъ царя все двигается медленно, и русскій «наслаждается самимъ процессомъ путешествія, которое пріятнымъ образомъ нарушаетъ печальную монотонность его существованія». Къ тому же и психологія русскаго человѣка совсѣмъ особая. Тамъ даже въ преступникѣ видятъ только несчастнаго, для котораго творческая фантазія создаетъ тысячи смягчающихъ обстоятельствъ. Но разъ откинуто раздѣленіе на ангеловъ и чертей, вполнѣ хорошихъ и безусловно дурныхъ людей, мы лишимъ пьесы подлиннаго драматическаго нерва.

Дать угадать все это или хотя бы укрѣпить давно напрашивавшіеся выводы этого рода могъ лишь истинно великій талантъ, связанный духовнымъ единствомъ съ лучшими представителями русской литературы. И Савина выполнила эту задачу, заставивъ Гардена сказать въ концѣ концовъ: «Русскимъ актерамъ нѣтъ надобности учиться на Западѣ естественности, которая у насъ теперь цѣнится такъ дорого въ области высокаго искусства».

Служеніе художественному реализму, вѣрность быту и красотѣ—вотъ что было написано на знамени Савиной. И если мы вспомнимъ, что лучшее время ея карьеры, отъ семидесятыхъ и до половины девяностыхъ годовъ, совпало съ господствомъ реализма, какъ единственной литературной школы, мы сразу уловимъ крупную заслугу артистки въ исторіи русскаго сценическаго искусства.

Но такія заслуги складываются далеко не всегда одинаково. Въ искусствѣ бываютъ предтечи, которые приходятъ слишкомъ рано, какъ Мартыновъ, актеръ настроеній, въ сороковыхъ годахъ не удовлетворявшійся Гоголемъ и прозрѣвшій дали новыхъ литературныхъ достиженій. И бываютъ геніи-собиратели, которые подобно Щепкину приходятъ дать новое, не отвергая прекрасное старыхъ сценическихъ формъ. Савина неизмѣримо ближе въ своемъ новаторствѣ къ пути Щепкина. Она была слишкомъ глубоко связана съ прошлымъ нашего театра и хоть не являлась питомицей Театральнаго Училища, но была питомицей самого театра, который въ лицѣ старыхъ актеровъ привилъ ей все, что было хорошаго въ доброй традиціи русской сцены. Пятилѣтнимъ ребенкомъ, будущая премьерша драматической сцены глядѣла изъ-за кулисъ на балетную артистку. «Я дрожала отъ восторга, слѣдя за граціозными танцами и со слезами на глазахъ покинула театръ послѣ конца спектакля»,—вспоминала она потомъ. Водевиль съ куплетами заставилъ ее съ первыхъ же шаговъ подумать о пѣніи. Жестъ, голосъ—все развивалось слитно съ драматическимъ искусствомъ. Но и самая способность тонко разрабатывать комедійную роль,—«діалогъ вести, что кружева плести»,—могла зародиться при первыхъ урокахъ тѣхъ артистокъ провинціальной сцены, которыя слыхали навѣрно о Каратыгиной и Самойловой, давно преодолѣвшихъ и граціознаго Мюссе и сознательно блѣднаго въ развитіи интриги Тургенева.

Теперь, когда любящей рукой близкаго человѣка собирается все, что можетъ бросить свѣтъ на жизнь и творчество великой артистки, такія догадки можно скрѣплять ея подлинными признаніями. Какъ, много, напримѣръ, было потрачено усилій на то, чтобы доказать вредъ легкаго репертуара для творчества артистовъ. Но вотъ въ Школѣ Савина говорила ученикамъ о чистой и ясной дикціи и вдругъ добавила: «Знаете, чему я сама обязана хорошей дикціей?» И вмѣсто отвѣта пропѣла куплетъ:

Прими сіи корзины—
Онѣ изъ тростника,
Въ нихъ фунта три малины
И ножка индюка.

Артистка несравненнаго дара перевоплощенія, изумлявшая способностью рисовать цѣлый рядъ совершенно несхожихъ фигуръ, Савина не отвергала заслугъ стараго искусства тамъ, гдѣ эти заслуги были. Но что еще цѣннѣе, она умѣла не страшиться и новаго въ искусствѣ. Въ этомъ отношеніи очень характерна ея послѣдняя рѣчь къ ученикамъ, сказанная весной прошлаго года.

Объявивъ о приглашеніи преподавателемъ В. Э. Мейерхольда, артистка сказала:

— Театръ идетъ впередъ, и вы должны идти съ нимъ. Вамъ надо знать и умѣть играть Метерлинка. Этому я васъ научить не могу. Я очень люблю Метерлинка и, можетъ быть, очень бы хотѣла играть его, но я не могу... Я буду васъ учить играть классиковъ, а новые люди пусть учатъ васъ играть новое.

«Въ ея голосѣ»,—добавляетъ разсказавшая мнѣ это ея ученица,—«я не уловила грусти, нѣтъ, она сказала это отъ всего сердца, хорошо зная цѣну тому, что можетъ она, и привѣтствуя все молодое. Теперь я особенно почувствовала ея великую любовь къ театру».

Савина знала, что внесено ею въ сокровищницу русской сцены, и это сознаніе позволяло ей безбоязненно признавать законность дальнѣйшихъ путей театра. Но такое чувство кладетъ отпечатокъ на весь обликъ дѣятеля искусства. И артистка рисуется намъ строгой, гордо спокойной, съ холодкомъ неизмѣнной увѣренности въ себѣ.

Но развѣ это заграждаетъ пути къ тому, чтобы характеризовать личность артистки въ ея цѣломъ и уничтожить то досадное раздвоеніе, которое неизмѣнно чувствуется въ тѣ минуты, когда сотни людей единодушно говорятъ о заслугахъ почившей въ дѣлѣ личнаго сочувствія всякому, кто нуждается въ помощи, и на поприщѣ всѣмъ извѣстной и давно оцѣненной дѣятельности въ Театральномъ Обществѣ? Не сказывается ли и тутъ власть шаблона? Мы слишкомъ много страдали въ прошломъ и насъ пугаетъ уравновѣшенность. Въ игрѣ Савиной былъ драматизмъ, но намъ мало ноты страданія. Намъ нужна тоска безпросвѣтной муки, вопль навѣки придавленнаго, безсильно гибнущаго существа. Тогда, о тогда мы поклонимся страданію и откроемъ святая святыхъ своей души, какъ открыли его для страдальца Мочалова и вѣчно грустнаго Мартынова.

Въ драматизмѣ Савиной не было этой черты, и ей не заплатили дани того «жалѣнія», которому такъ охотно отдается русскій человѣкъ.

Но все же личность покойной артистки проникнута великимъ обаяніемъ, и объ этомъ нельзя не говорить, такъ какъ общественная дѣятельность Савиной требуетъ признанія сама по себѣ.

Я приведу отрывокъ изъ неопубликованныхъ еще воспоминаній близкаго къ Савиной лица. Отъ него вѣетъ такой искренностью, и онъ такъ приближаетъ къ истинному разумѣнію личности великой артистки.

«Въ минуты шумнаго успѣха Савина казалась такой спокойной и гордо-увѣренной. Ея образъ казался неотдѣлимымъ отъ славы и почета, которыя окружали ее. А, между тѣмъ, какъ часто знаменитая артистка обращала взглядъ назадъ, къ той суровой, полной нужды и лишеній жизни, которую она знала далеко не по однимъ разсказамъ. Помню, разъ въ Одессѣ Савина предложила мнѣ прокатиться съ нею. Мы долго ѣхали и остановились, наконецъ, у стараго каменнаго дома. Савина вышла изъ кареты, и мы прошли во дворъ. Тутъ она долго смотрѣла на все окружающее и вдругъ заплакала.

— Что съ вами?—удивленно спросила я.

— Тутъ, въ томъ подвалѣ, гдѣ теперь виситъ вывѣска лудильщика, я провела свои дѣтскіе годы,—объяснила мнѣ Марія Гавріиловна и, затѣмъ, доставъ изъ портмонэ двадцатипятирублевую бумажку, сказала:—Я не хочу, чтобы меня узнали. Пойдите вы, спросите, кто здѣсь живетъ теперь, и передайте имъ деньги, скажите, что это отъ Маріи.

Въ подвалѣ жила семья еврея-лудильщика. Я объяснила, въ чемъ дѣло, и передала деньги. Изумленію этихъ людей не было границъ.—«Кто она? Гдѣ она живетъ?»—набросилась на меня жена лудильщика. Я снова повторила, что деньги прислала нѣкая Марія, которая когда-то жила здѣсь, и что больше я о ней ничего не знаю.—«Ну, такъ я сама знаю, кто прислалъ эти деньги!»—закричала еврейка.—«Это Богъ сжалился надъ нами и прислалъ намъ помощь, видя наше безысходное горе». Я не стала разувѣрять ее и поспѣшила скрыться».

И не разъ возставали въ памяти артистки картины суроваго прошлаго.

«Въ другой разъ»,—разсказываетъ то же лицо,—«проѣзжали мы какъ-то мимо торговки жареными каштанами. Савина вдругъ приказала кучеру остановиться.

— Купите, ради Бога, купите мнѣ у нея каштановъ,—обратилась она ко мнѣ.—Но только на три копейки, не больше, не меньше! Вотъ вамъ и деньги.

Я вылѣзла изъ кареты и купила каштановъ; дали ихъ всего три штуки.

— Такъ мало!..—съ грустью протянула Марія Гавріиловна и поднесла одинъ изъ каштановъ ко рту, чтобы откусить отъ него кусочекъ. Но вдругъ она отвела руку и тихо сказала:— Нѣтъ! Теперь я слишкомъ сыта для этого...

Ея глаза были полны слезъ, и на мои разспросы Савина разсказала, что въ раннемъ дѣтствѣ онѣ съ сестрой знали только одинъ подарокъ—три копейки на каштаны».

При этихъ настроеніяхъ сочувствіе другимъ рождалось само собою. И Савина умѣла отдаваться этому чувству.

Въ опубликованныхъ уже матеріалахъ приводятся десятки примѣровъ, когда артистка, все забывая, шла на помощь едва знакомымъ людямъ, порою вовсе не принадлежавшимъ къ сценѣ. Что же касается работъ Савиной въ Театральномъ Обществѣ, о нихъ такъ говоритъ одинъ изъ ея сотрудниковъ: «Дѣятельность Маріи Гавріиловны въ Театральномъ Обществѣ была такъ широка, такъ многосторонняя, такъ всеобъемлюща, такъ проникнута глубокимъ знаніемъ дѣла, одухотворена такой любовью, такой сердечной материнской заботой, что со временемъ, несомнѣнно, должна явиться предметомъ спеціальнаго изслѣдованія».

Эти изслѣдованія, надо надѣяться, будутъ. Но пока ихъ нѣтъ, хочется вновь обратиться къ болѣе интимному, и я не удержусь, чтобы не привести еще одинъ отрывокъ изъ тѣхъ же воспоминаній старой подруги Савиной по сценѣ.

«Помню, разъ уже въ холодную ненастную погоду мы встрѣтили студента, который шелъ по улицѣ безъ пальто, въ поношенной тужуркѣ.

— Догоните, ради Бога, и дайте ему денегъ,—вдругъ сказала Марія Гавріиловна, сунувъ мнѣ въ руку нѣсколько кредитокъ.—У него, навѣрно, заложено пальто, скажите, чтобы выкупилъ.

Я еле догнала студента и быстро передала ему деньги, сказавъ, чтобы онъ не стѣснялся взять, такъ какъ даетъ ему ихъ человѣкъ богатый и даетъ отъ всей души. Студентъ машинально взялъ деньги и съ удивленіемъ уставился на меня, а я, не давъ ему опомниться, бросилась обратно.

— Скорѣй, скорѣй назадъ,—торопила меня Марія Гавріиловна, со страхомъ слѣдя, не побѣжитъ ли студентъ отдать деньги.

Но тотъ сунулъ, наконецъ, ихъ въ карманъ, и Марія Гавріиловна, облегченно вздохнувъ, велѣла все-таки кучеру поскорѣй гнать лошадей».

Кто же говорилъ обо всемъ этомъ при жизни артистки? И почему не шла молва о ней, когда она идетъ порою и при несравненно меньшихъ дѣлахъ? Мнѣ кажется, тутъ дѣйствовала какая-то особая гордость, и я опять позволю себѣ сблизить Савину-человѣка съ Савиной-артисткой.

Когда Савиной говорили о томъ, что она иногда придаетъ несимпатичныя черты какому-нибудь образу и оттого имѣетъ въ пьесѣ меньшій успѣхъ, чѣмъ другія исполнительницы,— артистка отвѣчала:

— Неправда! Я толкую это лицо такъ, какъ его только можно толковать. Успѣхъ же другихъ основанъ на томъ, что они придаютъ слащавость тому, что авторъ осуждаетъ.

Эта неумолимость въ вѣрности искусству была отмѣчена, какъ заслуга въ адресѣ литераторовъ.

Не должны ли мы отмѣтить ту же заслугу самостоятельнаго личнаго пути и въ частной жизни? Савина помогала. Но она не хотѣла, чтобы отъ этихъ настроеній личной признательности тянулись нити къ ея художественной оцѣнкѣ. Тамъ одно, тутъ другое. Но въ искусствѣ всѣмъ обязана только ему, тому великому таланту, который привелъ ее отъ захудалой провинціальной сцены къ подмосткамъ Александринскаго театра.

Говоря такъ, я не хотѣлъ бы что-либо разрушать изъ прекраснаго прошлаго русской сцены съ его воистину святыми легендами. Пусть кипучая, до конца уравновѣшенная дѣятельность Савиной не заставляетъ переоцѣнить «Мартыновское» начало личнаго страданія. Но

обновленная ими, вѣрнѣе, неизбѣжно обновляющаяся Россія должна дать мѣсто въ своемъ Пантеонѣ и другимъ героямъ, не только гонимымъ жертвамъ, но и людямъ гордаго духа и сильной воли.

И. Долговъ.

Эта же статья напечатана въ «Современномъ Словѣ», 6—III—1916, № 2925.

САРАТОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

(Саратовъ).

11—IX—1915. № 126.

† М. Г. САВИНА.

Описаніе послѣднихъ дней жизни, краткія біографическія свѣдѣнія и характеристика артистической дѣятельности—по сообщеніямъ столичныхъ газетъ.

4—XI—1915. № 238.

М. Г. САВИНА НА СЦЕНѢ САРАТОВСКАГО ТЕАТРА.

Статья В. А. Штейна.

Перепечатана въ выдержкахъ изъ «Библіотеки Театра и Искусства», IX—1915, № 9.

САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ.

(Саратовъ).

11—IX—1915. № 195.

КОНЧИНА М. Г. САВИНОЙ.

Вѣсть о кончинѣ, послѣднія минуты жизни и біографическія свѣдѣнія—по сообщеніямъ столичныхъ газетъ.

СВѢТЪ.

(Петроградъ).

10—IX—1915. № 239.

М. Г. САВИНА.

Вначалѣ приведено описаніе кончины и послѣднихъ минутъ жизни.

* * *

Закатилось «красное солнышко» Александринскаго театра. Скончалась Марія Гавріловна Савина—заслуженная артистка Императорскихъ театровъ, въ теченіе сорока лѣтъ блиставшая своимъ яркимъ огромнымъ талантомъ на сценѣ образцоваго русскаго драматическаго театра въ Петроградѣ.

Мы не станемъ перечислять всѣ пьесы (ихъ болѣе 400) обширнаго репертуара Савиной. Въ свое время газеты говорили о нихъ жителямъ столицъ и провинціи. Высокодаровитая артистка съ одинаковымъ почти успѣхомъ выступала въ пьесахъ русскихъ и иностранныхъ писателей, играя въ трагедіяхъ, драмахъ, комедіяхъ и водевиляхъ. Она играла въ пьесахъ Гоголя, Грибоѣдова, Островскаго, Л. Толстого, Тургенева, Писемскаго, Мея, Ал. и Ник. Потѣхиныхъ, Боборыкина, Аверкіева, Чехова, Шпажинскаго, Дьяченко, Антропова, Гнѣдича, А. С. Суворина, Тихонова, Вл. Немировича-Данченко, Карпова, В. Крылова, М. Чайковскаго и др. Изъ иностранныхъ авторовъ въ репертуаръ Савиной входили драмы и комедіи: Шекспира, Мольера, Лопе-де-Вега, Бомарше, Дюма-сына, Пальерона, Ожье, Ибсена, Бьернсона, Гольдони, д'Аннунціо, Зудермана, Прага, Бракко, Пинеро и др.

Разнообразное артистическое дарованіе Савиной красочно, жизненно сценически иллюстрировало: дѣвочекъ-подростковъ, крестьянокъ разнаго возраста, умныхъ и глуповатыхъ, загнанныхъ судьбой и бойкихъ-веселыхъ, салонныхъ барышень и старыхъ дѣвъ былого времени, обаятельныхъ кокетокъ и плѣнительныхъ грандъ-дамъ, бѣдовыхъ жизнерадостныхъ старухъ и строптивыхъ, честолюбивыхъ старыхъ фрейлинъ царствованія императрицы Екатерины.

Всѣ видѣвшіе Савину въ легкихъ комедіяхъ, пьесахъ-шуткахъ, въ родѣ пьесъ: «Чудовище», «Пацієнтка», «Женская чепуха», «Дамская болтовня» и другія тому подобныя—единогласно признавали въ артисткѣ огромное комедійное дарованіе. И, дѣйствительно, какъ комедійная артистка, Савина не имѣла соперницъ въ труппѣ Александринскаго театра. Это, видимо, сознавала и сама покойная теперь артистка, потому что при И. А. Стрепетовой и другихъ артисткахъ на сильно драматическія роли Савина предпочитала выступать въ комедіяхъ, преимущественно въ пьесахъ-передѣлкахъ В. Крылова (Александрова), подгонявшаго характеры, внѣшнія данныя и годы своихъ героинь къ выдающимся особенностямъ комедійнаго ея дарованія.

Впослѣдствіи Савина стала больше играть въ драмахъ, стараясь быть оригинальной въ сценическомъ творчествѣ.

Такъ, олицетворяя, положимъ, Катерину въ «Грозѣ» Островскаго, Савина изображала эту героиню «темнаго царства» въ другихъ тонахъ, чѣмъ ее изображали Стрепетова, Ермолова, Ѳедотова и Горева; она вводила въ характеристику Катерины новыя детали, а въ сценахъ съ Тихономъ, съ ключемъ, подъ аркой съ расписными картинами—другія мизансцены и интонаціи голоса.

Въ послѣднее время Савина, считаясь съ своими годами (она умерла 60-ти лѣтъ отъ роду), играла въ новыхъ пьесахъ пожилыхъ женщинъ, а иногда и старухъ. Въ пьесахъ Сургучева, Грушко, Ибсена («Призраки») и въ историческихъ драмахъ П. П. Гнѣдича («Холопы», «Ассамблея») Савина типично изображала старыхъ женщинъ.

Въ бытовыхъ комедіяхъ, какъ характерная актриса («Мірская вдова», «Фимка», «Кухня вѣдьмы»), Савина не знала соперницъ.

Савина объѣздила, какъ гастролерша, всю театральную Россію, играла въ Берлинѣ и въ Прагѣ.

Въ рескриптѣ на имя Савиной Великаго Князя Сергія Михаиловича—президента Императорскаго Театральнаго Общества (основательницей и членомъ котораго до смерти состояла М. Г.) говорится:

«Созданные вами сценическіе образы, проникнутые глубокой правдой, будутъ жить вѣчно, какъ вѣчна сама правда. Глубокая отзывчивость вашей души къ искусству звучитъ жизненнымъ откликомъ и въ жизни, проводя тѣ же принципы красоты и добра, которые составляютъ девизъ вашей жизни».

Въ адресѣ Театральнаго Общества, поданнаго М. Г., по случаю 40-лѣтія ея службы въ Александринскомъ театрѣ, сказано, между прочимъ:

«Вы гордость современнаго русскаго театра, вы театральное солнце, засіявшее яркимъ блескомъ съ первыхъ вашихъ шаговъ на подмосткахъ, которые освящены именами Дмитревскаго, Щепкина, Мочалова, Каратыгина, Сосницкаго, Самойлова».

Савина не мало трудовъ и энергіи положила на созданное ею въ Петроградѣ «Убѣжище для престарѣлыхъ артистовъ» и на руководство молодыми артистами и артистками въ бывшей Суворинской Театральной Школѣ и въ Школѣ Сценическаго Искусства Петровскаго, въ которыхъ она была директрисой.

По странной случайности, Савина умерла 8-го сентября—въ годовщину дня ея свадьбы (съ г. Молчановымъ).

Савина на сценѣ «сѣяла вѣчное» и за это «спасибо сердечное скажетъ ей русскій народъ».

Старый Критикъ.

13—IX—1915. № 242.

ПРЕДЧУВСТВІЕ СМЕРТИ.

Перепечатано изъ «Петроградской Газеты», 12—IX—1915, № 250. Такъ же, какъ и въ газетѣ «Волга», 17—IX—1915, № 196.

СЕЛЬСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

(Петроградъ).

11—IX—1915. № 194.

КОНЧИНА М. Г. САВИНОЙ.

8-го сентября скончалась на 62-мъ году жизни заслуженная артистка Императорскихъ театровъ Марія Гавріиловна Савина. Покойная считалась одной изъ лучшихъ русскихъ артистокъ.

СИБИРСКАЯ МЫСЛЬ.

(Красноярскъ).

18—IX—1915. № 38.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ ХУДОЖНИЦЫ СЦЕНЫ.

Статья Евтихія Карпова.

Перепечатана изъ газеты «День», 9—IX—1915, № 248.

СИМБИРЯНИНЪ.

(Симбирскъ).

13—IX—1915. № 2422.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Умерла Марія Гавріиловна Савина, одна изъ величайшихъ русскихъ актрисъ послѣдняго времени.

Будущій лѣтописецъ Симбирскаго театра, вѣроятно, съ большимъ душевнымъ удовлетвореніемъ отмѣтитъ, что Симбирскому театру удалось видѣть великую артистку въ своихъ стѣнахъ, а симбиряне имѣли счастье воочію убѣдиться въ поразительной мощи и непередаваемомъ словами обаяніи ея многограннаго, изумительнаго генія.

Если мы не ошибаемся, М. Г. Савина посѣтила Симбирскъ въ 1906 году и выступила на Симбирской сценѣ въ заглавной роли извѣстной пьесы Трахтенберга «Фимка» («Трещина»).

Симбирскъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, никакъ не отозвался на смерть великой артистки русской сцены.

Это сдѣлали за него «залетныя птицы»—артистки и артисты вновь сформированной для зимняго сезона труппы театра Д. С. Булычевой.

Далѣе приведены состоявшіяся на корпоративномъ собраніи труппы постановленія (см. т. I, стр. 290).

СИНІЙ ЖУРНАЛЪ.

(Петроградъ).

26—IX—1915. № 39.

Помѣщены снимки: 1) литія на площади Александринскаго театра, у окна уборной М. Г. Савиной; 2) выносъ гроба М. Г. Савиной изъ церкви къ могилѣ; 3) у свѣжей могилы М. Г. Савиной—группа родственниковъ, друзей и другихъ лицъ; 4) «М. Г. Савина въ жизни и на сценѣ въ ея любимыхъ роляхъ».

СОВРЕМЕННОЕ СЛОВО.

(Петроградъ).

9—IX—1915. № 2749.

КОНЧИНА М. Г. САВИНОЙ.

Вѣсть о кончинѣ, послѣднія минуты и некрологъ—тѣ же, что и въ «Рѣчи», 9—IX—1915, № 248.

ПАМЯТИ МАРІИ ГАВРИЛОВНЫ САВИНОЙ.

Статья О. Д. Батюшкова.

Та же, что и въ «Рѣчи», 9—IX—1915, № 248.

10—IX—1915. № 2750.

ЧТО ПОТЕРЯЛО СЪ САВИНОЙ РУССКОЕ ИСКУССТВО?

Набросокъ барона Н. В. Дризена.

Изъ «Рѣчи», 10—IX—1915, № 249.

11—IX—1915. № 2751.

ПАМЯТИ САВИНОЙ.

Со смертью Савиной не стало большого человѣка, и русская сцена лишилась первой комедійной актрисы.

Какъ властная, сильная индивидуальность, Савина въ теченіе десятковъ лѣтъ накладывала свой отпечатокъ на петроградскій Александринскій театръ, какъ Ермолова наложила печать своей личности на московскій Малый театръ.

И то, что въ московскомъ Маломъ театрѣ доминировала муза трагедіи, воплощенная въ Ермоловой, а въ Александринскомъ сверкала муза комедіи, въ лицѣ Савиной, отразилось на судьбахъ этихъ театровъ, на ихъ репертуарѣ, всегда болѣе легкомъ въ Александринскомъ, на ихъ публикѣ, на всемъ ихъ укладѣ.

Савина была особенно цѣнна на русской сценѣ, какъ рѣдкій культурный талантъ. При огромномъ природномъ дарованіи Савина была великой работницей. Она сумѣла неустаннымъ трудомъ такъ отшлифовать свой талантъ, дать ему такую тонкость ювелирной отдѣлки, такую кружевную тонкость, что и техника ея игры стояла на вершинахъ сценическаго достиженія.

Савиной приходилось преодолѣть для этого не только традиціонно русское небрежное отношеніе къ природнымъ дарамъ, но и нѣкоторыя неблагопріятныя природныя данныя. Ея голосъ неизмѣнно носового тембра, ея фигура, нѣсколько сутулая и въ болѣе молодые годы, ея лицо съ очень опредѣленно выраженной индивидуальностью—несомнѣнно, мѣшали столь необходимой для сцены полной иллюзіи перевоплощеній.

Это лицо, этотъ голосъ, эту фигуру нельзя было не узнать подъ всѣми театральными личинами, подъ всѣми костюмами и гримами. Но за этимъ внѣшнимъ была такая сила и глубина внутреннихъ перевоплощеній, такая тонкость характеристикъ, такой филигранный рисунокъ лицъ, возрастовъ и положеній, что зритель покорялся этой высшей правдой художественнаго сліянія съ ролью.

Благородный стиль высокой игры, огромный талантъ, яркій темпераментъ, блестящій умъ и великое мастерство нераздѣльно сливались въ то художественное цѣлое, имя которому было—Савина.

Въ жизни это была властная натура, кипучая, страстная, требовательная, не мирившаяся съ соперничествомъ, никому не уступавшая дороги, человѣкъ, знавшій себѣ цѣну и, какъ всѣ очень властные люди, склонный недооцѣнивать другихъ. Но и тѣ, кому не легко приходилось отъ этой властности натуры Савиной, не могли не преклоняться передъ этой своенравной и порою безпощадной царицей русской сцены, передъ ея глубокой преданностью искусству, которымъ она жила и въ которомъ она жила.

А для зрителей, для насъ, Савина всегда и неизмѣнно была радостью и счастьемъ, какую бы роль она ни играла, въ какомъ бы репертуарѣ она ни выступала.

Савина часто бывала выше своего репертуара, и когда мы смотрѣли ее на сценѣ, мы попадали подъ власть торжествующаго искусства, подъ неотразимыя чары таланта, который всегда радость.

Русская женщина во всѣхъ ея сценическихъ воплощеніяхъ, отъ крестьянки до великосвѣтской барыни, отъ наивной провинціалки до искушенной всѣми соблазнами, всѣмъ горькимъ опытомъ жизни, женщины всѣхъ возрастовъ, темпераментовъ и положеній, пропила черезъ душу этой великой актрисы и сверкала всѣми гранями жизни и искусства.

Савина тѣсно примыкала по характеру своего искусства къ плеядѣ нашихъ великихъ реалистовъ, къ тому теченію русской литературы, которое умѣло возводить жизнь въ «перлъ искусства», которое умѣло сочетать великую правдивость и естественность съ той первозданной таинственной глубиной, гдѣ берутъ начало вѣчные родники символизма, гдѣ преходящее и случайное претворяется въ вѣчную правду искусства.

И потеря Савиной для русскаго искусства—потеря неизмѣримая и надолго незамѣнимая. Осиротѣлая русская сцена облекается въ глубокій трауръ, надолго безутѣшный.

С. Любошъ.

6—III—1916. № 2925.

М. Г. САВИНА.

(Къ полугодовому дню кончины).

Статья Н. Н. Долгова.

Та же, что и въ «Рѣчи», 6—III—1916, № 64.

СОЛНЦЕ РОССІИ.

(Петроградъ).

IX—1915. № 292 (37).

На первой страницѣ этого номера помѣщены снимки: 1) «М. Г. Савина у себя въ кабинетѣ» и 2) «ея кабинетъ съ другой стороны».

Далѣе изображено—«М. Г. Савина въ жизни и на сценѣ»: портреты въ жизни—1) 1870 г., 2) 1872 г., 3) 1881 г., 4) 1889 г., 5) 1890 г. и 6) на репетиціи; портреты въ пьесахъ—7) «О, время!», 8) «Забава Путятишна,« 9) «Мѣсяцъ въ деревнѣ» (Наталья Петровна), 10) «Маіорша», 11) «Укрощеніе строптивой», 12) «На всякаго мудреца», 13) «Гроза», 14) «Ассамблея», 15) «Холопы», 16) «Власть тьмы», 17) «Въ осадномъ положеніи», 18) «Мѣсяцъ въ деревнѣ» (Вѣрочка), 19) «Татьяна Рѣпина», 20) «Ассамблея», 21) «Склепъ», 22) «Ревизоръ» и 23) «Власть тьмы».

М. Г. САВИНА.

(Странички воспоминаній).

Съ М. Г. Савиной меня связываетъ долгая полоса яркихъ, незабвенныхъ театральныхъ впечатлѣній, начиная съ отрочества и кончая послѣдними годами.

Первыя радости пробужденія чувства любви къ искусству, къ театру дала мнѣ ея игра на сценѣ. Она заставила восторженно биться впервые мое сердце при словѣ—театръ!

Я помню, съ какимъ благоговѣніемъ, съ какимъ трепетомъ я, тайкомъ отъ гимназическаго начальства, переодѣвшись въ «штатское платье», входилъ въ театръ.

Неуклюжее зданіе Орловскаго театра, скупо освѣщенное керосиновыми, коптящими лампами, представлялось мнѣ величественнымъ храмомъ. Актеры — высшими существами, одаренными способностью властвовать надъ людскими сердцами. Посѣщеніе театра — большимъ праздникомъ, на которомъ совершается какое-то глубокое, свѣтлое, волнующее душу таинство.

Я помню М. Г. Савину, юную и прекрасную, въ роляхъ наивныхъ дѣвочекъ, бойкую щебетунью, съ круглымъ, милымъ, оживленнымъ личикомъ, поющую задорнымъ голоскомъ куплеты къ публикѣ. Помню ее, стоящую на аванъ-сценѣ, въ полосатой будкѣ, въ трико, съ хлыстикомъ въ рукахъ, и бойко декламирующую монологъ «Общественнаго мнѣнія» въ опереткѣ

«Орфей въ аду»... Помню ее Орестомъ въ «Прекрасной Еленѣ»... Помню, какъ она заставляла меня проливать слезы въ роли пѣвеи, въ мелодрамѣ «Со ступеньки на ступеньку»...

М. Г. Савина, странствуя по провинціи, играла то въ Калугѣ, то въ Казани, то въ Нижнемъ-Новгородѣ, то въ Смоленскѣ... Репертуаръ ея обладалъ большимъ количествомъ ролей.

Въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ провинціальныхъ театрахъ репертуаръ былъ пестрый, крайне разнообразный. Шли мелодрамы «Уголино или Башня голода», «Розовый павильонъ», «Живая покойница», «Іоаннъ Фаустъ чернокнижникъ», «Гамлетъ» и «Отелло» Шекспира, «Коварство и любовь» Шиллера и оперетки «Орфей въ аду», «Прекрасная Елена», «Чайный цвѣтокъ», «Зеленый островъ», и «Горе отъ ума», и «Недоросль», и «Свадьба Кречинскаго», и «Ревизоръ», и пьесы Островскаго, Потѣхиныхъ, Алексѣя и Николая; царили въ репертуарѣ Дьяченко и Викторъ Крыловъ; гремѣли пьесы Антропова — «Блуждающіе огни» и «Ошибка молодости» Штеллера...

Въ то «доброе, старое время» актрисы и актеры играли все: и трагедію, и драму, и комедію, и оперетку, и водевиль...

М. Г. Савина, прежде чѣмъ заблистать яркой звѣздой на столичной сценѣ, переиграла, за пять лѣтъ скитаній по провинціи, весь этотъ обширный, пестрый репертуаръ. Это, какъ она сама говорила, была для нея прекрасная сценическая школа.

Придя на Императорскую сцену въ Петербургѣ, Савина принесла съ собою изъ провинціи не только большой репертуаръ, не только сценическій, но и жизненный опытъ женщины, которой приходилось встрѣчаться съ самыми разнообразными людьми, ведя скитальческую жизнь провинціальной актрисы.

Савина исколесила половину Россіи. Она бывала и въ помѣщичьихъ усадьбахъ, такъ поэтично описанныхъ Тургеневымъ, и въ купеческихъ домахъ, гдѣ за высокими заборами жили типы Островскаго, и въ мѣщанскихъ тѣсныхъ квартиркахъ, куда ее забрасывала судьба въ тугія времена нужды и безденежья. Видала она и крестьянскую горемычную жизнь, и чиновничью, и поповскую, и актерскую... И чего, чего только она не пережила, чего не перенспытала. И нужду, и голодъ, и счастье любви, и муки ревности, и пріятности семейной жизни, и всѣ ея ужасы. И сладость успѣха на сценѣ, и зависть товарищей, и горечь «провала»...

Савина прошла тяжелую школу театра и жизни. Но ее не сломила жизнь, а закалила. Умная, энергичная, вполнѣ приспособленная къ борьбѣ за свое я, она обладала большимъ тактомъ, выработаннымъ годами работы въ театрѣ. Вступила Савина на Александринскую сцену актрисой съ головы до пятъ.

Въ затхлую, замкнутую, темную атмосферу казеннаго театра Савина внесла свѣжій воздухъ полей и лѣсовъ необъятной Россіи.

Съ первыхъ же шаговъ ея въ Императорскомъ театрѣ, со сцены повѣяло чѣмъ-то свѣжимъ, оригинальнымъ, поэтичнымъ...

Ея Катя въ «Духовномъ завѣщаніи», одѣтая въ костюмъ, купленный М. Г. у бѣдной мѣщанки захолустнаго городка, поражала зрителя прелестью глубокаго, непосредственнаго чувства. Правдой, художественной правдой удивляли публику ея интонаціи, ея манеры держаться, кланяться, ходить, улыбаться и плакать... Наблюдательная, тонкая по уму, подмѣчавшая всякія мелочи, Савина все, что видѣла въ жизни, перенесла на сцену въ художественныхъ своихъ произведеніяхъ.

Въ сезонъ 1876—1877 гг. я увидалъ М. Г. Савину въ Александринскомъ театрѣ, въ роли Елены, въ пьесѣ «Злоба дня» Николая Потѣхина.

Пьеса, написанная на злобу дня, какъ и гласитъ ея названіе, не отличалась художественнымъ достоинствомъ, но была написана сценично и давала артистамъ хорошія «выигрышныя» роли. Обставленная первыми артистами труппы, она шла съ прекраснымъ ансамблемъ и имѣла большой шумный успѣхъ. Роль Елены довольно шаблонная, но М. Г. Савина создала изъ нея обворожительный, трогательный типъ русской дѣвушки, пассивно протестующей.

Но еще болѣе виртуозно сыграла Савина роль Елены въ «Женитьбѣ Бѣлугина». Это была, какъ выражаются актеры, «кружевная, тончайшая работа»... Сколько изумительныхъ деталей внесла Савина въ эту роль! Какія тонкія переживанія, какая мимика, какія неуловимыя, но яркія интонаціи! И сколько характерности, сколько непосредственной, жизненной правды, облеченной въ художественную форму! Поразительно!..

Періодъ съ 1874 по 1884 годъ былъ самымъ блестящимъ расцвѣтомъ сценической дѣятельности М. Г. Савиной.

Она единовластно и самодержавно царила на сценѣ Александринскаго театра. Ея успѣхъ росъ съ каждой новой ролью. Ея имя гремѣло по всей Россіи. Въ это десятилѣтіе она переиграла несмѣтное количество ролей. Она играла чуть ли не каждый день, а иногда даже въ двухъ театрахъ въ одинъ вечеръ.

Играла и Оеню въ «Маіоршѣ», и Вѣрочку въ «Мѣсяцѣ въ деревнѣ», и Кондорову въ «Нищихъ духомъ», и Дуню въ «Ночномъ», и Марью Антоновну въ «Ревизорѣ», и куму Настасью въ «Чародѣйкѣ», и цѣлый рядъ ролей въ пьесахъ В. Крылова, Ник. Потѣхина, Островскаго, Ал. Потѣхина и Шпажинскаго... Несмотря на такую колоссальную, спѣшную работу, Савина тщательно отдѣлывала всякую роль, играла стильно, соблюдая характеръ и особенности творчества каждаго автора. Она поражала тѣмъ, что не только до мелочей вѣрно изображала внѣшность эпохи и быта, но и умѣла переживать чувства героинь Гоголя, Тургенева, Островскаго въ тѣхъ тонахъ, въ тѣхъ душевныхъ формахъ, въ какихъ переживали ихъ героини этихъ авторовъ. Ея Марья Антоновна, не только по костюму, по манерамъ, но и по душѣ, по всему своему духовному складу, была дѣвушка двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, жительница захолустнаго городка, дочь Сквозника-Дмухановскаго. Ея Вѣрочка—милое дитя помѣщичьей среды сороковыхъ годовъ, со всей ея наивной робостью и глубокимъ, хотя и сентиментальнымъ, чувствомъ. Отъ ея «Дикарки» вѣяло свѣжестью луговъ и полей и вольностью воспитанной безъ матери, избалованной дѣвушки... Женщины изъ пьесъ Островскаго въ передачѣ М. Г. Савиной носили на себѣ отпечатокъ самодурства ихъ отцовъ и матерей, отпечатокъ мистицизма и покорности судьбѣ.

Въ творчествѣ М. Г. Савиной, помимо огромнаго изобрѣтательнаго таланта, вездѣ чувствовалось тонкое мастерство, поразительная наблюдательность, взятая изъ жизненнаго опыта.

Ей чуждъ былъ трагическій пафосъ, но драму она глубоко чувствовала и передавала оригинально, тонко и стильно. Источникъ ея комизма былъ неисчерпаемъ.

За полвѣка своей жизни на сценѣ М. Г. Савина далеко не использовала всего того, что ей въ такомъ изобиліи дано было природой, но она не зарыла своего таланта въ землю.

До самой могилы она работала надъ развитіемъ своего чуднаго таланта, радостно любя родной театръ, любя искусство. Она смѣло могла бы сказать, умирая:

Учитесь у меня, россійскіе актеры!..
Я роль свою сыграла мастерски.

Евтихій Карповъ.

СУМСКОЙ ВѢСТНИКЪ.

(Сумы, Харьковской губерніи).

18—IX—1915. № 205.

М. Г. САВИНА.

(1854—1915).

Біографическій очеркъ—перепечатанъ изъ журнала «Рампа и Жизнь», 13—IX—1915, № 37.

СЦЕНА И АРЕНА.

(Москва).

5—X—1915. № 19.

† МАРІЯ ГАВРІИЛОВНА САВИЦА.

Описаніе кончины, послѣднихъ минутъ и похоронъ.
Далѣе, перепечатана статья изъ газеты «Театръ», 10 и 11—IX—1915, № 1731.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОЙ.

Савина—великій художникъ слова и образовъ.

Савина—бездна прекраснаго, освѣщающаго, манящаго.

Это вчера, а сегодня ея нѣтъ, она умерла. Сегодня мы отдѣлены отъ нея обыкновенной дубовой доской. Сегодня насъ навсегда лишили возможности видѣть эти прекрасные глаза.

Сегодня передъ нами только безподобные, созданные ею образы, дышащіе такой художественной правдой.

И эти образы глубоко запали въ наши сердца. Великая мастерица такъ отдѣлывала каждый штрихъ, каждый жестъ, каждую интонацію, что они, проникнувъ въ сердца однажды, остались тамъ навсегда. Сколько прекрасныхъ минутъ радости, наслажденія, изумленія и восторга подарила намъ эта артистка!

Расцвѣтъ артистической дѣятельности Маріи Гавріиловны относится къ двумъ послѣднимъ десятилѣтіямъ прошлаго столѣтія, и мы, молодое поколѣніе, лишены были возможности видѣть во всей силѣ этотъ самородный алмазъ, переливавшійся всѣми цвѣтами радуги, но и за послѣдніе годы, если блескъ его и потерялъ незначительную долю, то все-таки сила его осталась неизмѣримой.

А потому нѣтъ силъ примириться съ этой ужасной потерей.

Должно пройти много, много времени, чтобы сгладилась острота боли и неудержной печали.

Выдающаяся русская женщина Савина, обладавшая столь чуткимъ и прекраснымъ сердцемъ, за послѣдній годъ не могла не болѣть въ душѣ тѣми болями, которыя испытывала дорогая ей родина, и, возможно, эти страданія ускорили неизбѣжное.

Трудно оцѣнить значеніе потери Савиной для театра, но не менѣе громадна эта потеря и для артистическаго міра. Міра, для котораго долгіе годы не существовало другой, болѣе искренней, преданной и энергичной заступницы его интересовъ; она же явилась одной изъ учредительницъ Императорскаго Театральнаго Общества, для укрѣпленія и упорядоченія котораго въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ неутомимо работала.

Теперь ея нѣтъ. Отнынѣ она только въ воспоминаніяхъ.

Но мы благоговѣйно отнесемся къ этимъ воспоминаніямъ, сбережемъ ихъ и свѣтлыми передадимъ новому поколѣнію.

Спи спокойно, «чародѣйка русской сцены», ты заслужила покой...

А. Ирнинъ.

СѢВЕРНОЕ УТРО.

(Архангельскъ).

16—X—1915. № 229.

НАШИ ПОЭТЫ.

(Памяти Маріи Гавріиловны Савиной).

I.

ТЫ УШЛА...

Ты ушла... Для чего ты ушла,
Когда въ мірѣ такъ много тревогъ?..
Или чистую душу отъ зла
Твоей смертью Господь уберегъ...
Міръ ужасенъ!.. Въ дыму и въ крови
Мы слѣпые бредемъ и бредемъ...
Научи насъ о т т у д а любви.
Пусть, какъ раньше, къ тебѣ мы придемъ.
Очаруй насъ со сцены весной,
Помоги—кто, страдая, усталъ,
Пусть въ восторгѣ нѣмомъ предъ тобой
Рукоплещетъ, волнуется залъ...
Ты молчишь... Ты съ собой унесла,
Чѣмъ при жизни дарилъ тебя Богъ,
И великую душу отъ зла
Твоей смертію Онъ уберегъ...

А. Андреевъ.

II.

Яркою звѣздою въ жизни ты свѣтила,
Гордой королевой ты по сценѣ шла,
Ты родную сцену всей душой любила
И съ любовью этой въ міръ другой ушла.

И осиротѣла снова наша сцена,
Свѣточи искусства гаснутъ каждый годъ,
И, облекшись въ трауръ, плачетъ Мельпомена,
Новая утрата болью душу жжетъ.

Савина угасла, нѣту ей замѣны.
Кто теперь на смѣну Савиной придетъ?
Но святая память о царицѣ сцены
Долго будетъ чтиться, долго не умретъ...

Макс. Леоновъ.

СѢВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ.

(Петроградъ).

IX—1915.

М. Г. САВИНА.

Со смертью М. Г. Савиной мы почувствовали, что послѣ столькихъ—за послѣдніе годы и мѣсяцы — тяжелыхъ утратъ Александринскому театру нанесенъ ударъ смертельный. Отъ удара этого то, что мы привыкли считать и называть стилемъ, традиціей этого театра, разсыпалось прахомъ: мнимая традиція эта, лишенная объективнаго признака преемственности, сводилась, очевидно, лишь къ многолѣтней интимной спайкѣ и глубокой взаимной согласованности нѣсколькихъ художественныхъ темпераментовъ, причемъ истиннымъ средоточіемъ, волевымъ стержнемъ, живымъ интеллектомъ этого союза талантовъ была М. Г. Савина. Другъ за другомъ ушли: Стрѣльская, съ несравненнымъ обаяніемъ русской красочной рѣчи, Варламовъ, монументальный и благодушный буффонъ, таившій сокровища подлинной и обильной чувствительности; знаменитый ансамбль былъ жестоко ущербленъ. Но не стало Савиной, и отъ «старой Александрінки» остались одни стѣны. Поколѣнію Савиной, Варламова, Стрѣльской, Далматова, Сазонова, Писарева, Медвѣдева, Жулевой, Левкѣевой—всѣхъ тѣхъ, кого казенная сцена потеряла за эти десять-двѣнадцать лѣтъ,—не наслѣдуетъ никто.

Въ этомъ глубокая несхожесть Александринскаго театра съ московскимъ Малымъ. Малый театръ—черноземъ, на которомъ всходитъ посѣвъ за посѣвомъ, правда, все болѣе истощая плодородный пластъ. Почва Александринки, сама по себѣ безплодная, оплодотворяется непрестанной прививкой извнѣ. Почти всѣ перечисленные создатели Александринской традиціи пришли въ этотъ театръ изъ провинціи, отъ просторовъ Россіи. И вотъ искусство ихъ пустило корни, но не принесло плодовъ. Имъ на смѣну является новое, чужое, пришлое поколѣніе.

Опредѣлить свойства таланта М. Г. Савиной не легко, а особенно въ краткихъ строкахъ некролога. И это тѣмъ болѣе, что давнишній споръ объ истинномъ призваніи покойной артистки, о предѣлахъ, положенныхъ ея дарованію, не исчерпанъ донынѣ и продолжается въ панегирикахъ и надгробныхъ словахъ. Одни хотятъ видѣть въ М. Г. Савиной лишь комедійную актрису; иные сводятъ это ея призваніе къ амплуа grande-coquette, говоря языкомъ старой театральной терминологіи; третьи, наконецъ, умиляются отдаленными воспоминаніями о Савиной-ingénue. Всѣ эти похвалы какъ бы молчаливо оспариваютъ у нея право на посмертную славу «драматической героини». Насъ уже не волнуютъ эти нѣсколько архаическіе споры объ «амплуа»; образъ артистки рисуется цѣлостно и слитно. Героиня или нѣтъ—то была, подобно француженкѣ Режанъ, великая «трагическая и комическая комедіантка». Конечно, исключительный, насмѣшливый и гибкій интеллектъ преобладалъ въ ней надъ стихіей наоборъ; но изъ дробныхъ элементовъ психологическаго анализа, изъ навыковъ разработанной техники властительная воля артистки строила образы привлекательности; въ носовой дикціи, заключалась, при кажущемся однообразіи, удивительная способность преображенія. Сцена была для нея не исповѣдью лирической натуры, а геніальной игрой. Искусство сценическаго протеста (Гоголь, Акулина во «Власти тьмы») уживалось въ ней съ натуралистической виртуозностью (смерть «Татьяны Рѣпиной»), съ чуткимъ мастерствомъ стиля («Мѣсяцъ въ деревнѣ», пьесы Гнѣдича), а иногда и съ напоромъ драматической стихіи (чтеніе письма въ «Цѣнѣ жизни»): большія воспоминанія множатся и разнообразятся тутъ безконечно.

И вотъ всего этого не стало. Смерть М. Г. Савиной вновь вызываетъ въ памяти вѣчное слово Шиллера о тлѣнности актерской славы. Лучшіе годы Савиной совпадаютъ съ забытымъ уже временемъ низменной театральности и упадка сценической литературы; лучшіе свои успѣхи она праздновала въ пьесахъ, которыя никогда никѣмъ ужъ исполняться не будутъ. Постепенно сотрется конкретный образъ артистки. Но легенда о Савиной будетъ расти и шириться, память о ней обрѣтетъ торжественное обаяніе историческаго воспоминанія.

Андрей Левинсонъ.

ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

(Таганрогъ).

17—IX—1915. № 244.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Статья Н. Галина.

Эта статья напечатана также: въ «Волховскомъ Листкѣ», 13—IX—1915, № 3300; въ «Донской Жизни», 13—IX—1915, № 209; въ «Курьерѣ», 13—IX—1915, № 214; въ «Золотопольскомъ Голосѣ», 16—IX—1915, № 372; въ «Александровскомъ Вѣстникѣ», 23—IX—1915, № 1011; въ «Уссурійскомъ Краѣ», 25—IX—1915, № 209. Текстъ этой статьи—см. «Волховской Листокъ».

ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

(Москва).

13—IX—1915. № 37.

На обложкѣ этого номера помѣщенъ большой портретъ М. Г. Савиной (1914 г.).

† М. Г. САВИНА.

Скончалась М. Г. Савина...

Понесло невознаградимую утрату русское драматическое искусство.

Если москвичи обычно и говорятъ, и пишутъ о томъ, что «Малый театръ немыслимъ безъ М. Н. Ермоловой», что «скорѣе можно отставить Малый театръ отъ М. Н. Ермоловой, а не ее отъ него...», то тѣмъ въ большей мѣрѣ можно было это говорить о Савиной и Александринскомъ театрѣ.

Въ теченіе почти 40 лѣтъ она была главнымъ, живымъ нервомъ этого театра.

Она создавала цѣлыя эпохи этого театра, ея талантомъ мѣрился курсъ, направленіе,—тотъ художественный путь, по которому шло русское драматическое искусство на сценѣ образцоваго театра.

Тутъ были, правда, періоды «Крыловскаго» засилія,—періодъ, когда Александринскій театръ жилъ передѣлками французскихъ водевилей, что ставится въ минусъ и Савиной, и Александринскому театру.

Но суровые критики этой эпохи забываютъ, что къ Крыловскому періоду театръ подошелъ отъ французской мелодрамы, и, слѣдовательно, эволюціонировалъ, двигался впередъ по тому натуралистическому курсу, который особенно развился потомъ, найдя себѣ дивныхъ отобразителей въ лицѣ Савиной, Стрѣльской, Жулевой, Левкѣевой, Писарева, Варламова, Давыдова, Дальскаго.

На ряду съ Крыловымъ, начавъ имъ, театръ ставилъ Островскаго, Гоголя, Грибоѣдова, Толстого, Шекспира...

Онъ первый, хоть и неудачно, но далъ намъ на сценѣ Чехова въ двухъ его пьесахъ—«Ивановъ» и «Чайка».

Театръ росъ и ширился соотвѣтственно росту и укрѣпленію таланта М. Г. Савиной.

Если при начальныхъ шагахъ своей блестящей сценической карьеры она была неподражаемымъ «Сорванцомъ», то на ряду съ этимъ у истыхъ театраловъ еще въ памяти ея образъ «Дикарки», ея Лариса въ «Безприданницѣ», а «Невольницъ» Островскаго послѣ Савиной, вѣроятно, долго не сможетъ поставить Александринскій театръ.

Поразительный діапазонъ дарованія—вотъ характерная черта угасшаго таланта М. Г. Савиной.

На ряду съ легкой изящной комедіей (Эмма Леопольдовна—въ «Джентльменѣ» Сумбатова) она играла, и при этомъ съ громаднымъ художественнымъ захватомъ, Марію Стюартъ.

Акулина во «Власти тьмы», «Волки и овцы», «Мірская вдова» Карпова свидѣтельствовали, что дарованію Савиной присуще все разнообразіе русскаго быта.

И, наконецъ, безконечный перечень пьесъ, и русскихъ, и иностранныхъ, во всей полнотѣ можетъ доказать ея громадное разнообразіе какъ драматической артистки-женщины, реально переживавшей на сценѣ всѣ эмоціи, всѣ страданія женской души.

Савиной обычно ставили на видъ, что она избѣгаетъ классиковъ, а въ «Горе отъ ума» Грибоѣдова она постепенно играла Лизу, Софью, Наталью Дмитріевну. Въ «Ревизорѣ» она была неподражаемой Марьей Антоновной и впослѣдствіи Анной Андреевной.

Какъ большой талантъ, М. Г. Савина часто увлекалась. Она брала никчемную пьесу и изъ ничтожной роли дѣлала шедевръ. Это спасало пьесу, но въ анналы театра не прибавляло литературныхъ достоинствъ.

Русскіе драматурги не могутъ жаловаться на пренебреженіе къ нимъ М. Г. Савиной. Чеховскіе «Ивановъ» и «Чайка» увидѣли свѣтъ, благодаря ея настояніямъ.

Радзивилловичъ съ своей «Исторіей одного увлеченія» началъ карьеру драматурга, благодаря Савиной. Л. Н. Урванцовъ свою первую пьесу «Фрейлина» отдалъ Савиной. Ѳедоровъ свой «Буреломъ» увидѣлъ на сценѣ, благодаря ей. Рышковъ, О. Шапиръ, Боборыкинъ, Суворинъ — словомъ, почти всѣ русскіе драматурги видѣли Савину героинею своихъ пьесъ.

Помимо большой художественной работы, М. Г. Савина несла на своихъ плечахъ большой трудъ общественный.

Основательница Русскаго Театральнаго Общества, предсѣдатель его Совѣта, она сдѣлала очень много для объединенія русской актерской громады въ тотъ чисто профессіональный союзъ, въ какой превратилось сейчасъ это Общество.

Всѣ виды благотворительной помощи артистамъ, въ видѣ Убѣжища для престарѣлыхъ артистовъ, Пріюта для дѣтей артистовъ, созданы, росли и поддерживались никѣмъ другимъ, какъ М. Г. Савиной.

Угасъ дивный драматическій талантъ! Умеръ большой человѣкъ, ярко проявившій себя всѣми видами общественности, жившій истой любовью къ искусству и его выразителямъ—русскимъ артистамъ.

Слѣдуетъ біографическій очеркъ М. Г. Савиной—изъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», 8—IX—1915, № 15076. Заключительная часть этого очерка перепечатана также: въ газетѣ «Театръ», 11—IX—1915, № 1731, и въ «Батумскихъ Вѣстяхъ», 17—IX—1915, № 1739.

Здѣсь напечатаны портреты М. Г. Савиной: 1) ребенкомъ—въ 1863 г., 2) при поступленіи на Императорскую сцену—въ 1874 г., 3) въ роли Елены въ «Блуждающихъ огняхъ» (первое выступленіе на сценѣ въ Петербургѣ—въ 1874 г.) и 4) въ концѣ 70-хъ годовъ.

САВИНА, ТУРГЕНЕВЪ И ЧЕХОВЪ.

Въ то самое время, когда ставилъ свои пьесы Островскій, цѣлый рядъ другихъ выдающихся нашихъ писателей работалъ съ неодинаковымъ успѣхомъ на поприщѣ драматургіи. Это были: Тургеневъ, Потѣхинъ, Писемскій, Алексѣй Толстой и Сухово-Кобылинъ.

Успѣхъ многихъ пьесъ, написанныхъ этими авторами, обязанъ М. Г. Савиной. Такъ, напримѣръ, Тургенева «Мѣсяцъ въ деревнѣ», который былъ поставленъ впервые въ Петербургѣ въ 1879 году, въ бенефисъ Маріи Гавріиловны.

Вотъ что разсказывала М. Г. Савина о первомъ представленіи «Мѣсяца въ деревнѣ»:

«Мѣсяцъ въ деревнѣ» первый разъ шелъ въ 1879 году, 17-го января, въ мой бенефисъ. Я долго искала пьесъ и, въ погонѣ за «литературной», наткнулась на Тургеневскую комедію.

Она никогда не была въ Петербургѣ играна, тогда какъ, несомнѣнно, заслуживала постановки. Посовѣтовалась съ товарищами и даже вынесла непріятности. Напримѣръ, Нильскій, тогдашній jeune premier, наотрѣзъ отказался играть Ракитина, находя, что въ этой роли нѣтъ никакого для него матеріала. Сазоновъ неохотно согласился играть мужа. Итакъ всѣ и во всемъ... Кромѣ, впрочемъ, одного Варламова, который на первой же репетиціи плѣнилъ меня своимъ Большинцовымъ. Я вся отдалась роли и не играла Вѣрочку, а священнодѣйствовала. Или, точнѣе, ходила по облакамъ. Между мной и публикой былъ токъ въ этотъ вечеръ. Я чувствовала, что публика любитъ меня—Вѣрочку за то, что я отдавала ей всю себя. Настроеніе у меня, вообще, было какое-то особенное всякій разъ, когда давали «Мѣсяцъ въ деревнѣ», или ужъ это мнѣ казалось... Я не ожидала такого успѣха, и когда рѣшила поставить «Мѣсяцъ въ деревнѣ», то руководствовалась только именемъ автора, а самой роли не придавала большого значенія. Обдумывать ее не собиралась, а выучила—и пошла... Но на спектаклѣ съ перваго же появленія я вдругъ почувствовала себя Вѣрочкой, и оттого всѣ мои интонаціи находили откликъ въ публикѣ. Но время шло, и съ каждымъ годомъ я чувствовала, какъ трудно мнѣ быть прежней Вѣрочкой. Наконецъ, я сказала объ этомъ Ѳ. А. Юрковскому, нашему главному режиссеру.—«Нѣтъ вы должны играть Вѣрочку всегда!»—сказалъ онъ. Но тѣмъ не менѣе я отказалась».

«Мѣсяцъ въ деревнѣ» положилъ начало знакомству М. Г. Савиной съ Тургеневымъ. Онъ жилъ тогда въ Парижѣ. Она телеграфировала ему, прося разрѣшенія на нѣкоторыя сокращенія, безъ которыхъ постановка пьесы была немыслима.

Тургеневъ писалъ:

«Согласенъ, но сожалѣю, такъ какъ пьеса писана не для сцены и недостойна вашего таланта».

И затѣмъ другая депеша:

«Успѣхъ приписываю вашему прекрасному таланту и скоро надѣюсь лично поблагодарить васъ».

Это было писано послѣ того, какъ Савина телеграфировала Тургеневу о большомъ успѣхѣ его пьесы.

О самой артисткѣ, о ея талантѣ Тургеневъ не имѣлъ еще никакого представленія и судилъ о ней по слухамъ. Но вотъ какъ-то Тургеневъ нагрянулъ въ Петербургъ и далъ знать о своемъ пріѣздѣ М. Г. Савиной.

— Разумѣется,—разсказывала артистка,—я не пошла, а полетѣла... Въ какой-нибудь мигъ предстала я передъ Тургеневымъ въ его номерѣ «Европейской гостиницы». Помню, что онъ взялъ меня за руки и сказалъ, словно заглядывая мнѣ въ душу:

— Такъ вотъ вы какая молодая! Я представлялъ васъ себѣ совсѣмъ иною. Да вы и не похожи на актрису!

Завязался разговоръ.

Тургеневъ почему-то вообразилъ, что Савина играла не Вѣрочку, а Наталью Петровну. Вѣрочкѣ онъ не придавалъ никакого значенія.

И на спектаклѣ, послѣ всѣхъ овацій, устроенныхъ ему публикой, онъ пришелъ къ Савиной въ уборную, подвелъ ее къ газовому рожку и сказалъ:

— Вѣрочка... Я даже не обращалъ на нее вниманія, когда писалъ... Все дѣло въ Натальѣ Петровнѣ... Вы—живая Вѣрочка... Какой у васъ большой талантъ...

И Тургеневъ всегда съ большой любовью отзывался о Савиной.

Онъ говорилъ, что своимъ успѣхомъ, какъ драматурга, онъ всецѣло обязанъ большому таланту Савиной.

* * *

А. П. Чеховъ высоко ставилъ талантъ Савиной. Когда режиссеръ Александринской сцены Ѳ. А. Юрковскій рѣшилъ поставить въ свой бенефисъ «Иванова», въ которомъ роль Саши Лебедевой была дана Савиной, то А. П. Чеховъ писалъ Суворину:

«М. Г. Савина согласилась играть въ моей пьесѣ Сашу, а, между тѣмъ, роль Саши чрезвычайно блѣдна и представляетъ изъ себя скудный, сценическій матеріалъ. Когда я писалъ ее полтора года тому назадъ, то не придавалъ ей особаго значенія. Теперь же, въ виду чести, какую оказываетъ моей пьесѣ М. Г., я рѣшилъ передѣлать эту роль кореннымъ образомъ, и мѣстами уже передѣлалъ такъ сильно, насколько позволяли это рамки пьесы».

Въ другомъ письмѣ А. П. писалъ:

«Мнѣ жаль бѣдную Савину, что она играетъ дохлую Сашу. Для Савиной я радъ бы всей душой, но если Ивановъ (В. П. Давыдовъ) будетъ мямлить, то, какъ я Сашу ни отдѣлывай, ничего у меня не выйдетъ. Мнѣ просто стыдно, что Савина въ моей пьесѣ будетъ играть чортъ знаетъ что. Знай я во времена оны, что она будетъ играть Сашу, а Давыдовъ—Иванова, я назвалъ бы свою пьесу «Саша», и на этой роли построилъ бы всю суть, а Иванова прицѣпилъ бы только сбоку, но кто могъ знать?»

И, дѣйствительно, для Савиной Саша была написана заново.

А. П. Чеховъ писалъ:

«У меня Саша въ третьемъ актѣ волчкомъ ходитъ—вотъ какъ измѣнилъ. Совсѣмъ для Савиной. Скажите Савиной, что мнѣ такъ льститъ то, что она согласилась взять въ моей пьесѣ блѣдную и неблагодарную роль, такъ льститъ, что я животъ свой положу и измѣню роль кореннымъ образомъ».

Это было въ 1888 году. «Ивановъ», какъ извѣстно, имѣлъ выдающійся успѣхъ.

Впослѣдствіи, при возобновленіи «Иванова», Савина играла Сарру тоже такъ же великолѣпно, какъ и Сашу.

И когда А. П. Чеховъ отдалъ свою «Чайку» Александринскому театру, то, распредѣляя роли, онъ роль Нины Зарѣчной предназначилъ Савиной.

М. Г. Савина, ознакомившись съ ролью, на репетицію не пріѣхала, а написала тогдашнему режиссеру Е. П. Карпову:

«Прочтя еще разъ ночью пьесу, перечитавъ нѣсколько разъ роль Нины, я рѣшила, что не могу играть эту роль. Мнѣ очень непріятно огорчать отказомъ отъ роли автора и бенефиціантку (пьеса шла въ бенефисъ г-жи Левкѣевой), и если это нужно, я готова сыграть Машу».

Роль пришлось передать В. Ѳ. Коммиссаржевской. Такой замѣной Чеховъ былъ недоволенъ.

— Талантъ Савиной я знаю... А Коммиссаржевская для меня величина неизвѣстная.

В. Ѳ. Коммиссаржевская съ честью вышла изъ этого испытанія: играла роль Нины, какъ говорилъ А. П., «изумительно».

Савина обладала большимъ литературнымъ вкусомъ, любила литературу, любила писателей. Недаромъ разсказываютъ о столь трогательномъ отношеніи къ ней Тургенева.

Въ бумагахъ Савиной, должно быть, осталась знаменитая «Синяя книжка».

Ее подарилъ Савиной Тургеневъ.

— Вотъ вамъ, извольте писать,—сказалъ Тургеневъ, съ добродушной старческой улыбкой, склоняясь надъ молоденькой черноглазой актрисой.

— Но что же я буду писать?—засмѣялась та, восхищенная.

— Пишите то, что разсказывали мнѣ и к а к ъ разсказывали...

Что же разсказывала Савина Тургеневу?

Да все разсказывала, обо всемъ своемъ сценическомъ житьѣ-бытьѣ, о своихъ надеждахъ, упованіяхъ... Но, несмотря на просьбу Тургенева, Савина долгое время не прикасалась перомъ къ этимъ плотнымъ золотообрѣзнымъ страницамъ.

Тургеневъ умеръ, а книжка все оставалась пуста.

Записки начались гораздо позже, какъ-то сами собой, подъ впечатлѣніемъ нахлынувшихъ воспоминаній.

И тогда золотообрѣзныя страницы покрылись потокомъ строкъ остраго «англійскаго почерка.

Гдѣ эта «Синяя книжка», которая, когда теперь нѣтъ Савиной, разскажетъ намъ столь интересныя воспоминанія, какъ жила и творила Савина?

Владиміръ Брендеръ.

Эта статья перепечатана въ «Волгарѣ», 30—XI—1915, № 328.

ОТЧЕГО?..

Умерли два гиганта сцены.

Савина и Варламовъ—сколько говорятъ эти два имени каждому, кому дорого искусство. На ихъ театрѣ воспитывалось нѣсколько поколѣній, и когда вспоминаешь Александринскій театръ,—невольно встаютъ образы этихъ великихъ актеровъ.

Мнѣ, какъ бывшему петроградцу, они особенно дороги. Они, да еще, слава Богу, здравствующій и донынѣ В. Н. Давыдовъ заставили меня полюбить театръ, а главное—отнестись къ нему серьезно, такъ какъ девизъ: «Сцена—моя жизнь»—былъ девизомъ всѣхъ ихъ.

Я, конечно, не стану перечислять заслуги Маріи Гавріиловны и Константина Александровича—это дѣло историка театра, да и не въ этомъ заключается цѣль моей замѣтки; мнѣ какъ дѣятелю кинематографіи больно, что отъ такихъ титановъ сцены ничего не осталось для грядущаго поколѣнія, что никто не снялъ ихъ для экрана (берлинскіе снимки Варламова, конечно, въ счетъ не идутъ, такъ какъ это профанація его имени).

И вотъ лишній разъ сталкиваешься съ вопросомъ—отчего не снимаются наши великіе артисты.

Поймите же, наконецъ, какое было бы наслажденіе, какой подъемъ, если бы, напримѣръ, въ день юбилея Щепкина передъ нами появилась бы тѣнь «хозяина» нашего «дома», если бы статья Бѣлинскаго о Мочаловѣ иллюстрировалась бы картиной при участіи Мочалова и т. д.

Я считаю, что в с ѣ большіе артисты должны увѣковѣчить себя на экранѣ, не для нынѣшняго поколѣнія, которому выпадаетъ счастье видѣть ихъ всѣхъ на сценѣ, а для будущаго, для провинціи, для заграницы.

Бросьте, господа, свое недовѣріе къ кинематографу. Посмотрите на него только хотя бы съ исторической точки зрѣнія и не допускайте, чтобы Россія потеряла васъ когда-нибудь безслѣдно, какъ потеряла Савину и Варламова.

Влад. Максимовъ.

Перепечатана въ газетѣ «Бакинецъ», 28—IX—1915, № 54.

20—IX—1915. № 38.

Сейчасъ еще трудно даже учесть ту потерю, которую понесло со смертью М. Г. Савиной Театральное Общество. Его основательница и руководительница, она жила его интересами и удѣляла ему не меньше времени, чѣмъ сценѣ, а послѣднее время, пожалуй, и больше. Это былъ его живой нервъ, его пульсъ, который неустанно бился интересами этого Общества, его горемъ и радостью. Личная иниціатива Савиной не разъ приходила ему на помощь въ минуты всякаго рода, и особенно финансовыхъ затрудненій. Теперь, когда Савиной нѣтъ, передъ Театральнымъ Обществомъ, несомнѣнно, возникаетъ вопросъ о созданіи эквивалента, имѣющаго хоть отчасти восполнить утраченную силу. Такого замѣстителя, который бы въ естественномъ порядкѣ вещей занялъ мѣсто Савиной въ Театральномъ Обществѣ, не видно. Остается, значитъ, Совѣтъ въ его цѣломъ, какъ руководитель дѣлъ Общества. И на Совѣтъ этотъ теперь падаетъ большая и отвѣтственная задача дѣлать то, что дѣлала Савина, т.-е., прежде всего, любить Театральное Общество той любовью, какой любила его Савина,—это въ порядкѣ, такъ сказать,

моральномъ, въ порядкѣ же реальномъ въ первую голову подумать о сохраненіи его финансоваго равновѣсія въ смыслѣ изысканія средствъ на покрытіе дефицита. Опять московское Бюро дало убытокъ, вмѣсто того, чтобы принести прибыль, спектакли Мѣстныхъ Отдѣловъ дали недоборъ противъ суммы, положенной отъ нихъ въ смѣтѣ,—все это ставитъ на очередь Совѣту рядъ вопросовъ, къ разрѣшенію которыхъ надо приступить съ энергіей и любовью. Эту энергію до сихъ поръ развивала М. Г. Савина; она была тѣмъ элементомъ, который вноситъ живую душу, не даетъ застыть. «Я все равно не уйду!»—отвѣтила она на Делегатскомъ Собраніи, когда ее спросили, не желаетъ ли она баллотироваться въ члены Совѣта. Теперь—она ушла, объ этомъ долженъ особенно помнить Совѣтъ Театральнаго Общества, ибо на него падаетъ сейчасъ то большое дѣло, которое дѣлала неутомимая М. Г. Савина.

«КНИГА» САВИНОЙ.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, а, можетъ быть, и немного больше, я видѣлъ Савину въ пьесѣ Радзивилловича «Исторія одного увлеченія». Помню, какое огромное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ романъ женщины. Помню послѣднюю картину, когда, измученная пережитой драмой, героиня пьесы за чайнымъ столомъ, укутанная въ платокъ, произноситъ: «Какъ я устала». Той музыки, которую Савина вкладывала въ эти три слова, никогда не забыть. Она устала, усталъ и звукъ ея голоса, устали и эти чудесные большіе, задумчивые глаза.

Я видѣлъ Савину въ той же «Исторіи одного увлеченія» нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ. И мнѣ стало грустно. Уже съ перваго акта это была усталая женщина,—женщина, которая боролась съ объятіями, быть можетъ, золотой, но всетаки осени. Актриса, которая не хотѣла уступать правъ молодости, правъ безвозвратно ушедшей весны. И мнѣ стало до слезъ жаль великой Савиной, и слова послѣдняго акта «какъ я устала» звучали въ моихъ ушахъ уже не музыкой, а подлинной трагедіей,—трагедіей актрисы, которая должна уступить то амплуа, которое принесло ей славу, почести, богатство.

И, наконецъ, этимъ лѣтомъ, когда Савиной предложили сняться въ кинематографѣ, она остановилась на «Исторіи одного увлеченія». Безжалостная смерть не дала ей исполнить этого намѣренія. Она раньше похитила ее и унесла туда, гдѣ нѣтъ страстей и увлеченій... Но изъ сопоставленія этихъ трехъ моментовъ можно съ непреложностью сказать, что любимой пьесой Савиной за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ была «Исторія одного увлеченія», въ которой изображена осенняя страсть женщины къ юношѣ, почти мальчику.

Эта роль создавала какой-то переходъ отъ «барышни» къ «барынѣ», отъ очаровательной Вѣрочки въ Тургеневскомъ «Мѣсяцѣ въ деревнѣ», отъ Вари «Дикарки», отъ Глафиры въ «Волкахъ и овцахъ»—къ княгинѣ Тугоуховской въ «Горе отъ ума», къ матери въ «Торговомъ домѣ», къ княжнѣ въ «Холопахъ». Отъ «исторіи увлеченій»—къ женщинѣ-матери, даже женщинѣ-бабушкѣ. Такимъ образомъ, Савина продѣлала на сценѣ всю сложную гамму женскихъ настроеній и вписала въ книгу русской сцены незабываемыя страницы волненій и радости женской души. Развѣ не безконечно женственна даже и та трепетная судорожность, съ которой Савина не хотѣла уступать ролей изъ той галлереи «исторій увлеченій», которая по ея имени должна называться «Савинской».

Сейчасъ трудно даже припомнить всѣ фигуры этой галлереи. Савина сыграла почти тысячу ролей, одна другой лучше, одна другой разнообразнѣе, одна на другую не похожую. Не похожими ихъ дѣлала удивительная способность Савиной перевоплощаться. Что общаго у Любы изъ «Сорванца» съ Анной Демуриной въ «Пѣнѣ жизни», или у Лизы изъ «Дворянскаго гнѣзда» съ Акулиной во «Власти тьмы». Такая способность дѣлала изъ Савиной, прежде всего, характерную актрису,—актрису, которую зритель не уставалъ смотрѣть, ибо каждый разъ она была другой, новой, не похожей на прежнюю Савину. Прежнимъ оставался только сверкающій талантъ, голосъ, большіе глаза и типичная Савинская походка съ перевальцемъ.

Обаяніе Савиной было настолько велико, что и недостатки ея пріобрѣтали особую притягательную силу и служили даже предметомъ подражанія. Одно время добрая половина русскихъ актрисъ усвоила себѣ эту Савинскую походку, отъ которой она сама была бы, пожалуй, не прочь и отказаться. Но то, что было органически слито съ Савиной, что было въ ней мило, то, конечно, явилось несноснымъ у другихъ, и, когда актрисы начинали семенить по сценѣ, переваливаясь съ ноги на ногу, это было весьма мало похоже на Савину. А знаменитыя Савинскія паузы? Безъ словъ, безъ рѣзкихъ пріемовъ, на одной глубинѣ переживанія она умѣла держать въ напряженіи театръ, для этого ей достаточно было перенести фотографическую карточку съ одного мѣста на другое, перейти отъ одного предмета къ другому.

Обаянье характерной женственности—вотъ какъ опредѣлилъ бы я основную ноту Савинской музыки. Умѣнье проникнуть во всѣ поры женскаго характера, не пригибая его къ своимъ индивидуальнымъ переживаніямъ, а, наоборотъ, преображаясь въ индивидуальность каждой героини до полнаго совпаденія съ ней. Въ Савиной жила огромная клавіатура женскихъ настроеній, и, по нотамъ автора, она находила нужные звуки, нужные ритмы, нужное освѣщеніе. Въ этомъ смыслѣ она была прямой полярностью другой большой актрисы—В. Ѳ. Коммиссаржевской. Коммиссаржевская каждую роль окунала въ растворъ собственнаго «я» и уже оттуда переносила ее на сцену, оставаясь всегда Коммиссаржевской. Въ этомъ была ея сила, лучи особаго очарованія исходили изъ нея, а не изъ роли, отъ Коммиссаржевской, а не отъ автора. Но сила обаянія артистки не давала этого замѣчать, не позволяла разсуждать, а захватывала цѣликомъ, безъ остатка. Вспомните ея Софью. Развѣ эта была дочь Фамусова? Развѣ у нея было что-нибудь общее съ Молчалиными, Загорѣцкими, Репетиловыми? Это было хрупкое, прозрачное существо, съ такими мучительно открытыми глазами, съ такимъ надломомъ женской души, гдѣ не было ни одной точки касанія съ Грибоѣдовской Софьей, въ лицѣ которой авторъ—будемъ откровенны—врядъ ли думалъ сдѣлать комплиментъ женщинѣ. Коммиссаржевская отдавала этой Софьѣ себя, свою тоску, свои страданія, и не хотѣла въ ней видѣть того, что не находило отклика въ ея душѣ.

Строй художественной интуиціи Савиной совсѣмъ другой. Она умѣла жить на сценѣ чужимъ характеромъ, умѣла быстро схватывать и оріентироваться въ настроеніяхъ автора, въ чувствахъ его героинь, умѣла плакать ихъ слезами, смѣяться ихъ смѣхомъ. И плакать, и смѣяться. Это несомнѣнно. Савина была далеко не только комедійной актрисой, умѣла не только хохотать раскатистымъ хохотомъ «Дикарки», но умѣла и плакать большими слезами Татьяны Рѣпиной, умѣла дать усталость женской души, ея многогранный надрывъ, ея тихое страданіе, ея затаенную грусть.

Я пишу эти строки о Савиной съ недѣльнымъ запозданіемъ. Въ первыя минуты, первые часы трудно было собраться съ мыслями, трудно было заставить себя писать о той покойной, которая была еще такъ жива и въ смерть которой не хотѣлось вѣрить. Увы, свершилось—книга о Савиной закрыта, послѣдняя точка поставлена. Въ этой книгѣ «о женщинѣ», такъ назвалъ бы я ее, есть подростки, барышни, барыни, есть весна, лѣто, осень, но нѣтъ еще зимы, а какой прекрасной была бы эта Савинская зима—сколько новыхъ страницъ добавила бы она въ эту книгу, новыхъ главъ о женщинѣ, оглядывающейся назадъ, на прожитое,—женщинѣ, живущей воспоминаніями, женщинѣ-матери, женщинѣ-бабушкѣ. Но книга закрыта. Нѣтъ больше Савиной.

Эм. Бескинъ.

27—IX—1915. № 39.

Статья объ увѣковѣченіи памяти М. Г. Савиной (см. т. I, стр. 212—213).

ТЕАТРЪ.

(Москва).

10/11—IX—1915. № 1731.

На обложкѣ этого номера помѣщенъ снимокъ съ портрета М. Г. Савиной, работы художника Браза.

ВЕЛИКАЯ АРТИСТКА.

(М. Г. Савина † 8 сентября).

Безпощадная смерть грубо и вѣроломно прервала существованіе больного художника, яркаго самобытнаго таланта, изумительной артистки, по праву говорившей: «Сцена—моя жизнь!»

Не стало М. Г. Савиной, носительницы художественной правды, любящей, чуткой и нѣжной души.

Ушла въ вѣчность та, которую знала и глубоко цѣнила не только вся театральная Россія, но и далеко за рубежомъ.

Русскій театръ, не успѣвшій еще оплакать Варламова, потерялъ Савину.

Невыразимо грустно.

И невольно благоговѣйная память заставляетъ низко, низко поклониться праху той, чье славное имя будетъ вписано золотыми буквами на скрижаляхъ исторіи осиротѣвшаго отечественнаго театра.

С. А.

Еще не завяли цвѣты, которыми мы засыпали могилу Варламова...

А мы уже усыпаемъ свѣжими, душистыми цвѣтами гробъ Маріи Гавріиловны Савиной!

Надъ Александринскимъ театромъ занесла смерть свою безпощадную косу, и, одно за другимъ, скосила она два лучшихъ его украшенія.

Не стало «красы и гордости русской сцены»!

Ушла отъ насъ одна изъ «послѣднихъ могиканъ» русскаго искусства, и въ храмѣ Мельпомены—меньше одной славной, вдохновенной жрицей.

Съ подмостковъ русскаго театра ушла цѣлая «эпоха», и серьезная, вдумчивая критика воздастъ должное памяти «солица русской сцены».

Какъ старый театралъ, я кладу только дань глубокой скорби на эту свѣжую могилу...

У Савиной былъ свой девизъ:

«Сцена—моя жизнь».

8-лѣтней дѣвочкой, вступила она на подмостки сцены и не сходила уже потомъ съ нихъ цѣлую жизнь.

И даже въ послѣдній день своей жизни дышала только интересами сцены: бесѣдовала съ авторомъ новой пьесы, въ которой она должна была выступать.

Савину оплачутъ и русское искусство, и русскій актеръ.

Потому что для русскаго актера Савина была «родной матерью».

О немъ, порою обездоленномъ и голодномъ, она думала всегда и всѣ силы клала на то, чтобы ему помочь.

И русская актерская «громада» отвѣтила ей за это любовью.

За упокой ея души молятся сегодня актеры-инвалиды въ «Убѣжищѣ для престарѣлыхъ артистовъ», основательницей котораго была Марія Гавріиловна Савина.

Неумолимою смертью вырвана яркая страница изъ старой «русской театральной исторіи».

На мавзолеѣ, который вырастетъ надъ могилой М. Г. Савиной, должно быть высѣчено: «Сцена—моя жизнь!»

Р. М.

Эта статья перепечатана въ «Сценѣ и Аренѣ», 5—X—1915, № 19.

А. И. ЮЖИНЪ О М. Г. САВИНОЙ.

— Съ именемъ Маріи Гавріиловны Савиной,—сказалъ намъ А. И.,—у меня, прежде всего, связаны университетскія воспоминанія. Первое, что я увидѣлъ въ Александринскомъ театрѣ, это изумительно яркій лучъ, сверкавшій въ 80-хъ годахъ. И этотъ лучъ была М. Г. Савина.

Я ярко помню первыя представленія, въ которыхъ она выступала, то были «Женитьба Бѣлугина», «Правда хорошо, а счастье лучше», «Маіорша» и «Дикарка». Помню изумительное впечатлѣніе отъ исполненія ею одноактной пьесы «Капризница».

Затѣмъ, связываютъ меня воспоминанія, какъ гастролера, когда черезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ моего поступленія въ Малый театръ, я гастролировалъ съ М. Г. въ Тифлисѣ. Тамъ она играла Офелію въ «Гамлетѣ», Катарину въ «Укрощеніи строптивой», Лизу въ «Горе отъ ума».

Главное свойство ея дарованія этой эпохи—это необычайная радость и какой-то сверкающій чрезвычайно хорошимъ тономъ, искрящійся, чисто женскій смѣхъ.

Послѣ 80-хъ годовъ я видѣлъ М. Г. очень мало. Приблизительно въ началѣ 90-хъ годовъ былъ обмѣнъ гастролеровъ. Изъ Петербурга къ намъ пріѣзжали М. Г. Савина и В. Н. Давыдовъ, въ Петербургъ ѣздили М. Н. Ермолова, Г. Н. Ѳедотова, Н. А. Никулина и я.

М. Г. въ Москвѣ выступала въ моей пьесѣ «Цѣни», которую здѣсь играла Г. Н. Ѳедотова; кромѣ того, она сыграла здѣсь «Симфонію» Чайковскаго, въ которой выступала М. Н. Ермолова, и въ «Надо разводиться» Сарду, въ которой выступала Е. К. Лешковская. М. Г. участвовала также въ моихъ пьесахъ: «Джентльменъ» (въ 1897 г.) и «Ирининская община» (въ 1901 г.); кромѣ этихъ пьесъ, М. Г. выступала и въ цѣломъ рядѣ другихъ.

Въ Москвѣ, за послѣднія десять лѣтъ, Малый театръ понесъ такія тяжкія потери въ лицѣ: Медвѣдевой, Ленскаго, Садовскаго, Горева, Макшеева, ихъ болѣе молодыхъ продолжателей Ѳедотова, Парамонова и ряда другихъ, что горе отъ переживаній этихъ потерь притупило извѣстныя чувства остроты при новыхъ ударахъ, и смерть такого огромнаго таланта, какъ Варламовъ, подѣйствовала тяжело, угнетающе, но не такъ молніеносно, какъ смерть М. Г. Савиной.

Вѣдь все представленіе о ней было связано съ представленіемъ о жизни бодрой, свѣтлой: казалось, что она доживетъ до 90 лѣтъ и сохранитъ въ себѣ эту искру жизненнаго огня даже въ полномъ изнеможеніи тѣлѣ.

И вдругъ эта смерть.

Сейчасъ не время говорить о размѣрахъ этой потери для театра, какъ художественнаго института, и для театра, какъ учрежденія общественнаго, для которыхъ смерть Савиной—большая и тяжкая брешь.

Н. С.

ОСТРОВСКІЙ, ТУРГЕНЕВЪ И САВИНА.

Перепечатано изъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», 8—IX—1915, № 15076 (вторая часть статьи «Изъ жизни большой артистки»).

12/13—IX—1915. № 1732.

ПИСЬМА М. Г. САВИНОЙ КЪ О. А. ПРАВДИНУ.

Большой другъ покойной М. Г. Савиной, Осипъ Андреевичъ Правдинъ, любезно предоставилъ намъ для напечатанія два письма къ нему Маріи Гавріиловны.

Оба письма характеризуютъ М. Г., какъ большого, любящаго и чуткаго человѣка... Невыразимой грустью звучатъ строки о тогда еще живыхъ В. В. Стрѣльской, К. А. Варламовѣ и Ѳ. А. Юрковскомъ, покойномъ режиссерѣ Александринскаго театра, отцѣ артистки театра Незлобина—М. Ѳ. Андреевой.

I.

2-го января 1915 г.
Петроградъ.

Съ новымъ годомъ!

Порадовали Вы меня, дорогой Осипъ Андреевичъ, для начала — и спасибо Вамъ. А почему вышелъ «такой контрдансъ, маменька, съ подписью»—ума не приложу [1]). Никогда я не отличалась разсѣянностью, а тутъ какъ назло. Если пріѣду въ Москву, подпишу, а пока не взыщите.

Костя [2]) весьма мнѣ не нравится и на всѣхъ товарищей наводитъ ужасъ, когда показывается въ театрѣ. Отъ своей уборной онъ идетъ до сцены больше 10-ти минутъ и такъ тяжело дышитъ, что жутко становится. На сценѣ все время сидитъ и руки дрожатъ постоянно.

В. В. Стрѣльская лежитъ безъ движенія; паралича и катастрофы должны ждать каждый день.

Вотъ какъ невесело у насъ.

Сегодня начали репетировать новую пьесу дамскаго рукодѣлія—«Слѣпая любовь»—какъ говорятъ для меня, но я эту роль съ удовольствіемъ подарила бы незнакомому, чтобы назадъ не принесъ.

Анатолій Евграфовичъ [3]) чрезвычайно тронутъ Вашимъ и «дѣвицы Солнцевой» [4]) вниманіемъ, очень благодаренъ и шлетъ привѣтъ обоимъ.

Что касается «старой фирмы» [5]), то она близка къ рухляди и только по традиціи именуется.

Цѣлую Васъ

Савина.

P. S. Насчетъ Лазарета приказъ отданъ.

II.

9-го января 1915 г.

Очень извиняюсь, дорогой Осипъ Андреевичъ, что безпокоила напрасно своей просьбой. Московскій «Совѣтъ» требовалъ денегъ на частную квартиру для своего Лазарета, на время поста, а такъ какъ «денегъ, Михаилъ Васильевичъ, нѣтъ и достать ихъ негдѣ» [6]), то я и обратилась къ Вамъ.

Оказывается, что на этотъ расходъ потребуется 200 рублей.

Не стоитъ огородъ городить и Васъ безпокоить. Спасибо Вамъ. А мнѣ везетъ, какъ повѣшенному. Десятый день лежу въ постели, а ночью сплю сидя въ креслѣ, иначе рискую задохнуться отъ сухого плеврита.

Въ груди точно самоваръ кипитъ, и никакими средствами до сихъ поръ нельзя помочь. Даже старое средство «банки» и тѣ не помогли.

Сегодня немного лучше, и я принялась за письма.

А Стрѣльская-то?!

И не удалось мнѣ проводить ее — да и Ѳедоръ Александровичъ Юрковскій также. Не весело начался новый годъ. Хотѣлось бы прокатиться въ Москву «на блины» — да и во снѣ этого не увидишь.

Будьте здоровы и благополучны. Цѣлую Васъ и «дѣвицу Солнцеву» — и еще разъ благодарю.

Совѣмъ старая фирма

Савина.

---

[1]) М. Г. Савина обратилась къ О. А. Правдину по дѣлу о переводѣ раненыхъ; прислала ему бумагу, но забыла ее подписать.

[2]) К. А. Варламовъ.

[3]) А. Е. Молчановъ—мужъ М. Г. Савиной.

[4]) «Дѣвица Солнцева» —жена О. А. Правдина, подруга М. Г. Савиной.

[5]) «Старая фирма» —это установившіяся подписи между О. А. Правдинымъ и М. Г. Савиной.

[6]) Изъ «Свадьбы Кречинскаго».

18/19—IX—1915. № 1735.

М. Н. ЕРМОЛОВА О М. Г. САВИНОЙ.

(Наша бесѣда).

— Трудно было примириться мнѣ съ этой огромной потерей,—сказала нашему сотруднику знаменитая артистка...—Трудно не только представить себѣ, но даже отдаленно подумать о томъ, что умерла Савина!

Какой это былъ дивный талантъ, дивный товарищъ и другъ!

Мнѣ приходилось часто сталкиваться съ покойной Маріей Гавріиловной, приходилось работать надъ новыми ролями и т. д. И всегда отъ этихъ встрѣчъ оставалось большое впечатлѣніе, и въ памяти все глубже и глубже врѣзывалась эта необычайно добрая, необычайно искренняя натура... Мы бывали другъ у друга, — дѣлились своими впечатлѣніями, говорили объ искусствѣ, театрѣ особенно, о театрѣ въ переживаемое нами время...

Горюешь о томъ, что теперь нѣтъ этого дивнаго остроумнаго собесѣдника...

Конечно, я могла бы многое припомнить о Савиной, но... не надо... такъ больно... такъ больно говорить о такой огромной и незамѣнимой потерѣ...

П. А.

8/9—III—1916. № 1827.

На обложкѣ помѣщенъ тотъ же портретъ М. Г. Савиной, что и въ № 1731, съ подписью: «Къ полугодовщинѣ смерти».

ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО.

(Петроградъ).

13—IX—1915. № 37.

На обложкѣ этого номера—большой снимокъ съ портрета М. Г. Савиной, работы художника Браза.

8 сентября въ $5^1/_2$ часовъ утра скоропостижно скончалась

Марія Гавріиловна Савина.

Марія Гавріиловна Савина родилась 30-го марта 1854 года въ Каменецъ-Подольскѣ. Родители ея были въ свое время небезызвѣстными дѣятелями сцены: отецъ — Гавріилъ Николаевичъ Подраменцевъ (по сценѣ Стремляновъ), сначала учитель рисованія въ Каменецъ-Подольской гимназіи, въ концѣ 50-хъ годовъ совершенно посвятилъ себя сценѣ. Неудивительно, что, живя въ подобной «артистической» обстановкѣ, М. Г. съ малыхъ лѣтъ стала появляться на подмосткахъ. Первые ея «дебюты» произошли въ 1860, 1861 и 1862 годахъ въ Одессѣ. Въ роли Егорушки въ комедіи «Бѣдность не порокъ» она выступила въ Кіевѣ.

Въ 1869 году М. Г. уѣхала въ Минскъ на скромное жалованье 30 рублей въ мѣсяцъ, гдѣ, между прочимъ, участвовала въ опереткѣ. Интересна та часть ея автобіографіи, которая относится къ этому времени:

«Я никогда не считала себя способной играть драматическія роли, чему много содѣйствовалъ мой дебютъ въ «Карьерѣ» въ Минскѣ; труппа была небольшая, и, за отказомъ первой актрисы, для которой роль была слишкомъ ничтожна, мнѣ дали Машеньку. Сцена съ письмомъ

произвела на меня большое впечатлѣніе, и мнѣ хотѣлось сыграть ее какъ можно лучше. Въ спектаклѣ я такъ волновалась, что, дѣйствительно, расплакалась къ концу сцены, но каково же было мое удивленіе, когда я замѣтила смѣхъ въ публикѣ... Мое горе выражалось такими жестами, движеніями, противорѣчащими словамъ и т. д., что публика не могла удержаться отъ смѣха, а я продолжала рыдать послѣ конца дѣйствія и дала себѣ слово никогда не играть драмъ».

Въ свой бенефисъ М. Г. выбрала роль Полины въ «Доходномъ мѣстѣ». Послѣднее обстоятельство уже ясно показываетъ всегдашнее тяготѣніе М. Г. Савиной къ настоящему живому слову и ея старанія освободиться отъ навязанныхъ по контракту ролей всемогущей тогда оперетки. Вскорѣ М. Г. переѣхала въ Харьковъ, гдѣ съ большимъ успѣхомъ провела роль Сонечки въ комедіи «Капризница». Въ Харьковѣ же она вышла замужъ за актера Савина, откуда оба уѣхали въ Калугу, гдѣ ей опять сильно пришлось считаться съ опереточнымъ и водевильнымъ репертуаромъ.

Настоящая дорога открылась М. Г. Савиной въ Нижнемъ-Новгородѣ, послѣ встрѣчи съ П. М. Медвѣдевымъ, который нашелъ многихъ, нашелъ и Савину. Вотъ какъ она сама отзывается объ этомъ періодѣ своей дѣятельности:

«Въ Казани началась, въ сущности, моя карьера, и всѣмъ успѣхомъ я обязана П. М. Медвѣдеву (антрепренеру) и А. И. Шубертъ. Они буквально муштровали меня и нерѣдко доводили до слезъ. Первая актриса, прослуживъ полтора или два мѣсяца, скрылась внезапно, не выдержавъ равнодушія публики, и весь репертуаръ до поступленія Стрепетовой (въ январѣ 1872 года) очутился на моихъ плечахъ: приходилось играть двѣ роли въ день—въ комедіи и въ опереткѣ».

Въ свой бенефисъ она выступила въ драматической и отвѣтственной роли Сашеньки—«Свѣтскія ширмы». Изъ Казани г-жа Савина отправилась въ Саратовъ, гдѣ дала рядъ художественно-воспроизведенныхъ образовъ: Катя («По духовному завѣщанію»), Глаша («Капитанская старина»), Наташа («Пріемышъ»), Даша («Мишура»). Послѣ Саратовскаго сезона М. Г., по вторичному приглашенію П. М. Медвѣдева, пріѣхала въ Орелъ, гдѣ встрѣтилась со своими будущими товарищами по сценѣ: г-жей Стрепетовой, гг. Давыдовымъ, Писаревымъ. Въ 1872 году г-жа Савина снова пріѣзжаетъ въ Саратовъ, уже исключительно на драматическія роли. Въ виду интереса приводимъ нѣсколько строкъ изъ рецензіи «Саратовскаго Листка» (9-го февраля 1873 г., № 31):

«Саратовцы оцѣнили и полюбили талантъ М. Г. Савиной лѣтомъ 1872 года, когда она появилась у насъ такимъ неожиданнымъ и пріятнымъ сюрпризомъ. Кто видѣлъ ее тогда въ «Не первый и не послѣдній», въ «Материнскомъ благословеніи» и «Свѣтскихъ ширмахъ», тотъ не легко позабудетъ эту артистку. Съ сожалѣніемъ простились мы лѣтомъ съ М. Г. Савиной, полагая, что не удастся намъ видѣть ее зимой на сценѣ Городского театра. Съ восторгомъ встрѣтили мы ее въ дебютѣ въ «Свѣтскихъ ширмахъ». Какъ ни хороша М. Г. Савина въ водевиляхъ и комедіяхъ въ амплуа Агнесъ, рѣзвушекъ «ingénuités», но тутъ высказывается одна только сторона ея дарованія. Публика ожидала съ нетерпѣніемъ ея бенефиса—и что же? Всѣ были поражены выборомъ комедій да водевилей, совершенно неизвѣстныхъ (за исключеніемъ «Тяжба» и «Бѣда отъ нѣжнаго сердца», въ которыхъ бенефиціантка не участвовала). Мы думали, быть можетъ, взятыя ею роли очень живы и самыя пьесы веселы. Каково же было наше разочарованіе... Скучнѣе и несноснѣе комедіи «Бабушкина внучка» трудно что-нибудь себѣ представить. Единственная сколько-нибудь живая роль въ этой скукѣ—это роль внучки, но и та хороша только въ одномъ дѣйствіи. Также скучна басня «Левъ и крыса» (въ которой сама бенефиціантка была восхитительна). Позволяемъ себѣ подъ конецъ напомнить М. Г. Савиной, что всякій талантъ, всякая способность отъ неупражненія слабѣетъ и гаснетъ. Богъ далъ ей большое дарованіе, но пусть она не размѣниваетъ и не расходуетъ его на однѣ бездѣлушки, такъ хорошо ею создаваемыя. Трудъ необходимъ для артиста... Пусть она никогда добровольно не отрекается отъ трудныхъ, свойственныхъ ея замѣчательному таланту, ролей, природой назначенныхъ ей въ амплуа; а успѣхами въ бездѣлушкахъ, не стоящихъ ей никакихъ усилій, пусть не увлекается».

Въ 1873 году М. Г. выступила въ Москвѣ, на сценѣ Общедоступнаго театра, въ роли Анны, Львовны, въ комедіи «Андрей Степановичъ Бука». Слѣдующій сезонъ снова проведенъ ею въ Саратовѣ, гдѣ она была постоянной любимицей публики.

Случайно пріѣхавъ въ Петербургъ, М. Г. 17-го марта 1874 года выступила (въ залѣ Благороднаго Собранія) въ драмѣ «Блуждающіе огни». Успѣхъ ея великъ былъ настолько, что Дирекція Александринскаго театра согласилась дать М. Г. три дебюта.

Первый дебютъ состоялся въ значительный для русскаго театра день—9-го апрѣля 1874 года. М. Г. играла роль швейки Кати въ комедіи «По духовному завѣщанію» и, затѣмъ, роль Новской въ одноактной пьесѣ «Она его ждетъ». Приводимъ интересный отрывокъ изъ рецензіи «Голоса»:

«Г-жа Савина... художественной простотой, естественной декламаціей и серьезнымъ отношеніемъ къ условіямъ сценическаго искусства произвела на всѣхъ пріятное впечатлѣніе, вызвавъ громкія рукоплесканія, сопровождавшія каждый выходъ даровитой дебютантки. Г-жа Савина молода, хороша собой и обладаетъ богатыми природными средствами; читаетъ она внятно, раздѣльно, напоминая въ этомъ отношеніи московскую актрису г-жу Ѳедотову; каждое слово слышно и понятно, вслѣдствіе правильной интонаціи, соображенной съ даннымъ моментомъ сцены. Дебютантка держитъ себя непринужденно, не рисуется, не ломается, но никогда—ни въ монологахъ, ни въ репликахъ—не забывается, что она на сценѣ, и твердо выдерживаетъ роль, сосредоточивая все вниманіе на ходѣ пьесы. Нельзя не привѣтствовать появленія на нашей сиротствующей сценѣ такого дарованія, какимъ, несомнѣнно, обладаетъ г-жа Савина... Преобладающее качество въ игрѣ г-жи Савиной—простота, еще не достигшая, въ отношеніи формы, до полнаго художественнаго совершенства, но все-таки, развитая настолько, что зритель невольно подкупается ею и сочувствуетъ даровитой артисткѣ».

Послѣ второго и третьяго дебюта—«Воспитанница» и «Ангелъ доброты и невинности»—М. Г. Савина была принята на Императорскую сцену, по контракту на 3 года, съ жалованьемъ 800 рублей.

Первыя ея роли на Александринской сценѣ въ 1874 году были слѣдующія: Генріетта («Бабушкина внучка», ком. Каратыгина), Софья («Прежде маменька», ком. Куликова), Мери («Пансіонерка», ком. Тарновскаго), Елена Григорьевна («Злоба дня», драма Н. Потѣхина), Дашенька—въ первый свой бенефисъ («Мишура», ком. А. Потѣхина), Дуня («Не въ свои сани не садись», ком. Островскаго), Наталья Петровна («Трудовой хлѣбъ», ком. Островскаго).

За свое 40-лѣтнее пребываніе на казенной сценѣ М. Г. пришлось переиграть множество ролей. Одно перечисленіе ихъ могло бы заполнить многія страницы.

Въ 1899 году М. Г. гастролировала съ русской труппой за границей, въ Берлинѣ и Прагѣ. М. Г. выступила въ пьесахъ: «Чародѣйка», «Василиса Мелентьева», «Татьяна Рѣпина», «Дама съ камеліями» и «Родина».

Въ 1900 году былъ торжественно отпразднованъ 25-лѣтній юбилей М. Г. Савиной.

Послѣднія пьесы, въ которыхъ выступала М. Г. Савина,—«Торговый домъ» И. Сургучева, «Зеленое Кольцо» З. Гиппіусъ и (въ бенефисъ вторыхъ режиссеровъ, 1-го мая 1915 г.) въ пьесѣ С. Юшкевича «Мендель Спивакъ».

Много времени покойная отдавала Императорскому Русскому Театральному Обществу и была его учредительницей. Въ 1883 году М. Г. приняла на себя обязанности перваго секретаря Общества и долгое время состояла почетнымъ его членомъ. Въ 1895 году она была вторично избрана въ члены Совѣта и въ послѣднее время была его предсѣдательницей.

Далѣе приводится описаніе кончины и послѣднихъ минутъ жизни М. Г. Савиной.

Приложены портреты М. Г. Савиной: 1) 1914 г., 2) 1873 г. и 3) 1888 г.

Въ заголовкѣ нижеслѣдующей статьи помѣщены 3 портрета М. Г. Савиной—1879 г., 1889 г. и 1899 г. и эпиграфъ:

...Какъ дымъ курильницъ, доходило до зрителя горѣніе этой женской души — и лепная, и лукавая, простая и до неуловимости тонкая; стойкая и — вся въ тревогѣ, трепетѣ; вся въ лицѣ изображаемомъ, и — в с я с в о я — САВИНА: въ глубинѣ глазъ, въ очертаніяхъ губъ—крѣпкая до строгости своя дума.

И была эта дума глубокая: о томъ, какъ пріобщить другихъ посредствомъ искусства къ прекрасной жизни.

Не вѣрю, чтобы творившая лучшую жизнь и даровавшая ее другимъ—умерла.

С е р г ѣ й С у т у г и н ъ.

СЛОВО О САВИНОЙ.

Статья Н о м о n o v u s'а (А. Р. Кугеля).

Это «слово» прочитано авторомъ на вечерѣ памяти М. Г. Савиной, 8-го марта 1916 года, въ Петроградѣ, въ Александринскомъ театрѣ (см. т. I, стр. 198—205, гдѣ и напечатанъ его текстъ).

Здѣсь приведены портреты М. Г. Савиной въ роляхъ: 1) Сашеньки («Свѣтскія ширмы»), 2) Вѣрочки («Мѣсяцъ въ деревнѣ»), 3) Вари («Дикарка»), 4) Кондоровой («Нищіе духомъ»), 5) Саши («Ивановъ»), 6) Магды («Родина»), 7) Протичъ («Симфонія»), 8) Лизы («Дворянское гнѣздо»), 9) Юліи («Идеальная жена»), 10) Любы («Сорванецъ»), 11) Марьи Антоновны («Ревизоръ»), 12) Акулины («Власть тьмы»), 13) Катерины («Гроза»), 14) Мамаевой («На всякаго мудреца»), 15) Купидона («Орфей въ аду») и 16) Ореста («Прекрасная Елена»).

ЧАРОДѢЙКА РУССКОЙ СЦЕНЫ *).

Я сидѣлъ въ Александринскомъ театрѣ, въ мѣстахъ за креслами, и смотрѣлъ какую-то драму—какую именно, рѣшительно теперь не припомню... Вѣроятно, или пьеса была очень плоха, или актеры играли спустя рукава, но помню одно: скука была такова, что я едва не сбѣжалъ изъ театра послѣ третьяго акта—и если остался до конца, то единственно благодаря моей прирожденной слабости къ веселому роду пьесъ, соблазненный на этотъ разъ красовавшимся внизу афиши забавнымъ водевилемъ «Утка и стаканъ воды»—да еще вдобавокъ съ новой и совершенно мнѣ незнакомой исполнительницей въ роли «Аннеты»... г-жей Савиной...

Совершенно также забылъ, кто игралъ водевильнаго папашу и водевильнаго простака, фигурирующихъ въ началѣ шутки... Но вотъ что я не забылъ и никогда не забуду, хотя бы тому прошло еще двадцать пять лѣтъ: это первое появленіе Аннеты—Савиной... Здѣсь, какъ нельзя болѣе, у мѣста Пушкинскій стихъ: «Я помню чудное мгновенье». Да, помню, какъ сейчасъ: убого, «по-водевильному» обставленная комната, и въ комнатѣ горячатся двое — какой-то старичекъ, въ лысомъ парикѣ, и молодой человѣкъ—въ рыжемъ; и пока они шаблонно, «по-водевильному», нѣтушатся, я невольно улыбаюсь, воскрешая про-себя дѣтскій театръ маріонетокъ... Какъ вдругъ... тррахъ—налѣво, за сценой, звонъ разбитой посуды, затѣмъ чей-то тонкій женскій крикъ... и изъ боковыхъ дверей выпархиваетъ на сцену, точно весенній вихрь, молодая стройная брюнетка, въ свѣтло-зеленомъ шелковомъ платьѣ, и съ бѣлымъ вѣеромъ въ рукахъ... Глаза брюнетки горятъ, какъ уголья, ноздри нервно раздуваются, вѣеръ ходитъ въ тоненькихъ пальцахъ ходуномъ.

«Что такое, что случилось?»—озадаченъ водевильный папаша въ лысомъ парикѣ.

Но очаровательная брюнетка едва можетъ говорить отъ волненія: «О, ужасное происшествіе!.. Представьте, мой попка... мой милый попка... окно было открыто... и онъ улетѣлъ»...

*) Отрывокъ изъ статьи П. Щеглова, помѣщенной въ №№ 3 и 4 «Театра и Искусства», за 1900 годъ, по случаю 25-лѣтняго юбилея М. Г. Савиной.

Дальше она не въ состояніи говорить, и изъ глазъ ея готовы сейчасъ брызнуть слезы досады...

И вотъ, какъ только она вспорхнула и заговорила—со сцены внезапно повѣяло настоящей, не водевильной, а властно захватывающей жизнью и одновременно въ зрительной залѣ почуялось то невольное радостное волненіе, которое производитъ всегда въ самой будничной толпѣ дыханіе истиннаго таланта.—Что-то будетъ дальше?—подумалось, навѣрное, про-себя каждому.—«Но позвольте, почему тамъ что-то разбили?»—недоумѣваетъ снова лысый папаша. И вся публика, какъ одинъ человѣкъ, вдругъ насторожилась, дружно заинтересованная вмѣстѣ съ лысымъ старичкомъ: «Почему тамъ что-то разбили?»

Очаровательная брюнетка, секунду передъ тѣмъ готовая расплакаться, неожиданно вся весело оживилась:—«Ахъ, очень просто почему... Попка улетѣлъ, ну, а я разволновалась... и опрокинула подносъ съ посудой»... Но послѣдняго слова почти не слышно за взрывомъ дружнаго искренняго смѣха, подхватившаго театральную залу. Кажется, что тутъ особеннаго? Самая обыкновенная водевильная реплика. А вотъ, подите, я до сихъ поръ не могу забыть, съ какимъ неподдѣльнымъ, заразительнымъ комизмомъ вырвалась она тогда у Савиной... И, вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько непосредственной наивности и женской граціи... А смѣлый оригинальный жестъ, сопровождавшій фразу «опрокинула подносъ»,—сама прелесть.

Стоитъ ли говорить послѣ этого, что успѣхъ молодой дебютантки росъ съ каждымъ явленіемъ... Стоитъ ли также добавлять при этомъ, что было со мною, записнымъ театраломъ съ самой ранней моей юности? Ослѣпленный свѣжестью и блескомъ новоявленнаго таланта, я уже не ловилъ дальнѣйшихъ деталей игры, а просто-напросто отдался счастью свободнаго лицезрѣнія этого оригинальнѣйшаго и изящнѣйшаго женскаго созданія, какое когда-либо видѣли казенные подмостки. Очнулся я только тогда, когда погасили рампу, и, помню, вернулся домой въ тотъ вечеръ въ какомъ-то чаду.

Но мнѣ шелъ тогда всего лишь двадцатый годъ, я только что надѣлъ новенькій офицерскій мундиръ, и, конечно, радость собственной молодости могла обмануть пробуждающуюся чуткость художника. Однако, я на этомъ не успокоился и при первой возможности потащилъ въ театръ моего старика-дѣда, барона В. К. Клодта. Пріятель Карла Брюлова, современникъ Пушкина и Гоголя, перевидавшій на своемъ вѣку и лично знавшій много артистическихъ и литературныхъ извѣстностей, мой дѣдъ являлъ собою образчикъ очень тонкаго, многоопытнаго эстетика, на судъ коего можно было положиться безапелляціонно.

— Ну, что?

Дѣдъ задумчиво погладилъ свои сѣдые генеральскіе усы.

— Гм, да, это, дѣйствительно, что-то новое... «такихъ» мнѣ, признаться, еще не доводилось видѣть...

— Какова игра, а?

Старикъ добродушно усмѣхнулся въ мою сторону:

— Никакой «игры» не замѣчаешь, а жизнь видишь... О, эта «черноглазая» далеко пойдетъ...—заключилъ онъ пророчески.

ИЗЪ ЦИКЛА РОЛЕЙ САВИНОЙ.

Среди ролей Савиной особенно врѣзались въ память нѣкоторыя роли женщинъ такъ называемаго «Бальзаковскаго возраста».

Вотъ Савина—Елена Александровна изъ «Исторіи одного увлеченія», женщина между тридцатью и сорока годами, богатая, независимая, живущая день за днемъ. Сердце ея какъ-будто окаменѣло, но, затѣмъ, она встрѣчаетъ молодого человѣка, почти юношу... И по такой банальной канвѣ, едва пользуясь незначительнымъ матеріаломъ пьесы, артистка вдохновенно создаетъ чудеснѣйшій психологическій рисунокъ.

Изящная женщина съ умнымъ, слегка затуманеннымъ взглядомъ, — затуманеннымъ какой-то неоставляющей ее мыслью, съ улыбкой привѣтливой, но загадочной, съ увѣренными красивыми движеніями, въ спокойномъ ритмѣ которыхъ минутами проскальзываетъ что-то зыбкое. Въ самомъ звукѣ голоса, немного усталомъ и надорванномъ, порою слышатся тревожныя нотки.

Такими тонкими, едва уловимыми, намеками и штрихами Савина съ первой же сцены показывала всю напряженность ожиданія Елены чего-то новаго, мучительно предчувствуемаго.

Рѣшаясь и не рѣшаясь, какъ бы матерински снисходя къ капризу милаго ребенка, Савина медленно опускается въ кресло и слушаетъ сбивчивыя, неувѣренныя реплики Вѣрина, съ разсѣянной улыбкой женщины, уже испытавшей жизнь. Въ самой манерѣ, съ которой она опирается локтемъ одной руки на ручку кресла, въ поворотѣ головы, въ медленныхъ полуоконченныхъ жестахъ, которыми она протестуетъ, не то шутя, не то серьезно,—во всемъ этомъ сказывается такая душевная усталость, такое глубоко-меланхолическое отношеніе къ жизни...

«Къ чему?»—тоскливо спрашиваютъ ея темные загадочные глаза, и блуждающій взглядъ не останавливается на юношѣ, поющемъ передъ нею старую, но вѣчно юную пѣснь любви, а какъ бы устремляется въ полузабытое прошлое. И если она еще слушаетъ этого юношу, то потому, что такъ мало радостныхъ дней въ жизни и такъ темна ночь одинокаго существованія.. И вдругъ она срывается съ мѣста, точно уязвленная... Онъ ей сказалъ: «Будьте моей женой»...

Съ тревожными, безпорядочными жестами рукъ, которыя она какъ бы безсознательно прижимаетъ къ ушамъ, полузакрывая, она заметалась по сценѣ. И какая тонкая деталь!.. Ни на минуту артистка не забываетъ оттѣнить, что ея любовь не равная, а покровительственная, почти материнская. Она диктуетъ условія свободнаго союза, а не онъ. Прильнувъ къ молодому человѣку, она все-таки отчетливо говоритъ: «но не буду твоей законной женой»... Только на нѣсколько лишь мгновеній она теряетъ самообладаніе, когда Вѣринъ убѣгаетъ. Елена сразу ослабѣваетъ, словно надорвавъ всѣ силы въ непосильной борьбѣ. Она садится въ изнеможеніи, вся какая-то разбитая, ея члены теряютъ гибкость. Она сжимаетъ виски руками и, беззвучно шепча, съ безумной надеждой вматривается въ дверь. Вдругъ Вѣринъ показывается въ дверяхъ... Тогда она выпрямляется съ гибкостью стали, мгновенье стоитъ неподвижно и съ радостнымъ крикомъ бросается къ нему слегка задерживающимся шагомъ, точно отъ внезапнаго головокруженія.

Увертюра сыграна. Намѣтивъ твердыми чертами обликъ героини, Савина продолжаетъ въ дальнѣйшемъ ходѣ пьесы съ «беззаботностью жизни» дорисовывать и отчеканивать этотъ образъ, внося все новые и новые оттѣнки.

Любовь Елены вернула ей молодость и молодой задоръ. Во второмъ дѣйствіи Савина обвѣяна своимъ счастьемъ, словно вдыхаетъ это счастье вмѣстѣ съ воздухомъ. Невозможно забыть удивительный жестъ, которымъ она проситъ Вѣрина присѣсть къ ней на диванъ. Слегка откинувъ голову, съ умиленно улыбающейся улыбкой, она зоветъ его материнской, нѣжащей лаской, протягивая обѣ руки и быстро-быстро пригибая кончики неразъединенныхъ пальцевъ къ ладонямъ рукъ. Она живетъ въ атмосферѣ, насыщенной безмѣрнымъ счастьемъ. И объ этомъ, еще никогда непзвѣданномъ ею счастьѣ, неотразимо говорятъ и мягкій блескъ полузакрытыхъ глазъ, и трепетные звуки нѣвучаго голоса, и движенія медлительной граціи. И, однако, въ заключительной сценѣ второго дѣйствія уже вспыхиваютъ бѣглыя молніи приближающейся грозы.

Рядъ яркихъ настроеній развертывала Савина въ третьемъ дѣйствіи. Вотъ она дожидается прихода своего друга. Она вся ожиданіе... Съ такой болѣзненной тревогой ждутъ только человѣка, котораго боятся утратить. Какими-то растерянными мелкими шажками она ходитъ по комнатѣ. Вотъ ее что-то бросаетъ къ окну. Она видитъ идущаго, не спѣша, Вѣрина. Она машетъ рукой, киваетъ, называетъ его громко по имени. И столько безысходнаго отчаянія, возрастающей скорби въ ея словахъ: «Не смотритъ»... А затаенная, грызущая боль проступаетъ на ея измученномъ лицѣ темными тѣнями. Углы губъ артистки вздраги-

ваютъ, двѣ скорбныхъ линіи глубоко прорѣзываются на щекахъ. Во взглядѣ ея, которымъ она смотритъ и не смотритъ и въ которомъ чувствуются остановившіяся слезы, выражается съ такой потрясающей силой мольба о пощадѣ, что невозможно, при видѣ такихъ реальныхъ страданій, не проникнуться настоящей живой жалостью. Начинается душевная агонія... И если до сихъ поръ Савина показывала намъ сдержанныя треволненія женщины, довѣрчиво любящей, то теперь она съ вдохновеніемъ развертываетъ изображеніе безумной ревности и отчаяніе отвергнутой любви. Беззвучными шагами она ходитъ по сценѣ, что-то шепча. Обѣ руки ея у подбородка, пальцы въ пальцы. Судорожныя движенія этихъ накрѣпко сцѣпленныхъ пальцевъ и мрачно горящіе глаза рефлективно передаютъ бурю, клокочущую въ ея груди. Нѣсколько секундъ Елена мечется, безъ единаго звука, по сценѣ. Вдругъ она останавливается на одно мгновеніе... Словно очнувшись, безпредметно смотритъ, то зажмуривая, то раскрывая глаза, какъ бы ловя ускользающія мысли. Подходитъ къ столу, беретъ какую-то книгу и старательно укладываетъ ее на каминѣ. Вдругъ торопливо подбѣгаетъ къ письменному столу, нервно отыскиваетъ бумагу, лихорадочно набрасываетъ нѣсколько словъ... и рветъ написанное. Обводитъ кругомъ полупомѣшаннымъ, остановившимся взглядомъ, какъ бы ища что-то исчезнувшее. Машинально встаетъ, дѣлаетъ нѣсколько безцѣльныхъ шаговъ на середину. Шатается, совсѣмъ обезсиленная, и плачетъ прерывистыми рыданіями. Опускается на стулъ, ставитъ локти на колѣни, кладетъ на руки голову, замираетъ. И опять внезапно срывается съ мѣста, стремительно звонитъ прислугу. Задыхаясь, голосомъ, который вылетаетъ короткими хрипыми звуками, требуетъ шляпу, накидку; мѣняетъ приказанія, уходитъ за кулисы и оттуда слышны ея отрывистыя, металлическія реплики горничной. Вотъ она появляется уже въ накидкѣ и шляпѣ, быстро направляется къ выходнымъ дверямъ. И опять останавливается, снова садится... надо что-то поправить. Ей душно. Она отстегиваетъ воротъ, развязываетъ ленты и почти совсѣмъ снимаетъ накидку. «Все кончено и все погибло» —говоритъ ея поза. Съ разбитой энергіей и опустошеннымъ сердцемъ она, кажется, готова отречься отъ всякой борьбы. Глубоко вздохнувъ, она еще разъ обводитъ кругомъ тусклымъ унылымъ взоромъ. И вдругъ, съ внезапной торопливостью застегиваетъ снова. быстро встаетъ и бросается вонъ изъ комнаты, твердыми шагами, готовая, можетъ быть, на преступленіе...

Я помню, какъ-будто то былъ дѣйствительный случай, невольнымъ свидѣтелемъ котораго я присутствовалъ, послѣдній моментъ пьесы. Только что перенесшая неслыханныя оскорбленія, унизившаяся до крайней степени униженія и все-таки брошенная, Елена стоитъ недвижно, лицомъ къ зрителямъ. Ея лицо, еще такъ недавно отражавшее, какъ самое чуткое зеркало, малѣйшее душевное движеніе, теперь застыло въ страдальческой маскѣ пережитого страданія. Жутко смотрѣть на помертвѣвшіе, остановившіеся глаза артистки. Все, чувствуешь, онѣмѣло въ ней, приникло навѣки и только внутреннимъ слухомъ она и прислушивается, какъ разрушаются въ ней обломки того, что было...

Я уже отмѣчалъ выше, что въ любви Елены сильно сказывается элементъ материнскаго, покровительственнаго чувства, придающій особенно мягкій и сдержанный колоритъ ея сердечной драмѣ. Но этотъ колоритъ слишкомъ смягчаетъ острые вспышки эгоизма и—я бы сказалъ даже—какой-то первобытной жестокой прямолинейности, чѣмъ отличается женская любовь, когда она является любовью только женщины къ мужчинѣ. Безъ этихъ характерныхъ добавочныхъ чертъ образъ культурной femme de trente ans былъ бы не вполнѣ жизненъ и рельефенъ. Но Савина достигла своей цѣли, тонко воспользовавшись матеріаломъ пьесы «Девятый валъ».

Если у Елены больше поэзіи, больше красиваго увлеченія, то Лунина суше, суровѣе, и, несмотря на свою внѣшнюю «эмансипированность», больше повинуется низшимъ инстинктамъ, чѣмъ Елена. Хищность натуры Луниной Савина превосходно обрисовываетъ при своемъ появленіи. Осторожной поступью, озираясь, она входитъ въ домъ своего любовника. Но во всѣхъ ея ухваткахъ, въ напряженномъ упрямомъ наклонѣ головы, въ тонѣ, которымъ она разспрашиваетъ лакея, чувствуется непреклонная увѣренность въ ея правахъ и на владѣльца дома, и на все, что ему принадлежитъ.

Потерпѣвъ неудачу въ защитѣ правъ своей любви, Лунина, со своей гордой волей и мужественной энергіей - такою рисуетъ ее Савина—въ отчаянной борьбѣ за обладаніе любимымъ человѣкомъ, снисходитъ до тихой мольбы, до слезъ въ голосѣ. «А я?.. забыта?..» — вырывается у нея глухимъ стономъ. Въ этомъ глухомъ стонѣ Савиной слышится столько внезапной безпомощности, что сразу становится понятнымъ, что она жила какой-то безумной надеждой до самой послѣдней минуты. Теперь все кончено... безвозвратно. И Лунина склоняется передъ сразившимъ ее ударомъ. Ея движенія становятся вялыми. Энергичныя слова, которыя авторъ вкладываетъ въ уста Луниной, произносятся артисткой безстрастно. Точно она говоритъ слова, случайно приходящія ей въ голову, но которыми, она уже убѣждена, все равно ничего не достигнешь и ничего не измѣнишь. Но апатія не можетъ надолго завладѣть закаленной натурой Луниной. Дойдя почти до обморока, она снова оправляется. Теперь она готова мстить... всѣмъ, кто былъ свидѣтелемъ ея минутной слабости. И настоящей неподражаемой злобной иронісй артистка придаетъ оскорбительный смыслъ своимъ послѣднимъ словамъ, которыми она словно швыряетъ въ лицо растерявшимся Байкову и его матери.

Въ только что разобранныхъ двухъ роляхъ своего репертуара Савина съ проникновеннымъ мастерствомъ раскрывала передъ нами душу современной культурной femme de trente ans, раскрыла во всѣхъ ея явныхъ проявленіяхъ и во всѣхъ ея сокровеннѣйшихъ, едва предполагаемыхъ движеніяхъ. Но богатая натура несравненной художницы отличалась еще другими рѣдкостными достоинствами. Я говорю объ особенномъ дарѣ н а ц і о н а л и з а ц і и. И въ той же галлереѣ сценическихъ типовъ Савиной есть два чудеснѣйшихъ образа чисто-русскихъ femme de trente ans, можетъ быть, недоступныхъ западному пониманію, но безконечно много говорящихъ русскому сердцу. Это—Евлалія изъ «Невольницъ» и Вѣра изъ «Сердце не камень».

Островскаго часто упрекаютъ въ недодѣланности его женскихъ характеровъ. Мнѣ кажется, что можно съ гораздо большимъ основаніемъ доказать (какъ это ни странно) его какое-то затаенное смакованіе домостройныхъ взглядовъ на женщину, которые высказываются его мужскими персонажами, и слишкомъ вкусное выписываніе сценъ, въ которыхъ обрисовывается бурное торжество пошлости, увы, такъ часто идущей объ руку съ буржуазно-моральной тенденціей его пьесъ. Немудрено, что на такомъ яркомъ фонѣ блѣднѣютъ тонкія линіи женскихъ образовъ. А, между тѣмъ, эти женскіе образы почти всегда начертаны вдумчиво, съ широкимъ знаніемъ психологіи русской женщины извѣстнаго соціальнаго типа, и даютъ благородный матеріалъ для сценическаго исполненія.

Нужно только ужиться съ своеобразной психологіей женщинъ Островскаго и совершенно забыть на время психологію Маргариты Готье и Татьяны Рѣпиной. Не всякая, даже и талантливая актриса способна на такой чисто - аналитическій трудъ. Но Савина, сыгравъ Евлалію («Невольницы») и Вѣру («Сердце не камень»), блистательно доказала, что сила ея анализа не уступаетъ силѣ ея непосредственнаго вдохновенія.

Обѣ пьесы имѣютъ несомнѣнное сходство въ своей схемѣ. И Евлалія, и Вѣра выданы замужъ по принужденію. И та, и другая больше живутъ мечтой, чѣмъ реальной жизнью. Онѣ окружены людьми, старающимися принизить до уровня своего низменнаго міросозерцанія идеальные порывы обѣихъ женщинъ.

Въ четвертомъ дѣйствіи Евлалія, обращаясь къ мужу, говоритъ: «Ну, я не знаю, ничего не понимаю, ну, я—глупенькая, совсѣмъ институтка. Такъ вѣдь не мучить меня за это, а пожалѣть надо»... Едва ли не эти слова приняла артистка за свою отправную точку. Да, Евлалія, въ изображеніи Савиной, институтка. Артистка даже умышленно подчеркиваетъ застѣнчивость Евлаліи на людяхъ и передъ любимымъ человѣкомъ, придавая движеніямъ нѣкоторую мѣшкотность и неловкость. Точно ребенокъ, которому хочется, чтобы его приласкали, она трогательно упрашиваетъ Мулина поцѣловать ей руку и вдругъ сама пугливымъ быстрымъ поцѣлуемъ цѣлуетъ его въ лобъ. Этотъ свой «особенный» поцѣлуй, въ одно и то же время и разсчетливый, и страстный, Савина повторяетъ нѣсколько разъ въ пьесѣ. Есть еще одна, чисто

русская черта въ характерѣ Евлаліи. Она отходчива и не въ состояніи питать долгую, мстительную злобу.

Главнѣйшее отличіе Вѣры («Сердце не камень») отъ Евлаліи заключается въ ея религіозно-мистическихъ воззрѣніяхъ. Но Вѣра въ исполненіи Савиной—не изувѣрка и не ханжа. Ея взгляды и всѣ жизненные поступки тѣсно переплетены въ одно гармоническое цѣлое здравымъ народнымъ смысломъ. На сценѣ была женщина съ замоскворѣцкимъ внѣшнимъ складомъ, своеобразной походочкой, неспѣшнымъ тягучимъ говоркомъ, типично одѣтая, привѣтливая, добрая, но, въ общемъ, казалось, ординарная натура. И вдругъ, эта необыкновенная женщина, при каждомъ столкновеніи съ обстоятельствами, какъ бы они ни были сложны или угрожающи, обнаруживаетъ стойкое мужество и душу необычайной красоты. Такихъ подъемовъ или вспышекъ въ пьесѣ нѣсколько—и каждый изъ нихъ служитъ артисткѣ предлогомъ запечатлѣть въ памяти зрителей то или другое душевное движеніе Вѣры, запечатлѣть и въ безукоризненной чеканкѣ цѣлаго и въ филигранной отдѣлкѣ деталей. Въ чтеніи какъ-то ускользаетъ и расплывается логика Вѣры въ ея отношеніяхъ къ Ераету. Въ самомъ дѣлѣ, на совѣсти Ераста числятся передъ Вѣрой такіе грѣхи, которые обыкновенно не забываются женщинами, даже и пылко любящими. А, между тѣмъ, было бы ошибочно предполагать такую любовь въ Вѣрѣ. Она, какъ Тургеневская Лиза, «любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно». Но она умѣла жалѣть, а въ народномъ пониманіи жалость и любовь почти аналогичны въ своихъ проявленіяхъ и слѣдствіяхъ. Недаромъ же сама Вѣра говоритъ: «станешь жалѣть—полюбишь». И когда съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдишь, бывало, какъ Савина, тонко ретушируя нѣсколько устарѣлый абрисъ автора, придаетъ живую прелесть жизни своей героинѣ, начинаешь понимать, почему Вѣра простила Ераста. Съ неотразимымъ убѣжденіемъ понимаю, что т а к а я женщина не могла не простить. Если не холоднымъ разсудкомъ, то сердцемъ, горящимъ христіанской любовью, она видитъ всю страшную сѣть нужды, тягости жизни и голода, ведущихъ человѣка къ преступленію.

Такими возвышенными чертами рисовала Савина русскую femme de trente ans—Вѣру.

И. З а б р е ж н е в ъ.

Смерть М. Г. Савиной—огромнѣйшая утрата для Театральнаго Общества. Объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Она была не только предсѣдательницей Совѣта, но воистину душою Общества. Если деньги—«нервъ вещей», а вѣчно нуждающееся Театральное Общество знаетъ цѣну этому «нерву», то будетъ вполнѣ умѣстнымъ здѣсь упомянуть, что стараніями и трудами М. Г. Савиной собрано не менѣе милліона рублей на нужды Общества пособія сценическимъ дѣятелямъ и Театральнаго Общества. Пока была жива Савина, Театральное Общество, при всѣхъ своихъ затрудненіяхъ, могло все же смотрѣть впередъ «безъ страха и сомнѣнія». Но умерла Савина—и настаютъ трудныя времена для Общества. До насъ уже дошли голоса тревоги изъ глубины провинціи, всегда болѣе остро и живо отзывающейся на общественные вопросы.

Въ этихъ печальныхъ обстоятельствахъ большимъ утѣшеніемъ прозвучали слова А. Е. Молчанова, сказанныя имъ въ экстренномъ засѣданіи Совѣта,—о томъ, что онъ нравственной обязанностью сочтетъ для себя вдвойнѣ работать для Театральнаго Общества—и за себя, и за М. Г. Савину. Зная, сколько сдѣлано было А. Е. Молчановымъ для Театральнаго Общества, можно быть увѣреннымъ, что Театральное Общество, при нынѣшнихъ исключительно трудныхъ обстоятельствахъ, благополучно выйдетъ изъ кризиса. И развѣ не лучшимъ увѣковѣченіемъ имени Савиной, — этого «добраго генія провинціальнаго актера», какъ сказано было въ одной изъ телеграммъ,—будетъ поддержка Театральнаго Общества, созданнаго ею?

КЪ РУССКОМУ АКТЕРСТВУ.

Письмо въ редакцію В. И. Никулина.

Объ увѣковѣченіи памяти М. Г. Савиной (см. т. I, стр. 91—92).

20—IX—1915. № 38.

Статья Димитрія Арова о томъ же (см. т. I, стр. 113—115).

ВО ИМЯ САВИНОЙ.

Письмо въ редакцію Б. С. Глаголина.

Напечатано въ т. I, стр. 115—116.

НА ПОХОРОНАХЪ М. Г. САВИНОЙ.

4 моментальныхъ снимка.

4—X—1915. № 40.

НѢТЪ САВИНОЙ!

Нѣтъ Савиной—и пусто и горько на душѣ...

Случилось что-то въ высшей степени жестокое, неумолимое.

Можно ли быть больше женщиной, чѣмъ Савина? Можно ли живѣе, изящнѣе чувствовать волшебное могущество женскаго обаянія, чѣмъ чувствовала его въ самой себѣ и проявляла на сценѣ Савина?

Савина, при бѣгломъ, вѣрнѣе,—буржуазномъ взглядѣ, не отличалась ни строгой красотой лица, ни языческой прелестью тѣла, ни консерваторскимъ идеаломъ полнозвучнаго голоса, но стоило только прислушаться, какъ она своими плѣнительными, зажигающими сердце интонаціями обращала человѣческую рѣчь въ цѣлый арсеналъ интимнѣйшихъ мыслей, сладкихъ предчувствій новыхъ и новыхъ возможностей земного счастья, стоило только взглянуть въ ея бездонные, божественные глаза, такъ и засыпавшіе васъ искрами таланта, неизсякаемой внутренней жизнью—и предъ вами была красота...

Вѣроятно, тѣмъ, кто видѣлъ эту неизъяснимую артистку на сценѣ теперь, мои трепетныя, лихорадочныя строки ничего не скажутъ. Пусть! Что дѣлать? Я пишу сейчасъ лишь для тѣхъ счастливцевъ, чья юность совпала съ расцвѣтомъ ея карьеры въ Петербургѣ, кто, задыхаясь отъ восторга, говорилъ самому себѣ или въ тѣсномъ кругу друзей: «Нашъ соловушко, наша Савочка»!..

Ну, какъ можно незнавшимъ Савину въ ея лучшіе дни объяснить квинтъ-эссенцію женской природы хотя бы въ этомъ, до сихъ поръ звучащемъ въ ушахъ словѣ: «м... м... тырлистъ»?

О, символъ ликующей весны! О, стройная, бѣленькая, молоденькая березка «дикарка» Варя!

Съ Савиной мы хоронимъ самое дорогое театра—его плѣнительную наивность. Такихъ безцѣнныхъ самородковъ, какъ Савина, сама жизнь уже болѣе дать не можетъ, потому что сцена съ каждымъ днемъ все сильнѣе становится похожей на каѳедру въ драматической формѣ, на иллюстрацію литературы и костюмовъ.

У Савиной почти не было такъ называемыхъ «сдѣланныхъ» ролей, она не подчеркивала свою игру виртуозностью, не заботилась о «трюкахъ». Благодаря врожденной артистичности, Савина поражала зрителей только цѣльнымъ образомъ. Виртуозность отдѣльныхъ моментовъ у артистки являлась сама собою. И зрителю на этой виртуозности даже некогда было останавливаться въ виду необычайной прелести всего образа, изображаемаго артисткой.

Эти безцѣнныя, специфически артистическія качества почти совсѣмъ уже не встрѣчаются на театрѣ съ тѣхъ поръ, какъ на него повалили толпами люди «изъ общества», вносящіе только свою «персону» въ каждую роль. Этотъ, мимоходомъ замѣчу, чисто любительскій принципъ появился именно съ того момента, когда искренность личныхъ переживаній на сценѣ, личную драму или личную жизнерадостность стали смѣшивать съ талантомъ, первое условіе котораго типичность и оригинальность всего передаваемаго въ сценическомъ представленіи.

Савина никогда не была на сценѣ, «какъ у себя дома», въ столь излюбленномъ нынѣ значеніи «халата», грубаго натурализма, хотя игра ея была въ высшей степени проста и естественна. Всегда на сценѣ Савина казалась выше жизни. Какимъ-то чудомъ, посредствомъ одной ей свойственныхъ интонацій, Савина дѣлала такія психологическія сближенія, казалось бы, діаметрально противоположныхъ типовъ, которыя сразу, во весь ростъ являли передъ зрителемъ сходственное въ различномъ и различное въ сходственномъ.

Сценическое творчество Савиной было неистощимымъ, почти безпримѣрнымъ. Душа женщины, всевозможные типы необозримой Россіи для Савиной были раскрытой книгой.

Какое-то, чисто Гоголевское чутье юмора проявлялось въ этомъ Савинскомъ: «Нахговорили! нахговорили!» «Та у насъ у Зміевѣ». И подумать только, что такими примитивами Савина удивительно вѣрно, тонко рисовала цѣлыя картины малороссійской провинціи и меланхолической, наивно прекрасной украинской природы!

Что можетъ быть безцвѣтнѣе, пустѣе нѣкоторыхъ свѣтскихъ дамъ-благотворительницъ отъ скуки! Но какъ Савина умѣла примирять съ ними, находить въ нихъ безъ вины виноватыхъ существъ!

Вспомните, какъ она произносила: «Ахъ, Боже мой, я заговорилась! Я совсѣмъ забыла, что меня ждетъ мужъ въ каретѣ!»...

А это изъ «Чародѣйки»: «Мамыровъ, хошь винца?»... И—взглядъ, которымъ Савина сопровождала это восклицаніе, и затаенный смѣшокъ кипящей страстью, юностью, безграничнымъ обаяніемъ женщины, чувствующей свое могущество надъ мужчиной.

Какъ всякій истинный талантъ, Савина была неподражаема, и, естественно, актрисы, посягавшія на ея престолъ сценическій, путемъ имитаціи, схватывали только Савинскіе недостатки.

Замѣчательна еще одна, чисто царственная особенность Савиной. Что бы ей ни приходилось играть, во всемъ она казалась содержательнѣе, интереснѣе женщинъ, окружающихъ насъ въ жизни. Но это всегда у Савиной выходило такъ легко, такъ безобидно, такъ чуждо какого-либо подчеркиванія, что публика охотно поддавалась ея обаянію, даже какъ бы не замѣчала ея порабощающаго превосходства надъ собою.

Правда, какъ это ни парадоксально для «непосвященныхъ въ кулисы»,—и время для талантовъ тогда было благопріятнѣе: «большая публика» въ молодые годы Савиной еще ясно не сознавала царственнаго удѣла призванныхъ актеровъ, изъ ея среды еще не появлялись «сверхъ-режиссеры», ни къ селу, ни къ городу, прилѣпляющіе къ классикамъ гротескный стиль, пропускающіе ихъ сквозь призму современности, конечно, для того лишь, чтобы подобными «штучками» оправдать свою необходимость, выставить себя на первый планъ и, кстати, хоть чѣмъ-нибудь замаскировать органическую нетеатральность актеровъ изъ общества.

Да, безъ преувеличенія, страшную, незамѣнимую потерю для театра представляетъ смерть Савиной. Исчезла надолго, а, можетъ быть, и навсегда чудеснѣйшая галлерея разнохарактерныхъ женскихъ типовъ, нарисованныхъ кистью необычайной сценической силы, ослѣпительной красочности с о з д а н і й.

Ея Вѣрочка изъ «Мѣсяца въ деревнѣ» навсегда останется идеальнымъ символомъ лучшихъ сторонъ славянской расы, своеобразнымъ небомъ души въ земной оболочкѣ полной поэзіи расцвѣтающаго благоуханнаго сада нашей родины.

Въ сферѣ строгой комедіи Савину можно назвать прямо величайшей артисткой. Въ комедіи она перевоплощалась, достигала геніальнаго прозрѣнія самыхъ сложныхъ волненій внутренняго міра.

Въ драмѣ Савина была нѣсколько ниже своего таланта. Но это нужно понимать весьма относительно. Для всякой другой актрисы ея, напримѣръ, Кондорова, Маргарита Готье— идеалъ исполненія, ужъ по одному тому, что она окутывала ихъ неуловимой дымкой поэзіи.

Тутъ по пути сказать: Савина никогда не выдавала свои личныя чувства за чувства играемыхъ ею ролей. Это избавляло ее, прежде всего, отъ грубаго натурализма, отъ фотографіи дѣйствительности. Не тутъ ли весь секретъ истиннаго сценическаго дарованія?

И наконецъ: Савина всѣмъ своимъ существомъ разъ навсегда на голову разбила до сихъ поръ еще живучій (правда, больше въ провинціи) привилегированно-хамскій предразсудокъ относительно... «бѣлой» и «черной кости» людей.

Стоило только эту артистку сопоставить съ огромнымъ большинствомъ «высокорожденныхъ» графинь и княгинь, и всѣ онѣ меркли предъ ней, какъ лампада предъ солнцемъ.

Всѣ онѣ, до отчаянія похожія одна на другую, безъ тѣни оригинальности, беззавѣтнаго увлеченія, орлинаго полета воображенія, поэзіи въ самыхъ порокахъ. Всѣ эти чисто артистическія качества въ полной красотѣ проявляются только у grande-bohême, высшимъ выраженіемъ чего являлась Марія Гавріиловна Савина. Эта нѣкогда бѣдная дѣвушка Подраменцева-Стремлянова, дочь скромнаго учителя чистописанія, обитавшаго въ глухой провинціи, разлила по всей Россіи свѣтъ искусства.

И что всего отраднѣе, благороднѣе, что царственный успѣхъ Савиной на сценѣ никогда ни на минуту не заставилъ ее забыть все великое значеніе и честь принадлежать именно къ grande-bohême.

Оттого и наверху ослѣпительной славы Савина никогда не забывала своихъ меньшихъ братьевъ—ея провинціальныхъ товарищей по искусству, и, какъ никто, умѣла обращаться съ обнаженными нервами актеровъ.

И еще: нѣсколько словъ о томъ якобы «засиліи», которое внесла Савина на казенную сцену съ воцареніемъ на ней. Разныя себялюбивыя букашки жужжали, что, благодаря Савиной, нельзя было многимъ развернуться, какъ слѣдуетъ. Можно ли придавать серьезное значеніе такой оскорбительной претензіи? Можно ли повѣрить, чтобы такой талантъ, какъ Савина, мѣшалъ бы карьерѣ другого таланта?

Притомъ тѣ, кто претендовалъ на Савинскій престолъ, имѣли всѣ средства, и матеріальныя, и нравственныя, соперничать съ Савиной у всѣхъ на виду. И вина ли артистки, что соперничество это каждый разъ еще болѣе, еще завиднѣе освѣщало талантъ Савиной и неумолимо доказывало толпѣ, что «всякъ пляшетъ, да не такъ, какъ скоморохъ».

И к о м у было Савиной завидовать, если даже допустить въ ней типично рабское чувство? Чего ей недоставало въ ея славѣ? Кто на всемъ протяженіи сценической карьеры Савиной могъ пойти хоть въ приблизительное сравненіе съ врожденной артисткой въ области комедіи?

Можетъ быть, личныя антипатіи Савиной смѣшивались съ завистью. Это вопросъ уже другой, интимный, и у насъ нѣтъ права разбирать его.

Замѣчу лишь, если большой человѣкъ иногда глубоко падаетъ, зато и встаетъ, какъ солнце. Во имя этого, поклонимся до земли солнцу русской комедіи, и вѣчная память очаровательной Маріи Гавріиловнѣ Савиной.

Н. Р о с с о в ъ.

8—XI—1915. № 45.

ДВА МѢСЯЦА.

(8-го сентября—8-го ноября).

Замѣчали ли вы, какъ благодарила Савина, выходя на вызовы послѣ только что сыгранаго акта?

Глубоко присѣдая, она дѣлала церемонный реверансъ.

Такъ почтительно склоняется придворная дама, удостоенная благосклонной улыбки своего суверена и повелителя.

Но наша добродушная русская театральная толпа... вѣдь она такъ мало похожа на требовательнаго властелина! А Савина? Неужели она хотя бы одной чертой своей артистической и человѣческой индивидуальности напоминала робкую дебютантку? Савиной ли, «чародѣйкѣ русской сцены»—какъ давно уже кто-то назвалъ ее—слѣдить почти записывающимъ взглядомъ за мельканіемъ аплодирующихъ рукъ, гдѣ-то подъ самой люстрой, на галеркѣ?

Въ чемъ же разгадка?

Савина вся въ суевѣрномъ—чувствуется—безсознательномъ подчиненіи былымъ традиціямъ былого актерскаго быта. Я бы сказалъ даже—былого актерскаго жизнепониманія. Она, каждой каплей крови,—вѣрная дочь особливой касты прославленныхъ гигантовъ сцены. Ея духовнымъ предкамъ льстили надменные короли и лучшіе люди своего вѣка, и въ то же время надъ ними гремѣли проклятія церкви, тяготѣло чванливое презрѣніе лицемѣрнаго большинства. Ихъ гражданскія права порою были ниже осужденнаго преступника.

Это вѣдь въ прекрасной Франціи, шедшей во главѣ міровой культуры, лишали актеровъ христіанскаго погребенія. Отказывали имъ въ причастіи, когда они играли на сценѣ, и бросали въ тюрьму, когда они отказывались выступать въ какой-нибудь пьесѣ.

А у насъ, даже въ тѣ еще годы, когда уже загорался талантъ Савиной и ея сверстниковъ, не только важные вельможи, но и театральные чиновники говорили актерамъ «ты». И, во вниманіе «къ особымъ заслугамъ», награждали серебряными медалями, наравнѣ съ курьерами и ламповщиками. Послѣднее, впрочемъ, практикуется и по сіе время, не вызывая ни въ комъ удивленія.

На подмосткахъ актеръ—царь и богъ, а внѣ...

— Ты со сцены пороки-то съ жаромъ обличай, а нѣтъ-нѣтъ да и закинь глазкомъ въ публику: не сидитъ ли, молъ, человѣчекъ, который на свой счетъ твои слова принять можетъ? Увидишь—тонъ мягче сдѣлай. Отъ публики мы живемъ, отъ нея и кормимся!

Столь мудро наставлялъ своего ученика одинъ изъ лучшихъ старыхъ актеровъ—когда бы вы думали?.. Въ семидесятыхъ годахъ «просвѣщеннаго» XIX вѣка!

Во власти такихъ историческихъ пережитковъ, въ атмосферѣ житейскихъ условій еще «несвободнаго» свободнаго искусства родился, росъ и расцвѣталъ роскошнымъ цвѣтомъ изумительный Савинскій талантъ.

Талантъ, въ которомъ не знаешь, чему больше дивиться—богатству ли подспуднаго содержанія или красочности и великолѣпію его внѣшнихъ проявленій?

— Актеръ служитель сцены, но и слуга публики!

Современная актерская молодежь, къ счастью, не признаетъ уже теоретически второй части этой сакраментальной формулы. И почти не испытываетъ неудобствъ отъ отрицанія ея на практикѣ.

Но Савина,—повторяю, пусть безсознательно, пусть инстинктивно,—все еще молилась двумъ богамъ: и Сценѣ, и Публикѣ.

Въ этомъ двубожіи наиболѣе уязвимая сторона, «Ахиллесова пята», ея блистательной, почти безпримѣрной артистической карьеры.

Тутъ оправданіе и пониманіе ея знаменитаго «реверанса» въ отвѣтъ на вызовы, и еще многаго другого.

Но зато, по этимъ же корнямъ, которыми такъ глубоко вросла Савина въ прошлое, въ исторію театра, шла и насыщала ея талантъ титаническая мощь «стараго» актерства.

Я говорю о томъ размахѣ и разнообразіи виртуознаго творчества, въ лучшемъ смыслѣ этого понятія, которымъ обладали старые актеры.

Я говорю о фанатическомъ убѣжденіи, что «актеромъ надо умѣть быть», что тайны высшаго мастерства вскрываются лишь въ огнѣ напряженной, неустанной работы на самой сценѣ, а не внѣ сцены, не въ какихъ-то тамъ «театральныхъ» школахъ или «умныхъ» книж-

кахъ, написанныхъ людьми, которые сами не переживали радостнаго экстаза сценическаго творчества. Конечно, тутъ чувствуется много профессіональной гордости, своего рода «поэзіи ремесла», но въ этомъ же символѣ былой актерской вѣры угадывается большая житейская правда.

Отъ нея-то, въ явный ущербъ искусству, опрометчиво уныли—именно въ сторону «умной» книжки—современные искатели новыхъ театральныхъ путей.

Но въ душѣ Савиной эти завѣты, боевые клячи эпохи ея молодости, хранились свято. Гордый девизъ: «Сцена—моя жизнь!» не звучалъ въ ея устахъ холодной, надуманной фразой.

Въ высшей степени замѣчательное явленіе: мы не знаемъ Савинскихъ учениковъ или учениць! Правда, ее усердно и рабски копировали. Правда, провинція—да и столицы—еще недавно кишѣли актрисами, которыя увѣряли себя и другихъ, что онѣ вышли изъ «школы Маріи Гавріиловны». Но очень и очень сомнительно, чтобы хоть кому-нибудь изъ нихъ удалось усвоить то, что онѣ переняли изъ пріемовъ и манеры игры Савиной, непосредственно отъ нея, какъ отъ «профессора».

Исторія знаетъ много примѣровъ, когда великіе мастера—обыкновенно исчерпавшіе до дна всѣ замыслы и всѣ осуществленія «своего» искусства ихъ времени—не оставляли учениковъ—наслѣдниковъ. Не выходя изъ рамокъ театра нашихъ дней, достаточно указать, что нѣтъ учениковъ у Сарры Бернаръ, у Дузе. Нѣтъ ихъ и у Савиной. Такъ же, какъ—повѣствуетъ средневѣковая легенда—не бываетъ потомства у райской птицы, рождающейся чуднымъ образомъ, въ знакъ особой милости Неба.

Что жъ—смиримся, не станемъ роптать... И, памятуя, что нѣтъ легенды, не скрывающей въ своемъ зернѣ разрѣшенія большой жизненной загадки, забудемъ о наслѣдникахъ, которыхъ не оставила намъ несравненная артистка.

Поговоримъ о ней самой—«единственной» Савиной.

Попытаемся опредѣлить—только ли совершенство сценическихъ средствъ дало ей право, на протяженіи столькихъ лѣтъ, быть центромъ восхищеннаго вниманія и поклоненія культурнѣйшихъ слоевъ русскаго общества?

Какъ ни странно говорить о внѣшности Савиной, черты которой врѣзались въ память не одному поколѣнію театраловъ, приходится—и не напрасно, какъ увидите дальше—сказать нѣсколько словъ.

Ни одно искусство, кромѣ сцены, не беретъ такъ цѣликомъ всего человѣка, съ его физическими данными, со всѣми его психологическими особенностями. «Эффектная, сценическая внѣшность»—да вѣдь это половина, если не три четверти успѣха навѣрняка!

Въ свое время, смѣшивая задоръ и оживленіе молодости съ дарами прирожденной красоты, критики писали восторженные дифирамбы въ честь Савиной, «какъ дамы».

Мы, пришедшіе позже, можемъ быть болѣе безпристрастными судьями.

«Одни глаза»... Но неопредѣленно-мягкая лѣпка лица, зыбкость и незаконченность жеста (который не могла измѣнить даже упорная работа), неполнозвучность мелодіи голоса—всѣ эти, почти не мѣняющіеся съ годами, признаки утверждаютъ въ мысли, что отнюдь не дерзновеніемъ ослѣпительной красоты завоевала Савина свое театральное царство.

Скажу даже больше—чувства, переживаемыя на сценѣ, не отражаются на ея лицѣ въ калейдоскопѣ мимическихъ деталей, какъ это можно видѣть у нѣкоторыхъ большихъ иностранныхъ актрисъ или у нашей Ермоловой.

И, тѣмъ не менѣе, все-таки — не много найдется на европейской сценѣ у Савиной соперницъ по магнетическому вліянію на зрителя.

Какъ хищная птица овладѣваетъ легко и свободно намѣченной добычей, такъ съ поразительной легкостью, съ какой-то «беззаботностью жизни», претворяла Савина своей игрой часто ничтожный матеріалъ роли и вводила его въ «святая святыхъ» человѣка четкимъ, незабываемымъ образомъ вѣчно женственнаго и желаннаго.

Съ этимъ образомъ, насильственно вторгнутымъ въ душу, сживаешься, любишь его или ненавидишь, но долго не въ силахъ отъ него отречься.

Тутъ больше, чѣмъ внѣшняя привлекательность. Выше, чѣмъ виртуозность исполненія.

Можетъ быть, наиболѣе правдивое объясненіе чарамъ такого плѣнительнаго искусства именно слово, которое у меня сейчасъ сорвалось:

— Женственность.

Но первобытная сущность «Савинской» женственности рафинирована и утончена. Доведена до своей высшей выразительности. Освѣщена сквозь радужную призму совершеннаго искусства.

Рѣдкостной, все болѣе и болѣе исчезающей въ наши дни, женственностью таланта Савиной, таланта безъ единой мужской черты—объясняется многое въ ея сказочномъ успѣхѣ.

Многое, но далеко не все.

Свой огневой темпераментъ, стихійныя вспышки котораго порою казались зорями новыхъ свѣтлыхъ чувствъ, порою зловѣщими отблесками отдаленной грозы...

Свой острый и здоровый юморъ, безъ всякой примѣси мелкаго мѣщанскаго смѣшка...

И, наконецъ, всегда жившую въ ней, несмотря на «свѣтскость» большинства ролей, чисто народную мистическую взволнованность религіозной души...

Все отдала она для одного большого художественнаго подвига.

А этимъ подвигомъ было:

— Воплощеніе въ сценическихъ образахъ переживаній русской женщины переходнаго времени въ борьбѣ за личное счастье, за право на личную жизнь съ ея радостями и печалью.

Семидесятые, восьмидесятые годы и первая половина девяностыхъ, отъ первыхъ серьезныхъ попытокъ на русской почвѣ женскаго раскрѣпощенія, «Жоржъ-Зандизма», до перваго массоваго движенія женщинъ въ область равенства съ мужчиной, до перерожденія женщины—«украшенія салона» въ женщину-труженицу.

Такова—длительная, полная глубокаго общественнаго и психологическаго интереса полоса національной исторической жизни, творчески запечатлѣнная Савиной.

Тутъ, чувствую, мнѣ придется нѣсколько уклониться въ сторону...

Недобрый афоризмъ Чехова о театрѣ — «пудреной любовницѣ» и беллетристикѣ—«законной женѣ», кажется, фатально близокъ невысказаннымъ взглядамъ на драматическую и повѣствовательную формы писательства лучшихъ русскихъ литературныхъ талантовъ.

Отчего же, при случаѣ, можно написать и драму, и комедію, но цѣнную, выстраданную мысль, но завѣтную идею органически влечетъ развить въ повѣсти или романѣ.

По особенности нашей психики, по многимъ условіямъ нашего быта, у русскаго человѣка больше склонности къ созерцанію, къ эпическому, спокойному повѣствованію.

Другое дѣло на Западѣ. У французовъ, напримѣръ.

Тамъ склонность къ дѣйствію въ національномъ характерѣ давно уже создала театръ, идущій не рабски за идеями и типами беллетристики (какъ у насъ), а путемъ самостоятельныхъ исканій выдающихся художниковъ-драматурговъ, людей не менѣе одаренныхъ, чѣмъ ихъ собратья художники-беллетристы.

«Когда не ужинаетъ баринъ, тогда пользуется ужиномъ лакей».

И вотъ, учитывая въ свою пользу отчужденіе отъ театра «избранниковъ», туда нахлынули дружной бандой драматурги-ремесленники, передѣлыватели, приспособители.

Создался въ театрѣ «міръ безтолочи, Крылова, глупости и пустозвонства», о которомъ писалъ тотъ же Чеховъ, еще заставшій въ началѣ своихъ драматическихъ опытовъ на образцовой Александринской сценѣ разгулъ театральнаго карьеризма Крылова и его соратниковъ.

Точно подъ низкими сводами, въ моральной духотѣ, безъ притока освѣжающаго дыханія великой, подлинной, «святой» (по опредѣленію Флобера) литературы пришлось творить Савиной большое культурное дѣло.

Упреки «Крыловскимъ репертуаромъ», «Крыловщиной» (въ нарицательномъ смыслѣ трафаретныхъ, приспособительныхъ пьесъ) долго считались дѣйствительнымъ оружіемъ въ рукахъ недоброжелателей Савиной.

Я позволяю себѣ думать, что «Крыловщина», безспорно, отрава для средняго дарованія, но она не такъ ужъ страшна для таланта Савинской силы и размаха.

Я предвижу и коварный вопросъ:

— Какъ же такъ, вѣдь Крыловъ и ему подобные, мало того, что были «приспособителями», но и пьесы-то ихъ только замаскированныя передѣлки съ французскаго? Гдѣ же въ нихъ русскій духъ? Гдѣ элементы для сценической характеристики русской женщины переходнаго времени?

Разъяснить подобное недоразумѣніе не трудно.

«Крыловскія» пьесы съ французскаго—это совершенно вѣрно.

Но вѣдь и атмосфера воспитанія, обычаевъ и привычекъ, въ которой родилась и получила первые житейскіе уроки русская женщина переходнаго времени, тоже «исторически» была насыщена идеалами французскаго институтскаго воспитанія, взглядами французскаго буржуазнаго уклада.

Для той русской женщины такъ ли далеко отстояли одна отъ другой возможности — между блистаніемъ въ свѣтскомъ салонѣ признанной львицей и добровольнымъ уходомъ въ монастырь?

На первый взглядъ послѣдній шагъ скорѣе похожъ «на Россію, чѣмъ на Францію», но въ дѣйствительности и онъ отголосокъ старофранцузскихъ католическихъ тенденцій.

Или возьму другой примѣръ: между легкомысленнымъ и жаднымъ, подъ позолотой изящества, стремленіемъ къ соблазнамъ грѣха и возвышенной жертвой полнаго самоотреченія, ради блага другого, т.-е. обычнымъ лейтмотивомъ Тургенева. Крыловскій лубокъ, какъ видите, пришелся ко двору и отразилъ (правда, въ тускловатомъ зеркалѣ) не только настроенія общества, но даже и думы литературныхъ вождей.

Должна ли была, или, вѣрнѣе, могла ли пренебречь подобнымъ черновымъ матеріаломъ Савина? Я думаю, что нѣтъ.

За нехваткой подъ рукой благороднаго золота, геніальный Бенвенуто Челлини чеканилъ свои ювелирные шедевры изъ простой мѣди. Въ душѣ Челлини жила тайна его славныхъ преуспѣяній, а не въ неодухотворенномъ металлѣ.

Оговариваюсь, я не задался цѣлью сдѣлать изъ Савиной легендарную фигуру, отказать ей во всѣхъ человѣческихъ слабостяхъ.

Но объ этомъ послѣ,—придетъ еще время сказать о томъ, какъ «Крыловщина» все же вплела нѣсколько сорныхъ травокъ въ ея побѣдный, лавровый вѣнокъ.

Едва пользуясь банальной канвой часто неладно сколоченныхъ пьесъ, Савина въ некрометномъ отраженіи своей многозвучной и неисчерпаемо богато одаренной души, отъ пьесы къ пьесѣ, отъ года къ году, твердой рукой начертала художественный образъ «своей» русской женщины. Образъ единый, но съ тысячью оттѣнковъ,—полное подобіе того, который чувствовался обществомъ, угадывался и возсоздавался литературой, не авторами тогдашняго репертуара.

Какъ и духовные ея предки, «старые актеры», люди сами себя создавшіе, актеры Божіей милостью, а не однимъ тщеславнымъ хотѣніемъ или стеченіемъ обстоятельствъ, Савина всегда была на уровнѣ высшихъ интеллектуальныхъ интересовъ своего времени.

И это не только давало ей власть переработки «по-своему» косноязычныхъ попытокъ кустарей-драматурговъ, но вводило ее въ самую лабораторію «сотворчества» съ драматургами-писателями, перебѣжчиками съ литературнаго Олимпа (ибо и самъ Островскій былъ больше повѣствователемъ, чѣмъ драматургомъ).

Мы, современники, помнимъ сами,—а поколѣніямъ, идущимъ намъ на смѣну, разскажетъ будущій историкъ театра о томъ,—«какъ» неповторяемо во многомъ сумѣла Савина пережить на сценѣ и заставить пережить зрителей драгоцѣннѣйшія мечты-образы корифеевъ русской литературы, иностранныхъ классиковъ и тѣхъ русскихъ второстепенныхъ дарованій, которые силой своихъ стремленій подошли къ самому входу въ станъ избранныхъ.

Русская женщина переходнаго времени еще жива.

С а в и н а разсказывала намъ объ ея молодости, о порѣ ея зрѣлости. Но Тургеневская женщина давно уже жена, мать, нерѣдко бабушка—повторяю—еще живетъ среди насъ.

Кто намъ разскажетъ теперь о великолѣпномъ закатѣ Тургеневскихъ героинь?

О нашемъ сѣверномъ закатѣ, который столь непохожъ на южный, мгновенно спускающійся мракъ, и который полонъ неизъяснимой прелести умиротворенной радуги, смягченныхъ пышныхъ красокъ, слившихся въ одну с и м ф о н і ю,—и расцвѣтающихъ грезъ юности, и спокойныхъ отблесковъ поры возмужалости, и холодныхъ стальныхъ зарницъ близящейся вѣчной ночи...

И в. З а б р е ж н е в ъ.

ТРЕЗВОСТЬ.

(Петроградъ).

22—XI—1915. № 45—46.

НА МОГИЛѢ М. Г. САВИНОЙ.

(Посвящается А. Е. Молчанову).

Могильный холмъ съ вѣнкомъ, руками обнимая,
Мечтами дѣлишься съ своей супругой ты,
Хотя въ душѣ своей глубоко сознавая,
Что къ жизни вновь вернуть напрасныя мечты,
Что слово вновь отъ ней услышать не придется,—
Она въ землѣ сырой спитъ непробуднымъ сномъ...
Но все жъ поговорить невольно сердце рвется,
И ты зовешь ее, зовешь, но тишь кругомъ...
Остался ты одинъ въ житейскомъ бурномъ морѣ,
И одинокому такъ грустно въ свѣтѣ жить,
И вотъ пришелъ ты къ ней, чтобъ на могилѣ горе,
Томившее тебя, излить и раздѣлить...
А, уходя домой, какъ-будто легче станетъ,
Какъ-будто въ сердцѣ грусть на время облегчишь.
И вновь придешь ты къ ней, но твой вѣнокъ завянетъ,
А къ жизни все же вновь ее не возвратишь.

М. Ж и л и н ъ.

ТРОИЦКАЯ ГАЗЕТА.

(Троицкъ, Оренбургской губерніи).

16—IX—1915. № 35.

† М. Г. САВИНА.

Описаніе послѣднихъ дней жизни и краткія біографическія свѣдѣнія—по сообщеніямъ столичныхъ газетъ.

ТРУДОВАЯ ГАЗЕТА.

(Николаевъ, Херсонской губерніи).

11—IX—1915. № 1901.

† М. Г. САВИНА.

Краткій некрологъ, перепечатанный изъ «Южнаго Края», 9—IX—1915, № 12920. Этотъ же некрологъ появился также: въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ», 10—IX—1915, № 3867; въ «Родномъ Краѣ», 11—IX—1915, № 999; въ «Ялтинскомъ Курьерѣ», 18—IX—1915, № 194.

ТУЛЬСКАЯ МОЛВА.

16—IX—1915. (Тула). № 2349.

УМЕРЪ ТАЛАНТЪ!

(Памяти М. Г. Савиной).

Удѣлъ каждаго человѣка—умереть; но какъ больно всегда сжимается сердце, когда услышишь или прочитаешь про смерть талантливаго человѣка.

Что мнѣ, вамъ, что милліонамъ людей была умершая М. Г. Савина. Ни мнѣ, ни вамъ она не была ни сестрой, ни матерью, ни близкимъ другомъ, почему же и вы, и я, при извѣстіи о смерти Савиной, говоримъ:

— Умерла Савина, какъ жаль!

И никому не надо пояснять, кто такая Савина, и почему всѣ жалѣютъ о ея смерти.

Потому что Савина была талантъ, настоящій Божіей милостью талантъ. А талантъ близокъ и дорогъ всему человѣчеству, и вотъ почему смерть Савиной отражается на насъ, какъ потеря близкаго человѣка!

Но еще тяжелѣе, еще больнѣе дѣлается отъ мысли, что «старая гвардія» русской сцены умираетъ, но некому ее замѣнить. Кто дерзнетъ сказать, что онъ замѣнитъ «дядю Костю», кто дерзко встанетъ на мѣсто М. Г. Савиной?

Да, умираетъ талантливая, даже геніальная старость, и некому придти ей на смѣну.

Русская сцена и такъ не особенно избалована талантами, а за послѣднее время сколько она потеряла выдающихся сценическихъ дѣятелей—представителей «старой гвардіи» русской сцены.

Гдѣ Коммиссаржевская, гдѣ Садовскій, Ленскій, Варламовъ, Стрѣльская, гдѣ, увы, Савина?

Никого ихъ нѣтъ.

...Они далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ!

И такъ грустно дѣлается при мысли, что умираютъ талантливые люди, умираютъ, когда бы могли еще жить, давать людямъ художественныя наслажденія, но они уходятъ въ молчаливую даль, оставляя за собою тѣнь славы.

Ибо что такое слава актера?

Она развѣется, какъ дымъ, съ послѣдней сыгранной имъ ролью.

И вотъ почему такъ больно при мысли о смерти М. Г. Савиной. Не стало художника русской сцены, вѣчно горѣвшей, вѣчно творившей и даже передъ самой смертью, въ которую она не вѣрила, изучавшей детали новой роли.

Обращаясь къ осиротѣвшей семьѣ русскихъ артистовъ, которые очень многимъ ей обязаны, она смѣло и гордо могла бы сказать про себя:

Учитесь у меня, россійскіе актеры,
Я роль свою сыграла мастереки!

И да будетъ ей земля пухомъ!

К. Вехтинъ.

УРАЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ.

(Екатеринбургъ).

11—IX—1915. № 202.

† М. Г. САВИНА.

Умерла Марія Гавріиловна Савина....

Русскій театръ лишился великой артистки, талантъ которой, несмотря на 46-лѣтнее служеніе сценѣ, былъ еще въ полной силѣ. Имѣя позади себя почти полвѣка большой, нервной работы, М. Г. играла съ тѣмъ же блескомъ, такъ же увлекала и захватывала зрителя, какъ и въ пору своей молодости.

Это свойство только большихъ дарованій. Только такіе титаны сцены, какъ Сальвини и Росси, могли уже глубокими стариками потрясать толпу, создавая своихъ Отелло и Гамлета. М. Г. принадлежала къ этой небольшой семьѣ рѣдкихъ жрецовъ искусства.

Появленіе М. Г. на сценѣ въ Минскѣ состоялось, когда ей было всего 15 лѣтъ. Удивительнаго въ этомъ ничего нѣтъ, такъ какъ въ то время дѣти актеровъ, а она была дочерью провинціальнаго актера Подраменцева (по театру Стремлянова), очень рано начинали тянуть театральную лямку, находясь чуть не съ пеленокъ за кулисами и въ уборныхъ.

Для большого дарованія М. Г. показательнымъ было то, что черезъ 5 лѣтъ она почувствовала тѣсной для себя провинціальную сцену и ее стихійно потянуло въ столицу. Переигравъ за это время съ начинавшимъ уже расти успѣхомъ въ Харьковѣ, Калугѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Саратовѣ, М. Г. въ 1874 году блестяще дебютировала въ Петербургѣ, на сценѣ Благороднаго Собранія, и затѣмъ была приглашена на Александринскую сцену. Съ этого знаменательнаго дня вся ослѣпительная артистическая дѣятельность ея тѣсно связывается съ Александринскимъ театромъ. Отдѣлить ихъ другъ отъ друга нельзя. Когда говорилось о Савиной, то непремѣнно разумѣлся Александринскій театръ и наоборотъ.

Одновременно съ М. Г. переслужило въ Александринскомъ театрѣ не мало артистокъ съ большимъ дарованіемъ и даже неуступавшихъ ей какъ, напримѣръ, П. А. Стрепетова, артистка чрезвычайнаго вдохновенія, но ни одна изъ нихъ не могла занять такого положенія среди столичной публики и въ театральныхъ правящихъ сферахъ, какъ она, Савина. Перечень сыгранныхъ М. Г. ролей, самыхъ разнообразныхъ по характеру,—по всей вѣроятности весьма внушителенъ.

Болѣе появлялась она въ комедійныхъ роляхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были даже спеціально для нея написаны. Какъ слишкомъ большой и гибкій талантъ, М. Г. легко освоилась съ новыми запросами зрителя и новыми вѣяніями въ драматической литературѣ и заняла въ современномъ репертуарѣ по праву принадлежащее ей первое мѣсто.

Помимо громадныхъ художественныхъ заслугъ, въ біографію М. Г. Савиной будетъ крупными буквами вписана дѣятельность ея на пользу нуждающейся во многомъ актерской братіи. Большое участіе принимала М. Г. и въ жизни Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, предсѣдателемъ Совѣта котораго была избрана послѣднее время, и на этомъ высокомъ почетномъ и отвѣтственномъ посту умерла.

УССУРІЙСКІЙ КРАЙ.

(Никольскъ-Уссурійскій, Приморской области).

25-IX-1915. № 209.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Статья И. Галина.

Эта статья напечатана: въ «Волховскомъ Листкѣ», 13—IX—1915, № 3300; въ «Донской Жизни», 13—IX—1915, № 209; въ «Курьерѣ», 13—IX—1915, № 214; въ «Золотоношскомъ Голосѣ», 16—IX—1915, № 372; въ «Таганрогскомъ Вѣстникѣ», 17—IX—1915, № 244; въ «Александровскомъ Вѣстникѣ», 23—IX—1915, № 1011. Текстъ этой статьи—см. «Волховской Листокъ».

УТРО.

(Харьковъ).

10—IX—1915. № 2780.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Медленно и печально ликвидируется «Александринская» полоса русской драмы.

Ушла Стрѣльская.

Ушелъ Варламовъ.

Ушла Савина.

Одинъ Давыдовъ остался на стражѣ «Александринскихъ» завѣтовъ.

И некому замѣнить уходящихъ:

Ибо тотъ бытъ, съ которымъ тѣсно связала свои судьбы «Александринка»,—уже не бытъ, какъ осязаемая реальность сегодняшняго дня, а исторія—нѣчто такое, что надо изучать не вокругъ себя, а въ школѣ, чуть ли не:

«По Готтенроту».

Самый бытъ «Александринки», какъ учрежденія, чуждъ душѣ теперешняго артиста; дореформенный бытъ артиста-чиновника, жреца свободнѣйшей профессіи на казенной службѣ.

И молодежь (а многіе изъ этой «молодежи» уже имѣютъ десятилѣтія театральныхъ заслугъ) теряетъ свое лицо на «Александринкѣ»; нѣкогда смѣлый и оригинальный режиссеръ Мейерхольдъ потерялъ все, что въ немъ было самобытнаго, занявъ постъ на «Александринкѣ». До того не мирится наша старая «образцовая» казенная сцена со всѣмъ, что не похоже на лицо Савиной, Варламова, Давыдова.

Самый репертуаръ новой Россіи, отражающій ея напряженные и судорожные сдвиги, таковъ, что не годится для казенной и поневолѣ спокойной сцены, и ей приходится держаться пьесъ, которымъ минуло пять земскихъ давностей, или салонныхъ комедій для звѣздоносцевъ перваго ряда.

И даже героическія (по «Александринской» мѣркѣ) усилія М. Г. Савиной провести на «Александринку» хотя бы «Короля» Юшкевича роковымъ образомъ ничего не могли сдѣлать.

Въ очень молодомъ поколѣніи театральной публики склонялись въ послѣдніе годы къ полному отрицанію какой-бы то ни было художественной цѣнности за Александринскимъ «трилистникомъ» изъ Савиной, Варламова и Давыдова; имъ вмѣняли въ вину полное равнодушіе къ тѣмъ заданіямъ и горѣніямъ, съ которыми нуженъ намъ новый театръ.

Но тотъ сценическій планъ, въ которомъ работалъ «трилистникъ», есть единый пріемлемый для ихъ репертуара; только соединеніе этого репертуара съ этимъ планомъ даетъ то, чѣмъ всегда была цѣнна такая безпомощная въ новомъ репертуарѣ «Александринка».

Это художественное прозрѣніе, угаданіе настоящаго и есть заслуга вождей «Александринки».

Главное же и вѣчное самооправданіе покойной артистки передъ критикующими будетъ въ томъ, что:

«Побѣдителей не судятъ».

А она всегда побѣждала: побѣждала ясностью, эллински здоровой и жизнерадостной простотой своего таланта тѣхъ, кто ищетъ отъ театра не огня, но разсужденія.

Тѣ, кто видѣлъ Савину, поклонятся ея памяти.

Семенъ Губеръ.

Перепечатано въ «Приднѣпровскомъ Голосѣ», 13—IX—1915, № 1006.

М. Г. САВИНА.

Панихида по М. Г. Савиной.

Какъ-то жутко, какъ-то необычайно странно звучитъ эта фраза.

Панихида по той, которая такъ недавно, при блескѣ рампы, заставляла одна замереть весь театръ и жить только ей одной, любоваться ея воплощеніемъ жизни.

Неужели ко всѣмъ тѣмъ потерямъ, которыя выпали за послѣднее время на жрецовъ Мельпомены, прибавилась еще новая большая потеря.

Эти мысли невольно бродили у меня въ головѣ, когда я присутствовалъ вчера на панихидѣ по Маріи Гавріиловнѣ.

Какъ ни казалось мнѣ это неестественнымъ, невозможнымъ, но суровые и, вмѣстѣ съ тѣмъ, величественные похоронные напѣвы гнали прочь всякое сомнѣніе, и моя мысль ушла въ воспоминанія о покойной, сплеталась параллельно съ мыслями о бренности вообще всего земного и въ частности непреложности этого положенія въ самой крайней степени для артистическаго міра.

Вѣдь артистъ въ этомъ отношеніи самый несчастливый изъ смертныхъ.

Онъ властитель нашихъ думъ и чувствъ въ періодъ расцвѣта своего дарованія, кумиръ толпы, которому она прощаетъ все,—обращается въ исключительно забытую величину, о которой хранятъ воспоминаніе только современники, разъ талантъ его пошелъ только къ упадку, не говоря уже о смерти.

«Какъ-будто бы не жилъ на свѣтѣ».

И вотъ въ этомъ смыслѣ людямъ моего поколѣнія уже теперь приходится сталкиваться иногда съ замѣчаніями объ излишней снисходительности по отношенію къ тому или иному находящемуся въ закатѣ своей славы артисту.

Болѣе молодые не видѣли его въ лучшій періодъ, они не понимаютъ, что мы, наслаждаясь его игрой теперь, наслаждаемся, въ связи съ воспоминаніями прошлаго, мы не можемъ уже быть вполнѣ объективными и подойти къ его исполненію съ инструментомъ хирурга.

Пережить свою славу—для артиста это уже смерть. И вотъ теперь, мысленно вспоминая М. Г. Савину временъ девяностыхъ и отчасти восьмидесятыхъ годовъ,—правда, еще по мальчишескимъ воспоминаніямъ,—и сравнивая съ тѣмъ, что она представляла изъ себя для молодыхъ театраловъ теперь, я долженъ признать, что М. Г. въ своей артистической жизни уже умирала для сцены.

Все лучшее, все, что заставляло насъ въ свое время «сходить съ ума», уже было непонятно молодому поколѣнію, и, говоря послѣднее «прости» большой артисткѣ нашей русской сцены, мы, ея поклонники, должны примириться съ мыслью, что наше горе будетъ не всѣмъ понятно и не всѣмъ такъ больно.

Мнѣ невольно на панихидѣ по М. Г. Савиной вспомнилась первая же панихида по Вѣрѣ Ѳедоровнѣ Коммиссаржевской. Вотъ артистка, которая умерла въ расцвѣтѣ своей славы. Она была близка еще всѣмъ. И церковь не могла вмѣстить пришедшихъ ее вспомнить.

М. Г. Савина извѣстна всѣмъ, какъ большая артистка, но извѣстность ея въ прошломъ. Для зрителей она уже при жизни стала, какъ артистка, величиной прошлаго. Теперешніе восторги, теперешнія похвалы ей были данью удивленія тому прошлому таланту, который всякій, смотря на ея игру, не могъ не чувствовать.

И съ грустью, и съ болью въ сердцѣ отмѣчая для моихъ современниковъ сегодня смерть М. Г., я не могу не сказать идущему за нами поколѣнію, что мы хоронимъ одну изъ тѣхъ немногихъ, которыя составляли гордость и украшеніе русской сцены. Понять артиста, полюбить его, преклониться предъ нимъ можетъ только его современникъ. И не найдется, навѣрно, ни одного лица, любящаго и цѣнящаго театръ періода 1880—1900 гг., кто украдкой да не вспомянетъ объ утратѣ Маріи Гавріиловны.

Послѣдній разъ я видѣлъ М. Г. года два тому назадъ и, любуясь ея техникой, буквально удивлялся, какъ она сумѣла сохранить себя.

Вспоминая М. Г. Савину, нельзя не упомянуть и объ ея роли, которую она играла въ артистической средѣ. Здѣсь она занимала, говоря образно, «генеральское положеніе», и въ Театральномъ Обществѣ слово ея было очень авторитетно, если не сказать—властно. Любимица Петербурга, а слѣдовательно, главнымъ образомъ, бюрократіи, артистка сумѣла сохранить, пусть даже и въ бюрократическомъ стилѣ, доброе сердце, и благодаря ея энергіи и вліянію, меньшая братія артистическаго міра и малолѣтнія сироты имѣли въ Петербургѣ прекрасный Пріютъ и Убѣжище. Сейчасъ не мѣсто говорить о значеніи тѣхъ принциповъ, на которыхъ строила все дѣло М. Г., но надо признать, что для своего времени она сверпшла многое—и за это многое, а главное за ея божественное дарованіе имя М. Г. Савиной должно быть свѣтлымъ въ памяти и будущихъ поколѣній всѣхъ любителей театра.

Н. Воронскій.

УТРО РОССІИ.

(Москва).

9—IX—1915. № 247.

† М. Г. САВИНА.

Описаніе послѣднихъ дней жизни и краткія біографическія свѣдѣнія—по сообщеніямъ петроградскихъ газетъ.

10—IX—1915. № 248.

СМЕРТЬ М. Г. САВИНОЙ.

Подъ этимъ заголовкомъ помѣщенъ портретъ усопшей артистки (1907 г.).

УТРО СИБИРИ.

(Томскъ).

13—IX—1915. № 200.

М. Г. САВИНА.

Постепенно, другъ за другомъ сходятъ въ могилу старые заслуженные актеры.

Не такъ давно писали о покойникѣ «Дядѣ Костѣ», Стрѣльской—теперь телеграфъ приноситъ извѣстіе о кончинѣ М. Г. Савиной.

Савину прекрасно знаетъ вся театральная Россія, съ ея именемъ связано представленіе о талантливой артисткѣ старой практической школы.

Савина—дочь актера Стремлянова.

Родилась М. Г. 30-го марта 1854 года.

Еще будучи гимназисткой, въ Одессѣ, она проявляла склонность къ сценѣ, и близкія къ семьѣ Стремляновыхъ лица предсказывали ей широкую сценическую карьеру.

Первый дебютъ М. Г. состоялся въ Минскѣ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, и прошелъ удачно въ смыслѣ талантливаго исполненія.

Затѣмъ, Савина съ тѣмъ же успѣхомъ играетъ въ Смоленскѣ, въ Харьковѣ, въ Калугѣ.

Въ это время состоялось бракосочетаніе М. Г. съ извѣстнымъ тогда актеромъ Савинымъ.

Постоянной мечтой Савиной было желаніе попасть въ столицу, познакомиться съ выдающимися актерами, посмотрѣть образцовую игру.

Желаніе это сбылось въ 1874 году, когда М. Г. выступаетъ въ пьесѣ «Блуждающіе огни», въ роли Лелечки.

Со сцены Благороднаго Собранія молодая артистка легко попала въ Александринскій театръ.

Успѣхи ея стали быстро возрастать, и театральная критика единогласно признала въ ней незаурядное сценическое дарованіе, оригинальное и самобытное...

Одинаковымъ успѣхомъ пользовалась Савина и внѣ предѣловъ своего отечества, такъ, напримѣръ, берлинцы, въ бытность артистки тамъ на гастроляхъ, удѣлили ей много заслуженнаго вниманія.

М. Г. Савина—артистка широкаго діапазона, часто игравшая роли діаметрально противоположныя по характеру—и всегда великолѣпно.

Современные писатели, русскіе и заграничные, нашли въ ней талантливую исполнительницу своихъ произведеній, и многіе изъ нихъ обязаны Савиной своимъ успѣхомъ.

Отличительными особенностями таланта Савиной являются: искренность, вдумчивость, проникновенная женственность и задушевность сценическихъ переживаній.

Она скорѣе не играла, а воплощала на сценѣ настоящую жизнь, искусно преломляя послѣднюю черезъ многоцвѣтную призму своего блестящаго таланта.

Со смертью Савиной русскій театръ утратилъ большую силу, одухотворенную самобытнымъ дарованіемъ и честно послужившую родному искусству въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Николай Сѣдой.

УТРО ЮГА.

(Ростовъ на Дону).

10—IX—1915. № 239.

† М. Г. САВИНА.

Въ послѣднее время какъ-то быстро таютъ ряды «заслуженныхъ» артистическихъ знаменитостей. Мѣсяцъ тому назадъ скончался К. А. Варламовъ. Вслѣдъ за «Дядей Костей» ушла М. Г. Савина.

М. Г. Савина, какъ и Варламовъ, на рѣдкость популярное артистическое имя, съ той лишь разницей, что старикъ Варламовъ былъ всеобщимъ любимцемъ въ то время, какъ у покойной артистки вмѣстѣ съ множествомъ горячихъ поклонниковъ и поклонницъ было немало и враговъ.

Марія Гавріиловна, урожденная Подраменцева, дочь учителя рисованія и любителя-артиста. Отецъ М. Г., когда она была еще ребенкомъ, забросилъ карандаши и кисти и всецѣло

отдался сценической дѣятельности. Вмѣстѣ съ нимъ будущая артистка скиталась въ различныхъ труппахъ по городамъ Россіи и съ 15-лѣтняго возраста, въ 1869 году, поступила на сцену въ Минскѣ, гдѣ дебютировала вмѣстѣ съ отцомъ.

Затѣмъ, М. Г. служила въ Харьковѣ, въ труппѣ Дюкова, потомъ въ Калугѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Казани, Саратовѣ и Орлѣ у извѣстнаго П. М. Медвѣдева.

Въ 1874 году М. Г. Савина съ громаднымъ успѣхомъ дебютировала на Александринской сценѣ и получила ангажементъ. Съ первыхъ же шаговъ М. Г. заняла здѣсь мѣсто премьерши въ труппѣ, и вся дальнѣйшая артистическая карьера Савиной связана съ Александринскимъ театромъ.

Благодаря своему разнообразному таланту, М. Г. Савина царила на Петербургской сценѣ, какъ М. Н. Ермолова на сценѣ Московскаго Малаго театра, и на ней держался до послѣднихъ лѣтъ почти весь репертуаръ Александринки.

М. Г. Савина до самой своей смерти принимала близкое участіе въ «Русскомъ Театральномъ Обществѣ», была его учредительницей и, вообще, много работала для Общества. Во время работы неизбѣжны тренія, и у всѣхъ въ памяти, вѣроятно, крупный инцидентъ въ Театральномъ Обществѣ, въ которомъ дѣятельную роль играла М. Г. Савина.

Уходятъ изъ жизни и со сцены «заслуженныя» артистическія знаменитости. Но имъ на смѣну сцена не выдвигаетъ дарованій такихъ калибровъ, какъ покойные Варламовъ, Стрѣльская или Савина.

А. К.

УФИМСКАЯ ЖИЗНЬ.

(Уфа).

13—IX—1915. № 127.

ВЕЛИКАЯ РЕАЛИСТКА РУССКОЙ СЦЕНЫ М. Г. САВИНА.

8-го сентября скончалась заслуженная артистка Императорскихъ театровъ М. Г. Савина. Въ лицѣ М. Г. Савиной русская сцена понесла невозвратимую тяжелую утрату. Савина—«в е л и к а я р е а л и с т к а р у с с к о й с ц е н ы». Эта характеристика великой артистки, сдѣланная извѣстнымъ критикомъ А. Р. Кугель,—самое точное опредѣленіе сущности таланта М. Г. Савиной. «Она реалистка насквозь, до мозга костей, даже безъ русской мистики, которая такъ соопредѣлена русскому реализму».

Савина всегда чувствовала только реальную правду жизни. Она всегда была вѣрна натурѣ, и красота ея искусства вся, полностью, была заключена въ правдѣ. Свою сценическую карьеру Савина начала въ Одессѣ 8-ми лѣтъ. Исполняла она роли дѣвочекъ и мальчиковъ. Гонораръ ей платили конфектами. Но уже скоро М. Г. сдѣлалась заправской артисткой. Оглядываясь на прошлое этой славной артистки, просто удивляешься ея способности олицетворять самые противоположные типы. За время своей сценической дѣятельности М. Г. переиграла свыше 500 разнообразнѣйшихъ ролей, какъ комическихъ, такъ и драматическихъ. Списокъ ея репертуарныхъ подвиговъ, по выраженію П. П. Гнѣдича, представляетъ порою какую-то дикую скачку съ препятствіями. Но каждую свою роль Савина окрашивала своеобразнымъ колоритомъ, не говоря уже о томъ, что діапазонъ ея таланта позволялъ ей съ одинаковымъ совершенствомъ играть и драматическія, и комическія роли.

«Рисунокъ Савиной», — говоритъ А. Кугель, — «отличается геніальной мѣткостью и, можно сказать, стенографической краткостью. Экономія средствъ—этотъ самый драгоцѣнный принципъ художества — доведенъ у Савиной до послѣдней степени. Лицо, фигура,—какъ въ гримѣ, такъ и въ костюмѣ, и въ интонаціи,—характеризуются двумя-тремя штрихами, дающими яркое и совершенное опредѣленіе объ изображаемомъ. Если Ермолова знаменуетъ собою русскую

романтику, то Савина—выразительница русскаго здраваго смысла, русской смѣтливости, русскаго savoir vivre, тѣхъ талантовъ русскаго народа, которые помогли ему сложиться въ огромный государственный организмъ. Савина была не только великой артисткой, но обладала глубокой отзывчивой душой».

Всѣ ея досуги наполнялись сердечной, родственной заботливостью о попеченіяхъ и нуждахъ ея товарищей по искусству.

Савина была учредительницей, неизмѣнной и неуклонной работницей Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества. М. Г. является также основательницей Убѣжища для престарѣлыхъ артистовъ.

Выйдя изъ провинціальной театральной семьи, М. Г. всегда сохраняла живую связь съ провинціальной сценой и ея тружениками. Со всей любовью и отзывчивостью своей прекрасной души М. Г. отдавалась попеченію и заботамъ объ обездоленныхъ своихъ собратьяхъ по искусству. Можно безъ преувеличенія сказать, что М. Г. Савина за свою жизнь высушила цѣлое море слезъ.

И русское общество, и сценическіе дѣятели надолго сохранятъ въ памяти славное имя Савиной—геніальной артистки и рѣдкаго человѣка. Да будетъ ей земля пухомъ.

М. А—р ь.

УФИМСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

(Уфа).

13—IX—1915. № 201.

† М. Г. САВИНА.

Описаніе послѣднихъ дней жизни и краткія біографическія свѣдѣнія—по сообщеніямъ столичныхъ газетъ.

УФИМСКІЙ КРАЙ.

(Уфа).

19—IX—1915. № 4.20

ПАМЯТИ БОЛЬШОГО ХУДОЖНИКА СЦЕНЫ.

Статья Горнова.

Эта статья напечатана также: въ «Витебскомъ Вѣстникѣ», 17—IX—1915, № 206; въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ», 17—IX—1915, № 3874; въ «Русской Рѣчи», 23—IX—1915, № 2956. Текстъ этой статьи—см. «Витебскій Вѣстникъ».

ХАРБИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

(Харбинъ).

27—IX—1915. № 3565.

М. Г. САВИНА И РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.

Статья Е л а т о м с к а г о.

Напечатана также: въ «Витебскомъ Вѣстникѣ», 12—IX—1915, № 203; въ «Жизни Волыни», 12—IX—1915, № 252; въ «Донскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ», 13—IX—1915, № 208; въ «Пензенскихъ Вѣдомостяхъ», 13—IX—1915, № 203; въ «Орловской Жизни», 17—IX—1915, № 199; въ «Русской Рѣчи», 17—IX—1915, № 2951. Текстъ этой статьи—см. «Витебскій Вѣстникъ».

ХАРЬКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

(Харьковъ).

10—IX—1915. № 2003.

М. Г. САВИНА.

Русскій театръ понесъ новую тяжелую утрату: 8-го сентября въ Петроградѣ скончалась артистка Императорскаго Александринскаго театра Марія Гавріиловна Савина.

Вслѣдъ за К. А. Варламовымъ ушла въ могилу талантливая и блестящая носительница старыхъ славныхъ завѣтовъ русскаго театра, духовная крестница Мочалова, Каратыгина, Щепкина, Самойлова—тѣхъ незабвенныхъ создателей русскаго сценическаго искусства, которые видѣли въ своемъ призваніи подвижничество, для которыхъ театръ былъ воистину храмомъ искусства.

М. Г. Савина принадлежала, и по характеру своего таланта и по воспитанію, къ школѣ реализма, въ которой выше всего цѣнились правдивость и жизненность игры актера.

Въ противность современнымъ модернистскимъ заповѣдямъ сценическаго искусства, отдающимъ актера въ полную власть режиссера, старая бытовая школа выдвигала на первое мѣсто артиста-художника, артиста, какъ активнаго и независимаго творца сценическихъ типовъ.

Такой артисткой — Божіей милостью — была и М. Г. Савина, за 46 лѣтъ своей сценической дѣятельности создавшая много художественныхъ образовъ, какъ высокодраматическихъ, такъ и комическихъ.

Личная жизнь М. Г. Савиной была отдана заботамъ о родной и близкой ей артистической братіи. Какъ предсѣдательница Русскаго Театральнаго Общества, М. Г. Савина много лѣтъ направляла и вдохновляла дѣятельность этого учрежденія на путь живой и дѣятельной охраны интересовъ служителей искусства.

Между прочимъ, по ея иниціативѣ основанъ и ея заботами поддерживался Пріютъ для сиротъ и Убѣжище для стариковъ и старухъ—инвалидовъ сцены.

Выпущены краткія біографическія свѣдѣнія.

Умерла артистка 61 года отъ роду.

Харьковъ хорошо зналъ и любилъ М. Г. Савину—и въ день похоронъ артистки съ глубокой скорбью возложитъ на ея могилу свой даръ неутѣшной скорби и печали.

П.

Эта статья перепечатана въ «Черниговскомъ Словѣ», 13—IX—1915, № 2515.

ЧЕРНИГОВСКОЕ СЛОВО.

(Черниговъ).

13—IX—1915. № 2515.

† М. Г. САВИНА.

Перепечатано изъ «Харьковскихъ Вѣдомостей», 10—IX—1915, № 2003.

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ.

(Винница, Подольской губерніи).

11—IX—1915. № 207.

М. Г. САВИНА.

(Некрологъ).

Перепечатанъ изъ «Кіевлянина», 9—IX—1915, № 248, такъ же, какъ въ «Жизни Волыни», 11—IX—1915, № 249.

ЮЖНАЯ МЫСЛЬ.

(Одесса).

10—IX—1915. № 1311.

ОСВОБОДИЛОСЬ МѢСТО.

(Къ смерти М. Г. Савиной).

Умерла актриса.

Большая, крупная, изъ тѣхъ, чье имя офиціально запатентовано, изъ тѣхъ, при комъ принято какъ-то подтягиваться, застегиваться на всѣ пуговицы, что ли.

Умерла.

Будетъ сказано и написано много хорошихъ словъ, пролито немало блѣдно-холодныхъ бумажныхъ слезъ. Такъ принято—такъ будетъ.

И ничего, пусть: это хорошо. Древніе имѣли плакальщицъ, мы—некрологи. Одно стоитъ другого.

Всякая смерть печальна, и именно въ силу своей неизбѣжности, но не потому, что оставляетъ пустое мѣсто за собою. Этого не бываетъ. Мѣсто свободно—но только для того, чтобы быть тотчасъ же занятымъ другимъ. Другой вопросъ: равноцѣненъ ли пришедшій ушедшему? Но тамъ, гдѣ, какъ въ театрѣ, эту равноцѣнность исчерпывающе прослѣдить нѣтъ возможности, вопросъ этотъ отпадаетъ самъ собою.

Каждое поколѣніе театра имѣетъ своихъ геніевъ, своихъ кумировъ. Ихъ числу положенъ болѣе или менѣе точный предѣлъ, но попробуйте провести сравненіе, вы увидите, что это невозможно.

Кому лучше: поколѣнію Тальма, поколѣнію Рашели, поколѣнію Сарры Бернаръ? Невѣдомо.

Русскій театръ нашего времени прошелъ подъ знакомъ Савиной и еще двухъ-трехъ такихъ же именъ.

Это было царствованіе долгое, блестящее, особенно начавшее оцѣниваться въ послѣдніе годы, когда почему-то сразу всѣхъ ударила мысль, что это еще ненадолго, что нужно торопиться съ оваціями.

А у воротъ уже стояли алчущіе... Законно, по праву ли?.. Намъ до сихъ поръ казалось, что нѣтъ. А вотъ что скажутъ тѣ, которые будутъ послѣ насъ?.. Тридцать лѣтъ тому назадъ Савина была хорошей актрисой,—сейчасъ она великая актриса. Это хорошо—за выслугу лѣтъ отличіе необходимо. Кто знаетъ, кому изъ нынѣшнихъ предстоитъ получить сей титулъ? Получатъ непремѣнно; великіе необходимы,—это для жизни, какъ генералы для свадебъ. Только для разныхъ свадебъ разные бываютъ генералы. Много лѣтъ прожили мы со своими. Мы-то новыхъ, можетъ быть, и не признаемъ. Для себя сохранимъ ихъ мѣста незанятыми. Но они придутъ, ихъ жизнь зоветъ, свободныхъ мѣстъ быть не должно, усядутся и терпѣливо будутъ ждать своего часа. Ихъ время впереди.

Освободилось мѣсто... Кто первый?..

Вальтеръ.

† М. Г. САВИНА.

М. Г. Савину я видѣлъ въ послѣдній разъ нынѣшней зимой на сценѣ Александринскаго театра, она играла въ очень плохенькой пьесѣ, одной изъ тѣхъ, которыя попадаютъ на сцену только по большой протекціи. Говорили даже, что сама Савина «устроила» эту пьесу, и, дѣйствительно, роль была написана «для Савиной». Она играла «героиню», которая была уже не молода, но еще любила, у нея былъ сынъ, и въ одной сценѣ М. Г. Савина имѣла возможность обнаружить драматическую сторону своего дарованія, которую она до послѣднихъ дней любила показывать публикѣ. Было очень грустно. Отъ былой ловкости и ясности дарованія не осталось и слѣда. М. Г. еле двигалась по сценѣ, плохо слышала суфлера, путалась и производила впечатлѣніе крайне усталаго и равнодушнаго человѣка. Она давно уже свершила въ предѣлахъ земныхъ все земное и ей давно уже слѣдовало уйти на отдыхъ и сохранить въ душахъ знавшихъ ее восторженную память. Но она не уходила. Очевидно, есть что-то въ славѣ и успѣхѣ такое, что заставляетъ актера «умирать на сценѣ», что живетъ въ немъ столько, сколько работаетъ его сердце, и замираетъ вмѣстѣ съ послѣднимъ его ударомъ. Вѣдь то же самое происходило и съ Варламовымъ, и разница лишь въ томъ, что Варламовъ до конца сохранилъ мощность таланта, а Савина уже послѣдніе годы была инвалидомъ—и только. Изъ русскихъ актрисъ Савина была, безспорно, самой счастливой. Въ теченіе почти полувѣка она едино и нераздѣльно царила на сценѣ Александринскаго театра—и во всю эту громадную эпоху она сумѣла сохранить весь авторитетъ и всю полноту своей власти. Правда, и публика, и актеры, и пресса охотно подпадали подъ эту власть, ибо нѣтъ силы, которая не была бы покорена силою таланта. Однако, тамъ, гдѣ къ моральному авторитету примѣшивается и авторитетъ реальной силы, тамъ неизбѣжны и вліянія, идущія помимо художественныхъ и идейныхъ путей. И ни для кого не секретъ, что Савина свое вліяніе использовала во-всю и что никакой другой талантъ рядомъ съ нею не могъ ужиться на Александринской сценѣ. Типичнымъ примѣромъ этому можетъ служить покойная Коммиссаржевская, которая не выдержала борьбы съ «рутиной», а въ сущности съ той огромной силой, какую представляла изъ себя Савина. И чѣмъ больше играла Савина, тѣмъ труднѣе становилось дышать молодымъ дарованіямъ на казенной сценѣ. Подлинный тріумфъ Савиной, какъ актрисы, относится къ періоду уже прошедшему, и тогда ея вліяніе было дѣйствительно велико. Сколько молодыхъ актрисъ играло «подъ Савину», стараясь подражать ей во всемъ, даже въ недостаткахъ. Говорить разслабленнымъ голосомъ, слегка въ носъ, считалось среди героинь особымъ шикомъ, и десятки бездарностей дѣлали попытки строить свою карьеру на этомъ рабствѣ. Но того, что было у Савиной, не было ни у одной изъ нихъ, и въ исторію русскаго театра Савина войдетъ, какъ величайшая русская актриса, въ которой искренность драматическаго переживанія уживалась рядомъ съ блестящей комедійностью.

съ тѣмъ удивительнымъ юморомъ, который завѣщали намъ величайшіе творцы русскаго смѣха.

Какъ художникъ, Савина добилась величайшаго признанія, и только эта сторона дѣятельности ея заслуживаетъ преклоненія. Все же, лежавшее за предѣлами искусства, игравшее въ ея жизни не менѣе значительную роль, чѣмъ сцена, для насъ теперь несущественно.

Мы вѣдь очень хорошо знаемъ, что власть не только подчиняетъ, но иногда и отталкиваетъ, но власти искусства мы покоряемся охотно и навсегда. И теперь, когда Савиной уже нѣтъ, мы съ глубокимъ удовлетвореніемъ вспоминаемъ великую художницу сцены и съ надеждой глядимъ въ будущее. Русская сцена, давшая намъ Савину, дастъ и другіе, не менѣе мощные таланты. Ибо Савина—продуктъ великаго духа, богатаго неизжитыми силами и талантами. Поменьше бы только рутины и застоя.

Л. Камышниковъ.

13—IX—1915. № 1314.

По поводу гастролей М. Г. Савиной въ Крыму—перепечатано изъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», 9—IX—1915, № 15077, такъ же, какъ въ «Русской Ривьерѣ», 20—IX—1915, № 210.

1—X—1915. № 1332.

ТУРГЕНЕВЪ И САВИНА.

Воспоминанія Д. В. Философова.

Эти воспоминанія перепечатаны изъ статьи Д. В. Философова «Запоздалый вѣнокъ»—см. «Рѣчь», 27—IX—1915, № 266.

ЮЖНАЯ ПОЧТА.

(Керчь, Таврической губерніи).

13—IX—1915. № 209.

КОНЧИНА М. Г. САВИНОЙ.

Описаніе послѣднихъ минутъ жизни М. Г. Савиной—по сообщеніямъ столичныхъ газетъ и характеристика ея артистической дѣятельности, заимствованная изъ заключительной части статьи Н. Е. Эфроса, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», 9—IX—1915, № 206.

ЮЖНЫЙ КРАЙ.

(Харьковъ).

9—IX—1915. № 12920.

† М. Г. САВИНА.

Какъ тяжело, какъ невыносимо больно написать эти слова: 8-го сентября 1915 года въ Петроградѣ скончалась артистка Александринскаго театра Марія Гавріиловна Савина.

Да, этотъ страшный фактъ свершился!

Угасъ великій свѣточъ сцены, долголѣтнее украшеніе и справедливая гордость русскаго художественнаго міра, воплощеніе лучшихъ завѣтовъ и образовъ литературы, современница

и другъ геніальныхъ дѣятелей русскаго романа, поэзіи, кисти и рѣзца,—всего, что составляетъ собою красоту прекраснаго и возвышеннаго въ жизни...

Ударъ грома посреди яснаго лѣтняго неба не могъ бы такъ поразить художественную Россію, какъ эта страшная вѣсть, наполнившая сердца наши глубокимъ отчаяніемъ и неизмѣримой жалостью къ великой русской актрисѣ!

Утрата эта, такая внезапная и незамѣнимая, сковываетъ чувство и давитъ мысль тяжелой гробовой доской, языкъ не находитъ давно затверженныхъ рѣчей о томъ, какой дивный талантъ была Марія Гавріиловна, какая это была чарующая, обаятельная женщина, какой сильный, не женскій умъ жилъ подъ этимъ прекраснымъ лбомъ и свѣтился въ этихъ божественно прекрасныхъ глазахъ, сколько горячаго и благороднаго чувства въ этомъ любвеобильномъ сердцѣ!..

И подумать, что ничего этого уже нѣтъ! Что это все уже только б ы л о,—и осталось отъ него воспоминаніе у насъ, современниковъ, случайныхъ большею частью свидѣтелей артистическаго творчества генія, его порывовъ въ высь въ счастливыя минуты вдохновенія... Не миришься съ этимъ, протестуешь противъ, и мысль сверлитъ мозгъ: да полно, такъ ли это? Умерла ли Савина на самомъ дѣлѣ? Неужто мы не увидимъ ее больше? Не услышимъ ея звонкой рѣчи, полной такихъ дивныхъ переливовъ и прелестно своеобразныхъ интонацій, оригинальныхъ оттѣнковъ и удареній?..

Увы! Свершилось великое таинство смерти, угасъ могучій духъ, и Маріи Гавріиловны Савиной больше нѣтъ!

Но пока гробовая доска не закрыла отъ насъ дорогого, поистинѣ незабвеннаго образа великой русской актрисы, замѣчательнѣйшей русской женщины, дѣлавшей честь всѣмъ женщинамъ міра своимъ талантомъ, своимъ умомъ и громадной полезностью своей дѣятельной жизни,—пока этого нѣтъ, сердце надрывается отъ печали и слезы заливаютъ лица тѣхъ, кто имѣлъ великое счастье знать ее во всѣхъ проявленіяхъ ея многогранной дѣятельности, какъ актрису, учителя, товарища, филантропа и просто какъ умную, очаровательную женщину, съ которой достаточно было побесѣдовать разъ, чтобъ остаться ей преданнымъ навѣки...

Много и долго будетъ оплакивать русская публика усопшую, а особенно своя артистическая братія, потому что изъ ея среды ушелъ навѣки не только большой человѣкъ, талантъ рѣдкой красоты и силы, огромныхъ заслугъ и заслуженнаго почета, а еще ушла п р е д с ѣ д а т е л ь н и ц а Русскаго Театральнаго Общества, живая двигательная сила этого огромнѣйшаго профессіональнаго учрежденія, ушла основательница и безгранично любящая попечительница Пріюта для сиротъ и Убѣжища для стариковъ и старухъ Театральнаго Общества, которые всѣ обожали Марію Гавріиловну, для которой эти дѣти и инвалиды давно стали ея дѣтьми, ея родной семьей...

Вотъ въ этой средѣ оплакиваютъ кончину незабвенной Маріи Гавріиловны самыми горькими слезами, сиротскими и вдовьими; ихъ ничѣмъ не утѣшишь, ибо М. Г. не только заботилась о нихъ и любила ихъ, но понимала ихъ и з н а л а, какъ надо ихъ любить и заботиться... Въ жизни покойной эта сторона ея дѣятельности занимала самое высокое, самое почетное мѣсто—и именно эта дѣятельность мирила М. Г. со многими тяжелыми и непріятными осложненіями, которыя возникали на ея пути въ послѣдніе годы...

Эти благословенія и слезы благодарности сиротъ и нѣжно пригрѣтыхъ въ послѣдніе часы своей бездомовной труженической жизни стариковъ лягутъ святымъ покровомъ на гробъ Маріи Гавріиловны и понесутъ хвалу о ней къ Престолу Всевышняго,—сирыхъ и слабыхъ, печальныхъ и убогихъ эта русская актриса возлюбила и хранила выше своихъ самыхъ близкихъ и дорогихъ существъ.

Художественная критика скажетъ, конечно, свое слово о Маріи Гавріиловнѣ, запечатлѣетъ въ надлежащихъ письменахъ ея заслуги передъ русскимъ искусствомъ, передъ роднымъ театромъ, да и многое сдѣлано было за эти долгіе годы ея славнаго служенія на сценѣ, сначала въ провинціи (Минскѣ, Харьковѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Орлѣ, Саратовѣ), а затѣмъ

въ обѣихъ столицахъ, во всѣхъ крупныхъ центрахъ Россіи и за границей. Все это будетъ сдѣлано съ надлежащей и выразительной полнотой.

Сейчасъ же, въ минуты скорби, когда рана такъ еще открыта, когда сердце истекаетъ кровью, хочется воскликнуть только одно: «Боже мой, какая злая, какая страшная, безпощадная година протекаетъ для русскаго искусства, какой смерчъ пронесся надъ нашимъ театромъ!»...

Выросъ рядъ дорогихъ могилъ, и руки благоговѣйно тянутся къ нимъ, благословляя память тѣхъ, кто покоится подъ ними вѣчнымъ сномъ...

Вѣчная имъ память—этимъ могиканамъ русскаго театра!

Вѣчная память славнѣйшей изъ нихъ, которую мы опускаемъ въ могилу въ эти тяжкіе скорбные дни!

Прими наше послѣднее «прости», великая, незабвенная!

Кладемъ тебѣ глубокій земной поклонъ вмѣстѣ со всей актерской громадой!

Е. М. Бабецкій.

М. Г. Савина, дочь актера Подраменцева (по театру Стремлянова), родилась 30-го марта 1854 года,—стало быть, покойной было теперь 61 годъ,—родилась въ Каменецъ-Подольскѣ, училась въ Одесской гимназіи и въ 1869 году дебютировала въ Минскѣ, въ пьесѣ «Бѣдовая бабушка», играла съ возрастающимъ успѣхомъ въ Харьковѣ, Калугѣ (куда она поѣхала, уже выйдя замужъ за провинціальнаго актера Савина), Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Орлѣ, Саратовѣ и др. Въ Петербургъ Савина пріѣхала въ 1874 году и, послѣ блестящаго дебюта на сценѣ Благороднаго Собранія, была приглашена на Александринскую сцену, гдѣ выступила въ роли Кати въ пьесѣ «По духовному завѣщанію», и скоро заняла первенствующее мѣсто. Въ 1899 году она получила званіе «заслуженной артистки»; въ томъ же году выступала въ Берлинѣ съ выдающимся успѣхомъ. Репертуаръ Савиной—самый разнообразный, обнимая собою пьесы самаго противоположнаго свойства, отъ наивныхъ и шаловливыхъ дѣвочекъ до крупныхъ комическихъ или истинно драматическихъ. Всего Савина пробыла на сценѣ 46 лѣтъ, а на Императорской свыше 41 года. М. Г. была въ замужествѣ первый разъ за артистомъ драмы лейтенантомъ флота Н. Н. Савинымъ, державшимъ оперу въ Кіевѣ и въ Харьковѣ, второй разъ за штабъ-ротмистромъ лейбъ-гвардіи коннаго полка Н. Н. Всеволожскимъ, а третьимъ бракомъ состояла въ замужествѣ за А. Е. Молчановымъ, вице-президентомъ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества.

Этотъ краткій некрологъ перепечатанъ: въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ», 10—IX—1915, № 3867; въ «Родномъ Краѣ», 11—IX—1915, № 999; въ «Трудовой Газетѣ», 11—IX—1915, № 1901; въ «Ялтинскомъ Курьерѣ», 12—IX—1915, № 194.

10—IX—1915. № 12922.

КЪ КОНЧИНѢ М. Г. САВИНОЙ.

До настоящаго времени мы не имѣемъ подробностей кончины заслуженной артистки Императорскихъ театровъ Маріи Гавріиловны Савиной. Извѣстно только, что кончина эта послѣдовала въ ночь на вторникъ, съ 7-го на 8-ое сентября, причемъ нѣкоторыя близкія къ усопшей лица получили отъ нея писанныя карандашомъ записки отъ понедѣльника. Очевидно, смерть послѣдовала внезапно, отъ какого-либо астмическаго припадка.

М. Г. при посѣщеніи въ эти дни Харькова, по пути въ Полтаву и обратно, что произошло въ періодъ между 9-мъ и 31-мъ августа, чувствовала себя простуженной,—она кашляла, но кашель этотъ не представлялъ собою ничего новаго, ибо артистка страдала имъ послѣднее время на Кавказѣ и въ пути. Въ общемъ своемъ состояніи, однако, здоровье М. Г. не могло внушить опасеній, и роковой исходъ явился полной неожиданностью.

12—IX—1915. № 12926.

Портретъ М. Г. Савиной.

16—IX—1915. № 12932.

САВИНА.

Умолкли надгробныя рѣчи...

Савина навѣки упокоилась въ землѣ созданнаго по ея иниціативѣ, ея трудами и любовью мирнаго пріюта инвалидовъ сцены и ея сиротъ.

Она упокоилась навсегда около своихъ усталыхъ и «разбитыхъ» театромъ «земляковъ», провинціальныхъ актеровъ, спокойно доживающихъ, благодаря Савиной, свои дни.

Но пришла она сюда не побѣжденнымъ жизнью инвалидомъ, нѣтъ; она, избранница судьбы, аристократка искусства, не сдалась даже передъ неизбѣжностью закона природы, по которому «проходитъ все». До послѣднихъ дней Савина духомъ своимъ оставалась молодой и бодрой и, доживъ до зимней женской поры, не давала сопутствующимъ недугамъ и апатіи осилить себя, сохранила, даже физически, молодую энергію, подвижность, способность работать безъ-устали не только для сцены, но и въ качествѣ общественнаго дѣятеля, благотворительницы.

Даже смерть не отважилась занести свою косу надъ бодрствующей Савиной и смогла скосить ее лишь нежданно, предательски подкравшись къ своей жертвѣ во время ея сна.

Савина, воинъ «старой гвардіи» русскаго театра,—гвардіи, увы, почти уже выбывшей изъ строя, не сдалась живою и позволила помѣстить «на покой» только свое бездыханное тѣло.

Умъ, разносторонній, сверкающій многогранный талантъ, самообразованіе, чуткое изученіе и познаніе «книги жизни», ширина міровоззрѣнія, интересъ не къ одной только сценѣ, но и ко всему человѣческому—вознесли Савину, по заслугамъ, на огромную высоту.

Скорбь, вызываемая кончиной Савиной, не умалилась даже на фонѣ скорби, переживаемой нами за родину въ эти тяжкіе дни испытаній.

Савина на сценѣ давала намъ высшія наслажденія радости и печали, слезъ и улыбки. Она творила чудеса, играя даже въ посредственныхъ пьесахъ. Драму женской души Савина показывала во всей ея безысходности, иногда интонаціями какой-нибудь одной фразы, паузами, во время которыхъ становившееся прекраснымъ лицо съ единственными по своей глубинѣ «Савинскими» глазами, своей мимикой замѣняло рядъ страницъ художественнаго романа съ тончайшей психологіей.

Такова была сцена въ «Нищихъ духомъ» Николая Потѣхина, когда Кондорова-Савина, на оскорбительный пріемъ матерью любимаго человѣка, отвѣчаетъ фразой: «Я сказала бы вамъ, но вы... вы его мать... И я васъ прощаю».

Эта фраза и сейчасъ ясно звучитъ въ моей памяти, и сколько высшаго художественнаго наслажденія, сколько правды и добра пролилось въ мою душу съ этой фразой артистки!

А мощь женскаго обаянія, женской внѣшней красоты, соединяющейся подчасъ и съ красотой душевной, а подчасъ гибельно дразнящей... Какъ это передавалось Савиной въ «Чародѣйкѣ», «Маіоршѣ»!

И сердце переживало радость или жуть любовнаго трепета...

Савина прожила выдающуюся по интересу, почти сказочную по своимъ красочнымъ и контрастнымъ эпизодамъ жизнь.

Ея, извѣстная намъ только отрывочно, по-наслышкѣ, ревниво оберегавшаяся Савиной отъ любопытства праздной толпы, переписка съ Тургеневымъ, дружба съ нимъ особенно знаменательны.

Тургеневъ, которому судьба послала въ удѣлъ давшую ему болѣе горя, чѣмъ счастья, загадочную любовь къ Віардо,—Тургеневъ, этотъ бардъ, этотъ рыцарь женщины, создатель обаятельныхъ женскихъ образовъ, не могъ не оцѣнить того богатства женственности во всемъ ея очарованіи, какое Богъ вложилъ въ существо и въ талантъ Савиной. Они оба сошлись на про-

славленіи, на апоѳеозѣ русской женщины, обаятельной даже въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Тургеневъ поразился, какіе перлы душевной красоты русской простой дѣвушки открыла Савина и выявила на сценѣ, геніально облекши въ плоть и кровь едва намѣченную Тургеневымъ Вѣрочку въ «Мѣсяцѣ въ деревнѣ». Такіе же перлы создавала Савина и въ «Провинціалкѣ», и въ «Холостякѣ». Тургеневъ не дожилъ до инсценировки «Дворянскаго гнѣзда». Какое опять откровеніе дала Савина въ Лизѣ!..

А роли Савиной въ пьесахъ Островскаго: «Послѣдняя жертва», «Бѣдная невѣста»—это вѣдь все поэмы! Мы лѣнивы, не любопытны, неблагодарны—и мы оцѣнили Савину недостаточно.

Мы видѣли борьбу Савиной съ надвигавшейся зимою возраста, но не вдумывались въ нее, жестоко торопили великую артистку-художницу переходить на роли старухъ, что было для нея,—сознававшей, что сила ея въ воплощеніи женскаго обаянія, въ которомъ душа важнѣе тѣла,—мучительно, тѣмъ болѣе, что достойныхъ ея старыхъ ролей, не комическаго склада, въ наличномъ репертуарѣ почти не имѣлось, а роли комическихъ старухъ казались ей такимъ обиднымъ «оскорбленіемъ» артистическаго величія, такимъ опошляющимъ «маскарадомъ» для недавней еще «Чародѣйки» или «Сорванца», которая смѣшила, но смѣхъ этотъ соединялся у зрителя съ увлеченіемъ юнымъ задоромъ, а не съ глумливымъ отношеніемъ къ образу, по внѣшности, большею частью, непривлекательному. Комическое дарованіе Савиной не меньше, чѣмъ драматическое, тѣсно сливалось съ ея индивидуальнымъ задоромъ и юморомъ, но задоромъ и юморомъ молодыми, за которыми сверкала прелесть Савинскихъ интонацій, переливающихся всѣми красками разнообразныхъ настроеній.

И кто знаетъ, не чувствовала ли Савина, что въ старыхъ роляхъ, гдѣ не будетъ уже обаянія юности, ея комическій талантъ окажется сравнительно болѣе блѣднымъ и Савину неудовлетворяющимъ, даже въ томъ случаѣ, если публика и будетъ удовлетворена.

Савина ушла отъ насъ въ иной міръ, гдѣ душа ея встрѣтится съ душами Тургенева и Островскаго, также любившаго артистку за дивное воплощеніе его свѣтящихъ и грѣющихъ женскихъ образовъ.

И эти три великія души сольются «тамъ» въ радостномъ сознаніи, что «здѣсь», на землѣ, онѣ щедро отдали людямъ сокровища своихъ талантовъ, озарили земную жизнь лучами правды, любви и красоты.

Н. Тамаринъ.

20—IX—1915. № 12940.

Въ иллюстрированномъ прибавленіи къ этому номеру помѣщены портреты М. Г. Савиной: 1) въ 1906 г. и 2) въ 1907 г.; въ пьесахъ—3) «Холопья», 4) «Дикарка», 5) «Склепъ», 6) «Горе отъ ума», 7) «Въ осадномъ положеніи», 8) «Укрощеніе строптивой» и 9) «Мѣсяцъ въ деревнѣ» (Вѣрочка). Подъ портретами факсимилированъ автографъ: «Съ искреннимъ расположеніемъ старая юбиляршаМ. Савина. 1914 г.».

17—X—1915. № 12989.

СОРОКЪ ДНЕЙ СО ДНЯ КОНЧИНЫ САВИНОЙ.

Сегодня, можно сказать, состоятся всероссійскія театральныя поминки,—сегодня исполняется 40 дней со дня кончины Маріи Гавріиловны Савиной, сорокъ лѣтъ сіявшей на театральномъ горизонтѣ ровнымъ и яркимъ свѣтомъ, какъ большой талантъ и какъ удивительнаго ума и души человѣкъ, какъ первая русская актриса, вышедшая за предѣлы сцены и личной жизни на широкую арену общественнаго и гражданскаго служенія.

Можно предположить, что русскій актерскій міръ объединится съ большой опредѣленностью и согласіемъ вокругъ славнаго имени Маріи Гавріиловны Савиной, и первыя поминки намѣтятъ тотъ путь, по которому пойдетъ «увѣковѣченіе» ея памяти.

Сегодня вездѣ будутъ панихиды и будетъ сдѣланъ сборъ среди сценическихъ дѣятелей. Въ сознаніи всѣхъ и каждаго изъ насъ, отъ малыхъ до великихъ, рѣетъ мысль о томъ, что

необходимо собрать средства для осуществленія плановъ Маріи Гавріиловны, на половину лишь осуществленныхъ, на укрѣпленіе тѣхъ замѣчательныхъ филантропическихъ и просвѣтительныхъ учрежденій, которымъ она дала жизнь, которыхъ лелѣяла и холила, какъ самая нѣжная, любящая мать.

Это ближайшая и великая задача передъ русской актерской громадой—не дать погибнуть добрымъ дѣламъ Савиной, а развить ихъ, расширить, укрѣпить...

Сегодня будетъ одна изъ такихъ попытокъ, и какъ всегда на помощь придетъ русскому актерству его добрый другъ—публика, тоже любившая Савину, какъ украшающій русскій театръ громадный талантъ, какъ женщину, составлявшую гордость всѣхъ русскихъ женщинъ.

Сборъ въ память Маріи Гавріиловны!..

Невольно встаетъ въ памяти картина, когда здѣсь, въ Харьковѣ, еще совсѣмъ недавно, на юбилейномъ празднествѣ И. И. Сипельникова, она объявила сборъ на образованіе фонда его имени для устройства койки въ Убѣжищѣ престарѣлыхъ артистовъ...

Пусть же сегодня «каждый дастъ то, что можетъ, что хочетъ!»

---

18 и 24—X—1915. №№ 12996 и 13002.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О САВИНОЙ.

I.

Харьковская сцена имѣла извѣстное вліяніе на артистическую карьеру Маріи Гавріиловны, но вліяніе это прошло мимо художественнаго развитія ея юнаго расцвѣтавшаго здѣсь таланта, а коснулось больше всего, если не всецѣло, личныхъ сторонъ жизни будущаго украшенія русскаго театра и гордости русской женщины, такъ какъ Савина была одной изъ самыхъ интересныхъ, умныхъ и глубоко интеллигентныхъ натуръ нашего времени.

Для артистическаго совершенствованія тогдашнія наши условія—семидесятые годы драматическаго театра Дюковыхъ въ Харьковѣ—были неблагопріятны,—существовало два театра: «старый» оперный, въ которомъ воцарился Никифоръ Новиковъ съ своей труппой, а въ родовомъ Дюковскомъ наступилъ періодъ упадка, вслѣдствіе болѣзни самого предпринимателя и семейныхъ его несчастій. Вообще, это былъ моментъ перелома въ самомъ «служеніи музамъ», когда «голоножіе и свистопляска», какъ выражались тогда, заливали сцену—и юная Савина, тогда шестнадцатилѣтній бутонъ, была поставлена въ необходимость отдавать вмѣстѣ съ другими дань воцарившемуся культу Оффенбаховщины. «Учиться» не было на комъ, образцовъ тоже не было.

Но такія ли были тогда времена патріархальныя, таковы ли были сила и стойкость подлинныхъ талантовъ, но кочеваніе Савиной по театральнымъ трущобамъ не оказало дурного вліянія ни на ея талантъ, ни на ея серьезное отношеніе къ дѣлу. Какъ изъ мутнаго броженія родится чистое вино, такъ изъ всѣхъ этихъ переигранныхъ Савиной опереточной дребедени и водевильной дряни Савина вышла тѣмъ удивительнымъ тонкимъ художникомъ, который далъ ей право на титулъ царицы русской комедіи... Такимъ образомъ, надо признать, что Савина, уже занявъ въ семидесятыхъ годахъ опредѣленное мѣсто въ провинціальномъ театрѣ, никакой опредѣленной школы не прошла, никакихъ учителей и руководителей не имѣла; она была всѣмъ обязана себѣ самой; творила она сама, послушная чутью и природному своему вкусу, являя собою въ подлинномъ смыслѣ слова сценическаго автодидакта, самоучку, доходившаго до всего собственнымъ умомъ и талантомъ. Конечно, не безъ вліянія остались встрѣчи и совмѣстное исполненіе съ такими артистами, какъ П. М. Медвѣдевъ, В. Н. Давыдовъ, А. И. Шубертъ, К. А. Варламовъ и др. Среди нихъ веселый, беззаботный жаворонокъ Савина и выдвинулась, какъ особенно Богомъ отмѣченный талантъ.

Появленіе Савиной въ Харьковѣ, въ труппѣ у Дюкова, совпало съ пребываніемъ въ ней Н. Н. Савина, молодого, стройнаго моряка, ушедшаго на сцену по страстному призванію. Съ Савинымъ я познакомился впослѣдствіи, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда онъ послѣ кіевскаго опернаго сезона держалъ въ Харьковѣ оперу, въ саду «Тиволи», въ 1886 году. До того объ этомъ интересномъ во многихъ отношеніяхъ театральномъ дѣятелѣ мнѣ пришлось слышать отъ Н. Н. Дюкова и отъ М. Г. Савиной, уже выдвинувшейся въ Александринскомъ театрѣ.

Н. Н. былъ лейтенантомъ русскаго флота и не то въ Вальпарайзо или Ріо-де-Жанейро резидировалъ въ качествѣ нашего правительственнаго агента. Было это во времена смутъ въ средѣ Южно-Американскихъ республикъ, и Н. Н. Савинъ, какъ онъ самъ смѣялся однажды, чуть было не вздумалъ объявить войну какой-то изъ этихъ республикъ... Надо имѣть въ виду, что у молодого моряка и его экипажа руки чесались, что называется, съ утра до вечера отъ бездѣлья, а всякихъ субтропическихъ напитковъ было изобиліе... Въ концѣ концовъ, Савинъ не то продалъ, не то заложилъ свой корветъ, когда онъ командовалъ имъ въ отсутствіе старшаго, и долженъ былъ выйти въ отставку, чтобы замять скандальную исторію... Вотъ откуда появился на югѣ Россіи драматическій артистъ Савинъ, натура широкая, бурная, стремительная, человѣкъ блестящій, образованный и бывалый; прибавить къ этому надо, что онъ не былъ лишенъ и таланта. Вотъ съ какимъ «товарищемъ по труппѣ» встрѣтилась въ Харьковѣ въ театрѣ Дюкова «дѣвица Стремлянова», будущая знаменитость русскаго драматическаго театра. Савинъ «въ одинъ-два перехода» закружилъ голову себѣ и шестнадцатилѣтней артисткѣ, для которой конфекты были тогда лучшимъ гонораромъ, а букетъ цвѣтовъ отъ бабъ Благовѣщенскаго базара самой блестящей овацiей и артистическимъ тріумфомъ. «Герой» въ жизни («Помилуйте, онъ чуть было не объявилъ войны отъ имени Россіи!»...) и неотразимый мужчина на сценѣ, Савинъ завладѣлъ юнымъ сердечкомъ Маруси Стремляновой и рѣшилъ жениться на ней.

Было это, какъ уже сказано, въ Харьковѣ, у Дюкова въ одинъ изъ тѣхъ длинныхъ сезоновъ, когда часть его труппы передъ ярмарками—Полтавской (Ильинской) и Роменской (Коренной, кажется), играла въ Харьковѣ.

Марія Гавріиловна (пользуюсь ея воспоминаніями) жила тогда «часть сезона» гдѣ-то на Рымарской улицѣ, въ домѣ священника, гдѣ былъ садъ съ верандой; «на перекладинахъ его мы и сидѣли съ Н. Н. (Савинымъ) въ лунныя ночи»...

Это былъ, вѣроятно, домъ протоіерея Левандовскаго (еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ), гдѣ обитали по преимуществу въ старыхъ двухъ флигеляхъ актеры и ветеринары (нынѣ этотъ домъ Токаревой, второй отъ угла), гдѣ «ложементъ» отдавался за 7—9 рублей въ мѣсяцъ. Здѣсь проживала когда-то и Марія Гавріиловна.

Ник. Ник. Дюковъ всѣми силами противился браку М. Г. съ Савинымъ, всячески отговаривалъ ее отъ «неравнаго» брака, притомъ ее, такую юную и талантливую, такую скромницу и трудолюбивую... Друзья Дюковыхъ и Стремляновой интриговали, чтобы не состоялся сей столь нежелательный бракъ; но «любовь», какъ и въ разыгрываемыхъ тогда М. Г. водевиляхъ, осилила всѣ препятствія—и въ церкви «всѣхъ гонимыхъ», Каплуновской, нынѣ здравствующій протоіерей молодой священникъ Г—ій обвѣнчалъ М. Г. съ Савинымъ.

Точно помня мстительное чувство Дюковыхъ къ себѣ, Савинъ старался больше не показываться въ Харьковъ и не пускалъ сюда свою молодую жену, пожинавшую лавры затѣмъ въ Калугѣ, въ Нижнемъ, въ Казани, въ Орлѣ и особенно въ Саратовѣ, пока счастливый случай не привелъ Савину на Петербургскіе подмостки, и она не вступила въ составъ Александрипской труппы.

II.

Въ Харьковской драмѣ было исконное обыкновеніе, пока сезонъ не развернется, когда сборы плохи, до праздниковъ—устраивать гастроли столичныхъ «знаменитостей» и, вообще, выдающихся артистовъ. Такъ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ у Дюкова гастролировали: Стре-

петова съ Модестомъ Писаревымъ, Шумскій, Васильевъ Павелъ, Глѣбова М. М. и ставшій быстрымъ любимцемъ публики М. Ивановъ-Козельскій, яркій самородокъ, бывшій писарь Харьковскаго Интендантскаго Управленія, «выкормокъ» здѣшней юной интеллигенціи, разучивавшей даже съ нимъ въ тѣ поры Шекспира на англійскомъ языкѣ...

Чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе о тогдашней бытовой обстановкѣ этихъ гастролей (во время Восточной войны и вслѣдъ за нею сейчасъ же), я долженъ сказать, что дѣла театра Дюкова стояли вообще слабо. Драма была въ пренебреженіи. Демократическій характеръ зрѣлища бросался въ глаза и пагубно отражался на доходности этого предпріятія,—«забивала» опера, для которой существовалъ нарядный большой театръ Пащенко (на Екатерининской улицѣ, гдѣ дома Замятина). Тогдашняя харьковская знать и интеллигенція предпочитали оперу, составъ которой въ то время (1874—1887 гг.) отличался своими достоинствами. Въ драму ходили только по особымъ оказіямъ, и пустовавшій драматическій театръ оживлялся, такимъ образомъ, только во время гастролей. Достаточно сказать, что въ смыслѣ с б о р о в ъ даже такая артистка, какъ Кадмина, когда она оставила оперу, перейдя въ драму, ничего не дѣлала.

Но картина мѣнялась, когда пріѣзжали гастролеры. Горѣвшая гдѣ-то подъ спудомъ любовь публики къ драмѣ ярко вспыхивала, и Стрепетова съ Писаревымъ или Козельскій и Павелъ Васильевъ заставляли забывать оперные восторги... Но обратить пустыню въ оазисъ бывало подъ силу только Бурлаку съ Писаревымъ и Стрепетовой, Козельскому съ его классическимъ репертуаромъ или Ѳедотовой и Ермоловой (одинъ разъ) и не всегда—блестящему даже красавцу Маріусу Петипа... Попытки другихъ привлечь къ себѣ вниманіе публики не имѣли успѣха... И вотъ тогда прекратились наѣзды на гастроли отдѣльныхъ персонажей, а стали являться ц ѣ л ы я т р у п п ы. Начался періодъ гастрольныхъ поѣздокъ по главнымъ городамъ провинціи московскихъ и петербургскихъ артистовъ. Начало имъ положили покойные Форкатти и Соловцовъ.

Вотъ въ этотъ періодъ второй половины восьмидесятыхъ годовъ начались гастроли Савиной по провинціи—и Харьковъ былъ первымъ изъ городовъ, облюбованныхъ Маріей Гавріиловной и облюбовавшихъ ее въ свою очередь.

Такимъ образомъ, только теперь, когда артистка сформировалась въ звѣзду первой величины, явилась возможность для нея сдѣлаться въ Харьковѣ болѣе или менѣе частой и желанной гостьей. Постомъ или весною М. Г. уже привозила непремѣнно сюда свою труппу съ новинками столичнаго сезона, въ которомъ чередовались «Крыловскіе» пустячки съ литературными произведеніями Островскаго, Потѣхина, Гнѣдича, Маркевича и др.

Лично мнѣ особенно памятна пьеса Маркевича «Ольга Ранцева», передѣланная авторомъ изъ своего же романа «Четверть вѣка». Талантъ и блескъ Савиной побороли тогда популярность Маркевича, какъ сотрудника «Русскаго Вѣстника», исповѣдника тенденцій московскаго аристократическаго кружка... Вотъ, пожалуй, отъ Ранцевой и пошла въ провинціи большая извѣстность Маріи Гавріиловны, какъ блестящей, чрезвычайно изящной драматической артистки, законодательницы модъ, приводившей провинціальный мондъ въ удивленіе и восторгъ своими туалетами...

Я вспомнилъ сейчасъ выраженіе Савиной, вырвавшееся у нея однажды со стономъ и слезами:

— Вѣдь эти тряпки—кровь моя!

Это было сказано въ отвѣтъ на замѣчаніе о красотѣ и богатствѣ туалетовъ Ольги въ этой «нарядной» и великосвѣтской пьесѣ...

Я лично считаю, что этотъ періодъ (80-е гг.) составилъ, вообще, особую эпоху въ искусствѣ нашихъ актрисъ одѣваться. На сцену ураганомъ вторглась ослѣпляющая роскошь, нелѣпая, несуразная, купеческоподрядческая,—когда иная «героиня» шила къ сезону, «на всякій случай», десятки шелковыхъ и бархатныхъ платьевъ, чтобы можно было изъ нихъ въ сезонѣ подбирать нужное...

Савина много внесла изящнаго, тонкаго вкуса въ умѣнье русской актрисы одѣваться на сценѣ; она облагородила это умѣнье и приблизила къ образцамъ тогдашнихъ подлинныхъ законодательницъ модъ—французскихъ актрисъ Михайловскаго театра, привозившихъ свои «комплекты» непосредственно изъ Парижа. Нѣкоторый грѣхъ въ этомъ отношеніи лежитъ отчасти на памяти славной комедійной артистки, невольно поведшей за собою всѣхъ маленькихъ и среднихъ дѣятельницъ сцены, доведшихъ культъ «тряпокъ» до уродливыхъ крайностей. Переходъ былъ рѣзкій: отъ барежевыхъ матерій и батистовочекъ репертуара Островскаго, Потѣхина и Крылова пришлось шагнуть къ туалетамъ французскихъ портнихъ Петербурга и Москвы, къ «домамъ» изъ Парижа и Лондона... Извѣстно, что наши артистки сильно перехватили въ этой области, и имъ пришлось съ глубокой горечью рѣшать вопросы о вакханаліи модъ, будто бы погубившей многіе отечественные таланты.

Надо было видѣть, какъ М. Г. обращалась съ этими своими тряпками, чтобы понять ея болѣзненный стонъ, что онѣ—ея кровь... Какъ бы М. Г. ни была уставшей,—на гастроляхъ ли было это или въ Александринкѣ,—неизмѣнно о н а с а м а п е р е б и р а л а всѣ свои платья и мелочи, занятыя въ спектаклѣ, перекладывала ихъ тщательнѣйшимъ образомъ папиросной бумагой, разглаживая и выправляя, какъ самая идеальная камеристка или портниха. Ползая по полу съ горстью булавокъ и застежекъ въ рукахъ, М. Г. послѣ спектакля, еще слыша оваціи, сохраняла для своихъ «ризъ» свѣжесть линій и пышность складокъ до слѣдующаго представленія... Но зато, надо правду сказать, Савина выходила одѣтой не то, что «по послѣдней модѣ», а ея туалеты представляли собою художественное произведеніе, какъ модные, такъ и историкобытовые... Туалетами этими можно было, въ самомъ дѣлѣ, восхищаться и чувствовать себя къ нимъ прикованными не только дамамъ, но и мужчинамъ.

* * *

Благодаря репертуару, главнымъ образомъ, комедійному (напримѣръ: «Симфонія», «Невольницы», «Сорванецъ», «Дикарка», «Маіорша», «По духовному завѣщанію», «Тетенька», «Въ осадномъ положеніи», «Женитьба Бѣлугина»), за М. Г. установилась здѣсь репутація пропагандистки легкихъ пьесъ, и публика на ея гастроли валила наиболѣе состоятельная и «аристократическая». Только потомъ, когда значеніе славной артистки сдѣлалось неоспоримымъ, и драмы, какъ таковыя, стали привлекать съ ея участіемъ массу публики. Всѣ эти тогдашніе «Нищіе духомъ», «Свѣтитъ да не грѣетъ», «Дама съ камеліями», «Чародѣйка», «Дворянское гнѣздо», «Послѣдняя жертва» и особенно «Татьяна Рѣпина» обязательно входили въ репертуаръ харьковскихъ гастролей вмѣстѣ съ «Идеальной женой», «Невѣрной», «Зимой», «Исторіей одного увлеченія» и всѣми миніатюрами, которыя въ филигранной мастерской отдѣлкѣ Савиной получали изумительную привлекательность. Эти Савинскіе «пустячки», какъ, напримѣръ, «Женя», «Провинціалка», «Благотворительница», «Паціентка» и др. сами по себѣ «дѣлали сборы».

Внѣшній успѣхъ спектаклей М. Г. Савиной былъ самый подлинный гастрольный, т.-е. п у б л и к а относилась къ любимой артисткѣ съ большимъ восхищеніемъ, энтузіазмъ былъ великъ, но это все же было уравновѣшенное, сознательно-разумное отношеніе къ большому таланту, творчество котораго обязывало зрителей именно къ такому сознательному воспріятію впечатлѣній; ея игра была нектаромъ боговъ, который пить надо было малыми глотками, наслаждаясь каждой каплей, смакуя вкусъ и любуясь на свѣтъ переливами ароматной влаги.

И помню, что М. Г. цѣнила «изъ публики» только тѣ голоса и отзывы, которые были сознательны и доказательны. Если что понравилось, то за что именно, почему. Задуманная мысль, проведенная деталь, подмѣченная тонкость, если ихъ отмѣчали, радовали артистку выше восторженныхъ сумбурныхъ похвалъ. «Вотъ это общеніе, вотъ это сліяніе души и мыслей артиста съ публикой»—радовалась она...

Когда Савина готовила Магду («Родина»), я написалъ ей изъ Мюнхена о премьерѣ въ «Резиденцъ-театрѣ», съ Поссартомъ въ роли отца Шварца, и объ изумительной обстановкѣ этой

пьесы, а потомъ о Зандрокъ въ роли Магды въ Дрезденѣ. Когда я увидѣлъ затѣмъ М. Г. здѣсь въ «Родинѣ», я не нашелъ въ ея исполненіи ничего нѣмецкаго, даже этого внушеннаго нѣмецкимъ родительскимъ домомъ дочерняго покорства. Но столько глубокихъ чертъ характера, такую согласованность и ясность, что былъ внѣ себя отъ изумленія: это была Магда, именно та смѣлая и сильная женщина—«я—это я!»—настоящая героиня, протестантъ и борецъ... Одна «деталь» привела меня въ восторгъ, я сказалъ ей объ этой шляпной шпилькѣ, вколотой на ходу (послѣднее объясненіе съ отцомъ), точно она вонзаетъ кинжалъ въ живое тѣло и т. д. М. Г. была очень довольна, что штрихъ этотъ не остался незамѣченнымъ и неоцѣненнымъ и подарила меня взглядомъ, который въ ея дивныхъ «Савинскихъ» глазахъ равнялся царской наградѣ.

Е. М. Бабецкій.

ЮЖНЫЙ КУРЬЕРЪ.

(Кременчугъ).

17—X—1915. № 164.

«ДОБРЫЙ ГЕНІЙ ПРОВИНЦІАЛЬНАГО АКТЕРА».

МАРІЯ ГАВРІИЛОВНА САВИНА.

Какъ дымъ курильницъ доходило до зрителя горѣніе этой женской души—и ясная, и лукавая, простая, и—до неуловимости тонкая...

С. С.

Сорокъ дней!

Мысль не можетъ объять всю сложность катастрофы, этой безвозвратной потери для сцены, и еще больше для тысячи провинціальныхъ Незнамовыхъ, которые въ доброй отзывчивой душѣ Маріи Гавріиловны находили ласку и участіе, бодрость и помощь къ дальнѣйшему существованію.

Вдохновенная, самоотверженная, со свѣтлой вѣрой въ душѣ, съ огромной ненасытной жаждой жизни и всего живущаго, съ крылатымъ, незыблемымъ девизомъ, яркимъ факеломъ горѣвшимъ на ея пути: «Сцена — моя жизнь», многогранная и глубокая, какъ океанъ, съ никогда не потухавшей энергіей, съ безудержнымъ стремленіемъ къ дѣятельности, къ плодотворной работѣ...

Для нея жизнь была ареной подвиговъ.

Какъ актриса, М. Г. Савина—«здравый смыслъ русскаго театра».

Среди моря различныхъ теченій—декадентства, мистицизма, футуризма—она одна стояла, какъ гранитная скала, съ рѣзко выраженнымъ реализмомъ...

И въ дни тяжкаго безвременья, когда обезцвѣченное лицо русскаго актерства тяжелымъ кошмаромъ дышитъ надъ чистымъ искусствомъ, когда актеры мѣняютъ подмостки художественной драмы на прогнившія доски одноактныхъ миніатюръ, когда народился страшный по своимъ послѣдствіямъ культъ фарса, грозящій захлебнуть все прекрасное, чистое,—невыразимо больно сознавать потерю человѣка, который такъ сочеталъ въ себѣ великаго актера и совершенную личность, больно чувствовать потерю «собирательницы земли актерской», для которой ни одинъ звукъ, стонъ провинціальнаго актера не оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Благоговѣйно... преклонимся же передъ прахомъ великой актрисы М. Г. Савиной въ день, когда сердца всѣхъ тѣхъ, кому дорогъ театръ, будутъ объяты единымъ трепетомъ...

Б. Ш—о.

ЯЛТИНСКІЙ КУРЬЕРЪ.

(Ялта, Таврической губерніи).

12—IX—1915. № 194.

† М. Г. САВИНА.

Краткій некрологъ—перепечатанъ изъ «Южнаго Края», 9—IX—1915, № 12920, такъ же, какъ въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ», 10—IX—1915, № 3867; въ «Родномъ Краѣ», 11—IX—1915, № 999; въ «Трудовой Газетѣ», 11—IX—1915, № 1901.

УКАЗАТЕЛЬ

ПОВРЕМЕННЫХЪ ИЗДАНІЙ

ПО ГОРОДАМЪ

Александровскъ. *Стр.*
«Александровскій Вѣстникъ» 3

Армавиръ.
«Отклики Кавказа» 193

Архангельскъ.
«Архангельскъ» 9
«Сѣверное Утро» 319

Астрахань.
«Астраханскій Вѣстникъ» 9
«Астраханскій Листокъ» 10

Баку.
«Бакинецъ» 10
«Баку» . . . . . 10— 12
«Кавказскій Телеграфъ» 123
«Каспій» 125

Батумъ.
«Батумскія Вѣсти» 12

Бердянскъ.
«Бердянскія Новости» . . . . . 12— 13

Винница.
«Юго-Западный Край» 357

Витебскъ.
«Витебскій Вѣстникъ» . . . . . 54— 56

Владивостокъ.
«Дальній Востокъ» . . . . . 82— 84

Вологда.
«Вологодскій Листокъ» . . . . . 59— 60

Воронежъ.
«Воронежскій Телфегъ«ра . . . . . 61— 62

Вятка.
«Вятская Рѣчь» . . . . . 69— 70

Евпаторія.
«Евпаторійскія Новости» 94

Екатеринбургъ.
«Уральская Жизнь» 349

Екатеринославъ.
«Приднѣпровскій Край» . . . . . 254—256

Елизаветградъ.
«Голосъ Юга» 80

Житомиръ.
«Жизнь Волыни» 98

Золотоноша.
«Золотоношскій Голосъ» 103

Казань.
«Городъ Казань» . . . . . 81— 82
«Казанскій Телеграфъ» 124

Калуга.
«Калужскій Курьеръ» . . . . . 124—125

Керчь.
«Южная Почта» 359

Кіевъ.
«Кіевлянинъ» . . . . . 125—128
«Кіевская Мысль» . . . . . 128—129
«Послѣднія Новости» . . . . . 243—247

Кострома.
«Курьеръ» 133

Красноярскъ.
«Сибирская Мысль» 312

Кременчугъ.
«Приднѣпровскій Голосъ» . . . . . 253—254
«Южный Курьеръ» 368

Кронштадтъ.
«Котлинъ» . . . . . 131—132

Курскъ.
«Курскій Театръ» . . . . . 133—135

Москва.
«Вечерняя Газета» . . . . . 52— 54

«Женская Жизнь» . . . . . 94— 95
«Женское Дѣло» . . . . . 96— 98
«Заря» . . . . . 101—102
«Искры» 117
«Московская Копѣйка» 137
«Московскій Листокъ» 137
«Московскія Вѣдомости» . . . . . 137—143
«Новости Сезона» . . . . . 165—166
«Рампа и Жизнь» . . . . . 257—267
«Раннее Утро» . . . . . 267—269
«Русскія Вѣдомости» . . . . . 275—277
«Русское Слово» . . . . . 291—296
«Сцена и Арена» 318
«Театральная Газета» . . . . . 321—327
«Театръ» . . . . . 328—331
«Утро Россіи» 352

Нарва.

«Нарвскій Листокъ» . . . . . 143—144

Нижній-Новгородъ.

«Волгарь» 57
«Нижегородскій Листокъ» 147

Николаевъ.

«Трудовая Газета» 348

Никольскъ-Уссурійскій.

«Уссурійскій Край» 350

Новгородъ.

«Волховской Листокъ» . . . . . 60— 61

Ново-Николаевскъ.

«Алтайское Дѣло» 3

Новочеркасскъ.

«Донская Жизнь» 93
«Донскія Областныя Вѣдомости» 94

Одесса.

«Одесскій Листокъ» . . . . . 179—187
«Одесскія Новости» . . . . . 187—191
«Русская Рѣчь» 271
«Южная Мысль» . . . . . 357—359

Орелъ.

«Орловская Жизнь» 191
«Орловскій Вѣстникъ» 191

Пенза.

«Пензенскія Вѣдомости» 193

Пермь.

«Пермскія Вѣдомости» 194

Петроградъ.

«Аполлонъ» 4
«Аргусъ» . . . . . 5— 9
«Библіотека Театра и Искусства» . . . . . 13— 19
«Биржевыя Вѣдомости» . . . . . 20— 41
«Биржевыя Новости» 42
«Весь Міръ» . . . . . 42— 44
«Вечернее Время» . . . . . 45— 51
«Всемірная Новь» . . . . . 62— 63
«Всемірная Панорама» . . . . . 63— 65
«Вѣдомости Петроградскаго Градоначальства» . . . . . 65— 66
«Вѣстникъ Европы» . . . . . 66— 68
«Вѣстникъ Моды» 69
«Газета Копѣйка» . . . . . 70— 72
«Голосъ» 72
«Голосъ Руси» . . . . . 74— 80
«Гроза» 82
«Дамскій Міръ» . . . . . 84— 86
«День» . . . . . 86— 93
«Дружескія Рѣчи» 94
«Женскій Вѣстникъ» . . . . . 95— 96
«Журналъ Журналовъ» 98
«Земщина» . . . . . 102—103
«Извѣстія Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества» . . . . 103—117
«Историческій Вѣстникъ» . . . . . 118—121
«Колоколъ» . . . . . 129—130
«Лукоморье» . . . . . 135—136
«Маленькая Газета» 136
«Модный Курьеръ» 137
«Наборщикъ и Печатный Міръ» 143
«Наша Старина» 144
«Нива» . . . . . 145—146
«Новая Всемірная Иллюстрація» . . . . . 147—148
«Новая Маленькая Газета» . . . . . 148—149
«Новое Время» . . . . . 149—164
«Обозрѣніе Театровъ» . . . . . 166—178
«Огонекъ» 178
«Осколки» 192
«Парижская Мода» 193
«Петроградская Газета» . . . . . 194—217
«Петроградскій Курьеръ» . . . . . 218—221
«Петроградскій Листокъ» . . . . . 221—227
«Петроградскія Вѣдомости» . . . . . 227—240
«Полночь» . . . . . 240—241
«Правительственный Вѣстникъ» 249
«Пробужденіе» 256
«Родина» . . . . . 269—270

«Русскій Паломникъ» . . . . . 271—275
«Русскія Записки» . . . . . 277—290
«Русское Знамя» . . . . . 290—291
«Русское Чтеніе» 296
«Рѣчь» . . . . . 297—310
«Свѣтъ» . . . . . 310—312
«Сельскій Вѣстникъ» 312
«Синій Журналъ» 313
«Современное Слово» . . . . . 313—315
«Солнце Россіи» . . . . . 315—317
«Сѣверныя Записки» 320
«Театръ и Искусство» . . . . . 331—347
«Трезвость» 347

Петропавловскъ.

«Приишимье» 256

Полтава.

«Полтавскій Вѣстникъ» 241
«Полтавскій День» . . . . . 241—243

Пятигорскъ.

«Кавказскій Край» . . . . . 121—123
«Пятигорское Эхо» . . . . . 256—257

Ревель.

«Ревельскій Вѣстникъ» 269

Ростовъ-на-Дону.

«Приазовскій Край» . . . . . 249—252
«Утро Юга» . . . . . 353—354

Рыбинскъ.

«Рыбинская Газета» . . . . . 296—297

Самара.

«Волжское Слово» . . . . . 58— 59
«Голосъ Самары» 80

Сарапуль.

«Прикамская Жизнь» 256

Саратовъ.

«Волга» . . . . . 56— 57
«Саратовскій Вѣстникъ» 310
«Саратовскій Листокъ» 310

Севастополь.

«Крымскій Вѣстникъ» 132

Симбирскъ.

«Волжскія Вѣсти» 57
«Симбирянинъ» 313

Сумы.
«Сумской Вѣстникъ» 317

Таганрогъ.
«Таганрогскій Вѣстникъ» 321

Тифлисъ.
«Голосъ Кавказа» . . . . . 73— 74
«Кавказское Слово» 123

Томскъ.
«Утро Сибири» . . . . . 352—353

Троицкъ.
«Троицкая Газета» 347

Тула.
«Тульская Молва» . . . . . 348—349

Уфа.
«Уфимская Жизнь» . . . . . 354—355
«Уфимскій Вѣстникъ» 355
«Уфимскій Край» 355

Хабаровскъ.
«Приамурская Жизнь» . . . . . 252—253

Харбинъ.
«Харбинскій Вѣстникъ» 356

Харьковъ.
«Послѣднія Новости Сезона» . . . . . 247—249
«Утро» . . . . . 350—352
«Харьковскія Вѣдомости» 356
«Южный Край» . . . . . 359—368

Херсонъ.
«Родной Край» 270

Черниговъ.
«Черниговское Слово» 357

Чита.
«Забайкальская Новь» . . . . . 99—100

Ялта.
«Русская Ривьера» 270
«Ялтинскій Курьеръ» 369

Ярославль.
«Голосъ» 72

УКАЗАТЕЛЬ
АВТОРОВЪ

А.: «М. Г. Савина» («Пятигорское Эхо»)—256—257.

Аверкіева, С. В.: «Памяти М. Г. Савиной» («Наша Старина»)—144.

Азъ: «† М. Г. Савина» («Вологодскій Листокъ»)—59—60.

А. К.: «† М. Г. Савина» («Утро Юга»)—353—354.

Алабина, О.: «У свѣжей могилы» («Полтавскій День»)—242—243.

Александрова, А. А.: Воспоминанія («Извѣстія Совѣта И. Р. Т. О.»)—113—114.

Alex. de Borod.: «† М. Г. Савина» («Весь Міръ»)—42—43; («Весь Міръ»)—43—44; («Весь Міръ»)—44.

Аловъ: «Памяти великой актрисы» («Биржевыя Новости»)—42.

Андреева-Мекольдъ, М. К.: Воспоминанія («Извѣстія Совѣта И. Р. Т. О.»)—115—116.

Андреевъ, А.: «Ты ушла...», стихотвореніе («Сѣверное Утро»)—319.

Андреевъ, В. С.: «Памяти Маріи Гавріиловны Савиной» («Городъ Казань»)—81—82.

д'Ано, М.: «Марія Гавріиловна Савина» («Голосъ»)—72.

Антонова, А. Н.: Воспоминанія («Извѣстія Совѣта И. Р. Т. О.»)—116.

А. П. К.: «Памяти М. Г. Савиной» («Голосъ Самары»)—80.

Арабажинъ, К. И.: «Царица русской сцены» («Рампа и Жизнь»)—260—262.

Аркунина, А. В.: Воспоминанія («Извѣстія Совѣта И. Р. Т. О.»)—111—113.

Аровъ, Димитрій: («Театръ и Искусство»)—340.

А—рь, М.: «Великая реалистка русской сцены М. Г. Савина» («Уфимская Жизнь»)—354—355.

А. У.: «М. Г. Савина» («Нижегородскій Листокъ»)—147.

Афанасьевъ, Н. И.: «М. Г. Савина» («Новое Время»)—152—153; то же («Историческій Вѣстникъ»)—118; то же («Ревельскій Вѣстникъ»)—270; то же («Родина»)—269.

А. Я. Я.: «† М. Г. Савина» («Нарвскій Листокъ»)—143—144.

Бабецкій, Е. М.: «† М. Г. Савина» («Южный Край»)—359—361; «Изъ воспоминаній о Савиной» («Южный Край»)—364—368.

Балабуха, Н.: «Эпизодъ изъ жизни М. Г. Савиной» («Колоколъ»)—130.

Баскинъ, В. С.: «Памяти М. Г. Савиной» («Голосъ Руси»)—78—80.

Батюшковъ, Ѳ. Д.: «М. Г. Савина и русская литература» («Биржевыя Вѣдомости»)—40; «Памяти отошедшихъ артистовъ» («Вѣстникъ Европы»)—66—68; («Петроградская Газета»)—195—196; «† Марія Гавріиловна Савина» («Рѣчь»)—298—299; то же («Современное Слово»)—313.

Безродный, Юл.: «Огни рампы» («Послѣднія Новости Сезона»)—248—249.

Бертенсонъ, Левъ Б.: «Памяти Маріи Гавріиловны Савиной» («Рѣчь»)—304—305.

Бескинъ, Эм.: «Незамѣнимая» («Раннее Утро»)—268—269; то же («Евпаторійскія Новости»)—94; «Книга Савиной» («Театральная Газета»)—326—327.

Билибина, В.: «Памяти М. Г. Савиной» («Вѣдомости Петроградскаго Градоначальства»)—65—66.

Бинокль: «Отчего скончалась М. Г. Савина» («Петроградская Газета»)—198; «М. Г. Савина въ Лазаретѣ» («Петроградская Газета»)—203; «Наслѣдство М. Г. Савиной» («Петроградская Газета»)—209—210.

Боголюбовъ, Н. Н.: «Актерскій прибой» («Биржевыя Вѣдомости»)—40—41.

Боцяновскій, В. О.: «† М. Г. Савина» («Биржевыя Вѣдомости»)—21; «Памяти М. Г. Савиной» («Биржевыя Вѣдомости»)—37.

Брендеръ, Владиміръ: «Савина, Тургеневъ и Чеховъ» («Театральная Газета»)—322—325; то же («Волгарь»)—57.

Бѣляевъ, Ю. Д.: «Памяти Прекрасной Дамы» («Аргусъ»)—5; «Памяти М. Г. Савиной» («Вечернее Время»)—45; то же («Волховской Листокъ»)—60; «Послѣ Савиной» («Вечернее Время»)—50—51; «Памяти Савиной» («Новое Время»)—149.

Вакуловскій, А.: «Наброски» («Петроградскія Вѣдомости»)—237—238.

Вальтеръ: «Освободилось мѣсто» («Южная Мысль»)—357—358.

Варнеке, Б. В.: «Памяти великой артистки. М. Г. Савина» («Одесскій Листокъ»)—181—183; «Савина и Коммиссаржевская» («Одесскій Листокъ»)—184—187.

Васильева, Н. С.: («Петроградская Газета»)—196.

Васильевъ, Н.: «Изъ воспоминаній о М. Г. Савиной» («Петроградскія Вѣдомости»)—239—240.

В. В.: «† М. Г. Савина» («Крымскій Вѣстникъ»)—132.

Ведринская, М. А.: («Петроградскій Листокъ»)—224.

Вель: «Памяти М. Г. Савиной» («Петроградскія Вѣдомости»)—227—228.

Весеньевъ, И.: «Артистическая карьера М. Г. Савиной» («Вечернее Время»)—46—47; то же («Газета Копѣйка»)—70; то же («Архангельскъ»)—9.

Вехтинъ, К.: «Умеръ талантъ!» («Тульская Молва»)—348—349.

В. И.: «Гордость русской сцены» («Наборщикъ и Печатный Міръ»)—143.

Вильде, Н.: «Пестрыя бесѣды» («Новое Время»)—157—159.

Витарскій, К. К.: «М. Г. Савина въ Театральномъ Обществѣ» («Извѣстія Совѣта И. Р. Т. О.»)—104—107; «М. Г. Савина и Театральное Общество» («Петроградская Газета»)—199.

Вл—овъ, Я.: «Памяти М. Г. Савиной» («Отклики Кавказа»)—193; то же подъ заглавіемъ «М. Г. Савина» («Бакинецъ»)—10.

Волна: « † М. Г. Савина» («Земщина»)—102—103.

Волховская, А. Г.: Воспоминанія («Извѣстія Совѣта И. Р. Т. О.»)—115.

Воронскій, Н.: «М. Г. Савина» («Утро»)—351—352.

В. Р.: «Посвящается памяти славной русской артистки Маріи Гавріиловны Савиной» («Голосъ Кавказа»)—73—74.

Г.: «Веселое житье» («Московскія Вѣдомости»)—139—143.

Галинъ, Н.: «Памяти М. Г. Савиной» («Волховской Листокъ»)—60—61; то же («Александровскій Вѣстникъ»)—3; то же («Донская Жизнь»)—93; то же («Золотоношскій Голосъ»)—103; то же («Курьеръ»)—133; то же («Таганрогскій Вѣстникъ»)—321; то же («Уссурійскій Край»)—350.

Гарольдъ: «Памяти М. Г. Савиной», стихотвореніе («Кіевская Мысль»)—129; то же («Александровскій Вѣстникъ»)—3.

Гей, С.: «Памяти Савиной» («Калужскій Курьеръ»)—124—125.

Гердтъ, П. А.: «Чья очередь умереть?» («Петроградская Газета»)—204.

Гидальго: «Дама съ камеліями», стихотвореніе («Вечерняя Газета»)—52—53.

Гиппіусъ, З. Н.: «Марья Гавриловна» («Биржевыя Вѣдомости»)—32—34.

Глаголинъ, Б. С.: «Во имя Савиной» («Театръ и Искусство»)—340.

Гнѣдичъ, П. П.: «Памяти М. Г. Савиной» («Биржевыя Вѣдомости»)—35—36; «Савина-директоръ» («Биржевыя Вѣдомости»)—37—39; («Петроградская Газета»)—197; «М. Г. Савина» («Петроградская Газета»)—206; «Три могилы» («Петроградская Газета»)—216—217; «Улица Литераторовъ» («Петроградская Газета»)—217.

Горинъ-Горяиновъ, Б. А.: («Петроградскій Листокъ»)—224.

Горновъ: «Памяти большого художника сцены» («Витебскій Вѣстникъ»)—55—56; то же («Полтавскій Вѣстникъ»)—241; то же («Русская Рѣчь»)—271; то же («Уфимскій Край»)—355.

Горн., О.: «Потери искусства» («Воронежскій Телеграфъ»)—61; «Подъ впечатлѣніемъ» («Воронежскій Телеграфъ»)—61—62.

Горская, В. С.: Воспоминанія («Извѣстія Совѣта И. Р. Т. О.»)—114—115.

Григорьянцъ, Аршакъ: «Памяти М. Г. Савиной» («Баку»)—10—12.
Гриневская, И. А.: «Умерла Савина» («Дамскій Міръ»)—84—86; «На могилу Савиной», стихотвореніе («Обозрѣніе Театровъ»)—173.
Губеръ, Семенъ: «Памяти М. Г. Савиной» («Утро»)—350—351; то же («Приднѣпровскій Голосъ»)—254.
Гуревичъ, Л. Я.: «† Марія Гавріиловна Савина» («Рѣчь»)—300—301.

Димитріевъ, Д.: «Нѣсколько словъ о Савиной» («Забайкальская Новь»)—99—100.
Долговъ, Н. Н.: «М. Г. Савина» («Рѣчь»)—306—310; то же («Современное Слово»)—315.
Долиновъ, А. И.: «Великая душа» («Аргусъ»)—5—9; («Биржевыя Вѣдомости»)—24; «Наслѣдство М. Г. Савиной» («Петроградская Газета»)—209—210; то же («Астраханскій Вѣстникъ»)—9.
Дризенъ, баронъ, Н. В.: «Что потеряло въ Савиной русское искусство?» («Рѣчь»)—301—302; то же («Современное Слово»)—314.

Ежовъ, А.: «Савина» («Кіевлянинъ»)—126—127; то же («Полтавскій Вѣстникъ»)—241.
Ежовъ, Н.: «Осиротѣвшій театръ» («Московскія Вѣдомости»)—138—139.
Елатомскій: «М. Г. Савина и русскіе писатели» («Витебскій Вѣстникъ»)—54—55; то же («Донскія Областныя Вѣдомости»)—94; то же («Жизнь Волыни»)—98; то же («Орловская Жизнь»)—191; то же («Пензенскія Вѣдомости»)—193; то же («Русская Рѣчь»)—271; то же («Харбинскій Вѣстникъ»)—356.
Ермолова, М. Н.: «О М. Г. Савиной» («Театръ»)—331.

Жилинъ, М. М.: «На могилѣ М. Г. Савиной» («Трезвость»)—347.
Жуковская, Н. Ю.: «Памяти великой русской артистки» («Лукоморье»)—135—136.

Забрежневъ, Ив.: «Изъ цикла ролей Савиной» («Театръ и Искусство»)—335—339; «Два мѣсяца» («Театръ и Искусство»)—342—347.

Ивановъ, Евгеній: «Памяти М. Г. Савиной» («Курскій Театръ»)—134—135.
Ив. Л.: («Вечернее Время»)—48—49.
Ив. Мар.: «Памяти уходящихъ» («Петроградскія Вѣдомости»)—232—233; «Послѣднее прости» («Петроградскія Вѣдомости»)—234—235.
Измайловъ, А. А.: «† М. Г. Савина» («Биржевыя Вѣдомости»)—20—21; «Самодержавный талантъ» («Биржевыя Вѣдомости»)—24—26.
И. К.: «М. Г. Савина» («Послѣднія Новости Сезона»)—247—248.
И. М.: «Памяти М. Г. Савиной» («Приамурская Жизнь»)—252—253.
Иринъ, А.: «Памяти великой» («Сцена и Арена»)—318.
Исъ: «Марія Гавріиловна Савина» («Алтайское Дѣло»)—3.

К.: «Объ Улицѣ Савиной» («Обозрѣніе Театровъ»)—173.
Каменка, А. Б.: «Свѣтлой памяти Маріи Гавріиловны Савиной», стихотвореніе («Обозрѣніе Театровъ»)—173.
Камышниковъ, Л.: «М. Г. Савина» («Южная Мысль»)—358—359.
Карминъ, Серг.: «Памяти М. Г. Савиной» («Рампа и Жизнь»)—258—259.
Карповъ, Евт. П.: («Биржевыя Вѣдомости»)—24; «Первые шаги» («Биржевыя Вѣдомости»)—26—27; то же подъ заглавіемъ «Еще о М. Г. Савиной» («Орловскій Вѣстникъ»)—191; «Памяти великой художницы сцены» («День»)—92—93; то же («Сибирская Мысль»)—312; («Петроградскій Листокъ»)—224; «М. Г. Савина» («Солнце Россіи»)—315—317.
Кириллова, М. И.: Воспоминанія («Извѣстія Совѣта И. Р. Т. О.»)—110—111.
Козакъ: «М. Г. Савина» («Приднѣпровскій Край»)—254—255.
Кони, А. Ѳ.: «Марія Гавріиловна Савина» («Русскія Вѣдомости»)—277.
Конради, П. П.: «Памяти Савиной» («Новое Время»)—149—150.
Корпъ, Ѳ. А.: «Откликъ на смерть М. Г. Савиной» («Новости Сезона»)—166.
Котляревскій, Н. А.: («Петроградская Газета»)—196—197.
Кресло № 8: «М. Г. Савина» («Казанскій Телеграфъ»)—124.
Кривенко, В. С.: «Савина—общественный дѣятель» («Новое Время»)—155—156.

Кугель, А.Р. (Homo Novus): «Савина» («День»)—89—92; «Слово о Савиной» («Театръ и Искусство»)—334.

Ландесманъ, С. А.: «Изъ воспоминаній о М. Г. Савиной» («Одесскій Листокъ»)—183—184.
Лебедевъ, И. В. (Дядя Ваня): («Маленькая Газета»)—136.
Левинсонъ, Андрей: «М. Г. Савина» («Сѣверныя Записки»)—320.
Леоновъ, Макъ: «Яркою звѣздою въ жизни ты свѣтила...», стихотвореніе («Сѣверное Утро»)—319.
Л. К.: «Театральный дневникъ» («Петроградскій Курьеръ»)—220—221.
Lolo: «Савина въ «Исторіи одного увлеченія», стихотвореніе («Рампа и Жизнь»)—262—263.
Ломачевскій, А. А.: «У гроба Маріи Гавріиловны Савиной» («Русское Чтеніе»)—296.
Лоренцо: «Кончина М. Г. Савиной» («Одесскія Новости»)—187—189; «Чародѣйка русской сцены» («Одесскія Новости»)—189—190.
Лорнетъ: «† М. Г. Савина» («Дальній Востокъ»)—82—83.
Лэнгринъ: «Памяти Маріи Гавріиловны Савиной» («Приазовскій Край»)—249—251.
Лукіанъ: «На радость врагамъ» («Биржевыя Вѣдомости»)—34.
Львовъ, Як.: «М. Г. Савина» («Вечерняя Газета»)—52.
Лѣткова, Ек. П.: «М. Г. Савина» («Русскія Записки»)—277—290.
Любошъ, С.: «Памяти М. Г. Савиной» («Современное Слово»)—314—315.

Маковскій, К. Е.: «Памятникъ Савиной» («Петроградская Газета»)—211—212.
Максимовъ, В. В.: «Отчего?» («Театральная Газета»)—325; то же («Бакинецъ»)—10.
Мейерхольдъ, В. Э.: («Биржевыя Вѣдомости»)—23; («Петроградскій Листокъ»)—224.
Меньшиковъ, М. О.: «Дневники» («Голосъ Руси»)—76—77; «Письма къ ближнимъ» («Новое Время»)—157; «Письма къ ближнимъ» («Новое Время»)—159—161.
Мичурина, В. А.: «О Савиной» («Петроградская Газета»)—202—203.
М. К.: «М. Г. Савина» («Русское Слово»)—291—293; то же («Астраханскій Вѣстникъ»)—9; то же («Волжскія Вѣсти»)—57.
Немировичъ-Данченко, Вл. И.: («Петроградская Газета»)—197.
Николаевъ, Н. И.: «Памяти Маріи Гавріиловны Савиной» («Кіевлянинъ»)—128; то же («Библіотека Театра и Искусства»)—19.
Никулинъ, В. И.: «Къ русскому актерству» («Театръ и Искусство»)—340.
N. N.: «Геній ли это?» («Русское Знамя»)—290—291.
Н. С.: «А. И. Южинъ о М. Г. Савиной» («Театръ»)—329.
—нъ: «Крестъ М. Г. Савиной» («Биржевыя Новости»)—42.
Нюренбергъ, А. Д.: «Отчего скончалась М. Г. Савина» («Петроградская Газета»)—198.

Ожиговъ, Ал.: «Усердіе не по разуму» («Журналъ Журналовъ»)—98.
Омега: «Кончина Савиной» («Петроградская Газета»)—194—195.
Онѣгинъ: «Барыня русской сцены» («Биржевыя Вѣдомости»)—30.
Осиповъ, И. О.: «Памяти Савиной» («Обозрѣніе Театровъ»)—173—174; «Странный протестъ» («Обозрѣніе Театровъ»)—177; «Въ Убѣжищѣ» («Обозрѣніе Театровъ»)—178.

П.: «М. Г. Савина» («Харьковскія Вѣдомости»)—356; то же («Черниговское Слово»)—357.
П. А.: «М. Н. Ермолова о М. Г. Савиной» («Театръ»)—331.
Пансіонеръ: «Памяти великой артистки и истиннаго человѣка» («Извѣстія Совѣта И. Р. Т. О.»)—107—108.
Панчинъ, П. С.: «М. Г. Савина во время спектаклей, репетицій и поѣздокъ» («Петроградская Газета»)—199—200; («Петроградскій Листокъ»)—224.
П—въ, В.: «Сила таланта» («Петроградскій Листокъ»)—224—225.
Пересвѣтовъ, Н.: «Кончина М. Г. Савиной. Еще великая потеря» («Одесскій Листокъ»)—179—180.
Пермяковъ, И.: «М. Г. Савина въ Пермской губерніи» («Пермскія Вѣдомости»)—194; то же («Прикамская Жизнь»)—256.
Пессимистъ: «Дѣти Савиной» («Приазовскій Край»)—251—252.
Петровскій, Ю.: «Они уходятъ» («Новое «Время»)—159.

Петроградскій обозрѣватель: «Эскизы и кроки» («Петроградская Газета»)—204—205, 207—209, 211, 212—213, 214—215.

Петрослитъ, П.: «М. Г. Савина» («Кавказскій Край»)—121—123.

Пет—скій Бальзакъ: «Жизнь Савиной» («Осколки»)—192.

Печоринъ, Л. Г.: «Надъ свѣжей могилой М. Г. Савиной», стихотвореніе («Приднѣпровскій Край»)—255.

Плещеевъ, А. А.: «Первый моментъ» («Вечернее Время»)—45—46; «Что огорчало М. Г. Савину» («Вечернее Время»)—49—50; «Памяти Савиной» («Новое Время»)—150—151.

П—овъ, Ал.: «Краса Россіи» («Женская Жизнь»)—94—95.

Поповъ, Н. А.: «Памяти М. Г. Савиной» («Рампа и Жизнь»)—257—258; «Маска Савиной» («Рампа и Жизнь»)—259.

Поселянинъ, Е.: «Талантъ и человѣкъ» («Новое Время»)—153—155; «Послѣдніе шаги» («Новое Время»)—161—164; «Артистка - христіанка» («Русскій Паломникъ»)—271—275.

Потапенко, И. Н.: («Вечернее Время»)—48.

Потемкинъ, П. П.: «Марія Гавріиловна Савина» («День»)—86—88; то же («Алтайское Дѣло»)—3.

Правдинъ, О. А.: «Откликъ на смерть М. Г. Савиной» («Новости Сезона»)—165.

Протопоповъ, В. В.: «На закатѣ» («Биржевыя Вѣдомости»)—27—29.

Р.: «Что говорятъ объ утратѣ» («Петроградская Газета»)—195—197; «Мичурина—о Савиной» («Петроградская Газета»)—202—203; «Памятникъ Савиной» («Петроградская Газета»)—211—212.

Райлянъ, Ѳома: «Народный вѣнокъ на могилу М. Г. Савиной» («Петроградскія Вѣдомости»)—233—234.

Рихтеръ, Лидія: «Памяти Маріи Гавріиловны Савиной» («Историческій Вѣстникъ»)—118—121.

Р. М.: «Великая артистка» («Театръ»)—328; то же («Курскій Театръ»)—133—134; то же («Сцена и Арена»)—318.

Россовскій, Н. А.: «Померкло яркое свѣтило... Кончина М. Г. Савиной» («Петроградскій Листокъ»)—221—223.

Россовъ, Н. Н.: «Нѣтъ Савиной» («Рампа и Жизнь»)—263—267; «Нѣтъ Савиной!» («Театръ и Искусство»)—340—342.

Рощина-Инсарова, Е. Н.: («Петроградскій Листокъ»)—224.

Р—тъ: «М. Г. Савина» («Приднѣпровскій Голосъ»)—253—254.

Рукавишниковъ, Н.: «Памяти М. Г. Савиной» («Волга»)—56—57.

Рыковскій, Н.: «М. Г. Савина» («Заря»)—101—102.

Рышковъ, Вл. А.: «Савина на Тургеневской выставкѣ» («Биржевыя Вѣдомости»)—29—30; «Увѣковѣчьте Савину» («Биржевыя Вѣдомости»)—32; «Не то...» («Биржевыя Вѣдомости»)—34.

С. А.: «Великая артистка» («Театръ»)—328; то же («Курскій Театръ»)—133.

С. Вл.: «Двѣ смерти» («Аполлонъ»)—4.

С. Г.: («Полночь»)—240—241.

С. Р.: «Артисты о смерти М. Г. Савиной» («Петроградскій Листокъ»)—223—224.

Скиталецъ: «Роскошь цвѣтовъ» («Газета Копѣйка»)—71—72.

Сладкопѣвцевъ, В. В.: («Вечернее Время»)—47; «Радость обездоленныхъ дѣтей» («Извѣстія Совѣта И. Р. Т. О.»)—117; то же («Обозрѣніе Театровъ»)—178; «Свѣтлой памяти Маріи Гавріиловны Савиной», стихотвореніе («Обозрѣніе Театровъ»)—173; «Фіалки», стихотвореніе («Обозрѣніе Театровъ»)—174—175.

Сологубъ, Ѳ. К.: «Памяти М. Г. Савиной» («Биржевыя Вѣдомости»)—36—37.

Соѣдовъ, Николай: «Вѣчно-молодая» («Петроградскія Вѣдомости»)—236—237.

С. С.: «† М. Г. Савина» («Волжское Слово»)—58—59.

Старкъ, Э. А.: «Памяти М. Г. Савиной» («Петроградскій Курьеръ»)—218—220; то же («Голосъ Самары»)—80; «М. Г. Савина» («Петроградскія Вѣдомости»)—228—230.

Старый знакомый: «Волшебная лампа Аладина» («Петроградскій Листокъ»)—226.

Старый критикъ: «М. Г. Савина» («Свѣтъ»)—310—312.

Старый театралъ: «Памяти М. Г. Савиной» («Петроградскія Вѣдомости»)—235—236.

Суворинъ, Б. А.: «День за днемъ» («Вечернее Время»)—46.

Сутугинъ, Сергѣй («Театръ и Искусство»)—334; то же («Южный Курьеръ»)—368.
С. Ш.: «М. Г. Савина въ отзывахъ Тургенева» («Петроградскія Вѣдомости»)—231—232.
Сынъ своего отца: «Уходятъ» («Дальній Востокъ»)— 83—84.
Сѣдой: «Памяти великой артистки и великаго человѣка М. Г. Савиной» («Новая Маленькая Газета»)—148—149.
Сѣдой, Николай: «М. Г. Савина» («Утро Сибири»)—352—353.

Тамаринъ, Н. Н.: «Савина» («Южный Край»)—362—363.
Театралъ: «Авторы о Савиной» («Петроградская Газета»)—197; «Изъ записной книжки театрала» («Петроградская Газета»)—210, 212, 213, 214, 215.
Теляковскій, В. А.: «Откликъ на смерть М. Г. Савиной» («Новости Сезона»)—165; «О кончинѣ Савиной» («Русское Слово»)—294.
Толинъ: «М. Г. Савина» («Голосъ Руси»)—75—76.
Тэффи: «Немножко о Савиной» («Русское Слово»)—294—296.

Фаворскій, Ив.: «Во имя любви къ ближнему» («Извѣстія Совѣта И. Р. Т. О.»)—109—110.
Феддерсъ, Георгій: «М. Г. Савина» («Бердянскія Новости»)—12—13.
Философовъ, Д. В.: «Запоздалый вѣнокъ» («Рѣчь»)—302—303; то же подъ заглавіемъ «Тургеневъ и Савина» («Южная Мысль»)—359.

Х.: «Успокоилась въ вѣчномъ непробужденіи» («Колоколъ»)—130—131.
Ходотовъ, Н. Н.: «Ея глаза» («Биржевыя Вѣдомости»)—39—40; («Петроградскій Листокъ»)—224.
Homo Novus—см. Кугель, А. Р.

Чаговецъ, В. А.: «Марія Гавріиловна Савина» («Кіевская Мысль»)—129.
Черешневъ, Николай: «Благословеніе Савиной» («Обозрѣніе Театровъ»)—175—177.
Ш. А.: «Памяти великой артистки и истиннаго человѣка» («Извѣстія Совѣта И. Р. Т. О.»)—108—109.
Шебуевъ, П. Г.: «Кончина М. Г. Савиной» («Обозрѣніе Театровъ»)—166—167, 170—171, 171 — 172; «О Савиной» («Обозрѣніе Театровъ»)—174; «Впечатлѣнія» («Обозрѣніе Театровъ»)—177.
Шев—овъ, С.: «† М. Г. Савина» («Всемірная Панорама»)—63—65.
Шелюбскій, М.: «Памяти М. Г. Савиной» («Послѣднія Новости»)—245; «М. Г. Савина въ Кіевѣ» («Послѣднія Новости»)—245—246.
Шигалеевъ, Н.: «Великая утрата» («Газета Копѣйка»)—70—71.
Ш—о, Б.: «Марія Гавріиловна Савина» («Южный Курьеръ»)—368.
Штейнъ, В. А.: «М. Г. Савина на сценѣ Саратовскаго театра» («Библіотека Театра и Искусства»)—13—19; то же («Саратовскій Вѣстникъ»)—310.

Щегловъ, И. Л.: «Чародѣйка русской сцены» («Театръ и Искусство»)—334—335.

Ъ: «Среди вѣнковъ» («Обозрѣніе Театровъ»)—173.

Эсъ: «Бесѣда съ А. И. Южинымъ» («Петроградская Газета»)—206—207.
Эфросъ, Н. Е.: «Савина» («Женское Дѣло»)—96—98; «М. Г. Савина («Русскія Вѣдомости»)—275—277; то же («Волжскія Вѣсти»)—57; то же («Южная Почта»)—359; то же («Рампа и Жизнь»)—259; «Савина-актриса» («Русскія Вѣдомости»)—277.

Ювеналъ: «Миніатюры» («Голосъ Руси»)—77—78.
Южинъ, А. И.: («Петроградская Газета»)—206—207; «О М. Г. Савиной» («Театръ»)—329.

Яблоновскій, Сергѣй: «Савина» («Русское Слово»)—293—294.
Ядовъ: «Колдунья», стихотвореніе («Послѣднія Новости»)—247.

УКАЗАТЕЛЬ
ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

Абрамова, М. М.—83.
Авдаковъ, Н. С.—269.
Аверкіева, С. В.—144.
Аверкіевъ, Д. В.—222, 311.
Агаревъ, А. А.—19.
Александрова—14.
Александровскій—26.
Александровъ, В. А.—246.
Александровъ, В. А. (Крыловъ)—см. Крыловъ, В. А.
Алексѣева—14.
Алексѣевъ, А. А.—63, 64.
Андреева, М. Ѳ.—329.
Андреевскій, С. А.—135.
Андреевъ, Н. А.—14.
Андреевъ-Бурлакъ, В. Н.—366.
д'Аннунціо, Габріель—85, 311.
Антоній, митрополитъ С.-Петербургскій—274.
Антроповъ, Л. Н.—22, 87, 152, 168, 219, 222, 244, 276, 279, 311, 316.
Аполлонскій, Р. Б.—51, 181, 207.
Апухтинъ, А. Н.—223.
Араповъ—16.
Аркунина, А. В.—116.
Арнольдовъ, И. М.—84.
Ароновъ—17.
Аронсонъ, Н. Л.—215.
Артемъ, А. Р.—249.
Асенкова, В. А.—51, 164.

Балкашина, А. М.—14.
Бальзакъ, Онорэ—92.
Баратынскій, Е. А.—91.
Барыкинъ—18.
Батюшковъ, Ѳ. Д.—195, 239.
Беккеръ—215.
Бернаръ, Сарра—20, 43, 100, 102, 123, 147, 170, 206, 209, 250, 259, 261, 293, 344, 357.
Бертенсонъ, С. Л.—286.
Бетховенъ, Людвигъ—249.
Билибинъ, В. В.—138.
Боборыкинъ, П. Д.—311, 322.
Богучарскій, В. Я.—294.
Бомарше, Пьеръ-Огюстенъ—280, 311.
Бразъ, О. Э.—215, 331.
Бракко, Роберто—311.
Брендо, Жанна—181.
Брюлловъ, Карлъ—335.
Булычева, Д. С.—313.
Бураковскій, А. З.—110, 215.
Бурдинъ, Ѳ. А.—11, 23, 88.
Бьернсонъ - Бьернстьерне—185, 222, 311.
Бѣлинскій, В. Г.—240, 325.
Бѣляевъ, Ю. Д.—76, 130.

Ванъ-Дейкъ, Антонисъ—35.
Варламовъ, К. А.—4, 9, 10, 20, 23, 24, 30, 42, 43, 44, 45, 48, 51, 52, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 63, 66, 69, 70, 75, 76, 77, 80, 81, 82, 100, 101, 102, 103, 121, 122, 123, 124, 128, 129, 132, 133, 138, 143, 145, 147, 148, 149, 157, 159, 165, 166, 169, 170, 172, 178, 179, 180, 187, 188, 193, 196, 203, 204, 206, 207, 211, 216, 217, 218, 223, 226, 228, 238, 243, 245, 247, 253, 257, 275, 277, 293, 294, 320, 321, 323, 325, 328, 329, 330, 348, 350, 352, 353, 354, 356, 358, 364.
Варшавскій-Долинъ, И. Н.—109, 110.
Василиса (В. И. Пантюхова)—161, 162, 207.
Васильева, Н. С.—196, 207, 242.
Васильевъ, П. В.—22, 170, 245, 366.
Ведринская, М. А.—51, 86, 224.
Вейнбергъ, П. И.—32, 68, 189, 282, 283, 286, 287, 298.
Вержбиловичъ, А. В.—158.
Викторова—14.
Вильгельмъ II—56.
Витарскій, К. К.—112, 199.
Віардо, Луи—303.
Віардо, Полина—303, 362.
Владиміровъ, Я. И.—110.
Волгинъ, П. Д.—14.
Волконскій, князь, С. М.—51, 186.
Вольтеръ, Франсуа—78, 79.
Вольфъ, А. И.—66, 276.
Воронинъ, В. П.—110.
Воронцовъ - Дашковъ, графъ, И. И.—182.
Всеволожской, А. Н.—30, 130.
Всеволожской, И. А.—291.
Всеволожской, Н. Н.—30, 130, 153, 186, 194, 225, 244, 271, 291, 361.

Гаевскій, В. П.—282.
Гайдебуровъ, П. А.—282.
Галкинъ-Врасскій, М. Н.—17.

Гарденъ, Максимиліанъ—306, 307.
Гаринъ, К. А.—13.
Гаринъ-Виндингъ, Д. В.—110.
Ге, Г. Г.—51, 222.
Гёте, Вольфгангъ—56, 280.
Гердтъ, Н. А.—204.
Гиппіусъ, З. Н.—4, 36, 230, 294, 301, 302, 333.
Главацкій, Г. В.—19.
Глинка, М. И.—158.
Глушковскій, П. К.—14.
Гнѣбова, М. М.—14, 15, 16, 17, 83, 366.
Гнѣдичъ, П. П.—21, 26, 68, 99, 129, 134, 150, 186, 197, 203, 204, 222, 261, 298, 301, 311, 320, 354, 366.
Гоголь, Н. В.—50, 60, 69, 70, 71, 74, 93, 96, 124, 125, 128, 134, 168, 222, 225, 229, 242, 261, 265, 266, 280, 294, 298, 311, 317, 320, 335, 341.
Гольдони, Карло—206, 280, 311.
Гончаровъ, И. А.—67, 68, 134, 170, 196, 222, 284, 299.
Горбуновъ, И. Ѳ.—51, 170, 182, 212, 246, 287.
Горева, Е. Н.—291, 311.
Горевъ, Ѳ. П.—48, 207, 329.
Горинъ-Горяиновъ, Б. А.—6, 224.
Горскій, Н. А.—86.
Градовскій, Г. К.—294.
Градовъ, В. Л.—86, 163, 242, 275.
Грибоѣдовъ, А. С.—134, 222, 229, 311, 321, 322, 327.
Григоровичъ, Д. В.—54, 170, 231, 283.
Григорьевъ, А. А.—90.
Грушко, Н. В.—222, 311.
Гусева, Е. И.—26.
Гуцковъ, Карлъ—80.

Давыдовъ, В. Н.—6, 13, 14, 26, 48, 51, 77, 81, 84, 86, 149, 168, 170, 193, 196, 200, 207, 210, 211, 212, 231, 238, 242, 243, 258, 283, 321, 324, 325, 329, 332, 350, 364.
Далматовъ, В. П.—13, 37, 38, 48, 49, 60, 75, 80, 83, 166, 182, 200, 206, 212, 239, 240, 245, 253, 293, 320.
Дальскій, М. В.—19, 321.
Дарскій, М. Е.—51.
Деклэ, Эмэ-Олимпія—231.
Делапортъ, Марія—90.
Диккенсъ, Чарльзъ—138.
Дмитревскій, И. А.—169, 312.
Долиновъ, А. И.—24, 51, 86, 184, 209, 210, 242, 243.
Дольскій, В. П.—14.
Домашева, М. П.—51.
Достоевскій, М. М.—202.
Достоевскій, Ѳ. М.—54, 67, 68, 73, 91, 170, 282, 283, 303.
Дузэ, Элеонора—11, 102, 170, 250, 261, 344.
Дурново, П. Н.—157, 238, 269.
Дьяченко, В. А.—14, 15, 18, 81, 90, 222, 311, 316.
Дюкова, А. Н.—115.
Дюкова, О. Н.—116.
Дюковъ, Н. Н.—152, 244, 267, 354, 364, 365, 366.
Дюма, Александръ (сынъ)—69, 124, 125, 222, 298, 311.
Дюръ, Н. О.—51.

Елисѣевъ, С. П.—238.
Ермолова, М. Н.—20, 30, 52, 59, 97, 99, 138, 147, 153, 207, 222, 239, 267, 311, 314, 321, 329, 331, 344, 354, 366.

Желябужскій, А. А.—86, 242.
Жоржъ, Маргарита-Жозефина—20.
Жулева, Е. Н.—59, 206, 211, 320, 321.
Журавская, З. Н.—61.

Зандрокъ, Адель—368.
Заньковецкая, М. К.—138.
Зиновьева—14.
Зудерманъ, Германъ—46, 70, 88, 122, 125, 128, 184, 185, 222, 242, 254, 298, 311.

Ибсенъ, Генрихъ—70, 125, 128, 144, 222, 242, 253, 311.
Ивановъ, А. Д.—14.
Ивановъ-Козельскій, М. Т.—366.
Измайлова, М. В.—18, 111.
Измайловъ, А. А.—99.
Ильинскій, А. К.—18.
Ильковъ, В. Е.—19.

Іоаннъ Кронштадтскій — см. Сергіевъ, І. И.

Кадмина, Е. П.—303, 366.
Канина, В. Д.—14.
Каннегиссеръ, Н. С.—114.
Каннистъ, графиня, М. В.—162, 272.
Каратыгина, А. М.—307.
Каратыгинъ, В. А.—51, 90, 169, 312, 356.
Каратыгинъ, П. А.—20, 51, 170.
Каратыгинъ, М. П.—200.
Карповъ, Е. П.—4, 24, 68, 186, 224, 311, 322, 324.
Кассо, Л. А.—205.
Каширинъ, А. И.—19.
Киселевскій, И. П.—48, 83.
Кистеръ, баронъ, К. К.—156, 202.
Кіевскій, Н. И.—203.
Клейзмеръ, Я. В.—187.
Клодтъ, баронъ, В. К.—335.
Козловская, Ф. В.—14.
Колпаковъ, В. Д.—16, 17.
Коммиссаржевская, В. Ѳ.—7, 20, 40, 59, 78, 127, 184, 185, 186, 187, 210, 211, 249, 250, 253, 262, 324, 327, 348, 358.
Коненковъ—219.
Кони, А. Ѳ.—163, 242, 285, 290.
Корчагина - Александровская, Е. П.—6, 51, 210.
Коршъ, Ѳ. А.—166.

Котляревскій, Н. А.—196.
К. Р.—294.
Кравфордъ, Берта—295.
Крамской, И. Н.—234, 258.
Красинскій, Сигизмундъ—66.
Кропивницкій, М. Л.—65.
Крыловъ, В. А.—4, 11, 13, 20, 22, 61, 68, 69, 79, 87, 93, 125, 138, 144, 152, 168, 189, 190, 206, 219, 246, 261, 276, 280, 289, 291, 300, 311, 316, 317, 321, 345, 346, 367.
Кугель, А. Р.—354.
Кудрина, Н. Н.—26, 200.
Куликовъ, Н. И.—67.
Кшесинская, М. Ф.—239.

Лавровъ—16.
Лавровъ - Орловскій, А. Д.—109.
Лебедева, Е. А.—19.
Лебедева (урожденная **Подраменцева**), **Л. Н.**—209.
Левкѣева, Е. И.—211, 215, 320, 321, 324.
Ленскій, А. П.—18, 82, 207, 329, 348.
Лентовскій, М. В.—81, 292.
Леонардо-да-Винчи—158.
Леонтьевъ (Щегловъ), И. Л.—см. Щегловъ, И. Л.
Лерскій, И. В.—51.
Лешковская, Е. К.—147, 207, 329.
Ливанская, М. В.—19.
Лидина, М. Н.—19.
Лихачевъ—14, 15, 16.
Lolo—см. Мунштейнъ, Л. Г.
Ломоносовъ, М. В.—76.
Лопе-де-Вега—125, 222, 280, 311.
Лутугинъ, Л. И.—294.
Любарская—14.
Любская—14.
Любскій, А. К.—14.
Лядова, В. А.—20.
Лядовъ, А. К.—193, 294.

Майковъ, А. А.—236.
Мазини, Анжело—207.
Маковскій, К. Е.—160, 211, 214, 216, 217, 238.
Максимовъ, А. М.—18, 51.
Макшеевъ, В. А.—207, 329.
Манассеинъ, Н. А.—225.
Маркевичъ, Б. М.—222, 366.
Мартынова, А.—26.
Мартыновъ, А. Е.—51, 246, 307, 308, 309.
Мартыновъ, А. К.—18, 19.
Матвѣевъ, П. Ф.—14.
Медвѣдева, Е. Г.—111.
Медвѣдева, Н. М.—329.
Медвѣдевъ, П. М.—13, 14, 24, 26, 58, 59, 65, 81, 111, 124, 152, 167, 168, 170, 200, 211, 219, 244, 292, 320, 332, 354, 364.
Мей, Л. А.—311.
Мейерхольдъ, В. Э.—23, 32, 33, 186, 224, 307, 350.
Мельникова, А. Н.—201.
Мережковскій, Д. С.—302.
Метерлинкъ, Морисъ—307, 308.
Мещерскій, князь, В. П.—31, 222.
Мими—200.
Михайловскій, Н. К.—286.
Мичурина, В. А.—44, 51, 202, 207.
Моисеевъ, В. П.—19.
Моисси—295.
Молчанова, Е. І.—274.
Мольеръ, Жанъ-Баптистъ—58, 79, 80, 206, 311.
Монаховъ, И. И.—20, 214.
Мопассанъ, Гью—141.
Моргуновъ, А. Ѳ.—19.
Морозовичъ, Е. Г.—48.
Мочаловъ, П. С.—169, 240, 246, 308, 312, 325, 356.
Мунштейнъ, Л. Г. (Lolo)—259.
Муромцевъ, А. Д.—19.
Мусоргскій, М. П.—249.
Мюссе, Альфредъ—307.

Неждановъ, М. М.—19.
Некрасовъ, Н. А.—146, 170.
Немировичъ-Данченко, Вл. И.—58, 134, 197, 222, 230, 285, 290, 311.
Николаевъ, Н. И.—246.
Николаевъ (Куликовъ), Н. Н.—153.
Никулина, Н. А.—207, 329.
Нильскій, А. А.—152, 170, 201, 244, 276, 279, 292, 323.
Новиковъ, Н. И.—16, 48, 364.
Нордау, Максъ—92.
Нюренбергъ, А. Д.—198, 226.

Ожье, Эмиль—222, 311.
Озерецкій, Н. Н.—204.
Ольриджъ, Айра—135.
Опочининъ, В. П.—44, 89, 196, 226.
Орлова—14.
Орлова, П. И.—246.
Островскій, А. Н.—11, 20, 21, 23, 25, 47, 54, 55, 59, 60, 61, 66, 68, 69, 70, 71, 74, 76, 83, 87, 88, 90, 91, 93, 96, 99, 100, 102, 124, 125, 128, 129, 130, 134, 138, 144, 145, 150, 152, 167, 168, 170, 178, 196, 204, 206, 222, 229, 240, 244, 245, 249, 253, 276, 280, 298, 299, 300, 306, 311, 316, 317, 321, 329, 338, 346, 363, 366, 367.
Острогорскій, В. П.—182.
Оффенбахъ, Жакъ—14, 252, 364.

Пальеронъ, Эдуардъ—125, 222, 311.
Пальминъ, И. О.—111.
Пальмъ, С. А.—43, 207, 294.
Панина—14.
Пантюхова, В. И.—см. Василиса.
Панчина, О. А.—6.
Панчинъ, П. С.—199, 224.
Парамоновъ, Ѳ. А.—329.
Паска, Аликсъ—90.
Персіянинова, Н. Л.—301.
Песоцкій, Н. С.—16, 17, 18.
Петипа, М. М.—16, 17, 48, 366.
Петровскій, А. П.—6.
Питулевскій, В. Ф.—198.
Пинеро, Артуръ—311.
Писаревъ, М. И.—168, 212, 320, 321, 332, 366.

Писемскій, А. О.—20, 55, 60, 71, 178, 222, 311, 322.
Плещеевъ, А. Н.—285.
Погонинъ, А. И.—13, 26.
Подраменцева, Ел. Н.—209.
Подраменцевъ, А. Н.—209.
Подраменцевъ (Стремляновъ), Г. Н.—22, 46, 58, 60, 86, 87, 89, 92, 123, 125, 128, 152, 167, 188, 218, 221, 235, 244, 258, 267, 277, 278, 291, 297, 331, 349, 353, 354, 361.
Подраменцевъ, Н. Г.—209.
Поссартъ, Эрнстъ—367.
Потѣхинъ, А. А.—4, 20, 60, 61, 68, 70, 71, 93, 125, 134, 138, 152, 178, 204, 206, 212, 239, 240, 242, 253, 276, 284, 292, 311, 316, 317, 322, 366, 367.
Потѣхинъ, Н. А.—46, 55, 69, 87, 128, 130, 134, 152, 206, 222, 244, 246, 276, 280, 297, 311, 316, 317, 362.
Протопоповъ, В. В.—259.
Полевой, Н. А.—152, 244, 297.
Полонская, Ж. А.—29, 286.
Полонскій, А. С.—201, 279.
Полонскій, Я. П.—29, 33, 54, 170, 231, 232, 285, 286, 302.
Полтавцевъ, Е. Н.—14, 15.
Потапенко, И. Н.—48.
Потоцкая, М. А.—181.
Правдина, М. П.—330.
Правдинъ, О. А.—165, 207, 329, 330.
Прага, Марко—311.
Пушкарева (Котляревская), В. В.—185.
Пушкинъ, А. С.—21, 68, 160, 216, 223, 335.

Радзивилловичъ, І. І.—322, 326.
Ракитинъ, Ю. Л.—204.
Рашпортъ—295.
Рашель—29, 99, 146, 232, 357.
Режанъ, Габріэль—91, 102, 206.
Рембрандтъ—21, 187.
Рихтеръ, Ю. А.—14.
Росси, Эрнесто—26, 170, 349.
Рощина-Инсарова, Е. И.—6, 51, 210, 224.
Рощинъ-Инсаровъ, Н. П.—83.
Рубинштейнъ, А. Г.—35, 158, 234.
Рыбаковъ, К. Н.—207.
Рыпковъ, Викт. А.—301, 322.
Рѣпинъ, И. Е.—101, 258.
Рюминъ, М. О.—19.

Сабурова, Е. А.—110.
Савинъ, Н. Н.—13, 22, 87, 110, 125, 152, 167, 200, 219, 244, 267, 292, 297, 332, 353, 361, 365.
Садовская, О. О.—207.
Садовскій, М. П.—207, 329, 348.
Сазоновъ, Н. О.—51, 80, 170, 202, 212, 320, 323.
Саловъ, И. А.—18.
Сальвини, Томазо—26, 35, 185, 186, 349.
Самойлова, В. В.—246, 307.
Самойловъ, А. В.—31.
Самойловъ, В. В.—31, 63, 90, 156, 169, 170, 190, 280, 312, 356.
Самойловъ, Н. В.—156.
Самойловъ, П. В.—6.
Сандунова, Н. С.—200.
Сарду, Викторьенъ—124, 298, 329.
Сафо—21.
Сахарова, Н. С.—18.
Свободина-Барышева, М. И.—19.
Свободинъ, П. М.—170.
Семенова, Е. С.—96.
Сервье, Э.—13, 18.
Сергіевъ, І. И. (отецъ Іоаннъ Кронштадтскій)—7.
Сергѣй Михаиловичъ, великій князь—84, 169, 311.
Синельниковъ, Н. Н.—28, 83, 247, 364.
Скрябинъ, А. Н.—124, 145, 160, 193, 294, 295.
Славина—14.
Сладкопѣвцевъ, В. В.—47.
Смольковъ, О. К.—63, 64, 110, 290.
Снѣткова, Ф. А.—306.
Соболева (урожденная **Подраменцева**, по театру **Стремлянова**), **Ел. Г.**—см. Стремлянова, Ел. Г.
Соболева-Даниловичъ—14.
Соболевъ, П. П.—209.
Соколова—14.
Соловцовъ, Н. Н.—83, 366.
Соловьева, А. А.—19.
Соловьевъ, П. Я.—204, 206, 276.
Сологубъ, О. К.—39.
Сосницкій, И. И.—51, 169, 312.
Сосновскій, С. М.—22, 87, 201, 279.
Стаховичъ, А. А.—33.
Стремлянова (урожденная **Подраменцева**, по мужу **Буссенъ**), **Евг. Н.**—209.
Стремлянова (урожденная **Подраменцева**, по мужу **Соболева**), **Ел. Г.**—209, 278.
Стремлянова (Подраменцева), Ел. Н.—см. Подраменцева, Ел. Н.
Стремлянова (урожденная **Подраменцева**, по мужу **Лебедева**), **Л. Н.**—см. Лебедева, Л. Н.
Стремляновъ Г. Н.—см. Подраменцевъ, Г. Н.
Стрепетова, П. А.—20, 26, 51, 67, 77, 81, 91, 138, 168, 200, 212, 291, 311, 332, 349, 365, 366.
Стружкинъ, Н. С.—14.
Струйская, Е. П.—48, 291.
Стрѣлкова, Е. А.—13.
Стрѣльская, В. В.—10, 20, 23, 24, 30, 42, 44, 51, 56, 59, 60, 63, 66, 75, 76, 77, 80, 100, 102, 103, 122, 124, 129, 133, 143, 148, 165, 166, 178, 196, 203, 206, 207, 228, 245, 247, 293, 320, 321, 329, 330, 348, 350, 352, 354.
Стрѣльская, Н. В.—14.
Стрѣльскій, М. К.—13.
Суворинъ, А. С.—28, 37, 43, 45, 47, 49, 55, 66, 69, 77, 81,

132, 134, 135, 138,152,189, 211, 222, 233, 259, 285,311,322,323.
Судьбининъ, И. И.—6.
Сумбатовъ (по театру **Южинъ**), **князь, А.И.**—см. Южинъ, А.И.
Сургучевъ, И. Д.—68, 301, 311, 333.
Сухово-Кобылинъ, А. В.—20, 55, 60, 71, 178, 229, 322.
Сѣровъ, В. А.—303.
Сѣтовъ, І. Я.—240.

Тальма, Франсуа-Жозефъ—357.
Таманьо, Франческо—158.
Танѣевъ, С. И.—124, 145, 294.
Тарновскій, К. А.—280.
Тверитиновъ, Е. П.—132.
Теляковскій, В. А.—165, 175, 242, 294.
Терехова, М. Н.—19.
Тиме, Е. И.—6, 51.
Тихоновъ, В. А.—68, 182, 311.
Тиціанъ—217.
Толстой, графъ, А. К.—132,322.
Толстой, графъ, Л. Н.—21, 25, 49, 55, 67, 68, 69, 96, 100, 125, 134, 146, 152, 168, 169, 222, 258, 261, 280, 284, 285, 288, 298, 299, 301, 311, 321.
Топоровъ, А. В.—64, 231, 281.
Трахтенбергъ, В. О.—222, 301, 313.
Трефилова, В. А.—213.
Труворовъ, А. Н.—152.
Тургеневъ, И. С.—4, 12, 20, 21, 23, 25, 27, 29, 30, 33, 49, 50, 54, 55, 57, 59, 60, 61, 64, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 76, 77, 85, 88, 91, 93, 96, 99, 100, 102, 115, 125, 128, 129, 134, 138, 144, 145, 146, 147, 150, 152, 168, 169, 170, 178, 190, 196, 197, 205, 206, 222, 229, 231, 232, 233, 240, 242, 258, 259, 261, 266, 276, 280, 281, 282, 283, 284, 286, 287, 289, 293, 298, 299, 300, 302, 303, 306, 307, 311, 316, 317, 321, 322, 323, 324, 326, 329, 346, 347, 362, 363.
Тэнъ, Ипполитъ—78, 79.
Тютчевъ, Ѳ. И.—223.

Уайльдъ, Оскаръ—37, 92, 243.
Ураловъ, И. М.—51.
Урванцовъ, Л. Н.—322.
Уэллсъ, Гербертъ—89.

Фабіанская, Е. А.—200.
Фаваръ—209.
Фигнеръ, Н. Н.—291.
Философова, А. П.—283.
Философовъ, Д. В.—33, 283.
Флоберъ, Густавъ—345.
Фолетти, И. К.—200, 267.
Форкатти, В. Л.—246, 366.
Фредманъ-Клюзель, Б. О.—215.

Хитрово, Е. Н.—162.
Ходотовъ, Н. Н.—6, 13, 51, 86, 186, 224, 286.

Чайковскій, М. И.—52, 97, 212, 222, 311, 329.
Чайковскій, П. И.—249, 258, 259.
Чарскій, В. В.—83.
Челлини-Бенвенуто—346.
Челышевъ—238, 269.
Чернова, П. П.—14, 15.
Чернышевъ, Е. Н.—19.
Черняевъ—109.
Чесноковъ, П. Г.—155, 272.
Чеховъ, А. П.—25, 57, 67, 72, 140, 144, 192, 211, 222, 249, 261, 285, 286, 311, 321, 322, 323, 324, 345.
Чинаровъ, Р. З.—19.
Читау, А. М.—306.

Шаляпинъ, Ѳ. И.—122.
Шапиръ, О. А.—322.
Шаровьева, М. К.—6, 162, 272.
Шевченко, М. Г.—184.
Шекспиръ, Вилльямъ—35, 36, 70, 74, 79, 124, 125, 128, 190, 206, 242, 252, 261, 280, 298, 311, 316, 321, 366.
Шемаевъ, В. Р.—156.
Шенкъ, П. П.—294.
Шиллеръ, Фридрихъ—79, 157, 316.
Шмитовъ, Я. И.—18.
Шопенъ, Фредерикъ—158.
Шпажинскій, И. В.—66, 83, 134, 222, 289, 311, 317.
Штеллеръ, П. П.—316.
Штернъ, С. Ф.—183.
Шубертъ, А. И.—13, 168, 332, 364.
Шуваловъ, И. М.—6.
Шульцъ, В. Е.—184.
Шумилина—14.
Шумилинъ, В. В.—14.
Шумскій, С. В.—18, 22, 42, 170, 202, 292, 366.

Щегловъ (Леонтьевъ), И. Л.—20, 59, 91, 185, 190, 300.
Щепкинъ, М. А.—232.
Щепкинъ, М. С.—39, 169, 246, 307, 312, 325, 356.

Эльмина, А. А.—51.

Южинъ (князь Сумбатовъ), А. И.—32, 188, 206, 207, 259, 322, 329.
Юрьевъ, Ю. М.—51.
Юшкевичъ, С. С.—181, 204, 333, 350.

Яблочкина, Е. А.—46, 48, 87, 152, 244.
Яковлевъ, К. Н.—51.
Яковлевъ, С. И.—206.

Ѳедоровъ, А. М.—52, 153, 181, 190, 322.
Ѳедоровъ, П. С.—152, 244, 279, 292.
Ѳедоровъ-Юрковскій, Ѳ. А.—212, 323, 329, 330.
Ѳедотова, Г. Н.—20, 32, 138, 147, 207, 311, 329, 333, 366.
Ѳедотовъ, А. А.—329.
Ѳомичевъ, С. П.—182.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Введеніе.

Стр.

«Александровскій Вѣстникъ». (Александровскъ). 3
«Алтайское Дѣло». (Ново-Николаевскъ). 3
«Аполлонъ». (Петроградъ). 4
«Аргусъ». (Петроградъ). 5
«Архангельскъ». (Архангельскъ). 9
«Астраханскій Вѣстникъ». (Астрахань). 9
«Астраханскій Листокъ». (Астрахань). 10
«Бакинецъ». (Баку). 10
«Баку». (Баку). 10
«Батумскія Вѣсти». (Батумъ). 12
«Бердянскія Новости». (Бердянскъ). 12
«Библіотека Театра и Искусства». (Петроградъ). 13
«Биржевыя Вѣдомости». (Петроградъ). 20
«Биржевыя Новости». (Петроградъ). 42
«Весь Міръ». (Петроградъ). 42
«Вечернее Время». (Петроградъ). 45
«Вечерняя Газета». (Москва). 52
«Витебскій Вѣстникъ». (Витебскъ). 54
«Волга». (Саратовъ). 56
«Волгарь». (Нижній-Новгородъ). 57
«Волжскія Вѣсти». (Симбирскъ). 57
«Волжское Слово». (Самара). 58
«Вологодскій Листокъ». (Вологда). 59
«Волховской Листокъ». (Новгородъ). 60
«Воронежскій Телеграфъ». (Воронежъ). 61
«Всемірная Новь». (Петроградъ). 62
«Всемірная Панорама». (Петроградъ). 63
«Вѣдомости Петроградскаго Градоначальства». (Петроградъ). 65
«Вѣстникъ Европы». (Петроградъ). 66
«Вѣстникъ Моды». (Петроградъ). 69
«Вятская Рѣчь». (Вятка). 69
«Газета Копѣйка». (Петроградъ). 70
«Голосъ». (Петроградъ). 72
«Голосъ». (Ярославль). 72
«Голосъ Кавказа». (Тифлисъ). 73
«Голосъ Руси». (Петроградъ). 74

«Голосъ Самары». (Самара). 80
«Голосъ Юга». (Елизаветградъ). 80
«Городъ Казань». (Казань). 81
«Гроза». (Петроградъ). 82
«Дальній Востокъ». (Владивостокъ). 82
«Дамскій Міръ». (Петроградъ). 82
«День». (Петроградъ). 86
«Донская Жизнь». (Новочеркасскъ). 93
«Донскія Областныя Вѣдомости». (Новочеркасскъ). 94
«Дружескія Рѣчи». (Петроградъ). 94
«Евпаторійскія Новости». (Евпаторія). 94
«Женская Жизнь». (Москва). 94
«Женскій Вѣстникъ». (Петроградъ). 95
«Женское Дѣло». (Москва). 96
«Жизнь Волыни». (Житоміръ). 98
«Журналъ Журналовъ». (Петроградъ). 98
«Забайкальская Новь». (Чита). 99
«Заря». (Москва). 101
«Земщина». (Петроградъ). 102
«Золотоношскій Голосъ». (Золотоноша). 103
«Извѣстія Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества». (Петроградъ). . . . 103
«Искры». (Москва). 117
«Историческій Вѣстникъ». (Петроградъ). 118
«Кавказскій Край». (Пятигорскъ). 121
«Кавказскій Телеграфъ». (Баку). 123
«Кавказское Слово». (Тифлисъ). 123
«Казанскій Телеграфъ». (Казань). 124
«Калужскій Курьеръ». (Калуга). 124
«Каспій». (Баку). 125
«Кіевлянинъ». (Кіевъ). 125
«Кіевская Мысль». (Кіевъ). 128
«Колоколъ». (Петроградъ). 129
«Котлинъ». (Кронштадтъ). 131
«Крымскій Вѣстникъ». (Севастополь). 132
«Курскій Театръ». (Курскъ). 133
«Курьеръ». (Кострома). 133
«Лукоморье». (Петроградъ). 135
«Маленькая Газета». (Петроградъ). 136
«Модный Курьеръ». (Петроградъ). 137
«Московская Копѣйка». (Москва). 137
«Московскій Листокъ». (Москва). 137
«Московскія Вѣдомости». (Москва). 137
«Наборщикъ Печатный Міръ». (Петроградъ). 143
«Нарвскій Листокъ». (Нарва). 143
«Наша Старина». (Петроградъ). 144
«Нива». (Петроградъ). 145
«Нижегородскій Листокъ». (Нижній-Новгородъ). 147
«Новая Всемірная Иллюстрація». (Петроградъ). 147
«Новая Маленькая Газета» (Петроградъ). 148
«Новое Время». (Петроградъ). 149

«Новости Сезона». (Москва). 165
«Обозрѣніе Театровъ». (Петроградъ). 166
«Огонекъ». (Петроградъ). 178
«Одесскій Листокъ». (Одесса). 179
«Одесскія Новости». (Одесса). 187
«Орловская Жизнь». (Орелъ). 191
«Орловскій Вѣстникъ». (Орелъ). 191
«Осколки». (Петроградъ). 192
«Отклики Кавказа». (Армавиръ). 193
«Парижская Мода». (Петроградъ). 193
«Пензенскія Вѣдомости». (Пенза). 193
«Пермскія Вѣдомости». (Пермь). 194
«Петроградская Газета». (Петроградъ). 194
«Петроградскій Курьеръ». (Петроградъ). 218
«Петроградскій Листокъ». (Петроградъ). 221
«Петроградскія Вѣдомости». (Петроградъ). 227
«Полночь». (Петроградъ). 240
«Полтавскій Вѣстникъ». (Полтава). 241
«Полтавскій День». (Полтава). 241
«Послѣднія Новости». (Кіевъ). 243
«Послѣднія Новости Сезона». (Харьковъ). 247
«Правительственный Вѣстникъ». (Петроградъ). 249
«Приазовскій Край». (Ростовъ на Дону). 249
«Приамурская Жизнь». (Хабаровскъ). 252
«Приднѣпровскій Голосъ». (Кременчугъ). 253
«Приднѣпровскій Край». (Екатеринославъ). 254
«Прикамская Жизнь». (Сарапуль). 256
«Приишимье». (Петропавловскъ). 256
«Пробужденіе». (Петроградъ). 256
«Пятигорское Эхо». (Пятигорскъ). 256
«Рампа и Жизнь». (Москва). 257
«Раннее Утро». (Москва). 267
«Ревельскій Вѣстникъ». (Ревель). 269
«Родина». (Петроградъ). 269
«Родной Край». (Херсонъ). 270
«Русская Ривьера». (Ялта). 270
«Русская Рѣчь». (Одесса). 271
«Русскій Паломникъ». (Петроградъ). 271
«Русскія Вѣдомости». (Москва). 275
«Русскія Записки». (Петроградъ). 277
«Русское Знамя». (Петроградъ). 290
«Русское Слово». (Москва). 291
«Русское Чтеніе». (Петроградъ). 296
«Рыбинская Газета». (Рыбинскъ). 296
«Рѣчь». (Петроградъ). 297
«Саратовскій Вѣстникъ». (Саратовъ). 310
«Саратовскій Листокъ». (Саратовъ). 310
«Свѣтъ». (Петроградъ). 310
«Сельскій Вѣстникъ». (Петроградъ). 312
«Сибирская Мысль». (Красноярскъ). 312

«Симбирянинъ». (Симбирскъ). 313
«Синій Журналъ». (Петроградъ). 313
«Современное Слово». (Петроградъ). 313
«Солнце Россіи». (Петроградъ). 315
«Сумской Вѣстникъ». (Сумы). 317
«Сцена и Арена». (Москва). 318
«Сѣверное Утро». (Архангельскъ). 319
«Сѣверныя Записки». (Петроградъ). 320
«Таганрогскій Вѣстникъ». (Таганрогъ). 321
«Театральная Газета». (Москва). 321
«Театръ». (Москва). 328
«Театръ и Искусство». (Петроградъ). 331
«Трезвость». (Петроградъ). 347
«Троицкая Газета». (Троицкъ). 347
«Трудовая Газета». (Николаевъ). 348
«Тульская Молва». (Тула). 348
«Уральская Жизнь». (Екатеринбургъ). 349
«Уссурійскій Край». (Никольскъ-Уссурійскій). 350
«Утро». (Харьковъ). 350
«Утро Россіи». (Москва). 352
«Утро Сибири». (Томскъ). 352
«Утро Юга». (Ростовъ на Дону). 353
«Уфимская Жизнь». (Уфа). 354
«Уфимскій Вѣстникъ». (Уфа). 355
«Уфимскій Край». (Уфа). 355
«Харбинскій Вѣстникъ». (Харбинъ). 356
«Харьковскія Вѣдомости». (Харьковъ). 356
«Черниговское Слово». (Черниговъ). 357
«Юго-Западный Край». (Винница). 357
«Южная Мысль». (Одесса). 357
«Южная Почта». (Керчь). 359
«Южный Край». (Харьковъ). 359
«Южный Курьеръ». (Кременчугъ). 368
«Ялтинскій Курьеръ». (Ялта). 369

Указатель повременной печати по городамъ. 371
Указатель авторовъ. 379
Указатель личныхъ именъ. 387

1954 г.
С-4801
28

Duke University Libraries
D02769462-